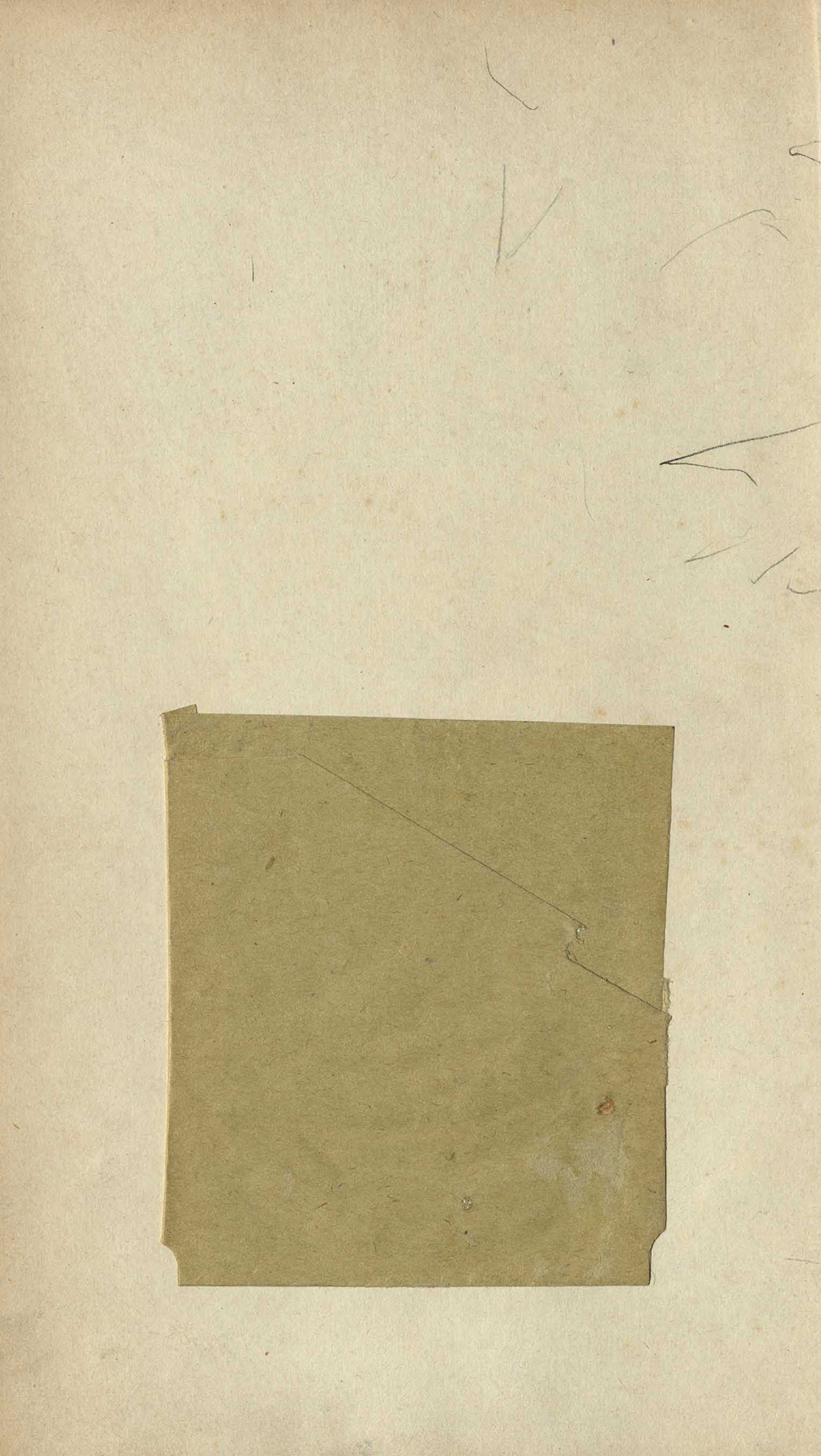

2018534608



# РУССКАЯ

# МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

## ОКТЯБРЬ.





МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

*Стр.*

I. СУПРУГИ ОРЛОВЫ. (Набросокъ).—**М. Горькаго** . . . . . 1

II. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. (Повѣсть).—**Ек. Лѣтковой** . . . . . . . 51

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ив. Бунина** . . . . . . . . . . . . 107

IV. УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ. (Изъ моихъ воспоминаній). — **И. А. Салова** . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 109

V. ТРЕТЬЯ ПАЛАТА. Романъ Гэмлинъ Гарленда. Переводъ съ англійскаго . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 132

VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА. Романъ К. Верніоля. Переводъ съ французскаго. *Продолженіе* . . . . . . . . . . . . . . 155

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вл. Ладыженскаго** . . . . . . . . . 178

VIII. КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ СО ВРЕМЕНИ ВВЕДЕНІЯ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. *Окончаніе.* — **А. П. Раменскаго** . . . . . . . . . . . . . . . . . 1

IX. РАСШИРЕНІЕ ГОРОДСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. Историческій очеркъ (1862—1892 гг.).—**Дмитрія Семенова** . . . 25

X. ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО У ЧЕХОВЪ. *Окончаніе.*—**Ѳ. Л. Яреша** . . 65

XI. КИРХГОФФЪ И СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ. (По поводу десятилѣтія со дня кончины Кирхгоффа).—**Н. Степанова** . . . 83

XII. ЗЕМСКОЕ ПРОМЫСЛОВОЕ ОБЛОЖЕНІЕ.—**Н. Н. Нечаева** . . 98

XIII. ВЪ ШВЕЦІИ.—**Л.** . . . . . . . . . . . . . . . . . . 124

XIV. ИНДІЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.—**С. Д.** . . . . . . . . . . . . 135

**Томъ II.**—I. „Степныя тайны". Ром.—II. „Невѣдомый страдалецъ". (Изъ записокъ фра-Джеронимо).—III. „Три дороги". Пов.—IV. „Степанъ Огоньковъ". Пов.—V. „Изъ жизни лѣсной стороны".—VI. „Пропалъ человѣкъ". (Изъ деревенск. лѣтописей).—VII. „На большой дорогѣ". Разсказъ.—VIII. „Недоумѣніе Капиталины Васильевны". Разсказъ.—IX. „По градамъ и весямъ". Романъ.—X. „Отъ сохи къ ружью". (Изъ деревенскихъ лѣтописей).—XI. „Черные вороны". (Изъ деревенскихъ лѣтописей).—XII. „Небывалый посѣтитель". (Изъ воспомин. одного моего знакомаго).—XIII. „Исторія одной уставной грамоты". (Изъ деревенскихъ лѣтописей).—XIV. „Въ погоню за поѣздомъ". (Изъ желѣзнодорожнаго быта).—XV. „Пѣсня спѣта". Пов. — XVI. „Весь вѣкъ — для другихъ". Быль. — XVII. „Веретьевъ". Очеркъ. — XVIII. „Смертная казнь". (Изъ воспомин. моего друга).—XIX. „Передъ потухшимъ камелькомъ". Святочный разсказъ. — XX. „Грѣхъ". Романъ. — XXI. „Штабсъ-капитанъ Батуринъ". (Изъ разсказовъ о провинціальныхъ людяхъ).—XXII. „Поправили!" (Сцена изъ неоконченной драмы).—XXIII. „Графъ Берегаръ и Агнеса Тусенель". Повѣсть изъ средневѣковой жизни. — XXIV. „Восточная сказка".—XXV. „Спасайся, кто можетъ!" Пов.—XXVI. „Однажды вечеромъ... (Изъ разсказовъ о прошломъ).—XXVII. „Подъ небомъ Іудеи". Изъ народныхъ преданій.

Цѣна за два тома (большого формата, въ 45 печатныхъ листовъ каждый, въ два столбца, съ портретомъ и предисловіемъ автора) 6 р.,—съ перес. въ Россіи и за границу 7 р.

Складъ изданія у автора (*П. В. Засодимскаго*): С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. 61, кв. 18.

Частныя лица, выписывающія непосредственно отъ автора, платятъ ПЯТЬ рублей съ пересылкой.

---

**ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ**

**новая книга изданія редакціи журнала „Русская Мысль".**

# ЭМПИРИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

## РУССКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

**(СЪ АТЛАСОМЪ).**

**А. М. Бобрищева-Пушкина.**

Цѣна 4 рубля.

# От редакціи.

Редакція *Русской Мысли* предлагает издавать, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя **К. А. Тимирязевъ** и **В. А. Гольцевъ**.

***Вышли слѣдующія книжки:***

**Нассе и Лексисъ**: «Металлическія деньги и валюта». Цѣна 60 коп.

**Пере**: «Умственное воспитаніе ребенка». Цѣна 60 коп.

**Дюкло-Пастёръ**: «Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи». Цѣна 40 коп.

---

**Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.**

## БЕЗЪ ДОГМАТА.

Романъ ***Генрика Сенкевича.***

**3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 1 руб. 50 коп.**

## ПУТЕВЫЕ РАЗСКАЗЫ.

***Генрика Сенкевича.***

**Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 1 руб. 50 коп.**

## КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона. **Генрика Сенкевича.**

**Переводъ В. М. Лаврова. Второе удешевленное изданіе. Цѣна 1 руб.**

## НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ,

Повѣсть ***Генрика Сенкевича.***

**Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 30 коп.**

**Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, Большая Никитская, д. Вельтищевой.**

**ТОГО ЖЕ АВТОРА:**

## СЕМЬЯ ПОЛОНЕЦКИХЪ.

Романъ. Переводъ **В. М. Лаврова**. Цѣна **3 руб.**

Покупающіе «Камо грядеши» и «Семью Поланецкихъ» платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 руб. Подписчики «Русской Мысли» пользуются уступкой 10%.

# РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

---

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

---

КНИГА X.



МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СУПРУГИ ОРЛОВЫ. (Набросокъ).—М. Горькаго . . . . . . 1

II. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. (Повѣсть).—Ек. Лѣтковой. . . . . . . . 51

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бунина. . . . . . . . . . . . . 107

IV. УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ. (Изъ моихъ воспоминаній). — И. А. Салова. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 56

V. ТРЕТЬЯ ПАЛАТА. Романъ Гэмлинъ Гарленда. Переводъ съ англійскаго. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 132

VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА. Романъ К. Верніоля. Переводъ съ французскаго. *Продолженіе* . . . . . . . . . . . . . . 155

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Вл. Ладыженскаго . . . . . . . . . . 178

VIII. КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ СО ВРЕМЕНИ ВВЕДЕНІЯ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. *Окончаніе.* — А. П. Раменскаго. . . . . . . . . . . . . . . . . . 1

IX. РАСШИРЕНІЕ ГОРОДСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. Историческій очеркъ (1862—1892 гг.).—Дмитрія Семенова. . . . 25

X. ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО У ЧЕХОВЪ. *Окончаніе.*—Ѳ. Л. Яреша. . 65

XI. КИРХГОФФЪ И СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ. (По поводу десятилѣтія со дня кончины Кирхгоффа).—Н. Степанова. . . . 83

XII. ЗЕМСКОЕ ПРОМЫСЛОВОЕ ОБЛОЖЕНІЕ.—Н. Н. Нечаева . . 98

XIII. ВЪ ШВЕЦІИ.—Л. . . . . . . . . . . . . . . . . . . 124

XIV. ИНДІЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.—С. Д.. . . . . . . . . . . . . 135

*Стр.*

XV. ВОПРОСЪ О НАЕМНЫХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.—**Е. Варбъ** . . . . . . . . . . . . . . . . . 148

XVI. PRO DOMO SUA. (Письмо въ редакцію). — **Дмитрія Петрушевскаго** . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 175

XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 196

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Земство на окраинахъ. — Наша печать и польскій вопросъ.—Народное образованіе и *Гражданинъ*.—Убыточность протекціонизма.— Важное рѣшеніе сената.—Неурожай и статистика.—О задачахъ университета.— Юбилей Н. Н. Златовратскаго . . . . . . . . . . . . . . 211

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** . . . . . . . . . . 225

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. *Малый театръ*: «Вава», комедія г-жи Кетлеръ. — «Отверженный», драма г. Нотовича.— «Пашенька», драма Н. Л. Персіяниновой.—«Защитникъ», драма въ 4-хъ актахъ Н. И. Тимковскаго.—**Ан.** . . . . . . 232

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія, мемуары.— Юридическія книги.— Языкознаніе. — Естествознаніе.— Сельское хозяйство.— Медицина.—Дѣтскія книги. II. **Періодическія изданія:** «Новое Слово», *августъ*. — «Вѣстникъ Европы», *сентябрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *сентябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1897 г.** . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 397

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 1

# СУПРУГИ ОРЛОВЫ.

Набросокъ.

... Почти каждую субботу передъ всенощной, изъ двухъ оконъ подвала стараго и грязнаго дома купца Петунникова, на тѣсный дворъ, заваленный разною рухлядью и застроенный деревянными, покосившимися отъ времени службами, рвались ожесточенные женскіе крики.

— Стой! Стой, пропоица, дьяволъ!—низкимъ контральто кричала женщина.

— Пусти! — отвѣчалъ ей теноръ мужчины.

— Не пущу, не пущу я тебя, изверга!

— Вр-решь! Пустишь!

— Убей меня — не пущу!

— Ты? Вр-решь, еретица!

— Батюшки! Убилъ... ба-атюшки!

— Пу-устишь!

— Добивай, звѣрь, доколачивай!

— Подождешь... не сразу!

При первыхъ же словахъ такого діалога Сенька Чижикъ, ученикъ маляра Сучкова, цѣлыми днями растиравшій краски въ одномъ изъ сарайчиковъ на дворѣ, стремглавъ вылеталъ оттуда и, сверкая глазенками, черными какъ у мыши, во все горло оралъ:

— Сапожники Орловы стражаются! Ухъ ты!

Страстный любитель криминальныхъ происшествій, Чижикъ подбѣгалъ къ окнамъ квартиры Орловыхъ, ложился животомъ на землю и, свѣсивъ внизъ свою лохматую озорную голову съ бойкой, худой рожицей, выпачканной охрой и муміей, жадными глазами смотрѣлъ внизъ, въ темную и сырую дыру, изъ которой пахло плѣсенью, варомъ и прѣлой кожей. Тамъ, на днѣ ея, яростно возились двѣ фигуры, хрипя, стоная и ругаясь.

— Убьешь вѣдь... — задыхаясь, предупреждала женщина.

— Н-ничего! — увѣренно и съ сосредоточенной злобой успокоивалъ ее мужчина.

Раздавались тяжелые, глухіе удары по чему-то мягкому, вздохи, взвизгиванія, напряженное кряхтѣнье человѣка, ворочающаго большую тяжесть.

— И-эхъ ты! Ка-акъ онъ ее колодкой-то саданулъ — иллюстрировалъ Чижикъ ходъ событій въ подвалѣ, а собравшаяся вокругъ него публика: портные, судебный разсыльный Левченко, гармонистъ Кисляковъ и другіе любители безплатныхъ развлеченій, — то и дѣло спрашивали Сеньку, въ нетерпѣніи дергая его за ноги и за штанишки, пропитанные жирными красками:

— Ну? А теперь что? Какъ онъ ее?

— Сидитъ на ней верхомъ и мордой ее въ полъ тычетъ...— докладывалъ Сенька, сладострастно поеживаясь отъ переживаемыхъ имъ впечатлѣній...

Публика тоже наклонялась къ окнамъ Орловыхъ, охваченная горячимъ стремлѣніемъ самой видѣть всѣ детали боя; и хотя она уже давно знала пріемы Гришки Орлова, употребляемые имъ въ войнѣ съ женой, но все-таки изумлялась.

— Ахъ, дьяволъ! Разбилъ?

— Весь носъ въ кровь... такъ и тикётъ!—захлебываясь, сообщалъ Сенька.

— Ахъ ты, Господи, Боже мой! — восклицали женщины.— Ахъ, извергъ-мучитель!

Мужчины разсуждали болѣе объективно.

— Безпремѣнно онъ ее должонъ до смерти забить...— говорили они.

А гармонистъ тономъ провидца заявлялъ:

— Помяните мое слово, ножомъ распотрошитъ онъ ее! Устанетъ когда-нибудь возиться вотъ этакимъ манеромъ, да сразу и кончитъ всю музыку!

— Кончилъ! — вскакивая съ земли вполголоса сообщалъ Сенька и мячикомъ отлеталъ отъ оконъ куда-нибудь въ сторону, въ уголокъ, гдѣ занималъ новый наблюдательный постъ, зная, что сейчасъ долженъ выйти на дворъ Гришка Орловъ.

Публика быстро расходилась, не желая попадаться на глаза свирѣпаго сапожника; теперь, по окончаніи сраженія, онъ терялъ въ ея глазахъ всякій интересъ и, вмѣстѣ съ этимъ, былъ не безопасенъ.

И обыкновенно на дворѣ не было уже ни одной живой души,

кромѣ Сеньки, когда Орловъ являлся изъ своего подвала. Тяжело дыша, въ разорванной рубахѣ, съ растрепанными волосами на головѣ, съ царапинами на потномъ и возбужденномъ лицѣ, онъ исподлобья оглядывалъ дворъ налитыми кровью глазами и, заложивъ руки за спину, медленно шелъ къ старымъ розвальнямъ, лежавшимъ кверху полозьями у стѣны дровяного сарая. Иногда онъ при этомъ ухарски посвистывалъ и такъ смотрѣлъ по сторонамъ, точно имѣлъ намѣреніе вызвать на бой все населеніе дома Петунникова. Затѣмъ онъ садился на полозъ розвалень, отиралъ рукавомъ рубахи потъ и кровь съ лица и замиралъ въ усталой позѣ, тупо глядя въ стѣну дома, грязную, съ облѣзлою штукатуркой и съ разноцвѣтными полосами красокъ,—маляры Сучкова, возвращаясь съ работы, имѣли обыкновеніе чистить кисти объ эту часть стѣны.

Орлову было лѣтъ подъ тридцать. Бронзовое нервное лицо съ тонкими чертами украшали маленькіе темные усы, рѣзко оттѣняя его полныя, красныя губы. Надъ большимъ хрящеватымъ носомъ почти сростались густыя брови; изъ-подъ нихъ смотрѣли всегда безпокойно горѣвшіе черные глаза. Спутанные спереди курчавые волосы падали сзади на коричневую жилистую шею. Средняго роста, немного сутулый отъ своей работы, мускулистый и горячій, онъ, долго сидя на розвальняхъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, разсматривалъ раскрашенную стѣну, глубоко дыша здоровой, смуглой грудью.

Солнце уже сѣло, но на дворѣ душно; пахнетъ масляной краской, дегтемъ, кислой капустой и какой-то гнилью. Изъ всѣхъ оконъ обоихъ этажей дома на дворъ льются пѣсни и брань, иногда чья-нибудь испитая физіономія съ минуту разсматриваетъ Орлова, высунувшись изъ-за косяка, и исчезаетъ, усмѣхаясь.

Являются маляры съ работы; проходя мимо Орлова, они искоса смотрятъ на него, перемигиваются между собой и, наполняя дворъ бойкимъ костромскимъ говоромъ, собираются кто въ баню, кто въ кабакъ. Сверху изъ второго этажа сползаютъ на дворъ портные,—народъ полуодѣтый, худосочный и кривоногій,—и начинаютъ подтрунивать надъ костромичами-малярами за ихъ горохомъ разсыпающуюся рѣчь. Весь дворъ наполняется шумомъ, бойкимъ и живымъ, смѣхомъ, шутками... Орловъ сидитъ въ своемъ углу и молчитъ, ни на кого не глядя. Никто не подходитъ къ нему и никто не рѣшается пошутить надъ нимъ, ибо знаютъ, что теперь онъ звѣрь лютый.

Онъ сидитъ весь охваченный глухой и тяжелой злобой, которая давитъ ему грудь, затрудняя дыханіе, и ноздри его порой

хищно вздрагиваютъ, а губы искривляются, обнажая два ряда крѣпкихъ и крупныхъ желтыхъ зубовъ. Въ немъ растетъ что-то безформенное и темное, красныя, мутныя пятна плаваютъ предъ его глазами, тоска и жажда водки сосетъ его внутренности. Онъ знаетъ, что когда онъ выпьетъ, ему будетъ легче, но пока еще свѣтло, и ему стыдно идти въ кабакъ въ такомъ оборванномъ и истерзанномъ видѣ по улицѣ, гдѣ всѣ знаютъ его, Григорія Орлова.

Онъ знаетъ себѣ цѣну и не хочетъ выходить на всеобщее посмѣшище, но и пойти домой, чтобъ одѣться и умыться, онъ тоже не можетъ. Тамъ, на полу, лежитъ избитая жена, а она ему теперь всячески противна.

Она тамъ стонетъ и чувствуетъ, что она мученица, и что она права предъ нимъ,—онъ знаетъ это. Онъ знаетъ и то, что она дѣйствительно права, а онъ виноватъ, и это еще болѣе усиливаетъ его ненависть къ ней, потому что рядомъ съ этимъ сознаніемъ въ душѣ его кипитъ злобное темное чувство и оно сильнѣе сознанія. Въ немъ все смутно и тяжело, и онъ безвольно отдается тяжести своихъ внутреннихъ ощущеній, не умѣя разобраться въ нихъ и зная, что только полубутылочка водки можетъ облегчить его.

Вотъ идетъ гармонистъ Кисляковъ. Онъ въ плисовой безрукавкѣ, въ красной шелковой рубахѣ, въ шароварахъ, заправленныхъ въ щегольскіе сапоги. Подъ мышкой у него гармонія въ зеленомъ мѣшкѣ, черненькіе усики закручены въ стрѣлки, картузъ ухарски надѣтъ на бекрень и все лицо сіяетъ удалью и весельемъ. Орловъ любитъ его за удальство, за игру и за веселый характеръ и завидуетъ его легкой, беззаботной жизни.

— Съ по-бѣд-дой, Гриша, поздравляю
И съ расцар-рапанной щекой!

Орловъ не сердится на него за эту шутку, хотя онъ уже слышалъ ее разъ пятьдесятъ, да гармонистъ и не со зла говоритъ это, а просто потому, что шутить любитъ.

— Что, братъ? Опять Плевна была?—спрашиваетъ Кисляковъ, останавливаясь на минутку передъ сапожникомъ.—Эхъ ты, Гриня, спѣла дыня! Шелъ бы ты туда, куда всѣмъ намъ дорога... Клюнули бы мы съ тобой.

— Я скоро... — не поднимая головы говоритъ Орловъ.

— Жду и страдаю по тебѣ...

Вскорѣ за нимъ уходитъ и Орловъ.

Тогда изъ подвала, держась за стѣны, выходитъ маленькая, полная женщина. Голова у нея плотно закутана платкомъ и изъ

отверстія на лицѣ смотритъ только одинъ глазъ, кусокъ щеки и лба. Пошатываясь, она идетъ черезъ дворъ и садится на то мѣсто, гдѣ незадолго сидѣлъ ея мужъ. Ея появленіе никого не удивляетъ, къ этому привыкли, и всѣ знаютъ, что она просидитъ тутъ, пока Гришка, пьяный и настроенный на покаянный ладъ, не появится изъ кабака. Она выходитъ на дворъ потому, что въ подвалѣ душно, и для того, чтобы свести съ лѣстницы пьянаго Гришку. Лѣстница — полусгнившая и крутая; однажды Гришка упалъ съ нея и вывихнулъ себѣ руку, такъ что недѣли двѣ не работалъ, и за это время они заложили много пожитковъ для того, чтобы прокормиться.

Съ той поры Матрена и караулитъ его.

Иногда кто-нибудь со двора подсаживается къ ней, чаще всѣхъ Левченко,—усатый унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, разсудительный и степенный хохолъ съ гладко остриженной головой и сизымъ носомъ. Онъ садится и, позѣвывая, спрашиваетъ:

— Снова подрались?

— А тебѣ что? — недружелюбно и задорно говоритъ Матрена.

— А ничего!—объясняетъ хохолъ и послѣ этого оба они долго молчатъ.

Матрена тяжело дышитъ и въ груди у нея что-то хрипитъ.

— И чего вы все воюете? Чего бы вамъ дѣлить? — начинаетъ разсуждать хохолъ.

— Наше дѣло... — кратко говоритъ Матрена Орлова.

— Ваше, это такъ...—соглашается Левченко и даже киваетъ головой въ подтвержденіе сказаннаго.

— Такъ чего же ты лѣзешь ко мнѣ? — резонно заявляетъ Орлова.

— Фу ты... какая! И слова ей не скажи! Какъ посмотрю я на васъ—пара вы съ Гришкой. Батогами бы васъ лупить надо каждый день, разъ по утру и разъ вечеромъ—вотъ что! Были бы тогда оба не такіе ежи...

И разсерженный онъ уходитъ прочь отъ нея, чѣмъ она очень довольна; по двору давно уже ходитъ говоръ, что хохолъ не даромъ къ ней ластится, и она зла на него, на него и на всѣхъ людей, которые суются не въ свое дѣло. А хохолъ идетъ въ уголъ двора своей прямой солдатской походкой, бодрый и сильный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ.

Вотъ откуда-то къ нему подъ ноги подвертывается Чижикъ.

— Она тоже, дяденька, рѣдька, Орлиха-то! — вполголоса сообщаетъ онъ Левченку, хитро подмигивая туда, гдѣ сидитъ Матрена.

— Вотъ я тебѣ такую пропишу, гдѣ нужно, рѣдьку! — усмѣхаясь въ усы, грозитъ хохолъ. Онъ любитъ бойкаго Чижика и внимательно слушаетъ его, зная, что Чижику извѣстны всѣ тайны двора.

— Около нея не обрыбишься,—не обращая вниманія на угрозу, поясняетъ Чижикъ.—Максимка, маляръ, пробовалъ, дыкъ она его какъ смазала! Я самъ слышалъ... здòрово!

Полуребенокъ, полувзрослый, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ, живой и впечатлительный, онъ, какъ губка влагу, жадно впитываетъ въ себя грязь окружающей его жизни, и на лбу у него уже есть тонкая морщинка, указывающая на то, что Сенька Чижикъ думаетъ.

... На дворѣ темно. Надъ нимъ сіяетъ весь въ блескѣ звѣздъ квадратный кусокъ синяго неба и, окруженный высокими стѣнами, дворъ кажется глубокой ямой, когда съ него посмотришь вверхъ. Въ одномъ углу этой ямы сидитъ маленькая женская фигурка, отдыхая отъ побоевъ и ожидая пьянаго мужа.

---

Орловы были женаты четвертый годъ. Былъ у нихъ ребенокъ, но, проживъ около полутора года, умеръ; они оба недолго горевали о немъ, быстро успокоившись на надеждѣ имѣть другого. Подвалъ, въ которомъ они помѣщались, представлялъ собою большую, продолговатую, темную комнату со сводчатымъ потолкомъ. Прямо у двери стояла большая русская печь, челомъ къ окнамъ, между ею и стѣной узенькій проходъ велъ въ квадратъ, освѣщенный двумя окнами, выходившими во дворъ. Свѣтъ падалъ изъ нихъ въ подвалъ косыми, мутными полосами и въ комнатѣ было сыро, глухо и мертво. Жизнь билась гдѣ-то тамъ далеко наверху, а сюда залетали отъ нея только глухіе, неопредѣленные звуки, падавшіе вмѣстѣ съ пылью въ яму къ Орловымъ какими-то безформенными и безцвѣтными хлопьями. Противъ печи по стѣнѣ стояла деревянная двуспальная кровать за ситцевымъ пологомъ, коричневымъ съ розовыми цвѣтами, противъ кровати у другой стѣны — столъ, на которомъ пили чай и обѣдали, а между кроватью и стѣной въ двухъ полосахъ свѣта супруги работали.

По стѣнамъ лѣниво путешествовали тараканы, объѣдая хлѣбный мякишъ, которымъ были приклеены къ штукатуркѣ разныя картинки изъ старыхъ журналовъ, унылыя мухи летали повсюду, скучно жужжа, и засиженныя ими картинки смотрѣли темными пятнами съ грязно-сѣраго фона стѣнъ.

День Орловыхъ начинался такъ: часовъ въ шесть утра Матре-

на просыпалась, умывалась и ставила самоваръ, не разъ искалѣченный въ пылу дракъ и весь покрытый заплатами изъ олова. Пока кипѣлъ самоваръ, она убирала комнату, ходила въ лавочку, потомъ будила мужа; онъ вставалъ, умывался, а самоваръ уже стоялъ на столѣ, шипя и курлыкая. Садились пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, котораго съѣдали вдвоемъ фунтъ.

Григорій работалъ хорошо и работа у него была всегда,—за чаемъ онъ распредѣлялъ ее. Онъ дѣлалъ чистую работу, требовавшую руки мастера, жена сучила дратву, подклеивала поднарядъ, дѣлала набойки на стоптанные каблуки и тому подобныя мелочи. За чаемъ же обсуждался обѣдъ. Зимой, когда надо ѣсть больше, это былъ довольно интересный вопросъ; лѣтомъ изъ экономіи печь топили только по праздникамъ и то не всегда, питались же преимущественно разными окрошками изъ кваса, съ добавленіемъ луку, соленой рыбы, иногда мяса, свареннаго у кого-нибудь на дворѣ. Кончивъ чай, садились работать; Григорій на квашенку, обитую кожей и съ трещиной на боку, жена рядомъ съ нимъ, на низенькую скамейку.

Сначала работали молча,—о чемъ имъ было говорить? Перекинутся парой словъ, относящихся къ работѣ, и молчатъ по получасу и больше. Стучитъ молотокъ, шипитъ дратва, продергиваемая сквозь кожу. Григорій иногда зѣвнетъ и непремѣнно заключитъ зѣвокъ протяжнымъ ревомъ или воемъ. Матрена вздыхаетъ и молчитъ. Иногда Орловъ, продергивая дратву, запѣвалъ пѣсню. Голосъ у него былъ рѣзкій, съ металлическимъ тембромъ, но пѣть онъ умѣлъ. Слова пѣсни то собирались въ жалобный и быстрый речитативъ и, какъ бы боясь не договорить то, что хотѣли сказать, стремительно рвались изъ Гришкиной груди, то вдругъ растягивались въ грустные вздохи, или—съ воплемъ «эхъ!»—тоскливые и громкіе летѣли въ окна на дворъ. Матрена подтягивала мужу своимъ мягкимъ контральто. Лица у обоихъ становились задумчивыми и печальными, темные глаза Гришки подергивались влагой. Жена его, погружаясь въ звуки, какъ-то тупѣла, сидя точно въ полуснѣ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, а иногда она точно захлебывалась пѣсней, разрывая средину ноты паузой, и снова продолжала вести ее въ унисонъ голоса мужа. Оба они во время пѣнія не чувствовали присутствія другъ друга, стараясь излить въ чужихъ словахъ пустоту и скуку своей темной жизни, хотѣли, быть можетъ, оформить этими словами тѣ полусознательныя мысли и ощущенія, которыя зарождались въ ихъ душахъ.

Порой Гришка импровизировалъ:

— Э-охъ, ты, жи-изнь... эхъ, да ужъ ты, жизнь моя треклятая...
Да, ты, тоска-а-а! Эхъ и ты, тоска моя проклятая,
Проклятущая тоска-а-а!...

Матренѣ эти импровизаціи не нравились, и она обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашивала его:

— Чего ты завылъ, какъ песъ передъ покойникомъ?

Онъ почему-то тотчасъ же сердился на нее:

— Тупорылая хавронья! Что ты можешь понимать? Кикимора болотная!

— Вылъ, вылъ, да залаялъ...

— Молчать твое дѣло! Я кто — подмастерье что ли твой, что ты мнѣ рацеи-то начитывать суешься, а?... То-то!

Матрена, видя, что у него напрягаются жилы на шеѣ и что глаза блещутъ гнѣвомъ,—молчала, молчала долго, демонстративно не отвѣчая на вопросы мужа, гнѣвъ котораго гасъ такъ же быстро, какъ и вспыхивалъ.

Она отвертывалась отъ его взглядовъ, искавшихъ примиренія съ ней, ожидавшихъ ея улыбки, и вся была полна трепетнымъ чувствомъ боязни, что онъ вновь разсердится на нее за эту игру съ нимъ. Но въ то же время сердиться на него и видѣть его стремленіе къ миру съ ней для нея было пріятно, — вѣдь это значитъ жить, думать, волноваться...

Оба они, молодые и здоровые люди, любили другъ друга и гордились другъ другомъ... Гришка былъ такой сильный, горячій, красивый, а Матрена — бѣлая, полная, съ огонькомъ въ сѣрыхъ глазахъ, — «ядрёная баба», какъ говорили о ней на дворѣ. Они любили другъ друга, но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли бы порой дать имъ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа — волноваться, думать, горѣть,— вообще жить. Ибо при условіи отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній и одухотворяющихъ жизнь интересовъ мужъ и жена даже и тогда, когда это люди высокой культуры духа, роковымъ образомъ должны опротивѣть другъ другу. Это законъ столь же неизбѣжный, какъ и справедливый. Еслибъ у Орловыхъ была жизненная цѣль, хотя бы такая узкая, какъ накопленіе денегъ грошъ за грошомъ, тогда, несомнѣнно, имъ жилось бы легче. Но у нихъ не было и этого.

Постоянно одинъ у другого на глазахъ, они привыкли другъ къ другу, знали всѣ слова и жесты одинъ другого. День шелъ за днемъ и не вносилъ въ ихъ жизнь ничего, что развлекало бы ихъ.

Иногда, по праздникамъ, они ходили въ гости къ такимъ же нищимъ духомъ, какъ сами, иногда къ нимъ приходили гости, пили, пѣли, напивались, часто дрались. А потомъ снова одинъ за другимъ тянулись безцвѣтные дни, какъ звенья невидимой цѣпи, отягчавшей жизнь этихъ людей работой, скукой и безсмысленнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга.

Иногда Гришка говорилъ:

— Вотъ такъ жизнь, вѣдьма ея бабушка! И зачѣмъ только она мнѣ далась? Работища да скучища, скучища да работища... — И, помолчавъ, съ поднятыми къ потолку глазами, съ блуждающею улыбкой, онъ продолжалъ:—Родила меня мать по волѣ Божіей... супротивъ этого ничего не скажешь! Научился я мастерству... это вотъ зачѣмъ? Али кромѣ меня мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ, а дальше что? Какое въ этомъ для меня удовольствіе?... Сижу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера... Ну и что же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги—и померъ отъ холеры. Въ чемъ же тутъ сила? И зачѣмъ это нужно, чтобъ я жилъ, шилъ и померъ, а?

Матрена молчала, чувствуя въ словахъ мужа что-то страшное, но порой она просила его не говорить такихъ словъ, потому что они противъ Бога, Который ужъ знаетъ, какъ устроить человѣку жизнь, а иногда, будучи не въ духѣ, она скептически заявляла мужу:

— А ты бы вотъ не пилъ винища-то и жилось бы тебѣ веселѣе, и не лѣзли бы въ голову-то этакія мысли. Другіе живутъ— не жалуются, а копятъ денежки, да свои мастерскія на нихъ заводятъ и живутъ потомъ ужъ сами-то какъ господа.

— И выходишь ты за такія деревянныя твои слова чортова кукла! Раскинь мозгами-то, развѣ я могу не пить, коли въ этомъ моя радость? Другіе! Много ты ихъ другихъ-то, этакихъ удачливыхъ знаешь? А я развѣ до женитьбы такой былъ? Это, ежели по совѣсти говорить, такъ ты меня сосешь и жизнь мнѣ тѣснишь... У, жаба!

Матрена обижалась, но чувствовала, что мужъ ея правъ. Въ пьяномъ видѣ онъ и веселый, и ласковый,—другіе были плодомъ ея фантазіи,—и до женитьбы онъ былъ не таковъ. Тогда это былъ весельчакъ, занятный и добрый... А теперь сталъ сущій звѣрь.

«Почему это? Неужто и впрямь я ему тяжела?»—думала она.

Сердце ея сжималось отъ этой горькой думы, ей становилось жаль себя и его; она подходила къ нему и, ласково, любовно заглядывая ему въ глаза, плотно прижималась къ его груди.

— Ну, теперь будетъ лизаться, корова...— угрюмо говорилъ Гришка и показывалъ видъ, что хочетъ оттолкнуть ее отъ себя; но она уже знала, что онъ этого не сдѣлаетъ, и еще ближе, еще крѣпче жалась къ нему.

Тогда у него вспыхивали глаза, онъ бросалъ на полъ работу и, посадивъ жену къ себѣ на колѣни, цѣловалъ ее много и долго, вздыхая во всю грудь и говоря вполголоса, точно боясь, что его подслушаетъ кто-то.

— Э-эхъ, Мотря! Живемъ мы съ тобой ай-ай какъ плохо... какъ звѣрье грыземся... А почему? Такая звѣзда моя... подъ звѣздой родится человѣкъ и звѣзда—судьба его.

Но это объясненіе не удовлетворяло его и, прижавъ жену къ груди, онъ задумывался.

Они подолгу сидѣли такъ въ мутномъ свѣтѣ и спертомъ воздухѣ своего подвала. Она молчала, вздыхая, но иногда въ такіе хорошіе моменты ей вспоминались незаслуженныя обиды и побои, понесенные отъ него, и она съ тихими слезами жаловалась ему на него.

Тогда онъ, смущенный ея ласковыми упреками, еще горячѣе ласкалъ ее, а она все болѣе разливалась въ жалобахъ. Это, наконецъ, опять-таки раздражало его.

— Будетъ скулить! Мнѣ, можетъ быть, въ тысячу разъ больнѣе, когда я тебя бью. Понимаешь? Ну и помолчи... Вашей сестрѣ дай волю, такъ вы и за горло. Брось разговоры. Что ты можешь сказать человѣку, ежели ему жизнь осточертѣла?

Въ другое время онъ смягчался подъ потокомъ ея тихихъ слезъ и страстныхъ жалобъ и уныло, задумчиво объяснялъ:

— Что я съ моимъ характеромъ подѣлаю? Обижаю я тебя... это вѣрно. Знаю, что ты у меня одна душа... ну, не всегда я это помню. Понимаешь, Мотря, иной разъ глаза бы мои на тебя не смотрѣли! Вродѣ какъ бы объѣлся я тобой. И подступитъ мнѣ въ ту пору подъ сердце этакое зло—разорвалъ бы я тебя, да и себя за-одно. И чѣмъ ты предо мной правѣе, тѣмъ мнѣ больше бить тебя хочется...

Она едва ли понимала его, но кающійся и ласковый тонъ успокоивалъ ее.

— Богъ дастъ, какъ-нибудь поправимся, привыкнемъ,—говорила она, не сознавая, что они уже давно привыкли и исчерпали другъ друга.

— Судьба такая, Мотря!— философствовалъ Гришка.—Гляди, хуже я другихъ,—хохла, къ примѣру? Однако хохолъ живетъ и

не тоскуетъ. Одинъ онъ, ни жены, никого... Я бы подохъ безъ тебя... А онъ ничего! Онъ куритъ трубку и улыбается; доволенъ, дьяволъ, и тѣмъ, что трубку куритъ. А я такъ не могу... я родился, видно, съ безпокойствомъ въ сердцѣ. Характеръ у меня такой... У хохла онъ какъ палка, а у меня какъ пружина: нажмешь на него — дрожитъ... Выйду я, къ примѣру, на улицу, вижу то, другое, третье, а у меня ничего нѣтъ. Это мнѣ обидно. Хохлу—тому ничего не надо, а мнѣ и то обидно, что онъ, усатый чортъ, ничего не хочетъ, а я... и не знаю даже, чего хочу... всего! Н-да... А сижу вотъ въ ямѣ и все работаю, и ничего нѣтъ у меня. Опять же и ты... Жена ты мнѣ, а что въ тебѣ занятнаго? Баба какъ баба, со всѣмъ бабьимъ наборомъ... Знаю я все въ тебѣ; какъ ты чихнешь завтра, и то знаю, потому ты ужъ тысячу разъ, можетъ, при мнѣ чихала... Какая же поэтому у меня можетъ быть жизнь и какой интересъ? Нѣтъ интересу. Ну, я и иду въ трактиръ, потому что тамъ весело.

— А ты зачѣмъ же женился?—спрашивала Матрена.

— Зачѣмъ? — Гришка усмѣхался. — Чортъ меня знаетъ зачѣмъ... не надо бы, ежели по совѣсти сказать... Въ босяки бы лучше уйти... Тамъ хоть голодно, да свободно,—иди куда хочешь! Шагай по всей землѣ!...

— Такъ иди, а меня отпусти на волю, — заявляла Матрена, готовая разревѣться.

— Это куда?—внушительно спрашивалъ Гришка.

— А мое дѣло.

— Ку-уда?—и глаза у него зловѣще разгорались.

— Не ори,—не боюсь.

— Али присмотрѣла себѣ кого? Говори!

— Пусти!

— Куда пустить?—ревѣлъ Гришка.

Онъ уже держалъ ее за волосы, сбивъ платокъ съ ея головы. Побои озлобляли ее, зло же доставляло ей великое наслажденіе, возбуждая всю ея душу, и она вмѣсто того, чтобы двумя словами угасить его ревность, еще болѣе подзадоривала его, улыбаясь ему въ лицо странными, многозначительными улыбками. Онъ бѣсился и билъ ее, безпощадно билъ.

А ночью, когда она, вся изломанная и измятая, стоная, лежала на постели рядомъ съ нимъ, онъ искоса смотрѣлъ на нее и тяжело вздыхалъ. Ему было скверно, совѣсть мучила его, онъ понималъ, что его ревность не имѣетъ основаній и что онъ напрасно избилъ ее.

— Ну, будетъ ужъ...— сконфуженно говорилъ онъ. — Али я

виноватъ, ежели у меня такой характеръ? Да и ты тоже хороша... Вмѣсто того, чтобъ меня уговорить—подзадориваешь. Зачѣмъ это тебѣ надобно?

Она молчала, но она знала зачѣмъ, знала, что теперь ее, избитую и оскорбленную, ожидаютъ его ласки, страстныя и нѣжныя ласки примиренія. За это она готова была ежедневно платить болью въ избитыхъ бокахъ. И она плакала уже отъ одной только радости ожиданія, прежде чѣмъ мужъ успѣвалъ прикоснуться къ ней.

— Ну, полно, Мотря! Ну, голубушка, а? Полно, прости ужъ?— Онъ гладилъ ея волосы, цѣловалъ ее и скрипѣлъ зубами отъ горечи, наполнявшей все его существо.

Окна ихъ были открыты, но небо закрывала капитальная стѣна сосѣдняго дома и въ комнатѣ ихъ, какъ и всегда, было и темно, и душно, и тѣсно.

— Эхъ, жизнь! Каторга ты великолѣпная!—шепталъ Гришка, не будучи въ состояніи высказать то, что съ болью чувствовалъ.— Отъ ямы это, Мотря. Что мы? Вродѣ какъ бы прежде смерти въ землю похоронены...

— Переѣдемъ на другую квартиру, — сквозь сладкія слезы предлагала Матрена, понимая его слова буквально.

— Э-эхъ! Не то, тетенька! Хоть на чердакъ заберись, все въ ямѣ будешь... не квартира яма... жизнь—яма.

Матрена задумывалась и опять говорила:

— Богъ дастъ, можетъ и поправимся... привыкнемъ.

— Да, поправимся... Часто ты это говоришь. А дѣло-то у насъ, Мотря, не на поправку идетъ... Скандалы-то все чаще, — понимаешь?

Это было безусловно вѣрно. Антракты между ихъ побоями все сокращались, и вотъ, наконецъ, каждую субботу еще съ утра Гришка уже настраивался враждебно къ своей женѣ.

— Сегодня вечеромъ пошабашу и въ трактиръ къ Лысому... Напьюсь...—объявлялъ онъ.

Матрена, странно щуря глаза, молчала.

— Молчишь? И ужо вотъ такъ же молчи, цѣлѣе будешь,— предупреждалъ онъ.

Въ теченіе дня онъ съ озлобленіемъ, возраставшимъ по мѣрѣ приближенія все болѣе, нѣсколько разъ напоминалъ ей о своемъ намѣреніи напиться, чувствовалъ, что ей больно это слышать, и, видя, какъ она, сосредоточенно молчаливая, съ твердымъ блескомъ въ глазахъ, готовая бороться, ходитъ по комнатѣ, еще болѣе свирѣпѣлъ.

Вечеромъ герольдъ ихъ несчастія, Сенька Чижикъ, объявлялъ о «страженіи».

Избивъ жену, Гришка исчезалъ иногда на всю ночь, иногда не являлся и въ воскресенье. Она, вся въ синякахъ, встрѣчала его суровая, молчаливая, но полная скрытой жалости къ нему, оборванному, часто тоже избитому, въ грязи, съ налитыми кровью глазами.

Она знала, что ему надо опохмѣлиться, и у нея уже была припасена полубутылка водки. Онъ тоже зналъ это.

— Дай рюмочку...—хрипло просилъ онъ, пилъ двѣ, три и садился работать.

День проходилъ у него въ угрызеніяхъ совѣсти; часто онъ не выносилъ ихъ остроты, бросалъ работу и ругался страшными ругательствами, бѣгая по комнатѣ или валяясь на постели. Мотря давала ему время перекипѣть, и тогда они мирились.

Раньше это примиреніе имѣло въ себѣ много остраго и сладкаго, но отъ времени все это постепенно выдыхалось, и мирились уже почти только потому, что неудобно же было молчать всѣ пять дней вплоть до субботы.

— Сопьешься ты,—вздыхая, говорила Мотря.

— Сопьюсь,—подтверждалъ Гришка и сплевывалъ въ сторону съ видомъ человѣка, которому рѣшительно все равно, спиться или не спиться.—А ты отъ меня удерешь...—дополнялъ онъ картину будущаго, пытливо глядя ей въ глаза.

Она съ нѣкоторыхъ поръ стала опускать ихъ, чего раньше не дѣлала, а Гришка, видя это, зловѣще хмурилъ брови и тихонько скрипѣлъ зубами. Но, тайкомъ отъ мужа, она пока еще ходила къ гадалкамъ и знахаркамъ, принося отъ нихъ наговорные корешки и угли. А когда все это не помогло, она отслужила молебенъ святому великомученику Вонифантію, помогающему отъ запоя, и все время молебна, стоя на колѣняхъ, горячо плакала, беззвучно двигая дрожащими губами.

И все чаще и чаще она чувствовала къ мужу дикую и холодную ненависть, возбуждавшую въ ней черныя думы, и все менѣе жалѣла она этого человѣка, три года тому назадъ такъ обогатившаго ея жизнь веселымъ смѣхомъ, ласками, любовными рѣчами.

Такъ изо дня въ день жили эти, въ сущности, недурные люди, жили, фатально ожидая чего-то такого, что окончательно, въ дребезги разобьетъ ихъ мучительно-нелѣпую связь.

---

Однажды въ понедѣльникъ утромъ, когда чета Орловыхъ только что напилась чаю, Гришка сѣлъ за работу, а Матрена убрала со стола посуду, на порогѣ двери въ ихъ невеселое жилище явилась внушительная фигура полицейскаго. Орловъ вскочилъ со своего сидѣнья и подъ укоризненно-пугливымъ взглядомъ жены, пытаясь возстановить въ своей похмѣльной головѣ событія послѣднихъ дней, молчаливо и упорно уставился на гостя мутными глазами, полный самыхъ скверныхъ ожиданій.

— Сюда, сюда,—приглашалъ кого-то полицейскій.

— Темно, какъ въ омутѣ, чортъ бы побралъ купца Петунникова,—раздался молодой и веселый голосъ. Потомъ полицейскій посторонился, и въ комнату Орловыхъ быстро вошелъ студентъ въ бѣломъ кителѣ, съ фуражкой въ рукѣ, гладко остриженный, съ большимъ загорѣлымъ лбомъ и веселыми карими глазами, смѣшливо сверкавшими изъ-подъ очковъ.

— Здравствуйте!—воскликнулъ онъ еще не окрѣпшимъ баскомъ.—Честь имѣю представиться—санитаръ! Пришелъ освѣдомиться, какъ поживаете... и понюхать вашъ воздухъ... воздухъ у васъ совсѣмъ скверный!

Орловъ свободно вздохнулъ и радушно, весело улыбнулся. Ему сразу понравился этотъ шумный студентъ: лицо у него было такое здоровое, розовое, доброе, покрытое на щекахъ и подбородкѣ русымъ пухомъ. Все оно улыбалось какою-то особенною, свѣжею и ясною улыбкой, отъ которой въ подвалѣ Орловыхъ стало какъ бы и свѣтлѣе, и веселѣе.

— Ну-съ, господа хозяева!—безъ паузъ говорилъ студентъ,—помойку опрастывайте почаще, а то отъ нея идетъ этотъ духъ невкусный. Я вамъ, тетенька, посовѣтовалъ бы мыть ее почаще и еще насыпали бы негашеной извести въ углы для очистки воздуха... а также противъ сырости известь помогаетъ. А у васъ, дяденька, почему такой скучный видъ?—обратился онъ къ Орлову и тутъ же, схвативъ его за руку, сталъ нащупывать пульсъ.

Бойкость студента какъ-то ошеломила Орловыхъ. Матрена растерянно улыбалась, молча оглядывая его, Григорій тоже улыбался, любуясь его живымъ лицомъ въ русомъ пуху.

— Животики у васъ какъ поживаютъ?—спрашивалъ тотъ.—Разсказывайте, не стѣсняясь... дѣло житейское, а ежели чуть что неладно, мы васъ снабдимъ разными кислыми лѣкарствами и все какъ рукой сниметъ.

— Мы ничего... въ добромъ здоровьѣ,—сообщилъ, наконецъ, Григорій, усмѣхаясь.—А ежели я не тово... такъ это одна наруж-

ность... потому что, ежели по правдѣ говорить, съ похмѣлья я нѣсколько.

— То-то я чую носомъ-то, что какъ будто бы вы, хозяинъ, чуть-чуть выпили вчера... самую малость, знаете...

Онъ до того уморительно произнесъ это и такую при этомъ скорчилъ рожу, что Орловъ такъ и прыснулъ довѣрчивымъ и громкимъ смѣхомъ. Матрена тоже смѣялась, закрывая ротъ передникомъ. Веселѣе и громче всѣхъ смѣялся самъ студентъ, и онъ же скорѣе всѣхъ и пересталъ. И когда расправились складки кожи около его пухлаго рта и около глазъ,— складки, вызванныя смѣхомъ,—лицо его, простое и открытое, стало какъ-то еще проще.

— Выпить рабочему человѣку слѣдуетъ, ежели въ мѣру, но по нынѣшнимъ временамъ лучше совсѣмъ воздержаться отъ выпивки. Слышали, какая болѣзнь-то ходитъ между людьми?

И уже съ серьезною миной на лицѣ онъ понятнымъ языкомъ началъ разсказывать Орловымъ о холерѣ и о мѣрахъ борьбы съ ней. Онъ говорилъ и расхаживалъ по комнатѣ, то щупая стѣну рукой, то заглядывая за дверь, въ уголъ, гдѣ висѣлъ рукомойникъ и стояла лохань съ помоями, даже нагнулся къ подпечку и понюхалъ, чѣмъ изъ него пахнетъ. Голосъ у него то и дѣло срывался съ басовыхъ нотъ на теноровыя, и простыя слова его рѣчи какъ-то сами собой, безъ усилій со стороны слушателей, одно за другимъ плотно укладывались въ ихъ памяти. Свѣтлые глаза его горѣли и весь онъ былъ пропитанъ пыломъ своей молодой страсти къ важному дѣлу, которому такъ просто и бодро служилъ.

Григорій съ улыбкой любопытства слѣдилъ за нимъ, Матрена то и дѣло смѣшливо фыркала носомъ, полицейскій исчезъ.

— Такъ насчетъ извести-то позаботьтесь сегодня же, хозяева. Тутъ рядомъ съ вами стройка, такъ каменщики вамъ на пятакъ сколько угодно дадутъ. А отъ выпивки, ежели не въ мѣру, нужно воздержаться, хозяинъ... Н-ну, пока до свиданья... Я еще забѣгу къ вамъ...

И онъ исчезъ такъ же быстро, какъ и вошелъ, оставивъ какъ бы въ видѣ воспоминанія о своихъ смѣющихся глазахъ растерянныя и довольныя улыбки на лицахъ четы Орловыхъ.

Съ минуту они молчали, глядя другъ на друга и еще не умѣя оформить впечатлѣнія, оставленнаго этимъ внезапнымъ набѣгомъ сознательной энергіи на ихъ темную, автоматическую жизнь.

— А-яй!—протянулъ Григорій, качая головой.—Вотъ такъ... химикъ! А про нихъ говорятъ, что они отравляютъ народъ! Да развѣ человѣкъ съ такою рожей будетъ этимъ заниматься? И опять

же голосъ! И все прочее... Нѣтъ, тутъ совсѣмъ открытая манера, пришелъ и сразу—на вотъ, вотъ онъ я! Известка... развѣ это вредно? Лимонная кислота... что такое? Просто кислота и больше ничего! И главное—чистота вездѣ, въ воздухѣ и на полу, и въ лоханкѣ... Развѣ такими средствами возможно отравить человѣка? Ахъ, черти! Отравители, говорятъ... Эдакой-то рубаха-парень, а? Тьфу! Рабочему, говоритъ, человѣку въ мѣру выпить всегда слѣдуетъ... слышь, Мотря? Ну-ка, нацѣди мнѣ рюмочку... есть, что ли?

Она очень охотно налила ему полчашки водки изъ бутылки, неизвѣстно откуда взятой ею.

— Этотъ-то дѣйствительно хорошій... такой располагающій къ себѣ,—сказала она, улыбаясь при воспоминаніи о студентѣ.— А другіе, прочіе—кто ихъ знаетъ? Можетъ и впрямь наняты они...

— Да для чего наняты-то и кѣмъ опять же?—воскликнулъ Григорій.

— Для людского истребленія... Говорятъ, что какъ бѣднаго люда очень много, то и вышло распоряженіе—травить лишнихъ,— сообщила Матрена.

— Кто это говоритъ?

— Всѣ говорятъ... Стряпка отъ маляровъ говорила и другіе многіе...

— И дуры! Да развѣ это выгодно? Ты подумай: лѣчутъ! Это какъ понимать? Хоронятъ! А это развѣ не убытокъ? Тоже нуженъ гробъ, могила и прочее такое... Все идетъ на счетъ казны... Ер-рунда! Ежели бы хотѣли сдѣлать очистку и убавленіе людей, то взяли бы, да и сослали ихъ въ Сибирь,—тамъ мѣста про всѣхъ хватитъ! Или на необитаемые острова... И, сославъ, приказали бы тамъ работать. Работай и плати подать... поняла? Вотъ тебѣ и очистка, и очень даже выгодно... Потому что необитаемый островъ никакого дохода не дастъ, ежели не засадить его людьми. А казнѣ—доходъ первое дѣло, значитъ, морить людей да хоронить ихъ на свой счетъ ей не рука... Поняла? И опять же студентъ... озорникъ онъ, это точно, но онъ больше насчетъ бунта, а чтобы людей морить... нѣ-ѣтъ, его для такой игры не укупишь за всѣ мѣдныя! Развѣ сразу не видно, что онъ къ этому дѣлу не можетъ быть способенъ? Рыло у него не того калибра...

Цѣлый день они толковали о студентѣ и о всемъ, что онъ сообщилъ имъ. Вспоминали звукъ его смѣха, его лицо, нашли, что у него на кителѣ не хватало одной пуговицы, и едва не разругались изъ-за вопроса: «на какой сторонѣ груди?» Матрена упорно утвер-

ждала, что на правой, ея мужъ говорилъ—на лѣвой и уже дважды крѣпко ругнулъ ее, но, во-время вспомнивъ, что, наливая водку въ чашку, жена не подняла дно бутылки кверху, онъ уступилъ ей. Потомъ рѣшили съ завтрашняго дня заняться введеніемъ у себя чистоты и снова, овѣянные чѣмъ-то свѣжимъ, продолжали бесѣдовать о студентѣ.

— Нѣтъ, такой, вѣдь, хлюстъ!—восхищался Григорій.—Пришелъ точно десять лѣтъ знакомы... Обнюхалъ все, разъяснилъ и... больше ничего! Ни крика, ни шума, хотя, вѣдь, и онъ начальство тоже... Ахъ, раздуй его горой! Понимаешь, Матрена, тутъ, братъ, есть о насъ забота. Сразу видно... Желаютъ насъ сохранить въ цѣлости, а не то что, что другое... Это все ерунда, насчетъ мора... бабьи сказки... Животъ, говоритъ, какъ дѣйствуетъ?... А ежели моръ, такъ на кой ему чортъ дѣйствіе моего живота знать? А какъ онъ ловко разъяснилъ на счетъ этихъ... какъ ихъ? дьяволовъ-то, которые заползаютъ въ кишки, ну?

— Какъ-то вродѣ небылицы,—усмѣхнулась Матрена.—Чай это такъ только, для страха, чтобы насчетъ чистоты старался больше народъ...

— Ну, тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ и правда... отъ сырости черви, вѣдь, заводятся же. Ахъ, ты чортъ! Какъ ихъ этихъ козявокъ? Совсѣмъ не небылицы, а... помню, вѣдь, какъ!... На языкѣ вертится слово, а не поймаю...

Они и когда спать легли, такъ все еще говорили о событіи дня съ тѣмъ же наивнымъ воодушевленіемъ, съ какимъ дѣти дѣлятся между собой впервые пережитымъ и сильно поразившимъ ихъ впечатлѣніемъ. Такъ они и заснули среди разговора.

Поутру рано ихъ разбудили. У кровати ихъ стояла дородная стряпка маляровъ, и ея всегда красное, полное лицо, противъ обыкновенія, было сѣро и вытянуто.

— Что вы прохлаждаетесь?—торопливо говорила она, какъ-то особенно шлепая красными и толстыми губами.—Холера-то, вѣдь, на дворѣ у насъ... Посѣтилъ Господь!—и она вдругъ заплакала.

— Ахъ, ты... врешь?—воскликнулъ Григорій.

— А я лоханку-то съ вечера не вынесла,—виновато сказала Матрена.

— Я, милые вы мои, хочу разсчетъ взять. Уйду я... Уйду и уйду... Въ деревню,—говорила стряпка.

— Да кого забрало-то?—спросилъ Григорій, поднимаясь съ постели.

— Гармониста! Его... выпилъ, слышь, воды изъ фонтана вчера

вечеромъ, въ ночь его и схватило... И схватило, сударики, прямо за животъ, вродѣ какъ бы отъ мышьяка бываетъ...

— Гармонистъ...—бормоталъ Григорій. Ему не вѣрилось, чтобъ гармониста могла одолѣть какая-нибудь болѣзнь. Такой веселый, удалой парень, вчера онъ прошелъ по двору такимъ же павлиномъ, какъ и всегда...

— Пойду, взгляну,—рѣшилъ Орловъ, недовѣрчиво усмѣхаясь.

Обѣ женщины испуганно вскрикнули:

— Гриша, вѣдь, зараза!

— Что ты, батюшка, куда ты?

Григорій крѣпко выругался, сунулъ ноги въ опорки и растрепанный, съ растегнутымъ воротомъ рубахи, пошелъ къ двери. Жена схватила его сзади за плечо, онъ чувствовалъ, что рука ея дрожитъ и вдругъ озлился почему-то.

— Въ морду дамъ! Прочь!—рявкнулъ онъ и ушелъ, толкнувъ жену въ грудь.

На дворѣ было тихо и пусто, и Григорій, идя къ двери гармониста, одновременно чувствовалъ и ознобъ страха и острое удовольствіе отъ того, что изъ всѣхъ обитателей дома одинъ онъ идетъ къ больному гармонисту. Это удовольствіе еще болѣе усилилось, когда онъ замѣтилъ, что изъ оконъ второго этажа на него смотрятъ портные. Онъ даже засвисталъ, ухарски тряхнувъ головой. Но у двери въ коморку гармониста его ждало маленькое разочарованіе въ образѣ Сеньки Чижика.

Пріотворивъ дверь, онъ сунулъ свой острый носъ въ образовавшуюся щель и, по своему обыкновенію, наблюдалъ, увлеченный до такой степени, что обернулся только тогда, когда Орловъ дернулъ его за ухо.

— Вотъ такъ скрючило его, дяденька Григорій!—шепотомъ заговоролъ онъ, поднявъ на Орлова свою чумазую мордочку, еще болѣе обостренную переживаемымъ впечатлѣніемъ.—И вродѣ какъ бы разсохся онъ... какъ худая бочка... ей Богу!

Орловъ, охваченный зловоннымъ воздухомъ, стоялъ и молча слушалъ Чижика, стараясь заглянуть однимъ глазомъ въ щель непритворенной двери.

— Ежели бы воды ему дать напиться, дяденька Григорій?—предложилъ Чижикъ.

Орловъ взглянулъ въ лицо мальчика, возбужденное почти до нервной дрожи, и самъ почувствовалъ въ себѣ какъ бы взрывъ возбужденія.

— Ступай, тащи воды!—скомандовалъ онъ Чижику и, смѣло

распахнувъ дверь, остановился на порогѣ, нѣсколько подавшись назадъ.

Сквозь туманъ въ глазахъ, Григорій видѣлъ Кислякова; гармонистъ въ своемъ парадномъ костюмѣ лежалъ грудью на столѣ, крѣпко вцѣпившись въ него руками, и его ноги въ лакированныхъ сапогахъ вяло двигались по мокрому полу.

— Кто это?—спросилъ сипло и апатично, точно голосъ его слинялъ, потерялъ всѣ тона.

Григорій оправился и, осторожно шагая по полу, пошелъ къ нему, стараясь говорить бодро и даже шутливо.

— Я, братъ, Митрій Павловъ... А ты что это... переложилъ что ли вчера?—онъ внимательно, съ боязнью и любопытствомъ разсматривалъ Кислякова и не узнавалъ его.

Лицо у гармониста все обострилось, скулы торчали двумя рѣзкими углами, глаза глубоко ввалились и, окруженные зеленоватыми пятнами, были странно неподвижны и мутны. Кожа на щекахъ была такого цвѣта, какою она бываетъ у покойниковъ въ жаркое лѣтнее время. Это было совсѣмъ мертвое, страшное лицо и только медленное движеніе челюстей доказывало, что оно еще живо. Неподвижные глаза Кислякова долго смотрѣли въ лицо Григорія и этотъ ихъ мертвый взглядъ наводилъ на него ужасъ. Зачѣмъ-то ощупывая свои бока руками, онъ стоялъ шагахъ въ трехъ отъ больного и чувствовалъ, что его точно кто-то схватилъ за горло сырой и холодной рукой, схватилъ и медленно душитъ. И ему захотѣлось скорѣе уйти изъ этой комнатки, прежде такой свѣтлой и уютной, а теперь пропитанной какимъ-то удушающимъ запахомъ гнили и страннымъ холодомъ.

— Ну...—началъ было онъ, приготовляясь отступать.

Но сѣрое лицо гармониста странно задвигалось, губы, покрытыя чернымъ налетомъ, раскрылись, и онъ сказалъ своимъ беззвучнымъ голосомъ:

— Это... я... умираю...

Глубокое равнодушіе, неизъяснимая апатія трехъ его словъ отдались въ головѣ и груди Орлова какъ три тупыхъ удара. Съ безсмысленной гримасой на лицѣ онъ повернулся къ двери, но на встрѣчу ему влетѣлъ Чижикъ съ ведромъ въ рукѣ, запыхавшійся и весь въ поту.

— Вота... изъ колодца отъ Спиридонова... не давали, черти...

Онъ поставилъ ведро на полъ, бросился куда-то въ уголъ, снова явился и, подавая стаканъ Орлову, продолжалъ тараторить:

— У васъ, говорятъ, холера... Я говорю, ну, такъ что? И у

васъ будетъ... теперь ужъ она пойдетъ чесать какъ въ слободкѣ... Дыкъ онъ меня какъ ахнетъ по башкѣ!...

Орловъ взялъ стаканъ, зачерпнулъ изъ ведра воды и однимъ глоткомъ выпилъ ее. Въ ушахъ его звучали мертвыя слова:

— Это... я... умираю...

А Чижикъ вьюномъ вертѣлся около него, чувствуя себя какъ нельзя болѣе въ своей сферѣ.

— Дайте пить,—сказалъ гармонистъ, двигаясь по полу вмѣстѣ со столомъ.

Чижикъ подскочилъ къ нему и поднесъ къ чернымъ губамъ стаканъ воды. Григорій, прислонясь къ стѣнѣ у двери, точно сквозь сонъ слушалъ, какъ больной громко втягивалъ въ себя воду, потомъ услыхалъ предложеніе Чижика раздѣть Кислякова и уложить его въ постель, потомъ раздался голосъ стряпки маляровъ. Ея широкое лицо, съ выраженіемъ страха и соболѣзнованія, смотрѣло со двора въ окно, и она говорила плаксивымъ тономъ:

— Дать бы ему сажи голландской съ ромомъ: на стаканъ чайный—сажи двѣ ложки хлебальныхъ, да рому до краевъ.

А кто-то невидимый предложилъ деревяннаго масла съ огуречнымъ разсоломъ и съ царской водкой.

Орловъ вдругъ почувствовалъ, что тяжелая, гнетущая тьма внутри его освѣщается какимъ-то воспоминаніемъ. Онъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы желая усилить яркость этого свѣта, и вдругъ быстро вышелъ вонъ, перебѣжалъ дворъ и исчезъ на улицѣ.

— Батюшки! И сапожника схватило! Въ больницу побѣжалъ,—крикливо-плачущимъ голосомъ комментировала стряпка его бѣгство.

Матрена, стоявшая рядомъ съ ней, посмотрѣла широко открытыми глазами и, поблѣднѣвъ, вся затряслась.

— Врешь ты,—хрипло сказала она, едва двигая бѣлыми губами,—Григорій этой поганой болѣзнью не захвораетъ... не поддастся...

Но стряпка, горестно воя, уже исчезла куда-то и черезъ пять минутъ на улицѣ около дома купца Петунникова глухо гудѣла кучка портныхъ, сосѣдей, прохожихъ. На всѣхъ лицахъ чередовались одни и тѣ же чувства: возбужденіе, смѣнявшееся безнадежнымъ унынiемъ, и что-то злое, уступавшее иногда мѣсто дѣланной удали. Со двора къ толпѣ и обратно то и дѣло леталъ Чижикъ, сверкая босыми ногами и сообщая ходъ событій въ комнатѣ гармониста.

Публика, тѣсно сбившись въ кучу, наполняла пыльный и паху-

чій воздухъ улицы глухимъ гуломъ своего говора, а иногда сквозь него вырывалось крѣпкое ругательство по чьему-то адресу, ругательство такое же злое, какъ и безсмысленное.

— Смотрите... Орловъ-то!

Орловъ подъѣхалъ къ воротамъ на козлахъ бѣлой холщевой фуры, которой правилъ угрюмый человѣкъ, весь одѣтый въ бѣломъ же. Этотъ человѣкъ рявкнулъ глухимъ басомъ:

— Пошелъ съ дороги!

И поѣхалъ прямо на людей, шарахнувшихся во всѣ стороны отъ его окрика.

Видъ этой фуры и окрикъ ея возницы какъ бы придавилъ повышенное настроеніе зрителей,—всѣ какъ-то сразу потемнѣли и многіе быстро ушли.

Вслѣдъ за фурой явился откуда-то студентъ, посѣщавшій Орловыхъ. Фуражка у него съѣхала на затылокъ, по лбу струился крупный потъ, на немъ была надѣта какая-то длинная мантія ослѣпительной бѣлизны и спереди на ея подолѣ красовалась большая, круглая дыра съ рыжими краями, очевидно, только что проженная чѣмъ-то.

— Ну, Орловъ, гдѣ больной?—громко спрашивалъ онъ, искоса посматривая на публику собравшуюся въ уголкѣ у воротъ и встрѣтившую его появленіе весьма недоброжелательно, хотя не безъ любопытства слѣдившую за нимъ.

Кто-то громко сказалъ:

— Ишь ты... какой поваръ!

Другой голосъ тише и съ зловѣщимъ оттѣнкомъ пообѣщалъ:

— Погоди, онъ-те угоститъ!

Нашелся, какъ всегда въ толпѣ, шутникъ.

— Онъ тебѣ дастъ такой бордолэзъ, чтобы ты въ минуту на небо влѣзъ!

Раздался смѣхъ, но не веселый, затемнѣнный боязливымъ подозрѣніемъ, не живой, хотя лица прояснились нѣсколько.

— Вѣдь, вотъ сами-то они не боятся заразы... это какъ понимать? — многозначительно спросилъ человѣкъ съ напряженнымъ лицомъ и взглядомъ, полнымъ сосредоточенной злобы.

И подъ вліяніемъ этого вопроса лица публики снова потемнѣли, а говоръ сталъ глуше...

— Несутъ!

— Орловъ-то! Ахъ, собака!

— Не боится?

— Ему что? Онъ пьяница...

— Осторожнѣй, осторожнѣй, Орловъ! Поднимайте выше ноги... такъ! Готово! Поѣзжай Петръ!—командовалъ студентъ.—Я скоро прiѣду, скажи доктору. Ну-съ, господинъ Орловъ, я попрошу васъ помочь мнѣ уничтожить здѣсь заразу... Кстати, на случай, вы выучитесь какъ это дѣлать... Согласны? Ну-те?

— Могу,—сказалъ Орловъ, оглядываясь вокругъ и чувствуя въ себѣ приливъ какой-то гордости.

— И я тоже могу,—заявилъ Чижикъ.

Онъ проводилъ печальную фуру за ворота и вернулся какъ разъ во время для того, чтобы предложить свои услуги. Студентъ черезъ очки посмотрѣлъ на него.

— Ты кто такой есть, а?

— Изъ маляровъ... въ ученикахъ...—объяснилъ Чижикъ.

— А холеры боишься?

— Я?—удивился Сенька.—Вота! Я... ничего не боюсь!

— Н-ну? Ловко! Такъ вотъ что, братцы.—Студентъ присѣлъ на бочку, лежавшую на землѣ, и, покачиваясь на ней, сталъ говорить о необходимости для Орлова и Чижика хорошенько вымыться.

Они образовали группу, къ нимъ скоро подошла Матрена, чему-то улыбаясь, за ней кухарка, вытиравшая мокрые глаза сальнымъ передникомъ. Черезъ нѣкоторое время осторожно, какъ кошки къ воробьямъ, къ этой группѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ изъ публики. Около студента собрался тѣсный кружокъ человѣкъ въ десять, и это воодушевило его. Стоя въ центрѣ этихъ людей и быстро жестикулируя, онъ то вызывая улыбки на лицахъ, то сосредоточенное вниманiе, то острое недовѣрiе и скептическiя смѣшки,—началъ нѣчто вродѣ лекцiи.

— Главное дѣло во всѣхъ болѣзняхъ—чистота тѣла и воздуха, которымъ вы дышите, господа,—увѣрялъ онъ своихъ слушателей.

— О, Господи!—громко вздыхала стряпка маляровъ.—Отъ нечаянной смерти Варварѣ великомученицѣ надо молиться.

— Господа и въ тѣлѣ, и въ воздухѣ живутъ, но однако тоже помираютъ,—заявилъ одинъ изъ слушателей.

Орловъ стоялъ рядомъ со своей женой и смотрѣлъ въ лицо студента, о чемъ-то глубоко думая. Сбоку его дернули за рубаху.

— Дяденька Григорiй! — поднявшись на ципочки, шепнулъ Сенька Чижикъ, сверкая горящими какъ угольки глазами,—теперь вотъ помретъ Митрiй-то Павловичъ, родныхъ у него нѣту... кому же гармонiя достанется?

— Отстань, чертенокъ!—отмахнулся Орловъ.

Сенька отошелъ въ сторону и уставился въ окно комнатки гармониста, ища въ ней чего-то жаднымъ взглядомъ.

— Известка, деготь,—громко перечислялъ студентъ.

... А въ небѣ надъ дворомъ купца Петунникова безстрастно сіяло жгучее лѣтнее солнце, все претворяющее и вѣчно творящее.

---

Вечеромъ этого безпокойнаго дня, когда Орловы сѣли пить чай, Матрена съ любопытствомъ спросила у мужа:

— Ты давеча куда ходилъ со студентомъ-то?

Григорій посмотрѣлъ ей въ лицо глазами чѣмъ-то затуманенными, точно чужими и, не отвѣчая, сталъ выливать чай изъ стакана на блюдечко.

Около полудня, кончивъ мытье комнаты гармониста, Григорій уходилъ куда-то съ санитаромъ, воротился часа въ три задумчивый и молчаливый, легъ на постель и вотъ вплоть до чая лежалъ кверху лицомъ, не вымолвивъ за все это время ни слова, хотя жена много разъ пыталась вызвать его па разговоръ. Онъ даже не обругалъ за приставанье, а это уже было странно, непривычно ей и возбуждало ее.

Инстинктомъ женщины, вся жизнь которой сосредоточилась въ мужѣ, она подозрѣвала уже, что мужа ея охватило чѣмъ-то новымъ, ей было боязно чего-то и тѣмъ болѣе страстно хотѣлось знать, что это.

— Тебѣ, можетъ, нездоровится, Гриша?

Григорій слилъ съ блюдца въ ротъ послѣдній глотокъ чая, вытеръ рукой усы, не спѣша подвинулъ женѣ пустой стаканъ и, нахмуривъ брови, заговорилъ:

— Ходилъ я со студентомъ въ баракъ... да...

— Въ холерный?—воскликнула Матрена и, тревожно, понизивъ голосъ, спросила:—много тамъ ихъ?

— Пятьдесятъ три человѣка съ нашимъ-то...

— Ну?

— Съ десятокъ поправляются... Ходятъ... Желтые, худые...

— Тоже холерные? Чай нѣтъ?... Другихъ какихъ-нибудь сунули туда для оправданія: вотъ-де, смотрите, вылѣчиваемъ мы!

— Ты дура!—рѣшительно сказалъ Григорій и зло блеснулъ глазами.—Всѣ вы тутъ дубьё! Необразованность и глупость—больше ничего! Подохнешь съ вами отъ тоски при вашемъ невѣжествѣ... Ничего вы не можете понимать,—онъ рѣзко подвинулъ къ себѣ вновь налитый стаканъ чая и замолчалъ.

— Гдѣ это ты образовался такъ?—ехидно спросила Матрена и вздохнула.

Мужъ, не обративъ на ея слова никакаго вниманія, молчалъ, задумчивый и неприступно суровый. Потухавшій самоваръ тянулъ пискливую мелодію, полную раздражающей скуки, въ окна со двора вѣяло запахомъ масляной краски, карболки и обезпокоенной помойной ямы. Полусумракъ, пискъ самовара и запахи—все въ комнатѣ плотно сливалось одно съ другимъ, образуя вокругъ Орловыхъ обстановку, похожую на кошмаръ, а черное жерло печи смотрѣло на супруговъ такъ, точно чувствовало себя призваннымъ проглотить ихъ при удобномъ случаѣ. Долго тянулось молчаніе. Супруги грызли сахаръ, стучали посудой, глотали чай. Матрена вздыхала, Григорій стукалъ пальцемъ по столу.

— Чистота тамъ невиданная!—вдругъ съ раздраженіемъ заговорилъ онъ.—Всѣ служащіе до послѣдняго—въ бѣломъ. Хворые то и дѣло въ ванны лѣзутъ... Виномъ ихъ поятъ... шесть съ полтиной бутылка! Кушанья... съ одного запаха сытъ будешь... Уходъ, забота... Обращеніе со всѣми—материнское... и все прочее... Н-да... Извольте понять: живешь на землѣ, ни одинъ чортъ даже и плюнуть на тебя не хочетъ, не то что зайти иногда и спросить что и какъ, и вообще... какая жизнь, т.-е. по душѣ она или подушу человѣка? Есть чѣмъ дышать ему или нѣту? А какъ начнешь умирать—не только не позволяютъ, но даже въ изъянъ вводятъ себя. Бараки... вино... шесть съ полтиной бутылка! Неужто нѣтъ у людей догадки? Вѣдь, бараки и вино большущихъ денегъ стоятъ. Развѣ эти самыя деньги нельзя на улучшеніе жизни употреблять... каждый годъ по нѣскольку?

Жена не старалась понять его рѣчей, ей достаточно было чувствовать, что онѣ новы, и безошибочно уже выводить отсюда, что и у Григорія въ душѣ творится что-то новое для нея. Уже увѣренная въ этомъ она скорѣе хотѣла узнать, какъ все это коснется ея. Въ этомъ желаніи была и боязнь, и надежда, и что-то враждебное къ мужу.

— Тамъ чай ужъ побольше твоего знаютъ,—сказала она, когда онъ кончилъ, и скептически поджала губы.

Григорій повелъ плечомъ, крякнулъ, искоса взглянулъ на нее, потомъ, помолчавъ, началъ въ тонѣ еще болѣе повышенномъ.

— Знаютъ, не знаютъ—это ихъ дѣло. Но ежели мнѣ, не видавъ никакой жизни, помирать приходится, объ этомъ я могу разсуждать. Я тебѣ вотъ что скажу: такого порядка я больше не хочу, т.-е. сидѣть да дожидаться, когда придетъ холера, да меня, какъ

гармониста, скрючить,—я не согласенъ. Не могу! Петръ Ивановичъ говоритъ: вали на встрѣчу! Судьба противъ тебя, а ты противъ нея,—чья возьметъ? Война! Больше никакихъ. Значитъ, что теперь? А поступаю я служителемъ въ баракъ и все тутъ! Поняла? Прямо въ пасть влѣзу—глотай, а я буду ногами дрыгать!... Меньше я тамъ не заработаю... 20 рублей въ мѣсяцъ жалованья, да еще награду могутъ дать... Можно умереть?... это такъ, а здѣсь еще скорѣе сдохнешь. Опять же перемѣна жизни...—и возбужденный Орловъ стукнулъ кулакомъ по столу такъ, что вся посуда съ дребезгомъ подпрыгнула.

Матрена въ началѣ рѣчи смотрѣла на мужа съ выраженіемъ безпокойства и любопытства, а въ концѣ ея уже враждебно прищурила глаза.

— Это студентъ тебѣ насовѣтовалъ? — сдержанно спросила она.

— У меня и свой умъ есть... могу разсудить,—почему-то уклонился Григорій отъ прямого отвѣта.

— Ну, а какъ же со мной раздѣлаться посовѣтовалъ онъ тебѣ?—продолжала Матрена.

— Съ тобой? — Григорій нѣсколько смутился, онъ не успѣлъ еще обсудить этого вопроса. Оно, конечно, можно бабу оставить на квартирѣ, какъ вообще это дѣлается, но бабы бываютъ разныя. Матрену—опасно. За ней нуженъ глазъ, да глазъ. Остановившись на этой мысли, Орловъ хмуро продолжалъ:—Студентъ... что же съ тобой? Будешь тутъ жить... а я буду жалованье получать... н-да...

— Такъ,—кратко и спокойно сказала женщина и усмѣхнулась той многозначущей, чисто-женской улыбкой, которая сразу можетъ вызвать у мужчины колющія сердце мысли ревности.

Орловъ, нервозный и чуткій, ощутилъ это, но изъ самолюбія, не желая выдавать себя, кратко бросилъ женѣ:

— Квакъ да хрюкъ—всѣ твои рѣчи...—и насторожился, ожидая, что еще скажетъ она.

А она снова улыбнулась этой раздражающей улыбкой и промолчала.

— Ну, такъ какъ же? — спросилъ Григорій повышеннымъ тономъ.

— Что, какъ же? — произнесла Матрена, равнодушно вытирая чашки.

— Ехидна! Не финти... пришибу!—вскипѣлъ Орловъ.—Я, можетъ, на смерть иду.

— Не я тебя посылаю... не ходи...—перебила Матрена.

— Ты бы рада и послать, я знаю!— иронически воскликнулъ Орловъ, прибѣгая къ логикѣ раздраженнаго мужа.

Она молчала. Это молчаніе бѣсило его, но онъ сдержался отъ привычнаго ему выраженія чувствъ, вызываемыхъ въ немъ подобными сценами. Онъ сдержался подъ вліяніемъ одной преехидной, какъ ему казалось, мысли, мелькнувшей у него въ головѣ. Онъ даже улыбнулся злорадной улыбкой.

— Я знаю, тебѣ хочется, чтобъ я провалился хоть въ тартарары. Ну, еще посмотримъ, чья возьметъ... да! Я тоже могу сдѣлать такой ходъ—ахъ ты мнѣ!

Онъ вскочилъ изъ-за стола, схватилъ съ окна свой картузъ и ушелъ, оставивъ жену неудовлетворенной ея политикой, смущенной его угрозами, съ возрастающимъ въ ней чувствомъ страха предъ будущимъ. Глядя въ окно, она шептала про себя:

— О Господи! Царица Небесная! Пресвятая Богородица!

Осаждаемая массой тревожныхъ вопросовъ, она долго сидѣла за столомъ, пытаясь предположить, что сдѣлаетъ Григорій. Предъ ней стояла вымытая посуда, на капитальную стѣну сосѣдняго дома противъ оконъ комнаты заходящее солнце бросило красноватое пятно; отраженное бѣлой стѣной, оно проникло въ комнату, и край стеклянной сахарницы, стоявшей предъ Матреной, блестѣлъ. Она, наморщивъ лобъ, смотрѣла на этотъ слабый отблескъ, пока не утомились глаза. Тогда, вставъ со стула, она убрала посуду и легла на кровать.

Тошно ей было.

Григорій пришелъ, когда уже было совсѣмъ темно. Еще по его шагамъ на лѣстницѣ она опредѣлила, что онъ въ духѣ. Онъ вошелъ, выругалъ тьму въ комнатѣ, окликнувъ жену, подошелъ къ кровати и сѣлъ на нее. Жена сѣла рядомъ съ нимъ.

— Знаешь что?—усмѣхаясь спросилъ Орловъ.

— Ну?

— И ты пойдешь на мѣсто!

— Куда?—дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

— Въ одинъ баракъ со мной!—торжественно объявилъ Орловъ.

Она обняла его за шею и, крѣпко сжавъ руками, поцѣловала прямо въ губы. Онъ не того ждалъ и оттолкнулъ ее. Она это притворяется... ей, шельмѣ, совсѣмъ не хочется вмѣстѣ-то съ нимъ. Притворяется, ехидна, за дурака считаетъ мужа...

— Чему рада?—грубо и подозрительно спросилъ онъ, чувствуя желаніе сбросить ее на полъ.

— Такъ ужъ!—бойко отвѣтила она.

— Финти! Знаю я тебя!

— Звѣрюшка ты моя свирѣпая!

— Брось, молъ... а то смотри!

— Гришаня ты мой удалой.

— Да ты что въ самомъ дѣлѣ?

Когда ея ласки укротили его нѣсколько, онъ озабоченно спросилъ ее:

— А ты не боишься?

— Чай вмѣстѣ будемъ,—просто отвѣтила она.

Ему пріятно было слышать это. Онъ сказалъ ей:

— Молодчина!

И въ тоже время такъ ущипнулъ ее за бокъ, что она взвизгнула.

---

Первый день дежурства Орловыхъ совпалъ съ очень сильнымъ наплывомъ больныхъ, и двумъ новичкамъ, привыкшимъ къ своей медленно двигавшейся жизни, было жутко и тѣсно среди кипучей дѣятельности, охватившей ихъ. Неловкіе, непонимавшіе приказаній, подавленные впечатлѣніями, они сразу же растерялись, и хотя то и дѣло бѣгали куда-то, пытаясь работать, но не столько работали, сколько мѣшали другимъ. Григорій нѣсколько разъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что заслуживаетъ строгаго окрика или выговора за свое неумѣнье, но, къ великому его изумленію, на него не кричали.

Когда одинъ изъ докторовъ, высокій, черноусый человѣкъ съ горбатымъ носомъ и большущей бородавкой надъ правой бровью, велѣлъ Григорію помочь одному изъ больныхъ сѣсть въ ванну, Григорій съ такимъ усердіемъ цапнулъ больного подъ мышки, что тотъ даже крякнулъ и сморщился.

— А ты, голубчикъ, не ломай его, онъ и цѣликомъ въ ванну уберется...—серьезно сказалъ докторъ.

Орловъ сконфузился; больной же,—сухой и длинный верзила,—усмѣхнулся черезъ силу и хрипло сказалъ:

— Съ нови... Непривыченъ.

Другой докторъ, старикъ съ острой сѣдой бородой и блестящими большими глазами, сказалъ Орловымъ, когда они пришли въ баракъ, наставленіе, какъ обращаться съ больными, что дѣлать въ томъ и другомъ случаѣ, какъ брать больныхъ, перенося ихъ; въ заключеніе спросилъ ихъ, были ли они вчера въ банѣ, и выдалъ имъ бѣлые передники. Голосъ у этого доктора былъ мягкій, говорилъ онъ быстро; онъ очень понравился четѣ супруговъ, но чрезъ

полчаса они забыли всѣ его наставленія, охваченные бурной жизнью барака. Вокругъ нихъ мелькали люди въ бѣломъ, раздавались приказанія, подхватываемыя прислугой на лету, хрипѣли, охали и стонали больные, текла и плескалась вода и всѣ эти звуки плавали въ воздухѣ до того густо насыщенномъ острыми, непріятно щекочущими ноздри запахами, что, казалось, каждое слово доктора, каждый вздохъ больного тоже пахнутъ, раздирая носъ...

Сначала Орлову казалось, что тутъ царитъ самый безшабашный хаосъ, въ которомъ ему ни за что не найти себѣ мѣста и что онъ задохнется, оглохнетъ, заболѣетъ... Но прошло нѣсколько часовъ, и Григорій, охваченный вѣяніемъ повсюду разсѣиваемой энергіи, насторожился и проникся сильнымъ желаніемъ скорѣе приспособиться къ дѣлу, чувствуя, что ему будетъ покойнѣе и легче, если онъ завертится вмѣстѣ со всѣми.

— Сулемы!—кричалъ одинъ докторъ.

— Горячей воды еще въ эту ванну! — командовалъ худенькій студентикъ съ красными опухшими вѣками.

— Вы... какъ васъ? Орловъ... да! трите-ка ему ноги... Вотъ такъ... понимаете?... Та-акъ, та-акъ... Легче,—сдерете кожу... Ой, усталъ я...—приказывалъ и показывалъ Григорію другой студентъ длинноволосый и рябой.

— Еще больного привезли! —раздавалось сообщеніе.

— Орловъ, идите, тащите его.

Григорій усердствовалъ весь потный, ошеломленный, съ мутными глазами и съ тяжелымъ туманомъ въ головѣ. Порой чувство личнаго бытія въ немъ совершенно исчезало подъ давленіемъ массы впечатлѣній, переживаемыхъ имъ въ каждую минуту. Зеленыя пятна подъ мутными глазами на землистыхъ лицахъ, кости, точно обостренныя болѣзнью, липкая, пахучая кожа, страшныя судороги едва живыхъ тѣлъ—все это сжимало ему сердце тоской и вызывало у него тошноту, отъ которой онъ едва сдерживался.

Нѣсколько разъ въ коридорѣ барака онъ мелькомъ видѣлъ жену; она похудѣла и лицо у нея было сѣрое и растерянное. Онъ охрипшимъ голосомъ успѣлъ даже спросить ее:

— Ну, что?

Она слабо улыбнулась въ отвѣтъ ему и молча исчезла.

Григорья кольнула совершенно непривычная ему мысль: а пожалуй онъ напрасно втиснулъ сюда, въ такую пакостную работу, свою бабу. Захвораетъ она еще отъ заразы... И, встрѣтивъ ее другой разъ, онъ строго крикнулъ ей:

— Смотри, чаще руки-то мой... берегись!

— А то что будетъ?—задорно спросила она, оскаливъ свои мелкіе, бѣлые зубы.

Это разозлило его. Вотъ нашла мѣсто смѣшкамъ, дура! И до чего онѣ подлы, эти бабы! Но сказать ей онъ ничего не успѣлъ; поймавъ его сердитый взглядъ, Матрена быстро ушла въ женское отдѣленіе.

А онъ черезъ минуту уже несъ знакомаго полицейскаго въ мертвецкую. Полицейскій тихо покачивался на носилкахъ, уставившись въ ясное и жаркое небо стеклянными глазами изъ-подъ искривленныхъ вѣкъ. Григорій смотрѣлъ на него съ тупымъ ужасомъ въ сердцѣ: третьяго дня онъ этого полицейскаго видѣлъ на посту и даже ругнулъ его проходя мимо,—у нихъ были маленькіе счеты между собой. А теперь вотъ этотъ человѣкъ, такой здоровякъ и злючка, лежитъ мертвый, весь обезображенный, скорченный судорогами.

Орловъ чувствовалъ, что это нехорошо, — зачѣмъ имъ и на свѣтъ родиться, если можно въ одинъ день отъ такой поганой болѣзни умереть? Онъ смотрѣлъ сверху внизъ на полицейскаго и жалѣлъ его. Куда дѣнутся ребята?... цѣлыхъ трое. Покойникъ годъ назадъ схоронилъ жену и не успѣлъ еще жениться второй разъ.

Даже больно ему было гдѣ-то внутри отъ этой жалости. Но вдругъ согнутая лѣвая рука трупа медленно пошевелилась и выпрямилась. Въ то же время и лѣвая сторона искривленнаго рта, раньше полуоткрытая, закрылась.

— Стой! — захрипѣлъ Орловъ, ставя носилки на землю. — Живъ!—шепотомъ заявилъ онъ служителю, который несъ съ нимъ трупъ.

Тотъ обернулся, пристально взглянулъ на покойника и съ сердцемъ сказалъ Орлову:

— Чего врешь? Али не понимаешь, что это онъ для гроба расправляется? Видишь, какъ его изломало?... не такъ же въ гробъ-то лечь. Айда, неси!

— Да, вѣдь, шевелится...—трепеща отъ ужаса протестовалъ Орловъ.

— Неси знай, чудакъ человѣкъ! Что, ты словъ не понимаешь? Говорю: выправляется,—ну, значитъ шевелится. Эта необразованность твоя, смотри, до грѣха тебя можетъ довести... Живъ! Развѣ можно про мертвый трупъ говорить такія рѣчи? Это, братъ, бунтъ... н-да! Понимаешь? Молчи, значитъ, никому ни слова насчетъ того, что они шевелятся,—они всѣ такъ. А то — свинья борову, а бо-

ровъ всему городу, ну и бунтъ вышелъ—живыхъ хоронятъ! Придетъ сюда народъ и разнесетъ насъ въ дребезги. И тебѣ будетъ на калачи. Понялъ? Сваливай налѣво.

Спокойный голосъ Пронина и его неторопливая походка дѣйствовали на Григорія отрезвляюще.

— Ты, братъ, только духомъ не падай,— привыкнешь. Здѣсь хорошо. Харчъ, обращеніе и всякое другое — все въ аккуратѣ. Всѣ, братъ, мертвецами будемъ; это самое обыкновенное дѣло въ жизни. А пока что, живи знай, не робѣй только главная причина! Водку пьешь?

— Пью,—сказалъ Орловъ.

— Ну вотъ. Вонъ тутъ въ ямкѣ у меня бутылочка есть на всякій случай, айда-ка проглотимъ нѣсколько.

Они подошли къ ямкѣ за угломъ барака, выпили, и Пронинъ, наливъ на сахаръ мятныхъ капель, подалъ его Орлову со словами:

— Ѣшь, а то пахнуть водкой будешь. Здѣсь насчетъ водки— строго. Потому, вредно пить ее,—говорятъ.

— А ты привыкъ тутъ?—спросилъ у него Григорій.

— Еще бы! Я спервоначалу. При мнѣ тутъ народу перемерло—сотни, прямо сказать. Житье здѣсь безпокойное, но хорошее житье, ежели говорить правду. Божье дѣло. Вродѣ какъ на войнѣ санитары... ты про санитаровъ и сестеръ милосердія слыхалъ? Я въ турецкую кампанію насмотрѣлся на нихъ. Подъ Ардаганомъ, подъ Карсомъ былъ. Ну, а это, братъ, чище насъ, солдатъ, люди. Мы воюемъ, ружье у насъ есть, пули, штыкъ; а они— безо всего подъ пулями какъ въ зеленомъ саду гуляютъ. Нашъ, турка—берутъ и тащутъ на перевязочный. А вокругъ ихъ—ж-жи! ті-ю! фить! а иногда ему, бѣдному, санитару-то, въ затылокъ— чикъ—и готово!...

Послѣ этого разговора и здороваго глотка водки Орловъ нѣсколько пріободрился.

— Взялся за гужъ, такъ не бай, что не дюжъ,—усовѣщевалъ онъ себя, растирая ноги больного. За его спиной кто-то жалобно, стонущимъ голосомъ просилъ...

— Пи-ить! Ой, голу-убчики-и!

А кто-то гоготалъ.

— Ого-го-го! Погорячѣе!... Го-го-сподинъ докторъ, помогаетъ! Вотъ вамъ Христосъ,—чувствую! Разрѣшите еще подлить кипяточку!

— Дайте-ка вина!—кричалъ докторъ Ващенко.

Орловъ работалъ, внимательно вслушиваясь въ происходящее

вокругъ него, и находилъ, что въ сущности все это совсѣмъ ужъ не такъ погано и страшно, какъ казалось ему недавно, и что тутъ не хаосъ, а правильно дѣйствуетъ большая и разумная сила. Но, вспоминая о полицейскомъ, онъ, все - таки, вздрагивалъ и искоса посматривалъ въ окно барака на дворъ. Онъ вѣрилъ, что полицейскій мертвъ, но, все-таки, было что-то неустойчивое въ этой вѣрѣ. А вдругъ выскочитъ и крикнетъ? И ему вспоминалось, что, кажется, кто-то разсказывалъ: однажды гдѣ-то холерные мертвецы выскочили изъ гробовъ и разбѣжались.

Бѣгая по бараку, то растирая, то сажая въ ванну больныхъ, Орловъ чувствовалъ, что въ головѣ у него точно каша кипитъ... Онъ вспоминалъ о женѣ: каково - то ей тамъ? Иногда къ этому примѣшивалось мимолетное желаніе улучить минутку и посмотрѣть на Матрену. Но вслѣдъ за этимъ Орловъ какъ бы конфузился своего желанія и восклицалъ про себя:

«Повертись-ка вотъ этакъ-то, толстомясая! Не бойсь, подсохнешь... Лишишься своихъ намѣреніевъ...»

Онъ всегда подозрѣвалъ, что у жены его имѣются въ душѣ намѣренія очень оскорбительныя для него, какъ мужа, а иногда, восходя въ своихъ подозрѣніяхъ до нѣкотораго объективизма, даже признавалъ, что эти намѣренія имѣютъ основаніе. Жизнь-то у нея тоже желтенькая, и отъ такой жизни всякая дрянь въ голову полѣзетъ. Этотъ объективизмъ обыкновенно перерождалъ на время его подозрѣнія въ увѣренность. Потомъ онъ спрашивалъ себя: а зачѣмъ ему надо было лѣзть изъ своего подвала въ этотъ котелъ кипящій?—и недоумѣвалъ. Но всѣ эти думы вращались гдѣ-то глубоко въ немъ, онѣ были какъ бы отгорожены отъ прямого вліянія на его работу тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ онъ относился къ дѣйствіямъ врачебнаго персонала. Онъ никогда не видалъ, чтобъ въ какомъ-нибудь трудѣ люди убивались такъ, какъ они убиваются тутъ, и онъ не разъ подумалъ, глядя на утомленныя лица доктора и студентовъ, что всѣ эти люди—во-истину не даромъ деньги получаютъ!

Смѣнившись съ дежурства, едва держась на ногахъ, Орловъ вышелъ на дворъ барака и прилегъ у стѣны его подъ окномъ аптеки. Въ головѣ у него шумѣло, подъ ложечкой сосало и ноги болѣли ноющей болью усталости. Ему ни о чемъ уже не думалось и ничего не хотѣлось, онъ просто вытянулся на дернѣ, посмотрѣлъ въ небо, гдѣ стояли пышныя облака, богато украшенныя лучами заката, и уснулъ, какъ убитый.

Приснилось ему, что будто бы онъ съ женой въ гостяхъ у док-

тора Ващенка въ громадной комнатѣ, уставленной по стѣнамъ вѣнскими стульями. На стульяхъ сидятъ всѣ больные изъ барака. Докторъ съ Матреной ходятъ «русскую» среди зала, а онъ самъ играетъ на гармоніи и хохочетъ, потому что длинныя ноги доктора совсѣмъ не гнутся, и докторъ, важный и надутый, ходитъ по залу за Матреной—точно цапля по болоту. И всѣ больные тоже хохочутъ, раскачиваясь на стульяхъ.

Вдругъ въ дверяхъ является полицейскій.

— Ага!—мрачно и грозно кричитъ онъ. — Ты, Гришка, думалъ, что я совсѣмъ умеръ? На гармоніи играешь, а меня въ мертвецкую стащилъ! Ну-ка, пойдемъ со мной! Вставай!

Охваченный дрожью, облитый пòтомъ, Орловъ быстро поднялся и сѣлъ на землѣ. Противъ него сидѣлъ на корточкахъ докторъ Ващенко и укоризненно говорилъ ему:

— Какой же ты, друже, санитаръ, если спишь на землѣ, да еще и брюхомъ на нее легъ, а? А ну ты простудишь себѣ брюхо,—сляжешь, вѣдь, на койку, да еще, чего добраго, и помрешь... Это, друже, не годится,—для спанья у тебя есть мѣсто въ баракѣ. Что-жъ тебѣ не сказали про это? Да ты и потный, и знобитъ тебя. Ну-ка, иди я тебѣ кое-чего дамъ.

— Я съ устатка,—пробормоталъ Орловъ.

— Тѣмъ хуже. Надо беречь себя,—время опасное, а ты человѣкъ нужный.

Орловъ молча прошелъ за докторомъ по коридору барака, молча выпилъ какое-то лѣкарство изъ одной рюмки, выпилъ еще изъ другой, сморщился и плюнулъ.

— Ну, а теперь иди и спи себѣ... До свиданья! — и докторъ началъ переставлять по полу коридора свои длинныя, тонкія ноги.

Орловъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и вдругъ, широко улыбнувшись, побѣжалъ за нимъ.

— Покорно благодарю, докторъ!

— За что?—остановился тотъ.

— За заботу. Теперь я буду стараться для васъ во всю силу! Потому пріятно мнѣ ваше безпокойство... и... что я нужный человѣкъ... и вообще пок-корнѣйше благодаренъ!

Докторъ пристально и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на взволнованное какой-то радостью лицо барачнаго служителя и тоже улыбался.

— Чудачина ты! А, впрочемъ, ничего,—это все славно у тебя выходитъ... искренно. Валяй, старайся во всю; это не для меня будетъ, а для больныхъ. Надо намъ человѣка отъ болѣзни отбить,

вырвать его изъ ея лапъ—понимаешь? Ну, вотъ и давай стараться во всю силу побѣдить болѣзнь. А пока—спи иди!

Вскорѣ Орловъ лежалъ на койкѣ и засыпалъ съ пріятнымъ ощущеніемъ ласкающей теплоты въ животѣ. Ему было радостно и онъ былъ гордъ своимъ, такимъ простымъ, разговоромъ съ докторомъ.

А заснулъ онъ съ сожалѣніемъ о томъ, что жена не слыхала этого разговора. Разсказать ей завтра... Не повѣритъ, чай, чертова перечница.

---

— Чай пить иди, Гриша,—разбудила его поутру жена.

Онъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ на нее. Она улыбалась ему. Гладко причесанная, въ своемъ бѣломъ балахонѣ она была такая чистенькая, свѣжая.

Ему было пріятно видѣть ее такой и въ тоже время онъ подумалъ, что, вѣдь, и другіе мужчины въ баракѣ ее видятъ такой же.

— Т.-е. это какой же чай пить? У меня свой чай есть,—куда мнѣ идти?—хмуро сказалъ онъ.

— А ты иди со мной попей,—предложила она, глядя на него ласкающими глазами.

Григорій отвелъ свои глаза въ сторону и кратко сказалъ, что придетъ.

Она ушла, а онъ снова легъ на койку и задумался.

«Ишь ты какая! Чай пить зоветъ, ласковая... Похудѣла однако же за день-то». Ему стало жалко ее и захотѣлось сдѣлать для нея что-нибудь пріятное; купить къ чаю чего-нибудь сладкаго что ли? Но, умываясь, онъ уже отбросилъ эту мысль,—зачѣмъ бабу баловать? Живетъ и такъ!

Чай пили въ маленькой свѣтлой коморкѣ съ двумя окнами, выходившими въ поле, все залитое золотистымъ сіяніемъ утренняго солнца. На дернѣ, подъ окнами, еще блестѣла роса, вдали на горизонтѣ въ туманно-розоватой дымкѣ утра стояли деревья почтоваго тракта. Небо было чисто и съ поля вѣяло въ окна запахомъ сырой травы и земли.

Столъ стоялъ въ простѣнкѣ между оконъ и за нимъ сидѣло трое: Григорій и Матрена съ товаркой,—пожилой, высокой и худой женщиной съ рябымъ лицомъ и добрыми сѣрыми глазами. Звали ее Фелицата Егоровна, она была дѣвицей, дочерью коллежскаго ассесора, и не могла пить чай на водѣ изъ больничнаго куба, а всегда кипятила самоваръ свой собственный. Объявивъ все это Орлову надорваннымъ голосомъ, она гостепріимно предложила ему

сѣсть подъ окномъ и дышать вволю «настоящимъ небеснымъ воздухомъ», а затѣмъ куда-то исчезла.

— Что, ты устала вчера?—спросилъ Орловъ у жены.

— Просто страсть какъ!—живо отвѣтила Матрена.—Ногъ подъ собой не слышу, головонька кружится, словъ не понимаю, того и гляди пластомъ лягу. Еле-еле до смѣны дотянула... Все молилась, помоги Господи, думаю.

— А боишься?

— Больныхъ-то?

— Больные что же...

— Покойниковъ боюсь. Ты знаешь...—она наклонилась къ мужу и со страхомъ шепнула ему:—они послѣ смерти шевелятся... ей-Богу!

— Это я ви-идалъ!—скептически усмѣхнулся Григорій.—Мнѣ вчера Назаровъ полицейскій и послѣ смерти своей чуть-чуть плюху не влѣпилъ. Несу я его въ мертвецкую, а онъ ке-экъ размахнется лѣвой рукой... я едва уберегся... вотъ какъ!—онъ приврал немного, но это вышло какъ-то само собой, помимо его желанія.

Очень ужъ ему нравилось это чаепитіе въ свѣтлой и чистой комнатѣ съ окнами въ безграничный просторъ зеленаго поля и голубого неба. И еще что-то ему нравилось,—не то жена, не то онъ самъ. Въ концѣ-концовъ ему хотѣлось показать себя съ самой лучшей стороны, быть героемъ наступающаго дня.

— Примусь я тутъ работать—даже небу жарко станетъ, вотъ какъ! Потому есть причина у меня на это. Во-первыхъ, люди здѣсь, я тебѣ скажу, не существующіе на землѣ!

Онъ разсказалъ свой разговоръ съ докторомъ, и такъ какъ онъ опять незамѣтно для себя нѣсколько нафантазировалъ,—это обстоятельство еще болѣе усилило его настроеніе.

— Во-вторыхъ, работа сама. Это, братъ, великое дѣло, вродѣ войны, напримѣръ. Холера и люди—кто кого? Тутъ умъ требуется и чтобы все было въ аккуратѣ. Что такое холера? Это надо понять и сейчасъ валяй ее тѣмъ, чего она не терпитъ! Мнѣ докторъ Ващенко говоритъ: ты, говоритъ, Орловъ, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ нужный. Не робей, говоритъ, и гони ее изъ ногъ въ брюхо больного, а тамъ, говоритъ, я ее кисленькимъ и прищемлю. Тутъ ей и конецъ, а человѣкъ-то ожилъ и весь вѣкъ свой насъ съ тобой благодарить должонъ, потому кто его у смерти отнялъ? Мы!—и Орловъ гордо выпятилъ грудь, глядя на жену возбужденными глазами.

Она задумчиво улыбалась ему въ лицо, онъ былъ красивъ и

очень походилъ теперь на того Гришу, какимъ она видѣла его когда-то давно, еще до свадьбы.

— У насъ въ отдѣленіи тоже всѣ такія работящія и добрыя. Докторша то-олстая, въ очкахъ, а потомъ фельдшерицы. Хорошіе люди; говорятъ съ тобой таково просто и все у нихъ понимаешь.

— Такъ ты, значитъ, ничего, довольна?—спросилъ Григорій, нѣсколько остывъ отъ возбужденія.

— Я-то? Господи! Ты посуди: я получаю 12 руб., да ты 20... вѣдь, 32 рубля въ мѣсяцъ! На готовомъ на всемъ! Это, ежели до зимы хворать будутъ люди, сколько мы накопимъ?... А тамъ, Богъ дастъ, и поднимемся изъ подвала-то...

— Н-да, это тоже важная статья...—задумчиво сказалъ Орловъ и, помолчавъ, воскликнулъ съ паѳосомъ надежды, ударивъ жену по плечу:—Эхъ Матренка, али намъ солнце не улыбнется? Не робей знай!

Она вся загорѣлась.

— Только бы ты стерпѣлъ...

— А про это—молчокъ! По кожѣ шило, по жизни рыло... Иная жизнь, иное и поведенье мое будетъ.

— Господи, кабы это случилось!—глубоко вздохнула женщина.

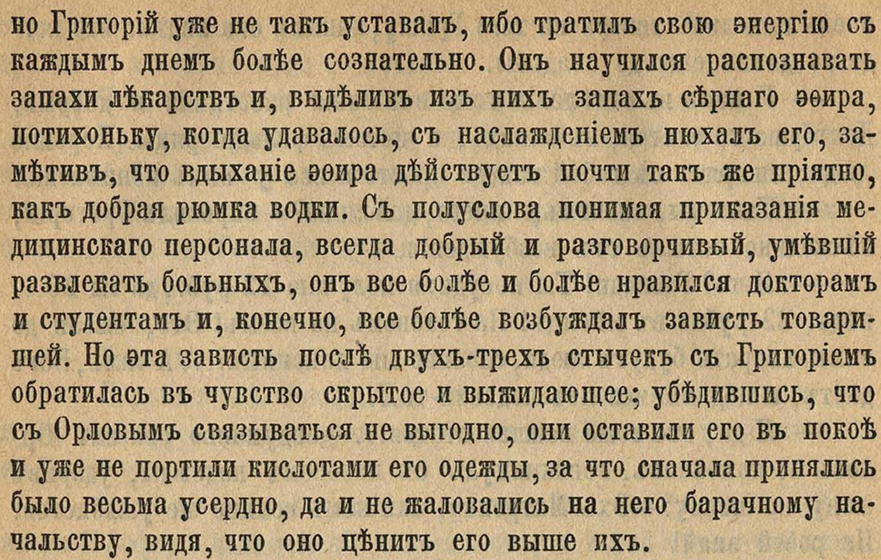
— Ну, и цыцъ!

— Гришенька!

Они разстались съ какими-то новыми чувствами другъ къ другу, воодушевленные надеждами, готовые работать до изнеможенія, бодрые и веселые.

Прошло дня три-четыре и Орловъ уже заслужилъ нѣсколько лестныхъ отзывовъ о себѣ, какъ о сметливомъ и расторопномъ маломъ и вмѣстѣ съ этимъ замѣтилъ, что Пронинъ и другіе служители въ баракѣ стали относиться къ нему съ завистью и желаніемъ насолить. Онъ насторожился и въ немъ тоже возникла злоба противъ толсторожаго Пронина, съ которымъ онъ не прочь былъ вести дружбу и бесѣдовать «по-душѣ». Въ то же время ему дѣлалось какъ-то горько при видѣ явнаго желанія товарищей по работѣ нанести ему какой-либо вредъ. «Эхъ злыдари!—восклицалъ онъ про себя и тихонько поскрипывалъ зубами, стараясь не упустить удобный случай заплатить врагамъ «за лычко ремешкомъ». И невольно мысль его останавливалась на женѣ;—съ той можно говорить про все, она его успѣхамъ завидовать не будетъ и, какъ Пронинъ, карболкой сапогъ ему не сожжетъ.

Всѣ дни работы были такіе же бурные и кипучіе, какъ первый,



но Григорій уже не такъ уставалъ, ибо тратилъ свою энергію съ каждымъ днемъ болѣе сознательно. Онъ научился распознавать запахи лѣкарствъ и, выдѣливъ изъ нихъ запахъ сѣрнаго эѳира, потихоньку, когда удавалось, съ наслажденіемъ нюхалъ его, замѣтивъ, что вдыханіе эѳира дѣйствуетъ почти такъ же пріятно, какъ добрая рюмка водки. Съ полуслова понимая приказанія медицинскаго персонала, всегда добрый и разговорчивый, умѣвшій развлекать больныхъ, онъ все болѣе и болѣе нравился докторамъ и студентамъ и, конечно, все болѣе возбуждалъ зависть товарищей. Но эта зависть послѣ двухъ-трехъ стычекъ съ Григоріемъ обратилась въ чувство скрытое и выжидающее; убѣдившись, что съ Орловымъ связываться не выгодно, они оставили его въ покоѣ и уже не портили кислотами его одежды, за что сначала принялись было весьма усердно, да и не жаловались на него барачному начальству, видя, что оно цѣнитъ его выше ихъ.

А у Орлова, подъ вліяніемъ совокупности всѣхъ впечатлѣній новой формы его бытія, образовалось странное, повышенное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ, далеко не ровней своимъ сослуживцамъ, и скоро онъ уже могъ относиться къ нимъ безъ подозрѣнія и зла, а небрежно, съ презрѣніемъ, часто даже открыто посмѣиваясь надъ ними. И въ немъ съ нѣкоторыхъ поръ забилось желаніе сдѣлать что-то такое, что обратило бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило убѣдиться въ его правѣ на самочувствіе, такъ поднявшее его въ своихъ глазахъ. Это было своеобразное честолюбіе человѣка, который вдругъ созналъ себя таковымъ и, какъ бы еще неувѣренный въ этомъ новомъ для него фактѣ, хотѣлъ подтвердить его чѣмъ-либо для себя и другихъ; это было честолюбіе, постепенно перерождавшееся въ жажду безкорыстнаго подвига.

Изъ такого побужденія Орловъ совершалъ разныя рискованныя вещи, вродѣ того, что единолично, не ожидая помощи товарищей и надрываясь, тащилъ коренастаго больного съ койки въ ванну, ухаживалъ за самыми грязными больными, относился съ какимъ-то ухарствомъ къ возможности зараженія, а къ мертвымъ—съ простотой, порою переходившей въ цинизмъ. Но все это не удовлетворяло его; ему хотѣлось чего-то болѣе крупнаго, это желаніе все разгоралось въ немъ, мучило его и, наконецъ, доводило до тоски. Тогда онъ изливалъ душу женѣ, потому что больше было некому.

Однажды вечеромъ, смѣнившись съ дежурства и попивъ чаю, супруги вышли въ поле. Баракъ стоялъ далеко за городомъ, сре-

ди длинной, зеленой равнины, съ одной стороны ограниченной темной полосой лѣса, съ другой—линіей городскихъ зданій, на сѣверѣ поле уходило вдаль и тамъ, зеленое, сливалось съ мутно-голубымъ горизонтомъ, на югѣ его обрѣзывалъ крутой обрывъ къ рѣкѣ, а по обрыву шелъ трактъ и стояли на равномъ разстояніи другъ отъ друга старыя, вѣтвистыя деревья. Заходило солнце, и кресты городскихъ церквей, возвышаясь надъ темной зеленью садовъ, пылали въ небѣ, отражая снопы золотыхъ лучей, и на стеклахъ оконъ крайнихъ домовъ города тоже отражалось красное пламя заката. Гдѣ-то играла музыка; изъ оврага, густо-поросшаго ельникомъ, по полю вѣяло смолистымъ запахомъ; лѣсъ тоже разстилалъ въ воздухѣ свой сложный, сочный ароматъ; легкія, душистыя волны теплаго вѣтра ласково плыли къ городу, и въ полѣ, пустынномъ и широкомъ, было такъ славно, тихо и сладко-печально.

Орловы шли по травѣ и молчали, съ удовольствіемъ вдыхая чистый воздухъ вмѣсто барачныхъ запаховъ.

— Гдѣ это музыка играетъ, въ городѣ или въ лагеряхъ?—тихонько спросила Матрена у задумавшагося мужа.

Она не любила видѣть его думающимъ,—онъ казался чужимъ ей и далекимъ отъ нея въ эти минуты. Послѣднее время имъ и такъ мало приходится бывать вмѣстѣ, и тѣмъ болѣе она дорожила этими моментами.

— Музыка?—переспросилъ Григорій, точно освобождаясь отъ дремы.—А чортъ съ ней, съ этой музыкой! Ты бы послушала, какая въ душѣ у меня музыка... вотъ это такъ!

— А что?—тревожно взглянувъ ему въ глаза, спросила она.

— А я не знаю что... Значитъ и разсказать не могу тебѣ... да и могъ бы, такъ развѣ ты поймешь? Горитъ у меня душа... Хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! Силу я въ себѣ чувствую — необоримую! То-есть, еслибъ эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: «Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры». Больше ничего не надо...

Онъ говорилъ, билъ себя въ грудь руками и лицо его горѣло, а глаза сверкали.

— Страшный ты мой!—ласково шепнула Матрена, прижимаясь къ нему бокомъ.

— Понимаешь... на сто ножей бросился бы я... но чтобы съ пользой! Чтобъ отъ этого облегченіе вышло жизни. Потому, вижу я людей: докторъ Ващенко, студентъ Хохряковъ—работаютъ они, даже удивленіе! Имъ бы давно надо умереть съ устатка... Изъ-за денегъ, думаешь? Изъ-за денегъ такъ работать нельзя. У доктора, слава-те Господи! Есть-таки кое-что и еще немножко... А старикъ захворалъ прошлый разъ, такъ Ващенко за него четверо сутокъ отбарабанилъ, даже домой не съѣздилъ за все время... Деньги тутъ не причемъ; тутъ жалость причина. Жалко имъ людей,—ну, и не жалѣютъ себя... ради кого, спроси? Ради всякаго... Ради Мишки Усова... Мишкѣ мѣсто въ каторгѣ, потому всякій знаетъ, что Мишка воръ, а можетъ и хуже... Мишку лѣчатъ... И рады, когда онъ всталъ съ койки, смѣются... Вотъ и я хочу эту самую радость испытать и чтобы было много ея... задохнуться бы мнѣ въ ней. Потому что смотрѣть на нихъ, какъ они смѣются отъ своей радости—заноза мнѣ. Взною весь и загорюсь. Хочу!... А какъ? Эхъ ты... чортъ!

Орловъ безнадежно махнулъ рукой и снова глубоко задумался.

Матрена молчала, но сердце у нея билось тревожно, ее пугало это возбужденіе мужа и въ словахъ его она ясно чувствовала великую страсть его желанія, непонятнаго ей, потому что она и не пыталась понять его. Ей былъ дорогъ и нуженъ мужъ, а не герой.

Они подошли къ краю оврага и сѣли рядомъ другъ съ другомъ. Снизу на нихъ смотрѣли кудрявыя вершины молоденькихъ березокъ, на днѣ оврага уже лежала синеватая мгла, оттуда несло сыростью, гніющими листьями, хвоей. Порой вдоль оврага тихо проносился вѣтеръ, вѣтки березъ колыхались, колыхались и маленькія ели,—весь оврагъ наполнялся трепетнымъ, боязливымъ шепотомъ, казалось, кто-то нѣжно-любимый и оберегаемый деревьями, заснулъ въ оврагѣ подъ ихъ сѣнью и они чуть-чуть перешептываются о немъ, боясь разбудить его. А въ городѣ вспыхивали огни и на темномъ фонѣ его садовъ они выдѣлялись какъ красноватые цвѣты. И въ небѣ зажигались звѣзды. Орловы сидѣли молча: онъ задумчиво барабанилъ пальцами по своему колѣну, она поглядывала на него и тихонько вздыхала.

И вдругъ, охвативъ его за шею руками, она положила на грудь ему свою голову и шепотомъ заговорила:

— Голубчикъ ты мой, Гришенька! Милый ты мой! Какой ты теперь опять хорошій ко мнѣ сталъ, удалой ты мой! Вѣдь, будто тогда... послѣ свадьбы живемъ мы съ тобой... ни слова обиднаго

ты мнѣ не скажешь, разговоры всѣ со мной говоришь... душу открываешь... не зыкаешь на меня.

— А ты соскучилась объ этомъ? Я инъ поколочу, если хочешь,—ласково пошутилъ Григорій, ощущая въ душѣ приливъ нѣжности и жалости къ женѣ.

Онъ сталъ рукой тихо гладить ея голову и ему нравилась эта ласка,—она была такая отеческая,—ласка взрослаго ребенку. Матрена въ самомъ дѣлѣ похожа была на ребенка; она взобралась уже къ нему на колѣни и сжалась у него на груди въ маленькій мягкій и теплый комокъ.

— Сильный ты мой!—шептала она.

Ему нравилось и то, что она называетъ его сильнымъ. Онъ глубоко вздохнулъ и на языкъ ему сами собой потекли новыя для него и жены его слова.

— Эхъ ты, кошечка бѣдная! Ласковая... видишь, какъ никакъ, а нѣтъ друга ближе мужа. А ты все въ сторону норовишь... Вѣдь, ежели я иной разъ обижалъ тебя—отъ тоски это, Мотря. Жили въ ямѣ... Свѣту не видѣли, людей почти не знали. Выбрался я изъ ямы и прозрѣлъ, вродѣ какъ слѣпой былъ, па счетъ жизни. И понимаю теперь, что жена, какъ-никакъ, первый въ жизни другъ. Потому люди змѣи и гады, ежели правду сказать... Все язву желаютъ другому нанести... Къ примѣру—Пронинъ, Васюковъ... Э, ну ихъ къ... Молчокъ, Мотря! Выправимся, не робѣй... Выйдемъ въ люди и заживемъ съ понятіемъ... Ну? Чего ты, дуреха ты моя?

Она плакала сладкими слезами счастія и на вопросъ его отвѣтила поцѣлуями.

— Единственная ты моя!—шепталъ онъ и тоже цѣловалъ ее.

Оба они стирали поцѣлуями слезы другъ друга и оба чувстволи ихъ солоноватый вкусъ. И долго еще говорилъ Орловъ новыми для него словами.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Небо, пышно расцвѣченное безчисленными роями звѣздъ, смотрѣло на землю съ торжественной грустью, а въ полѣ было тихо, точно въ небѣ.

---

У нихъ вошло въ привычку пить чай вмѣстѣ. На другое утро, послѣ разговора въ полѣ, Орловъ явился въ комнату жены чѣмъ-то сконфуженный и хмурый. Фелицата захворала, Матрена была одна въ комнатѣ и встрѣтила мужа съ сіяющимъ лицомъ, но тотчасъ же потемнѣла и тревожно спросила у него:

– Что ты такой? Нездоровится?

— Нѣтъ ничего,—сухо отвѣтилъ онъ, садясь на стулъ и подвигая къ себѣ уже налитый чай.

— А что же?—добивалась Матрена.

— Не спалось. Все думалъ... Раскудахтались мы съ тобой вчера, смякли... и мнѣ теперь стыдно себя... Ни къ чему все это. Ваша сестра въ такихъ разахъ норовитъ человѣка въ руки взять... н-да... Только ты про это не мечтай,—не удастся... Меня ты не обойдешь и я тебѣ не поддамся... Такъ и знай!

Онъ сказалъ все это очень внушительно, но на жену не смотрѣлъ. Матрена все время не отводила глазъ отъ его лица и губы ея странно искривились.

— Что же, ты каешься въ томъ, что вчера такимъ мнѣ близкимъ былъ?—тихо спросила она.—Каешься, что цѣловалъ да ласкалъ меня? Это что ли? Обидно мнѣ это слышать... очень горько, рвешь ты мнѣ сердце такими рѣчами. Чего тебѣ надо? Скучно тебѣ со мной... не люба я тебѣ, или что?

Она смотрѣла на него подозрительно и въ тонѣ ея звучали и горечь, и вызовъ мужу.

— Н-нѣтъ... — смущенно сказалъ Григорій, — я вообще... Жили мы съ тобой въ ямѣ... знаешь сама, что за жизнь! Даже вспоминать тошно. И вотъ теперь поднялись... и боязно чего-то. Все такъ скоро перемѣнилось... И я самъ себѣ какъ чужой и ты другая будто бы. Это что такое? И что за этимъ будетъ?

— Что Богъ дастъ, Гриша!— серьезно сказала Матрена.— Ты только не кайся въ томъ, что хорошъ вчера былъ.

— Ладно, брось...—все такъ же смущенно и вздыхая остановилъ ее Григорій.—Я, видишь ли, думаю, что все-таки ничего не выйдетъ у насъ. И прежняя жизнь наша не цвѣтиста и теперешная мнѣ не по-душѣ. И хоть не пью я, не дерусь съ тобой, не ругаюсь...

Матрена судорожно засмѣялась.

— Некогда тебѣ теперь заниматься-то всѣмъ этимъ.

— Напиться я всегда бы нашелъ время,—улыбнулся Орловъ.—Не тянетъ... вотъ диво! А потомъ мнѣ вообще... какъ-то, не то совѣстно чего-то, не то боязно...—онъ тряхнулъ головой и задумался.

— Господь тебя знаетъ, что съ тобой,—тяжело вздохнувъ, сказала Матрена.— Житье хорошее, хоть работы и много, всѣ доктора тебя любятъ, самъ ты въ аккуратѣ себя держишь... ужъ я не знаю что. Безпокойный ты очень.

— Это вѣрно, безпокойный... Вотъ я думалъ ночью: Петръ

Ивановичъ говоритъ: всѣ люди равны другъ другу, а я развѣ не человѣкъ, какъ всѣ? Но, однако, докторъ Ващенко получше меня, и Петръ Ивановичъ получше, и многіе другіе... Значитъ они мнѣ не равны... и я имъ не ровня, я это чувствую. Они вылѣчили Мишку Усова и рады... А я этого не понимаю. И вообще чему радоваться, коли человѣкъ выздоровѣлъ? Жизнь у него хуже холерной судороги, ежели говорить по правдѣ. Они понимаютъ это, но рады... И я тоже хотѣлъ бы порадоваться, какъ они, а не могу... Потому что чему же радоваться опять-таки?

— А они жалѣютъ людей,—возразила Матрена,—охъ какъ жалѣютъ! У насъ тоже... начнетъ поправляться больная, такъ, Господи, что дѣлается! А которая бѣдная идетъ на выписку, такъ ей и совѣтовъ, и денегъ, и лѣкарствъ надаютъ... Даже слеза меня прошибаетъ... добрые люди, жалостливые!

— Вотъ и ты говоришь—слеза... А меня удивленіе беретъ... Больше ничего—Орловъ повелъ плечами и потеръ себѣ голову, недоумѣвающе поглядѣвъ на жену.

У нея откуда-то явилось краснорѣчіе и она съ усердіемъ начала доказывать мужу, что люди вполнѣ достойны жалости. Наклонясь къ нему и глядя въ лицо его ласкающими глазами, она долго говорила ему про людей и тяжесть жизни, а онъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

«Ишь какъ говоритъ! Откуда у нея слова?»

— Вѣдь и самъ ты жалостливый, говоришь, удушилъ бы холеру, ежели бы сила. А для чего? Кому она помѣха? Людямъ, а не тебѣ; тебѣ отъ того, что она явилась, даже лучше жить стало.

Орловъ вдругъ расхохотался.

— А, вѣдь, вѣрно! И впрямь лучше! Ахъ ты дуй ее горой! Люди мрутъ, а мнѣ отъ этого жить лучше, а?... Вотъ такъ жизнь! Тьфу!

Онъ всталъ и смѣясь ушелъ на дежурство. Когда онъ шелъ по коридору, у него вдругъ явилось сожалѣніе о томъ, что кромѣ него никто не слыхалъ рѣчей Матрены. «Ловко говорила! Баба, баба, а тоже понимаетъ кое-что». И, охваченный какимъ-то пріятнымъ чувствомъ, онъ вошелъ въ свое отдѣленіе на встрѣчу хрипамъ и стонамъ больныхъ.

Съ каждымъ днемъ міръ его чувствъ все болѣе расширялся и вмѣстѣ съ этимъ росла потребность говорить. Разсказать цѣликомъ все то, что въ немъ творится, онъ не могъ, конечно, ибо большая часть его ощущеній и думъ были неуловимы для него. Въ немъ разгоралась обидная зависть, почему онъ не можетъ радоваться за людей.

Вслѣдъ за этимъ въ немъ вспыхивало желаніе совершить какой-нибудь подвигъ и поразить имъ всѣхъ. Онъ чувствовалъ, что его положеніе въ баракѣ ставитъ его какъ-то между людей: доктора и студенты выше его, служители ниже,—что же такое онъ самъ? И его охватывало одиночество; тогда ему казалось, что судьба играетъ съ нимъ, сдула его съ мѣста и носитъ въ воздухѣ, какъ перо. Ему становилось жалко себя и онъ шелъ къ женѣ. Иногда онъ не хотѣлъ этого, считая, что откровенность съ ней унижаетъ его въ ея глазахъ, и все-таки шелъ. Приходилъ угрюмый и настроенный то злобно, то скептически, уходилъ же почти всегда обласканный и спокойный. У его жены оказались свои слова, ихъ мало было, они были просты, но въ нихъ всегда было много чувства, и съ удивленіемъ онъ замѣчалъ, что Матрена занимаетъ въ его жизни все болѣе мѣста, все чаще ему приходится думать о ней и говорить съ ней «по душѣ».

Она въ свою очередь хорошо понимала это и всячески старалась расширить свое возрастающее значеніе въ его жизни. Они роковымъ образомъ сближались другъ съ другомъ, но однажды, совершенно неожиданно для нихъ, это сближеніе заключилось такъ:

Утромъ хмураго сентябрьскаго дня на дворъ барака въѣхала фура, и Пронинъ вынулъ изъ нея маленькаго мальчика, перепачканнаго красками, костляваго, желтаго, едва дышавшаго.

— Опять изъ дома Петунникова съ Мокрой улицы,—сообщилъ возница на вопросъ, откуда больной.

— Чижикъ!—огорченно вскричалъ Орловъ,—ахъ ты Господи! Мальчонка такой шустрый и тоже схватила дьявольская зараза! Сёмка! Чижъ! Ты меня узнаешь?

— У...узналъ...—съ усиліемъ сказалъ Чижикъ, лежа на носилкахъ и медленно заводя глаза подъ лобъ, чтобы видѣть Орлова, который шелъ у него въ головахъ и склонился надъ нимъ.

— Ахъ ты... веселая птица! Какъ же это ты сбрендилъ?—спрашивалъ Орловъ. Онъ былъ какъ-то странно встревоженъ видомъ этого мальчугана, измученнаго болѣзнью.—Мальчишку-то за что?—воплотилъ онъ въ одинъ вопросъ свои ощущенія и печально качнулъ головой.

Чижикъ молчалъ и пожимался.

— Холодно,—сказалъ онъ, когда его положили на койку и стали снимать съ него прокрашенные всѣми красками лохмотья.

— А вотъ мы тебя сейчасъ въ горячую воду пустимъ...—обѣщалъ Орловъ.—И вылѣчимъ.

Чижикъ потрясъ головенкой и зашепталъ:

— Не вылѣчишь... Дяденька Григорій... наклонись-ка... Ухомъ. Гармонику-то я стащилъ... Она въ дровяникѣ... Это я отъ нея и захворалъ... Третьяго дня въ первой разъ тронулъ послѣ того, какъ укралъ. А-ахъ какая! Спряталъ ее... а тутъ и брюхо заболѣло... Вотъ... Значитъ за грѣхъ это... Она подъ лѣстницей на стѣнкѣ виситъ... и дровами я ее заложилъ... Вотъ... Ты, дяденька Григорій, отдай ее... У гармониста сестра есть... Спрашивала... От-да-ай!... Онъ застоналъ и началъ корчиться въ судорогахъ.

Съ нимъ сдѣлали все, что могли, но истощенное, худое тѣльце не крѣпко держало въ себѣ жизнь, и вечеромъ Орловъ несъ его на носилкахъ уже въ мертвецкую. Несъ и чувствовалъ себя такъ, точно его обидѣли.

Въ мертвецкой Орловъ попробовалъ расправить тѣло Чижика, но это ему не удалось. Орловъ ушелъ убитый, хмурый, унося съ собой образъ изувѣченнаго страшною болѣзнью веселаго мальчика.

Его охватило разслабляющее сознаніе своего безсилія предъ смертью и непониманіе ея. Сколько онъ хлопоталъ около Чижика, какъ ревностно трудились надъ нимъ доктора... умеръ мальчикъ! Это обидно... Вотъ и его, Орлова, схватитъ однажды и скрючитъ... И кончено. Ему стало страшно и рядомъ съ этимъ чувствомъ его охватило одиночество. Поговорить бы съ умнымъ человѣкомъ насчетъ всего этого. Онъ не разъ пробовалъ завести обширный разговоръ съ кѣмъ-либо изъ студентовъ, но никто не имѣлъ времени для философіи, и попытки Григорія тоже не имѣли успѣха. Приходилось идти къ женѣ и говорить съ ней. И онъ пошелъ къ ней, хмурый и печальный.

Она только что смѣнилась съ дежурства и мылась въ углу комнаты, но самоваръ уже стоялъ на столѣ и наполнялъ воздухъ паромъ и шипѣніемъ.

Григорій молча сѣлъ на стулъ и сталъ смотрѣть на голыя, круглыя плечи жены. Самоваръ бурлилъ, плескалась вода, Матрена фыркала, по коридору взадъ и впередъ быстро бѣгали служителя, и Григорій по походкѣ старался опредѣлить, кто идетъ.

Вдругъ ему представилось, что плечи Матрены такъ же холодны и покрыты такимъ же липкимъ пȏтомъ, какъ у Чижика, когда тотъ корчился въ судорогахъ на больничной койкѣ. Онъ вздрогнулъ и глухо сказалъ:

— Умеръ Сёмка-то.

— Умеръ!? Царство небесное новопреставленному отроку Се-

мену!—молитвенно сказала Матрена и вслѣдъ затѣмъ начала свирѣпо плеваться,—мыло попало ей въ ротъ.

— Жалко мнѣ его,—вздохнулъ Григорій.

— Озорникъ больно былъ.

— Умеръ и шабашъ! Не твое теперь дѣло, каковъ онъ былъ... А что умеръ—это жалко. Бойкій былъ, шустрый... Гармонію... гм! Ловкій мальчонка... Я, иной разъ, смотрѣлъ на него и думалъ: взять его къ себѣ вродѣ какъ въ ученики... Сирота онъ... привыкъ бы и сталъ замѣсто сына намъ... Потому—нѣтъ вотъ у насъ дѣтей-то... Нѣтъ... Здоровенная ты такая, а не родишь... Родила одинъ разъ, да и кончено. Эхъ ты! Были бы у насъ пискуны эдакіе, глядишь, не такъ скучно жилось бы намъ... А то вотъ живи, работай... А для чего? Для пропитанія своего, да твоего... А куда мы... куда намъ пропитаніе? Чтобы работать... Колесо безсмысленное и выходитъ... А ежели были бы дѣти—другой разговорецъ. Н-да...

Онъ говорилъ это, низко опустивъ голову, тономъ грусти и недовольства. Матрена стояла предъ нимъ и слушала, постепенно блѣднѣя.

— Я здоровый, ты здоровая, а дѣтей нѣтъ... Что такое? Почему? Н-да... Думаешь, думаешь эдакъ-то и... запьешь!

— Врешь!—твердо и громко сказала Матрена.—Врешь ты! Не смѣй ты мнѣ этихъ подлыхъ твоихъ словъ говорить... слышишь? Не смѣй! Пьешь ты—такъ себѣ, изъ баловства, потому что сдержать себя не можешь, а бездѣтство мое не причемъ тутъ; врешь, Гришка!

Григорій былъ ошеломленъ. Онъ откинулся на спинку стула, взглянулъ на жену и не узналъ ее. Никогда раньше онъ не видалъ ее такою разъяренной, никогда она не смотрѣла на него такими безжалостно-злыми глазами и не говорила съ такою силой въ словахъ.

— Ну, ну?!—вызывающе произнесъ Григорій, вцѣпившись руками въ сидѣнье стула.—Ну-ка, говори еще.

— И скажу! Не сказала бы, но укора твоего такого не могу снести!... Не рожу я тебѣ? И не буду! Не могу ужъ... Не рожу!... рыданіе послышалось въ ея крикѣ.

— Не ори!—предупредилъ ее мужъ.

— Почему не рожу, а? Ну-ка вспомни, Гриша, сколько ты меня билъ? Сколько пинковъ въ бока мнѣ насыпалъ?... сосчитай-ка! Какъ ты мучилъ, истязалъ меня? Знаешь ли ты сколько крови изъ меня лилось послѣ мучительства твоего? По шею рубаха-

то въ крови бывала! Вотъ я почему не рожу, мужъ милый! Какъ же ты можешь упреки мнѣ дѣлать за это, а? Какъ же рожѣ твоей не совѣстно смотрѣть-то на меня?... Вѣдь, убивецъ ты! Понимаешь ли—убивецъ! Убивалъ ты, самъ убивалъ дѣтокъ-то своихъ! А теперь меня упрекаешь за то, что не рожу... Все я отъ тебя сносила, все я тебѣ прощала,—этакихъ словъ во вѣки не прощу! Умирать буду—вспомню! Неужто ты не понимаешь, что самъ виноватъ, что извелъ ты меня? Неужто я не какъ всѣ женщины—не хочу дѣтей!? Не хочу, думаешь!? А-а! Многія ночи я не спамши Господа Бога молила сохранить дитя въ утробѣ моей отъ тебя, убивца... Вижу дитя чужое—горечью захлебываюсь отъ зависти, да жалости къ себѣ самой... Мнѣ бы... Царица небесная!... Сёмку этого... тихонько ласкала... Что я? Господи! Безплодная...

Она стала задыхаться. Слова прыгали изъ ея рта безъ смысла и безъ связи.

Лицо у нея было все въ пятнахъ, она дрожала и царапала себѣ шею, потому что въ горлѣ ея клокотали рыданія. Крѣпко держась за стулъ, Григорій, блѣдный и подавленный, сидѣлъ противъ нея и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на эту чужую ему женщину. И боялся ея... боялся, что она вцѣпится ему въ горло и задушитъ его. Именно это обѣщали ему ея страшные, горящіе злобой глаза. Она была теперь вдвое сильнѣе его, онъ это чувствовалъ и трусилъ; не могъ встать и ударить ее, какъ сдѣлалъ бы, еслибы не понималъ, что она переродилась, точно впитала въ себя великую силу откуда-то.

— Душу ты мнѣ задѣлъ... въ сердце женское кулакомъ ты ударилъ... Гришка! Великъ твой грѣхъ передо мной! Терпѣла я, молчала... люблю тебя потому что... ну, не могу я попрека такого снести... Силъ ужъ нѣтъ... Богоданный ты мой! будь ты за слова твои трижды прокл...

— Молчать!—рявкнулъ Гришка, съ храбростью отчаянія.

— Вы, скандалисты! Забыли гдѣ вы? Черти проклятые!

У Григорія былъ туманъ въ глазахъ. Не разобралъ онъ, кто стоитъ въ двери и говоритъ басомъ, выругался самымъ невозможнымъ образомъ, оттолкнулъ человѣка въ сторону и убѣжалъ въ поле. А Матрена, постоявъ среди комнаты съ минуту, шатаясь и точно слѣпая, протянувъ руки впередъ, подошла къ койкѣ и со стономъ свалилась на нее.

Темнѣло и уже въ окна комнаты съ неба изъ сизыхъ, рваныхъ тучъ заглядывала любопытно золотистая луна, покрывая полъ тѣнями.

Вскорѣ по стекламъ оконъ и стѣнѣ барака зашуршалъ мелкій частый дождь, предвѣстникъ безконечныхъ, наводящихъ тоску дождей хмурой осени.

Маятникъ часовъ равномѣрно отбивалъ секунды, неустанно били въ стекла капли дождя. Одинъ за другимъ шли часы и дождь все шелъ, а на койкѣ неподвижно лежала женщина и смотрѣла воспаленными глазами въ потолокъ. Лицо у нея было мрачное, строгое, зубы крѣпко стиснуты, скулы выдались и въ глазахъ свѣтилось что-то непреклонное. А дождь все шуршалъ о стѣны и стекла; казалось, онъ настойчиво шепчетъ что-то утомительно-однообразное, хочетъ убѣдить кого-то въ чемъ-то, но не имѣетъ достаточно страсти для того, чтобы сдѣлать это быстро, красиво, съ силой, и надѣется достичь своей цѣли мучительною, безконечно-длинною, безцвѣтною проповѣдью, въ которой нѣтъ паѳоса и нѣтъ горячаго чувства вѣры въ истину проповѣдуемаго.

Дождь шелъ и тогда, когда небо покрылось предразсвѣтнымъ колоритомъ, обѣщающимъ ненастный день и такъ похожимъ на цвѣтъ столоваго ножа, долго бывшаго въ употребленіи и лишеннаго блеска полировки.

А Матрена Орлова все еще не спала, и на лицѣ ея ясно отражалось нетерпѣливое ожиданіе чего-то неизбѣжнаго.

Прошелъ еще часъ, дождь усилился. Въ полѣ стоялъ туманъ, тяжелый и сырой. Съ крышъ текла и булькала вода, неба не видно было сквозь сѣрую мглу, поднимавшуюся съ земли.

По коридору барака ходили люди, и Матрена чутко прислушивалась къ ихъ шагамъ. Вотъ шаги, знакомые ей.

Дверь отворилась, и вошелъ Григорій. Онъ остановился у порога, бросилъ на полъ мокрый картузъ, и картузъ шлепнулся, какъ кусокъ грязи. Съ Орлова текло. Лицо у него было длинное, мокрое отъ дождя, глаза тусклые, утомленные; когда онъ подошелъ къ кровати, Матрена слышала, какъ въ сапогахъ его хлюпала вода.

Она сѣла на кровати на встрѣчу мужу и смотрѣла въ лицо ему своимъ строгимъ, рѣшительнымъ взглядомъ. Онъ не снесъ этого взгляда и опустилъ голову. Весь пропитанный водой, съ приставшей къ тѣлу одеждой и склоненною головой онъ былъ жалокъ.

— Хочешь въ ноги поклонюсь?—спросилъ онъ жену.

Она молчала, ища его глазъ своими.

— Не хочешь...—продолжалъ онъ послѣ длинной паузы.—Ну твое дѣло... Всю ночь я прошлялся по полю, все думалъ: виноватъ я предъ тобой или нѣтъ? Вижу—виноватъ. Во многомъ...

Вотъ и говорю: — хочешь, молъ, въ ноги поклонюсь?... А ты молчишь...

Она молчала.

— Прошу прощенья вѣдь... какъ передъ Богомъ... отъ всей души! Понялъ, что виноватъ,—прошу прощенья... Простишь?

— Не могу,—сказала Матрена.

— Не можешь?

— Противъ совѣсти...—не могу. Простила бы все... Зачѣмъ ты безплодьемъ попрекнулъ? Отвернуло это меня отъ тебя навсегда!

— Не простишь, значитъ?

— Ни... никакъ не могу!—съ увѣренностью сказала Матрена, тиснувъ себѣ грудь обѣими руками.

— Такъ что же теперь будетъ?—поднялъ Григорій голову.— Какъ будемъ жить-то? Хуже прежняго значитъ? Прости лучше, Матрена Андреевна... а то я за себя не поручусь... Зарѣжу, смотри!

Онъ смотрѣлъ на нее сухими, воспаленными глазами и странно улыбался.

— Ну, виноватъ я... во многомъ. Такъ вѣдь прошу прощенья... Али это мнѣ легко сдѣлать? Ты подумай—я у тебя... эй, смотри, не дури!—онъ очень зловѣще сказалъ ей эти предупреждающія слова и голосъ его былъ хриплъ, губы дрожали и ноздри тоже вздрагивали.

Матрена знала, что это значитъ, но осталась спокойной, сидя на кровати и смотря въ лужу грязной воды на полу у ногъ Григорія.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Эхъ, кабы ты меня зарѣзалъ!...—глубоко вздохнувъ, сказала она.

Тогда онъ отшатнулся отъ нея, вздрогнувъ.. Вся его злоба къ ней за униженіе, которому она подвергла его, вдругъ пропала. Колѣни у него дрогнули, и онъ медленно опустился на полъ, не глядя на нее.

— Смотри, Мотря... послѣдній разъ... всталъ на колѣни... ну? Не мучь ужъ...

Она ахнула и быстро встала на ноги противъ него.

— Не проси... не могу солгать, не могу простить... ни одна женщина не проститъ такого попрека... Христомъ Богомъ заклинаю тебя—уйди! Не могу съ тобой жить... Будь я проклята, ежели другого заведу, но не могу съ тобой... не могу! Гриша, отпусти!

Онъ быстро вскочилъ съ пола и молча уставился ей въ лицо. Глаза его были сухи и рѣшительны; онъ снова съ обидой почувствовалъ, что она сильнѣе его.

— Гриша, подумай! Что за жизнь будетъ? Любила я тебя такъ и терпѣла все и вела себя честно... А теперь что? Все ты оторвалъ у меня...

Приливъ какой-то дикой удали, страстнаго желанія вырваться изъ тяжелаго гнетущаго душу хаоса чувствъ, вдругъ охватилъ Григорія Орлова. Онъ много вдохнулъ въ себя воздуха и сказалъ женѣ спокойно, съ сдержанною силой, гордо выпрямившись.

— А наплевать мнѣ на тебя и на любовь твою и провались ты хоть сквозь землю,—мнѣ все равно.

Ему показалось, точно онъ перепрыгнулъ черезъ какую-то гадкую яму, которую вдругъ увидалъ у себя подъ ногами, и въ то же время точно тяжесть какая свалилась съ него.

Матрена смотрѣла на него съ недовѣріемъ, съ изумленіемъ двигала губами, но не говорила ни слова.

Онъ расправилъ плечи, вздохнулъ еще разъ и сказалъ:

— Ну, и прощай теперь! Чортъ съ тобой! Не поминай лихомъ! Не увидимся... а можетъ быть и увидимся, это какъ я захочу... Но ежели увидимся,—не хорошо тебѣ будетъ, такъ и знай! Прощай!

Онъ твердо подошелъ къ порогу, поднялъ съ пола картузъ, налѣпилъ его себѣ на голову, крякнулъ, поёжился и исчезъ.

Матрена изумленно посмотрѣла на дверь, на лужи въ комнатѣ, на свое испачканное платье, повторила еще разъ этотъ осмотръ и робко, недовѣрчиво улыбнулась.

И вслѣдъ затѣмъ лицо ея вспыхнуло огнемъ надежды на что-то, она оборотилась въ уголъ, встала на колѣни и начала молиться, усердно отбивая земные поклоны, задыхаясь въ страстномъ шепотѣ своей молитвы и растирая грудь и горло себѣ дрожащими отъ возбужденія руками.

А дождь неутомимо шепталъ свою возмутительно-скучную проповѣдь.

---

Съ годъ тому назадъ я осматривалъ ремесленную школу въ N. Моимъ чичероне былъ знакомый человѣкъ, одинъ изъ основателей ея. Онъ водилъ меня по образцово-устроенной школѣ и разсказывалъ.

— Какъ видите, мы можемъ похвалиться... чадо наше растетъ и развивается на славу. Учительскій персоналъ на удивленіе подобрался. Въ сапожной и башмачной мастерской, напримѣръ, учительница—простая сапожница, баба, т.-е. даже бабеночка, вкусная такая, шельма, но безупречнѣйшаго поведенія—впрочемъ, это къ чорту... н-да. Такъ, вотъ, эта бабочка простая, говорю, сапож-

ница, но какъ она работаетъ!... какъ умѣло преподаетъ свое ремесло, съ какою любовью относится къ ребятишкамъ—изумительно! Безцѣнная помощница... за 12 р. и квартиру при школѣ ломитъ... и еще двухъ сиротъ содержитъ на свои убогія средства! Это, я вамъ скажу, преинтересная фигура.

Онъ такъ усердно расхваливалъ сапожницу, что вызвалъ во мнѣ желаніе познакомиться съ ней.

Это скоро устроилось, и вотъ однажды Матрена Андреевна Орлова разсказывала мнѣ свою печальную жизнь. Первое время послѣ того, какъ она разошлась съ мужемъ, онъ не давалъ ей покоя, приходилъ къ ней пьяный, устраивалъ скандалы, подстерегалъ ее всюду и билъ нещадно. Она терпѣла.

Когда баракъ закрыли, докторша предложила Матренѣ Андреевнѣ устроить ее при школѣ и оградить отъ мужа. И то, и другое удалось, и Орлова зажила спокойною, трудовою жизнью; выучилась подъ руководствомъ знакомыхъ фельдшерицъ грамотѣ, взяла себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ изъ пріюта—дѣвочку и мальчика,—и работаетъ, довольная собой, съ грустью и со страхомъ вспоминая свое прошлое. Въ воспитанникахъ своихъ она души не чаетъ, значеніе своей дѣятельности понимаетъ широко, относится къ ней сознательно, и среди заправилъ школы заслужила всеобщій интересъ и уваженіе къ себѣ. Но она кашляетъ сухимъ, подозрительнымъ кашлемъ, на впалыхъ щекахъ ея горитъ зловѣщій румянецъ и въ сѣрыхъ глазахъ ютится много грусти. Отозвалось супружество съ безпокойнымъ Гришкой.

А онъ махнулъ рукой на жену и вотъ уже третій годъ не безпокоитъ ее. Онъ иногда является въ N, но не показываетъ своихъ глазъ Матренѣ. Онъ «босячитъ», какъ опредѣлила она мнѣ родъ его жизни.

Мнѣ удалось познакомиться и съ нимъ. Я нашелъ его въ одной изъ городскихъ трущобъ, и въ два-три свиданія мы съ нимъ были друзьями. Повторивъ исторію, разсказанную мнѣ его женой, онъ задумался ненадолго и потомъ сказалъ:

— Вотъ такъ-то значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня, да и шлепнуло. Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль, или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тормаш-

ками съ высоты и... и въ дребезги! Н-да-а! Чортъ-те возьми... скучно! И ахъ какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!... Думалъ я, сбросивъ съ шеи Матрешку,—н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднятъ! Анъ не тутъ-то было,—фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, небойсь! Я себя проявлю! Какъ? это одному дьяволу извѣстно... Жена? Ну ее ко всѣмъ чертямъ! Развѣ такимъ, какъ я, жена нужна? На кой ее... когда меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки. Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ! Эхъ ты жизнь, дьявольская ты премудрость!

Я слушалъ его и думалъ: бѣдные русскіе люди! Научитесь ли вы съ толкомъ сжигать ваши хорошія сердца?

Тяжелая дверь кабака, въ которомъ сидѣлъ я съ Орловымъ, то и дѣло отворялась и при этомъ какъ-то сладострастно повизгивала. И внутренность кабака возбуждала представленіе о какой-то водяной пасти, которая медленно, но неизбѣжно поглощаетъ одного за другимъ бѣдныхъ русскихъ людей, безпокойныхъ и иныхъ, погибающихъ такъ жестоко-глупо.

**М. Горькій.**

---

# МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

(Повѣсть).

---

4 марта 189... г.

«Человѣкъ только тогда интересенъ, когда говоритъ о себѣ самомъ», сказалъ вчера Львовъ. Какъ это противорѣчитъ тому, къ чему я привыкла съ дѣтства. Мать никогда не говоритъ о себѣ. Она говоритъ о книгахъ, о народѣ (больше всего о народѣ), о всеобщемъ обученіи, о гигіенѣ, обо мнѣ, о друзьяхъ, но о себѣ—никогда... И меня она пріучила къ этому. Мнѣ стыдно говорить о себѣ, даже съ мужемъ... А часто является какая-то тоска, какое-то желаніе высказаться, понять, разобраться... И тогда меня тянетъ писать... Сколько разъ въ минуты тревоги, сомнѣнія, горя я садилась за эту тетрадь. Но являлась малодушная боязнь пошлости такъ называемыхъ «дневниковъ», я начинала искать форму, оригинальность,—ничего не выходило, и я бросала.

Я совсѣмъ не умѣю писать; у меня нѣтъ «пріемовъ», нѣтъ нужныхъ словъ и выраженій. Да я и не хочу «литературы». Я хочу правды, хочу ясности, а главное—хочу искренности. А это труднѣе всего. Мы всѣ съ дѣтства уже такъ отравлены рисовкой, что почти невозможно освободиться отъ нея... И эта рисовка особенно выплываетъ въ письмахъ и въ дневникахъ... «Мы»! Не мы, женщины, а всѣ мы — люди; мужчины рисуются не меньше женщинъ... Только нѣкоторые побольше, другіе поменьше.

И я всю жизнь рисовалась чѣмъ-нибудь: рисовалась «исканіемъ правды», рисовалась тѣмъ, что ни въ чемъ не находила удовлетворенія, пыталась «постичь», бросалась изъ конца въ конецъ, принималась серьезно учиться, хотѣла приносить пользу и кончила тѣмъ, что вышла замужъ за красавца-гвардейца. И вотъ пять лѣтъ я рисуюсь своимъ семейнымъ счастьемъ, моими семейными добродѣтелями... Я сознаю, что я самая обыкновенная женщина и не имѣю права занимать кого-нибудь своею особой... Я даже хотѣла

поставить въ заголовкѣ этой тетради: «Дневникъ *обыкновенной* женщины». Но для чего заглавіе? Я пишу только для себя, для себя одной, и хочу говорить здѣсь все, что у меня есть въ головѣ и на сердцѣ.

Сегодня мнѣ отчего-то особенно тоскливо... Мартовское солнце свѣтитъ черезчуръ ярко... Хочется плакать отъ его веселыхъ лучей.

5 марта.

Вчера мнѣ помѣшали писать. Пришла Ольга Совѣтова со своимъ страннымъ горемъ, со своими непонятными слезами. Она замужемъ года четыре, влюблена въ мужа и обожаетъ дѣтей... И постоянно плачетъ... И приходитъ плакать ко мнѣ, а я не могу себѣ представить, какъ, любя человѣка, можно горевать объ этомъ.

Мужъ Ольги влюбленъ въ княгиню Т. Ей уже лѣтъ тридцать пять, но она «все еще хороша», какъ говорятъ про женщинъ извѣстнаго возраста; у нея мужъ, четверо дѣтей, большое состояніе, большая свита. Прошлаго года изъ этой свиты она выбрала мужа Ольги, благообразнаго адвоката, серьезнаго и умнаго человѣка. Не забуду, съ какой радостью прилетѣла ко мнѣ Ольга, какъ захлебывалась она отъ счастья, что ея мужъ повеселѣлъ, ожилъ; она «подъ страшнымъ секретомъ» разсказала мнѣ все: какъ она догадывалась о несчастной любви Бориса, какъ страдала за него, какъ слѣдила за его мучительными безсонными ночами и сама не спала съ вечера до утра... Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей онъ и разсказалъ ей «все», и она плакала вмѣстѣ съ нимъ. А потомъ—это было прошлой весной—наступило счастье... Совѣтовы поселились въ Петергофѣ, потому что тамъ жила княгиня Т.; Борисъ всѣ вечера проводилъ у нея или съ нею, и моя Ольга была въ восторгѣ. Ей тоже все нравилось въ княгинѣ: и ростъ, и золотистые волосы, и улыбка, и шляпы, и выѣздъ... Она, подъ предлогомъ заботъ о дѣтяхъ и домѣ, оставила знакомство съ княгиней только на визитахъ, чтобы «не мѣшать мужу», и искренно радовалась его радостямъ. Вся зима была для Ольги наполнена счастьемъ ея Бориса... Она передавала мнѣ всѣ свои тревоги о немъ, всѣ свои радости за него. И только объ одномъ заботилась, чтобы никто не зналъ объ этомъ «романѣ», какъ называетъ она всегда отношенія мужа къ княгинѣ. Я не понимаю, что̀ при этомъ говоритъ въ ней: боязнь быть смѣшной? Искренняя забота о репутаціи княгини Т.? Оскорбленное самолюбіе, если узнаютъ, что она—несчастная жена? Такъ неужели же оскорбленное самолюбіе больнѣе нераздѣленной любви? Для нѣкоторыхъ, кажется,—да.

Вчера Ольга пріѣхала ко мнѣ заплаканная, разстроенная.

— Что случилось? — прямо спросила я.

— Уѣзжаетъ,—какъ-то глухо и безнадежно проговорила Ольга.

— Кто? Куда?

— Княгиня... уѣзжаетъ... И тотъ тоже ѣдетъ...

Я ничего не понимала и боялась спрашивать, — боялась, что «тотъ» — мужъ Ольги.

Она опять заговорила возбужденно и со слезами въ голосѣ:

— Я уже давно подозрѣвала... Только Борѣ не говорила... Весь постъ она была неразлучна съ этимъ Чистовскимъ... Весь постъ! И въ итальянской оперѣ, и во всѣхъ концертахъ, и на concours hippiques—все вмѣстѣ... Только Боря не замѣчалъ, бѣдный!

Она замолчала. Мнѣ надо было что-нибудь сказать.

— Куда же она уѣзжаетъ?

— Говоритъ, что во Франценсбадъ... А что тамъ Чистовскому дѣлать?... Бѣдный Боря! Туча-тучей!... У насъ въ домѣ опять тоска и печаль... Дѣти скучные такіе... Я не могу такъ жить, Лёля! Я поѣду къ ней!

— Къ кому? Къ княгинѣ?

— Да. Къ ней.

— Зачѣмъ?

— Умолять ее не уѣзжать... Вѣдь мой Борисъ съ ума сойдетъ... Онъ не перенесетъ этого... Зачѣмъ же она цѣлый годъ держала его на привязи? Зачѣмъ показывала, что онъ дорогъ ей?... Неужели этотъ идіотъ Чистовскій милѣе для нея?

И она горько заплакала. Вошелъ мой мужъ, и Ольга сразу овладѣла собою.

— Меня такъ намучилъ дантистъ, что я заѣхала къ Лёлѣ выплакаться... Такъ слезы и льются, помимо воли...

И она весело разсмѣялась. Владиміръ, кажется, и не заподозрилъ искренности ея словъ.

Прощаясь со мной, она значительно прошептала мнѣ:

— Никому на свѣтѣ!...

Она все еще надѣется, что никто не знаетъ о любви ея мужа и княгини... Да, это секретъ Полишинеля. Еще на-дняхъ, у насъ, говорили объ этомъ громко, точно дѣло шло о всѣмъ извѣстной пьесѣ и ея исполнителяхъ. Владиміръ, со своей прямолинейностью и честностью, возмущался этой исторіей и горячо нападалъ на Совѣтова:

— Сорокалѣтній болванъ! Милая жена, двое дѣтей, дѣлъ много, а онъ за этой развратницей бѣгаетъ всюду...

Помню, что Львовъ заступился за княгиню; тогда мужъ началъ пересчитывать всѣ ея исторіи и нападалъ на ея «откровенное непостоянство».

— Она смѣла, — сказалъ Львовъ, — и въ этомъ ея большая заслуга. Мы, русскіе, вообще не умѣемъ «смѣть». А женщины и подавно. Онѣ всегда рабы: рабы родителей, рабы мужа, рабы дѣтей, а больше всего рабы общества, условностей, рукавовъ пузырями, того, что «принято» и «не принято» и тому подобныхъ глупостей.

Надо было видѣть красивые глаза моего Владиміра. Какъ изумленно, почти испуганно онъ глядѣлъ на Львова.

6 марта.

Какъ я завидую Ольгѣ: она умѣетъ жаловаться, умѣетъ говорить о своемъ горѣ, умѣетъ плакать... Я или не умѣю, или мнѣ не съ кѣмъ быть откровенной. Я люблю мужа, но мнѣ и въ голову не придетъ разсказывать ему, что проходитъ у меня въ головѣ. Я обожаю мать и не могу съ ней говорить о себѣ. Почему это? Почему я, не живя ни одного дня одна, вѣчно одинока?

---

Весь вечеръ читали «Barbey d'Aurevilly». Какъ Львовъ хорошо читаетъ: онъ увлекается самъ и увлекаетъ слушателя.

Владиміръ, по обыкновенію, весь вечеръ въ клубѣ.

---

9 марта.

Весна! Всѣ заговорили объ отъѣздѣ. Какъ я не люблю этого! Не люблю весны... Ночи безъ сна, дни безъ покоя... Отчего это?— сама не знаю.

— Ты слишкомъ много читаешь, — сказалъ мнѣ какъ-то мужъ. — Львовъ всѣ нервы издергалъ тебѣ своими французскими книжками.

Мать тоже находитъ, что современное направленіе французской литературы вредно, а нѣкоторыхъ писателей прямо зоветъ «сумасшедшими». Только въ этомъ она и сходится съ Владиміромъ, во всемъ же остальномъ они—антиподы. Мать ненавидитъ моего мужа и это отравляетъ мое счастье... Я постоянно между двухъ огней. Я молюсь на мою мать, ставлю ее выше всѣхъ на свѣтѣ и въ то же время люблю мужа, котораго мама не выноситъ. Она его никогда не выносила... Еще когда онъ мальчикомъ бывалъ у насъ, она называла его «фанфарономъ» и «ничтожествомъ», и только оттого, что у него въ Петербургѣ кромѣ насъ не было родственниковъ, къ кому бы онъ могъ ходить въ отпускъ, она разрѣшала ему

бывать у насъ. Она хотѣла, чтобъ я училась, читала серьезныя книги, развивала себя. И ей было тяжело, когда я искренно веселилась съ милымъ юнкеромъ кавалерійскаго училища, приносившимъ къ намъ беззаботное веселье, громкій смѣхъ, здоровье и молодость. Потомъ, когда Владиміръ вышелъ въ гвардію и завертѣлся въ петербургскомъ свѣтѣ, я какъ-то забыла о немъ. Онъ мало-по-малу совсѣмъ исчезъ изъ нашей жизни. Я окончила гимназію и стала серьезно заниматься: ходила на лекціи, училась добросовѣстно, читала усердно. Мама̀ руководила моими занятіями и давала мнѣ темы для моихъ работъ. Я и теперь глубоко сочувствую преданности мама̀ идеѣ нравственной и физической гигіены среди крестьянскихъ дѣтей. Она вся отдалась этому вопросу, много пишетъ для школьныхъ библіотекъ, издала множество книгъ для бабъ и для дѣтскаго чтенія... Въ первый же годъ по окончаніи мною гимназіи она издала мой разсказъ о вредѣ лжи. Разсказъ назывался «Врунья» и въ немъ, въ доступной для ребятъ формѣ, доказывалась безнравственность лжи... Мама̀ была довольна мною, но я—нѣтъ. Мнѣ хотѣлось чего-то добиться, хотѣлось вѣрить, что я дѣлаю хорошее, полезное дѣло. И никогда я не могла достичь этого. Я писала по маминой программѣ, помогала ей въ издательствѣ, была постоянно занята и все-таки тосковала. Какое-то неясное сомнѣніе не давало мнѣ покоя, убивало энергію... Мать, съ непоколебимой вѣрой въ свое дѣло, или не замѣчала моихъ сомнѣній, или не находила нужнымъ считаться съ моими взглядами. Помню, иногда хотѣлось бѣжать куда-нибудь отъ грустныхъ разговоровъ, отъ мрачныхъ картинъ, отъ возмущающихъ душу фактовъ. Къ намъ приходили друзья мама̀, и я постоянно жила въ воздухѣ благороднаго возмущенія и безсильнаго негодованія. Я сочувствовала всѣмъ имъ и возмущалась и негодовала вмѣстѣ съ ними, а все-таки тосковала и безсознательно жаждала чего-то другого. Я усердно работала, искренно собиралась идти въ сельскія учительницы, рѣшила—какъ мать—посвятить себя пользѣ и благу темнаго ближняго и тосковала и чего-то ждала. Когда я говорила объ этомъ матери или ея друзьямъ, они не понимали меня, иногда смѣялись надо мною, и я мало-по-малу ушла отъ нихъ, ушла въ себя. Мама̀ не выносила противорѣчій, не допускала непониманія ея взглядовъ. Я не могла безусловно подчиняться ея требованіямъ, не могла думать, говорить и жить по ея шаблону, и страстно желала свободы, радости, счастья.

Разъ, въ такомъ настроеніи (мнѣ уже было двадцать одинъ годъ), я бродила съ матерью по выставкѣ картинъ. Въ окна смо-

трѣлъ мрачный мартовскій день; мокрый снѣгъ лѣниво опускался на землю и сейчасъ же таялъ; небо было одного цвѣта съ грязной землей. Кругомъ изъ золотыхъ рамъ смотрѣли на насъ сѣрые пейзажи, умирающія дѣти и голодные мужики. Мама̀ подолгу останавливалась передъ нѣкоторыми картинами и восхищалась «идеей». Я зѣвала. Мнѣ хотѣлось солнца, синяго неба, красоты.

— Лёля!—услыхала я около себя веселый голосъ.

Оглянулась: Володя Барминъ, здоровый, свѣжій, бодрый.

— Какая вы хорошенькая стали!—удивленно прибавилъ онъ, сверкая своими крупными зубами.

Мнѣ сразу стало весело, хотя я замѣтила, что мама̀ передернуло отъ «пошлости», сказанной Володей.

Мы заговорили о томъ, какой ужасный городъ Петербургъ, гдѣ даже родственники годами не встрѣчаются, заговорили о себѣ, о дѣтствѣ, о чемъ-то совсѣмъ не похожемъ на голодныхъ мужиковъ и больныхъ дѣтей. Теперь я не припомню, о чемъ собственно мы говорили, но помню, что когда мы возвращались съ мама̀ домой, меня занимали хлопья снѣга, шлепавшіе меня по щекамъ, и я отчего-то громко и много смѣялась.

Володя сталъ бывать у насъ каждый день. Мы, т.-е. я и мои двѣ кузины, смѣялись надъ его невѣжествомъ, надъ его беззаботнымъ отношеніемъ къ жизни, надъ его выхоленностью и нарядностью,—но и его невѣжество, и его беззаботность, и его изящество были милы намъ. Онъ поддразнивалъ меня моею ученостью, прозвалъ меня почему-то Шарлоттой Кордэ и смѣшилъ насъ всѣхъ до упаду. Вся зима прошла въ сплошномъ весельи; я очнуться не успѣла, какъ ужъ Володя говорилъ мнѣ «ты» и цѣловалъ меня. Мама̀ и слышать не хотѣла, чтобъ я вышла за него замужъ. Она не могла «не отдать» меня: это было противъ ея принциповъ, но она считала своимъ долгомъ постоянно говорить, что Барминъ—ничтожество, что онъ невѣжда... Даже его здоровье, его красоту, его хорошій аппетитъ мама̀ ставила ему въ упрекъ. А мнѣ именно и нравилось, что онъ такой красивый, здоровый, такой нормальный... Я была совершенно счастлива, когда изъ всѣхъ насъ (двѣ мои кузины были тоже влюблены въ него, и Ольга Совѣтова тоже немного) онъ выбралъ меня. Я такъ сіяла счастьемъ, что мнѣ было стыдно. И я не могла тогда сердиться ни на кого, не то что на мама̀. Помню, разъ вечеромъ она пришла ко мнѣ такая блѣдная, взволнованная и заговорила о Володѣ, а я смотрѣла на прямыя пряди ея обстриженныхъ, торчащихъ изъ-за уха, волосъ, и думала: «Бѣдная мама̀! Она никогда въ жизни не любила по-настояще-

му и ничего не понимаетъ!» А она въ это время говорила, что не «того» ожидала отъ меня, что считала меня «серьезнымъ человѣкомъ» со «стремленіями» и съ «запросами». Она сказала, что ей стыдно за меня. Меня это разсердило, и я безжалостно бросила ей:

— Я люблю его больше всѣхъ въ мірѣ.

— Ты не можешь любить его,—кротко сказала мнѣ мама̀.

— Почему?

— Ты слишкомъ умна и серьезна, чтобы любить такого человѣка. Ты просто влюбилась въ него. Проанализируй свои чувства, Лёля, и тогда рѣшай, что дѣлать... Еще не поздно взять назадъ слово.

Я анализировала на всѣ лады и ничего не выходило. Я чувствовала, что милѣе Владиміра для меня никого не было. Мнѣ было стыдно, что я совсѣмъ забросила серьезныя книги и умные разговоры; мнѣ самой казалось страннымъ, что я, изо всѣхъ нашихъ знакомыхъ, выбрала красиваго офицера, я даже вначалѣ точно стыдилась моего чувства и при другихъ старалась показывать снисходительное равнодушіе къ Владиміру. Но каждый разъ, когда онъ приходилъ, я совсѣмъ и не вспоминала ни о моемъ стыдѣ, ни о книгахъ, ни объ «умныхъ разговорахъ».

Чѣмъ дальше, тѣмъ безпощаднѣе становилась мать къ моему жениху; она находила его и пустымъ, и необразованнымъ, съ отсталыми понятіями; разъ даже сказала, что онъ просто «красивое животное»... Тогда я разсердилась и все разсказала Владиміру (выдала мать!), онъ поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Я тебя еще больше люблю за это!

Мнѣ стало весело, и мы назначили день свадьбы. Конечно, съ моей стороны было непростительной глупостью разсказать все Владиміру. Я навсегда испортила отношенія мужа съ мама̀. И мнѣ это очень тяжело. Я не могу жить безъ нихъ обоихъ и постоянно разрываюсь. Владиміръ, добрый и милый со всѣми, не можетъ скрыть своего раздраженія противъ мама̀, а она и до сихъ поръ, т.-е. черезъ пять лѣтъ, не вѣритъ, что я люблю мужа... А я искренно люблю его, только... мнѣ скучно съ нимъ. Вотъ почему я и завела эту тетрадь...

---

20 марта.

Заѣзжала Ольга. Кажется, княгиня раздумала ѣхать за границу, и она въ восторгѣ.

Былъ Львовъ. Собирается ѣхать за границу. Мужъ послѣ его ухода забавно представлялъ, какъ онъ говоритъ, растягивая слова,

что его тянетъ въ Италію, въ эту страну, «обмытую темно-синимъ моремъ, покрытую темно-синимъ небомъ», гдѣ и на улицахъ, и въ музеяхъ, и въ домахъ онъ видитъ великіе образцы высочайшаго и совершеннѣйшаго искусства... Мужъ такъ похоже представляетъ Дмитрія Александровича, что я разсердилась. Львовъ другъ его матери, знаетъ Владиміра съ дѣтства, бываетъ у насъ почти каждый день—и мужъ постоянно смѣется надъ нимъ и за глаза насмѣшливо зоветъ его «избранная натура». Это прозвище явилось вслѣдствіе одного разговора. Львовъ разсказывалъ про многіе годы своего житья за границей, вспоминалъ, какъ онъ цѣлыми мѣсяцами «жилъ» въ какой-нибудь одной комнатѣ музея, изучая, наслаждаясь.

Мужъ долго слушалъ его молча и когда Львовъ замолчалъ, онъ спросилъ его:

— Ну и что же?

— Какъ что?—не понялъ его Львовъ.

— Вы сами-то дѣлаете что-нибудь?

— Въ какомъ смыслѣ?—удивленно спросилъ Львовъ.

— Работаете? Занимаетесь чѣмъ-нибудь? — пояснилъ Владиміръ.

— А зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?

— Да я спрашиваю васъ, зачѣмъ работать.

Мужъ растерялся немного.

— Я даже не знаю, какъ вамъ отвѣтить... Какъ жить, ничего не дѣлая? Я не понимаю... Если вамъ не нуженъ заработокъ, то хотя бы для карьеры... Наконецъ, для пользы государства...

— Видите ли, милый Владиміръ Степановичъ, — сказалъ Львовъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—я много думалъ объ этомъ, пока дошелъ до моего ничегонедѣланія... Вѣдь дѣятельность—что-то ограниченное, условное. По-вашему какая-нибудь дѣятельность полезна, по-моему вредна... И я не вижу абсолютно полезнаго дѣла... А я не могъ бы отдаться чему-нибудь всецѣло, еслибъ сомнѣвался въ этомъ.

Мужъ молчалъ. Замолчалъ и Львовъ.

Тогда я спросила его:

— И вамъ не скучно?

— Нисколько. Неужели веселѣе сидѣть въ департаментѣ, или учить солдатъ разстрѣливать себѣ подобныхъ, или писать никому ненужныя книги, или учить грамотѣ деревенскихъ ребятъ, чтобы

они къ двадцати годамъ забыли ее? Плодить «рецидивистовъ неграмотности»... Не думаю, чтобы свобода была скучнѣе всего этого. А только тотъ свободенъ, «кто сидитъ, ничего не дѣлая, и наблюдаетъ».

— И такъ вся жизнь пройдетъ?

— Что-жъ? «Нужно стараться быть чѣмъ-нибудь, а не сдѣлать что-нибудь», сказалъ одинъ англійскій писатель. И развѣ это не правда?

— Хорошо, у кого средства есть на это, — отвѣтилъ ему мужъ.

Мнѣ стало непріятно отъ этихъ словъ Владиміра. Не знаю почему: отъ рѣзкости ли тона, или отъ смысла фразы. Львовъ спокойно улыбнулся и сказалъ:

— Мои средства вы знаете. Заработокъ былъ бы для меня не лишнимъ. Но онъ покупается слишкомъ большой жертвой — лишеніемъ свободы и компромиссами. Я не могу идти ни на то, ни на другое. Вы спросили меня вчера, у Марьи Михайловны, отчего я не женился. Я отвѣтилъ вамъ какой-то шуткой. А сегодня скажу серьезно: все та же неспособность на жертву и на компромиссы. А пожалуй то же сомнѣніе, какъ и относительно труда: нужно ли это? И та же увѣренность, что бракъ, какъ трудъ,—что-то ограниченное и условное.

Вдругъ онъ разсмѣялся и, обратившись въ мою сторону, сказалъ мнѣ:

— Пожалуйста, не слушайте, что я говорю... Я не знаю, почему я сегодня такой искренній... Обыкновенно я отвѣчаю шутками... Когда меня спрашиваютъ: «отчего я не женюсь»?—я отвѣчаю, что слишкомъ люблю чужихъ женъ, чтобы любить свою собственную; когда же удивляются, отчего я не работаю,—я говорю словами того же англійскаго писателя: «избранныя натуры не должны ничего дѣлать».

— И признайтесь, сами вѣрите этому?—спросилъ мужъ.

— Немного.

Всѣ добродушно разсмѣялись, но насмѣшливое прозвище «избранная натура» такъ и осталось за Львовымъ. И это гадость со стороны Владиміра.

---

26 марта. Пасха.

Разъ пятьдесятъ пришлось отвѣтить на вопросы: «гдѣ были у заутрени? Гдѣ разговлялись? Нигдѣ!...

---

28 марта.

Устала. Устала отъ ненужныхъ посѣтителей, отъ ненужныхъ разговоровъ, вообще отъ «ненужности» каждаго дня.

Львовъ вернулся изъ деревни, мужъ видѣлъ его у своей maman. Почему онъ не заѣхалъ къ намъ?

29 марта.

Я кажется нездорова... Мѣста себѣ не нахожу... И какъ ему не скучно говорить все объ одномъ и томъ же: служба и maman!... Кромѣ этого ничто его не интересуетъ, ничто и никто... Служба и maman! Пять лѣтъ я слышу все одно и то же съ маленькими варіаціями. Пять лѣтъ! Я замужемъ уже пять лѣтъ; только пять лѣтъ. Помню, какая радость билась у меня въ сердцѣ, когда меня водили кругомъ аналоя, рядомъ съ красавцемъ Володей, и стройный хоръ пѣлъ въ нашу честь «гимнъ счастья». Я оглядывалась кругомъ: грустная мама, задумчивыя кузины, снисходительно-участливыя лица маминыхъ друзей, красные мундиры шаферовъ, ордена и ленты моихъ новыхъ родственниковъ. Мигающія свѣчи въ паникадилахъ, свѣтлыя ризы, торжественное пѣніе. Я была такъ счастлива, что тутъ же хотѣла броситься на шею Володѣ. Мнѣ казалось, что смыслъ жизни найденъ. Или по крайней мѣрѣ казалось, что нечего искать его. А затѣмъ—новое положеніе полковой дамы, новыя знакомства, новыя отношенія. Мужъ баловалъ меня; у него оказался прекрасный характеръ, прекрасный аппетитъ и прекрасное здоровье. А для семейной жизни это громадное удобство! Я занималась хозяйствомъ, увлекалась обстановкой, туалетами, пріемами и, кажется, была совершенно счастлива. Отчего же мнѣ съ первыхъ же недѣль жизни въ казармахъ было такъ тяжело? Я была счастлива и томилась какой-то непонятной для меня тоской и невозможностью признаться кому-нибудь въ этой тоскѣ. И мама, должно быть, замѣчала мою тоску, и меня это раздражало. Она приносила мнѣ книги, журналы, передавала, что дѣлается въ ихъ кружкѣ, куда стремятся ея «хорошіе люди», старалась не замѣчать, что мужъ подтруниваетъ надъ ея дѣломъ, что я охладѣла къ ея стремленіямъ. Она объясняла мое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ тѣмъ, что я начала жить сознательно «въ антрактъ общественной жизни Россіи». Я каждый разъ безпощадно говорила ей, что люблю мужа и хочу быть только хорошей женой. Я не знаю, вѣрила ли я этимъ словамъ. Кажется, вѣрила. Я въ одинъ годъ какъ-то завяла нравственно, какъ-то ничто меня не радовало. Почему? Владиміръ былъ по-прежнему ласковъ со мной, но его ласки утомляли меня. Безконечные поцѣлуи, все одни и тѣ же

слова казались мнѣ скучными, и я украдкой зѣвала, сидя долгими часами въ объятіяхъ мужа. Не знаю, о чемъ думалъ онъ въ эти часы. Я же часто думала совсѣмъ не о немъ, не о поцѣлуяхъ, не объ объятіяхъ. И мнѣ хотѣлось бѣжать къ мама̀, разсказать ей все, умолить ее научить меня быть счастливой. Но я не шла; я не могла бывать тамъ, гдѣ не любили Владиміра, гдѣ не одобряли моего брака съ нимъ, гдѣ смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ.

Потомъ вдругъ опять все измѣнилось во мнѣ. Я опять расцвѣла.

Разъ мама̀ пріѣхала ко мнѣ съ рѣшеніемъ снова заинтересовать меня своимъ дѣломъ.

— Лёля! У меня спѣшная работа... Не возьмешься ли ты помочь мнѣ?

Я хотѣла сказать ей: «да, конечно», но почти противъ воли объявила ей:

— Я беременна.

Мама̀ была трогательно радостна и довольна. Уѣзжая она какъ-то особенно бережно поцѣловала меня и серьезно спросила:

— Ты счастлива?

— Очень!—отвѣтила я ей искренно.

— Это все, чего, въ сущности, я хочу для тебя,—сказала мама̀ и съ тѣхъ поръ какъ-то отошла отъ меня.

Но мнѣ никого и не надо было. Беременность была сплошнымъ физическимъ страданіемъ, сплошнымъ нравственнымъ праздникомъ. Всѣ старанія были направлены на то, какъ бы заглушить и успокоить тошноту, какъ бы лечь такъ, чтобы не было больно мнѣ или вредно для «него»; всѣ думы были отданы «ему», этому будущему человѣку, уже жившему во мнѣ. Я знала, для чего я ѣмъ, для чего сплю, для чего гуляю по нѣсколько разъ въ день. Все вдругъ получило смыслъ, все дѣлалось для того, кто воплощалъ въ себѣ великій міровой законъ, и этому закону я подчинялась съ полнымъ сознаніемъ долга, отдавала ему всѣ свои заботы, всѣ думы и мечтанія.

Мужъ водилъ меня гулять, былъ нѣженъ и заботливъ, но я какъ-то перестала замѣчать его присутствіе, перестала скучать въ его отсутствіи. Какая-то тихая радость неустанно горѣла въ моемъ сердцѣ. Послѣдніе два мѣсяца я не могла лечь ни на правый, ни на лѣвый бокъ, ни на спину:—меня душило; я цѣлыми ночами не спала и переносила это безъ малѣйшаго ропота, скорѣе съ удовольствіемъ отъ сознанія, что для «него» отреклась отъ удобствъ и покоя, что «ему» уже нужны мои жертвы.

Къ концу беременности я была худа какъ скелетъ; верхняя губа обтянула зубы и какъ-то странно измѣнила мое лицо. Теперь, когда мнѣ такъ хочется быть изящной и красивой, я не могу понять, какъ я рѣшилась тогда сняться? Я была такъ счастлива, что хотѣла увѣковѣчить себя въ томъ видѣ, въ какомъ я испытала, казалось мнѣ, наивысшую радость. Я снята съ зализанными на верхъ волосами, въ безобразномъ коричневомъ капотѣ, высоко приподнявшемся спереди. Щеки ввалились, глаза ушли куда-то глубоко, но на всемъ лицѣ такое спокойствіе, такая радость, какой, конечно, у меня не бывало послѣ этого.

Когда мнѣ поднесли темно-красный комочекъ, со сморщеннымъ лицомъ и налипшими черными волосиками на головѣ, мнѣ показалось, что это что-то чужое, не мое, и только черезъ нѣсколько секундъ я поняла, что это мой ребенокъ, моя дочь. Она такъ изумленно смотрѣла на меня своими большими, неопредѣленнаго цвѣта глазами, точно спрашивала: «зачѣмъ вы дали мнѣ жизнь?» И мнѣ стало страшно. И этотъ страхъ все время шелъ рядомъ со счастьемъ имѣть ребенка. Когда мнѣ подносили кормить мою Иру и она жадно хватала беззубымъ ротикомъ грудь, а сама вкось упорно смотрѣла на меня, я опять читала въ ея взглядѣ тотъ же вопросъ и со страхомъ думала: какъ я отвѣчу ей?

Разъ я сказала объ этомъ мужу. Онъ возразилъ мнѣ:

— Все ты мудришь... Милліоны женщинъ рожаютъ,—милліоны дѣтей родятся и никогда не спрашиваютъ матерей, зачѣмъ они родятся.

Мнѣ стало досадно, зачѣмъ я заговорила съ мужемъ объ этомъ. Онъ не могъ понять меня.

Я кормила сама и поэтому не могла выѣзжать, забросила знакомыхъ. Владиміръ ѣздилъ одинъ, и я цѣлыми днями, цѣлыми вечерами сидѣла надъ корзиночкой моей Иры и наслаждалась моимъ одиночествомъ. (Можетъ быть, я въ это время и отвыкла отъ мужа?) Все въ моей дѣвочкѣ доставляло мнѣ радость: и ея слабый голосокъ, и какой-то особый запахъ молока и дѣтскаго тѣльца, и лайковая кожа, забавно сморщенная на перехватахъ ножекъ и ручекъ, и круглые пальцы на ножкахъ—точно крупныя горошины, и беззубый, мягкій ротикъ. Все мнѣ было мило, дорого, все давало и физическое и нравственное ощущеніе радости и счастья. Только ея глаза смущали меня. Что могла я ей отвѣтить? Въ лучшемъ случаѣ я могла обѣщать ей мою участь. Но развѣ для этого стоило давать ей жизнь?

Не помню, по какому поводу мы заговорили съ мужемъ на эту тему.

— Ты счастливѣйшая женщина въ мірѣ,—сказалъ онъ мнѣ съ убѣжденіемъ:—живешь въ теплой квартирѣ, вкусно ѣшь, ни въ чемъ не чувствуешь недостатка, мужъ тебя любитъ, льститъ твоему самолюбію. Ты красива, за тобой всѣ ухаживаютъ. Чего же еще тебѣ надо? Дай Богъ нашей Ирѣ такого счастья.

— А ты?—спросила я его.

— Что я?

— Ты тоже счастливѣйшій человѣкъ

— Конечно.

И онъ сказалъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что нельзя было ни секунды сомнѣваться въ его искренности.

Ира росла, черты лица начали опредѣляться и стали забавно походить на черты моей матери: тотъ же сухой, узкій носъ и тонкія губы съ поднятыми на верхъ углами. Я иногда долго, долго смотрѣла на нее и думала, что̀, если ее ждетъ судьба моей матери? Я видѣла заплаканное блѣдное лицо бѣдной мама̀ надъ умирающимъ сыномъ (моимъ братомъ), видѣла ее убитую горемъ послѣ смерти мужа, когда она цѣлыми сутками лежала безъ движенія, видѣла ея грустные глаза на свадьбѣ дочери и тоску и мученія одиночества. И мнѣ становилось страшно за Иру, я бросалась къ ней и просила у нея прощенія за то, что дала ей жизнь.

Шести мѣсяцевъ она уже сидѣла и пыталась что-то говорить. Мы съ няней умѣли изъ этихъ звуковъ понимать цѣлыя фразы и вели длинные разговоры втроемъ.

А потомъ... Потомъ было что-то ужасное. Пошли зубы, пошли безконечныя страданія. Дѣвочка совершенно измучилась, исхудала, тѣльце превратилось въ скелетъ, обтянутый сморщенной кожей. Одинъ докторъ сказалъ, что я должна бросить кормить, такъ какъ отъ постояннаго волненія, безпокойства, отъ безсонныхъ ночей—молоко стало вреднымъ для ребенка. Другой докторъ совѣтовалъ кормить, говорилъ, что дѣвочка слишкомъ слаба, чтобы ее переводить на другое кормленіе. И я ухватилась за это рѣшеніе доктора и не отказалась отъ громаднаго наслажденія—кормить своего ребенка. Зачѣмъ я это сдѣлала? Можетъ быть, Ира осталась бы жить, если бы не мой эгоизмъ?... Мое молоко не могло быть хорошимъ: я не была покойна ни днемъ, ни ночью. Всѣ мои думы, всѣ желанія были направлены на то, чтобы Ира заснула, чтобы Ира успокоилась... Какъ-то разъ она задремала у моей груди, и я сидѣла неподвижно, боясь разбудить ее. Вдругъ она закричала ост-

рымъ, протяжнымъ крикомъ. Я не знаю, что со мной сдѣлалось. Мнѣ хотѣлось самой кричать вмѣстѣ съ дѣвочкой. Я страдала остро и невыносимо, такъ же, какъ страдала она. Я помню, какъ пришелъ докторъ, какъ онъ качалъ головою, помню, какъ плакала няня... Но все это было что-то наружное, внѣшнее. Внутри меня уже было что-то болѣе ужасное, болѣе важное. Докторъ приходилъ по нѣсколько разъ въ день, и я съ ума сходила при видѣ термометра, когда тонкая бѣлая полоска ртути переходила за сорокъ.

На третьи сутки ночью я заснула около Иры. Она лежала поперекъ няниной кровати. Я сидѣла на полу, прислонившись головой къ постели няни, и сама не помню, какъ заснула.

— Барыня!—услыхала я испуганный голосъ няни.

Я вскочила и все поняла. Ира затихла и только тяжело дышала. Глаза были широко раскрыты и прямо смотрѣли на меня. Я взяла ее на руки, хотѣла дать ей грудь, но она не взяла ее и только продолжала дышать тяжело и глубоко.

— Няня? Да неужели же?—закричала я въ отчаяніи.

— Божья воля,—отвѣтила няня, всхлипывая.

Я стала какъ безумная цѣловать дѣвочку, мнѣ хотѣлось передать ей всю мою жизнь, все мое тепло, всю душу. Но Ира вдругъ замолкла, вздохнула еще разъ, вытянулась и потемнѣла. Глаза такъ и остановились на мнѣ съ вопросомъ: «Зачѣмъ вы дали мнѣ жизнь? Зачѣмъ вы дали мнѣ страданія?»

Я сидѣла надъ похолодѣвшимъ трупомъ и не могла понять, что случилось. Куда же дѣлась та сила, которая за минуту еще до этого давала и смыслъ и радость моему существованію? Кому понадобилась жизнь Ирины? Зачѣмъ она появилась на свѣтъ?

— Надо барина разбудить,—сказала няня.

Мужъ плакалъ надъ дочерью какъ ребенокъ. Онъ говорилъ, что докторъ предупреждалъ его, что Ирина не перенесетъ четырехъ зубовъ сразу, но онъ не думалъ, что это случится такъ скоро.

Няня закрыла дѣвочкѣ глаза и положила на нихъ по копейкѣ. Но правый глазъ все-таки остался полуоткрытымъ и даже изъ гроба спрашивалъ меня: «Зачѣмъ же вы дали мнѣ жизнь?»

Тутъ я поняла, какая страшная отвѣтственность имѣть дѣтей: пускать ихъ въ жизнь, т.-е. навязывать имъ страданія и вѣчную борьбу. Я не могу взять на себя этой отвѣтственности, не могу добросовѣстно и спокойно ссылаться на какіе-то міровые законы, не могу оправдываться тѣмъ, что всѣ женщины производятъ на свѣтъ, и не мудрствовать надъ этимъ, какъ говоритъ мужъ.

А безъ дѣтей пусто и не для кого жить.

Ночь.

Не спится. Воспоминанія объ Ирѣ разбудили во мнѣ какую-то особую нѣжную тоску. Не могу плакать, не умѣю молиться. Мужъ спитъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ здороваго и спокойнаго человѣка.

Вотъ три года какъ я совсѣмъ одинока. Мы по-прежнему дружны съ мужемъ, т.-е. не ссоримся, но у каждаго изъ насъ своя особая душевная жизнь. Онъ всецѣло отданъ службѣ, своимъ полковымъ интересамъ и отношеніямъ. Меня онъ любитъ, цѣнитъ, даже точно гордится мною. Но долгіе мѣсяцы беременности, затѣмъ кормленіе ребенка и, наконецъ, цѣлый годъ слезъ и горя послѣ смерти дочери отдалили насъ съ мужемъ другъ отъ друга; пропала потребность ежеминутнаго участія и сознанія, что есть кто-то, кому дорого знать, отчего грустно, о чемъ плачешь. Но было ли это когда-нибудь?

Вдругъ сейчасъ мнѣ показалось, что этого, въ сущности, никогда не было. Были поцѣлуи, были ласковыя слова, но рядомъ съ этимъ было полное душевное одиночество. И вотъ откуда эта постоянная тоска, точившая меня. Но до сихъ поръ я не отдавала себѣ отчета въ этомъ.

Зачѣмъ я задумала писать? Зачѣмъ я стала разбираться въ чувствахъ? Надо продолжать жить, какъ жила до послѣдняго времени: безъ бурь, безъ волненій, съ маленькими радостями, съ маленькими печалями. Сегодня какъ вчера, вчера какъ сегодня. Утромъ кофе въ постели, затѣмъ завтракъ вдвоемъ съ мужемъ, потомъ визиты или покупки, въ семь часовъ обѣдъ... Каждый день къ обѣду пріѣзжаетъ мать мужа и сидитъ съ нами до тѣхъ поръ, пока намъ не нужно ѣхать куда-нибудь. Maman сохраняетъ помѣщичью привычку обѣдать въ часъ и ужинать въ девять—и не измѣняетъ ей. Она обожаетъ Владиміра, своего единственнаго сына, и дѣлится съ нимъ всѣми своими впечатлѣніями. Каждый день у нея бываетъ цѣлый коробъ разсказовъ.

— Знаешь, Володенька, изъ Нагорнаго (имѣніе Барминыхъ) пріѣхала наша дьяконица и разсказывала, что нынѣшнюю зиму такъ много зайцевъ, что всѣ яблони подточили...

И начинаются длинные разговоры, воспоминанія, сообщенія. Меня точно и нѣтъ съ ними. Maman въ такомъ случаѣ совершенно забываетъ о моемъ присутствіи, или дѣлаетъ видъ, что забываетъ. Она съ презрѣніемъ относится къ «горожанамъ» и только въ помѣщикахъ видитъ «своихъ». Сначала это обижало меня, потомъ я привыкла, но до сихъ поръ ревную Владиміра къ

этой красивой старухѣ. Она высокая, полная, вся въ черномъ, всегда производитъ на меня подавляющее и непріятное впечатлѣніе. Моя мать ее положительно не выноситъ и она относится къ мамà недоброжелательно. Она не прощаетъ ей того, что она—«вдова тайнаго совѣтника» занимается не своимъ дѣломъ: издаетъ какія-то книжки для народа, да еще продаетъ ихъ. Она всѣмъ и каждому говорила, что ея двоюродный братъ (мой отецъ) сдѣлалъ непростительную глупость: женился на «либеральной» и «нерелигіозной» дѣвушкѣ. Она всю жизнь жалѣла его и была даже довольна, когда отецъ сталъ измѣнять моей бѣдной матери. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ, но я помню, какое горе дала его смерть матери, какъ она сразу состарилась послѣ потери мужа. И когда Владиміръ разсказываетъ мнѣ теперь про его кутежи и увлеченія,—я понимаю, почему я такъ мало видѣла отца въ дѣтствѣ, почему мать такъ много плакала за своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, почему въ ея глазахъ было всегда такъ много грусти и горя. Уже позже, когда она овдовѣла и вся отдалась «дѣлу», въ ней появилось то спокойствіе и уравновѣшенность, которыхъ такъ жажду я. Мама точно нашла смыслъ и оправданіе своему существованію, тогда какъ я...

Я, кажется, начинаю рисоваться сама передъ собою. О какомъ нравственномъ одиночествѣ я говорю? Развѣ я замѣчала его? Развѣ томилась имъ? Я много бывала одна, но я жила такъ же, какъ живутъ всѣ «дамы» моего круга. Я наряжалась, выѣзжала, принимала, дрессировала прислугу, заботилась о хорошей кухнѣ, о томъ, чтобы въ комнатахъ было накурено, чтобы лакей былъ stylé, чтобы столъ былъ безукоризненно накрытъ... Тысячи мелочей наполняли день и онъ уходилъ за другимъ такимъ же днемъ, и я не жалѣла его. Правда, часто мнѣ приходило въ голову: на что тратится вся жизнь? Но являлся мужъ, говорилъ, что пригласилъ къ обѣду такихъ-то и такихъ-то, и я съ полнымъ сознаніемъ долга и искреннею готовностью отдавалась заботамъ о закускѣ, саладѣ и винахъ. Иногда мнѣ бывало очень скучно, иногда—нѣтъ. Но развѣ мнѣ сознательно хотѣлось измѣнить что-нибудь?—Нѣтъ. Я, кажется, считала себя совершенно счастливой. Да и мамà, и всѣ знакомые считаютъ насъ съ Владиміромъ самыми счастливыми супругами; и по наружности, и по возрасту мы подходимъ другъ къ другу. Онъ высокій, статный, съ черными усами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ яркими, полными губами. Я—маленькая, худенькая блондинка. Ему тридцать два года, мнѣ двадцать семь. Мы любимъ другъ друга,

мы здоровы, средства у насъ хорошія... У мужа прекрасная дорога, онъ на хорошомъ счету...

— Ты счастливѣйшая изъ смертныхъ,—постоянно повторяетъ мнѣ мужъ.

— Какая ты счастливая! Какъ я завидую тебѣ!—говоритъ мнѣ каждый разъ Ольга.

— Ты счастлива, и я рада,—стало постояннымъ припѣвомъ мамà.

Да, я счастлива, конечно очень счастлива.

Почему мнѣ такъ грустно и тяжело жить?

4 апрѣля.

Сегодня у меня была мать. Пріѣхала звать меня завтра вечеромъ слушать только что полученную ею рукопись... Я отказалась и почему-то покраснѣла.

— Отчего ты не можешь?—спросила она.

— Я сама назначила Львову... Онъ придетъ читать...

— Опять Бодлэръ! Опять «Fleurs du mal»!... Да ты скажи разъ навсегда, что не понять тебѣ его «frisson nouveau»—онъ и отстанетъ...

Уѣзжая, она опять сказала мнѣ.

— Напиши Львову, что не будешь завтра дома... Не надоѣли тебѣ эти «Альбатросы?»...

6 апрѣля.

Что случилось? Надо разобраться, надо понять... Попытаюсь все разсказать этой тетради,—разсказать просто, искренно, безъ утрированнаго самобичеванія, безъ рисовки... Но какъ приняться? Все это такъ сложно и странно... Я путаюсь въ мысляхъ и словахъ и не знаю, съ чего начать. Я измучилась, исплакалась, не спала всю ночь и ничего не уяснила себѣ. Надо все по порядку... Люблю ли я мужа?—Конечно, люблю... Онъ такой добрый, красивый, милый... Мнѣ такъ было бы страшно потерять его! Какъ же объяснить вчерашній вечеръ? Вѣдь я не люблю Львова... Не люблю... Конечно, не люблю... Нѣтъ, не могу писать... Ничего не вижу. Слезы застилаютъ глаза... Какая я отвратительная, какая жалкая!

Вечеромъ.

Былъ Львовъ. Не велѣла принимать. Сознаю, что это малодушно, что это грубо... Но я не могу, не хочу, я не должна его видѣть... Что я скажу ему? Какъ оправдаюсь? Какъ объясню? Хоть бы Владиміръ возвращался скорѣе... Неужели ни одного вечера не можетъ просидѣть дома? Неужели ему все равно, что я дѣлаю, о чемъ думаю, что чувствую?... Хоть бы мама пришла! Неужели ей

дороже нравственный міръ мужицкихъ ребятишекъ, чѣмъ душевная жизнь дочери?! Нѣтъ, пусть лучше не приходитъ. Она не пойметъ, не проститъ... И все объяснитъ тѣмъ, что я не люблю мужа... Нѣтъ, я люблю его, а то, что случилось вчера—не любовь... Это безуміе, помраченіе какое-то, а не любовь... Мнѣ кажется, что я сегодня еще больше люблю Владиміра... По крайней мѣрѣ, когда онъ сегодня утромъ сказалъ мнѣ рѣзкость, я кротко промолчала. А прежде я не позволила бы ему этого.

7 апрѣля.

Вчера не могла больше писать; пришелъ мужъ, и я спрятала тетрадь. Я боялась, что онъ замѣтитъ мои красные глаза и измученное лицо. Вѣдь я всю ночь глазъ не закрыла; плакала, не находила словъ, какъ назвать себя и свой поступокъ... Я боялась, что моя мука, мое горе выдадутъ себя, и старалась быть веселой и беззаботной. Но это было совсѣмъ не нужно. Мужъ и не взглянулъ на меня. Онъ разсказывалъ мнѣ о непріятности, случившейся у эскадроннаго командира, и въ это время внимательно подтачивалъ ногти..

5 часовъ утра.

Я не могу спать. Я должна излить то, что такъ волнуетъ, такъ мучаетъ меня...

Я вѣдь совсѣмъ не знаю его, не знаю, хорошій онъ, или дурной, злой или добрый, я даже не знаю, нравится ли онъ мнѣ, или нѣтъ. Сравнительно: скорѣе—нѣтъ. Я никогда не любила такихъ выхоленныхъ мужчинъ, такихъ бѣлыхъ рукъ съ миндальными ногтями, такого изысканнаго туалета. Мнѣ никогда не нравились такія длинныя бороды. Вообще Львовъ не мой «типъ». Ему сорокъ пять лѣтъ, онъ уже много прожилъ, утомленъ и точно усталъ жить. Видно, что онъ все испыталъ и все знаетъ. На видъ онъ совершенно безстрастный, холодный и какой-то чужой. Онъ такъ долго жилъ за границей, что потерялъ всякую связь съ Россіей. Впрочемъ, Владиміръ говоритъ, что Львовъ всегда былъ такимъ. Мужъ знаетъ его уже лѣтъ двадцать пять; когда Владиміру было лѣтъ семь-восемь,—Львовъ студентомъ часто бывалъ у Барминыхъ. У нихъ остались самыя лучшія отношенія. Я постоянно слышала и отъ мужа и отъ maman про Львова. «Вотъ, когда пріѣдетъ Дима...» Или: «Помнишь, Дима не выносилъ этого...» Когда этотъ «Дима» пріѣхалъ, maman даже измѣнила для него часъ ужина и вмѣсто девяти кушала въ восемь, такъ какъ «Дима» привыкъ за границей обѣдать въ восемь. Maman пригласила и Владиміра повидаться со старымъ другомъ, а съ Владиміромъ надо было пригла-

сить и меня. Обѣдъ вышелъ довольно тоскливый, вспоминали старое прошлое, чужое мнѣ. И я ревновала мужа и къ этому прошлому, и къ матери, и къ Львову. И постоянное «помните» мнѣ рѣзало сердце.

— Мнѣ вы особенно нравились въ бальныхъ платьяхъ,—говорилъ Львовъ Марьѣ Михайловнѣ.—Помните, я всегда приходилъ къ вамъ передъ вашимъ выѣздомъ на балъ и ждалъ въ гостиной, пока вы одѣвались... Вы появлялись вся въ бѣломъ, въ брилліантахъ, и мнѣ потомъ долго казалось, что вы не женщина, а какая-то сказочная царевна, спустившаяся на землю.

Я такъ привыкла считать maman старухой, что никакъ не могла себѣ представить, что Львовъ не кривляется, говоря все это. Уже позже онъ мнѣ разсказалъ, что Марья Михайловна была тогда тридцатилѣтняя красавица, и онъ—какъ нерѣдко случается съ двадцатилѣтними юношами—былъ влюбленъ въ нее, какъ сумасшедшій. Тогда же, за обѣдомъ, мнѣ все это казалось кривляніемъ. Я смотрѣла то на Львова, то на maman. Онъ—сухой, стройный, съ красивымъ профилемъ, съ бѣлыми зубами могъ скорѣе назваться молодымъ человѣкомъ. Она—хотя еще красивая,—но расплывшаяся пятидесяти-пятилѣтняя женщина, со вставною челюстью, съ тусклымъ цвѣтомъ лица... Что могло быть у нихъ общаго? Это меня злило... Къ мужу моему онъ относился свысока, точно Владиміръ все еще семилѣтній мальчуганъ, а онъ—студентъ. Со мною Львовъ почти не разговаривалъ, сказалъ изъ вѣжливости двѣ-три фразы, но прощаясь просилъ позволенія пріѣхать. Я сказала, что дома по воскресеньямъ. Онъ пріѣхалъ на слѣдующій же день, въ субботу. Мнѣ это показалось небрежностью. Позже онъ объяснилъ, почему пріѣхалъ такъ скоро.

Въ первый разъ онъ у меня показался совѣмъ инымъ, чѣмъ у maman. Тамъ онъ ходилъ по землѣ, а тутъ точно отлетѣлъ отъ нея. И это второе впечатлѣніе оказалось настоящимъ, а первое совершенно уничтожилось. Точно тамъ, за столомъ у maman, былъ не онъ, а совсѣмъ другой человѣкъ.

---

Все не то... Совсѣмъ не то хотѣла я писать... И не могу, не знаю, какъ это сдѣлать... И слезы застилаютъ глаза... О чемъ я плачу? Не знаю...

Теперь мое одиночество будетъ еще тяжелѣе... Я такъ избаловалась въ послѣднее время бесѣдами съ умнымъ и остроумнымъ Львовымъ, его теплымъ, участливымъ отношеніемъ ко мнѣ, кра-

сивыми стихами, прочитанными милымъ голосомъ, недосказанными словами, постояннымъ ожиданіемъ чего-то...

Опять слезы... Не могу писать... Я плачу отъ того, что мнѣ жалко себя.

8 апрѣля.

Какой безконечный, томительный день!... Нигдѣ мѣста не найду... Утромъ сказала мужу, что мнѣ очень бы хотѣлось уѣхать съ нимъ куда-нибудь... Онъ знаетъ и самъ, что докторъ находитъ мои нервы въ очень плохомъ состояніи, и давно говоритъ о поѣздкѣ за границу. Мужъ раньше принялъ мое желаніе уѣхать за шутку, а потомъ серьезно и категорически заявилъ, что теперь ѣхать немыслимо, онъ уйдетъ въ лагерь, а осенью возьметъ отпускъ и поѣдетъ со мною въ Орловское имѣніе maman.

— Она все слабѣетъ и слабѣетъ,—сказалъ онъ.—А вѣдь я единственный наслѣдникъ... Надо присмотрѣться къ хозяйству, чтобы не застало врасплохъ.

Меня покоробило отъ этой фразы и мнѣ стало стыдно, что слова мужа меня такъ раздражаютъ, и опять захотѣлось любить и цѣнить Владиміра, какъ я любила и цѣнила его до сихъ поръ... Я убѣждена, что если мы поселимся съ нимъ вдвоемъ гдѣ-нибудь въ уютной обстановкѣ, вдали отъ Петербурга, мы будемъ опять счастливы, и я забуду тотъ ужасный вечеръ.

— Неужели самое важное въ жизни служба и матеріальныя заботы?—спросила я уже съ раздраженіемъ.

— Нѣтъ... Приданое жены важнѣе этого, — отвѣтилъ мнѣ мужъ и разсмѣялся.

У него была всегда эта манера шутя «срѣзывать» меня и— какъ онъ говорилъ—возвращать съ неба на землю. И я всегда принимала эти шутки весело и добродушно и не обижалась, когда Владиміръ называлъ меня «безприданницей». Но сегодня меня все раздражало въ немъ... И все мнѣ казалось пошлымъ и грубымъ. Теперь онъ уѣхалъ къ maman, я одна и мнѣ опять стало жаль его, жаль себя и я сѣла писать...

Что мнѣ дѣлать съ собой? Какъ найти равновѣсіе и спокойствіе? Львовъ сегодня не приходилъ и хорошо сдѣлалъ... Онъ, умный и чуткій, понялъ, что мы не должны видѣться... И я опять перебрала въ умѣ все наше знакомство съ нимъ... Странно, что ни меня, ни мужа не удивило то, что Львовъ сталъ сразу бывать у насъ чуть не каждый день. Онъ приходилъ не надолго, приносилъ книги, сталъ читать мнѣ... Его поразило, что я не знаю французскихъ писателей. Я читала очень много и всегда слѣдила за теку-

щею русскою литературой. Мать получаетъ три журнала, и я привыкла ихъ добросовѣстно прочитывать. Эти три книги обыкновенно занимаютъ весь мѣсяцъ, затѣмъ поспѣваютъ новые нумера и такъ идетъ годами. Конечно, я читала и французскія книги: Золя, Бурже, Мопассана... Но не занималась французскою литературой, какъ занимается ею Львовъ. Многихъ авторовъ онъ знаетъ почти наизусть, къ инымъ у него настоящій культъ. Еще годъ назадъ это были чуждые мнѣ звуки, заманчивые и таинственные, но совершенно непонятные. Я плавала какъ-то на волнахъ этихъ звуковъ, какъ люблю плавать, слушая серьезную музыку... Я многаго не понимаю въ ней, но самые звуки меня приподнимаютъ отъ земли, и я одухотворяю ихъ своею фантазіей, своими мыслями. Львовъ сталъ приносить мнѣ своихъ любимцевъ; онъ читаетъ прекрасно и умѣетъ выбирать... Мужъ смѣется, что я завела себѣ «развивателя», а мать возмущается. Я понимаю, что ей послѣ серьезныхъ статей нашихъ либеральныхъ журналовъ эти писатели не могутъ нравиться. «Пошляки»—вотъ опредѣленіе мама̀ и ея кружка.

Львовъ сталъ ходить все чаще и чаще, и читалъ, и смотрѣлъ на меня. Мужъ съ удовольствіемъ оставлялъ насъ вдвоемъ. Въ его представленіи Львовъ ассоціируется не со мною, а съ maman, и ему, конечно, и въ голову не могло прійти, что онъ мнѣ нравится. Да мнѣ и самой не приходило это въ голову. Мнѣ казалось, что съ нимъ только весело... И вдругъ третьяго дня... Цѣлый день шелъ дождь, упорный, петербургскій дождь... Небо было сѣрое какъ земля и земля грязная какъ небо. Весь день я ждала:—пріѣдетъ Львовъ и мнѣ не будетъ такъ скучно. За обѣдомъ мужъ былъ усталый, раздраженный, огорченный болѣзнью матери. Сейчасъ же послѣ обѣда онъ уѣхалъ къ ней. Я осталась одна. Мнѣ было скучно, какъ-то тоскливо-скучно, и я неподвижно сидѣла у окна и смотрѣла, какъ капли дождя, точно слезы, катились по зеркальному стеклу...

Пріѣхалъ Львовъ. Я обрадовалась и ему, и его книгамъ; мы уютно усѣлись въ моемъ «рабочемъ кабинетикѣ», онъ сталъ читать, но постоянно прерывалъ себя, смотрѣлъ на меня, ласково улыбался и опять начиналъ читать...

— Узнайте, чье это?—сказалъ онъ и прочелъ:

«Tel qu'un morne animal, meurtri, plein de poussière,
La chaîne au cou, hurlant, au chaud soleil d'été,
Promène qui voudra son coeur ensanglanté
Sur ton pavé cynique, ô plèbe carnassière».

Я не знала, чье это стихотвореніе и не хотѣла спрашивать... Я подошла за кресло Дмитрія Александровича и наклонилась надъ его плечомъ къ книжкѣ. Я не помню, что произошло. Кажется, я почувствовала горячія губы на лѣвой сторонѣ шеи, кажется я хотѣла взглянуть на Львова и повернулась въ его сторону. Можетъ быть, я первая поцѣловала его въ губы... Я не могу отдать себѣ яснаго отчета въ этомъ... Помню, что его поцѣлуй точно сказалъ что-то совсѣмъ новое, неиспытанное... Помню потомъ какія-то новыя для меня слова, нѣжныя и ласковыя, поцѣлуи на моихъ глазахъ, бровяхъ, щекахъ, губахъ... Помню, какъ онъ крѣпко обнялъ меня... Въ это время въ сосѣдней комнатѣ что-то скрипнуло... Онъ сдержанно и медленно отошелъ отъ меня... Я молча простилась съ нимъ, ушла къ себѣ и проплакала всю ночь.

И вотъ уже два дня и двѣ ночи, что я думаю объ одномъ и томъ же... Что это такое? Любовь? Нѣтъ, я люблю мужа и никого, кромѣ него, мнѣ не надо. А Львóвъ? Вѣдь, онъ мнѣ никогда не говорилъ о любви. Никогда. Только разъ, когда я сказала ему, что мнѣ было непріятно, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ первый разъ не въ мой день, а въ субботу,—онъ сказалъ:

— Это было безсознательное объясненіе въ любви... И не любви, а предчувствія любви. Меня потянуло къ вамъ, хотя я, конечно, еще не сознавалъ, чтò вы для меня...

И сейчасъ же заговорилъ о томъ, какъ онъ вѣритъ въ предчувствіе, въ безсознательныя предсказанія и предвидѣнія.

И больше никогда не говорилъ ни слова... Неужели и съ его стороны это не любовь, а такъ... капризъ, настроеніе? Конечно, да, иначе онъ попытался бы видѣть меня; еслибъ любилъ,—пришелъ, добился, чтобы видѣть... А онъ и не думаетъ и, можетъ быть, не только не желаетъ, а даже боится «исторіи» съ замужней женщиной. Конечно, не любитъ! Я не психологъ и потому не могу объяснить, но мнѣ кажется, если любишь, придешь и будешь добиваться, будешь унижаться даже, чтобъ увидѣть, выпросить или любовь, или прощеніе... А онъ точно обрадовался, что я не приняла его вчера и что это избавляетъ его отъ дальнѣйшихъ непріятностей... Но какъ же онъ могъ, какъ смѣлъ тогда вечеромъ? А я-то? Вѣдь, я не люблю его, а цѣловала же и говорила какія-то нѣжныя слова и слушала его съ восторгомъ... Кто изъ насъ лучше? Звонятъ... Нѣтъ! Это мужъ.

9 апрѣля. Ночь.

Львовъ не былъ и сегодня. Мы съ мужемъ ѣздили въ концертъ. Я такъ боялась встрѣтить тамъ Дмитрія Александровича! Я все вре-

мя сидѣла какъ на иголкахъ и ничего не слышала, что пѣли, играли и говорили кругомъ... Но онъ не былъ. Неужели ему не хочется хоть издали увидать меня? Неужели нѣтъ потребности объясниться? Онъ долженъ пріѣхать къ намъ, хотя бы для Владиміра... Или это его деликатность? Не понимаю, ничего не понимаю... Знаю только одно, что я измучена и очень несчастна.

10 апрѣля.

Не могу ни о чемъ думать, ничего дѣлать... Хорошо, что мужъ постоянно «занятъ» и ничего не замѣчаетъ. Сегодня я ходила по улицамъ часа три. Мнѣ непремѣнно хотѣлось встрѣтить Дмитрія Александровича. Это желаніе дошло до какой-то маніи. Все мое существо, всѣ мысли были напряжены въ желаніи встрѣтить его. Я не знаю, что бы мы говорили, еслибъ встрѣтились, но я чувствовала болѣзненную потребность увидаться... А когда я замѣтила его — онъ ѣхалъ по другой сторонѣ Невскаго — первымъ моимъ движеніемъ было зайти въ магазинъ и скрыться... Онъ не видѣлъ меня и проѣхалъ дальше... И я чуть не заплакала... Я сейчасъ же вернулась, опять прошла по Невскому, но больше его не видѣла... За обѣдомъ мужъ спросилъ меня:

— Что ты такая хмурая сегодня?

— Зубъ болитъ,—солгала я.

— Mal de dents—mal d'amour,—сказалъ мужъ и громко разсмѣялся.

Зачѣмъ онъ такъ громко хохочетъ? Это и неизящно, и неблаговоспитанно.

— А какъ же сегодня къ Леонтьевымъ?—спросилъ онъ меня.

— Я не поѣду.

— Нельзя. Ты разстроишь партію... Только два стола... Ты восьмая... Они обидятся... Нельзя не ѣхать.

«Нельзя не ѣхать!» Какъ люди добровольно спутываютъ себя безконечными общественными путами, съ какой радостью отдаются всѣмъ условнымъ мелочамъ! Владиміру даже и въ голову не придетъ подумать, почему «нельзя» то или другое. У него совершенно опредѣленныя правила жизни и ему кажется просто немыслимымъ бороться съ ними. Такая покорность условности—рабская черта. Неужели мы всѣ такіе рабы? Я обѣщала мужу пріѣхать къ Леонтьевымъ. Онъ уѣхалъ, а меня опять потянуло къ моей тетрадкѣ. Въ ней для меня есть какое-то утѣшеніе и страданіе. Страданіе—расшевеливать себя и каяться въ своей испорченности; утѣшеніе въ томъ, что я могу здѣсь быть самой собой, а главное могу не лгать. Вѣдь единственно въ этой тетради я не лгу. А то лгу

передъ мужемъ, передъ матерью, передъ обществомъ... Сейчасъ надо одѣваться и ѣхать къ Леонтьевымъ... Тоска! Кромѣ пошлости ничего не услышу... Эти три мѣсяца я прожила гдѣ-то въ иномъ мірѣ, съ новыми для меня чувствами, съ новыми идеями. Чтеніе книгъ съ Дмитріемъ Александровичемъ унесло меня куда-то... Онъ говоритъ, что задача литературы, какъ всякаго искусства,—приподнимать отъ обыденности, уносить отъ злобъ дня и отъ житейской пошлости. Онъ всегда повторяетъ, что писатель долженъ подниматься надъ своимъ временемъ и отрѣшаться отъ текущей дѣйствительности; только тогда онъ создастъ нѣчто долговѣчное. Это, кажется, слова Метерлинка... И это правда. Раньше я такъ же, какъ моя мать, думала, что въ произведеніи важнѣе всего содержаніе и «идея», теперь мнѣ кажется, что содержаніе—вещь второстепенная, если не безразличная... Прелесть не въ проповѣди добродѣтели, а въ красотѣ формы. И я счастлива, что Дмитрій Александровичъ научилъ меня понимать и цѣнить эту красоту; прежде я совершенно не чувствовала ея, и Львова это удивляло. Онъ какъ-то сказалъ мнѣ чье-то изреченіе:

— Для развитія человѣка гораздо важнѣе быть воспріимчивымъ къ краскамъ и цвѣтамъ, чѣмъ имѣть понятіе о правѣ и безправіи.

Сначала это меня испугало. Теперь мнѣ кажется, что это вѣрно. Я сказала мамà,—она возмутилась. Въ первый же разъ, какъ она застала у меня Львова,—рѣчь зашла о литературѣ, о русскихъ журналахъ.

— Вы, впрочемъ, не читаете ихъ,—сказала мамà съ нескрываемымъ раздраженіемъ.

— Каюсь... Не читаю.

— Я такъ и думала.

— Почему же?

— Вы типичный поклонникъ чистаго искусства... Оно теперь опять вошло въ моду.

— Я не знаю, въ сущности, что значитъ «чистое» искусство. Искусство есть искусство, а чистымъ и нечистымъ оно быть не можетъ.

— А цѣль?

— У искусства не можетъ быть другой цѣли, кромѣ самого себя.

— Знаете, я ужъ не могу объ этомъ не только спорить, а даже и говорить,—сказала мать.—Въ послѣднее время только и слышишь, что «эстетика выше нравственности».

— И совершенно правильно,—весело отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ.—Нравственность—понятіе условное и растяжимое. Сегодня нравственно одно, завтра—другое... А красота вѣчна. Посмотрите въ литературѣ: что живетъ и остается навсегда? То, что хорошо написано. А что написано—это второстепенно... Главное какъ...

Мама встала и сказала мнѣ:

— И ты часто эти гадости слушаешь?

И странно: прежде я была бы на сторонѣ матери. Я такъ же, какъ и она, отъ литературы, отъ живописи, вообще отъ искусства требовала прежде всего идеи, направленія. Теперь же не то... Напримѣръ, въ живописи мнѣ гораздо интереснѣе хорошо написанный пейзажъ, чѣмъ плохая картина, хотя бы съ самымъ честнымъ содержаніемъ. Прежде я бы не призналась въ этомъ, теперь говорю...Мнѣ кажется, Львовъ правъ, утверждая, что лѣтъ черезъ двадцать-тридцать тенденціозное произведеніе неизбѣжно умираетъ... Но все-таки хоть современникамъ принесетъ пользу?—Едва ли. Я прежде вѣрила въ это. Теперь же сомнѣваюсь... Ужъ про насъ, русскихъ, не говорю... А и вообще... развѣ можно измѣнить что-нибудь въ неизмѣняемой природѣ? Развѣ можно направить по-своему фатальный ходъ исторіи? Только будешь вѣкъ свой морализировать, а правду говоритъ Дмитрій Александровичъ, что морализированіе—мѣщанство. Мѣщанство! Онъ часто повторяетъ это слово и я не могу не повторять его. Какъ въ жизни много этого мѣщанства... Благосостояніе, отношенія, волненія, все, чѣмъ мы наполняемъ нашъ день съ утра до вечера,—все это такъ мелко, такъ ничтожно. Я въ послѣднее время только поняла это, поняла благодаря Львову. Онъ сумѣлъ показать мнѣ настоящую цѣну этой жизни, научить, что не стоитъ отдавать душу на то, на что я отдавала ее въ послѣднія пять лѣтъ. Конечно, пока я жила съ матерью—я волновалась и жила совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ я жила и волновалась въ послѣдніе годы, точно любовь къ мужу надѣла на меня шоры; я ничего не видѣла кромѣ него, интересовалась, или скорѣе хотѣла интересоваться только его службой, его карьерой и его отношеніями. Мать съ презрѣніемъ замѣтила мнѣ разъ это. Конечно, теперь я не могу придавать значеніе тому, что волновало меня еще такъ недавно. Но люблю я мужа по-прежнему... Даже больше прежняго, потому что я такъ виновата передъ нимъ... Теперь онъ ждетъ меня у Леонтьевыхъ, а я не ѣду... Неужели я осталась оттого, что все-таки надѣялась увидать Львова?... Нѣтъ, нѣтъ!

Но я не могу ѣхать къ Леонтьевымъ. Не могу слушать, какъ говорятъ о выдуманныхъ новостяхъ, о великосвѣтскихъ сплетняхъ, о докторахъ, объ оперѣ, о предполагаемыхъ назначеніяхъ. Я не могу... И останусь дома... Пусть мужъ сердится. Пусть всѣ сердятся.

11 апрѣля.

Я не знаю, что такое жизнь. Исполненіе какого-то долга? Кому нужнаго? Кѣмъ созданнаго? Какое счастье, что моя Ира умерла раньше, чѣмъ ей успѣли навязать этотъ долгъ.

12 апрѣля.

Вчера не могла писать. Плакала весь вечеръ, плакала до боли въ груди, до спазмъ... Днемъ заѣзжалъ Дмитрій Александровичъ. Я не приняла его. Лакей сказалъ ему, что я дома. Онъ просилъ доложить. Я разсердилась на него и велѣла сказать, что «не приказано принимать». Это было жестоко съ моей стороны... Я знаю! Но меня разсердило то, что онъ посмѣлъ прійти послѣ того, что случилось... Явился какъ ни въ чемъ не бывало... За обѣдомъ мужъ сказалъ мнѣ, что maman очень плохо себя чувствуетъ и что намъ слѣдовало бы провести у нея вечеръ. Это меня раздражило... Право, мужъ отдаетъ больше времени и заботъ матери, чѣмъ мнѣ. И Дмитрій Александровичъ тоже считаетъ долгомъ заѣзжать къ ней каждый день, только не вечеромъ, а утромъ... И Владиміръ, и Дмитрій Александровичъ находятъ ее и умной, и доброй, и симпатичной, а по-моему—просто старая крѣпостница, съ хорошими манерами и барскимъ тономъ. Владиміръ, какъ сынъ, видитъ въ ней всѣ добродѣтели... А Львовъ? Его подкупаетъ ея своеобразное изящество и онъ въ эту рамку вкладываетъ созданный имъ идеалъ. Я отказалась вчера ѣхать къ maman, сказала мужу, что сама больна не меньше, чѣмъ она, и осталась дома. И опять поймала себя на томъ, что надѣялась увидѣть Львова. Черезъ четверть часа послѣ отъѣзда мужа явился посыльный съ письмомъ Дмитрія Александровича.

— Просятъ отвѣтъ,—доложила мнѣ Маша.

Я сама вышла къ посыльному и сказала:

— Скажите барину: отвѣта не будетъ.

У меня такъ дрожали руки, что я не могла раскрыть конвертъ. Я пошла къ себѣ въ комнату, заперла двери и принялась читать. «Все, что хотите, только скажите, въ чемъ дѣло. Я съ полнымъ уваженіемъ и безусловной покорностью приму всякое ваше повелѣніе, но дайте мнѣ возможность видѣть васъ хоть минуту. Вѣрьте въ мою порядочность и преданность».

Почему я такъ плакала надъ этимъ письмомъ? Почему я теперь плачу? Не знаю... Я не понимаю себя совсѣмъ. Что мнѣ надо? Я хочу взглянуть на дѣло какъ можно проще, все уяснить себѣ, и ничего не выходитъ. Я люблю моего мужа. Онъ молодой, красивый и милый. Львовъ не молодой, не красивый... Но не могу сказать, что не милый... Онъ милый, но я его не люблю... Не знаю его совсѣмъ; знаю только, что онъ отлично одѣвается, прекрасно знакомъ съ французской литературой, очень красиво говоритъ; у него необыкновенно пріятные духи и милые глаза. Ахъ, какія я глупости пишу!... Все это не то... Главное—надо уяснить и понять, какъ я, любя такъ мужа, могла цѣловать другого человѣка? Вѣдь это уродство какое-то, безобразіе? А теперь? Я не хочу его видѣть и плачу, что не вижу.

13 апрѣля.

Вчера пришелъ мужъ, и я хотѣла ему показать эту тетрадь. И не показала. Почему? Мои страданія кончились бы тогда такъ или иначе... Я разрубила бы этотъ узелъ, который все тѣснѣе затягиваетъ мои думы, мою волю, мою жизнь. Теперь мнѣ кажется, что все лучше моего настоящаго душевнаго состоянія. Я держала тетрадку передъ мужемъ и, протяни онъ руку, я отдала бы ему ее. Онъ же смѣясь сказалъ мнѣ:

— Что ты все строчишь? Не дневникъ ли? Васъ всѣхъ Башкирцева съ ума свела.

— Кого—«васъ всѣхъ»?

— Тщеславныхъ бабъ,—отвѣтилъ Владиміръ со своей добродушно-глуповатой шутливостью.

Моего настроенія какъ не бывало.

Львовъ вчера не приходилъ и я, измученная слезами и безсонной ночью, пролежала весь день на диванѣ. Сегодня мужъ сказалъ мнѣ:

— Это петербургская весна такъ дѣйствуетъ на нервныхъ людей... Знаешь, Русиневы передаютъ свою дачу въ Царскомъ... Они ѣдутъ за границу. Не взять ли ее тебѣ? Ты будешь близко отъ меня и отъ матери... Дудергофъ надоѣлъ тебѣ.

Я согласилась. Мнѣ все равно гдѣ ни жить. И я вдругъ вспомнила, какъ хорошо Львовъ читаетъ Бодлэра, какъ хорошо говоритъ онъ: «Résigne-toi mon coeur; dors ton sommeil de brute». Какая тоска, какое безцвѣтное существованіе! Дача, сосѣди, лѣтніе туалеты, прогулки, музыка, жара, скачки, опять туалеты и суета, суета безъ конца... И для этого стóитъ жить?

Вечеръ.

Сейчасъ вернулась отъ maman. Я поѣхала съ мужемъ навѣстить ее (она дѣйствительно очень слаба); мнѣ не хотѣлось огорчать мужа отказомъ. Черезъ полчаса послѣ насъ туда пріѣхалъ Дмитрій Александровичъ.

— Сегодня утромъ вы такъ огорчили меня вашимъ плохимъ видомъ, что я не могъ не заѣхать къ вамъ еще разъ,—объяснилъ онъ maman причину своего появленія.

Старуха была тронута, Владиміръ доволенъ; я чуть не вскрикнула. Львовъ былъ спокоенъ, но мнѣ показался блѣднѣе обыкновеннаго.

— Что вы насъ забыли?—спросилъ его мужъ.

— Да захлопотался... Собираюсь въ путь-дорогу.

— За границу?

— Раньше въ деревню, въ Курскую губернію, а потомъ и за границу.

— Опять!—укоризненно замѣтила maman.

— Я на родинѣ совершенно лишній... Я здѣсь никого не понимаю и меня не понимаютъ.

— Просто скажите, что въ Парижъ тянетъ,—замѣтилъ мужъ.

— Пожалуй... Это единственный городъ, гдѣ чувствуешь себя если не счастливымъ, то, во всякомъ случаѣ, не несчастнымъ.

— Когда же вы ѣдете?—спросила я, чтобы не молчать.

— На-дняхъ... Не знаю еще... Можетъ быть, очень скоро.

У меня горло сжалось, я чуть не заплакала и принялась внимательно разсматривать Библію съ гравюрами Дорэ. Maman утомилась очень скоро, и Владиміръ сказалъ, что надо ее оставить въ покоѣ. Мы вышли всѣ вмѣстѣ. Послѣ душной комнаты съ запахомъ болѣзни и старости, на насъ пахнуло свѣжимъ ароматомъ распускающихся почекъ и юной природы.

— Какъ хорошо!—весело воскликнулъ Владиміръ.

— Le printemps adorable a perdu son odeur,—едва слышно произнесъ Львовъ.

Странно, что ему вспомнилось именно то же стихотвореніе Бодлэра, которое пришло и мнѣ на память сегодня утромъ. Это совпаденіе какъ-то опьянило меня. Я увидѣла въ немъ какое-то указаніе, пророчество.

— Дмитрій Александровичъ!—бодро сказала я.—У меня много вашихъ книгъ. Вы ихъ возьмете съ собою?

— Если позволите,—часть возьму... Я привыкъ путешество-

вать съ ними, какъ съ друзьями... А часть разрѣшите оставить у васъ... Прикажете прислать или пріѣхать за ними.

Я позволила пріѣхать.

14 апрѣля.

Вчера былъ Дмитрій Александровичъ. Онъ пріѣхалъ передъ обѣдомъ на полчаса; мы сидѣли втроемъ: мужъ, Львовъ и я. Говорили о разоруженіи и объ уничтоженіи войнъ. Дмитрій Александровичъ былъ такой же, какъ прежде, точно вечера 5 апрѣля и не существовало. Мнѣ самой кажется, что это былъ сонъ, и я отдала бы полжизни, чтобъ это правда былъ сонъ. Мнѣ такъ тяжело терять такого милаго и умнаго друга, какъ Львовъ. Какъ онъ умно говорилъ вчера! Владиміръ смотритъ на все съ слишкомъ узкой, житейской точки зрѣнія. Вопросъ о разоруженіи кажется ему нелѣпымъ потому, что онъ не умѣетъ думать такъ, какъ Дмитрій Александровичъ; онъ положительно не можетъ понять нѣкоторыхъ вещей... Хотя Владиміръ и не глупѣе Львова, но у него умъ практическій не философскій. Пожалуй, это лучше?

— Я васъ встрѣтилъ вчера на Сергіевской, когда вы ѣхали къ Марьѣ Михайловнѣ,—сказалъ вскользь Дмитрій Александровичъ.

Мужъ не придалъ этимъ словамъ значенія, хотя и слышалъ ихъ. А меня этой фразой стукнуло въ сердце. Значитъ, Львовъ пріѣхалъ къ maman, чтобы видѣть меня, значитъ онъ искалъ меня. Когда вчера онъ ушелъ—у меня осталось впечатлѣніе расплывчатости и недоконченности, точно надо было сказать что-то... Мужъ сидѣлъ все время съ нами и, странно, это нисколько не раздражало Дмитрія Александровича. Меня, я покаюсь, злилъ Владиміръ. Онъ говорилъ банальности и только мѣшалъ Дмитрію Александровичу развивать свои мысли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я боялась, что онъ уйдетъ и оставитъ меня вдвоемъ со Львовымъ. И какъ мнѣ хотѣлось остаться вдвоемъ! Я все ждала, когда Львовъ заговоритъ объ отъѣздѣ. Наконецъ, мужъ спросилъ его:

— А когда вы ѣдете?

— Я врагъ всего строго-опредѣленнаго... Можетъ быть, я уѣду завтра, а можетъ быть и нѣтъ.

Что значитъ это «можетъ быть и нѣтъ?»

Навѣрно ничего незначущая фраза, а я вотъ уже цѣлыя сутки переворачиваю ее на всѣ лады. Мнѣ нужно, чтобы Львовъ уѣхалъ, и я не хочу этого; я боюсь, что онъ останется и буду страшно огорчена, если онъ уѣдетъ.

— Я собрала вамъ всѣ ваши книги,—сказала я ему.—Онѣ у меня въ кабинетѣ... Хотите отобрать, что вы возьмете съ собой?

— Нѣтъ, увольте сегодня... Я обѣдаю «въ городѣ» и не могу взять книгъ съ собой.

Я хотѣла спросить, какія книги отобрать ему... Я бы могла послать... Но промолчала. Значитъ, онъ еще разъ пріѣдетъ за ними. Сегодня, до сихъ поръ, не былъ... Владиміръ зоветъ меня обѣдать.

16 апрѣля.

Тоска, скука, дождь, мрачно... Вчера весь день просидѣла дома. Львовъ не былъ. Сегодня пріѣхалъ опять передъ обѣдомъ. Вѣдь, онъ знаетъ, что Владиміръ всегда дома отъ пяти до восьми. Зачѣмъ же пріѣзжаетъ? Или это высшая порядочность? Просто боится объясненія и не хочетъ порвать сразу... Я такъ была зла, что не могла выйти въ гостиную... Только когда услышала звонокъ мужа, возвѣщающій прислугѣ, что гость уходитъ, я вышла. Мужъ и Львовъ стояли на порогѣ гостиной и продолжали споръ. Владиміръ въ сѣрой тужуркѣ, здоровый, съ беззаботной улыбкой казался еще моложе рядомъ съ блѣднымъ, утомленнымъ Львовымъ.

— Изрекать истины—значитъ говорить банальности, а для меня нѣтъ ничего ужаснѣе банальщины,—говорилъ Львовъ, когда я входила.—Вы согласны?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я не слыхала, о чемъ вы спорили... И во всякомъ случаѣ я за Владиміра,—отвѣтила я шуткой.

— Жена да боится своего мужа,—весело подхватилъ Владиміръ.

Мнѣ показалось, что Львовъ еще больше поблѣднѣлъ при этомъ; но онъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Мудрое правило.

Онъ молча поцѣловалъ мою руку и уѣхалъ.

— А пустобрехъ этотъ Львовъ,—сказалъ Владиміръ за обѣдомъ.

Я почувствовала, что вся похолодѣла, и сказала, стараясь быть спокойной:

— Другъ твоей maman...

— Да человѣкъ-то онъ недурный... Только изболтался отъ ничегонедѣланія.

А неужели лучше работать такъ, какъ Владиміръ? Развѣ онъ служитъ изъ принципа? Нисколько! Просто для карьеры, для личныхъ выгодъ. И этотъ трудъ возводитъ въ добродѣтель? Львовъ хоть прямо говоритъ о своемъ эгоистическомъ отношеніи къ жизни. И какъ всѣмъ имъ не стыдно жить?

Мужъ уѣхалъ по обыкновенію къ maman, а я одна... Скука! Знакомые разъѣхались, да меня никуда и не тянетъ. Я сама не знаю, чего мнѣ хочется, отчего мнѣ такъ тяжело и мрачно жить.

18 апрѣля. Утро.

Сейчасъ получила гравюру съ какой-то французской картины: Франческа и Паоло... Внизу рукою Дмитрія Александровича написано:

«Noi leggevamo un giorno, per diletto
Di Lancillotto, come amor lo strinse:
Soli eravamo, e senza alcun sospetto.
Per più fiate gli occhi ci sospinse
Quella lettura, e scolorocci il viso:
Ma solo un punto fu quel che ci vinse.
Quando leggevamo il disiato riso
Esser baciato da cotanto amante,
Questi che mai da me non fia di viso,
La bocca mi baciò tutto tremante...
Quel giorno più non vi leggevamo avante» *)...

Не знаю, что дѣлать... Хотѣла разсердиться, хотѣла отослать гравюру назадъ и не могу... Не могу безъ волненія читать этого «единственнаго въ мірѣ» описанія поэзіи поцѣлуя... Мнѣ кажется, ни до Данте, ни послѣ него никто не понялъ такъ, какъ онъ, власти поцѣлуя... Да, власти!... Я сознаю, что я точно отравленная, точно околдованная поцѣлуемъ Д.

19 апрѣля.

Черезъ полчаса уйдетъ курьерскій поѣздъ и увезетъ Львова. Я весь день боролась, хотѣла поѣхать проститься... Вѣдь я больше не увижу его... никогда. Я прождала его всѣ эти дни, никуда не

---

*) „Однажды Лангелота приключенья
Мы съ любопытствомъ начали читать,
Гдѣ онъ любви испытывалъ волненья.
Чувствъ собственныхъ не вѣдая тогда,
Одни мы оставались въ тѣ мгновенья,
Отъ книги отрываясь иногда,
Блѣднѣли мы и чтенье забывалось;
Мы трепетали вмѣстѣ, но когда
Одна страница въ книгѣ намъ попалась,
Рѣшилась вдругъ судьба обоихъ насъ:
Читали мы, какъ сладко улыбалась
Влюбленная красавица въ тотъ часъ,
Когда любовникъ пламенный и страстный
Поцѣловалъ въ уста ее. Зардясь,
Тогда и онъ, Паоло мой прекрасный,
Трепещущій, прильнулъ къ моимъ устамъ.
И книга та, какъ Галеотъ опасный,
Служила искушеньемъ сладкимъ намъ.
Въ тотъ день уже мы больше не читали“.
*Данте*: „Адъ“. Пѣснь пятая (перев. Д. Минаева).

выходила, боялась, что онъ пріѣдетъ безъ меня... Наконецъ, вчера вечеромъ, когда я не ждала его, онъ явился. Я только что сѣла за эту тетрадь и начала писать, какъ Львовъ постучалъ въ мою дверь. Когда онъ вошелъ, я не могла сказать ни слова. Онъ тоже былъ очень взволнованъ. Онъ сѣлъ у моего стола, и мы долго молчали. Наконецъ, онъ заговорилъ.

— Я пришелъ проститься и попросить васъ простить меня.

— Вы не виноваты... Одна я во всемъ виновата.

— Вы? Нѣтъ, Елена Борисовна. Это должно было случиться... Все шло къ этому.

— Вы уѣзжаете?

— Да... Я уѣду... Но я не могу ѣхать, не поговоривъ съ вами... Я ничего не требую, ничего не прошу... Я только не могу уѣхать, не сказавъ вамъ, что я васъ люблю...

У меня вдругъ закипѣла злоба противъ него... Почему же онъ раньше никогда не говорилъ мнѣ, что любитъ? Почему вдругъ теперь сразу полюбилъ?

— Пожалуйста, не будемъ обманывать другъ друга,—жестко сказала я.—Ни я васъ не люблю, ни вы меня... Вы очень хорошо знаете это и сумѣете лучше меня объяснить все, что произошло... Вы же какъ-то въ спорѣ съ мужемъ сказали, что «развратъ есть одинъ изъ молотовъ исторіи»...

— Елена Борисовна! Вы жестоки ко мнѣ, но я принимаю это какъ заслуженное... Я виноватъ... Но я хочу, чтобы вы знали все... Я долженъ былъ полюбить васъ... Это фатально... И то, что случилось, должно было случиться... Помните, какъ я въ первый разъ пріѣхалъ къ вамъ, мы много говорили о Данте; почему о Данте— не знаю....

— Не продолжайте... Я не хочу...—сказала я, охваченная такимъ волненіемъ, какого не испытывала еще никогда въ жизни.

Мы долго молчали. Дмитрій Александровичъ былъ блѣденъ, какъ бумага. Онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить и не могъ.

— Я знаю, что не имѣю права... не долженъ вставать на вашей дорогѣ... Вы счастливы... У васъ прекрасный мужъ... Вы его любите и совершенно довольны вашимъ положеніемъ, вашей жизнью...

Господи! Какъ мнѣ хотѣлось крикнуть ему, что я и не довольна, и совсѣмъ не счастлива, а главное, что я одинока. Но я молчала и боялась проронить хоть одно его слово.

— Только дайте мнѣ все сказать... Мы больше не увидимся... Я хочу, чтобы вы знали все... Я, должно быть, полюбилъ васъ, какъ

только что увидѣлъ... Только я самъ не сознавалъ этого... Почему, напримѣръ, я пріѣхалъ къ вамъ на другой же день послѣ нашей встрѣчи? Неужели вы думаете, что я всегда такъ быстро отзываюсь на всѣ приглашенія? Меня стало сразу тянуть къ вамъ каждую минуту. Днемъ я думалъ о васъ, выбиралъ книги для васъ, а вечеромъ ѣхалъ къ вамъ и читалъ съ вами...

— Вы будете утверждать, что любили меня?—спросила я, и сама почувствовала сколько злобной горечи было въ моемъ вопросѣ.

— Не знаю... Боюсь солгать... Вѣдь и Паоло до поцѣлуя не сознавалъ, что любитъ Франческу... Я до *того* вечера не зналъ, что люблю васъ... Мнѣ это стало ясно только позже. И вотъ больше недѣли я думаю объ этомъ и мучаюсь ужасно... Я вижу, что полюбилъ васъ на всю жизнь... И вижу, что вамъ не нужна эта любовь... Я не могъ совладѣть съ собою эти дни, говорилъ, что уѣзжаю, хотѣлъ дать вамъ возможность рѣшать, какъ вы хотите, какъ найдете лучше... Вы для меня дороже всего на свѣтѣ, ради вашего счастія и покоя я готовъ на всякую жертву.

— Уѣзжайте изъ Петербурга,—прошептала я.

— Хоть эта жертва для меня самая тяжелая, самая горькая, но я ее принесу.

Онъ всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ. Точно онъ хотѣлъ сказать что-то и не могъ. Это молчаніе терзало меня. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ, молча взялъ мою руку, медленно приподнялъ ее до своихъ губъ и поцѣловалъ ее. Я не вѣрила, что онъ уходитъ, онъ и самъ какъ будто не вѣрилъ этому. И вдругъ взялъ шляпу и быстро вышелъ изъ комнаты. Я какъ-то противъ воли закричала:

— Дмитрій Александровичъ!

Онъ вернулся. Я чуть не вскрикнула отъ радости, но въ горлѣ у меня сжалось, и я не могла произнести ни слова. Онъ нерѣшительно подошелъ ко мнѣ, наклонился и посмотрѣлъ въ самые глаза. И вдругъ взялъ мою голову въ руки и сталъ цѣловать глаза, губы, лобъ и щеки.

— Лёля, Лёля!—едва слышно произнесъ онъ.

И въ этомъ страстномъ шепотѣ я услыхала тѣ же дрожащія ноты, какія въ первый разъ въ жизни услышала, когда Владиміръ назвалъ меня Лёлей. Я вскочила съ кресла и шатаясь перешла на другой конецъ комнаты.

— Дмитрій Александровичъ! Оставьте меня... Я не люблю васъ... Оставьте меня...

Онъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Я знаю, я виновата... Я прошу васъ, простите меня и оставьте. Мы не дадимъ другъ другу счастья.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, двинулся ко мнѣ, но я просто закричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Я не люблю васъ... Никогда не полюблю... Оставьте меня доживать такъ, какъ я до сихъ поръ жила.

Онъ молчалъ и точно не вѣрилъ моимъ словамъ.

— Исполните мою первую и послѣднюю просьбу... Уѣзжайте изъ Петербурга.

— Я повинуюсь.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Уѣзжайте завтра же... Пожалуйста... Вы уѣдете, да?

— Уѣду.

— Когда?

— Завтра, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе.

Онъ говорилъ такъ сухо, что я чуть не заплакала. Я протянула ему обѣ руки. Онъ почтительно поцѣловалъ ихъ и, не взглянувъ на меня, пошелъ изъ комнаты. Но въ его походкѣ было что-то нерѣшительное. Точно онъ ждалъ, что я опять позову его. Я не позвала. Я упала на диванъ, обхвативъ голову руками. Мнѣ не хотѣлось ничего ни видѣть, ни слышать. Хотѣлось исчезнуть, не существовать. И всю ночь это желаніе исчезнуть, обратиться въ ничто—преслѣдовало меня. Вся жизнь показалась мнѣ такой маленькой, ничтожной, безцѣльной, что стало просто стыдно бороться, стремиться, желать жить. Для чего? И вся «исторія» со Львовымъ мнѣ показалась такой банальной, всѣ мои фразы—такими пошлыми. Сотни разъ я читала и по-русски, и по-французски, какъ «онъ» бросается на колѣни, а «она» говоритъ: «Я честная женщина! Оставьте меня!» Честная женщина!

---

Мужъ прервалъ мои разсужденія. Онъ пріѣхалъ съ вокзала, провожалъ товарища съ женой. Видѣлъ Львова.

— Ну, что онъ?—спросила я равнодушнымъ тономъ.

— Ничего... Въ удивительномъ дорожномъ пальто съ пелериной.

— Велѣлъ кланяться мнѣ?

— И не подумалъ! Всѣ мужчины коварны!—сказалъ мужъ, громко разсмѣявшись, и, взявъ обѣими руками мою голову, звонко поцѣловалъ меня. И опять въ этомъ жестѣ и въ этомъ поцѣлуѣ меня покоробило то отвратительное чувство собственности, которое съ перваго же года нашей жизни съ Владиміромъ такъ тяготило

меня. Въ томъ, какъ мужъ говорилъ обо мнѣ съ другими, въ томъ, какъ онъ откуда-нибудь звалъ меня домой, въ самыхъ его ласкахъ чувствовалось это сознаніе его права надо мною, и мнѣ всегда это было очень тяжело, а теперь стало до болѣзненности невыносимо... Особенно, когда Владиміръ пускаетъ въ ходъ при Дмитріи Александровичѣ свои «мужнины» интонаціи,—я едва сдерживаю мое негодованіе.

А этотъ ужасный, громкій смѣхъ! Какъ онъ раздражаетъ меня!

20 апрѣля.

Неужели человѣчествомъ руководятъ аппетиты, страсти, эгоизмъ? Дмитрій Александровичъ повторялъ нѣсколько разъ, что порокъ естественъ въ человѣкѣ, добродѣтель—искусственна. Неужели это правда?

Какъ глупо такъ жить... Постоянно носиться со своими желаніями, стремленіями, страстями... Буря въ стаканѣ воды.

22 апрѣля.

Мама̀ всегда говорила, что человѣкъ обязанъ сознательно бороться со своими чувствами, сознательно направлять ихъ... Это легко сказать, а какъ сдѣлать, когда всѣ мысли, всѣ думы направлены на одно и то же и нѣтъ ни силъ, ни воли принудить себя даже думать не о томъ, о чемъ хочется думать?

Принялась читать оставленную мнѣ Дмитріемъ Александровичемъ книгу, но мысли далеко... Я знаю, что я самая обыкновенная, средняя женщина, я знаю, что не имѣю права предъявлять къ жизни никакихъ особыхъ требованій... Я ничѣмъ не лучше тѣхъ, кого я вижу кругомъ. О мама̀ я не говорю. Она неизмѣримо выше меня, она всегда жила и до сихъ поръ живетъ не для себя. И я преклоняюсь передъ нею... и не могу жить, какъ она. Вотъ почему я такъ обрадовалась, когда Дмитрій Александровичъ сказалъ разъ:

— Служить ближнему?... Отречься отъ себя во имя меньшей братіи? На какомъ основаніи? Люди, какъ и все въ природѣ, неравны. И низшіе организмы должны служить высшимъ...

Это противорѣчило всему тому, во что я вѣрила, во что считала долгомъ вѣрить... Но я схватилась за эти слова...

Меня всегда тянуло въ двѣ стороны: самоотреченіе, гуманность, самопожертвованіе на пользу обездоленныхъ и страдающихъ, радость чужому счастью, состраданіе чужимъ слезамъ... Съ другой стороны: безсознательная, но мучительная жажда личнаго счастья, жажда ласкъ, красоты, нѣги... Я пыталась оправдать себя наслѣдственностью: моя мать—олицетворенный принципъ альтруизма, отецъ—добрый, симпатичный кутила, рабъ своихъ страстей.

Какая все это натяжка! Ну, что изъ этого, что у меня такія же тонкія, подвижныя ноздри, какъ у отца, такой же нервный, надтреснутый голосъ? Я могу, я должна направлять свои стремленія, я обязана руководить моими поступками...

Прежде для меня все было ясно. Я по символу вѣры мама̀ и ея кружка знала, что̀ хорошо и что̀ дурно, что̀ нужно дѣлать и чего нельзя... Теперь у меня все спуталось, и я не могу возстановить равновѣсія...

---

Личность есть начало и конецъ человѣчества, — повторялъ онъ.—Если это правда, то, конечно, всѣ цѣпи, наложенныя человѣкомъ на самого себя,—бесмысленны. Къ чему ежеминутныя уступки, оглядки? Зачѣмъ дѣлаешь не то, что считаешь лучшимъ и желательнымъ, а то, что *нужно* дѣлать? И въ сущности вся жизнь уходитъ на какую-то мелкую, пошлую борьбу. Какъ счастливъ Дмитрій Александровичъ, что сумѣлъ понять это!

---

«Смотрѣть прежде всего на ближайшія, непосредственныя послѣдствія нашихъ дѣйствій для другихъ и съ ними сообразовать наши рѣшенія—узкая, низменная, мѣщанская мораль». Надо разобраться въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, надо смотрѣть мимо этихъ ближайшихъ послѣдствій для другихъ и даже—въ случаѣ необходимости—цѣною страданій этихъ «другихъ» способствовать осуществленію болѣе отдаленныхъ цѣлей.

«Не страданіе возмутительно, а его безсмысленность. Конечныя перспективы жизни опредѣляются для человѣка не страданіемъ, а удовольствіемъ».

Зачѣмъ онъ уѣхалъ? Мнѣ такъ обо многомъ надо поговорить съ нимъ. Мужъ ничего этого не понимаетъ, не можетъ понять.

— Ты все хочешь что-то рѣшать и что-то изображать изъ себя... Это смѣшно,—постоянно повторяетъ онъ.

Какіе мы чужіе другъ другу!... При такой безпредѣльной близости—такая ужасная отчужденность!...

12 мая.

Надо собираться на дачу. Мужъ скоро выступаетъ въ лагери, и мнѣ не хочется оставаться въ Петербургѣ одной. Были обойщики, все закрыли чехлами; драпри и ковры сняли. Цѣлыхъ два дня въ квартирѣ присѣсть было негдѣ, пока ее не оголили и не привели въ самый унылый видъ. Такъ полагается въ каждомъ «порядочномъ» домѣ!...

13 мая.

Помню, какъ послѣ перваго же визита Д. А. мужъ сказалъ мнѣ:

— Львовъ придется тебѣ ко двору...

Я не поняла, сказалъ онъ это серьезно или шутя. Я какъ-то замѣтила ему, что его товарищи «не ко двору» мнѣ. Я не знаю, о чемъ говорить съ ними... Мужъ тогда, казалось, не обратилъ вниманія на мои слова, но, очевидно, запомнилъ ихъ. И когда появился Львовъ, онъ точно обрадовался, что, наконецъ, мнѣ будетъ съ кѣмъ «поговорить». Мужъ всегда добродушно поддразнивалъ меня моей наклонностью къ «умнымъ разговорамъ». Онъ видитъ, что съ его товарищами, и даже съ нимъ самимъ, я не могу говорить ни о чемъ, что непосредственно ихъ не касается. Съ кружкомъ мама̀ я въ послѣднее время почти совсѣмъ разошлась. Я прямо сказала ей, что не могу бывать тамъ, гдѣ не цѣнятъ и не любятъ моего мужа. Владиміръ постоянно заботится, чѣмъ бы развлечь меня. Но весь послѣдній годъ его мать серьезно больна, и онъ каждый день навѣщаетъ ее. Кромѣ того служба, вечеромъ клубъ... А я одна и одна... Знакомыхъ много, но я среди нихъ еще болѣе одинока, чѣмъ съ моими книгами, въ моихъ четырехъ стѣнахъ.

15 мая.

Сегодня я держала себя отвратительно. Мужу привели новую лошадь, она ему не понравилась; онъ разсердился и чуть не цѣлый часъ ходилъ по комнатѣ, крутилъ усы, кусалъ ихъ и повторялъ:

— Ребра мало! Мало ребра!

Въ другой разъ я отнеслась бы къ его горю или сочувственно, или добродушно; сегодня же меня злило и глупое раздраженіе Владиміра, и его назойливый тонъ. Точно у всѣхъ только и на умѣ, что его лошадиныя огорченія. Я ушла къ себѣ и стала «заниматься». Я послѣ отъѣзда Дмитрія Александровича стала читать съ выписками. Но до сихъ поръ у меня это какъ-то не идетъ. Я привыкла слушать чтеніе Дмитрія Александровича. И когда онъ читалъ, я все понимала. Теперь же многое меня ставитъ въ тупикъ. Сегодня я выписывала тѣ мѣста, по поводу которыхъ мнѣ надо было поговорить съ Дмитріемъ Александровичемъ. Мужъ подошелъ сзади, взялъ меня за плечи и громко прочелъ:

— «Le mysticisme! Toute la poésie est là». Что за чушь! Значитъ, Пушкинъ мистикъ? Или онъ не поэтъ, по-вашему? И охота тебѣ эту чушь читать, да еще выписывать!

— Нѣтъ, это не чушь, а совершенная правда.

Владиміръ безцеремонно взялъ мою записную книжку и сталъ громко читать:

— «Aspirations follement fraternelles de nos coeurs vers d'imaginaires créatures, ou vers la nature personifiée et sensibilisée; — tenues et surprenantes affinités que rien n'explique; vague et précieux besoin dont se tourmentent nos esprits, de deviner l'inconnu, de pénétrer l'impénétrable et de peupler le vide;—charme infini des émotions illusoires, de quoi nous pleurons, les sachant telles; attrait impossible à définir de ce que la pensée sublime, le sentiment egaré, la sensation exacerbée ont de plus ineffable et fugace, ou de plus intense et vibrant: toutes ces choses ont droit de cité en poésie...»

Мужъ пожалъ плечами, бросилъ книжку и, смѣясь, сказалъ:

— Одинъ сумасшедшій написалъ, а другая сумасшедшая списываетъ...

Я такъ разозлилась, что взяла книжку и спрятала ее къ себѣ въ столъ.

— Сколько презрѣнія къ моему невѣжеству! — шутливымъ тономъ сказалъ мужъ и хотѣлъ взять мою руку.

Я вырвала руку и ушла изъ комнаты. Какъ это все глупо и нелѣпо съ моей стороны! Чѣмъ виноватъ Владиміръ, что я не въ духѣ? Онъ всегда такъ шутилъ со мной, и я всегда прекрасно понимала эти шутки. Я просто нездорова. Надо скорѣе уѣхать на дачу и успокоить расходившіеся нервы.

17 мая.

Я всегда говорила, что не понимаю скуки... Отчего же теперь мнѣ всегда и со всѣми скучно? Какъ это сказано? «Et l'ennui, araignée silencieuse, filait sa toile dans l'ombre à tous les coins de son coeur». Нѣтъ. Это не скука, а тоска. И надо нести ее безмолвно, одиноко!...

21 мая.

Я поселилась въ Царскомъ для того, чтобы быть поближе къ мужу и къ матери, и никогда я не была такъ далеко отъ нихъ, какъ теперь. Мать живетъ въ Павловскѣ на дачѣ у своихъ друзей Кувшиновыхъ. Онъ—старый литераторъ съ сѣдыми кудрями и длинною бородой, жена—переводчица либеральныхъ книжекъ, «столпъ женскаго вопроса», какъ ее называетъ Дмитрій Александровичъ. Прежде я любила эту чету и понимала ее, теперь каждая моя поѣздка въ Павловскъ кончается чуть не ссорой съ мама̀. Какая нетерпимость у этихъ людей! Они ничего не видятъ дальше узкой тенденціи, ничего не хотятъ знать кромѣ того, что̀ ихъ лично интересуетъ, относятся съ презрѣніемъ къ тому, чего не понимаютъ, напримѣръ къ искусству, а отъ художественнаго произведенія ждутъ прежде всего какой-то грошевой пользы. Меня это возму-

щаетъ. Вчера мы страшно спорили. Съ одной стороны — мама̀, Кувшиновъ съ женой и какой-то студентъ. Съ другой — одна я. И они сочли себя побѣдителями! А будь со мною Дмитрій Александровичъ, конечно, мы бы побѣдили ихъ; какъ они заблуждаются! Дмитрій Александровичъ высмѣялъ бы ихъ «мораль и публицистику». А когда я осмѣлилась сказать по поводу одной книги, занимающей теперь мама̀ и ея кружокъ, что «морализированіе и обличеніе—не искусство», на меня всѣ напали, мама̀ первая.

— Не говори ты мнѣ, пожалуйста, о самодовлѣющемъ искусствѣ. Эта теорія и нелѣпая, и вредная по нынѣшнимъ временамъ.

— Почему вредная?

— Ты очень хорошо знаешь... Съ самыхъ юныхъ лѣтъ ты слышала изреченіе, что «года политическаго и умственнаго застоя были всегда золотымъ вѣкомъ чистаго искусства»... Неужели ты все забыла? Неужели тѣ книжки, которыя ты глотала съ жадностью въ послѣднее время, настолько извратили твои понятія?... Прежде ты никогда не стала бы спорить, что̀ выше: мысль и нравственность или эстетическія волненія «чистаго искусства».

— Я не знаю искусства ни чистаго, ни нечистаго. Искусство только одно, то, въ которомъ его цѣль, его оправданіе, его право на существованіе,—сказала я и вся покраснѣла, сообразивъ, что я повторяю цѣликомъ слова Дмитрія Александровича.

— Искусство не цѣль, а средство, — мрачнымъ голосомъ сказалъ Кувшиновъ.—Его единственное оправданіе въ служебномъ значеніи; его право на существованіе въ нравственномъ воздѣйствіи на личность, на общество.

— Требовать отъ искусства служенія постороннимъ цѣлямъ—значитъ связывать его крылья. А искусство прежде всего должно быть свободно. Только тогда оно создастъ что - нибудь вѣчное, — сказала я.

— Нѣтъ, вѣчно только то, что отмѣчено глубокой мыслью или проникнуто нравственною идеей. Неужели Фаустъ вѣченъ только благодаря внѣшней красотѣ?

— Не знаю... Но помню, что въ *Фаустѣ* же сказано: «Прекрасное одно—потомства достоянье!»

— А Евангеліе?! Нѣтъ-съ, центръ тяжести произведенія не въ безсмысленныхъ эстетическихъ красотахъ, а въ нравственномъ мотивѣ, въ идеѣ.

— А Пушкинъ! — горячо воскликнулъ студентъ.—Пушкинъ, съ которымъ носились и носятся наши эстетики. Онъ самъ опредѣлилъ свое значеніе и пользу своей поэзіи. Какими словами?...

«Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, что въ сей жестокій вѣкъ я прославлялъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ»...

— Но тотъ же Пушкинъ сказалъ: «Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ»... И онъ же сказалъ: «Блаженъ, кто знаетъ сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ... Кто наслажденіе прекраснымъ въ прекрасный получилъ удѣлъ»...

Студентъ перебилъ меня, но успѣлъ только сказать: «Извините»... какъ мама остановила его.

— Ну, довольно объ этомъ,—сказала она,—по-моему, нельзя спорить о цвѣтахъ съ дальтонистами.

Въ мама всегда было много нетерпимости, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ она совершенно не допускала противорѣчій.

— Нѣтъ-съ, позвольте, — загорячился Кувшиновъ. — Пусть Елена Борисовна выяснитъ... Какое же собственно искусство имѣетъ право на существованіе? Какое?

Я молчала.

— Служеніе чистой красотѣ есть миѳъ, сказалъ одинъ русскій писатель. И это совершенно вѣрно-съ... Вы не уважаете искусство, а низводите его, дѣлаете изъ него забаву праздныхъ людей, тогда какъ оно должно не забавлять человѣка, а будить его мысль и чувство, совершенствовать его въ нравственномъ отношеніи, вести къ добру и правдѣ...

Какъ все это старо и истрепано! Какъ бы смѣялся Дмитрій Александровичъ этой прописи изъ книжки либеральнаго журнала! А давно ли я сама спорила съ нимъ? Помню нашъ разговоръ въ самомъ началѣ знакомства съ нимъ, когда онъ задумалъ «совращать меня въ эстетику», какъ онъ выражается.

— Какая же цѣль поэзіи?—спросила я.

— Сама поэзія.

— А ея назначеніе?

— Будить въ душѣ читателя чувство прекраснаго.

Я схватилась за эту фразу и воскликнула:

— Значитъ, вы приписываете ей служебныя цѣли?

— Въ концѣ концовъ всегда окажется цѣль... Поймите меня: поэзія не имѣетъ ничего общаго съ моралью... Разъ поэтическое произведеніе становится проповѣдью, оно теряетъ всю свою поэтическую силу.

Тогда я долго спорила съ нимъ. Теперь же мнѣ все это кажется такъ просто и истинно, какъ дважды-два—четыре, и мнѣ совѣстно было спорить съ мама и пріятно было повторять слова Дмитрія

Александровича. Я обратилась къ Кувшинову и сказала ему словами Львова:

— Вамъ нравится что-нибудь? Отчего?—Не оттого, что полезно, а потому, что красиво... Да и кто рѣшилъ, что полезно и что вредно?

— Тотъ же, кто рѣшилъ, что красиво и что нѣтъ: человѣкъ!— сказала мама раздраженнымъ тономъ, и всѣ замолчали.

Я чувствую, что пропасть между мною и кружкомъ матери все растетъ и растетъ. Съ мужемъ я не могу говорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, напримѣръ о литературѣ,—она совсѣмъ не интересуетъ его. Онъ очень милый, очень умный, но у него умъ свой, житейскій, не вычитанный. Онъ въ юности прочелъ все, что полагается прочесть и забыть. Теперь ему трудно и скучно читать. Къ русскимъ журналамъ онъ относился всегда свысока, французскую литературу не любитъ. Я никогда и не говорю съ нимъ о книгахъ. Разъ только я измѣнила себѣ: меня мучила совѣсть, что я разозлилась на него изъ-за пустяковъ, изъ-за шутки (когда онъ прочелъ мою выписку изъ Guaïta), и я дождалась перваго же случая, чтобы поговорить съ нимъ серьезно о томъ, что меня интересуетъ. Изо всего мною сказаннаго онъ запомнилъ только два слова: l'assonance и l'allitération, и подхватилъ ихъ.

— Ассонансъ и аллитерація! Блесну моими познаніями передъ командиршей! Сражу ее!

Потомъ весь обѣдъ онъ повторялъ эти слова:

— Супъ заснулъ въ сосудѣ!... Какова аллитерація!...

Съ этихъ поръ я рѣшила не говорить съ мужемъ о томъ, что меня интересуетъ. И опять осталась одна, совсѣмъ одна.

2 іюня.

Никогда, никогда въ жизни я такъ не тосковала. Съ матерью мы совсѣмъ разошлись. Послѣ того спора, у нея, она пріѣхала ко мнѣ взволнованная и прямо приступила къ объясненію:

— Мнѣ очень тяжело, Лёля, видѣть, какъ ты измѣнилась... Куда дѣлись твои благородныя мысли, твои хорошія стремленія?... Ты говоришь просто безнравственныя вещи... И я убѣждена, что это Львовъ тебя заставилъ забыть всѣ хорошія слова.

Я не выдержала и вспылила.

— При чемъ тутъ Львовъ?

— Онъ опьянилъ тебя звучными стихами, смѣлыми парадоксами... Ты повѣрила ему на слово и...

Я не дала договорить и почти закричала:

— Никто меня не опьянилъ... И я не маленькая... Я очень хо-

рошо знаю, что мнѣ дѣлать и чему сочувствовать... Мама! Слушай: неужели ты думаешь, я забыла все то, чему ты учила меня? Не забыла... но усомнилась... Нужны ли вы Россіи? Гдѣ результаты вашихъ трудовъ, вашего самопожертвованія? Развѣ васъ не предаютъ? Не отрекаются отъ васъ? Развѣ вы не навязываетесь тому же народу, который васъ знать не хочетъ? Я не могу такъ жить... Не могу...

— А можешь жить эгоистичной жизнью, упиваться личнымъ счастьемъ и не видѣть, не желать видѣть ничего, кромѣ своихъ животныхъ наслажденій? Мнѣ стыдно за тебя, Лёля! Стыдно, что ты моя дочь.

Мать пристально посмотрѣла на меня и покачала головой. И я прочла въ ея глазахъ такой злобный упрекъ, что уже не могла владѣть собой.

— Мама!—почти закричала я,—надо имѣть призваніе, чтобы быть гувернанткой. Вѣчно морализировать, вѣчно учить, вѣчно разрѣшать вопросы... Я не могу этого, и не могу, и не хочу... Не хочу учить народъ, не хочу руководить обществомъ, не хочу читать ежесекундныя наставленія ни себѣ, ни другимъ... Потому что я не знаю, въ чемъ истина, въ чемъ счастье,—въ невѣжествѣ или въ знаніи, въ покорности или въ свободолюбіи... въ эгоизмѣ или въ альтруизмѣ... А ты знаешь?

Мать молчала. Она была очень взволнована, я видѣла это, но меня точно радовало ея волненіе; оно не только не смягчило мою душу, а, напротивъ, точно дало мнѣ толчокъ говорить дальше.

— Васъ всѣхъ поглотили условности и предразсудки... Всѣхъ, всѣхъ... И тебя, и всѣхъ твоихъ друзей... И чувства, и мысли—все приносится въ жертву имъ... Все подводится подъ вашъ шаблонъ, все мѣряется вашей условной мѣркой... Гдѣ же тутъ либерализмъ? Вы самые ужасные деспоты! Вы клеймите все, что хочетъ развиваться свободно, помимо васъ, вы не допускаете эстетическихъ наслажденій, вы браните все, что идетъ дальше условной пользы, условнаго труда, условной честности... Это—то же рабство, тѣ же цѣпи, только позолоченныя громкими фразами и хорошими словами...

Я замолчала. Мать пристально смотрѣла на меня. На ея длинныхъ рѣсницахъ дрожали и блестѣли крупныя капли.

Она ушла, а я не спала всю ночь... Кто же изъ насъ правъ? Гдѣ истина? Чего надо добиваться? Куда стремиться? Чего желать? Какъ жить? Иногда я сознаю, что стыдно такъ жить... Иногда я знаю, что жизнь—«это мигъ между двумя вѣчностями», какъ го-

воритъ Львовъ, и мнѣ такъ жаль, такъ безумно жаль тратить ее на мелкую борьбу, на мелкія слезы, на ненужные споры, на безсмысленныя жертвы.

---

4 іюня.

Жарко. Дышать нечѣмъ. На сосѣднемъ дворѣ кричитъ пѣтухъ. Отъ тоски стала считать, сколько разъ услышу я это назойливое кукуреку...

Гдѣ-то ребенокъ грустно и надоѣдливо плачетъ. О чемъ? Неужели ему тяжело и скучно жить на свѣтѣ?

2 часа ночи.

Устала читать... Не могу больше... Какая тоска! Какіе безконечные дни, какіе томительные вечера!

Пріѣзжалъ изъ лагерей мужъ. Какъ онъ доволенъ своей службой, своей тройкой, погодой, собою! Меня это раздражаетъ, и я не могу совладѣть съ собою. Я не знаю, чего мнѣ хочется, что я должна дѣлать, но я не могу такъ жить... Я хочу любить мужа и когда его нѣтъ—я люблю его, я жду его съ радостью, съ нетерпѣніемъ. Каждый его пріѣздъ—мнѣ мученіе. Точно я каждый разъ падаю съ неба на землю: все тѣ же давно извѣстные разговоры о знакомыхъ, о тратахъ, о дороговизнѣ жизни, о несправедливости начальства. Все тѣ же грубыя ласки и нѣжныя слова. Все тотъ же громкій хохотъ. И я рада, когда онъ уѣзжаетъ, и я опять остаюсь одна и опять начинаю ждать, что пріѣдетъ Владиміръ милый, любящій, любимый.

Сегодня онъ сказалъ мнѣ:

— Ты совсѣмъ закисла... И знаешь отчего: цѣлый день сидишь, сложа руки.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросила я съ раздраженіемъ.

— Не знаю что... Ну, хоть садомъ займись... Клумбы, цвѣты... Нельзя безъ физическаго труда жить!

Я сознавала, что мужъ отчасти правъ, но я ничего не отвѣтила ему; я знаю, что нельзя жить безъ дѣла, но я не знаю такого дѣла, на которое можно бы и нужно бы отдать свою жизнь. И никто мнѣ не поможетъ. Мужъ? Онъ дальше клумбъ и цвѣтовъ не пойдетъ. Дмитрій Александровичъ? Онъ находитъ каждое дѣло условнымъ и ненужнымъ. Конечно, одни только чувства не условны! Но гдѣ они, чувства, въ ихъ чистомъ видѣ? Все замѣнилъ «долгъ» или обманъ... Нужно быть любезной, милой съ тѣмъ, кого не любишь и не уважаешь. Нужно быть холодной и чужой съ тѣмъ, кого обожаешь и о комъ только и думаешь..

Отчего я совсѣмъ не могу спать?

Царское.

Цѣлые дни проходятъ совсѣмъ не такъ, какъ хочется. Дѣлаешь то, чего не хочешь дѣлать, говоришь то, чего не думаешь, ѣдешь туда, куда не хочешь. И это жизнь? Каждый день подводитъ ближе къ могилѣ, каждый день непоправимо пропадаетъ гдѣ-то тамъ, сзади... Кому все это нужно?

---

Скука. Безпросвѣтная скука. Ничего не радуетъ, ничего не веселитъ. Все такъ безцѣльно, тускло, глупо... Сегодня какъ вчера, вчера какъ завтра. И неужели для этого стоило появляться на свѣтъ, мучить девять мѣсяцевъ мать при беременности, рвать ее въ клочья при родахъ, терзать ее своимъ крикомъ при прорѣзываніи зубовъ, при разстройствѣ желудка, мучить ее корью, скарлатиной, азбукой, экзаменами, грубостями, разными выходками, увлеченіями, дурно помѣщеннымъ чувствомъ, дурно выбраннымъ замужствомъ... И все это для того, чтобъ успокоиться на такой жизни? Вся изъ мелочей, изъ такихъ мелочей, что даже записывать совѣстно, противно...

---

Надо осмыслить жизнь, говоритъ мама̀. Конечно, надо, иначе нельзя. Но раньше надо снять всякія оковы, чтобы летѣть, надо развязать крылья... Мужъ ничего этого не понимаетъ...

6 іюня.

Глаза болятъ... Не могу читать. И досадно, что все кажется не тѣмъ, какимъ должно быть. Отчего, когда Дмитрій Александровичъ читалъ мнѣ вслухъ, тѣ же вещи мнѣ казались совсѣмъ иными? Потому ли, что звукъ слова необыкновенно соотвѣтствуетъ его значенію? А это пропадаетъ, когда я читаю одна... И часто то, что мнѣ нравилось прежде, кажется ненужнымъ наборомъ словъ.

Мужъ пріѣзжаетъ часто. Знакомыхъ и здѣсь и въ Павловскѣ много, а я—одинокая и грустная.

Вчера я сказала «нашимъ», чтобы днемъ никогда не пріѣзжали ко мнѣ... «Наши»—это тотъ кружокъ, въ которомъ я верчусь послѣднія пять лѣтъ. Такой же кружокъ, какихъ сотни въ Петербургѣ, гдѣ вмѣстѣ тѣсно, а порознь скучно, гдѣ за глаза злословятъ, а въ глаза хвалятъ, гдѣ есть свои «словечки», свои общія симпатіи или антипатіи... Эти кружки пополняются время отъ времени «новыми», которыхъ сначала встрѣчаютъ недружелюбно, пока они не станутъ «своими». Обыкновенно этотъ «новый»—новый поклонникъ одной изъ дамъ кружка, она и вводитъ его... Я никого не «ввела» въ нашъ кружокъ, да и сама какъ-то невольно сдѣла-

лась членомъ его... Еслибъ я была беллетристомъ, я описала бы этихъ «нашихъ» съ ихъ вѣчными стремленіями «развлекаться» и суетиться... И все развлеченіе кончается винтомъ... Играютъ всѣ, даже молодыя дѣвушки... Бываютъ вечера, гдѣ тридцать - сорокъ дамъ и дѣвицъ декольте, съ голыми до плечей руками сидятъ за картами чуть не до утра...

Нашъ «кружокъ» это: Леонтьевы, идеальная пара, какъ ихъ называетъ мой мужъ, оба маленькіе, худенькіе, всегда и вездѣ вмѣстѣ, и даже въ винтъ играютъ за однимъ столомъ и не ссорятся... У нихъ и дѣти такія же маленькія, стройныя и чистенькія, какъ они сами, такая же квартирка, такая и вся жизнь... Маруся Коноплина, сестра Леонтьевой—дѣвица лѣтъ 26, велосипедистка съ отвлеченными разговорами. Утесовъ, молодой человѣкъ, проповѣдующій культъ флёрта...

Нѣтъ, не могу о нихъ писать, не знаю почему, я такъ много времени отдаю имъ; никто и ничто меня не интересуетъ въ этомъ кружкѣ, а бываю и трачу цѣлые вечера съ ними какъ-то по инерціи... А можетъ быть отъ безволія...

7 іюня.

Знать, чего хочется—вотъ величайшее счастье на землѣ. Я не знаю, чего хочу... Боюсь знать...

---

Да, мама̀ права. Я забыла «хорошія слова». Но не Львовъ виноватъ въ этомъ. Виновата я сама,—зачѣмъ я вышла за Владиміра... Какое существованіе онъ мнѣ далъ? Чѣмъ замѣнилъ мнѣ то, что̀ я видѣла «дома»? И какъ я могла полюбить его? Мама̀ какъ-то недавно такъ объяснила это:

— Ты застала насъ въ періодъ банкротства, когда наши идеи, наши стремленія разбивались о равнодушіе или холопство съ одной стороны и о насиліе — съ другой... Тебя и потянуло въ другую сторону... Подвернулся Барминъ...

Помню, я не дала договорить, хотя сознаю, что мама̀ права, но боюсь даже самой себѣ признаться въ этомъ... До замужства я, все-таки, стремилась учиться, работать, быть кому-нибудь полезной. Вышла замужъ и дальше своихъ четырехъ стѣнъ и знать ничего не хочу. Точно туманъ какой-то сошелъ на меня. Конечно, мама̀ и всѣ «ея» узки и тенденціозны. Въ ихъ воззрѣніяхъ много того, что Дмитрій Александровичъ называетъ «мѣщанствомъ». Нельзя все подводить подъ узкую утилитарную или морализирующую мѣрку. Но нельзя и такъ, какъ мы съ Владиміромъ. Сыты, здоровы и думаемъ, что счастливы. А дальше хоть трава не расти. Оттого мнѣ

и скучно, оттого я и мечусь нравственно, что совѣсть не заснула во мнѣ, и я сознаю, что такъ стыдно жить. Разъ я сказала объ этомъ мужу, онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Ты исполнила свое назначеніе — принесла счастье мужу. Не всякой женщинѣ и это дано.

Но я не могу не сознавать, что я даже и этого не исполнила. Владиміру нужна совсѣмъ не такая жена, какъ я. Его идеалъ: хорошая хозяйка, здоровая мать, веселый товарищъ. Онъ говоритъ, что женщина должна любить выѣзды, пріемы, наряды... А главное — не должна критиковать, не должна идти противъ того, какъ живутъ «всѣ». Для меня же невыносимо все приказанное, что мы всѣ называемъ «такъ принято», все условное, размѣренное, размѣщенное въ рамки. Вотъ чѣмъ мнѣ милъ Дмитрій Александровичъ. Онъ смѣлѣе и независимѣе всѣхъ, кого я до сихъ поръ знала. Про Владиміра я не говорю. У него свой катехизисъ, и онъ живетъ со спокойной совѣстью, что все, что онъ дѣлаетъ—нужно дѣлать. Но и мама̀, и Кувшиновы—всѣ они надѣли на себя добровольныя цѣпи и влачатъ въ нихъ жизнь. Никакой ширины, никакого подъема духа! Узкая проповѣдь альтруизма, самоотверженія и всякихъ хорошихъ чувствъ! Но, во-первыхъ, сама по себѣ всякая проповѣдь смѣшна,—смѣшна въ своемъ самомнѣніи, что словомъ можно сдвинуть гору. А во-вторыхъ, нужно ли кому-нибудь самоотверженіе? Не правильнѣе ли, чтобы каждый человѣкъ заботился о себѣ и о своемъ счастьи? Каждый! Тогда всѣмъ будетъ хорошо. Когда Дмитрій Александровичъ сказалъ это мнѣ, я возмутилась. Я воспитана была совсѣмъ въ другихъ понятіяхъ. Я спросила его:

— Какъ же это сдѣлать?

— Каждый человѣкъ долженъ служить своимъ желаніямъ и страстямъ; тогда онъ будетъ счастливъ. А изъ счастливыхъ отдѣльныхъ личностей составится счастливое общество.

— Но вѣдь разсудокъ долженъ сдерживать страсти

— Зачѣмъ?

— Воля должна руководить желаніями...

— Почему? Это все никому не нужныя прописи.

— Да вѣдь тогда Богъ знаетъ что̀ начнется... Сколько зла, сколько несправедливостей будетъ!

— Никогда... Нужно, прежде всего, чтобы въ человѣкѣ было развито художественное чутье... Эстетикъ—врагъ зла оттого, что оно не художественно, буржуазно и нечистоплотно.

Мнѣ показалось тогда, что Дмитрій Александровичъ шутилъ. Теперь я часто думаю объ его словахъ. Мнѣ стала невыносима

буржуазная добродѣтель, окружающая меня. И мужъ—какъ ни люблю я его—все больше и больше раздражаетъ меня своей прописной моралью и тысячами условностей. И какъ я не замѣчала этого раньше? Какъ часто теперь я повторяю себѣ эти строки:

«La sottise, l'erreur, le peché, la lésine
Occupent nos esprits et travaillent nos corps...»

Дмитрій Александровичъ, какъ умный человѣкъ, понялъ жизнь и устроилъ ее возможно дальше отъ всякихъ условностей. Онъ и не женился, я думаю, оттого, что женатая жизнь вноситъ сейчасъ же цѣлый міръ мелочей и мелкихъ заботъ. Ссоры, дрязги, дѣти, плачъ и пискъ, кормилицы, наказанія, болѣзни... Куда уйдешь отъ нихъ? Какъ бы ни хотѣлъ взлетѣть на облака, но когда ребенокъ плачетъ весь день отъ неизбѣжныхъ страданій, вродѣ первыхъ зубовъ, невольно спустишься на землю, побѣжишь въ дѣтскую, разбранишь кормилицу или начнешь няньчить ребенка. Дмитрій Александровичъ свободенъ какъ птица. Мужъ говоритъ, что онъ не живетъ въ Россіи потому, что онъ для родины «лишній» человѣкъ.

— Намъ нужны работники, а не болтуны,—три раза повторилъ мужъ, когда мы съ нимъ въ послѣдній его пріѣздъ заговорили о Львовѣ.—Довольно въ Россіи болтали... Пора дѣло дѣлать...

И Владиміръ поѣхалъ на «ученье» съ полнымъ сознаніемъ, что дѣлаетъ хорошее, нужное дѣло. Дмитрій Александровичъ не можетъ такъ относиться къ жизни. Его умъ не можетъ смириться съ тупоумнымъ подчиненіемъ законамъ, съ дорòгой по заранѣе установленнымъ и «утвержденнымъ» рельсамъ. Только мы, ничтожныя души, нищіе умомъ, волею и свободолюбіемъ можемъ смиряться съ этимъ.

10 іюня.

Отчего чтеніе не даетъ мнѣ, какъ прежде, умиротворяющаго покоя? Напротивъ, оно теребитъ мою голову, волнуетъ сердце...

12 іюня.

Получила письмо отъ Дмитрія Александровича. Онъ пишетъ мнѣ, что видѣлъ меня во снѣ, будто мы гуляемъ съ нимъ въ какомъ-то особенномъ лѣсу съ громадными деревьями, съ длинными лиловыми цвѣтами, вродѣ глициній, и я не говорю съ нимъ ни слова. «И вдругъ передъ нами поляна, вся усыпанная увядшими розами; я хотѣлъ подойти къ вамъ, вы вспорхнули и полетѣли. И пока вы летѣли, ваше бѣлое платье, развѣваясь по воздуху, обра-

тилось въ длинныя зубчатыя бѣлыя крылья. Это сонъ не простой, а вѣщій... Я еще не могу сказать, что онъ означаетъ... Пока, напишите мнѣ, пожалуйста, только два слова: здоровы ли вы? Я вѣрю снамъ (смѣйтесь надъ моими предразсудками) и буду очень безпокоиться, пока не получу отъ васъ отвѣта».

Я сейчасъ же отвѣтила ему банальными фразами, что здорова и благодарю за участіе.

Мужу я письма Львова не показала.

15 іюня.

Почему-то всѣ эти дни я думаю о Дмитріи Александровичѣ. Его письмо что-то напомнило мнѣ, что-то во мнѣ разбудило. Почему онъ такъ охотно согласился уѣхать? Почему я настаивала на этомъ? Нѣтъ, я довольна собою, рада, что сумѣла выйти изъ опаснаго положенія. Я чувствую, что могла бы серьезно увлечься... Теперь я могу снова спокойно смотрѣть въ глаза моему мужу, могу снова быть счастливой... Нѣтъ, не счастливой, а спокойной. Это все, чего можетъ требовать честная, замужняя женщина. Господи! До чего послѣдняя фраза въ стилѣ моего мужа! И какъ искренно хотѣлось бы мнѣ и говорить и думать въ унисонъ съ нимъ... Какъ всей душой желала бы я быть «хорошей, честной женой».

Я знаю, что онъ не мудрствуетъ, не заносится въ высь, но онъ хорошій человѣкъ, полезный рабочій, любящій мужъ... Чего же больше надо? И какая я неблагодарная, что я все недовольна, все требую отъ жизни невозможнаго. Я согласна, что девяносто пять женщинъ изъ ста позавидовали бы мнѣ. А мнѣ скучно и я часто не знаю, что дѣлать съ собою. Я ни въ чемъ не могу придраться къ мужу: у него нѣтъ недостатковъ, даже нѣтъ слабостей. Онъ, какъ многіе военные, не любитъ кутежей, онъ образцовый мужъ, безукоризненно-честный человѣкъ. На его совѣсти нѣтъ ни одного пятнышка, и онъ свято относится къ своимъ обязанностямъ. Но это постоянное его сознаніе, что онъ честно исполняетъ свой долгъ вѣрноподданнаго, его уравновѣшанность примѣрнаго мужа и хорошаго человѣка—часто просто невыносимы для меня. Его «праведность» порой доводитъ меня до злобы, до несправедливости, и чѣмъ яснѣе я сознаю мою несправедливость, тѣмъ болѣе раздражаетъ меня мужъ. Что можетъ быть ужаснѣе этихъ праведниковъ, непогрѣшимыхъ, спокойныхъ и довольныхъ собою?

18 іюня.

Получила письмо отъ Ольги! Въ отчаяніи! Княгиня уѣхала за границу!..

20 іюня.

Вчера опять пріѣхали «наши» и увезли меня въ Павловскъ на музыку... Мнѣ показалось, что m-me Леонтьеву передернуло, когда ко мнѣ подошелъ Кувшиновъ въ своей крылаткѣ...

26 іюня.

Ни одинъ листъ не пошевелится... Вчера пріѣзжалъ Владиміръ. Усталый, загорѣлый. Отъ его бѣлаго цвѣта лица остался только правый уголъ лба, защищенный козырькомъ фуражки. Со мной онъ былъ какъ-то особенно милъ и ласковъ.

Гдѣ-то каркаетъ ворона... Жарко! Читала до боли въ глазахъ... Хочется спать; хочется заснуть и не проснуться.

28 іюня.

Сегодня я лежала въ гамакѣ и читала. Должно быть я задремала, потому что не слышала шума, а скорѣе почувствовала, что кто-то стоитъ около меня. Взглянула:—Дмитрій Александровичъ! Я вскрикнула и, сама не знаю отчего, зарыдала.

— Я испугалъ васъ... Простите!—ласково и радостно прошепталъ онъ.

Испугалъ! Кажется онъ не вѣрилъ, что я плачу отъ испуга. Я сама не ожидала, что его пріѣздъ такъ взволнуетъ, такъ обрадуетъ меня.

— Откуда? Когда?—могла спросить я наконецъ.

— Сегодня утромъ... Изъ Курской губерніи... Пріѣхалъ на минуту... Какъ вы себя чувствуете?

— Я? Прекрасно.

— Ничего не случилось?

— Ничего... А что?

— Я опять видѣлъ сонъ. Я былъ увѣренъ, что вы больны или несчастливы... Простите... Я не могъ не пріѣхать... Я уѣду сегодня же.

Онъ замолчалъ. Молчала и я. Сердце у меня билось такъ сильно, что я не могла произнести ни слова.

— Что вы подѣлываете? Владиміръ Степановичъ что?—вдругъ совсѣмъ инымъ тономъ заговорилъ Львовъ.

Я посмотрѣла на него и во мнѣ шевельнулось какое-то недоброе чувство. Онъ точно замѣтилъ это, сталъ разсказывать о своей поѣздкѣ, о своей тоскѣ и недовольствѣ жизнью. Онъ ни разу не упомянулъ обо мнѣ, но я чувствовала, что во всемъ томъ, что онъ говоритъ, скрываюсь я, одна только я. И странно, я хочу, чтобы это такъ было. Я счастлива, что онъ забылъ тотъ ужасный вечеръ

пятаго апрѣля, когда его поцѣлуй свелъ меня съ ума, но я не хочу, чтобы Дмитрій Александровичъ вычеркивалъ меня изъ своихъ думъ. Почему? Неужели изъ-за глупаго самолюбія?

Онъ посидѣлъ не больше часу и сталъ прощаться.

— Куда вы?

— Въ Петербургъ... Хочу попасть на курьерскій, сегодня же.

— Ѣдете въ деревню?

— Вы здоровы, счастливы... Я только за этимъ и пріѣзжалъ.

— Надолго ѣдете?

— Не знаю. Это не отъ меня зависитъ.

Я не хотѣла понять его словъ и сказала:

— Мужъ будетъ жалѣть, что не видалъ васъ. Я думала вы пріѣдете обѣдать завтра... Мужъ будетъ здѣсь... Пріѣдете?

— Не знаю.

Онъ уѣхалъ и опять оставилъ впечатлѣніе чего-то недоговореннаго, неопредѣленнаго, раздражающаго.

Онъ какъ будто помолодѣлъ. Странно. Владиміру только двадцать девять лѣтъ, а Львову сорокъ пять, а между ними нѣтъ большой разницы. Конечно, у Львова уже морщины и сѣдина, но это его не портитъ. Много значитъ, что онъ очень заботится о своей внѣшности. Какъ-то зимой Владиміръ заѣхалъ къ нему утромъ и потомъ долго не могъ забыть, какъ Львовъ дѣлалъ свой туалетъ. Холодный душъ, туалетная вода, мохнатыя простыни, цѣлый арсеналъ пилочекъ, ножницъ и щетокъ, особенный халатъ, особенныя туфли, шелковое бѣлье, духи... Владиміръ признаетъ только казанское мыло и баню. Онъ такъ смѣялся надъ Дмитріемъ Александровичемъ и такъ много мнѣ говорилъ про его уборную, что я какъ-то поддразнила Львова его заботами о себѣ.

— Вы должны сочувствовать этому,—сказалъ онъ мнѣ.—Вы совершенно европейская женщина и по вкусамъ, и по уму, и по привычкамъ. Русская женщина вообще недостаточно культивируетъ себя... А это обязанность всякаго человѣка. И я не стыжусь признаваться въ томъ, что забочусь о моей физикѣ, точно такъ же, какъ не покраснѣю, если упрекнутъ меня въ томъ, что я культивирую себя въ умственномъ отношеніи. И ванны, и духи утончаютъ физическую организацію,—слѣдовательно, возвышаютъ человѣка. Замѣтьте, чѣмъ ниже духовное развитіе, тѣмъ народъ грязнѣе. Я не говорю про отдѣльныхъ личностей... Это ужъ исключеніе... А общее правило такое: чѣмъ выше духовное развитіе, тѣмъ культивированнѣе тѣло... Возьмемъ эскимоса и англичанина.

Помню, онъ какъ-то особенно горячо говорилъ на эту тему. Оттого ли, что она особенно интересуетъ его, или потому, что ему показалось, что въ его отсутствіе я съ мужемъ смѣюсь надъ нимъ?

29 іюня.

Опятъ былъ Львовъ и опять странное, неопредѣленное впечатлѣніе отъ его визита раздражаетъ меня. Я звала его обѣдать потому, что мужъ долженъ былъ пріѣхать къ шести часамъ. Дмитрій Александровичъ явился въ два часа, сказалъ, что обѣдать не можетъ, такъ какъ хочетъ попасть на поѣздъ.

— Я долженъ уѣхать,—сказалъ онъ.

Эта загадочность злитъ меня. И зачѣмъ ѣхать? Я его не люблю, я застрахована любовью къ мужу. Очевидно, онъ боится за свой покой, а—главное за свою свободу. Онъ былъ молчаливъ и это тоже меня злило. Нельзя пріѣзжать въ гости для того, чтобы молчать. Это просто невѣжливо. Я предложила пойти въ паркъ, онъ разговорился. Зашла рѣчь о счастьѣ.

— Выше супружескаго счастья нѣтъ ничего въ мірѣ,—замѣтилъ онъ.

— То-то вы къ нему и стремитесь,—сказала я, все еще съ раздраженіемъ.

— Я слишкомъ порочень для него... Семейное счастье дается только добродѣтельнымъ людямъ.

— А ихъ такъ мало,—поторопилась сказать я, чтобы не понять, куда онъ ведетъ разговоръ.

— Слишкомъ много!

Онъ сказалъ это такъ жестко, что я не нашлась, что отвѣтить.

— Въ сущности, я только въ первый разъ въ жизни вижу настоящее семейное счастье, основанное на страстной любви и на полномъ довѣріи,—сказалъ черезъ минуту Дмитрій Александровичъ.—До сихъ поръ я даже сомнѣвался, существуетъ ли оно.

Я знала, что онъ говоритъ про меня, и не хотѣла ни опровергать, ни соглашаться.

— И мнѣ, какъ человѣку порочному, тяжело видѣть это счастье... Больно...

Онъ сказалъ это такъ искренно, что мнѣ стало жаль его, но я не смѣла показать ему этого.

— Я устала... Пойдемте домой... Дайте мнѣ вашу руку.

Какъ только я взяла его подъ руку, мы оба замолчали и дошли до дому, не сказавъ ни одного слова. Но мнѣ было хорошо и мнѣ казалось, что и ему было пріятно идти такъ, молча.

Когда мы пришли домой, я сказала:

— Видите столъ накрытъ для троихъ... Оставайтесь обѣдать.

Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Вѣрьте: кто истинно и хорошо любитъ женщину, тотъ не можетъ выносить ея мужа.

И уѣхалъ. Черезъ полчаса послѣ него явился Владиміръ со своимъ товарищемъ, княземъ Сѣдлецкимъ. Князь добрый малый, хорошій товарищъ, «не дуракъ выпить», безукоризненный офицеръ. Это все опредѣленія моего мужа. Отъ того ли, что Сѣдлецкій занялъ мѣсто, предназначенное для Дмитрія Александровича, или случайно,—но я все время сравнивала ихъ.

— Вы свѣжи, какъ майское утро,—сказалъ онъ мнѣ.

Начался обѣдъ.

— Ну, Володя, надо за здоровье хозяюшки,—обратился Сѣдлецкій къ моему мужу.

Владиміръ не пьетъ, но какъ хозяинъ считаетъ долгомъ и пить и угощать.

Пошли разныя прибаутки вродѣ, «безъ троицы домъ не строится», полковые разговоры, смѣхъ и шутки. А мнѣ было скучно и больно. Послѣ обѣда Сѣдлецкій сѣлъ за фортепіано. Онъ прекрасно играетъ и славится въ полку своимъ исполненіемъ цыганскихъ пѣсенъ и шансонетокъ.

Когда онъ забарабанилъ какой-то кафешантанный, безшабашный мотивъ, Владиміръ весело и удальски запѣлъ:

Тарарабумбія,
Сижу на тумбѣ я...
Пришелъ городовой:
Тащи меня домой!...

Я вышла въ садъ, сѣла на скамью и, не знаю почему, заплакала.

А изъ открытой двери несся дѣтски-беззаботный смѣхъ мужа и Сѣдлецкаго.

2 іюля.

Томикъ «Le conte de Lisle'a» въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ и громадный пукъ желтовато-розовыхъ розъ... Сегодня я съ утра была разстроена домашними дрязгами. Даже совѣстно писать чѣмъ. Оказалось, что горничная Маша каждую ночь уходила куда-то черезъ окно и къ разсвѣту возвращалась опять черезъ окно. Всѣ люди знали это и молчали. А сегодня разсердились на нее за что-то и донесли мнѣ. Я вспылила, позвала Машу и испортила себѣ

все утро, не могла «заниматься». Вдругъ изъ Петербурга посыльный съ книгой и цвѣтами. Я глазъ не могу оторвать отъ этихъ розоватыхъ лепестковъ съ закрутившимися и пожелтѣвшими краями. Отъ жары и отъ дороги розы уже немного завяли, но это даетъ имъ еще больше прелести... Дмитрій Александровичъ не любитъ очень свѣжихъ розъ... Онѣ банальны. А вотъ именно эти, не яркія, не особенно свѣжія...

Посыльный сказалъ, что «баринъ» приказалъ кланяться. И ничего больше. Почему же онъ въ Петербургѣ? Что за неискренность! Сказалъ, что уѣдетъ, и вотъ три дня прошло, а онъ все еще въ Петербургѣ. Зачѣмъ онъ лжетъ? Какъ это злитъ меня. Вѣдь я ничего отъ него не требую, ничего не жду... Мнѣ не было никакого дѣла до того, уѣзжаетъ ли онъ въ деревню, или къ какой-нибудь знакомой въ Петербургъ. Не хотѣлъ тогда обѣдать у насъ—и не надо. Къ чему же эти комедіи?

4 іюля.

Сегодня пріѣзжалъ мужъ. Какъ только вошелъ, такъ и закричалъ:

— Какія розы! Несомнѣнно адюльтернаго происхожденія!

— Почему?

— Посмотри, какой у нихъ грѣховный видъ... Розовато-желтовато-коричневатый... Отъ кого?

— Отъ Львова.

— А?! Онъ въ Петербургѣ?

— Должно быть...

— Почему? Амуръ или карманъ? Что его держитъ?

— Я эти дни его и не видала... Какъ же мнѣ знать?

— Ты его наперсница... Какъ же тебѣ не знать, почему онъ въ іюлѣ печется въ Петербургѣ.

5 іюля.

Жарко смертельно. Сегодня я съ Леонтьевыми была въ Павловскѣ. Скучная музыка, скучныя лица, безвкусные туалеты по модной картинкѣ. Ни изящества, ни линій—ничего! И всѣ женщины—какъ одна: jupe cloche, рукава пузырями. Неужели онѣ не понимаютъ, что такое рабство модѣ оскорбляетъ и чувство самостоятельности, и стремленіе къ оригинальности, а главное, оскорбляетъ эстетическое чувство. Я никогда не могла одѣваться по модѣ. Прежде оттого, что въ насъ съ мамà былъ силенъ духъ протеста, теперь же потому, что во мнѣ развились художественные инстинкты, и я стала понимать форму и краски. Я еще не настолько смѣла, чтобы совсѣмъ не считаться съ модой и быть оригинальной,

чтобы на меня показывали пальцами. Но я согласна съ Дмитріемъ Александровичемъ, что въ туалетѣ надо искать линію, художественность и смѣлость. Какъ странно! Прежде я терпѣть не могла, если мужчина обращаетъ вниманіе на женскій туалетъ. Мнѣ казалось, что мужчинамъ не полагается этого. И когда мужъ разсказывалъ про какую-нибудь даму и уродовалъ названія женскаго туалета, мнѣ это очень нравилось.

— Знаешь, у нея тутъ такой панцырь, а внизу перехвачено лентой!...

Я бывало ничего не понимала и хохотала отъ души. Львовъ же знаетъ всѣ тонкости женскаго туалета, и это мнѣ нравится. И вотъ почему нравится:—онъ и къ туалету относится, какъ художникъ. Онъ и въ немъ видитъ талантливость, чутье и умѣетъ оцѣнивать его. И какъ мнѣ было пріятно обдумывать туалетъ, когда я часто видала Львова. Я знала, что ни одна деталь не пропадетъ даромъ. Теперь мнѣ не для кого одѣваться. Мужъ всегда мнѣ повторяетъ: «Во всѣхъ нарядахъ, душенька, ты хороша» и, конечно, никакой художественности въ платьѣ не ищетъ. А если женщина говоритъ, что одѣвается сама для себя, она лжетъ. Всегда одѣваешься для кого-нибудь: для мужчинъ, чтобы нравиться имъ, или для женщинъ, чтобы злить ихъ.

7 іюля.

Мы сидѣли на террасѣ и пили чай. Мужъ шутилъ съ m-me Леонтьевой и поддразнивалъ ее однимъ изъ ея «милліона поклонниковъ». Вдругъ я услышала у калитки чей-то голосъ. Спрашивали: «Здѣсь живетъ г-жа Бармина». Я, не знаю отчего, вышла сама. Опять посыльный, громадный пучокъ розъ и письмо.

— Отвѣта не будетъ?—спросилъ посыльный.

— Кланяйтесь,—могла только я сказать, и вошла съ цвѣтами на террасу.

— Смотри, Владиміръ... эти еще грѣховнѣе, чѣмъ тѣ...

Громадные цвѣты, оттѣнка vieux rose, съ полуразвалившимися лепестками тихо колыхались на своихъ длинныхъ стебляхъ.

— Кто принесъ?

— Посыльный... Сейчасъ прочту, что «пишутъ»...

— Вотъ положеніе мужа,—обратился Владиміръ къ m-me Леонтьевой.—Печется, несчастный, въ лагерѣ, а жена каждый день букеты получаетъ и «никакихъ»...

«Не могу я уѣхать. Не могу жить далеко... Мнѣ необходимо, чтобъ она знала, что я тутъ, близко, всегда готовый придти къ

ней, принести въ жертву всего себя, если это дастъ ей хоть мигъ счастья»...

— Дмитрій Александровичъ пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ на этихъ дняхъ... Все это время онъ былъ слишкомъ занятъ.

Какая гадость, что нужно лгать, опошливать самыя хорошія чувства и мысли! Но развѣ я могла прочесть письмо Дмитрія Александровича вслухъ? Я рѣшила показать его мужу потомъ, но онъ тутъ же при Леонтьевой началъ смѣяться надъ Дмитріемъ Александровичемъ.

— Занятъ? Чѣмъ онъ занятъ? Стишки дамамъ читаетъ, выдумываетъ себѣ какіе-то особенные костюмы и считаетъ себя выше всякаго труда...

Не понять Владиміру Дмитрія Александровича! Я рѣшила не показывать ему его письма.

9 іюля.

Вчера вечеромъ я написала Дмитрію Александровичу два слова, просила его навѣстить *насъ*. Не могу же я сказать мужу, что солгала, что Львовъ не писалъ о своемъ желаніи быть у насъ.

Вчера весь вечеръ я сидѣла одна. Было тепло, тихо, пахло увядающими розами. Мнѣ стало больно отъ сознанія, что почти все лѣто прошло «такъ», безцвѣтно, вяло, прѣсно. Всѣ вечера убиты въ нашемъ «кружкѣ»... Все тѣ же шутки, тѣ же поговорки... Я уже впередъ знаю, кто сядетъ рядомъ съ m-me Леонтьевой, кто со мной, кто съ Марусей Коноплиной. И какъ не надоѣстъ Фохту и Утесову ухаживать за мной? Я сама чувствую, какъ стала скучна въ ихъ обществѣ. Вчера я не поѣхала съ ними въ Павловскъ и осталась одна. Мнѣ надо было обдумать, какъ написать Дмитрію Александровичу. Мнѣ не хотѣлось, чтобы вышло банальное приглашеніе на дачу, и я боялась, чтобы не вышелъ призывъ... Я долго обдумывала каждую фразу, каждое слово, и вышло пошло. И сегодня я весь день мучаюсь: зачѣмъ я такая раба всякихъ условныхъ требованій и, такъ-называемыхъ, приличій. Постоянно говоришь и дѣлаешь совсѣмъ не то, что хочется, а то, что нужно. Кому нужно? Зачѣмъ? Всю жизнь живешь въ искусственной рамкѣ, миришься съ сѣрыми впечатлѣніями, тогда какъ душа жаждетъ какихъ-нибудь особыхъ красокъ, звуковъ, ощущеній. И добровольно отказываешься ото всего, что хоть немного нарушаетъ заранѣе установленный порядокъ, идешь по узкой протоптанной дорожкѣ. Рабство добровольное, часто никому не нужное. Человѣкъ съ какимъ-то особымъ злорадствомъ спутываетъ и себя, и другихъ тяжелыми цѣпями сочиненныхъ обязанностей, глупѣйшихъ пред-

разсудковъ. Для чего? Для кого? Не сегодня-завтра подползетъ смерть и все кончено...

Вечеръ.

Былъ Дмитрій Александровичъ. Пріѣхалъ такой веселый, какимъ я его никогда еще не видала.

— Откуда?—спросила я.

— Изъ дому.

— Почему такъ поздно?

— Ждалъ, чтобы стало прохладнѣе! Въ жару я не интересенъ...

— А въ холодъ?

— Стараюсь быть интереснымъ... А въ жару даже и стараться не могу... Я не люблю солнца съ его безпощаднымъ свѣтомъ. То ли дѣло ночь, когда все пріобрѣтаетъ туманные контуры, когда воображеніе дополняетъ то, чего не видитъ и не можетъ видѣть глазъ...

Скоро пришла Маруся Коноплина съ Утесовымъ и влюбленнымъ въ нее студентомъ Кубеницкимъ. Дмитрій Александровичъ замолчалъ и только упорно смотрѣлъ на меня. Черезъ полчаса онъ уѣхалъ.

— Когда вы къ намъ?—спросила я, провожая его.

— Когда вы пожелаете?

— Завтра.

Я позвала его завтра, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе прихода Коноплиной съ двумя юношами. Я боюсь, не подумалъ бы онъ, что они забавляютъ меня. Я даже не понимаю, зачѣмъ этотъ Утесовъ постоянно пріѣзжаетъ сюда. Не желаю я его ухаживанья!

Ек. Лѣткова.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

## На Левкадскомъ утесѣ.

Какіе дни, какія муки!...
О, Сафо, какъ страдала ты,
Какъ ты кляла, ломая руки,
Свои безумныя мечты!
Но, проклиная, ты любила,—
Больная, слабая отъ слезъ,
Ты вновь плела вѣнокъ изъ розъ
И вновь прійти его молила,
И страстный, нѣжный гимнъ звучалъ
Предъ Афродитой златотронной,
Чтобъ хоть изъ жалости онъ внялъ
Тебѣ, забитой, оскорбленной...
Ты съ нимъ воскресла бы душой,
Ты все бы, все ему сказала,—
Какъ ты любила, какъ страдала,
Какъ ты измучена тоской!...

* *
*

Но тщетно все... Устали очи,
Нѣтъ больше слезъ... Въ нѣмой тиши
Она прислушивалась къ ночи
И къ звукамъ страждущей души.
На высотѣ, къ которой смѣло
Съ такимъ трудомъ она взошла,—
Она таинственно ждала,
Она обнять душой хотѣла
Все, что душа пережила...
И долго въ сердцѣ что-то зрѣло,
Росло, томилось въ тишинѣ,

Пока не встала, вся въ огнѣ,
Изъ мрака Эосъ... и кидаетъ
Въ безмолвьи Сафо ложе сна,—
По тихимъ улицамъ одна
Она куда-то поспѣшаетъ;
На шумной площади народъ
Обходитъ молча и тревожно,
Какъ будто что-то осторожно,
Какъ чашу полную, несетъ...

* *
*

И вотъ синѣетъ даль залива
И дышитъ холодомъ морскимъ;
На сѣрыхъ камняхъ молчаливо
Она забылась передъ нимъ.
Шумитъ прибой, въ жемчужной пѣнѣ
Качаетъ чаекъ на волнѣ...
Руками сжавъ свои колѣни,
Она сидитъ какъ въ полуснѣ...
Исчезла скорбь, печаль стихаетъ
Мечта въ безбрежный міръ манитъ,—
За бѣлой чайкой улетаетъ,
За легкимъ облачкомъ спѣшитъ.
Поютъ ей пѣсни Нереиды,
Вновь возникаетъ передъ ней
Рожденье свѣтлое Киприды
Изъ лона вѣчнаго морей,
И, какъ Киприда, міръ прекрасенъ,
И гимномъ счастья упоенъ,
Какъ божество, и тихъ, и ясенъ
Воскресшей Сафо дивный сонъ!...

*
* *

О, Сафо, Сафо! Ты ли это?
Да, ожила, приподнялась
Изъ тьмы земной душа поэта
И въ небеса перенеслась,—
Туда, туда, въ страну Восхода,
На Олимпійскій свѣтлый пиръ...
Твоя любовь—безсмертный міръ,
А смерть—безсмертная свобода!...

Ив. Бунинъ

# УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ*).

(Изъ моихъ воспоминаній).

---

## XIV.

Поговорю о собственномъ житьѣ-бытьѣ въ Москвѣ. Я продолжалъ служить въ канцеляріи губернатора и исполнять кое-какія, возлагаемыя на меня, порученія; поэтому большую часть года я проводилъ въ разъѣздахъ, а такъ какъ Владиміровка, какъ я уже сказалъ, находилась въ Подольскомъ уѣздѣ, то я всегда старался, чтобы порученія получить либо въ Подольскомъ, либо въ смежномъ Серпуховскомъ; благодаря этому, мнѣ представлялась возможность часто навѣщать свою мать, которая обыкновенно съ ранней весны и до поздней осени проживала во Владиміровкѣ. Мать развела тамъ большой огородъ и занималась имъ съ увлеченіямъ. Помню я, что во время коронаціи государя императора Александра II мать получила съ своего хозяйства значительный доходъ и весь ея птичій дворъ и огородъ уходилъ на продовольствіе австрійскаго посольства.

Я все-таки не покидалъ литературной работы и, не ограничиваясь *Русскимъ Вѣстникомъ*, послалъ одинъ свой разсказъ *Лѣсникъ* въ *Современникъ*, который и былъ тамъ напечатанъ, а другой: *Мертвое тѣло*—въ *Отечественныя Записки. Современникъ* издавался въ то время Панаевымъ и Некрасовымъ, а *Отечественныя Записки* А. А. Краевскимъ. Но, живя въ Москвѣ, я ни съ той, ни съ другой редакціей знакомъ не былъ. Начинающихъ писателей въ мое время въ Москвѣ не было, а потому, не имѣя сверстниковъ, я и не могъ завязать въ литературной средѣ дружескихъ связей. Всѣ

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 97 г.

мои сверстники, которыхъ я поименовалъ выше, занимались переводами. И вотъ изъ числа этихъ-то переводчиковъ я состоялъ въ особенно-дружескихъ отношеніяхъ съ В. И. Родиславскимъ, каковыя отношенія и сохранились у насъ вплоть до его смерти. Могу еще назвать одного изъ своихъ сверстниковъ, князя Григорія Васильевича Кугушева, написавшаго повѣсть *Корнетъ Отлетаевъ,* имѣвшую успѣхъ и тоже печатавшуюся въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и нѣсколько театральныхъ пьесъ, изъ числа которыхъ шла съ большимъ успѣхомъ на московскомъ Маломъ театрѣ комедія *Пріемышъ*.

Заглавную роль въ этой пьесѣ исполняла въ то время Колосова, талантливая актриса, любимица тогдашней Москвы. Въ водевиляхъ она была неподражаема, и живая, бойкая и веселая игра ея положительно приводила всѣхъ въ восторгъ.

Итакъ, отсутствіе сверстниковъ въ литературной средѣ, конечно, не могло благотворно повліять на развитіе моего литературнаго вкуса: иной разъ и хотѣлось бы по душѣ поговорить съ кѣмъ-нибудь, посовѣтоваться, помечтать даже, а кругомъ меня все были старики, которые на меня смотрѣли какъ на мальчишку. Поэтому мнѣ приходилось испытывать нѣкотораго рода одиночество. Въ пріемѣ лучшими журналами моихъ произведеній мнѣ очень везло, доказательствомъ чего можетъ быть то, что въ теченіе моей слишкомъ сорокалѣтней дѣятельности ни одно изъ моихъ произведеній не было забраковано и все, что выходило изъ-подъ моего пера, все было напечатано; по отношенію же къ литературнымъ сверстникамъ мнѣ счастья не было.

У моего пріятеля, Родиславскаго, у котораго я часто бывалъ, между прочимъ часто встрѣчался съ А. Н. Верстовскимъ. Тамъ же встрѣчался я и съ Николаемъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ, который также былъ и моимъ товарищемъ по службѣ въ канцеляріи губернатора. Это былъ тогда еще совсѣмъ юноша, хотя и былъ женатъ, ежели не ошибаюсь, на госпожѣ Хрущовой. Рубинштейнъ былъ очень веселый товарищъ и пріятный собесѣдникъ. Онъ постоянно намъ игралъ на рояли и, такъ какъ я всегда былъ плохимъ знатокомъ музыки, то мнѣ казалось, что онъ слишкомъ стучалъ по клавишамъ, тѣмъ болѣе, что я не особенно любилъ игру на рояли, а предпочиталъ пѣніе. Да и не мудрено было въ то время не увлекаться пѣніемъ, когда мнѣ приходилось слышать такихъ пѣвцовъ, какъ Бозіо, Гризи, Тамберликъ, Маріо, Кальцоляри Лаблашъ.

## XV.

Не могу умолчать о газетѣ *Современность*, издававшейся въ то время въ Москвѣ. Издателемъ этой газеты былъ нѣкто Н. П. Кореневъ. Программа газеты предполагалась весьма обширная. Въ видѣ приложенія къ этой газетѣ обѣщанъ былъ земледѣльческій журналъ, а самая газета должна быть иллюстрированной и сверхъ всего этого каждый подписчикъ имѣлъ право приходить читать въ редакцію, при которой имѣлась особенная библіотека и всѣ болѣе распространенныя газеты, какъ русскія, такъ и иностранныя. Редакція сняла подъ свое помѣщеніе большой домъ на Поварской улицѣ и успѣла запастись лучшими сотрудниками. Секретаремъ этой редакціи былъ тотъ же самый Зименко, съ которымъ я уже познакомилъ читателя. Этотъ-то Зименко затащилъ и меня въ эту редакцію, въ которой я изображалъ и самъ не знаю что̀: не то редактора, не то секретаря. Моей обязанностью было прочитывать беллетристическія произведенія и сообщать Кореневу свое мнѣніе, а также вести театральный отдѣлъ. Помню, что въ числѣ этихъ произведеній была какая-то повѣсть Кулиша, повѣсть Славутинскаго *Бѣглянка* и др. Первый номеръ вышелъ, дѣйствительно, громадный, и Кореневъ торжественно назвалъ его Левіафаномъ. Но, думается мнѣ, что Кореневъ задумалъ изданіе не по средствамъ, да и вообще повелъ дѣло слишкомъ размашисто. Онъ былъ большой театралъ, большой хлѣбосолъ и большой поклонникъ тогдашней московской знаменитости Л. П. Косицкой. Съ утра и до ночи наша редакція была переполнена гостями, и всѣхъ этихъ гостей Кореневъ поилъ и кормилъ. И вотъ кончилось тѣмъ, что изданіе прекратилось на четвертомъ номерѣ, который не былъ выпущенъ изъ типографіи за неплатежъ денегъ. Мнѣ даже не хотѣлось говорить объ этомъ изданіи, но я не считаю вправѣ замалчивать этотъ фактъ, желая быть по возможности точнѣе въ описываніи данной эпохи.

## XVI.

30 августа 1856 года Москва праздновала священное коронованіе государя императора Александра II. Во время въѣзда государя въ Кремль я находился въ зданіи губернскаго правленія, возлѣ Иверскихъ воротъ и сидѣлъ у того окна, мимо котораго совершалось торжественное шествіе. До дня коронованія государь императоръ и государыня императрица помѣщались въ Петровскомъ дворцѣ, а въ день коронованія совершили свой торже-

ственный въѣздъ въ Москву и въ Кремль, гдѣ происходило коронованіе. На Ходынскомъ гуляньѣ я не былъ, потому что была дурная погода, но былъ на фейерверкѣ въ Лефортовскомъ паркѣ, которымъ и заканчивалось празднество коронованія. Фейерверкъ предполагался грандіозный, но дурная погода помѣшала фейерверку. Дождь былъ не большой, но густыя тучи положительно висѣли надъ Москвой. Фейерверкъ былъ подожженъ государыней императрицей, и въ паркѣ послышалась трескотня разныхъ ракетъ, бураковъ и т. п. Но мнѣ, стоявшему недалеко отъ Красныхъ воротъ, не удалось видѣть ни одной ракеты. Всѣ онѣ поднимались и тотчасъ же утопали въ облакахъ, среди которыхъ и лопались, эффектно освѣщая облака всѣми цвѣтами радуги. Вотъ и все, чѣмъ могла любоваться масса народа, собравшаяся на фейерверкъ. Затѣмъ полилъ дождь и залилъ всѣ плошки, которыя единственно составляли тогдашнюю иллюминацію.

Въ 1856 году по всей Россіи производилась X народная перепись, и я былъ командированъ для провѣрки ревизскихъ сказокъ (какъ назывались тогда вѣдомости по переписи) въ Дмитровскій уѣздъ, Московской губерніи. Я было долго отнѣкивался отъ этого порученія, прося назначить меня въ Подольскій уѣздъ, но ходатайство мое почему-то не было уважено, и я волей-неволей отправился въ Дмитровъ. Это былъ захолустный городишко, добраться до котораго нужно было по грунтовой дорогѣ. Поѣхалъ я туда осенью: грязь, слякоть, и я завязалъ чуть не на каждомъ шагу. Въ тогдашнее время существовали еще городничіе, исправники, а прокуроровъ и ихъ товарищей замѣняли стряпчіе. Какъ теперь помню: исправникомъ въ Дмитровѣ былъ старичокъ Этингенъ, городничимъ—какой-то раненый офицеръ Гродецкій. Исправники въ то время и избирались дворянствомъ и непремѣнно должны были принадлежать къ числу мѣстныхъ помѣщиковъ. Этингенъ былъ тоже изъ мелкихъ помѣщиковъ, ходилъ въ какой-то военной формѣ, но ничего воинственнаго въ наружности его не было. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, имѣлъ жену и дочь. Жилъ онъ въ какомъ-то большомъ домѣ и при домѣ былъ флигель комнатахъ о шести, и вотъ въ этомъ-то флигелѣ гостепріимный исправникъ и предложилъ мнѣ расположить свою лейбъ-квартиру.

Городничій Гродецкій былъ старикъ глухой (кажется, онъ былъ контуженъ), имѣлъ жену и дочку. А стряпчій, фамилію котораго забылъ, имѣлъ трехъ дочерей. Вообще Дмитровъ славился тогда обиліемъ барышень. Помнится мнѣ, у одного секретаря нижняго земскаго суда было таковыхъ чуть ли не десять. Нечего говорить

послѣ этого, что мы проводили время очень весело. Каждый вечеръ устраивалась у кого-либо вечеринка; мы танцовали, распѣвали разные романсы и время летѣло незамѣтно. Порученіе это продолжалось всю зиму, такъ какъ приходилось побывать чуть ли не въ каждой деревнѣ.

Народная перепись производилась слѣдующимъ порядкомъ: списки казенныхъ крестьянъ составлялись мѣстными волостными правленіями и провѣрялись сперва окружными начальниками, а потомъ уже командированными на этотъ предметъ губернаторскими чиновниками. Въ городахъ и посадахъ такіе списки составлялись городскими и посадскими управленіями, а въ имѣніяхъ помѣщиковъ вотчинными конторами. По-настоящему слѣдовало бы ѣздить изъ села въ село, но, откровенно говоря, мы это упростили и созывали народъ въ волостное правленіе, въ которомъ и производили провѣрку списковъ допросами каждаго домохозяина, причемъ непремѣнно присутствовали: приходскій священникъ и волостное начальство. Тѣмъ же порядкомъ производилась провѣрка какъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, такъ и въ городахъ и посадахъ. Какъ видите, порученіе не изъ веселыхъ, а въ осеннее и зимнее время даже весьма тяжелое. Мнѣ приходилось осенью вязнуть въ грязи, а зимой—въ сугробахъ. Къ довершенію всего: всѣ дмитровскіе помѣщики, проводившіе обыкновенно зиму въ Москвѣ, отсутствовали, такъ что мнѣ зачастую приходилось ночевать въ пустыхъ и холодныхъ помѣщичьихъ домахъ. Но въ помѣщичьихъ домахъ я все-таки находилъ довольно опрятное помѣщеніе и сносную пищу, за то, попавъ въ деревню, сплошь да рядомъ приходилось ночевать въ грязныхъ и вонючихъ избахъ, а ужъ про пищу и говорить нечего. Я всегда возилъ съ собой икру, семгу, сыръ и они мнѣ до того надоѣли, что я долгое время не могъ на нихъ смотрѣть...

Пришлось мнѣ какъ-то ѣхать ночью по еловому лѣсу. Дѣло было зимой. Ночь была лунная, словно серебряная какая-то. Покрытыя инеемъ ели, казалось, были убраны хрустальными блестками. Дорога превосходная, ни одного ухаба... И я, закутавшись въ шубу, положительно любовался разстилавшейся передо мной картиной. Вдругъ въ лѣсной чащѣ мелькнулъ огонекъ, другой, третій, четвертый. Сидѣвшій на козлахъ казакъ первый замѣтилъ ихъ:

— Ваше благородіе,—проговорилъ онъ, обратясь ко мнѣ,—волки!...

И не успѣлъ онъ это проговорить, какъ изъ лѣса вышла цѣлая стая волковъ. Мы насчитали ихъ шестнадцать штукъ. И, грѣшнымъ дѣломъ, я струхнулъ. Стая вышла на дорогу, посмотрѣла на насъ,

навостривъ уши, а когда мы проѣхали мимо, вдругъ принялась валяться, по снѣгу. Деревушка, въ которую мы должны попасть, была возлѣ, и мы благополучно до нея доѣхали. Тамъ пришлось мнѣ переночевать, а утромъ, проснувшись, мы узнали, что въ эту же ночь было перерѣзано волками нѣсколько головъ мелкаго скота и даже корова, или лошадь.

И такъ я, подобно Чичикову, переѣзжалъ изъ одной деревни въ другую съ тою только разницею, что приходилось говорить не о мертвыхъ душахъ, а о пропускныхъ. Сколько мнѣ помнится, самыми аккуратно составленными списками были списки, составленные въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Я только очень жалѣлъ, что ни одного изъ этихъ помѣщиковъ не было дома, а приходилось проводить время либо съ управляющими ихъ, либо съ приказчиками. За то я до сихъ поръ хорошо помню всѣ эти помѣщичьи усадьбы съ красивыми барскими домами, парками и прекрасными надворными постройками. Почти возлѣ каждаго помѣщичьяго дома возвышалась церковь, построенная владѣльцемъ имѣнія, или его отцами, и иногда эти церкви соединялись съ домами красивыми аллеями. Въ усадьбахъ были оранжереи, теплицы. И вотъ, помнится мнѣ, попалъ я въ одну изъ такихъ оранжерей. Боже мой, какъ я хорошо себя почувствовалъ, когда увидалъ себя окруженнымъ цвѣтущими персиками, лимонами и померанцевыми деревьями, запахъ отъ которыхъ такъ и разливался по всей оранжереѣ. Солнце ярко свѣтило, по уставшему и замерзшему тѣлу разливалась пріятная теплота. Такъ бы и не вышелъ. А тутъ казакъ: «Пожалуйте, ваше благородіе, лошади ждутъ». И вотъ опять эти валенки, эти шубы и холодный морозный воздухъ...

Помню, пришлось мнѣ попасть въ одну лѣсную деревушку и, приступивъ къ провѣркѣ списковъ, я былъ удивленъ какими-то неслыханными именами: вдругъ какая-нибудь баба называется Конкордія, Голендуха, Перпетуя, Аристидъ, Поліевктъ, Сосипатръ и т. п. Это меня заинтересовало.

— Да что это у васъ все какія имена чудныя?—спрашиваю я крестьянъ.

Крестьяне расхохотались.

— Это все по насердкамъ,—загалдѣли они всѣ разомъ.—Батюшка у насъ былъ старичокъ... померъ, царство небесное!—осерчалъ онъ на насъ, покойникъ, за чтой-то да вотъ и надавалъ намъ такихъ именъ, которыхъ мы и вымолвить не умѣемъ.

И вотъ такъ-то я блуждалъ цѣлую недѣлю, а по субботамъ яв-

лялся въ Дмитровъ и принимался за танцы и романсы. Была еще въ Дмитріевѣ аптека, принадлежавшая вдовѣ аптекаршѣ, у которой хозяйствовалъ какой-то провизоръ. Аптека эта въ Дмитровѣ играла роль ресторана. И какъ, бывало, пробьетъ двѣнадцать часовъ, такъ мы сейчасъ въ аптеку. Провизоръ изготовлялъ какого-то особаго сорта водку, которая всѣмъ намъ очень нравилась. Подавался пирогъ, приличная закуска, являлись городничій и исправникъ, и мы преблагодушно пировали въ этой аптекѣ. Была даже и музыка, такъ какъ бойкій провизоръ довольно изрядно игралъ на фортепіано.

Какъ, однако, ни весело жилось въ самомъ Дмитровѣ, но все-таки я уѣзжалъ на короткое время въ Москву и непремѣнно потрафлялъ туда къ театральнымъ маскарадамъ, до которыхъ былъ великій охотникъ и на которыхъ въ то время особенно проказничали извѣстный скульпторъ Рамазановъ и Калошинъ, бывшій редакторомъ *Зрителя*. Послѣдній продѣлывалъ такія штуки, что бывшій тогда генералъ-губернаторомъ графъ Закревскій не зналъ, бывало, что съ нимъ и дѣлать.

Такъ провелъ я въ Дмитровѣ всю зиму до великаго поста, а великимъ постомъ переселился въ Сергіево-Троицкую лавру, такъ какъ она тоже Дмитровскаго уѣзда, гдѣ мнѣ требовалось провѣрить перепись Троицкаго посада и приписанныхъ къ лаврѣ крестьянъ. Избралъ я для этого великій постъ съ тою цѣлью, чтобы поговѣть въ лаврѣ. Принялся я за дѣло послѣ говѣнья и квартира мнѣ была отведена въ лаврской гостиницѣ на площади возлѣ лавры. Гостиница эта, кажется, существуетъ и теперь. Какъ звали тогдашняго настоятеля лавры, я забылъ, но помнится мнѣ, что онъ былъ изъ свѣтскаго званія, изъ фамиліи князей Грузинскихъ. Это былъ очень красивый монахъ, прекрасно образованный и весьма любезный и гостепріимный. Я довольно часто бывалъ у него и онъ меня познакомилъ со всѣми достопримѣчательностями лавры и со школой живописи, которая въ то время только что была открыта. Мнѣ особенно понравилась тамъ живопись по тисненому золоту. Изъ богатствъ Троицкой лавры меня болѣе всего поразило множество драгоцѣнныхъ камней, коими украшены церковныя облаченія, и масса жемчуга, сохранявшагося въ какихъ-то простыхъ кадкахъ.

Не разъ случалось мнѣ обѣдать въ лаврской трапезной одновременно съ монахами, и всегда обѣды эти буквально поражали меня строгою и величавою обстановкой. Молчаніе царствовало гробовое и только чтеніе молитвъ однимъ изъ монаховъ, однооб-

разнымъ, ритмическимъ тономъ, нарушало эту тишину. Откровенно сказать: на меня это дѣйствовало какъ-то тяжело и подавляюще.

Въ лаврѣ мнѣ пришлось прожить недѣли двѣ-три. Большую часть времени я проводилъ въ лаврѣ, а разъѣзды мои ограничивались только однѣми окрестностями. Въ одну изъ такихъ-то поѣздокъ, а именно въ ту ночь, когда бываетъ стояніе Маріи Египетской, мнѣ пришлось всю ночь простоять въ зажорѣ.

Лощина, въ которую мы попали, была, какъ будто, не особенно глубока, но выбраться изъ нея, несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли. Кончилось тѣмъ, что утомленныя лошади завязли по самыя спины въ мокромъ разлыхлѣвшемъ снѣгу, а сани наши начали понемногу наполняться водой. Ночь была темная. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы застряли, торчала какая-то тощая береза и вотъ ямщикъ и, сопровождавшій меня казакъ, по поясъ шлепая въ водѣ, добрались какъ-то къ этой березѣ и принялись ломать ея сучья съ цѣлью развести костеръ и хоть сколько-нибудь обогрѣться. Но костеръ горѣлъ плохо и весьма скупо согрѣвалъ насъ. Наконецъ мы пожгли всѣ спички, какія у насъ имѣлись, и пришлось сидѣть въ темнотѣ. Сани между тѣмъ наполнились водой и сидѣть въ нихъ не было возможности. Я кое-какъ перебрался и, уже стоя на козлахъ, провелъ остатокъ ночи. Но сбѣгавшіеся со всѣхъ сторонъ ручейки наконецъ залили и козла. А въ какой-нибудь верстѣ горѣли огни въ посадѣ. Какъ мы ни старались докричаться кого-нибудь, но помощи ни откуда не дождались. И только, когда разсвѣтало, къ намъ подъѣхалъ какой-то обозъ, который и выручилъ насъ изъ бѣды. Однако бѣда эта все-таки прошла не безслѣдно: я схватилъ ножной ревматизмъ, а казакъ—горячку. Чѣмъ отдѣлался ямщикъ, я не знаю.

## XVII.

Этимъ печальнымъ инцидентомъ и окончилась моя командировка, и я поспѣшилъ въ Москву къ предстоящему празднику Пасхи. А въ маѣ мѣсяцѣ того же года вынужденъ былъ ѣхать на Кавказскія минеральныя воды, такъ какъ ревматизмъ у меня разыгрался до такой степени, что правую ногу мнѣ свело, и ходить безъ помощи палки или костыля я не могъ. За описанную командировку я получилъ отъ казны довольно порядочную сумму прогонныхъ и суточныхъ денегъ, а потому и не замедлилъ съ поѣздкой на воды.

Я нашелъ себѣ попутчика, нѣкоего купца Плотникова, кото-

рый тоже ѣхалъ въ Пятигорскъ лѣчиться отъ ревматизма и тоже едва ходилъ. Тогда не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, даже не вездѣ были шоссейные пути, а потому отъ Москвы до Пятигорска мы тащились двѣнадцать сутокъ день и ночь и только дозволили себѣ одинъ разъ переночевать въ Ставрополѣ-Кавказскомъ и потому только, что намъ отказали въ почтовыхъ лошадяхъ, такъ какъ въ то время на Кавказѣ было не совсѣмъ спокойно. Въ свое время поѣздка эта была мною описана и печаталась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, редакторомъ которыхъ былъ В. Коршъ.

Особенное впечатлѣніе на меня произвела степь Войска Донского. Тогда это была дѣйствительно степь, въ полномъ смыслѣ этого слова. Ѣхали мы по этой степи дней пять-шесть. Почтовыя станціи помѣщались въ казенныхъ зданіяхъ, довольно обширныхъ и приличныхъ, а кругомъ степь и степь... Пріѣдешь, бывало, на станцію: кругомъ стада рогатаго скота, цѣлые гурты коровъ, а добиться молока нельзя и ѣсть нечего. Попутчикъ мой, человѣкъ болѣзненный, а потому и раздражительный, выходилъ изъ себя и чуть не на каждой станціи ругался на чемъ свѣтъ стоитъ:

— Что же это за порядки?—горячился онъ.—На что это похоже: кругомъ стада ходятъ, а у васъ молока нѣтъ!

— Да, вѣдь, это, сударь,—отвѣчалъ смотритель,—нагульные гурты, ихъ не доятъ-съ, а нагуливаютъ для мяса.

— И мяса тоже нѣтъ...—горячился попутчикъ.

Дѣйствительно, ѣсть было нечего, и мы почти голодали, когда приходилось совершать переѣзды Донскими землями. За то, прибывъ въ Аксайскую станицу, мы роскошно пообѣдали. Аксайская почтовая станція помѣщалась какъ разъ на берегу Дона, черезъ который насъ и перевезли на паромѣ. Какъ только причалилъ паромъ къ берегу, мы тотчасъ же сошли съ парома, купили у паромщика животрепещущихъ стерлядей, небольшого осетра, а придя на станцію, заказали себѣ уху и разварную осетрину. На наше счастье жена смотрителя оказалась искусною кухаркой и изготовила намъ такой обѣдъ, что любо. Достали бутылку отличнаго цымлянскаго вина (такого цымлянскаго мнѣ никогда потомъ не случалось пить), оно было розоваго цвѣта и играло не хуже любого шампанскаго. Напившись и наѣвшись, мы снова сѣли въ тарантасъ и продолжали свой путь. Въ Ставрополь мы пріѣхали ночью и путь нашъ лежалъ мимо какого-то бульвара. Бульваръ этотъ бросился мнѣ въ глаза своими большущими деревьями, почти сплошь покрытыми какими-то бѣлыми цвѣтами, распространявшими сильный ароматъ. Въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть, что это были за деревья, и порѣшилъ,

что это черемуха; но каково же было мое удивленіе, когда утромъ я увидалъ, что то была не черемуха, а бѣлая акація, о которой я имѣлъ представленіе какъ о кустарникѣ.

Какъ я уже сказалъ, выѣхать изъ Ставрополя намъ ночью не удалось, такъ какъ татары пошаливали, какъ объявилъ намъ смотритель, а потому мы и должны были тамъ ночевать. Гостиница попалась намъ довольно доброкачественная, а потому мы, столько ночей не спавшіе, спали какъ убитые, часовъ же въ девять утра отправились дальше.

Какъ только выѣхали мы изъ Ставрополя, показалась и снѣговая цѣпь горъ, засіявшая передъ нами будто выкованная изъ серебра и золота, хотя до этого хребта считается болѣе двухсотъ верстъ. День былъ превосходный, солнечный и я не могъ досыта насмотрѣться на эту никогда невиданную мною картину. Послѣ Ставрополя и характеръ мѣстности значительно измѣнился: дорога то взбиралась на гору, то спускалась въ лощину, то снова поднималась. Вмѣсто русскаго ямщика, въ зипунѣ или рубахѣ, на козлахъ торчалъ уже казакъ въ бешметѣ и папахѣ. Да и ѣзда самая совершалась иначе. Быстрые и чуть не дикіе кони мчались какъ вихрь, а гладкая, каменистая дорога была словно шоссирована. Вдоль дороги безпрестанно возвышались сторожевые пикеты, на вышкахъ которыхъ непремѣнно стоялъ вооруженный казакъ въ черкесской папахѣ. Пикеты эти были построены такъ, что отъ одного былъ виденъ другой и, какъ только гдѣ-либо замѣчался какой-нибудь безпорядокъ, то въ ту же минуту давался сигналъ, который тотчасъ же показывался и на другихъ пикетахъ. Для непривычнаго глаза все это казалось очень необыкновеннымъ. И мы съ попутчикомъ нетерпѣливо ожидали, что вотъ на пикетѣ выкинутъ сигналъ и мы будемъ свидѣтелями, а можетъ быть, и жертвами внезапнаго нападенія татаръ. Однако нападенія никакого не было, и на двѣнадцатые сутки мы благополучно добрались до Пятигорска.

## XVIII.

На первыхъ порахъ мы остановились въ гостиницѣ Найтаки.

Пообѣдали тамъ, переночевали, а на другой день мой попутчикъ отправился отыскивать себѣ квартиру, а я порѣшилъ остаться въ гостиницѣ, осмотрѣться, познакомиться съ городомъ и только тогда приступить къ подысканію себѣ дешевенькой квартирки. Гостиница Найтаки какъ разъ была на бульварѣ, который ведетъ къ Елизаветинскому источнику и возлѣ котораго помѣщаются Ер-

моловскія ванны. По вечерамъ на этомъ бульварѣ играла музыка, почему туда и собирался весь Пятигорскъ и пріѣхавшіе больные. Попалъ и я на музыку.

Первый, встрѣтившійся мнѣ на бульварѣ, субъектъ не мало удивилъ меня. Это былъ какой-то господинъ въ пальто и картузѣ, шедшій въ сопровожденіи слѣдующихъ спутниковъ: собаки, кошки и журавля. Потомъ мы съ нимъ встрѣчались почти ежедневно, и я, конечно, присмотрѣлся къ нему. Не мало удивили меня и тамошніе куаферы. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, я отправился побриться и зашелъ въ первую попавшуюся мнѣ цирульню, какъ назывались тогда куаферы. Куаферомъ оказался армянинъ. Я объявилъ, что мнѣ надо побриться.

— Можно,—сказалъ тотъ и жестомъ указалъ мнѣ на улицу, а вслѣдъ за этимъ вынесъ на улицу и стулъ, проговоривъ: пожалуйте.

— Какъ, на улицѣ?—удивился я.

Но куаферъ удивился еще болѣе моему недоумѣнію и, вытаращивъ глаза, безсмысленно уставился на меня.

— Гдѣ же?—говорилъ онъ,—не здѣсь же.

Дѣлать было нечего, я вышелъ на улицу и усѣлся на поставленный мнѣ стулъ. Цирульня эта была какъ разъ на томъ же бульварѣ, о которомъ я говорилъ. Армянинъ накрылъ меня какой-то грязною простыней, намылилъ мнѣ щеки и наточивъ бритву, принялся меня брить, причемъ свободною рукой уцѣпилъ меня за носъ, за который и поворачивалъ мою голову, по мѣрѣ надобности, въ ту или другую сторону. И все это совершалось на виду гуляющей публики и подъ звуки музыки.

Не мало поразилъ меня бульваръ и количествомъ недугующихъ. Военные большею частью были либо съ повязанными руками, либо съ забинтованными головами, либо съ прострѣленными насквозь щеками. Это все были раненые въ стычкахъ съ горцами. Претяжелое впечатлѣніе производили всѣ эти больные, еле двигавшіеся подъ звуки веселой музыки.

На этомъ-то бульварѣ я и познакомился съ какимъ-то адъютантомъ, Николаемъ Васильевичемъ Манаенко. Онъ тоже пописывалъ, и я читалъ въ рукописи нѣкоторые его разсказы изъ кавказской жизни. И нѣкоторые изъ разсказовъ его не лишены были литературныхъ достоинствъ. Мы съ нимъ познакомились быстро и даже быстро сдружились.

Онъ постоянно служилъ въ Пятигорскѣ и былъ, конечно, знакомъ со всѣмъ городомъ. Онъ-то вотъ и нашелъ мнѣ квартиру въ

которой я и поселился вмѣстѣ съ однимъ моимъ товарищемъ по гимназіи. Тотъ же Манаенко познакомилъ меня, между прочимъ, и съ госпожами Верзилиной, Шанъ-Гирей и друг., игравшими нѣкоторую роль въ жизни Лермонтова, память о которомъ живо еще сохранилась въ жителяхъ Пятигорска. Почти въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить альбомъ съ собственноручными стихотвореніями поэта.

Но указать мѣсто дуэли Лермонтова все-таки мнѣ никто не могъ и мѣсто это опредѣляли слѣдующими словами: тамъ за городомъ, на склонѣ Машука, недалеко отъ кладбища; но склонъ Машука занимаетъ очень большое пространство,и таковое указаніе нисколько не помогло мнѣ отыскать это мѣсто.

Въ то время Пятигорскъ былъ очень маленькій городокъ, состоявшій изъ трехъ-четырехъ улицъ, не больше. Самая главная улица была, конечно, та, посреди которой былъ бульваръ. Городскіе домики были незавидные, большею частью одноэтажные и, кромѣ какихъ-то казармъ, никакихъ двухъ или трехъэтажныхъ зданій не было. На концѣ бульвара, на небольшой площади помѣщался городской театръ, въ которомъ однако, несмотря на лѣчебный сезонъ, никакой въ то время труппы не было. Но объ этомъ театрѣ мнѣ придется говорить впослѣдствіи, такъ какъ мнѣ пришлось участвовать въ одномъ спектаклѣ съ благотворительною цѣлью.

Нечего говорить, что я былъ очень радъ встрѣтить въ Пятигорскѣ своего бывшаго товарища, Сушкова. Онъ былъ очень недоволенъ Кавказомъ или правильнѣе сказать—кавказскимъ населеніемъ.

— Я совсѣмъ не привыкъ,—говорилъ онъ, — видѣть такой народъ... Въ Пензѣ у насъ народъ мягкій, привѣтливый, а здѣсь всѣ съ аршинными кинжалищами ходятъ, нахмуренные, надутые, сердитые. На пензенскаго человѣка смотрѣть весело: рожа улыбающаяся, разговоръ мягкій, а здѣсь чортъ его знаетъ, что онъ тамъ по-татарски бормочетъ, и не поймешь.

Когда я почувствовалъ облегченіе въ ногѣ, я позволилъ себѣ совершать прогулки верхомъ. Сперва я разъѣзжалъ по окрестностямъ Пятигорска, а потомъ уже предпринималъ и болѣе отдаленныя прогулки. Такъ однажды цѣлою компаніей мы совершили экскурсію на вершину горы Бештау съ тѣмъ, чтобы съ вершины этой полюбоваться окрестностями; поэтому мы поѣхали на Бештау послѣ обѣда верхами, а нѣкоторые на ишакахъ. Я тоже взялъ себѣ ишака. Взбирались мы на

вершину довольно долго, такъ что прибыли туда въ сумерки. Пришлось ночевать на вершинѣ Бештау. Ночь мы провели превосходно, веселились, какъ никогда, пѣли и даже танцовали. Наконецъ мы улеглись на чемъ попало и утомленные заснули, какъ убитые. Но каково же было наше разочарованіе, когда, проснувшись, мы увидали себя, какъ будто прилѣпившимися къ какому-то маленькому островку, носившемуся на облачномъ океанѣ: повсюду виднѣлись только бродившія облака, да надъ нами свѣтлое лазурное небо. Не только не было видно снѣжнаго хребта, но даже исчезли куда-то и окружавшія насъ горы. Но вотъ багровое солнце облило своими лучами тучи, нагрѣло дотолѣ влажный воздухъ, а полчаса спустя тучи куда-то исчезли—и передъ нами открылся восхитительный ландшафтъ: прямо передъ нами сіялъ снѣговой хребетъ, налѣво бѣлѣлся своими домиками Пятигорскъ, а позади насъ—мрачный, нахмурившійся Машукъ. Къ обѣду мы были уже опять въ Пятигорскѣ.

Поѣздка эта разохотила меня на прогулки. Мнѣ очень хотѣлось попасть въ какой-нибудь татарскій аулъ и посмотрѣть на житье-бытье горцевъ. Поблизости Пятигорска проживали такъ называемые мирные черкесы, но, все-таки, этимъ мирнымъ черкесамъ нисколько не мѣшало творить самыя беззаконныя дѣла. Мало того, что они угоняли скотъ изъ Пятигорска, но даже сплошь да рядомъ похищали людей, передавали ихъ въ горы немирнымъ черкесамъ, а потомъ вымогали за нихъ крупный выкупъ. Поэтому-то поѣздки въ аулы были тогда несовсѣмъ безопасны и ради безопасности необходимо было заручиться какимъ-нибудь очень благонадежнымъ кунакомъ. Такого кунака мнѣ рекомендовалъ Манаенко.

И вотъ мы съ кунакомъ отправились верхами въ какой-то аулъ верстъ за пятьдесятъ отъ Пятигорска, названія котораго не помню. Аулъ оказался самой негодной деревушкой, лѣпившейся по склону какой-то горы. Не было ни одной порядочной сакли, а о дворахъ нечего и говорить. Сакли въ безпорядкѣ были разбросаны здѣсь и тамъ и никакого признака улицы я не видалъ. Провожатый мой завезъ меня къ какому-то своему пріятелю (кунаку), который и принялъ насъ весьма радушно и даже угостилъ чаемъ, который я пилъ только ради приличія, чтобы не обидѣть пріятеля. Чай этотъ былъ сваренъ въ котлѣ на кострѣ и въ довершеніе всего въ этотъ чай хозяинъ, желавшій угостить насъ какъ слѣдуетъ, запустилъ преисправный кусокъ бараньяго сала. Угощеніе это происходило въ

саклѣ, гдѣ кромѣ хозяина, меня и моего провожатаго не было никого, а мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на костюмы черкешенокъ, а равно и на ихъ житье-бытье. Я обратился съ этой просьбой къ моему провожатому, изрядно говорившему по-русски, и просилъ его передать хозяину о моемъ желаніи, но—увы!—желаніе мое не только не было уважено, но даже вызвало негодованіе со стороны хозяина. Оказалось, что постороннему человѣку смотрѣть на ихъ женщинъ считалось непристойнымъ. Я поспѣшилъ извиниться и вскорѣ сталъ собираться домой. Я распростился съ хозяиномъ, поблагодарилъ его за гостепріимство и вышелъ изъ сакли, возлѣ крыльца которой (ежели можно назвать крыльцомъ низенькую полуразвалившуюся дверь, служившую выходомъ изъ сакли) меня ожидалъ уже кунакъ съ лошадьми. Нѣсколько чумазыхъ ребятишекъ въ однѣхъ рубашонкахъ и съ босыми ногами высыпали изъ сакли посмотрѣть на пріѣхавшаго гяура. Надо сказать, что пріѣхалъ я въ аулъ въ складной шляпѣ. Еще разъ распростившись съ хозяиномъ, я махнулъ шляпой, и она съ легкимъ шумомъ расправилась. При видѣ этой шляпы, которую я надѣлъ на голову, мальчишки подняли удивленный крикъ и неистово расхохотались; расхохотался и самъ хозяинъ, снялъ съ меня шляпу, принялся съ любопытствомъ разсматривать ее и убѣдительно просилъ меня повторить этотъ фокусъ со шляпой. Вся эта исторія кончилась тѣмъ, что я увидалъ не только всѣхъ женщинъ семейства моего хозяина, но чуть ли не всѣхъ красавицъ аула. Я не успѣлъ опомниться, какъ увидалъ себя буквально окруженнымъ черкешенками, одна передъ другой старавшимися посмотрѣть на мою диковинную шляпу, такъ что мнѣ подъ конецъ все это надоѣло. Однако, я, все-таки, успѣлъ замѣтить, что въ толпѣ окружавшихъ меня черкешенокъ было нѣсколько по-истинѣ красавицъ, но—увы!—красавицы были настолько грязны, настолько растрепаны, что теряли все свое очарованіе. Хозяинъ проводилъ меня за аулъ и, пожелавъ мнѣ благополучнаго пути, крѣпко пожалъ мнѣ руку, и мы разстались.

Но каково же было мое удивленіе, когда на другой день хозяинъ этотъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Пятигорскъ отдать мнѣ визитъ и привезъ мнѣ въ подарокъ отъ своей жены шелковое одѣяло, ею самою сотканное. Одѣяло это долго хранилось у меня. Пришлось и мнѣ отдаривать его. Я купилъ серьги и нѣсколько перстеньковъ и отослалъ ихъ женѣ хозяина.

## XIX.

Недѣли двѣ-три спустя послѣ этого, по Пятигорску прогремѣлъ слухъ, что на-дняхъ пріѣдетъ въ Пятигорскъ тогдашній намѣстникъ Кавказа князь Барятинскій. И все моментально всполошилось. Принялись за чистку домовъ и улицъ,—словомъ, поднялась суматоха. На бульварахъ только и разговоровъ было, что объ этомъ, а начальство начало хлопотать объ устройствѣ князю встрѣчи. Въ Тифлисѣ въ то время была итальянская опера, которую князь Барятинскій очень любилъ и которой протежировалъ. Рѣшили пригласить ежели не всю оперу въ полномъ ея составѣ, то хоть нѣсколько лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Затѣмъ порѣшено было устроить благородный спектакль. Устройство этого спектакля было поручено Н. В. Манаенко, который дѣйствительно былъ большой театралъ и самъ недурной актеръ. Въ этомъ-то спектаклѣ мнѣ и пришлось принимать участіе.

Зданіе театра было тщательно почищено и, гдѣ слѣдуетъ, подновлено и даже сдѣланы нѣкоторыя новыя декораціи. Изъ числа пріѣхавшихъ больныхъ оказался художникъ (фамиліи котораго не помню), который охотно взялся за написаніе декорацій. Сверхъ этого былъ выписанъ изъ Тифлиса какой-то пиротехникъ, который и долженъ былъ устроить блестящій фейерверкъ. Все это, разумѣется, дѣлалось на счетъ города и отчасти на счетъ правленія минеральныхъ водъ. Спектакль былъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Разлука—та же наука», комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, «Цыганка»—водевиль съ пѣніемъ и «На минеральныхъ водахъ»—водевиль съ куплетами. Въ комедіи «Разлука—та же наука» я долженъ былъ изображать дядюшку, моего племянника—Манаенко, а его жену—княгиня Святополкъ-Мирская. Въ «Цыганкѣ» я не участвовалъ, а въ водевилѣ «На минеральныхъ водахъ» долженъ былъ изображать комическую роль какого-то пріѣхавшаго на воды больного и ходить въ больничномъ халатѣ и колпакѣ. Въ чемъ заключался этотъ водевиль, я забылъ, но за то отлично помню послѣдній его куплетъ, которымъ я вызвалъ тогда цѣлый громъ рукоплесканій. Вотъ чѣмъ кончается этотъ водевиль:

Я чуть дышу, лишаюсь силъ  
И такъ меня ошеломили,  
Что даже я и не спросилъ:  
Въ какомъ игралъ я водевилѣ.

Хорошъ ли онъ, иль не хорошъ,
Ай справиться?—Ей-Богу справлюсь...
Нѣтъ, что-то пробираетъ дрожь...
Я въ ванну, знаете, отправлюсь.

Пріѣздъ князя Барятинскаго въ Пятигорскъ совершился весьма эффектно. Я былъ въ это время за городомъ и прогуливался по далеко разстилавшейся равнинѣ, примыкавшей къ городу. Съ этой-то именно стороны и долженъ былъ пріѣхать князь. Случилось такъ, что не успѣлъ я отойти отъ города и полуверсты, какъ вдругъ вдалекѣ послышался топотъ нѣсколькихъ десятковъ коней, какое-то гиканье, а немного погодя вылетѣла изъ лощины запряженная четверикомъ коляска, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ коляски и въ живописномъ безпорядкѣ мчалось нѣсколько десятковъ верховыхъ. Это и былъ князь Барятинскій. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ адъютантомъ, а верховые были сопровождавшій его конвой. Открытая двухмѣстная коляска буквально мчалась, какъ вихрь, а за нею несся и конвой. Конвой этотъ состоялъ изъ казаковъ съ пиками со значками, изъ черкесовъ и драгуновъ. Это вышло очень живописно на фонѣ однообразной зелени равнины, дотолѣ безмолвной.

Въ первый же вечеръ по пріѣздѣ князя Барятинскаго въ Пятигорскъ состоялась иллюминація въ городѣ и его окрестностяхъ. Городъ буквально горѣлъ плошками, а живописныя его окрестности огненными кострами. Въ тотъ же вечеръ былъ данъ и концертъ итальянскихъ пѣвцовъ въ «Провалѣ».

Концертъ этотъ былъ такъ эффектенъ, что, кажется, никогда не изгладится изъ моей памяти. Провалъ этотъ находится внутри горы Машука и имѣетъ видъ громаднаго грота. Прежде въ этотъ гротъ нужно было спускаться сверху черезъ отверстіе, образовавшееся вслѣдствіе обвала земли, что, конечно, затрудняло входъ въ эту пещеру, но, лѣчившійся когда-то въ Пятигорскѣ, докторъ Лазарикъ пробилъ на свой счетъ туннель къ этому гроту, такъ что входъ туда сдѣлался совершенно свободнымъ. Внутри грота имѣется довольно большое озеро съ какою-то голубоватою водой. Для концерта весь гротъ былъ освѣщенъ бенгальскими огнями, придававшими ему фантастическій видъ. На этомъ озерѣ въ причудливой гондолѣ помѣщались итальянскіе пѣвцы, исполнявшіе чудесную баркароллу, отъ которой пришла въ восторгъ вся публика и князь Барятинскій.

А на слѣдующій день происходилъ выше описанный спектакль при самой торжественной обстановкѣ.

## XX.

Сколько дней провелъ князь Барятинскій въ Пятигорскѣ, я не помню, но помню, что вскорѣ послѣ его отъѣзда, по совѣту докторовъ, я оставилъ Пятигорскъ и переселился въ Эссентуки. Въ то время Эссентуки имѣли видъ небольшого казачьяго селенія, даже не было порядочной гостиницы или ресторана, и мнѣ пришлось квартировать въ простой казачьей избѣ съ землянымъ поломъ. Эссентукскіе источники находились въ паркѣ, въ которомъ и была устроена незатѣйливая галлерея для больныхъ, по утрамъ игралъ военный оркестръ музыки. Вообще въ Эссентукахъ жилось какъ-то скучно, почему я очень часто ѣздилъ либо въ Кисловодскъ, либо въ Желѣзноводскъ, гдѣ было болѣе лѣчившихся и веселѣе.

Однажды какъ-то отправился я на извозчикѣ въ Кисловодскъ. Выѣхали мы изъ Эссентуковъ рано утромъ. Когда я выѣзжалъ изъ Эссентуковъ, всѣ деревья парка и многочисленныхъ садовъ были, конечно, покрыты яркой майской зеленью и благоухали распустившимся цвѣтомъ. Отъѣхавъ отъ Эссентуковъ верстъ пять, мы вдругъ встрѣтили цѣлую тучу саранчи и ползущей, и летучей. Она вовсе не походила на знакомую мнѣ итальянскую саранчу, которая въ послѣднее время повадилась опустошать наши поля, а на громадныхъ зеленыхъ стрекозъ съ слюдистыми крыльями и мохнатыми ногами. Извозчикъ смѣтилъ эту тучу еще издали.

— Ну,—проговорилъ онъ,—саранча летитъ!...—И онъ указалъ кнутникомъ на показавшуюся вдали тучу, буквально заслонявшую собою солнце.—Неужто мы попадемъ въ эту тучу!—продолжалъ онъ.

— Что же за бѣда,—отвѣтилъ я, неимѣвшій понятія о саранчѣ.

— Да, вѣдь, она забьетъ.

Я не хотѣлъ вѣрить этому. Но когда мы очутились въ этой тучѣ, то саранча до того хлестала насъ, что мы попали, словно въ какой-то крупный градъ, а между тѣмъ колеса пролетки были словно обмотаны какой-то слизистой зеленой грязью. Такъ продолжалось минутъ десять-пятнадцать. Наконецъ мы миновали эту тучу и вздохнули свѣжимъ воздухомъ.

— Ну,—проговорилъ извозчикъ:—бѣда, какъ эта саранча на Эссентуки сядетъ. Прощай тогда наши сады!

Въ Кисловодскѣ провелъ я цѣлый день, а вечеромъ возвра-

тился въ Эссентуки. И, о ужасъ!—ни въ паркѣ, ни въ садахъ не осталось ни одного зеленаго листочка и деревья буквально были обнажены. Даже трава—и та была вся поѣдена.

## XXI.

Ѣзжалъ я и въ Желѣзноводскъ, гдѣ успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми, бывшими тамъ, больными. Въ числѣ этихъ-то больныхъ были кое-кто изъ моихъ пятигорскихъ знакомыхъ, а именно: мой пятигорскій сожитель Сушковъ, князь Горчаковъ и баронъ Фитингофъ. Имена послѣднихъ забылъ. Князь Горчаковъ состоялъ при комъ-то адъютантомъ, но при комъ именно—не помню, а баронъ Фитингофъ служилъ въ гусарахъ и пріѣхалъ на минеральныя воды полѣчиться.

Въ Желѣзноводскѣ время проводили тоже довольно весело. Вечера проводились обыкновенно въ паркѣ, очень живописномъ, гдѣ тоже игралъ оркестръ военной музыки, а съ наступленіемъ сумерекъ всѣ удалялись въ небольшой ресторанъ, гдѣ играли въ карты и ужинали.

Разъ кн. Горчаковъ гулялъ по парку подъ руку съ одной дамой, какъ теперь помню—брюнеткой и очень красивой. И вотъ, утомившись, они присѣли на одну изъ скамеекъ парка, а нѣсколько поодаль отъ нихъ сидѣлъ я. Вдругъ по этой дорожкѣ показался верхомъ Фитингофъ. Онъ галопировалъ, что, по правдѣ сказать, намъ не очень понравилось, такъ какъ онъ буквально забросалъ насъ пылью. Когда онъ проѣзжалъ мимо Горчакова, тотъ замѣтилъ ему:

— Послушайте, баронъ, вѣдь здѣсь кататься верхомъ нельзя.

Вмѣсто отвѣта баронъ только презрительно посмотрѣлъ на него, далъ шпоры и помчался дальше.

Случилось такъ, что скамья, на которой сидѣли Горчаковъ съ дамой, вдругъ подломилась. Они вскочили, причемъ Горчаковъ, отшвырнувъ доску, пересѣлъ ко мнѣ. Горчаковъ представилъ меня своей дамѣ, которая оказалась госпожею А., и мы вступили въ разговоръ.

Прошло съ полчаса, какъ вдругъ вдали показался опять Фитингофъ. Только на этотъ разъ онъ ѣхалъ шагомъ. Но, подъѣхавъ къ брошенной поперекъ дороги скамьѣ, вдругъ остановилъ лошадь и проговорилъ, обращаясь къ Горчакову:

— А вы, князь, кажется, сдѣлались полицейскимъ чиновникомъ: вздумали барьеры ставить.

Князь поблѣднѣлъ, но не сказалъ ни слова, а баронъ Фитингофъ, давъ шпоры, перескочилъ черезъ барьеръ и умчался. Вскорѣ ушелъ и Горчаковъ со своею дамой. Но видно было по всему, что слова Фитингофа глубоко оскорбили его. И дѣйствительно, когда мы всѣ собрались въ ресторанъ, то между Горчаковымъ и Фитингофомъ происходилъ уже крупный разговоръ, окончившійся тѣмъ, что Горчаковъ вызвалъ барона на дуэль. Все это происходило у насъ на глазахъ, и всѣ мы, т.-е. бывшіе въ ресторанѣ, принялись мирить ихъ. И, повидимому, примирили, потому что Фитингофъ сходилъ даже къ себѣ на квартиру и принесъ съ собою свою флютъ-гармонію, на которой довольно порядочно игралъ.

Онъ принялся играть, нашлись любители пѣнія, конечно, была выпивка, и мы только часа въ два оставили ресторанъ.

Возвращаться въ Эссентуки было уже поздно, почему я и остался ночевать у Сушкина. Утромъ рано всѣ, конечно, пошли пить воду, а я пошелъ въ паркъ посмотрѣть на пьющихъ воду, такъ какъ курзалъ находился въ паркѣ. Идя паркомъ, я увидалъ Горчакова, сидѣвшаго на скамьѣ. Я подсѣлъ къ нему и замѣтилъ, что онъ какъ-то особенно нервенъ и часто зѣвалъ.

— Что, не выспались, князь?—спросилъ я его.

— Да, не спалось что-то,—отвѣтилъ онъ.

Но видно было по всему, что зѣвота эта происходила не отъ безсонно проведенной ночи, а чисто-нервнаго свойства.

Немного погодя, я оставилъ его и пошелъ къ курзалу, гдѣ уже играла музыка и собралось все желѣзноводское общество. Сидя на галлереѣ желѣзноводскаго курзала, мы вдругъ увидали, проѣхавшаго на извощичьей пролеткѣ, барона Фитингофа въ сообществѣ съ какимъ-то офицеромъ, а немного погодя, тоже на извозчикѣ, проѣхалъ и Горчаковъ тоже съ офицеромъ.

— Ну, — заговорили почти въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе на галлереѣ,—вѣдь это они драться поѣхали!

Кое-кто началъ возражать, подробно начали разсказывать вчерашнее примиреніе, про флютъ-гармонію, про карты и ужинъ. Но были и такіе, которые увѣряли, что примиреніе это было только для вида, а никакъ не искреннее, — словомъ, завязался общій разговоръ на эту тему, очень оживленный, шумный, заглушавшій даже музыку. Вдругъ неподалеку раздался выстрѣлъ.

— Это Фитингофъ выстрѣлилъ,—замѣтилъ кто-то.

И вдругъ въ одинъ моментъ все умолкло и воцарилась тишина. Всѣ сидѣли, словно ошеломленные, и никому даже въ голову не пришло побѣжать по направленію выстрѣловъ и помѣшать несчастью.

Вдругъ—второй выстрѣлъ. И только тогда всѣ вскочили съ мѣста и бросились въ сторону выстрѣловъ. Но было уже поздно, такъ какъ Фитингофъ лежалъ весь въ крови и въ предсмертной агоніи. Пуля попала ему въ пахъ и рана была смертельная.

Послѣ, много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось служить вмѣстѣ съ сестрой Горчакова, Натальей Сергѣевной, когда она была начальницей Саратовскаго института, и вотъ отъ нея-то я слышалъ о смерти ея брата.

## XXII.

Вскорѣ послѣ того я опять, по совѣту докторовъ, долженъ былъ для довершенія лѣченія переѣзжать въ Кисловодскъ. Однако, довершалъ я лѣченіе не особенно ретиво, ибо, чувствуя себя совершенно здоровымъ, я, какъ здоровый человѣкъ, бросилъ уже и діэту, и разныя другія предосторожности. Правда, я принималъ ванны изъ Нарзана, но за то ни въ чемъ себѣ не отказывалъ: я все ѣлъ и пилъ и проводилъ ночи безъ сна. Въ Кисловодскѣ собрались всѣ мои пятигорскіе знакомые. Все это былъ народъ молодой, бодрый, свѣжій... Мы много танцовали, пѣли, а такъ какъ между курсовыми барынями было много хорошихъ пѣвицъ, то мы устраивали даже въ Кисловодскомъ паркѣ что-то вродѣ цыганскихъ таборовъ. Мы раскидывали тамъ палатки, разводили огонь, а барыни костюмировались цыганками. Все это, разумѣется, происходило поздно вечеромъ, импровизированный таборъ освѣщался бенгальскимъ огнемъ и пѣніе не умолкало иногда вплоть до утренней зари.

Я даже, никогда не игравшій въ карты, вдругъ заигралъ въ штоссъ. Дѣло это было такъ. Былъ въ то время на минеральныхъ водахъ нѣкто г. К., съ которымъ никто не игралъ въ штоссъ, такъ какъ онъ неоднократно былъ замѣченъ въ шулерствѣ и который, говорятъ, за это даже былъ и битъ.

Это былъ уже сѣдой старикъ съ какими-то всклокоченными волосами на головѣ и усахъ. Этотъ г. К. и соблазнилъ меня. Дѣло это было въ ресторанѣ. Господинъ К. заложилъ штоссъ сто рублей золотомъ, которое меня и прельстило, и тѣмъ болѣе, что я, какъ нарочно, въ этотъ день получилъ изъ «Отечественныхъ Записокъ» сто рублей. К. сидѣлъ за столомъ и ждалъ понтера, но охотниковъ понтировать не оказывалось. Тогда я подошелъ къ столу, храбро вынулъ изъ кармана сторублевый билетъ, положилъ его на кучку золота и поставилъ двойку бубенъ. Все это совершилъ я очень храбро и развязно, хотя, откровенно сказать, сердце даже замерло.

«Ну, какъ убьетъ»,—думалъ я, посматривая на метавшаго К.

Столъ нашъ окружило нѣсколько знакомыхъ и тоже всѣ зорко слѣдили за К. Вдругъ раздался общій аплодисментъ: двойка дана. Тогда я сгребъ кучку золота, положилъ ее въ карманъ и отошелъ отъ стола.

Говорятъ, такъ не дѣлается, но я, ничего не понимавшій въ картежныхъ приличіяхъ, преспокойно ушелъ себѣ изъ ресторана, а за мной и всѣ мои знакомые. Но эти сто рублей у меня улетучились въ ту же ночь, ибо, забравшись въ таборъ, я принялся всѣхъ угощать шампанскимъ.

Въ концѣ августа въ Кисловодскъ пришло извѣстіе о разгромѣ нашими войсками Гуниба и о взятіи въ плѣнъ самого Шамиля. Какъ разъ въ этотъ самый вечеръ въ громадной кисловодской галлереѣ происходилъ торжественный балъ по случаю царскаго дня. Я былъ въ полномъ убѣжденіи, что столь радостное извѣстіе произведетъ и радостное впечатлѣніе. Помилуйте, Шамиль взятъ, слѣдовательно, конецъ долголѣтней кровопролитной войнѣ, столь дорого стоившей Россіи... Оказалось, однако, совсѣмъ наоборотъ: все военное общество приняло это извѣстіе крайне несочувственно и даже пріуныло.

— Ну,—говорили вокругъ,—теперь хоть бѣги съ Кавказа... Не ищи теперь ни отличій, ни чиновъ! Прошло наше время... Былъ Шамиль—и нѣтъ Шамиля.

Меня это крайне изумило. А между прочимъ все это было такъ. Даже танцы какъ-то расклеились, и я ушелъ изъ галлереи въ паркъ. Но и въ паркѣ меня преслѣдовали все тѣ же грустныя разсужденія по поводу плѣненія Шамиля.

— Да,—говорили тамъ,—бѣжать надо съ Кавказа куда-нибудь въ тундры Россіи, снять мундиръ и нарядиться въ мужицкій зипунъ. Будетъ, повоевали...

Дня два-три спустя послѣ этого мнѣ случилось быть во Владикавказѣ. Тогда это былъ маленькій, но весьма чистенькій городокъ. Прожилъ я тамъ нѣсколько дней и наконецъ отправился въ Пятигорскъ. И вотъ на этомъ-то возвратномъ пути, не помню на какой станціи, я съѣхался съ Шамилемъ, котораго везли, кажется, въ Петербургъ.

Ѣхалъ онъ въ каретѣ въ сопровожденіи громаднаго и вооруженнаго конвоя, такъ какъ боялись нападенія черкесовъ, которые могли бы его отбить. Помнится мнѣ, что при конвоѣ было даже одно орудіе.

Пріѣхалъ я на станцію какъ разъ въ то время, когда мѣняли

лошадей Шамиля, такъ что я видѣлъ его очень близко и, подойдя къ его каретѣ, долго всматривался въ его лицо, которое и запечатлѣлось въ моей памяти. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, съ большою окладистою бородой, окрашенной въ рыжую краску, съ лицомъ, покрытымъ мелкими морщинами.

Ѣхавшій съ нимъ сынъ его былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ. Лица его я хорошенько не помню и описать не могу, но за то помню, что это былъ высокій и стройный мужчина, широкоплечій и съ тоненькою таліей. На немъ былъ живописный черкесскій костюмъ, перетянутый ремнемъ, а на головѣ папаха. Пока мѣняли лошадей, онъ вышелъ изъ кареты и принялся ходить взадъ и впередъ. Я не сводилъ съ него глазъ. Право, такой стройной и легкой походки я до тѣхъ поръ не видывалъ. Ходилъ онъ быстро и поминутно кругомъ озирался, и всѣ его движенія были до того граціозны, что приводили меня въ восторгъ.

## XXIII.

Однако отпускъ мой подходилъ къ концу и потому надо было подумать о возвращеніи въ Москву, да и попутчикъ мой г. Плотниковъ, которому мало помогли кавказскія воды, видимо торопился вернуться домой и вообще, какъ всѣ больные люди, даже раздражался моею мѣшкотностью... Не хотѣлось было мнѣ покидать Кавказа, но дѣлать нечего. Я распростился со своими пріятелями, со многими изъ которыхъ ужъ болѣе и не встрѣчался, засѣлъ опять въ тарантасъ рядомъ съ ворчливымъ Плотниковымъ, на козлы опять забрался человѣкъ Плотникова, и мы опять отправились въ долгій путь. Опять мы ѣхали, ѣхали, ѣхали; опять проѣхали Донскія степи, гдѣ чуть не голодали, опять проѣхали Воронежъ, Тулу и, наконецъ, добрались, до Серпухова.

Я бы, конечно, не заговорилъ объ обратномъ пути своемъ, еслибы подъ Серпуховымъ не приключился съ нами слѣдующій случай, весьма насъ напугавшій.

Дѣло было ночью. Моросилъ мелкій дождикъ и потому царила темнота. Почтовая тройка наша бѣжала, не борзяся, въ притрусочку, а ямщикомъ былъ мальчишка лѣтъ пятнадцати. Такъ какъ Плотниковъ все боялся простуды, то у насъ всю дорогу былъ на тарантасѣ надѣтъ фордекъ, подъ которымъ мы и задыхались всю дорогу. Ѣхали мы по шоссе и, утомленные и разбитые, лежали на подушкахъ и дремали. Вдругъ страшный трескъ и какой-то неистовый крикъ, полный вопля. Лошади остановились. Я открылъ

глаза и вижу, что фордека уже не существуетъ и что надо мной темное небо, покрытое тучами. Кто-то соскочилъ съ козелъ и, прикрывъ лицо обѣими руками, продолжалъ вопить.

Когда я выскочилъ изъ тарантаса, то оказалось слѣдующее. И ямщикъ, и лакей Плотникова задремали, а въ это время какъ разъ подъѣхали къ шоссейной заставѣ, шлагбаумъ которой былъ наполовину поднятъ, такъ что лошади свободно прошли подъ шлагбаумомъ, а фордекъ тарантаса и человѣкъ Плотникова пройти не могли и вышло, что человѣку выбило шлагбаумомъ всѣ зубы, а фордекъ совершенно сорвало. Невредимымъ остался только ямщикъ, который былъ маленькаго роста. Это было подъ самымъ Серпуховымъ. Вдали виднѣлись уже огоньки Серпухова, а потому, прiѣхавъ туда, мы сочли за самое лучшее положить человѣка въ больницу, а сами отправились дальше.

Однако доѣхать съ Плотниковымъ до Москвы я не могъ,—такъ онъ надоѣлъ мнѣ своими капризами и ворчаньемъ, почему, добравшись до Подольска, распростился съ нимъ и доѣхалъ до Москвы на перекладныхъ.

**И. Саловъ.**

---

# ТРЕТЬЯ ПАЛАТА.

Романъ Гэмлинъ Гарленда.

---

## I.

Былъ необычайно знойный іюльскій день. Городъ задыхался отъ палящаго жара, воздухъ насыщенъ былъ испареніями, временами казалось, что вотъ-вотъ польетъ дождь, хотя съ кобальтово-синяго неба солнце бросало жгучіе лучи. Облака подвигались тяжелыми массами, подобныя громаднымъ кораблямъ на морѣ, и вдругъ разражались короткими ливнями, цѣлыми вертикальными потоками, точно моментально открывался и потомъ захлопывался люкъ гигантскаго резервуара. И вновь сверкало солнце надъ раскаленною мостовой, отъ которой поднимались клубы удушливаго сѣроватаго пара.

Подъ навѣсами воротъ и дверей можно было видѣть здоровыхъ и сильныхъ людей съ открытыми головами, охваченныхъ внезапною слабостью, багровыхъ отъ прилива крови. Тамъ и сямъ чуть не падали лошади фіакровъ и телѣжекъ, покрытыя потомъ, едва переводящія духъ, съ утомленными мутными глазами. Удары бича вызывали въ нихъ только слабыя вздрагиванія и унылыя помахиванія хвостами.

Молодой человѣкъ, медленно шедшій по улицѣ, остановился, глядя на одну изъ такихъ изнемогающихъ запряжекъ. Тѣнь печали и сочувствія къ несчастнымъ животнымъ омрачила его красивое лицо, когда лошади двинулись впередъ. Онъ имѣлъ видъ студента, его русая бородка была подстрижена оваломъ, очки прикрывали его темные глаза.

Его догналъ господинъ маленькаго роста съ полнымъ лицомъ. Онъ тщательно избѣгалъ солнца и держалъ шляпу въ рукѣ.

— Что, Вильсонъ Тётль,—заговорилъ онъ,—жарко, не прав-

да ли? Рубашка липнетъ къ тѣлу, какъ кора къ дереву. Фу-у! На что вы такъ заглядѣлись?

— На лошадей. Смотрѣть жаль, какъ ихъ мучаютъ по такой жарѣ.

— Ага, сантиментальничанье!... Подайте голосъ за Консолидированную желѣзную дорогу, и лошади отдохнутъ.

Тётль посмотрѣлъ на него очень серьезно.

— Вы, Хольбрукъ, ужасный человѣкъ закулисныхъ дѣлъ!... Оказывается, что вы перешли на жалованье Консолидированнаго общества? Въ прошедшемъ году вы говорили такъ же точно за...

Хольбрукъ сдѣлалъ гримасу и возразилъ:

— Да, говорилъ и думалъ такъ... таково было мое мнѣніе. Теперь я смотрю на дѣло иначе. Знаете, ваше предложеніе назначить парламентское слѣдствіе можетъ заварить для васъ чортову кашу, если вы будете настаивать?

Онъ похлопывалъ свою плѣшивую голову мокрымъ платкомъ, точно высушивалъ чернила пропускною бумагой.

— Чортову кашу это можетъ заварить для нѣкоторыхъ другихъ, — спокойно отвѣтилъ Тётль.

— Нѣтъ, не думаю. А впрочемъ, посмотримъ. Въ такую жару и этимъ позабавиться не дурно.

Онъ подмигнулъ, опять сдѣлалъ гримасу и съ веселымъ видомъ вошелъ въ омнибусъ, направлявшійся къ Капитолію.

Тётль облегченно вздохнулъ, когда лошади добрались до перекрестка и исчезли за угломъ.

Ливень прошелъ, солнце снова заблистало и дышать стало немного легче.

Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди вышли изъ магазина двѣ молодыя дѣвушки.

— А, вотъ мистеръ Тётль!—сказала одна изъ нихъ и направилась къ нему, свѣжая, какъ клочокъ морской пѣны.

— О, мистеръ Тётль, какая жара!

— Да, я то же самое повторялъ про себя, пока... вы не появились. Вы свѣжи, какъ шербетъ. Понять не могу, какъ женщины умудряются не страдать въ такую погоду.

— Наружность обманчива, завѣряю васъ! — сказала другая дѣвушка, повыше ростомъ и менѣе хорошенькая.

— А, миссъ Уардъ!—проговорилъ молодой человѣкъ, кланяясь ей.—Третьяго дня я заходилъ къ вамъ вечеромъ и не засталъ васъ.

— Нѣтъ, я была дома, но отцу нездоровилось, и я...

— Мы сейчасъ пили содовую воду съ мороженымъ,—восклик-

нула миссъ Дэвисъ.—Мы то и дѣло останавливаемся... я пила уже три раза. Хотите идти съ нами и позволите мнѣ угостить васъ? Пойдемте, какъ будетъ весело!

— О, я самъ охотно угощу васъ, если вы въ состояніи выпить четвертую кружку.

И Тётль, улыбаясь, вошелъ слѣдомъ за ними въ очень щеголеватую кондитерскую, гдѣ они усѣлись на узенькіе табуреты, разставленные передъ мраморнымъ прилавкомъ.

Миссъ Эленъ Дэвисъ болтала, какъ веселый, маленькій попугай. Она была очень хорошенькая, изящная и беззаботная. Видъ у нея былъ необыкновенно довольный. Мелкія капли пота, проступавшія на ея вискахъ и подбородкѣ, казались брызгами свѣжей воды на дорогомъ фарфорѣ.

— Не правда ли, восхитительно? — спросила она, помѣшивая напитокъ узенькою ложкой съ длинною ручкой, составляющею непремѣнную принадлежность содовой воды. — Нравится вамъ этотъ звукъ, когда ложкой водить по дну стакана? Гррр!... — и она забавно попыталась подражать такому звуку. — Это четвертая порція. Вы не хотите послѣдовать моему примѣру, Эвелина? Я, кажется, могла бы питаться содовой водой съ мороженымъ и макаронами... А вы?

— Да... только на короткое время,—отвѣтилъ Тётль, любуясь ея голубыми глазами, полными блеска.—А въ настоящую минуту я предпочитаю болѣе основательную пищу... бифштексъ и что-нибудь въ томъ же родѣ.

— Скажите, что вы, господа законодатели, дѣлаете въ такіе душные дни? — спросила Эленъ.

— Откладываютъ, по большей части, — отозвалась Эвелина.

— Такъ бы и слѣдовало, но мы этого не дѣлаемъ и не можемъ дѣлать. Іюнь мѣсяцъ, а передъ нами цѣлыя горы дѣлъ.

— Сессіи становятся все продолжительнѣе и продолжительнѣе, говоритъ мой отецъ.

— Почему? — спросила Эвелина.

— По милости Третьей Палаты!... Дѣло дошло до того, что каждый проектъ закона долженъ пройти черезъ Третью Палату прежде, чѣмъ онъ поступитъ на разсмотрѣніе, такъ называемыхъ, законодателей, да и за тѣмъ еще...

— Что же это такое Третья Палата? — спросила Эленъ, поднимая глаза. — Въ газетахъ я видѣла, какъ много потѣшаются надъ нею.

— Да, это потѣха... для нихъ. Мнѣ хотѣлось бы разъяснить

вамъ это... — онъ колебался, подыскивая точное опредѣленіе.— Это сборище людей, утратившихъ совѣсть и сумѣвшихъ стать между народомъ и легислатурой.

Эленъ пила свою воду съ мороженымъ и не слыхала ни слова. Она находила, что у Тётля чудные глаза и что форма его русой бороды необыкновенно изящна, à la принцъ Уэльскій.

Эвелина продолжала съ своимъ обычнымъ спокойнымъ видомъ:

— Мой отецъ говоритъ, что Третья Палата — элементъ очень опасный.

— О, я хочу, чтобы вы повели меня посмотрѣть ее! — воскликнула Эленъ.

— Эленъ, очевидно, думаетъ, что это звѣринецъ, — сказала Эвелина.

— Едва ли я поведу васъ смотрѣть Третью Палату.

— Почему не поведете? — умоляла она, удивленно открывая глаза.

— Потому, что въ такія мѣста женщинамъ ходить неприлично.

— Эленъ Дэвисъ, опомнись!

— Ну, да... я люблю все, что не заурядно... Мистеръ Тётль, вы должны быть у насъ сегодня и играть съ нами въ теннисъ. Я хочу сдѣлаться биткой! — Эвелина и Тётль улыбались ея выраженію.—Въ прошломъ году это не занимало меня, но только потому, что я дебютировала. А кромѣ того я обожаю костюмы, послѣдній крикъ моды... мой молотокъ — настоящій шикъ.

— Эленъ, вы начинаете пьянѣть отъ вашей соды.

Тётль снисходительно улыбался. Эленъ была слишкомъ хороша для того, чтобы дѣлать ей выговоры.

— Я приду, если можно будетъ, но полагаю, что буду очень занятъ. Мнѣ предстоитъ напасть на позорящую націю Третью Палату, о которой такъ много говорятъ, и газеты начнутъ, конечно, травить меня.

— Кто теперь заговорилъ жаргономъ?

Тётль разсмѣялся и поднялся съ мѣста.

— Мнѣ пора идти. Я... я безконечно сожалѣю объ этомъ.

— Вечеромъ придете, да?

— Сегодня не могу, но... завтра приду, если отпуститъ Третья Палата.

— Я буду васъ ждать,—сказала Эленъ, улыбаясь, и смѣло послала ему рукой поцѣлуй, когда Тётль обратился къ ней спиной.

Молодой человѣкъ тихо шелъ по улицѣ, погруженный въ свои думы, и не обращалъ вниманія на жару. По многимъ неопредѣли-

мымъ признакамъ онъ предчувствовалъ, что серьезный кризисъ перевернетъ всю его жизнь, такъ же несомнѣнно, какъ необычная жара этого удушающаго дня предвѣщала грозу. Сначала онъ улыбнулся, вернувшись мысленно къ молодой дѣвушкѣ, мѣшавшей ложечкой содовую воду. Потомъ сталъ снова озабоченнымъ, обдумывая свое положеніе передъ публикой и, въ особенности, передъ Лауренсомъ Б. Дэвисомъ, знаменитымъ предсѣдателемъ правленія желѣзной дороги, отцемъ Эленъ.

— Тётль, стойте!—крикнулъ ему чей-то голосъ, и чья-то рука дотронулась до его локтя.

— А, Редбурнъ!—отозвался молодой человѣкъ, и его лицо озарилось привѣтливою улыбкой.—Очень радъ васъ видѣть. Откуда вы явились?

— Откуда явился?... Вы, должно быть, не слыхали, какъ я стучалъ въ окно, когда вы проходили мимо гостиницы?

— Нѣтъ, я шелъ задумавшись.

— Еще бы, заняты страшно!... Я, видите ли, на пути къ Западу, остановился здѣсь на одинъ день и шелъ повидаться съ вами... Заходите ко мнѣ, посидите и разскажите, что здѣсь дѣлается.

Они вернулись къ Хейльярду и поднялись въ комнату Редбурна, «забравшагося въ высь,—по его объясненію,—чтобъ имѣть какъ можно больше воздуха».

— Да,—продолжалъ онъ,—отправляюсь въ новый объѣздъ для публичныхъ конференцій... А ваши дѣла, въ какомъ они положеніи?

— Я уже началъ, Редбурнъ!—отвѣтилъ Тётль, опускаясь на стулъ.

Слабая улыбка скользнула по серьезному лицу Редбурна.

— Вы говорите такъ, будто мнѣ извѣстно, что̀ начали. Дѣло идетъ объ основномъ вопросѣ, не такъ ли?

— Въ мой проектъ закона я ввелъ установленіе ежегоднаго налога на привилегіи, предоставляемыя путямъ сообщенія.

— Хорошо,—сказалъ Редбурнъ, вставши и снимая сюртукъ.

— И я внесъ предложеніе произвести слѣдствіе надъ дѣйствіями общества Консолидированной желѣзной дороги. Коммиссія уже выбрана. Пресса и монополисты примутся, конечно, меня скальпировать.

— Превосходно! Намъ нужны мученики... Долженъ ли я понимать, что это большое дерево съ могучими вѣтвями выросло изъ малаго зерна горчичнаго, изъ нашего съ вами разговора прошедшею зимой?

Тётль поклонился.

— Я хорошій ученикъ.

— Убѣжденъ въ этомъ... Вашу руку!

Въ ту же минуту, какъ ихъ руки встрѣтились, въ глазахъ Тётля мелькнуло комическое выраженіе, и онъ проговорилъ:

— Фантастическое чудище, о которомъ постоянно говорили вы всѣ, мои друзья, не давало мнѣ покоя нѣсколько мѣсяцевъ, и, въ концѣ концовъ я очутился въ томъ положеніи, въ какомъ желали меня видѣть мои враги... Я, на самомъ дѣлѣ, вступилъ въ бой съ Третьей Палатой и со сторонниками монополіи всѣхъ Палатъ, и бьюсь одинъ со всѣми.

— Разъясните мнѣ это подробно. Я имѣю объ этомъ лишь смутное понятіе, по газетамъ.

Редбурнъ легъ на диванъ и продолжалъ:

— Вы извините, не правда ли? Я ѣхалъ всю ночь... Снимайте сюртукъ, если вамъ очень жарко.

Тётль, какъ это ни странно, имѣлъ видъ не только друга, но и ученика передъ учителемъ, въ его глазахъ замѣтна была робость.

— Нѣтъ, я полагаю, надобности разъяснять вамъ, что такое Третья Палата,—началъ онъ.

— Нѣчто подобное найдется во всѣхъ столицахъ, вездѣ, гдѣ руки частныхъ лицъ тянутся къ общественной собственности.

— Такъ вотъ, въ нашемъ штатѣ и въ этомъ самомъ городѣ существуетъ компанія монополистовъ, захватившихъ въ свои руки страшную власть, на-половину—съ согласія народа, на-половину—вопреки его волѣ. Консолидированное общество имѣетъ воздушную линію желѣзной дороги, по которой вы сегодня пріѣхали, и нѣсколько уличныхъ трамваевъ въ полдюжинѣ нашихъ городовъ. Оно захватило половину линій этого города и пытается получить такую привилегію, которая, несомнѣнно, отдастъ въ его распоряженіе всѣ улицы.

— Ну, это вездѣ одна исторія,—сказалъ Редбурнъ, вздыхая.— Но этому надо положить конецъ.

— Въ прошедшемъ году они проваливали въ Палатахъ точь-въ-точь такую же концессію, какую теперь добиваются получить сами. Увѣряютъ, что они ассигновали сто тысячъ долларовъ для Третьей Палаты, чтобъ устранить всякую оппозицію. Газеты въ настоящую минуту полны разсказами о ихъ покушеніяхъ на Сенатъ. Члены нижней Палаты говорили мнѣ, что въ контору Хейльярда внесено агентомъ Консолидированнаго общества двадцать тысячъ долларовъ на расплату за проигранныя пари!

— Что такое?—Редбурнъ поднялся.—А, вѣдь, ловко, идея-то новенькая!

— Одному изъ членовъ Третьей Палаты остается только пройти въ контору съ какимъ-нибудь сенаторомъ и сказать: «Самъ, я проигралъ этому джентльмену пари на двѣ тысячи долларовъ...»

— Понимаю, — сказалъ Редбурнъ. — Пари онъ держалъ въ томъ, что проектъ закона не пройдетъ.

— Конечно. Говорятъ, что у компаніи три центра дѣятельности: контора Хейльярда, бюро стряпчаго Фукса и одинъ мерзкій притонъ въ глухой улицѣ, трущоба страшная, отъ которой такъ и разитъ алкоголемъ и развратомъ. Въ этой трущобѣ ловятъ нужныхъ людей и прямо ихъ вербуютъ. Въ другихъ мѣстахъ ихъ подкупаютъ съ соблюденіемъ надлежащихъ приличій.

— Кто же голова всему этому, кто распоряжается? Вѣдь, долженъ же быть распорядитель?

— Голова—могущественный старикъ, пользующійся огромною извѣстностью, знаменитый «Желѣзный Герцогъ». Вы слышали про него по поводу копей Сидеръ Кноба и желѣзной дороги Биттеръ-Риверъ. Это Лауренсъ Б. Дэвисъ. Я не знаю, въ какой мѣрѣ онъ запутался въ эту оргію подкуповъ, начинающую теперь раскрываться... А знать мнѣ очень бы хотѣлось,—добавилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.

На его лицѣ отразилась печаль, онъ опустилъ глаза и задумался.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Редбурнъ, опираясь на локоть и всматриваясь въ лицо Тётля.

— О, ничего... это абсолютно частное дѣло. Но... Какъ бы ни было, вамъ я скажу все. У этого желѣзнаго герцога есть... дочь.

Проблескъ сочувствія сверкнулъ въ глазахъ Редбурна.

— А, понимаю... старая исторія! Борьба между долгомъ и страстью. Бѣдный молодой человѣкъ и богатая молодая дѣвушка, и такъ далѣе...

— Да, это комедія для другихъ, но не для меня. Для меня это реальная жизнь, страшно реальная. Я вѣрить не хочу тому, что ея отецъ на самомъ дѣлѣ принимаетъ участіе въ этихъ гадостяхъ. Главными виновниками я считаю двухъ директоровъ желѣзной дороги, пользующихся услугами нѣкоего извѣстнаго плута и закулиснаго дѣльца, Тома Бреннана, и стряпчаго Фукса.

— Видите ли, милый мой Тётль, все это представляется мнѣ довольно яснымъ... опасаюсь даже, что слишкомъ это ясно. Нельзя

вертѣть такимъ человѣкомъ, какъ Дэвисъ... Но кто такой этотъ Бреннанъ?

— Это—ирландецъ, самый умный изъ всѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ. Человѣкъ необычайно ловкій, геніальный на множество штукъ, но понятія не имѣющій о томъ, что такое совѣсть.

— Вы, кажется, немножко сгущаете краски, Тётль!

— О, если я герой комедіи, то въ немъ-то нѣтъ ни одной такой черточки. Это настоящій мошенникъ, а не театральная каррикатура. Это красивый и веселый малый, вкрадчивый и безстыдный, одинъ изъ тѣхъ, кому все удается.

— Довольно, не расточайте эпитетовъ, а скажите, не... соперникъ ли вашъ?

Тётль покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Слушайте, Тётль, я не хочу выпытывать у васъ вашу тайну, но если вы желаете принять, какъ я то предполагаю, мой искренній совѣтъ, скажите мнѣ всю правду.

— Онъ секретарь Дэвиса, пользуется его полнымъ довѣріемъ и, разумѣется, ухаживаетъ за Эленъ.

Редбурнъ потѣшался въ душѣ.

— Я понимаю всю прелесть этого «разумѣется», но Эленъ, какъ она относится къ этому?

— Не знаю... Предполагаю, что онъ нравится ей. Повидимому, онъ увлекаетъ женщинъ, вообще, а въ послѣднее время она... она, какъ будто...

Тётль не договорилъ, да и надобности въ томъ не было: Редбурнъ зналъ, что ему было нужно. Послѣ короткаго молчанія онъ сказалъ:

— Я думаю, что дѣло достаточно ясно. Вы добились слѣдствія, которое, навѣрное, вооружитъ противъ васъ Дэвиса и Эленъ, а тѣмъ временемъ негодяй-практикъ сцапаетъ лакомый кусокъ, какъ это почти всегда бываетъ въ жизни.

Снова наступило молчаніе. Снизу черезъ открытое окно доносился неясный шумъ улицы, ослабленный засвѣжѣвшимъ воздухомъ. Тётль видѣлъ, что лицо его друга приняло гордое и раздраженное выраженіе.

— Вы, конечно, хотите знать мое мнѣніе?

— Нѣтъ въ томъ надобности,—тихо проговорилъ Тётль.—Я самъ знаю, что дѣлать.

— Разумѣется, ничего инаго не остается, какъ добиваться суда. Наступило время всѣми силами постоять за правду.

— И за свободу,—добавилъ Тётль.

— Вотъ и все,—сказалъ Редбурнъ съ улыбкой, рѣдко появлявщеюся на его лицѣ.—И я ручаюсь за то, что окончательный результатъ будетъ хорошъ. Вы знаете, что говоритъ Уейтманъ: Куда я иду, мнѣ неизвѣстно, но угадываю и знаю, что хорошо такъ». Бейтесь за правду, за право, Вильсонъ, и въ концѣ концовъ вы ничего не потеряете. Таково мое убѣжденіе. Пойдемте внизъ обѣдать и поговоримъ еще.

## II.

— А, успѣлъ хлебнуть!—воскликнулъ мальчикъ при подъемной машинѣ, посматривая сквозь рѣшетчатую дверь начавшей уже спускаться клѣтки на достопочтенныхъ Тима Шехенъ и Пета Морисхена, представителей восьмого и девятаго округовъ.

— Вотъ дверь,—сказалъ Тимъ въ то время, какъ Морисхенъ грозилъ кулакомъ мальчику, исчезавшему въ глубинѣ.

Они стояли передъ дверью, на полированномъ стеклѣ которой была краской сдѣлана надпись:

Самуэль Д. Фуксъ.—Томасъ Бреннанъ.
Стряпчіе.

— Постучать надо?

— Нѣтъ, прямо войдемъ.

Морисхенъ снялъ свою мягкую сѣрую шляпу, отворилъ дверь и вошелъ въ нее съ напускнымъ достоинствомъ, но не особенно самоувѣренно.

Блѣдный молодой человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ, на которомъ ничто, повидимому, не могло вызвать ни улыбки, ни румянца, поднялся изъ-за своей конторки въ пріемной комнатѣ.

— Такъ Бреннанъ здѣсь?—спросилъ Шехенъ.

Молодой человѣкъ приблизился и спросилъ тѣмъ своеобразнымъ спокойнымъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно глухіе:

— Вамъ угодно?

Морисхенъ повторилъ вопросъ.

— Идите прямо,—сказалъ серьезный молодой человѣкъ, постучавши въ дверь второго бюро. — Два джентльмена къ мистеру Бреннану.

Появился съ улыбкой на губахъ господинъ лѣтъ тридцати, красивый, съ маленькими усиками, съ немного порѣдѣвшими волосами.

— А, мои добрые друзья, пожалуйте. Чѣмъ могу служить вамъ?

Онъ ввелъ посѣтителей въ свою контору.

— Черезъ секунду я къ вашимъ услугамъ.

Онъ приблизился къ молодому человѣку и тихо сказалъ ему:

— Робертъ, меня ни для кого нѣтъ дома.

Робертъ кивнулъ головой и сѣлъ опять къ своему столу между телефономъ, пишущею машиной и телеграфомъ, напоминая немножко «человѣка-оркестръ», играющаго сразу на нѣсколько инструментахъ.

Бреннанъ показалъ пальцемъ на второе бюро и проговорилъ съ гримасой:

— Эти морды слишкомъ долго пьянствовали прошедшею ночью.

Потомъ онъ вернулся въ свой кабинетъ, бывшій въ сущности кабинетомъ Лауренса Б. Дэвиса, Желѣзнаго Герцога.

— Такъ вотъ, господа, что вы скажете о нашемъ вчерашнемъ маленькомъ обѣдѣ?

— Восхитителенъ!—заявили оба.

— Ваши розы утратили свою свѣжесть,— сказалъ Бреннанъ, указывая на цвѣты въ петлицахъ обоихъ гостей.—Позвольте предложить вамъ, у меня есть... А теперь, что могу я для васъ сдѣлать? Но, прежде всего, вы ничего еще не кушали сегодня?

— Я ничего. А вотъ Тимъ уже кругленькій, какъ яблоко.

— А, негодный! Я порукой, что онъ хорошо зарядился за завтракомъ!—рявкнулъ Шехенъ.

Морисхенъ не вставалъ съ кресла и потому трудно было замѣтить, насколько онъ пьянъ.

Бреннанъ досталъ изъ скрытаго въ стѣнѣ шкафа двѣ бутылки вина и стаканы.

— Мы зашли, Томъ, поблагодарить васъ за ужинъ. Это было великолѣпно!

— Хорошо, хорошо. Выпейте-ка вотъ глотокъ вина, всего одинъ глотокъ.

— Мы пропустили наши поѣзда, чортъ васъ возьми! И пришлось намъ ночевать у Гофмана. Поутру спрашиваю: «Сколько я долженъ?»—Онъ говоритъ: «Ничего ровно».—«Какъ такъ?»—Онъ говоритъ:—«Все заплачено»!... Мы вотъ и пришли сказать вамъ, что съ вашей стороны поразительно мило поступать такъ съ несчастными, бывшими въ гостяхъ у друга и опоздавшими къ поѣзду.

— Оставьте это,—перебилъ его Бреннанъ,—это все пустяки. Сегодня у меня есть дѣло посерьезнѣе. Я держу пари съ каждымъ изъ васъ на пятьсотъ долларовъ въ томъ, что мы потеряемъ нашу привилегію.

Онъ откинулся на спинку кресла-качалки и принялся покачиваться съ равнодушнымъ видомъ.

— Вы шутите, Томъ!

— И не думаю,—отвѣтилъ Бреннанъ съ ирландскимъ акцентомъ.—А въ доказательство—вотъ сто долларовъ.

Шехенъ посмотрѣлъ на красивыя бумажки.

— Идетъ!—сказалъ онъ.

Они пожали другъ другу руки.

— Гдѣ уплата?

— У Хейльярда.

— На такое пари, пожалуй, и я пойду, —сказалъ Петъ.

— Отлично, и я буду въ восторгѣ, если вы выиграете... Получайте ваши пряники.

Онъ всунулъ въ руку каждому изъ нихъ по пятидесяти долларовъ и сдѣлалъ такой видъ, который ясно выражалъ, что разговоръ покончен.

— А теперь, добрѣйшіе мои, мнѣ надо приниматься за дѣло. Извините, что я васъ выпроваживаю.

Они съ трудомъ поднялись.

— Это все прекрасно, но помните, что ни къ чему насъ не обязываетъ.

— Разумѣется, ни къ чему ровно. Намъ желательно только, чтобы вы поняли проектъ закона.

Онъ проговорилъ это полу-серьезнымъ тономъ, точно все еще хотѣлъ придать благопристойный видъ безстыдному мошенничеству.

— Да, конечно!—бормоталъ Морисхенъ, подмигивая пьяными глазами и пытаясь застегнуть пальто плохо сгибающимися пальцами.—А вы, Тимъ, дурите, да... Томъ самый правдивый малый въ мірѣ. Онъ хочетъ только, чтобы, при обсужденіи проекта закона, мы оцѣнили его по достоинству... и никогда не заставитъ насъ расплачиваться въ гостиницѣ, если мы пропустимъ поѣздъ по его милости.

— А теперь, господа,—сказалъ Бреннанъ, прерывая его болтовню,—я очень занятъ... Вы побываете въ другой разъ, не правда ли? Мнѣ всегда пріятно видѣть сыновъ нашей старой отчизны. Подождите, еще одинъ глотокъ,—добавилъ онъ, взявши со стола бутылку,—мы обойдемся и безъ стакановъ.

— Разумѣется.

— Изъ бутылки даже лучше.

Они поочередно выпили изъ горлышка и грубо отирали губы,

громко смѣясь. Бреннанъ прекратилъ эту сцену, шутливо выталкивая ихъ за дверь.

— Итакъ, до свиданія... Робертъ, проводите ихъ до подъемной машины...

Онъ вернулся въ кабинетъ и спряталъ бутылки, напѣвая что-то съ юношескимъ увлеченіемъ. Весь онъ казался полнымъ любви и поэзіи.

Эленъ, которую онъ не замѣтилъ, стояла на порогѣ двери, смотрѣла на него и улыбалась.

— Это вы распѣвали, мистеръ Бреннанъ?

Бреннанъ, нисколько не смущаясь, поспѣшилъ затворить шкафъ съ бутылками.

— Я самъ. Войдите, я перестану.

— Вы очень добры. Гдѣ мой отецъ?

— Онъ пошелъ въ бюро директора. Я жду его съ минуты на минуту. Вамъ не угодно посидѣть?

— Что это за ужасные люди вышли отъ васъ въ сѣрыхъ шляпахъ?

— Законодатели!—отвѣтилъ Бреннанъ съ комическою краткостью.

— Такіе-то?

— Такіе. Это законодатели нашей страны и распорядители нашихъ общинныхъ совѣтовъ.

— Знаете, они имѣютъ скорѣе видъ... видъ боксеровъ. Зачѣмъ они являлись? Я очень рада, что они ушли,— сказала она.

— Я тоже радъ. Садитесь, мнѣ такъ пріятно видѣть васъ.

Эленъ подошла къ двери и позвала:

— Эвелина! Идите, милая, намъ приходится ждать, отца нѣтъ здѣсь.

Бреннанъ поклонился миссъ Уардъ съ любезною улыбкой, съ своимъ обычнымъ довольнымъ видомъ, и обѣ дѣвушки сѣли противъ него. Было что-то привлекательное въ его открытомъ лицѣ и въ красивыхъ темныхъ глазахъ; онъ, видимо, нравился обѣимъ дѣвушкамъ. Эленъ сидѣла въ большомъ креслѣ, обмахиваясь вѣеромъ изъ пальмоваго листа, найденномъ на столѣ.

— Ахъ, какъ жарко здѣсь! Улицы накалены, какъ печи. Мы встрѣтили Вильсона Тётля. Знаете, онъ купилъ старый коттеджъ какъ разъ противъ насъ.

— Нѣтъ... Неужели?

Бреннанъ казался болѣе удивленнымъ, чѣмъ восхищеннымъ.

— Да, онъ проведетъ тамъ лѣто. Не правда ли, какъ это хорошо?

— О, необыкновенно хорошо... для него. Онъ не подозрѣвалъ, разумѣется, что вы живете такъ близко?

Эленъ смотрѣла на него, недоумѣвая. Эвелина проговорила спокойно:

— Иронія всегда пропадаетъ для Эленъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — продолжала Эленъ.—Вы должны пріѣхать къ намъ играть въ теннисъ сегодня вечеромъ. Можете?

— Попытаюсь. Но я страшно занятъ въ настоящую минуту, Третья Палата въ сборѣ, и я не могу отлучиться.

— Бѣдные мужчины! Вильсонъ говоритъ то же. Но, вѣдь, надо же установлять законы. Вы работаете съ нимъ вмѣстѣ, конечно.

Бреннанъ закусилъ губу съ довольно забавнымъ видомъ.

— Нельзя сказать, чтобы совсѣмъ вмѣстѣ... Но все же это такъ,—продолжалъ онъ, ища средства выпутаться изъ затрудненія,—мы оба содѣйствуемъ установленію законовъ. У Трехъ Палатъ одна и та же задача.

— Послушайте, вы потѣшаетесь надо мной. Я не хочу этого.

— Мистеръ Тётль говорилъ третьяго дня, что Третья Палата—позоръ для націи,—сказала Эвелина спокойно.

— Что же это значитъ?—спросила Эленъ, не имѣвшая точнаго понятія о числѣ Палатъ.

— Очевидно, мистеръ Тётль признаетъ за Третьей Палатой совсѣмъ не шуточное значеніе,—продолжала Эвелина, зорко слѣдя за Бреннаномъ.

— Онъ, конечно, шутилъ! Это одинъ изъ нашихъ маленькихъ фарсовъ. Мы постоянно перекоряемся другъ съ другомъ, какъ адвокаты на судѣ, потомъ переходимъ въ сосѣднюю комнату и вмѣстѣ потѣшаемся надъ этимъ... Третья Палата отплачиваетъ второй Палатѣ тѣмъ, что называетъ ее сборищемъ столповъ кофейной.

Онъ смолкъ, забавляясь растеряннымъ видомъ Эленъ, обратившейся къ Эвелинѣ.

— О, какъ смѣшны мужчины! Они способны оскорблять другъ друга, потомъ забавляться вмѣстѣ и все-таки оставаться добрыми пріятелями... Почему женщины не могутъ поступать такъ же точно?

— Потому, что у женщинъ настоящихъ дѣлъ не бываетъ... Мужчины, собравшись вмѣстѣ, не способны говорить всѣ разомъ, прерывать другъ друга и не кончать начатыя фразы. Это было бы уже не дѣло... Понимаете?

— Да, я понимаю. Есть что-то магическое въ словахъ, будто женщины чего-то понять не могутъ,—сказала Эвелина.

— Да и понимать-то иногда совсѣмъ не весело. Въ настоящую минуту я очень бы предпочелъ отправиться на берегъ и играть въ теннисъ, чѣмъ задыхаться отъ жары вблизи Капитолія.

— Я думала, что вы любите дѣла,—замѣтила Эленъ.

— Несомнѣнно, но есть извѣстнаго рода дѣла, отъ котораго я совсѣмъ не прихожу въ восторгъ.

Въ присутствіи этихъ дѣвушекъ, такихъ чистыхъ и наивныхъ, Бреннанъ чувствовалъ глубокое отвращеніе къ своимъ гадкимъ обязанностямъ.

— Горе въ томъ, что мужчина не всегда можетъ сказать впередъ, что онъ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ. Успѣхъ, видите ли, требуетъ отъ мужчины очень многаго.

— Папа очень цѣнитъ вашу дѣятельность; я слышала отъ него, что вы—его правая рука.

Бреннанъ сдѣлался совсѣмъ серьезенъ.

— Думаю, что это вѣрно. Я люблю управленіе желѣзными дорогами. Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, что это нѣчто вродѣ командованія арміей?

Его глаза разгорѣлись.

— Мы здѣсь, въ центральномъ бюро, дѣлаемъ то же, что генералы въ штабѣ.

Онъ наклонился надъ столомъ и, показывая жестами, продолжалъ:

— Мы собираемъ массу вагоновъ сюда, направляемъ ихъ такъ и распредѣляемъ по надлежащимъ путямъ. Въ дѣлѣ этого рода есть нѣчто возбуждающее, что ставитъ его выше всякаго другого заурялнаго дѣла. Оно превращается въ командованіе.

Взоръ Эвелины сталъ задумчивымъ.

— Да, это преимущество мужчинъ... Вы можете дѣйствовать.

— Стало быть, вы въ своемъ родѣ полковникъ, — сказала Эленъ.—Вамъ бы слѣдовало носить мундиръ. Я такъ люблю мундиры! Они очень красивы...

— Мы скоро ихъ заведемъ... Знаете, для меня нѣтъ выше наслажденія...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Еслибъ я родился ранѣе войны, я былъ бы, навѣрное, генераломъ... Командовать, распоряжаться!... Потому я и люблю желѣзно-дорожное дѣло, что оно похоже на войну.

— Я люблю вашъ энтузіазмъ,—сказала Эвелина, вздыхая.—

Еслибъ женщины могли... Вы, вѣдь, пользуетесь полнымъ довѣріемъ мистера Дэвиса.

— О, совершенно полнымъ,—сказалъ Бреннанъ, возвращаясь къ своему обычному шутливому тону.—Онъ поручаетъ мнѣ такія дѣла, которыя самъ лично дѣлать не сталъ бы,—добавилъ онъ смѣло.—Я его адъютантъ, который, знаете, пишетъ и разсылаетъ приказанія. Исполненіе такой обязанности вызываетъ желаніе приказывать въ свою очередь, и адъютантъ всегда стремится сдѣлаться генераломъ. Этого я и добиваюсь...

Бреннанъ говорилъ пылко, подзадориваемый, быть можетъ, восхищеннымъ взглядомъ Эленъ. Знавшіе его очень хорошо были бы, навѣрное, удивлены искренностью его воодушевленія.

— Какъ, мистеръ Бреннанъ, я не знала, что вы настолько честолюбивы!

— Быть директоромъ правленія это одна изъ двухъ величайшихъ задачъ моей жизни.

Говоря это, онъ поблѣднѣлъ, его глаза приняли болѣе темный оттѣнокъ.

— А вторая задача?—спросила Эленъ съ такою усмѣшкой, будто наполовину угадывала правду.

Они оба забыли про Эвелину.

Бреннанъ быстро обернулся, его глаза вспыхнули.

— Вы не догадываетесь? Вторая—вы!

— Что вы говорите, Томъ Бреннанъ?

Она пристально смотрѣла на него своими большими голубыми глазами, по ея лицу разливался румянецъ.

Эвелина подалась впередъ, упорно вглядываясь въ лицо молодого человѣка. За кѣмъ останется побѣда, за нимъ или за Тётлемъ.

Томъ самъ испугался своей смѣлости.

— Не обращайте вниманія на это, Эленъ. Я всегда попадаю всѣми лапами въ блюдо, какъ истый безумный ирландецъ... Не находите вы, что жара усиливается? Мнѣ кажется, что термометръ повысился...

Всѣ трое громко разсмѣялись.

— Да, повидимому, собирается дождь,—сказала Эвелина.

Наступила минута неловкости, но миновала быстро. Бреннанъ заговорилъ о другомъ.

## III.

Дэвисъ быстро вошелъ въ сопровожденіи своего стряпчаго Фукса. Это былъ коренастый человѣкъ съ маленькими баками, бѣ-

лыми, какъ снѣгъ, съ лицомъ, побагровѣвшимъ отъ жары, съ коротко остриженными усами, щетинившимися при каждомъ движеніи губъ. Его глаза были живы и проницательны, сердитый голосъ— рѣзокъ и повелителенъ. Повидимому, Дэвисъ былъ одаренъ большою энергіей, начинавшею слабѣть съ годами. Онъ былъ одѣтъ въ бархатный вестонъ, въ бѣлыя панталоны и въ довольно короткій жилетъ. Все въ немъ обличало человѣка сильнаго характера.

— Папа, мы ждемъ васъ, чтобы возвратиться домой. Помните, вы обѣщали довезти насъ въ своемъ экипажѣ.

Дэвисъ кивнулъ головой миссъ Уардъ и торопливо сѣлъ къ своей конторкѣ.

— Да, да... только нельзя сейчасъ, моя милая. У меня очень важныя дѣла.

— А, папа, да въ которомъ же часу вы освободитесь?—спросила Эленъ съ недовольной гримаской.

— Не знаю, — отвѣтилъ Дэвисъ нетерпѣливо. — Черезъ полчаса, быть можетъ, а вы тѣмъ временемъ можете покататься...

— О, если вамъ уже такъ хочется отъ насъ отдѣлаться...— сказала Эленъ, притворяясь разсерженною. — Мистеръ Бреннанъ, не проводите ли вы насъ до экипажа?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Бреннанъ, кидаясь за нею слѣдомъ.

Въ глазахъ Эленъ мелькнуло кокетливое выраженіе, заставившее просіять молодого человѣка. Они вышли.

Фуксъ былъ толстый человѣкъ съ бритыми усами, но съ полною сѣдою бородой, и очень походилъ на методистскаго дьякона. Его волосы были коротко острижены, маленькіе глаза имѣли сѣроголубоватый цвѣтъ. Фуксъ проводилъ взглядомъ молодыхъ людей, въ то время, какъ Дэвисъ закуривалъ сигару.

— Вы не находите, что она немного кокетничаетъ съ Бреннаномъ?

— Кто? — отозвался Дэвисъ изъ-за своей конторки.

— Ваша дочь Эленъ.

Дэвисъ пристально посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Съ ума вы сошли? — нетерпѣливо проговорилъ Дэвисъ.

Фуксъ подвинулъ кресло, сѣлъ и медленно выпустилъ изо рта клубъ дыма.

— Пока никто этого не находилъ, Лауренсъ,— отвѣтилъ онъ спокойнымъ и размѣреннымъ тономъ,—и я умѣю разобрать, когда дѣвушка кокетничаетъ. Примите надлежащія мѣры, не то этотъ

молодой ирландецъ попроситъ у васъ на дняхъ ея руки. Мнѣ извѣстны симптомы,— я, вѣдь, тоже воспиталъ двухъ дочерей.

— Какой вздоръ! Томъ знаетъ свое мѣсто.

Фуксъ заложилъ ногу на локотникъ своего кресла.

— Несомнѣнно. Но есть весьма достаточныя основанія предполагать, что вы и Бреннанъ не сойдетесь въ мнѣніяхъ о томъ, каково его настоящее мѣсто. Я уже говорилъ вамъ, что не раздѣляю вашего взгляда, что не слѣдовало допускать этого молодого человѣка до такого вмѣшательства въ наши дѣла... Неосторожно это... очень неосторожно.

— Да, вы говорили, — отвѣтилъ Дэвисъ недовольнымъ тономъ.—Но надо же было взять кого-нибудь, не могъ я лично все дѣлать.

— А въ такомъ случаѣ, возьмите человѣка, который больше любитъ деньги... и меньше власть. Вы можете вертѣть, какъ хотите, человѣка, любящаго деньги, и не можете довѣряться человѣку, который любитъ власть. Бреннанъ слишкомъ честолюбивъ.

— Э, не бойтесь Тома! Я лучше васъ знаю его, своимъ положеніемъ онъ мнѣ обязанъ.

Фуксъ заговорилъ медленно и значительно:

— Я не боюсь никого въ мірѣ. Мнѣ не страшенъ Томъ Бреннанъ, но я начинаю съ нимъ считаться.

Тонъ, которымъ это было сказано, привлекъ и задержалъ вниманіе Дэвиса. Въ ту минуту, какъ они обмѣнивались взглядами, Бреннанъ вошелъ, улыбаясь, и сѣлъ къ столу противъ Дэвиса. Фуксъ всталъ и принялся спокойно шагать по комнатѣ позади нихъ, заложивши руки въ карманы и опустивши глаза. Онъ былъ достаточно старъ для того, чтобы считаться человѣкомъ почтеннымъ, но таковымъ отнюдь не былъ.

— Итакъ, Томми, — заговорилъ Дэвисъ веселымъ тономъ,— каковы результаты вашихъ сегодняшнихъ воздѣйствій на сенатъ?

— Проектъ закона провалился прежде, чѣмъ его прочли. Нѣтъ ни одного параграфа, который не вызывалъ бы оппозиціи,—отвѣтилъ Бреннанъ, продолжая улыбаться.

Онъ былъ все еще подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ словъ, обмѣненныхъ съ Эленъ.

— Курите и разберемъ дѣло обстоятельно, мой милый,—продолжалъ Дэвисъ, подавая ему сигару.

Они закурили, и Дэвисъ зорко слѣдилъ за молодымъ человѣкомъ въ то время, какъ тотъ пускалъ первые клубы дыма.

— Сигары какъ будто не дурныя, а? Двадцать долларовъ сотня, пробный ящикъ. Вы какъ находите?

Дэвисъ началъ курить недавно, «для успокоенія нервовъ», но любилъ принимать видъ стараго курильщика.

— Не дурны, патронъ!—отвѣтилъ Бреннанъ.—Кто вамъ подарилъ?

— А, каковъ молодецъ!—воскликнулъ Дэвисъ, забавляясь такимъ намекомъ.—Не думаете ли вы, что я соглашусь...

— Я потому спросилъ, что онѣ точь-въ-точь такія же, какъ въ послѣднемъ ящикѣ, который мнѣ присланъ.

— Каковъ лакомка!... Того и гляди, дойдете до растраты!

Вдругъ онъ сдѣлался серьезенъ.

— Про сенатъ, однако... Что вы предлагаете дѣлать, Томъ?

— Пустить туда побольше денегъ. А вы?

— Ничего,—коротко отвѣтилъ Дэвисъ.

— Какъ ничего?

— Говорю вамъ — ничего.

И онъ продолжалъ сердито:

— Я истратилъ уже сто тысячъ долларовъ, а теперь вы предлагаете просто-на-просто купить сенатъ! Нельзя ли уладить дѣло иначе?

— Я не знаю другого средства. Нравственныя убѣжденія теперь не въ модѣ при разсмотрѣніи законовъ.

— Такъ надо придумать что-нибудь... Эта проклятая привилегія не стòитъ риска, Томъ.

— Вы полагаете? — шутливо проговорилъ Бреннанъ. — Вотъ подождите, какъ проведутъ другую линію рядомъ съ вашею, тогда вы и узнаете, стòитъ ли...

— Никогда ея не проведутъ,— возразилъ Дэвисъ, хлопая кулакомъ по столу.—Я не думаю, чтобъ они предполагали когда-нибудь ее проводить. Они слишкомъ запутались съ своимъ новымъ двигателемъ и не проведутъ никогда, говорю я вамъ!

— Ручаться за это нельзя, а мы, съ своей стороны, не можемъ рисковать.

— Рисковать! Такъ знайте же, — раздраженно говорилъ Дэвисъ,—что пойду я на эти штуки лишь тогда, когда меня заставитъ крайность. А если вы не перемѣните тона...

Мягкій и спокойный голосъ Фукса вмѣшался въ споръ, точно ласкающая рука:

— Потише, Дэвисъ, потише! Не горячитесь, не сдѣлайте про-

маха, который будетъ величайшимъ промахомъ въ вашей жизни... Мы не можемъ позволить себѣ...

— Да кто же, наконецъ, непосредственно заинтересованъ въ дѣлѣ? Кто представитель Консолидированной желѣзной дороги, вы или я?

— Вы, генералъ, вы,—сказалъ Бреннанъ совершенно спокойнымъ, но далеко не успокоительнымъ тономъ. — Но я-то представитель Третьей Палаты, и вся сила вліянія въ моихъ рукахъ. Понимаете вы это? Теперь соображайте: отступать передъ этимъ послѣднимъ ходомъ вы не можете. Если сдѣлаете это, привилегіи вашей — смерть. Постарайтесь же быть благоразумнымъ, насколько возможно. Въ Третьей Палатѣ все обстоитъ благополучно, я забралъ всѣхъ, кого нужно, во второй... Необходимо заполучить сенаторовъ.

— Да чортъ же меня возьми, если я полѣзу въ такую исторію! И твердымъ, гнѣвнымъ голосомъ онъ добавилъ:

— Это мое послѣднее слово и разговоръ поконченъ.

Фуксъ встревожился и примирительно проговорилъ:

— Успокойтесь, Дэвисъ, теперь, по-истинѣ, не время деликатничать. Вы ничего не возражали, когда дѣло шло о томъ, чтобы купить Третью Палату. Изъ-за чего же стѣсняться съ первою и второю?

Дэвисъ всталъ и принялся быстро ходить по комнатѣ. На его красномъ лицѣ выступали багровыя пятна,—настолько онъ былъ возбужденъ.

— Изъ-за того, что это опасно. Наплевать мнѣ на всякіе принципы. Мнѣ успѣхъ нуженъ! И мы вправѣ добиваться успѣха, такъ какъ никто лучше насъ не можетъ послужить публикѣ... Если мы ихъ не купимъ, то купитъ кто-нибудь другой. Но съ сенаторами иное дѣло. Это уже лица оффиціальныя и за это можно попасть въ тюрьму.

— Для васъ, патронъ, никакой нѣтъ опасности, — возразилъ Бреннанъ.— Это уже мое дѣло. Я всѣмъ орудую, а вы остаетесь въ сторонѣ, до васъ не доберутся.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Фуксъ.—Вамъ и знать нѣтъ надобности. Это касается только меня и Тома, лишь давайте фонды, и мы пойдемъ ходомъ... На насъ вы можете положиться.

Дэвисъ, повидимому, колебался, и Бреннанъ заговорилъ шутливо, съ легкимъ ирландскимъ акцентомъ:

— Это ничуть не вреднѣе, чѣмъ курить... Дайте Самми дискредиціонную власть надо мной, а мнѣ надъ Третьей Палатой и

Сенатомъ, и вдвоемъ мы проведемъ проектъ закона такъ же легко, какъ козленка въ садовую калитку.

— Легко говорить это.

— Легко и сдѣлать,—сказалъ Бреннанъ.—Дайте мнѣ сто тысячъ долларовъ, и я подкуплю какую угодно легислатуру въ этой великой и славной...

Дэвисъ обратился къ нему недовѣрчиво:

— Сто тысячъ долларовъ! Вамъ деньги нипочемъ, терять нечего. А я начинаю думать, что слишкомъ много ихъ отдалъ въ распоряженіе одного человѣка.

Бреннанъ прервалъ его твердымъ голосомъ, принявшимъ зловѣщій тонъ:

— Не заноситесь, патронъ. «Честь между... *джентльменами*», вы знаете, что значитъ?!... А денегъ вы мнѣ дадите, когда и сколько мнѣ понадобится, безъ всякой расписки, не то ваша желѣзная дорога полетитъ ко всѣмъ чертямъ, а линія новыхъ двигателей поднимется до облаковъ. Поняли?

Дэвисъ вышелъ изъ себя и обратился къ нему, стиснувши зубы:

— Вы, кажется, вздумали мнѣ грозить... вы, босая команда!... Да чортъ же васъ возьми! Я начинаю думать, что вы дѣйствуете за-одно съ этою шайкой пиратовъ. Еслибъ я увѣренъ былъ въ этомъ, то, клянусь, я бы васъ...

Фуксъ опять вступился примиряющимъ медовымъ голосомъ:

— Позвольте, позвольте, мой добрый другъ... вы нервничаете сегодня. Вчера вы соглашались и теперь пришли заняться этимъ дѣломъ... Погодите,—остановилъ онъ Дэвиса, хотѣвшаго возражать.—Вы уже купили двѣ или три линіи. Мы, Томми и я, уже провели проектъ вашего закона черезъ Третью Палату и даже черезъ вторую... Мы внесли его въ Сенатъ.

— Да, и стоило это мнѣ полтораста тысячъ долларовъ. Слишкомъ дорого!

— Дешевле нельзя было. Мы работали какъ каторжники, чтобы васъ выручить. Допустимъ даже, что Томми немного увлекся. Но разберите, какую мы получаемъ выгоду... Вѣдь, этой привилегіи цѣна—милліонъ. Повторяю вамъ, Лауренсъ, теперь нельзя отступать, надо идти до конца. Вниманіе этой милѣйшей, этой проклятой публики обращено теперь на то обстоятельство, что не мы, а она установляетъ цѣну такихъ привилегій, и она заставитъ насъ хорошо поплатиться.

Бреннанъ успѣлъ овладѣть собой и принялъ опять шутливый тонъ:

— Въ этомъ можете быть увѣрены! Тётль дѣйствуетъ противъ насъ отчаянно. Онъ приготовляетъ проектъ закона, по которому должны подлежать прогрессивному обложенію ежегоднымъ налогомъ всѣ концессіи на пути сообщенія. Повѣрьте мнѣ, генералъ, необходимо дѣйствовать всѣми силами и именно теперь.

— Да что такое этотъ Тётль?—спросилъ Дэвисъ, мысли котораго принимали иное направленіе.—Можно его купить?

— Купить? Нѣтъ. Онъ мѣтитъ выше.

— Какъ, куда мѣтитъ?

— Попасть въ конгрессъ и такъ далѣе. Онъ усердно пустился въ политику, затѣваетъ политику очищенія!

— Я знаю еще кое-что, во что онъ мѣтитъ!—сказалъ Фуксъ, бросая лукавый взглядъ въ сторону Бреннана.—Онъ мѣтитъ...

Бреннанъ быстро поднялся съ мѣста, онъ догадывался, что Фуксъ имѣетъ въ виду Эленъ.

— Оставьте это!

— Ага, Томми! Вотъ оно гдѣ слабое-то мѣсто!

— Не путайтесь вы въ мои личныя дѣла!

Фуксъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось раздразнить Бреннана.

— Ладно, ладно, Томми, я хотѣлъ только предупредить васъ.

— Подите лучше его предупредите,—мрачно возразилъ Бреннанъ.

Дэвисъ нетерпѣливо слушалъ этотъ случайный разговоръ, очевидно, не касавшійся его.

— Ну, довольно вамъ болтать пустяки. Вернемся къ дѣлу. Что представляется наиболѣе спѣшнымъ? Дѣйствовать на сенатъ? Помнѣ, это дѣло не подходящее, но еслибъ я...

— Я предлагаю дѣйствовать на вашего ближайшаго сосѣда, Уарда,—сказалъ Бреннанъ спокойно и смѣло.

— На Руфа Уарда?

— Да, на Руфа.

Фуксъ усмѣхался, восхищенный выходкой Бреннана.

— О! нашъ Томми ни передъ чѣмъ не останавливается!

— На Руфа Уарда, — продолжалъ Дэвисъ, задумываясь.— И вы полагаете, что съ нимъ можно сойтись на разумныхъ условіяхъ?

— А что вы считаете разумными условіями?

— Десять тысячъ.

— Теперь, да.

— Теперь? Почему вы сказали «теперь»?

— Потому что онъ былъ въ синдикатѣ, повышавшемъ мѣдь, и теперь страшно нуждается въ деньгахъ.

— Правда это?—крикнулъ Дэвисъ горячо и безпощадно.—Въ такомъ случаѣ, покупайте... покупайте его! Это большой козырь... только не передайте, смотрите!

Фуксъ опять разсмѣялся беззвучно.

— Ну, не забавно ли видѣть, какъ человѣкъ себѣ противорѣчитъ и...

— Положитесь на вашего Томми,—сказалъ Бреннанъ,—и онъ проведетъ законъ.

Дэвисъ тяжело опустилъ руку на письменный столъ.

— Такъ и рѣшено. Сговоритесь съ моимъ адвокатомъ. Дѣло ему поручено, къ нему и обращайтесь. Онъ дѣйствуетъ вмѣсто меня, какъ вамъ извѣстно.

— Очень хорошо,—усмѣхнулся Бреннанъ.—Я понимаю вашу деликатность.

Затѣмъ онъ обратился къ обоимъ собесѣдникамъ. Его лицо приняло рѣзкое, властное, почти жестокое выраженіе. Слова медленно выходили изъ-за стискивающихся зубовъ. Концами пальцевъ онъ слегка барабанилъ по столу.

— Господа, не поддавайтесь иллюзіямъ. Тому Бреннану положеніе доподлинно извѣстно, не такъ ли? Если я принимаю на себя весь рискъ, то вы можете быть увѣрены въ томъ, что сумѣю получить за то соотвѣтствующее вознагражденіе... Поняли?

Рѣзкія возраженія или окончательное соглашеніе пришлось отложить, такъ какъ у двери послышался голосъ Эленъ.

— Ѣдете вы, папа? Если не кончены ваши дѣла, я отправляюсь домой одна.

Она отворила дверь и вошла въ комнату.

Дэвисъ быстро всталъ, отирая потъ съ своего багроваго лица. Онъ былъ радъ прервать разговоръ.

— Да, да, милая, я готовъ. Оставляю васъ, господа, покончить все, какъ должно.

Въ то время, какъ Дэвисъ торопливо собиралъ свои бумаги, Эленъ обратилась къ Бреннану:

— Вы пріѣдете? И привозите костюмъ для тенниса.

— Не слишкомъ ли жарко играть въ теннисъ?—спросилъ Томъ съ тѣмъ нѣжнымъ выраженіемъ влюбленнаго, которое придаетъ особое значеніе самымъ ничтожнымъ фразамъ.

— О, нѣтъ, вѣдь, на берегу моря. Вечеромъ такъ хорошо. Пріѣдете?

— Непремѣнно... хотя бы мнѣ грозила смерть!

— Это очень мило! — продолжала Эленъ.—Вы будете моимъ партнеромъ, чтобъ я выиграла. Я люблю быть на сторонѣ побѣдителей.

— Я тоже, и всегда мнѣ это удается.

— Я знаю, и вотъ почему...

— Иди же, иди! — сказалъ Дэвисъ съ необычнымъ раздраженіемъ.

Бреннанъ вышелъ слѣдомъ за ними. Фуксъ проводилъ ихъ взглядомъ и принялся свистать, глядя въ потолокъ.

— Очень мила она съ вами,—заговорилъ онъ, когда вернулся Бреннанъ.—Вы, кажется, нравитесь ей.

Бреннанъ заставилъ его замолчать быстрымъ движеніемъ руки.

— Оставьте, не вашего ума это дѣло!— дерзко сказалъ онъ, потомъ подошелъ къ телефону и позвонилъ.

— Hallo!... Капитолій... Позовите полковника Мотта... Вы, полковникъ?... Да... Говорили Уарду, что я желалъ бы его видѣть?... Такъ, благодарю... Заходите, вы мнѣ нужны... Хорошо. Прощайте.

Давши отбой, онъ обернулся и заговорилъ холоднымъ и отрывистымъ тономъ дѣлового человѣка:

— Уардъ сейчасъ будетъ здѣсь. Сколько при васъ денегъ? Тутъ уже чеки не годятся. Мы затѣваемъ слишкомъ крупную игру теперь.

Ясно было, что Бреннанъ не въ духѣ, и въ разсчеты Фукса не входило раздражать его. Онъ вынулъ пачки ассигнацій изъ кармана.

— Въ этой десять тысячъ, а въ каждой изъ этихъ двухъ по пяти.

Онъ подвинулъ одну изъ нихъ Бреннану.

— Я бы желалъ получить какую-нибудь расписку.

— Получите... Робертъ! напишите: «Получено десять тысячъ долларовъ наличными, 1-го іюня».

— Какъ же, даже безъ условной подписи?—спросилъ Фуксъ.

— Только, что я сказалъ. Мы добрались до труднаго мѣста: «на совѣсть между ворами», старина!... Теперь уходите, чтобы не засталъ васъ Уардъ.

Фуксъ передалъ ему толстую пачку билетовъ и спокойно вышелъ.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---

# ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА *).

Романъ К. Верніоля.

Переводъ съ французскаго.

---

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### IV.

Въ самомъ началѣ зимы въ Монтаньякѣ распространился слухъ, что графъ Морэнъ-Шассанъ даетъ большой вечеръ. Общественное мнѣніе было взволновано, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ уволенъ отъ должности министромъ-радикаломъ за его преданность низвергнутой династіи, графъ проводилъ бо̀льшую часть года въ Парижѣ. Тамъ онъ старался войти въ милость, говоря, что политика ему надоѣла, заблужденія молодости разсѣяны, и распространялъ слухи о желаніи «уйти на покой» и заняться своими личными дѣлами. Его изысканные вечера въ отелѣ на улицѣ Камбасересъ славились широкимъ гостепріимствомъ. Описанія этихъ вечеровъ, заимствованныя изъ *Figaro* и *Gaulois*, возбуждали и удивленіе, и зависть его соотечественниковъ. Поэтому они въ его пріемахъ видѣли прежде всего случай ознакомиться, наконецъ, съ великолѣпіемъ его отеля. Они заранѣе разсчитывали на чудеса, которыя имъ были обѣщаны. Конечно, балы госпожъ Баржъ и Пейредуль не имѣли соперниковъ въ провинціи. Но, однако!... Теперь возраждалось то чудное время, когда генералъ маркизъ д'Эстильякъ, сенаторъ второй имперіи, устраивалъ карусели въ своемъ паркѣ. Объ этомъ говорили на бульварахъ и двадцать жителей Монтаньяка представляли себѣ счастье увидѣть свои имена въ *Echos Жиль Блаза*. Постепенно узнали, что избраннымъ временемъ была масленица, и что приглашенія будутъ многочисленны. Лица, нахо-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 97 г.

дящіяся въ интимныхъ отношеніяхъ съ графомъ, распространяли таинственные слухи. По ихъ словамъ, празднество должно было быть *необыкновеннымъ*. *Необыкновеннымъ*!...

Что оно будетъ по-истинѣ блестящимъ и пышнымъ, въ этомъ не было сомнѣнія. Еще что? — Постараются придать ему смыслъ, сдѣлаютъ изъ него нѣчто лучшее чѣмъ простое увеселеніе, возвысятъ до торжественной манифестаціи. *Манифестація*!...

Вотъ пища для умовъ. Посвященные въ тайну искусно исполняли свою миссію—то замалчиваніемъ, то таинственнымъ подмигиваніемъ, постепенно открывая истину, до тѣхъ поръ, пока всѣ знали, что попытка *на сліяніе* будетъ сдѣлана на этотъ разъ съ бо̀льшими шансами на успѣхъ графомъ Морэнъ-Шассанъ подъ звуки оркестра.

Мадамъ Гарадель разсуждала правильно, когда говорила Дютрейлю о паденіи «реестра». Веселящееся общество распалось въ Монтаньякѣ. Демаркаціонная линія, раздѣлявшая когда-то и такъ долго «общество», незамѣтно стушевывалась. Запереть свои двери на три замка, соединить классы общества, чтобы замаскировать пробѣлы, какъ вмѣстѣ съ Мартелемъ того желали нѣкоторые фанатики,—было для «реестра» равносильно смерти отъ сухотки. Притомъ многіе побѣдители превышали талантомъ и состояніемъ побѣжденныхъ и ни въ чемъ не уступали имъ, что касалось бѣлья и хорошихъ манеръ. Возможно ли упорно отталкивать людей, съ которыми раскланиваешься на каждомъ шагу, дружески обходишься въ кофейнѣ и въ клубѣ, и общеніе съ которыми, часто пріятное, можетъ сдѣлаться полезнымъ? Возможно ли это и умно ли? Прозорливые умы или люди склонные къ снисходительности думали иначе. То были утописты, мечтавшіе о постоянномъ уничтоженіи соціальнаго неравенства, и практическіе люди, стремящіеся произвести необходимый подборъ и заручиться содѣйствіемъ новыхъ общественныхъ силъ. Пробовали, въ нѣсколько пріемовъ, если не соединить, то сблизить оба класса: правда, безъ успѣха, потому ли, что дурно была избрана почва, или потому, что спѣсь однихъ отталкивающимъ образомъ дѣйствовала на другихъ. Но никто не предсказывалъ окончательной неудачи новой попыткѣ.

Никто не обладалъ для этого такими качествами, какъ Морэнъ-Шассанъ. Происходя родомъ отъ неизвѣстнаго служаки, онъ добился,—а многіе говорили купилъ,—титулъ римскаго графа. Этотъ титулъ, его убѣжденія, его немилость и въ особенности состояніе его жены, Луизы Морэнъ, дочери крупнаго бумагопрядильнаго фабриканта въ Нормандіи, располагали къ нему мелкихъ дворянъ,

рантiеровъ и бывшихъ чиновниковъ. Слишкомъ умный для того, чтобы быть обманутымъ дворянствомъ или чтобъ ошибиться въ цѣнности своихъ поклонниковъ, онъ имѣлъ то влiянiе, — хотя и отрицалъ это,—которымъ пользовался его beau-frère, адвокатъ Рейнуаръ, отца котораго старожилы помнили работающимъ въ его скромной мастерской въ предмѣстьи святой Этропы (его имя до сихъ поръ было написано на двери) и который тѣсно подружился съ Шассаномъ въ то время, когда оба изучали право въ Парижѣ. Рейнуаръ женился на сестрѣ будущаго министра, въ то время вице-консула въ Океанiи. Записанный въ палату Монтаньяка, Рейнуаръ скоро внушилъ къ себѣ почтенiе въ судебномъ сословiи, а своимъ искреннимъ и безпристрастнымъ либерализмомъ, своимъ простымъ обхожденiемъ, горячимъ и чуткимъ сердцемъ, прiобрѣлъ общее уваженiе. Съ того времени онъ нѣсколько разъ былъ избираемъ старшиною адвокатской корпорацiи. Богатѣя отъ постоянно возрастающихъ доходовъ своей профессiи, онъ велъ мирный и счастливый образъ жизни, «à la papa», говорилъ онъ, лаская бѣлокурые локоны своего шестого ребенка. «Послѣднiй?...» «О, нѣтъ, младшiй!...» Онъ остался вѣренъ товарищескимъ отношенiямъ по классу, «гордости ни на одинъ су»,—говорилъ Понъ-Каналь, и попрежнему горячо пожималъ мозолистыя руки, отъ которыхъ когда-то, при выходѣ изъ стараго collège'а, ему часто доставалось въ спину въ маленькихъ темныхъ улицахъ. Онъ придерживался очень широкой терпимости, настаивалъ на уничтоженiи всѣхъ преградъ, тормазившихъ постоянное усовершенствованiе человѣческой породы, оказывалъ субсидiи то кредитнымъ обществамъ, то разнымъ лигамъ и товариществамъ. Всѣ чувствовали, что онъ убѣжденный, преисполненный истинной нѣжности къ бѣднымъ человѣкъ, и уважали его просвѣтительныя стремленiя, считая, однако, простакомъ.

Рейнуаръ старался имѣть влiянiе на своего beau-frère'а. Какая прекрасная задача для графа, баловня судьбы, не только достойнаго распространять великодушныя идеи вѣка, но и способнаго провести ихъ въ жизнь — снести преграду, да еще полуразрушенную.

Морэнъ-Шассанъ колебался. Болѣзнь одного сенатора, признанная неизлѣчимой, увлекла его и балъ былъ рѣшенъ. Списокъ приглашенныхъ былъ составленъ тщательно, въ семейномъ совѣтѣ, и никогда бывшему министру не требовалось столько дипломатiи.

Въ продолженiе двухъ мѣсяцевъ Монтаньякъ жилъ въ ожиданiи этого достопамятнаго событiя, и только житель маленькихъ город-

ковъ можетъ себѣ представить, къ какимъ утонченнымъ интригамъ оно послужило поводомъ. Самыя тупыя головы обнаруживали неожиданную изобрѣтательность. Служащій у нотаріуса женихъ мечталъ о томъ, насколько честь быть приглашеннымъ возвыситъ его въ глазахъ родителей невѣсты. Помощникъ судьи, не попавшій въ число приглашенныхъ, несмотря на одиннадцать послѣдовательныхъ преслѣдованій друзьями графа, однимъ другого вліятельнѣе, и только въ послѣдній часъ получившій извѣщеніе о положительномъ отказѣ, слегъ въ постель. Всякій старался найти въ отсутствіи приглашенія какія-нибудь тайныя причины. И однако, несмотря на сыпавшуюся на голову графа брань («Рисуется, важничаетъ!»—«Плевать мнѣ на твое шампанское,—говорилъ Понъ-Каналь),—всѣ гордились блескомъ и великолѣпіемъ своего соотечественника. Кромѣ офицеровъ и холостяковъ, которые на вечерахъ играли роль «волановъ» въ арміи бывшей монархіи, все что занимало блестящее положеніе въ Монтаньякѣ и не было скомпрометировано неизгладимымъ пятномъ, было приглашено безъ различія происхожденія и принциповъ. Удастся ли, наконецъ, сліяніе? Во всякомъ случаѣ ждали чудесъ. «Дѣти мои,—говорилъ Дю-Фусса слюнявымъ ртомъ, съ глазами, влажными отъ ожидаемаго блаженства,—дѣти мои, я ничего не могу сказать. Но ждите великихъ вещей!... Весь буфетъ заказанъ въ Бордо!...»

Приглашенный безъ того, чтобы объ этомъ хлопотать и этого желать, Дютрейль не любилъ танцовать; докучливость хозяекъ дома, гримасы танцующихъ превращали его равнодушіе въ отвращеніе.

Танцовать для того, чтобы поговорить съ женщиной, умомъ которой стòитъ овладѣть хоть на мгновенье, танцовать для того, чтобы прижимать къ себѣ милый ввѣряющійся вамъ станъ, отъ котораго вы ищите только мимолетнаго остраго волненія,—это наслажденіе,—тонкое или звѣрское,—онъ цѣнилъ.

Но ничего этого,—онъ зналъ,—не найдетъ въ Монтаньякѣ;—а танцовать, какъ марширует солдатъ, какъ исполняютъ пантомимы въ циркѣ фигуранты,—какое забавное наказаніе!

Его успокоивало лишь большое число приглашенныхъ,—значитъ онъ можетъ не бояться быть замѣченнымъ. Однако, когда наступилъ часъ ѣхать, онъ сталъ колебаться. Онъ твердо рѣшилъ отправиться къ графу, зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ пойдетъ по дорогѣ къ его отелю, и искренно, охваченный внезапнымъ отвращеніемъ, разбиралъ эту альтернативу: «Идти или не идти?... Не лучше ли не ходить? Рѣшительно, не пойду. Я найду какое-нибудь

извиненіе»... Онъ сдѣлалъ движеніе,—точно хотѣлъ раздѣться, но сѣлъ въ кресло и, уставившись глазами на часы, заставилъ себя ждать. Когда стрѣлка дошла до одиннадцати, онъ вдругъ взялъ шляпу и быстро спустился по лѣстницѣ.

Праздникъ достигалъ своего апогея. Подъ звуки оркестра, расположеннаго за стѣной рѣдкихъ растеній, танцовали въ двухъ обширныхъ гостиныхъ нижняго этажа,—одна затянута штофомъ оригинальной работы, подарокъ султана, въ другой—пано, на которыхъ Ланкрэ были написаны замѣчательныя сцены итальянской комедіи. Къ сожалѣнію, мѣстами эта живопись была испорчена. Толпа отдавалась вся удовольствію. Ничто не обнаруживало скуки и затаенной непріятности. Классы общества были смѣшаны. Г. Де-Баржъ вальсировалъ съ красавицей мадамъ Женеро, съ женою агента Земельнаго банка, «профессіональной красавицей» Монтаньяка. Послѣ исполненія своихъ обязанностей, Дютрейль, который зналъ, что мадамъ Гараделъ не была приглашена, принялся отыскивать знакомыхъ.

Граціознымъ жестомъ его подозвала мадамъ Бѣлюгу. Они обмѣнялись нѣсколькими банальными фразами и, когда оркестръ заигралъ польку, онъ пригласилъ ее.

Потомъ направился къ залѣ, гдѣ играли въ карты, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Барсеголя. Проходя черезъ переднюю, онъ наткнулся на очень озабоченнаго Дю-Фусса. Тотъ, не давъ ему времени открыть ротъ, воскликнулъ:

— Что? Буфетъ, а?... Вторая дверь направо... Извините... меня рвутъ на части.

Въ кабинетѣ графа были разставлены два стола для виста и экарте, столъ для бакара. У послѣдняго толпилась публика. Банкиръ Малаваль держалъ карты, а его сынъ, высокій малый, лысый, съ голой головой, легендарной глупости и грубости, растратившій въ Парижѣ въ низкомъ развратѣ родовое имѣніе матери (по котораго мѣстныя матроны за милліоны его отца окружали вниманіемъ, несмотря на его разрушенное здоровье и мужицкія манеры), говорилъ ему хриплымъ голосомъ:

— Я ставлю пятьдесятъ сантимовъ, потому что мнѣ урѣзали содержаніе. Ты позволяешь поставить пятьдесятъ сантимовъ, папа?

Эта шутка имѣла громадный успѣхъ, и стряпчему Боуеркъ, сидѣвшему слѣва, была устроена овація, когда банкомету провозгласившему «восемь», онъ отвѣтилъ показывая свои карты:

— Ты позволишь мнѣ показать «девять» папа?

Но направо судья Шармалю проигралъ, купивъ къ «пяти», и

поднялся такой шумный споръ, что республиканскій прокуроръ Мальгуаръ, до сихъ поръ стоявшій у камина и, прищуривъ брови, глядѣвшій въ потолокъ, точно сочиняя загадку, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Однако, господа, это невыносимо. Нѣтъ возможности на минуту сосредоточиться.

— Что съ нимъ?

— А! вѣрно онъ готовитъ какую-нибудь тираду, которую сейчасъ объявитъ.

Дютрейль тщетно искалъ Барсеголя въ буфетѣ; проходя черезъ курилку, замѣтилъ тамъ графа, озабоченнаго, окруженнаго нѣсколькими важными лицами, и снова вернулся въ гостиную. Оживленіе было полное, многіе только что пришли и никто еще не думалъ объ уходѣ. Въ общемъ весельи женщины казались красивѣе, наряды блестящѣе. Красные и синіе мундиры сверкали при свѣтѣ люстръ. То были офицеры и гусары изъ гарнизона сосѣдняго города, привезенные послѣднимъ поѣздомъ въ ту самую минуту, когда всѣ въ отчаяніи уже переставали разсчитывать на ихъ присутствіе. Позднее появленіе въ залѣ цѣлаго отряда этого избраннаго войска, точно гвардіи, пришедшей за побѣдой, произвело неотразимое впечатлѣніе. Они быстро заняли почву, на которой чувствовали себя какъ дома. Въ танцахъ у нихъ была мягкая, увѣренная и элегантная осанка, секретъ которой сохранила французская кавалерія, и женщины, одурманенныя и покоренныя, соглашались на ихъ приглашенія раньше, чѣмъ они ихъ высказывали. Несчастные пѣхотинцы, которые на балу держатъ себя какъ на смотру, или на пожарѣ, были мгновенно заслонены. Что же касается «штатскихъ», то они даже не пробовали бороться. Вотъ какъ революціи производятъ равенство правъ, но не костюмовъ. И фракъ, символъ торжествующей демократіи, также относится къ долману, какъ два вѣка тому назадъ простолюдинъ относился къ дворянину.

Дютрейль былъ утомленъ немного однообразнымъ зрѣлищемъ и ему наскучило пожимать руки и выслушивать банальности вродѣ слѣдующихъ:

«Какъ поживаете...» «Премило, не правда ли?» «Что вы скажете о мадамъ Женеро?»

Отодвинутый танцующими, онъ отошелъ къ пролету окна и уже думалъ о томъ, чтобы незамѣтно проститься и исчезнуть, когда увидѣлъ Барсеголя. Онъ подошелъ къ нему какъ къ спасителю. Въ эту минуту оркестръ пересталъ играть. Поднялся шумъ

устанавливаемыхъ стульевъ. Группы разсѣялись. Мадамъ Морэнъ-Шассанъ произнесла нѣсколько словъ, и Мальгуаръ вышелъ на средину освободившагося мѣста. Онъ приподнялъ правую руку, лѣвую опустилъ по фалдѣ фрака, какъ-то подбросилъ голову, и, бросая страшные взгляды на собравшихся, объявилъ зычнымъ голосомъ:

— Жаба!...

За стѣной вѣеровъ, мѣрно колышущихся, пробѣжалъ шепотъ одобренія, смѣшанный со страхомъ. Мужчины, смѣривъ глазами разстояніе, которое ихъ отдѣляло отъ двери и убѣдясь, что они не могутъ ея достигнуть, покорно скрестили на груди руки. Тѣ, которыхъ случай или тонкое предчувствіе бросило поближе къ дверямъ, сдержанными шагами направились къ нимъ. Барсеголь, который не успѣлъ еще отойти отъ порога, сказалъ Морису:

— Вы очень интересуетесь остроуміемъ Мальгуара? (Прокуроръ произносилъ въ это время стихи, точно засѣдая въ уголовномъ судѣ, и его трепещущая десница, казалось, вотъ-вотъ отсѣчетъ голову обвиняемаго). Вы знаете, что есть добрыхъ четыреста александрійскихъ стиховъ, не считая остановокъ, на которыя онъ разсчитываетъ для апплодисментовъ.

— Чортъ возьми!... Бѣжимъ. Но куда?

— Вы не хотите играть?

— Фу!...

— Ночь прекрасная. Пойдемте созерцать Большую Медвѣдицу и выкурить папиросу подъ сѣнью парка.

Они спустились въ паркъ. Небо было темное, такъ какъ наступали послѣдніе дни луннаго мѣсяца.

— Вы пришли очень поздно,—сказалъ Дютрейль.—Я собирался уходить въ отчаяніи, что не увижу васъ.

— Напротивъ, слишкомъ рано. Критическій часъ еще не пробилъ.

— Пробьетъ ли онъ? Все идетъ какъ по программѣ: полное согласіе, взаимная учтивость.

— Но подождемте конца! Пока это одинъ вальсъ, неутомимый голодъ ногъ, и признаюсь онъ длится дольше, чѣмъ я думалъ.

— Во всякомъ случаѣ веселятся отъ чистаго сердца.

— Позвольте, это вопросъ второстепенный. Въ Монтаньякѣ, въ нашихъ маленькихъ городкахъ, на вечера не ходятъ для того, чтобы веселиться.

— Какъ такъ?

— Я не говорю, что не испытываютъ никакого удовольствія... напротивъ!... Но не для этого здѣсь ходятъ на вечера. Подумайте,

въ самомъ дѣлѣ,—для чего даютъ балы?... Искусство для искусства?... Это очень старомодно. Притомъ же хозяева, думающіе объ увеселеніи своихъ ближнихъ, исчезаютъ. Чего ради неглупые люди со здравымъ смысломъ станутъ брать на себя столько расходовъ, заботъ и хлопотъ?... Или они хотятъ поддержать свое достоинство, или заплатить долгъ, укрѣпить сдѣлку, поддержать сношенія, основать и обезпечить себѣ кредитъ, ослѣпить своихъ друзей...

— Выдать замужъ своихъ дочерей.

— О, нѣтъ, въ этомъ случаѣ рискуешь работать для сосѣдей. Эти причины вы найдете вездѣ и въ Монтаньякѣ то же, конечно. Только «смыслъ» кадрили здѣсь совсѣмъ иной, чѣмъ въ Парижѣ, Ліонѣ, Марселѣ.

— Это похоже на правду.

— Это такъ. Въ Ліонѣ, въ Марселѣ, есть нѣсколько «обществъ», не правда ли? Въ Парижѣ ихъ пятьдесятъ, сто. И каждое изъ нихъ, довольствуясь самимъ собою, не возбуждаетъ—или почти не возбуждаетъ—зависти другихъ, за ними не подсматриваютъ, не распространяютъ дурной молвы, каждое изъ нихъ не чванится тѣмъ, что играетъ роль, сохраняетъ положеніе и не признаетъ другого закона, кромѣ собственнаго каприза. Не такъ обстоитъ дѣло въ Монтаньякѣ. Наше общество, это маленькій кружокъ, группа, — и оно только одно. Можно будетъ расширить его рамки, обновить его, ввести въ него новую кровь, но преобразить, разбить на нѣсколько группъ—никогда! Оно священнодѣйствуетъ, стремится играть роль, веселиться!... Времени для этого много, но надо прежде всего разыгрывать роль и священнодѣйствовать... У него есть миссія и оно ее исполняетъ. О, нѣтъ! На вечера ходятъ не для веселья!... А для того только, чтобы быть тамъ!

— Слѣдовательно, вы думаете, что планъ графа не удастся?

— Говоря откровенно... нѣтъ. Впрочемъ, мы скоро увидимъ. Бррр!... Холодно подъ этой старинной сѣнью. Войдемте, хотите?... Я надѣюсь, что Мальгуаръ кончилъ. Вы бы предпочли прослушать «Жабу»?

— О, Боже, нѣтъ!

Мальгуаръ, вѣроятно, злоупотреблялъ паузами, такъ какъ взрывъ апплодисментовъ, привѣтствующихъ талантъ артиста и окончаніе чтенія, наполнялъ переднюю. Старый лысый господинъ съ багровымъ лицомъ, казавшійся очень возбужденнымъ, кинулся на Дютрейля и сказалъ ему:

— Извините, что я осмѣливаюсь... Не знаете ли вы роли Оронта въ *Мизантропѣ*?

— Нѣтъ.

— Очень жаль!... А Филинта?

— Не больше первой.

— Очень сожалѣю... Извините меня... А, г. Баржетонъ, можетъ быть?...

И старикъ помчался за партнеромъ.

— Кто этотъ чудакъ?

— Это майоръ Сабурэнъ, отставной артиллеристъ, «достославная развалина», двадцать кампаній, шесть ранъ... Отъ своихъ подвиговъ онъ сохранилъ страсть къ сценѣ и къ оперѣ. Считайте себя счастливымъ, что онъ не попросилъ васъ давать ему реплику въ дуэтѣ изъ *Фаворитки*...

Мальгуаръ проходилъ по гостиной, склонивъ голову на плечо и съ разочарованной улыбкой принимая поздравленія, которыми его осыпали. Барсеголь взялъ его за руки:

— А, мой другъ, поздравляю васъ!... Какія хорошія минуты вы заставили насъ пережить! Вы гальванизировали Сабурэна.

— О, это слишкомъ сильно для нихъ!

Оркестръ игралъ ритурнель кадрили изъ Маскоты. Потому ли, что кончилась интермедія и танцующіе чувствовали потребность движенія, чтобъ отряхнуть съ себя пыль стиховъ, но на вызовы веселенькой и легкой музыки ихъ явилось очень много. Пары маневрировали и весело сталкивались. Соблазнились и женщины зрѣлаго возраста, не разстававшіяся до этого времени со своими креслами. Мадамъ Бераръ приняла приглашеніе секретаря префектуры (самого префекта вызвало въ Парижѣ важное и непредвидѣнное дѣло) и снисходительно улыбалась торжественности и поклонамъ своего vis-à-vis, нотаріуса Масакріе. Фатальность судьбы соединила въ одномъ изъ угловъ залы великана подпоручика Мирамапда съ карлицей, кассира банка г. Камбуружу, подслѣповатаго заику, съ мадамъ Готампанъ, правое плечо которой выше лѣваго, новоиспеченнаго адвоката Пюигареса, блѣднаго альбиноса, съ мадемуазель Маркуашъ, которая только благодаря желѣзному корсету могла держаться въ вертикальномъ положеніи. Эта оригинальная группа вызвала шуточки. Было пущено словцо, которое обѣжало весь балъ и должно было его пережить: *кадриль чудовищъ*... Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, сѣдые волосы, баснословную полноту, которую можно было бы за деньги показывать на ярмаркахъ въ Нёльи, полковница Тумазо уступила настояніямъ Рейнуара «Браво, мама! ты дѣлаешь успѣхи!» — говорила ей ея старшая дочь Анжель, блондинка, которой уже угрожали размѣры матери.

Она повисла на рукѣ лейтенанта Редѣль, уже полтора года колебавшагося воспользоваться ея посредственнымъ приданымъ. Гусаръ въ чинѣ капитана, настоящій «мужчина», флёртировалъ съ красавицей мадамъ Женеро. Послѣдняя, съ полузакрытыми глазами, съ румянцемъ на лицѣ, съ подвижными ноздрями, млѣющая, дрожащая и гордящаяся тѣмъ, что она его волнуетъ, казалось, готова была забыться, на самомъ же дѣлѣ думала лишь о кружевахъ своего лифа и мысленно спрашивала себя, принимаютъ ли ихъ за валансіенъ, или за поддѣлку.

— Она въ самомъ дѣлѣ хорошенькая, эта маленькая мадамъ Женеро,—сказалъ Дютрейлю Барсеголь, сидя у двери второй гостиной на мягкой скамейкѣ, обитой тисненымъ бархатомъ.

— Да, недурна, въ особенности при вечернемъ освѣщеніи.

— Красивый капитанъ краснорѣчивъ.

— А, пускай полюбезничаетъ! Я попался на эту удочку въ прошломъ году въ префектурѣ... Я былъ въ этотъ вечеръ въ настроеніи поухаживать... Добился танцовать съ ней вальсъ и вотъ начинаю засыпать ее комплиментами: дивный туалетъ, брилліанты съ большимъ вкусомъ, несравненная гибкость и т. д.... Словомъ, общія мѣста... И я изощрялся, изощрялся, не жалѣя красокъ: выдающіяся музыкальныя способности, чудесный голосъ,—она поетъ и сейчасъ вы, вѣрно, услышите ее... Кажется, даже я сказалъ ей какую-то любезность относительно ея плечъ и рукъ. Ну-съ, и отгадайте, что она мнѣ отвѣтила, когда я кончилъ? «Но я рисую... *тоже!*...» Ему достанется, этому чудовищу. Онъ веселится и это кому-нибудь да пригодится.

— А есть *кто-нибудь?*

— Говорятъ... Говорятъ даже есть нѣсколько. Мое мнѣніе? Ничего нельзя утверждать о такой куклѣ. Глупость не представляетъ гарантіи добродѣтели... Уфъ!... Глупыя женщины подаютъ нечаянныя надежды. Онѣ сбиваются съ пути, въ нихъ совершаются метаморфозы... Впрочемъ, другія точно такъ же. Эта любитъ, чтобы за нею ухаживали, чтобъ ей кадили, млѣли передъ нею, были бы у ея ногъ, благоговѣли передъ ея пассивной и священной красотой. Чего ей больше?

— Вы подписываете патентъ на вѣрность мужу.

— Еслибъ мужья вѣрили маленькимъ капризамъ, которые приписываются ихъ женамъ, они бы не могли работать въ Монтаньякѣ. Мой милый, между всѣми, которыхъ вы видите здѣсь, есть только четыре, которымъ не приписываютъ никакихъ шалостей, и то потому, что онѣ на нихъ физически неспособны. Остальныя... Мадамъ

Тумазо была блаженствомъ полковъ въ Африкѣ, и отецъ ея младшей дочери,—такой же рѣзкой брюнетки, какъ старшая блондинка, – не кто иной какъ извѣстный Си-Ахмедъ-Каддуръ. Мадамъ Белюгу,—я ея не вижу... она, вѣроятно, ушла раньше обыкновеннаго, — мадамъ Белюгу была любовницей одного префекта, который въ ея пользу лишилъ наслѣдства своихъ родственниковъ. Бывшій предсѣдатель суда публично афишировалъ свои отношенія съ мадамъ Дю-Фуръ, а инженеръ ему помогалъ. Между супругами Эсгарисъ только появленіе ребенка помѣшало полному разрыву... Ишь, она тоже уѣхала! Мадамъ Прадэ Жинесту, вѣроятно, изъ уваженія къ учености своего мужа, имѣла романъ въ университетѣ, а мадамъ Дардиньякъ—въ судѣ. Никто не забылъ бѣгства мадамъ Ферріеръ и, повѣрьте, никто не ошибается насчетъ вызвавшихъ его причинъ, которыя она объясняетъ состояніемъ здоровья.

— А мадамъ Морэнъ-Шассанъ?

— Она больше другихъ. Чего вы хотите? Женщина, жившая въ развращенномъ свѣтѣ придворныхъ и принимавшая у себя принцевъ! Будьте покойны, что ей обязанъ нашъ хозяинъ своимъ титуломъ.

— О!... римскій графъ!

— Вотъ именно... Она очень набожная! И я могу назвать...

Барсеголь всталъ, прижался къ стѣнѣ, чтобы дать пройти полковницѣ, которую Рейнуаръ велъ къ буфету. Это движеніе дало ему возможность видѣть, что дѣлается въ другой гостиной.

— Ахъ, вотъ мадамъ Белюгу,—сказалъ онъ,—и мадамъ Эсгарисъ... и... А!

— Что же?

— Ничего. Подождемъ.

— Вотъ,— возразилъ Дютрейль,— обычное злословіе маленькихъ городишекъ.

— Развѣ я сказалъ, что это злословіе?

— Какъ! Развѣ эти слухи имѣютъ основаніе?

— Я этого не знаю... Честное слово! Нѣтъ ничего ошибочнѣе какъ судить по внѣшнимъ признакамъ. Вездѣ, я это знаю, тѣмъ болѣе въ Монтаньякѣ! Удивительно, что въ этихъ городишкахъ, гдѣ все видятъ и знаютъ, гдѣ за всякимъ слѣдятъ, всѣхъ ловятъ и выдаютъ, гдѣ нельзя сдѣлать шагу, показаться на порогъ дома безъ того, чтобы не было затронуто ваше доброе имя, — вы, въ концѣ-концовъ, ни въ чемъ не можете быть увѣрены. Если тѣ, которыхъ мы только что перечислили, ничего не имѣютъ на совѣсти, я назову десять другихъ, на которыхъ никогда не падало подозрѣ-

ніе и которыя способны пасть съ первымъ встрѣчнымъ фатомъ, черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, черезъ нѣсколько часовъ. О, провинціальная нравственность!... Это очень любопытно. Вы не можете представить себѣ этого разврата...

— Боже мой, милый другъ, что съ вами? Вы больны?

Эти слова относились къ товарищу прокурора Манури, стоявшему передъ ними.

— Нѣтъ, увѣряю васъ...—пробормоталъ тотъ.

— Вы совсѣмъ разстроены.

— Жара... голова немного кружится... *Она* не захотѣла танцовать со мной!

— Кто?

— Мадемуазель Пейредуль.

— Но почему?

— Развѣ я знаю?... Передъ чтеніемъ Мальгуара я просилъ ее оставить мнѣ вальсъ. Она отказала, говоря, что онъ уже обѣщанъ. Я повторилъ приглашеніе на кадриль: новый отказъ. Она устала... не настолько, однако, чтобы отвергнуть Малаваля. Наконецъ обращаюсь къ ней въ третій разъ. Она объявила мнѣ сухимъ тономъ, что не танцуетъ. Да, со мной!... Смотрите!

Дѣйствительно, мадемуазель Пейредуль танцовала съ какимъ-то гусаромъ.

— Мой бѣдный другъ!

— Оставьте меня... Я знаю, что я долженъ дѣлать.

— Чѣмъ объяснить эту обиду?—сказалъ Дютрейль.

— А это — начало сліянія! Онъ милъ, Манури, мягокъ, скроменъ, не глупѣе другого... Но онъ сынъ жандарма.

— Дѣдъ мадемуазель Пейредуль былъ, кажется, желѣзоторговцемъ.

— Вы поступили бы очень дурно, еслибъ напомнили ей объ этомъ. Ея отецъ былъ городскимъ головою въ Монтаньякѣ, въ послѣдніе годы имперіи, а въ то время общественная должность нѣкоторымъ образомъ облагораживала человѣка. Онъ сумѣлъ въ три раза увеличить доходность своихъ имѣній и продать ихъ въ благопріятную минуту. Впрочемъ, онъ человѣкъ хорошій и помнитъ о своемъ происхожденіи. Но его дочь мститъ и вы видите какъ. Здѣсь съ полдюжины этихъ дурочекъ, ведущихъ родъ отъ булочника или кожевника, но считающихъ, что въ ихъ жилахъ течетъ такая же голубая кровь, какъ у Бурбоновъ или Габсбурговъ. Настоящій потомокъ Ромула не имѣлъ бы болѣе гордой осанки. Вальсировать съ Манури!...

— А Малаваль?

— Извините. У его «старика» семь или восемь милліоновъ, а деньги лучше всякихъ дворянскихъ грамотъ... И, несмотря на его манеры конюха и на физіономію бѣглаго арестанта, съ нимъ нѣжничаютъ, за нимъ ухаживаютъ и за него цѣпляются. Любая изъ этихъ высокомѣрныхъ дѣвъ мечтаетъ о чести сдѣлать изъ него своего мужа. Но его не одурачишь, онъ старается продлить игру и держитъ себя пашой. Имъ достанется за ихъ перемигиванье: рыба не по сѣткѣ.

— Отчего онѣ не довольствуются менѣе важными кавалерами? Я знаю не одного достойнаго,—не считая васъ... или считая васъ.

— Ахъ, меня... Чему же вы научились за время пребыванія въ Монтаньякѣ? Въ нашихъ маленькихъ городишкахъ больше не женятся. Понятно, я не говорю о сословіи ремесленниковъ и купцовъ, которые занимаются продолженіемъ рода безъ особенной разборчивости. Въ буржуазіи масса зрѣлыхъ дѣвушекъ, добровольно отказавшихся отъ радостей брака и похожихъ на цаплю въ знаменитой баснѣ. Онѣ ждутъ! Чего? Американскаго богача, англійскаго пэра! Но таковыхъ нѣтъ, а онѣ увядаютъ. Онѣ всѣ похожи на мадемуазель Пейредуль. Вотъ высокая, близорукая и малокровная блондинка кокетничаетъ съ благороднымъ воиномъ. Подъ предлогомъ, что ея мать покорила сердце генерала, разбитаго ревматизмомъ, она требуетъ себѣ болѣе заслуженнаго офицера. Болѣе заслуженнаго!... молодого, красиваго, богатаго, съ орденами и съ гербомъ... Положимъ, она помирилась бы и на плѣшивомъ. Ея дѣдъ торговалъ старымъ желѣзомъ. А эта, въ розовомъ лифѣ... вотъ, за три стула отъ мадамъ Женеро... Она ѣздитъ верхомъ по бульварамъ въ сопровожденіи двоюроднаго брата съ фигурой жокея и глупаго какъ пробка. Въ прошломъ году одинъ профессоръ изъ Тулузы дѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ за то, что его фамилія состоитъ только изъ одного слова—Дюбуа, а его предкомъ былъ Кадишонъ!... Маленькая брюнетка, томно склонившая голову, думаетъ, можетъ быть, — о чемъ только не мечтаютъ дѣвушки?—объ усахъ ея перваго жениха, у котораго за то не было того, что было у второго, а второй не обладалъ доходами третьяго, а послѣднему недоставало... и т. д. Пусть привезутъ откуда-нибудь, создадутъ сказочныхъ принцевъ для этихъ чудныхъ плѣнницъ! Такіе, какъ Манури, ихъ не достойны! Хотя въ этомъ направленіи много сдѣлала литература, но кузнецовъ и инженеровъ трудно пристроить. Служащіе имѣютъ свободный доступъ только въ гостиныхъ префектуры или посѣщаютъ прежнихъ ку-

харокъ, руки которыхъ точно все еще чистятъ кастрюльки. Офицеры играютъ у насъ еще первую роль; посмотрите, какъ эти стрекозы кружатся около синихъ долмановъ и красныхъ панталонъ, но надолго ли? Какой сострадательный демонъ доставитъ нашимъ Джульетамъ истинныхъ Ромео, съ которыми онѣ будутъ готовы расплатиться чистой монетой... тридцать тысячъ франковъ плюсъ веревочная лѣстница! Бѣдныя голубыя птички!...

Барсеголь, всегда такой спокойный, выпалилъ эту тираду съ такой горячностью, что сосѣди повернулись въ его сторону, несмотря на то, что его слова заглушались шумной мазуркой.

— Милый другъ,—сказалъ Дютрейль,—откуда такое возбужденіе? Такъ горячо отстаиваютъ только личные интересы.

— Нисколько,—возразилъ онъ, уже успокоившись,—я думаю о двоюродномъ братѣ, котораго люблю. А, мадамъ Женеро будетъ пѣть... Подойдемте ближе,—это стоитъ того.

Мадемуазель Берар, которая «заткнула бы за поясъ лучшихъ ученицъ консерваторіи», сѣла за рояль и взяла нѣсколько аккордовъ. Мадамъ Женеро стала неподвижно, вытянувъ шею и устремивъ взглядъ на задвижку средняго окна и придала своему рту такую форму, чтобы всѣ могли любоваться ея бѣлыми зубами. Наконецъ, изъ ея груди вырвался звукъ. Онъ то росъ, то замиралъ, то замедлялся, то ускорялся, а она оставалась все въ той же позѣ, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ, оно было безстрастно. Это пѣніе?—Нѣтъ, это—шумъ, конечно, гармоническій, но ненужный, пустой. Казалось, точно какая-то спрятанная невидимая рука нажимала пружину и вызывала звуки изъ этой чудной куклы.

Пользуясь тѣмъ, что всеобщее вниманіе было обращено на пѣвицу, Дю Фуссье проскользнулъ къ двумъ друзьямъ.

— Знаете ли вы, что случилось съ Манури?

— Да.

— Онъ уже всѣмъ разсказалъ о своемъ несчастіи. Но отгадайте, что онъ сдѣлалъ?... Онъ пожаловался Мальгуару, своему начальству, и попросилъ его... Какъ вы думаете, о чемъ?

— Принять его отставку?

— Попросить объясненія у мадемуазель Пейредуль и, если понадобится, потребовать вмѣшательства графини.

— Болванъ!—проворчалъ Барсеголь.

— Согласенъ. Все-таки эта нахалка нестерпима. Здѣсь заговоръ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ послѣдней кадрили мадамъ Нантейль формально отказалась танцовать vis-a-vis съ мадамъ Дар-

даньякѣ. Ну, и эта хорошо отомстила. Она сказала: «Моя бабка не не приняла бы ея бабки». Прекрасно, не правда ли?...

Мадамъ Женеро кончала свою арію во весь голосъ. Она напрягала его, чтобы показать силу и діапазонъ. Слушатели узнали вульгарный, заигранный шарманками, мотивъ. Нѣсколько женщинъ закивали головой въ знакъ того, что эта музыка имъ знакома.

Со всѣхъ сторонъ раздалось браво, браво! Какой чудный голосъ. Какой талантъ!... Боже, какое счастье быть такою одаренной! Никогда еще мадамъ Женеро не пѣла съ такимъ вдохновеніемъ.

Потомъ собравшаяся кучка разсыпалась и разлученный съ Барсеголемъ Дютрейль увидалъ рядомъ съ собою мадамъ Тумазо.

— А!—воскликнула полковница,—давно я не имѣла удовольствія съ вами встрѣчаться!... Не въ упрекъ вамъ будь сказано, вы меня забываете. Восхитительно, не правда ли?... Какое веселье!... Но мнѣ показалось, что вы не танцуете... Какъ? Вы не любитель?... Въ двадцать пять лѣтъ!... Это преступленіе. Тогда ничто вамъ не мѣшаетъ потерять четверть часа и побесѣдовать съ такою старухой, какъ я.

Они сѣли, и мадамъ Тумазо принялась расхваливать вечеръ. Хотя она уже давно зачислила себя въ резервъ, но сходила съ ума по баламъ. Освѣщеніе, музыка, туалеты, радость написанная на лицахъ, прелесть обнявшихся парочекъ... Ахъ! все это напоминало ей ея молодость. Она обожала,—да, обожала,—и интермедіи и умѣла ихъ цѣнить.

— Г. Мальгуаръ очень талантливъ... о, очень!... Только почему онъ избираетъ всегда такія драматическія темы?... Вотъ онъ прочелъ намъ *Жабу*... Это несомнѣнно очень хорошо... Глубокая мысль, прекрасные стихи... Тѣмъ не менѣе,—вы сочтете меня ужасно легкомысленной,—я бы предпочла... *Раки*, напримѣръ. Вы его другъ, посовѣтуйте ему отказаться отъ этой поэзіи уголовнаго суда. Что касается мадамъ Женеро, она положительно приводитъ меня въ восторгъ. Есть люди, которые находятъ, что она деревянная... или даже каменная... Какъ они злы!... Моя страсть—это любительскіе спектакли. Есть такія хорошенькія пьески... Что-нибудь Фёлье, ну, что можетъ быть лучше?... Или фарсъ Лабиша?... Я пробовала ихъ ставить въ Монтаньякѣ, но нѣтъ никакой возможности. За актерами бы дѣло, конечно, не стало... Я даже подумала о васъ... Но актрисы!... Вы знаете,—предразсудки, привычка бояться подмостковъ... Однимъ словомъ, это здѣсь не въ обычаѣ. Мы когда-то устраивали въ Африкѣ восхитительные спек-

такли. Я образовала маленькую труппу и съ полнымъ ансамблемъ. Можете себѣ представить...

Когда полковница касалась своихъ воспоминаній, то ея краснорѣчіе не знало предѣловъ. По счастью, она увидѣла не далеко свою старшую дочь Анжель, болтавшую съ подругой, и подозвала ее.

— Какъ тебѣ жарко, дитя мое, ты страшно красная!... Это неблагоразумно. Завтра ты будешь истощена. Не забывай, что мы должны съ твоимъ отцомъ отправиться осмотрѣть новое поле для маневровъ.

— Не бойся, мама. Танцы никогда не утомляютъ.

— Сумасшедшая!... Скажите мнѣ, — говорила она, оборачиваясь къ Дютрейлю, — вы остаетесь на котильонъ? Пригласите же мою дочь Анжель!

— Не могу, мама. Я его обѣщала... ахъ, Господи,—кому... ну, Редёль...

Морисъ, очень довольный тѣмъ, что его миновала бѣда, выразилъ свои сожалѣнія, но мадамъ Тумазо не могла скрыть неудовольствія. Ей хотѣлось, чтобы дочь проявила нѣкоторую жестокость къ лейтенанту, который былъ нерѣшителенъ, несмотря на то, что его ухаживаніе поощрялось.

— А Эмилія?—опять спросила она. (Это ея младшая дочь).

— А! ты знаешь, что у нея манія величія: ей нужно по меньшей мѣрѣ майора.

Къ Анжель подошелъ молодой человѣкъ, и они удалились.

— Милое дитя!—вздохнула полковница, умильно слѣдя глазами за дочерью.—Какъ она веселится!... Она бы танцовала цѣлую ночь!... Не принимайте ихъ только за полоумныхъ!... Напротивъ, онѣ очень серьезны, разумны и не расточительны!... Онѣ сумѣютъ стать во главѣ хозяйства... о, да!...

Оркестръ игралъ медленный вальсъ и на этотъ разъ танцующимъ было просторно. Усердіе начинало ослабѣвать. Нѣсколько женщинъ, молодыхъ людей и между ними Барсеголь—исчезли. Нѣчто похожее на неловкость, предчувствіе «чего-то» неизбѣжнаго носилось въ воздухѣ. Мадамъ Моренъ-Шассанъ озабоченно слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось во второй гостиной. Мадемуазель Пейредуль съ надменнымъ видомъ, рѣзко жестикулируя, разговаривала, окруженная своими подругами. Казалось, онѣ совѣщались, какой принять планъ сраженія. Около нихъ образовалась пустота. Въ слѣдующемъ танцѣ уже можно было наблюсти два враждебныхъ лагеря. Пары слѣдили другъ за другомъ и старались выразить другъ другу равнодушіе, больше этого—холодъ. Неужели сліяніе опять

неудалось? Щедрая утопія Рейнуара, всѣ переговоры графа, неужели все это будетъ разбито надменностью какой-то Пейредуль и неловкостью какого-то Манури?... Заинтересованный этою интригой, Дютрейль искалъ удобнаго случая, чтобы распроститься съ мадамъ Тумазо, но она ему сказала:

— У меня сегодня страшная жажда. Позвольте мнѣ вашу руку и проводите меня въ буфетъ.

Въ буфетѣ была толпа. Въ карты перестали играть. Серьезные люди, осторожные игроки рѣшили больше не играть, а молодые люди, наоборотъ, ждали только котильона, чтобы приняться за настоящую игру, когда имъ никто не будетъ мѣшать. Сиропы, сладкія пирожныя и другіе пустяки не удовлетворяли больше желудки. Вниманіе было обращено на столы, заставленные съѣстными припасами. Лакеи боялись погрома. Точно въ трактиръ нагрянула толпа проголодавшихся путешественниковъ. Никакой сдержанности, никакой благодарности, самой элементарной порядочности. Даже дамы не могли протолкаться. Жоржъ Малаваль, объявивъ, что онъ долженъ «устроить себѣ хорошій фундаментъ», опустошилъ цѣлую коробку страсбургскаго паштета. Базекръ осушалъ двѣнадцатый бокалъ шампанскаго и хвастался, что дойдетъ до двадцати. Почтдиректоръ напихивалъ свои карманы кусками кулича, любимымъ лакомствомъ жены. Несмотря на присутствіе лакеевъ, говорилось о вкусѣ блюдъ, ихъ обиліи и выборѣ; приводились примѣры расточительности и скупости, причемъ безъ стѣсненія назывались имена. Когда мадамъ Дю-Фуръ приглашаетъ къ себѣ обѣдать, нужно поѣсть сначала дома, Прадэ-Жинесту вмѣсто сотерна подаетъ какую-то водицу... Въ общемъ всѣ соглашались, что графъ устроилъ все хорошо, но мадамъ Баржъ замѣтила, что лососина не совсѣмъ свѣжа, а Малаваль жаловался на то, что забыли горчицу.

Когда мадамъ Тумазо отпустила Дютрейля на свободу, не безъ того, чтобы выразить надежду скоро его увидѣть у себя,—онъ принялся за поиски Барсеголя. Онъ нашелъ его во второй гостиной.

Около госпожъ Бѣлюгу, Эсгарисъ, Дардиньякъ, уединившихся сюда, собрались друзья Манури, а къ нимъ примкнула и партія Рейнуара.

— Вы видите,—говорилъ очень взволнованный Манури Барсеголю:—не я одинъ затронутъ. Здѣсь заговоръ, Пейредуль подала только примѣръ. Насъ отталкиваютъ,—пусть; это хорошій урокъ, который, надѣюсь, будетъ окончательнымъ. Мы не отвѣтственны за то, что происходитъ, мы не вызывали и не заслужили оскорбленія. Нужно доказать этимъ фуріямъ, что мы безъ нихъ обойдемся.

Но вызовъ Манури одобрялся не всѣми. Мужчины были на его сторонѣ, но женщины, опасаясь новаго и еще болѣе жестокаго уязвленія ихъ самолюбія, отказывались подливать масла въ огонь. Не лучше ли пренебречь, не замѣчать этихъ обидъ, показавъ примѣръ хорошаго тона и достоинства, скромно удалиться, пока не поздно.

Мадамъ Морэнъ-Шассанъ и графъ тщетно старались примирить оба лагеря. Для усмиренія разлада котильонъ, вмѣсто г. Баржъ и m-lle Пейредуль былъ порученъ теперь другимъ, но это еще больше усилило враждебное настроеніе. Подруги надменной дѣвушки, ободренныя побѣдой и своею численностью, открыто выражали свои симпатіи и антипатіи. Мадемуазель Нантрейль явно обмѣнялась съ подругой карточками, на которыхъ были записаны ихъ кавалеры, чтобы не танцовать съ Мальгуаромъ. Разрывъ все увеличивался, росъ до самаго ужина, который былъ поданъ на отдѣльныхъ столикахъ. Садясь за ужинъ, г. де-Баржъ сказалъ такъ громко, чтобъ его слова долетѣли до Манури: «Давайте теперь веселиться... Мы дома!...»

## V.

Балъ Морэнъ-Шассана и происшествіе ознаменовавшее его—по словамъ однихъ—маленькое, но краснорѣчивое предостереженіе, по мнѣнію другихъ—позорный скандалъ—занимали общество въ теченіе мѣсяца. До сихъ поръ воспоминаніе объ этомъ достопамятномъ событіи еще живо въ Монтаньякѣ. Дютрейль не зналъ всѣхъ пересудовъ и плановъ мщенія. Онъ оставался равнодушенъ къ концерту въ пользу «общества рукодѣлій сиротъ», организованнаго госпожами Эсгарисъ и Дардиньякъ тотчасъ же послѣ разрыва съ «благотворительнымъ товариществомъ», гдѣ предсѣдательницею была мадемуазель Бераръ. Равнодушно отнесся онъ и къ полевому празднику, устроенному мадемуазель Пейредуль. Онъ продолжалъ показываться, хотя рѣдко, въ клубахъ, въ гостиныхъ и у мадамъ Гарадель.

Дѣло въ томъ, что его всецѣло поглощала работа, въ которой, однако, онъ не находилъ ожидаемыхъ радостей. Какъ только планъ книги былъ намѣченъ и онъ принялся за нее, полный энергіи и вѣры въ себя, возникли всевозможныя затрудненія. Мысли, сначала такія ясныя, становились смутными и банальными, когда онъ ихъ излагалъ на бумагѣ. Фразы, медленно и съ трудомъ построенныя, казались ему самому плоскими и безвкусными. Онъ исправ-

лялъ, перемарывалъ и въ концѣ концовъ получались пустота или хаосъ. Такое упорное безсиліе удивляло его. Въ Рошфорѣ онъ почти ежедневно пробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ,—еще такъ недавно онъ писалъ своего *Квартирмейстера* и не сталкивался съ подобными препятствіями. По неопытности начинающаго, онъ искалъ причины въ излишнемъ напряженіи ума, въ строгости къ самому себѣ, можетъ быть и законной, но преувеличенной, съ какой онъ вдумывался въ каждую строку, въ каждое выраженіе.

Онъ завидовалъ плодовитости писателей, вмѣстѣ съ тѣмъ презирая ее. Онъ завидовалъ тѣмъ изъ нихъ, которые владѣли перомъ, какъ столяръ владѣетъ рубанкомъ, всегда довольные своимъ произведеніемъ, незнавшіе безпокойства, занятые только тѣмъ, чтобы къ страницѣ прибавлять страницу. «Но этого недостаточно,—говорилъ онъ. Я бы могъ сдѣлать то же самое... еслибъ захотѣлъ! Тѣмъ не менѣе они счастливые!...» Но онъ вѣрилъ, что испытаніе будетъ кратковременнымъ. Постепенно работа станетъ все легче и легче, рука и мозгъ привыкнутъ дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи. Энергія его не ослабѣвала. Онъ почти не отрывался отъ работы, убѣжденный, что настойчивость—лучшая помощь, что терпѣніе одно изъ проявленій таланта. Наконецъ, онъ разсчитывалъ на скорое возвращеніе длинныхъ лѣтнихъ дней, когда съ избыткомъ нагонитъ потерянные часы. И тѣмъ не менѣе онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Вернулась весна, настало и лѣто, но ничто не способствовало успѣху «сумерекъ» и привычка не сдѣлала труды Дютрейля плодотворнѣе.

Онъ вставалъ рано утромъ, исполнялъ свои служебныя обязанности, потомъ запирался въ комнатѣ, сидѣлъ до поздняго часа, но упорныя усилія приводили къ плачевнымъ результамъ. Каждый вечеръ, когда онъ просматривалъ, сколько онъ сдѣлалъ,—его сердце сжималось отъ боли.

Онъ испытывалъ досаду, соединенную со страхомъ. Надѣялся на завтрашній день, но и эта надежда понемногу исчезала.

Конечно, вдохновеніе не охватываетъ по заказу. Геній не проявляется въ извѣстные опредѣленные часы. Самые сильные таланты переживаютъ періоды утомленія, истощенія. Но онъ!... За эти шесть мѣсяцевъ ни одного хорошаго дня, такого дня, который искупилъ бы все наболѣвшее, который заставилъ бы забыть самое большое горе, о какомъ вспоминаешь съ гордостью, когда чувствуешь себя покорителемъ міра, когда любуешься собою. Ни разу онъ еще не испытывалъ этого непреодолимаго влеченія, отрывающаго писателя отъ мелкихъ или крупныхъ заботъ дня и приковываю-

щаго его къ столу; гдѣ оно, это возбужденіе, эта лихорадка, опьяненіе, въ которомъ рождаются образы, мысли, фразы? Гдѣ эта слабость чуднаго утомленія, которое слѣдуетъ за умственнымъ напряженіемъ избранниковъ судьбы? О, какъ лживы эти слова:

Для ясныхъ образовъ и силы вдохновенья
Всегда прекрасныя найдутся выраженья!

Слова, слова!... Дютрейль тщетно гонялся за ними. Когда утромъ онъ сидѣлъ передъ пустыми бѣлыми страницами, стараясь забыть пытку, пережитую наканунѣ, ему казалось, что прошлое не вернется и что его работа пойдетъ вѣрными и быстрыми шагами. Онъ зналъ, онъ видѣлъ, что̀ и какъ хотѣлъ сказать; онъ боялся только не досказать чего-нибудь. Но вскорѣ ясные образы затуманивались; онъ видѣлъ передъ собою только какъ бы блестящую точку, къ которой стремился, но дорога, ведущая къ ней, ускользала. Онъ сомнѣвался, охваченный страшными опасеніями. Поймутъ ли его мысль? Хорошо ли онъ ее выразилъ? Ясный, образный и изящный ли его языкъ? Дышитъ ли эта фраза новизной, удачно ли подобранъ эпитетъ? Онъ сидѣлъ надъ столомъ въ безконечныхъ поискахъ за идеальнымъ выраженіемъ и цѣлый часъ терялъ на то, чтобы найти одно подходящее нарѣчіе. Нѣтъ, «это не то!...» Какое употребить подходящее выраженіе? Онъ не зналъ, но догадывался, былъ убѣжденъ, что существуетъ другое, лучшее, болѣе совершенное. Онъ изощрялся въ варіантахъ, лавировалъ, возвращался назадъ и внезапно останавливался. Тогда словно что-то заслоняло его мозгъ; онъ только чувствовалъ, какъ «что-то», чего онъ опредѣлить не могъ, копошилось въ его головѣ и не могло выбиться наружу. Онъ говорилъ себѣ, что его опасенія химеричны, что онъ сражается съ призраками, что онъ самъ себѣ осложняетъ задачу.

Онъ убѣждалъ себя быть менѣе требовательнымъ, довольнымъ своимъ произведеніемъ, какъ безъ сомнѣнія были бы довольны другіе на его мѣстѣ,—какъ луна портитъ зрѣніе, такъ излишняя утонченность извращаетъ разумъ... И ничего не могъ сдѣлать съ собой.

И, уступая чрезмѣрной физической и нравственной боли, онъ испытывалъ потребность бѣжать изъ своей комнаты,—или, успокоившись, побѣдивъ свой гнѣвъ, отказываясь признать себя побѣжденнымъ, онъ самъ себя уговаривалъ быть смѣлѣе, вновь брался за свою работу, съ боязнью опять встрѣтиться съ преслѣдовавшимъ его врагомъ.

Мало-по-малу всѣ эти испытанія подорвали энергію Дютрейля. Онъ сталъ менѣе прилеженъ и усидчивъ. Не то, чтобъ ему пришла

мысль отступить, или онъ чувствовалъ отвращеніе къ работѣ. Онъ попрежнему принуждалъ себя слѣдовать намѣченной программѣ, но онъ уже приводилъ ее въ исполненіе машинально. Когда онъ, запершись въ своей комнатѣ, сидѣлъ надъ рукописью, его мысли гдѣ-то блуждали и, точно очнувшись отъ сна, онъ временами ловилъ основную нить и потомъ снова терялъ ее. Онъ говорилъ себѣ: «Черезъ полчаса, черезъ десять минутъ... я примусь *серьезно*»,—а когда наступало назначенное время, онъ давалъ себѣ новую отсрочку. Прерывалъ фразу, чтобы прочесть письмо, пробѣжать газету, открыть ящикъ письменнаго стола, взглянуть на проходившихъ по улицѣ. «Я не въ настроеніи сегодня,—думалъ онъ,— я не сдѣлаю ничего путнаго...» —и опять всецѣло надѣялся на завтрашній день, счастливый тѣмъ, что сумѣлъ обмануть себя. Любовь къ чтенію, которая всегда была въ немъ сильно развита, теперь обратилась въ страсть. Онъ воображалъ, что изученіе его любимыхъ авторовъ, непогрѣшимыхъ учителей, откроетъ ему глаза и развяжетъ руки, — такъ поступаетъ паралитикъ, когда, посѣщая искусныхъ гимнастовъ, разсчитываетъ на то, что это поможетъ и ему владѣть своими членами. Прекрасныя произведенія были его пищей, онъ старался проникнуть въ тайну ихъ творчества, заимствовать ихъ пріемы и надѣялся, что на кончикѣ его пера останется хоть частица ихъ легкости и силы.

Не открывая мадамъ Гарадель настоящей причины, Дютрейль долженъ былъ объяснять свое отшельничество чѣмъ-нибудь правдоподобнымъ (онъ «сосредоточивался», у него были «мысли», онъ предпринимаетъ «нѣчто»). Но, зная характеръ своего любовника, его потребность, въ серьезныхъ случаяхъ, дѣлиться впечатлѣніями, хотя бы только для того, чтобъ услыхать похвалу, видя его постоянно безмолвнымъ, она предчувствовала неудачу. Это предчувствіе скоро обратилось въ увѣренность, когда Дютрейль началъ соглашаться на отдыхъ.

До сихъ поръ мадамъ Гарадель объясняла свое влеченіе къ Дютрейлю тѣмъ, что онъ былъ непохожъ на всѣхъ окружающихъ ее. Она видѣла въ немъ горячность и энергію, совершенно незнакомыя въ Монтаньякѣ. Ея пассивная роль ничего не дѣлающей женщины, ея близорукость маленькой буржуазки—заставили ее восхищаться его дѣятельностью, стойкостью, властолюбіемъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Ея идеалъ былъ «сильный человѣкъ», призванный на что-нибудь высокое, и Морисъ былъ для нея этимъ человѣкомъ. Она разсчитывала быть ему полезной, поддерживать, направлять его, слить съ его судьбой свою. Когда же она убѣди-

лась въ своей ошибкѣ, то ею начало овладѣвать равнодушіе. Престижъ, которымъ она окружила Мориса, понемногу съ него спадалъ. Ихъ связь, уже и безъ того подорванная, должна была неминуемо порваться. Однако, ни онъ, ни она не хотѣли этого сдѣлать и предоставляли все времени. Они не испытывали никакой потребности въ ласкахъ, которыя оба считали лживыми и пошлыми, и тщательно избѣгали всего, что могло бы вызывать воспоминанія о нихъ.

За то Сериньякъ часто показывался въ маленькой гостиной и мадамъ Гарадель благосклонно и внимательно слушала его. Генеральный консулъ Монтаньяка умеръ, и адвокатъ мѣтилъ занять его постъ, развивалъ свои идеи и програму дѣйствій передъ всѣми, кто только его слушалъ. Его нетерпимость и озлобленіе раздражали Дютрейля, а въ особенности этотъ тонъ мудреца и непогрѣшимаго оракула. Однажды вечеромъ, по уходѣ адвоката, горячо отстаивавшаго, что политика присуща лишь избраннымъ умамъ и только она можетъ удовлетворять благородныя стремленія души, Дютрейль началъ подсмѣиваться надъ нимъ. Мадамъ Гарадель ему сухо отвѣтила: «*Онъ*-то знаетъ, чего хочетъ, и умѣетъ хотѣть». Морисъ сдѣлалъ видъ, что смѣется — въ особенности надъ торжественностью, съ которой она произнесла это. Ему вдругъ захотѣлось представиться, что его неудержимо потянуло къ прежнимъ ласкамъ и онъ даже хотѣлъ ихъ потребовать, чтобы посмотрѣть, «какое она сдѣлаетъ лицо». Но онъ отказался отъ этой мысли изъ опасенія самому попасть въ ловушку. Въ ту же минуту у него возникло подозрѣніе, что мадамъ Гарадель на пути стать любовницей Сериньяка. Онъ не считалъ себя ревнивымъ, однако почувствовалъ, что, еслибы подозрѣніе оправдалось, это его взбѣсило бы...

У него вошло въ привычку отправляться каждый день послѣ службы въ *Philo*, подъ предлогомъ, что до обѣда онъ все равно ничего не сдѣлаетъ. Это время было излюбленнымъ для посѣщенія *Philo* всѣми серьезными людьми. На балконѣ, въ читальнѣ толпились праздные люди и бесѣдовали то о будущемъ Франціи, то о водосточныхъ трубахъ, предполагаемыхъ городскимъ управленіемъ. Дютрейль вмѣшивался въ эти разговоры и не безъ успѣха. Его слушали, съ нимъ совѣтовались; онъ высказывалъ свои мнѣнія такъ, словно подавалъ милостыню. По вопросу о перестройкѣ запаснаго водоема, которымъ былъ занятъ весь Монтаньякъ, Дютрейль шелъ почти противъ всѣхъ, но и тутъ сумѣлъ говорить такъ доказательно, что его мнѣніе одержало верхъ. И хотя онъ относился все съ тѣмъ же презрѣніемъ къ жителямъ Монтаньяка, или по крайней мѣрѣ хвастался, что относится къ нимъ такъ, онъ былъ

не совсѣмъ равнодушенъ къ своимъ маленькимъ побѣдамъ и иногда говорилъ себѣ: «Ишь!... они не такъ глупы, какъ я воображалъ!...»

Наконецъ, чтобы забыть о своемъ сочиненіи, одинъ видъ котораго вызывалъ въ немъ тяжелыя воспоминанія, чтобъ обновиться душой и мыслить опять свободно, онъ уѣхалъ на двѣ недѣли въ Рошфоръ.

Однако и это ни къ чему не привело. Возвратившись, онъ снова наткнулся на тѣ же препятствія. Тогда онъ серьезно испугался. Дальше онъ не могъ обманывать себя. Онъ испытывалъ безсиліе во время работы и отчаяніе послѣ нея. Кризисъ, который онъ переживалъ, превратился въ болѣзнь, и, можетъ быть, неизлѣчимую. Но вотъ вспыхнула новая надежда. Ее подсказало письмо Лабюрта: Парижъ!

Жить въ Парижѣ! Снова начать жизнь! Правда, причины, заставившія его временно предпочесть провинцію, были все тѣ же, на-лицо и теперь, но дышать другимъ воздухомъ, наблюдать другіе нравы, видѣть другихъ людей, видѣть, какъ *они* работаютъ, заимствовать тайну ихъ дѣятельности и метода, разсѣять въ столкновеніи съ ними всѣ опасенія, овладѣвшія имъ, — да, это хорошо! *Полѣчиться* въ Парижѣ и вернуться здоровымъ, перерожденнымъ! Нѣкоторое время его душой еще овладѣвали колебанія, но какой-то внутренній настоятельный голосъ, не желавшій ничего слышать, кричалъ ему: въ Парижъ! въ Парижъ!...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

Еще не долго—и весна
Повѣетъ теплыми крылами,
И зазвучитъ въ рѣкѣ волна,
И степь покроется цвѣтами.

Въ лѣсу проснувшійся ручей
Зашепчетъ радостныя сказки,
Заворожитъ просторъ полей
Тепло, исполненное ласки.

И предъ грядущей красотой
Молю въ надеждѣ я у неба
Счастливыхъ дней странѣ родной,
Спокойной радости и... хлѣба.

Закрыта книга красоты
Для тѣхъ, кто могъ спокойно видѣть
Рабовъ безмолвныхъ нищеты
И гнетъ ея не ненавидѣть!

Въ тиши проснувшихся полей
Ужъ сердце чуетъ пѣснь свободы
И ждетъ, придетъ ли для людей
Любовь на свѣтлый пиръ природы?

Вл. Ладыженскій.

---

# Краткій историческій очеркъ дѣятельности пермскаго земства по народному образованію со времени введенія земскихъ учрежденій *).

## Дѣятельность земствъ по снабженію училищъ учебниками, письменными принадлежностями, руководствами для учителей и пр.— Народныя библіотеки и книжные склады при училищахъ.

Въ первые годы земской дѣятельности снабженіе училищъ новыми, приспособленными къ требованіямъ программъ и методики народныхъ школъ учебниками шло медленно и далеко не соотвѣтствовало выяснившимся нуждамъ училищъ. Пріобрѣтеніемъ учебныхъ пособій для земскихъ училищъ сначала исключительно завѣдывали члены училищныхъ совѣтовъ по выбору земства; по неопытности въ новомъ дѣлѣ, по недостаточному знакомству съ педагогическою литературой, члены училищныхъ совѣтовъ въ большинствѣ случаевъ не могли, какъ слѣдуетъ, организовать снабженіе училищъ нужными книгами **).

Со второй половины семидесятыхъ годовъ завѣдываніе выпиской учебныхъ пособій для училищъ во всѣхъ уѣздахъ приняли на себя земскія управы; въ выборѣ учебниковъ и руководствъ управы слѣдовали указаніямъ инспекторовъ (число ихъ въ губерніи стало увеличиваться со времени Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 22 ноября 1875 г. о земскихъ инспекторахъ народныхъ училищъ) и училищныхъ совѣтовъ, количество учебныхъ пособій опредѣляли по заявленіямъ учительскаго персонала, сообразуясь съ отпущеннымъ кредитомъ; самый порядокъ требованій на учебныя пособія и высылки ихъ опредѣлялся управами ***).

Оханское земство въ 1874 г., ирбитское и камышловское въ 1882—1883 гг. привлекали учителей на учительскихъ съѣздахъ, курсахъ къ

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1897 г.

**) См. доклады VI—VIII екатеринбургскаго земскаго собранія.

***) Обычный порядокъ такой: управы выписываютъ оптомъ отъ крупныхъ фирмъ учебники, бумагу и проч., образуютъ складъ при управѣ, затѣмъ изъ склада разсылаютъ по училищамъ на основаніи заявленій учителей.

участію въ составленіи каталоговъ учебныхъ пособій для училищъ. Соображенія и указанія учителей оказывались весьма цѣлесообразными и одобрялись какъ земскими собраніями, такъ и школьною администраціей.

Въ первое пятилѣтіе дѣятельности верхотурскаго земства встрѣчаемъ чрезвычайно поучительный фактъ: «Въ числѣ 14 тысячъ экземпляровъ книгъ въ школахъ,—докладывала верхотурская земская управа IV очередному земскому собранію, — мы имѣемъ едва ли не все, что въ послѣднее время вышло въ свѣтъ по части руководствъ для народнаго образованія... остается только слѣдить за народною литературой и постепенно снабжать школы тѣмъ, что будетъ появляться вновь по части учебныхъ руководствъ. Этотъ трудъ наблюденія за вновь выходящими книгами раздѣленъ между членами училищнаго совѣта» *).

Если бы всѣ земства держались подобнаго порядка и оставались последовательными во все 25-лѣтіе, то земскія училища со стороны учебныхъ пособій не оставляли бы желать ничего бо̀льшаго.

Изъ отрывочныхъ указаній, встрѣчающихся въ журналахъ земскихъ собраній, можно заключить, что наиболѣе распространенными учебниками въ семидесятыхъ годахъ были: по Закону Божію—книжки Чельцова, Базарова; по родному языку—*Родное Слово,* книжки Паульсона, Корфа, Водовозова; по ариѳметикѣ—книжки Воленса, Лёве, а затѣмъ Евтушевскаго; задачники, методика послѣдняго царили въ школахъ до половины восьмидесятыхъ годовъ. Въ послѣдующіе годы *Родное Слово* стало вытѣсняться изъ народныхъ училищъ.

Въ девятидесятыхъ годахъ общераспространенными въ училищахъ Пермской губерніи учебниками стали: по Закону Божію книжки Соколова и Агаѳодора (Преображенскаго); по родному языку книжки Баранова, Бунакова, частью Пуцыковича, Д. Тихомірова; по церковно-славянскому языку—книжка Грушевскаго, словарь Михайловскаго; по ариѳметикѣ—задачники Вишневскаго, Лубенца, Гольденберга; методическія руководства Шохоръ-Троцкаго, Мартынова и авторовъ названныхъ задачниковъ; по чистописанію—прописи Гербача.

Введенію разнообразныхъ и болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ народной школы учебниковъ за послѣднее время главнымъ образомъ способствовали указанія «съѣзда инспекторовъ народныхъ училищъ Пермской губерніи», бывшаго въ Перми 1892 г.

Изъ наглядныхъ пособій почти во всѣхъ школахъ, начиная со второй половины семидесятыхъ годовъ, встрѣчаются: картины по священной исторіи, разрѣзныя азбуки, глобусъ, карты Россіи **), ариѳметическій ящикъ или шведскіе счеты. Рѣже встрѣчаются картины и модели для наглядныхъ объясненій на урокахъ русскаго чтенія по естествовѣдѣнію, технологіи.

---

*) Докладъ управы IV очередному верхотурскому земскому собранію, стр. 46.

**) Оханское земство снабдило всѣ училища картами Оханскаго у. Очеркъ Миропольскаго, стр. 61.

Пріобрѣтеніе для училищъ наглядныхъ пособій съ каждымъ годомъ сокращается, такъ какъ уѣздныя земства, за исключеніемъ чердынскаго, уклоняются отъ спеціальныхъ ассигнованій на этотъ предметъ и предоставляютъ управамъ снабжать училища наглядными пособіями за счетъ общаго кредита на учебныя пособія; этотъ кредитъ, несмотря на ежегодный приростъ училищъ и учащихся, остается по нѣскольку лѣтъ неизмѣннымъ, колеблясь отъ 2,500 до 3,000 руб. въ годъ въ среднемъ; такой небольшой кредитъ, конечно, не можетъ удовлетворить нуждамъ училищъ, и управы, по необходимости, дѣлаютъ всевозможныя урѣзыванія и сокращенія въ снабженіи училищъ учебными пособіями.

Изъ новооткрытыхъ училищъ встрѣчаются такія, гдѣ нѣтъ совсѣмъ наглядныхъ пособій и недостаетъ самыхъ необходимыхъ методическихъ руководствъ. Сравнительно богаты учебными пособіями училища, открытыя въ первое пятилѣтіе земской дѣятельности, а изъ открытыхъ въ послѣднее время—училища (преимущественно двухклассныя) въ большихъ заводскихъ селеніяхъ, гдѣ, на-ряду съ ассигнованіями земствъ, казны, можно изыскивать, путемъ частныхъ пожертвованій, средства на пополненіе училищныхъ библіотекъ и коллекцій. Такъ, наприм., въ 1894—95 учебномъ году алапаевское заводоуправленіе отпустило до 700 р. на пріобрѣтеніе физическихъ приборовъ для нейво-шайтанскаго 2-хъ-класснаго училища Верхотурскаго уѣзда.

Завѣдующій н.-туринскимъ училищемъ на деньги, собранныя по подпискѣ, пріобрѣлъ волшебный фонарь для литературныхъ вечеровъ при училищѣ.

Изъ всѣхъ уѣздовъ лучше обставлены со стороны учебныхъ пособій школы Чердынскаго уѣзда *). Екатеринбургское съ 1885 г. и верхотурское съ 1892 г. земства пытались привлечь учащихся къ покупкѣ учебниковъ, высылаемыхъ изъ склада управы въ училища, или, по крайней мѣрѣ, къ платѣ до 50 к. ежегодно за пользованіе учебниками. Мѣра эта имѣла цѣлью сокращеніе расходовъ земства на учебныя принадлежности, но она дала такіе результаты: весьма многіе родители предпочитали брать дѣтей изъ школы, нежели платить за нихъ; нѣкоторые не отдавали дѣтей въ училища изъ боязни платы, учителя тяготились неудобствами отчетности по мелочному торгу и жаловались на непріятности, причиняемыя имъ родителями учениковъ при требованіи съ послѣднихъ денегъ за учебники.

По ходатайству инспекціи и настойчивымъ представленіямъ нѣкоторыхъ гласныхъ, плата за учебники и письменныя принадлежности отмѣнена XXVI верхотурскимъ земскимъ собраніемъ.

Вопросъ о снабженіи училищныхъ библіотекъ книжками для внѣкласснаго чтенія былъ поставленъ на очередь въ первые годы существованія зем-

---

*) Извѣстный земскій дѣятель Чердынскаго уѣзда Селивановъ нѣсколько лѣтъ непосредственно самъ завѣдывалъ книжнымъ складомъ при управѣ.

скихъ учрежденій, но благопріятное разрѣшеніе его въ большинствѣ земствъ затянулось на многіе годы.

Чердынское земское собраніе 2-й очередной сессіи, по докладу члена совѣта, протоіерея Будрина, внесло въ смѣту 300 р. спеціально на пріобрѣтеніе для училищъ книгъ для внѣкласснаго чтенія.

Шадринское земство въ 1875 г. постановило выписать книгъ для внѣкласснаго чтенія въ каждую школу на сумму до 15 р. Въ 1881 г. послѣдовало добавленіе ассигнованія на означенный предметъ,—спеціально на книги сельско-хозяйственнаго содержанія.

Какъ мало удовлетворялась эта потребность въ концѣ 80-хъ годовъ, можно судить по тому, что въ школахъ Ирбитскаго уѣзда, сравнительно съ другими уѣздами лучше обставленныхъ въ 1881 г., среднимъ числомъ приходилось 2,7 тома на каждаго учащагося *).

Верхотурское уѣздное земское собраніе въ 1895 г. ассигновало 600 р. на сформированіе 60 библіотекъ для внѣкласснаго чтенія. При этомъ собраніе выразило желаніе, чтобы библіотеки составлялись не по одному типу, а разнообразились въ видахъ обмѣна между сосѣдними школами. Выработка каталоговъ поручена мѣстному инспектору.

Ученическія библіотеки значительно улучшены въ 1893 и 1894 гг.: до 200 училищъ получили по библіотечкѣ въ 103 названія изданій постоянной коммиссіи народныхъ чтеній на средства, испрошенныя директоромъ у губернскаго земства, отчасти на средства, ассигнуемыя министерствомъ на нужды народнаго образованія въ Пермской губерніи. Помимо этого губернское земство въ теченіе двухъ лѣтъ ассигновало по 1,000 р. на библіотечки сельско-хозяйственнаго характера для тѣхъ училищъ, гдѣ учителя занимаются сельскимъ хозяйствомъ и слушали курсы сельско-хозяйственные.

Народныя публичныя библіотеки **) при начальныхъ училищахъ начали открываться съ восьмидесятыхъ годовъ. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, насколько извѣстно, екатеринбургскому земству, которое, согласно постановленію XIV очереднаго собранія, открыло въ 1883 г. 7 народныхъ библіотекъ; въ 1884—1889 гг. было открыто въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ еще 6 библіотекъ.

Красноуфимское XXI очередное собраніе въ 1890 г. ассигновало 200 р. на учрежденіе сельскихъ библіотекъ при училищахъ, по выбору управы и училищнаго совѣта.

Усиленныя заботы земства объ учрежденіи народныхъ библіотекъ начинаются съ 1890—91 г. по ходатайству дирекціи ***). Къ концу 1891 г. въ Верхотурскомъ уѣздѣ открыто было уже 15 библіотекъ, каждая въ 230—239 названій, стоимостью 164—167 р. Въ Екатеринбургскомъ—13

---

*) Очеркъ Удинцева, стр. 70.

**) Здѣсь не имѣются въ виду библіотеки, которыя открывали ирбитское, оханское и друг. земства при управѣ, при уѣздныхъ городскихъ училищахъ для земскихъ служащихъ исключительно или для всѣхъ жителей уѣзда.

***) См. записку директора училищъ въ пермское губернское земское собраніе.

библіотекъ отъ 344 до 519 названій, стоимостью отъ 250 до 434 р. Въ Кунгурскомъ 6 библіотекъ, каждая изъ 283 названій, стоимостью 62 р. 18 коп. Въ Оханскомъ уѣздѣ 14 библіотекъ отъ 106 до 497 названій, стоимостью отъ 29 р. до 113 р. 82 к. *). Особенно замѣтное движеніе въ пользу открытія народныхъ библіотекъ начиналось съ 1894—1895 г.: въ Пермскомъ уѣздѣ на средства земства открывается 10 библіотекъ, въ Осинскомъ—7, Соликамскомъ—1, Чердынскомъ—1. Въ 1896 г. директоромъ предложено инспекторамъ народныхъ училищъ войти съ ходатайствами передъ земскими собраніями объ ассигнованіи средствъ на преобразованіе ученическихъ библіотекъ въ народныя при всѣхъ училищахъ губерніи. Къ этимъ ходатайствамъ уѣздныя земства отнеслись сочувственно. Имъ же возбуждено ходатайство предъ пермскимъ губернскимъ комитетомъ трезвости объ ассигнованіи 12 т. р. на народныя библіотеки при училищахъ и предъ послѣднимъ экстреннымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ ассигнованіи 24 т. р. на народныя библіотеки при училищахъ. Въ запискѣ было выяснено значеніе библіотекъ. «Въ интересахъ общества и государства,—сказано,—нельзя ограничить потребность народа въ образованіи только тѣми знаніями, которыя выносятся изъ школы. Довольствоваться этимъ значило бы остановиться на полпути въ дѣлѣ образованія народа, средства принимать за цѣль... Простая грамотность не можетъ служить признакомъ культурности народа и средства, затраченныя только на это, нельзя считать цѣлесообразными». Указано преимущество библіотекъ народныхъ при училищахъ съ библіотеками внѣ школъ. «Тѣ библіотеки поддерживаютъ тѣсную связь школы съ бывшими питомцами, какъ бы невольно заставляютъ думать о ней, заботиться объ ея интересахъ и любить ее какъ свою питомицу. Преподаватели училищъ, какъ близко знакомые съ своими бывшими учениками, могутъ руководить ими при выборѣ книгъ, бесѣдовать по поводу прочитаннаго и такимъ образомъ укрѣплять въ ихъ сознаніи различные взгляды на тѣ или другія явленія жизни». Въ запискѣ выяснено, какъ нужно понимать народное образованіе: «До послѣдняго времени земство заботилось почти исключительно о школьномъ образованіи, имѣло въ виду только дѣтей школьнаго возраста; всѣ другіе возрасты и силы населенія оставались чуждыми образовательныхъ средствъ. Подъ именемъ народнаго образованія нужно разумѣть совокупность всѣхъ просвѣтительныхъ средствъ, которыя должны обнимать все населеніе отъ школьнаго возраста до старческаго, освѣщать всѣ стороны народной жизни, направлять ее на путь всякаго усовершенствованія, отвѣчать всѣмъ запросамъ, существующимъ въ той или другой мѣстности. Взрослое населеніе при существованіи, кромѣ другихъ просвѣтительныхъ средствъ, народныхъ библіотекъ, имѣетъ возможность, не отрываясь отъ своей обычной трудовой жизни, пополнять пробѣлы своихъ знаній здѣсь, на мѣстѣ своего жительства».

---

*) См. „Памятную книжку пермской дирекціи за 1891 г.“.

Народныхъ библіотекъ къ 1 января 1897 г. числилось при народныхъ училищахъ 138, а внѣ народныхъ училищъ 73 и, кромѣ того, разрѣшено къ открытію 15.

Библіотеки составляются изъ разнообразныхъ отдѣловъ: на-ряду съ книгами религіозно-нравственнаго, историческаго, географическаго, беллетристическаго содержанія встрѣчаются книжки по медицинѣ, гигіенѣ, сельскому хозяйству, законовѣдѣнію и проч.

Преобладающій спросъ на книги религіозно-нравственнаго, беллетристическаго и историческаго содержанія.

Недостатокъ большинства библіотекъ заключается въ отстутствіи періодическихъ современныхъ изданій, спросъ на которыя предъявляется всюду среди грамотнаго населенія.

Завѣдываніе народными библіотеками при училищахъ ввѣряется учительскому персоналу; нѣкоторыя земства (Екатеринбургское, Верхотурское и др.) назначаютъ особое вознагражденіе учителямъ за завѣдываніе библіотеками (до 36 р. въ годъ).

По свидѣтельству земскихъ управъ и инспекторовъ народныхъ училищъ библіотеки встрѣтили съ самаго начала появленія ихъ полное сочувствіе среди сельскаго населенія. Книжки разбираются охотно и прочитываются скоро *). Такъ какъ недостаточность книгъ, поименованныхъ въ каталогахъ министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ допущенныхъ въ народныя библіотеки, признана и высшею администраціею (циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ 24 января 1882 г. предоставилъ земскимъ и городскимъ управамъ ходатайствовать предъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія о пополненіи министерскаго каталога новыми книгами, которыя признаются полезными), то XVII ирбитское очередное собраніе поручило управѣ выработать списокъ книгъ для дополненія министерскаго каталога. Екатеринбургское XXI очередное собраніе постановило ходатайствовать предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ изданіи каталога книгъ, допускаемыхъ въ народныя библіотеки.

Съ цѣлью распространенія среди сельскаго населенія полезныхъ книгъ, которыя могли бы вытѣснить безсодержательныя и вредныя изданія лубочной литературы, земства: а) устраивали при училищахъ книжные склады для продажи населенію книгъ; б) предпринимали безплатную раздачу книгъ.

Первые склады открыты были соликамскимъ и шадринскимъ земствами въ 1874 г. Общая стоимость разосланныхъ этими земствами книгъ колебалась отъ 300—542 р. ежегодно. Въ 1875 г. открыты склады осинскимъ земствомъ. Ирбитское земство устроило склады съ 1885 г. Операціи ирбитскихъ складовъ были, впрочемъ, незначительны. Въ 1886 — 1887 г.

---

*) Число читателей въ библіотекахъ Екатеринбургскаго уѣзда за 6 лѣтъ возросло съ 795 до 3,127 (въ 1883—1884, 1888—1889 гг.), количество прочитанныхъ книгъ—съ 12 тысячъ до 36 тысячъ.

было продано книгъ на 88 руб., въ 1887—1888 г.—на 84 р., въ 1888—1889 г.—на 94 рубля.

Въ 1888 г. XVIII красноуфимское очередное собраніе постановило устроить книжные склады при всѣхъ училищахъ. Управою, по соглашенію съ инспекторомъ народныхъ училищъ, предположено было открыть 30, но, начиная съ открытія оныхъ складовъ съ 1890 г., управа открыла ихъ только при 16 училищахъ; теперь этихъ складовъ 25.

Верхотурское земство съ 1878 г. практиковало разъѣздную систему въ продажѣ книгъ изъ земскаго склада, но вскорѣ также прекратило эти операціи.

Въ настоящее время, насколько извѣстно, книжные склады прекратили свое существованіе. Безплатная раздача населенію книгъ практиковалась соликамскимъ земствомъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ земской дѣятельности (1870—1872 г.). Раздавались преимущественно книги практическаго содержанія: лѣчебники, руководства по земледѣлію, наставленія по уходу за скотомъ и проч. Всего на безплатную раздачу такихъ книгъ земство издержало въ трехлѣтіе 935 руб.

Другія земства, какъ красноуфимское (съ 1886 г.), оханское съ 1885 г., верхотурское съ 1892 г. и другія постановили выдавать оканчивающимъ курсъ ученикамъ по Евангелію и Псалтырю.

Въ послѣднее время извѣстны случаи раздачи экзаменаторами на выпускныхъ экзаменахъ полезныхъ книжекъ разнообразнаго содержанія, пріобрѣтенныхъ на средства частной благотворительности.

## Мѣропріятія земства къ улучшенію контроля надъ училищами, руководство учебно-воспитательнымъ дѣломъ, по завѣдыванію хозяйственною стороною училищъ.

Контроль надъ учебно-воспитательнымъ строемъ училищъ, руководство въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, чинамъ дирекцій училищъ и училищнымъ совѣтамъ.

Въ первые годы существованія земскихъ учрежденій на всю обширную Пермскую губернію былъ одинъ инспекторъ (имѣвшій до 1874 г. права директора). Съ 1874 г., по положенію 25 мая того года, губернскій инспекторъ переименованъ въ директора, съ назначеніемъ ему помощниковъ въ лицѣ инспекторовъ. Но послѣднихъ на счетъ правительства назначено было только двое, потомъ прибавлено еще два инспектора. При обширности районовъ, при сложности и обиліи канцелярской переписки (особенно обременительной при отсутствіи должности письмоводителя въ инспекціи и уѣздномъ училищномъ совѣтѣ), инспекторы весьма рѣдко могли посѣщать училища. О постоянномъ, систематическомъ контролѣ училищъ со стороны инспекторовъ не могло быть и рѣчи. Органами контроля должны были служить преимущественно члены училищнаго совѣта. Для того, чтобы привлечь послѣднихъ къ личному участію въ контролѣ надъ училищами, земства назначали особое вознагражденіе членамъ совѣта, принимавшимъ на

себя ревизію училищъ. Такъ, IV очередное ирбитское собраніе назначило членамъ совѣта по 1 р. 50 к. за каждую осмотрѣнную школу, при безплатныхъ, конечно, разъѣздахъ на земскихъ лошадяхъ. IX очередное ирбитское собраніе возвысило это вознагражденіе до 5 руб. за каждую осмотрѣнную школу. Камышловское земство платило 150 р. въ годъ каждому члену совѣта, верхотурское—300 р.

Со времени закона 22 ноября 1875 г. объ учрежденіи особыхъ инспекцій за счетъ земства въ земскихъ собраніяхъ тѣхъ уѣздовъ Пермской губерніи, которые болѣе удалены были отъ мѣста жительства правительственныхъ инспекторовъ, а потому больше чувствовали нужду въ усиленіи контроля надъ училищами, стали *) настойчиво раздаваться голоса въ пользу учрежденія за счетъ земства особой инспекціи. Въ 1877 г., по ходатайству земства, учреждены были особыя инспекціи для Осинскаго, Чердынскаго, Екатеринбургскаго уѣздовъ. Въ 1877 г. назначенъ особый инспекторъ для Красноуфимскаго уѣзда, въ 1881 г. для Камышловскаго, въ 1885 г. для Соликамскаго и, наконецъ, въ 1895 г. для Верхотурскаго.

Назначеніе инспекторовъ за счетъ земствъ составляетъ крупную заслугу земцевъ въ дѣлѣ народнаго образованія; благодаря этой мѣрѣ улучшился составъ учительскаго персонала, повышается успѣшность преподавательской дѣятельности, улучшается обстановка училищъ, такъ какъ земскія собранія изъ отчетовъ инспекторовъ, на основаніи ихъ личныхъ наблюденій, имѣютъ возможность своевременно узнать о всѣхъ нуждахъ училищъ и воспользоваться въ удовлетвореніи ихъ указаніями компетентныхъ лицъ (выборъ учебниковъ, устройство партъ, сформированіе библіотекъ и пр.). Самое, такъ сказать, дѣлопроизводство по вопросамъ школьнымъ идетъ скорѣе, благодаря личному общенію инспектора и земскихъ дѣятелей. Въ послѣднемъ отношеніи заслуживаетъ глубокаго вниманія и полнаго одобренія порядокъ, установившійся въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ съ 1883 г. При екатеринбургской управѣ устраиваются періодическія совѣщанія по школьнымъ дѣламъ; въ засѣданіяхъ совмѣстно участвуютъ инспекторъ училищъ, члены училищнаго совѣта отъ земства, составъ управы. Управа передаетъ на общее обсужденіе всѣ хозяйственные вопросы по постройкѣ, найму школьныхъ помѣщеній, мебели, о вознагражденіи учительскаго персонала и проч.; инспекторы и члены совѣта сообщаютъ о замѣченныхъ ими неисправностяхъ при посѣщеніи училищъ, предположенія и распоряженія о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ въ составѣ учительскаго персонала; съ общаго обсужденія и согласія намѣчаются разнаго рода новыя мѣропріятія къ улучшенію школьнаго дѣла и проч. Такой порядокъ, сокращая обременительную канцелярскую переписку, предупреждаетъ недоразумѣнія и предохраняетъ отъ ошибокъ или увлеченій и вообще обезпечиваетъ скорый и правильный ходъ училищнаго дѣла.

---

*) До изданія закона 22 ноября 1875 г. въ постановленіяхъ красноуфимскаго III очередного собранія встрѣчаемъ обстоятельно мотивированныя соображенія о необходимости особаго инспектора для уѣзда.

До учрежденія земскихъ инспекторовъ почти во всѣхъ уѣздахъ земскими собраніями назначались при управахъ лица съ вознагражденіемъ отъ 800 до 1,200 р. (при готовыхъ разъѣздахъ) въ годъ для спеціальнаго завѣдыванія школами въ хозяйственномъ отношеніи. Иногда такія лица выбирались вмѣстѣ съ тѣмъ и въ члены училищнаго совѣта отъ земства; въ подобныхъ случаяхъ они до нѣкоторой степени замѣняли инспекторовъ народныхъ училищъ.

Если по своему образованію завѣдующіе хозяйствомъ не всегда могли быть хорошими руководителями въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, за то они приносили несомнѣнную пользу своими сообщеніями о состояніи училищъ, а также были добросовѣстными статистиками. Ирбитское земство съ благодарностью вспоминаетъ труды Иконникова, Верхотурское—Касаткина и Топорнина.

Органами земствъ въ завѣдываніи хозяйственною стороной училищъ, частью и учебно-воспитательною, служили также попечители и попечительницы училищъ. Въ составѣ попечителей, избиравшихся земствомъ за 25-лѣтіе, встрѣчаются представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества: священники, заводоуправители (по большей части горные инженеры), врачи, купцы, крестьяне, чины уѣздной администраціи и пр. Къ чести земства слѣдуетъ сказать, что изъ мѣстнаго общества оно старалось выбирать въ попечители училищъ лицъ, наиболѣе расположенныхъ къ народному образованію и притомъ пользующихся вліяніемъ среди населенія даннаго школьнаго района. Отсюда становится понятнымъ, какую важную роль въ развитіи народнаго образованія могли имѣть попечители училищъ: они являлись не только исполнителями порученій земствъ и училищныхъ совѣтовъ въ дѣлѣ благоустройства училищъ, но часто иниціаторами въ изысканіи средствъ и другихъ способовъ къ улучшенію ввѣренныхъ имъ училищъ; многіе изъ нихъ дѣлали личныя пожертвованія на пользу училищъ. Важное значеніе попечители имѣли,—какъ посредники между школой и обществомъ. Школа, которая имѣетъ усерднаго попечителя, является дѣйствительно общественнымъ учрежденіемъ; интересы ея близки и дороги обществу.

Наконецъ, попечители оказывали много спеціальныхъ услугъ земскимъ училищамъ: техники, напримѣръ, составленіемъ плановъ, смѣтъ на постройку училищъ, врачи—санитарнымъ надзоромъ за училищами, медицинскимъ пособіемъ учащимся и проч. Конечно, среди многочисленнаго состава попечителей за 25 лѣтъ попадались люди, не оправдавшіе довѣрія къ нимъ земства. Екатеринбургскому XII очередному собранію докладывалось о такихъ попечителяхъ, которые ни разу не побывали въ школѣ, не знали своихъ обязанностей, но такія лица во всякомъ случаѣ—рѣдкое исключеніе, не умаляющее значенія института попечителей, отмѣченнаго выше. Дѣятельность попечителей за минувшее 25-лѣтіе даетъ полное основаніе желать, чтобы земство озаботилось назначеніемъ попечителей для всѣхъ училищъ (нѣкоторыя училища донынѣ еще не имѣютъ попечителей). Какъ

оригинальное въ ряду постановленій относительно попечителей слѣдуетъ отмѣтить постановленіе XIX оханскаго уѣзднаго очередного земскаго собранія объ учрежденіи коллегіальнаго попечительства при школахъ *).

## Постановленія земскихъ собраній по вопросу о привлеченіи возможно большаго числа учащихся въ школы.

То обстоятельство, что въ земскихъ училищахъ обучается сравнительно небольшая часть дѣтей школьнаго возраста, тогда какъ многія дѣти совсѣмъ остаются безъ обученія, побуждало земскихъ дѣятелей заботиться о мѣрахъ къ привлеченію возможно большаго числа учащихся въ училище. Кунгурское земство въ 1875 г., въ видахъ скорѣйшаго распространенія грамотности, проектировало: изъ тѣхъ семействъ, гдѣ имѣется двое или больше сыновей, одного непремѣнно требовать въ школу при содѣйствіи гг. мировыхъ посредниковъ.

IV очередному оханскому собранію докладывалась записка о. законоучителя Пьянкова объ обязательномъ обученіи въ школахъ. Развивая мысль, что народъ самъ не понимаетъ пользы грамоты, докладчикъ заявилъ: «не отъ того ли народъ неохотно идетъ въ школу, что не видитъ на то правительственной воли, повиноваться которой онъ привыкъ безпрекословно и съ такимъ довѣріемъ» **). Для введенія обязательной системы обученія авторъ доклада проектировалъ «чтобы сельскія общества приговорами обусловили исправное посѣщеніе дѣтьми школы», за что родителей слѣдовало бы поощрять льготами въ исполненіи общественныхъ повинностей. Собраніе постановило напечатать характерную записку и поручило управѣ имѣть въ виду соображенія о. Пьянкова при опредѣленіи средствъ для введенія обязательнаго обученія, одобреннаго, очевидно, собраніемъ въ принципѣ.

Совершенно иной характеръ имѣли постановленія чердынскаго земства по разсматриваемому вопросу. Въ собраніи 1877 г., по докладу предсѣдателя управы г. Селиванова, признавалось, въ видахъ введенія общаго обученія, необходимымъ прежде всего позаботиться объ увеличеніи числа училищъ, устройствѣ подвижныхъ школъ, ночлежниковъ и др. III очередное чердынское собраніе для привлеченія дѣтей въ училища постановило выдавать дѣтямъ бѣдныхъ родителей денежныя субсидіи за время обученія дѣтей въ школѣ, по 3 р. въ мѣсяцъ, на каковой предметъ внесло въ смѣту 1,200 р. X очередное собраніе возвысило этотъ кредитъ уже до 3,800 р. въ годъ. XI очередное собраніе добавило еще кредитъ 300 р. на спеціальное пособіе бѣднымъ ученицамъ чердынскаго женскаго 2-хъ класснаго училища. Мѣры эти оказались, конечно, болѣе цѣлесообразными, и въ самомъ глухомъ уѣздѣ едва ли теперь не больше другихъ возбуждено въ на-

---

*) *Очеркъ* Миропольскаго, стр. 67.

**) *Очеркъ развитія народнаго образованія въ Оханскомъ уѣздѣ*, Миропольскаго, стр. 21.

селеніи стремленіе къ школѣ. Наконецъ, какъ на мѣру полезную для привлеченія учащихся въ школы, слѣдуетъ указать на раздачу нѣкоторыми земствами похвальныхъ листовъ, награжденіе книгами лучшихъ учениковъ. Свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса дѣвочками, выдаваемыя нынѣ во всѣхъ училищахъ Пермской губерніи, введены по инціативѣ ирбитскаго земства, которое ходатайствовало чрезъ окружное управленіе предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, гдѣ и получило удовлетвореніе.

## Мѣропріятія земства, касающіяся объема и порядка обученія въ народныхъ училищахъ. — Успѣшность обученія въ народныхъ училищахъ за послѣднее двадцатилѣтіе.

Положеніе о народныхъ училищахъ 1864 г., которымъ приходилось руководствоваться при организаціи земскихъ школъ въ первое пятилѣтіе, опредѣляло объемъ и порядокъ обученія въ народной школѣ въ слишкомъ общихъ чертахъ.

Училищные совѣты, по положенію 1864 г., на первыхъ же порахъ земской дѣятельности занялись разработкой программъ для народныхъ училищъ, установленіемъ продолжительности учебнаго года и проч.

Изъ докладной записки ирбитскаго уѣзднаго училищнаго совѣта III очередному земскому собранію видно, что ирбитскій совѣтъ уже въ 1872 г. составилъ въ руководство мѣстнымъ земскимъ училищамъ подробную программу обученія, съ распредѣленіемъ ея на три года.

Въ 1-мъ отдѣленіи положено было проходить: азбуку и чтеніе по звуковому способу, начало письма, изученіе первыхъ чиселъ по методѣ Грубе, сложеніе и вычитаніе, изученіе и объясненіе главнѣйшихъ молитвъ. Во 2-мъ отдѣленіи объяснительное чтеніе русское и славянское, письмо подъ диктовку съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ, сложеніе и вычитаніе на счетахъ, теоретическое изученіе умноженія и дѣленія съ соотвѣтственнымъ рѣшеніемъ задачъ, главныя событія изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, краткій катехизисъ и чистописаніе. Въ 3-мъ отдѣленіи болѣе подробное изученіе священной исторіи, катехизиса, объясненіе Богослуженія, знакомство въ объяснительномъ чтеніи съ исторіею и географіею Россіи, явленіями природы, сельскимъ хозяйствомъ, гигіеною человѣка и животныхъ, скоропись, сочиненія на легкія темы, именованныя числа съ практическимъ рѣшеніемъ задачъ. Кромѣ того рекомендовалось обученіе пѣнію.

Пермскій губернскій училищный совѣтъ въ 1872 г., согласно выработанной имъ инструкціи членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ для обозрѣнія начальныхъ народныхъ училищъ, рекомендуетъ имъ слѣдующія правила: «1) При испытаніи учениковъ особенное вниманіе должно быть обращено на то, въ какой мѣрѣ развита въ нихъ начинающая свою дѣятельность способность мышленія; отъ простого чтенія необходимо требовать бѣглости, выразительности и сознательности. При осмотрѣ ученическихъ тетрадей, необходимо обращать вниманіе не только на каллиграфію, но и

на письмо подъ диктовку, а равно и на письменныя изложенія какъ разсказаннаго, такъ и прочитаннаго. Членъ совѣта долженъ на дѣлѣ видѣть, какимъ образомъ ведетъ учитель объяснительное чтеніе и наглядное обученіе при пособіи картинъ, и въ случаѣ, если учитель обнаружитъ неопытность въ этомъ отношеніи, то долженъ при немъ дать образцовый урокъ по этому предмету. 2) Обученіе славянскому чтенію должно быть вскорѣ начато послѣ того, какъ мальчики пріобрѣтутъ достаточно бѣглости въ русскомъ чтеніи; а потому второгодніе ученики должны уже читать по-славянски и понимать прочитанное; мальчики же, пробывшіе 2 года, должны не только знать значеніе всѣхъ обыкновенно встрѣчающихся собственно славянскихъ словъ и выраженій, но и должны свободно переводить на русскій языкъ любое мѣсто изъ евангелія. 3) Ариѳметика должна быть въ рукахъ опытнаго учителя прекраснымъ орудіемъ для развитія быстроты соображенія учащихся; а потому ревизующій членъ совѣта на дѣлѣ долженъ видѣть, какимъ образомъ учитель ведетъ свое преподаваніе по этому предмету и достаточно ли обращаетъ вниманія какъ на умственныя упражненія, такъ и въ особенности на полноту ученическихъ отвѣтовъ; ученики, по крайней мѣрѣ старшаго отдѣленія, должны быть обучены совершенно свободно владѣть счетами и совершать на нихъ всѣ ариѳметическія дѣйствія. Въ случаѣ неопытности учителя, ревизующій членъ обязанъ или дать ему надлежащій совѣтъ, или показать образцовый урокъ» *).

Какъ выполнялась намѣченная программа ирбитскаго совѣта,—программа, обнаруживающая широту взгляда на задачи начальной школы—каковы могли быть ея практическіе результаты, сказать трудно. Въ 1874 г. опубликовано было донынѣ дѣйствующее «Положеніе о народныхъ училищахъ», опредѣлившее объемъ курса народной школы значительно уже, чѣмъ это сдѣлано было ирбитскимъ совѣтомъ; во всякомъ случаѣ въ исторіи народнаго образованія въ Пермской губерніи такіе факты, какъ программа ирбитскаго совѣта, должны занять видное мѣсто, какъ резонное указаніе прошлаго настоящимъ дѣятелямъ, изъ которыхъ многіе думаютъ ограничить курсъ народной школы элементарною грамотностью.

Съ 1875 до 1892 г. программа общеобразовательнаго курса народныхъ училищъ оставалась неизмѣнною. Конечно, за 25 лѣтъ могли быть измѣненія въ постановкѣ того или другого предмета учебнаго курса, въ опредѣленіи преимущественнаго значенія одного предмета передъ другимъ, въ преобладаніи работъ извѣстнаго характера въ зависимости отъ господствующаго направленія въ администраціи министерства народнаго просвѣщенія, педагогической литературы. Прослѣдить внутреннюю исторію народной школы въ деталяхъ нѣтъ возможности **). Въ 1892 г. дирекціей выработана

*) См. *Сборникъ пермскаго земства за 1872 годъ*.

**) Такіе факты, какъ увлеченіе въ 70-хъ годахъ объяснительнымъ чтеніемъ по естествовѣдѣнію, въ 80-хъ—славянскимъ языкомъ, въ началѣ 90-хъ—грамматикою, общеизвѣстны.

программа для народныхъ училищъ, которою они руководствуются и досéлѣ. Нормальною продолжительностью учебнаго года земства признавали съ 1 сентября по 1 мая *). На съѣздѣ инспекторовъ народныхъ училищъ Пермской губерніи въ 1892 г. относительно продолжительности учебнаго года выражено въ I-мъ § выработанной съѣздомъ инструкціи такъ:

«Началомъ занятій для городскихъ начальныхъ училищъ считается 20 августа, для заводскихъ 1 сентября и для сельскихъ училищъ уѣздовъ не земледѣльческихъ также желательно начинать занятія съ 1 сентября; что же касается начала учебнаго года въ народныхъ училищахъ въ уѣздахъ съ земледѣльческимъ характеромъ, то установленіе сроковъ занятій ранѣе 1 октября предоставить усмотрѣнію инспекціи и уѣздному училищному совѣту, смотря по мѣстнымъ условіямъ».

Развитіе успѣшности учащихся въ земскихъ школахъ въ прохожденіи общеобразовательнаго курса можно видѣть изъ таблицы о числѣ окончившихъ курсъ.

| | | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Въ | 1875 г. | % | оконч. | курсъ | къ общему | числу | учащ. | = | 6,2%. | |
| » | 1880 » | » | » | » | » | » | » | » | 8,8 | » |
| » | 1885 » | » | » | » | » | » | » | » | 10,3 | » |
| » | 1890 » | » | » | » | » | » | » | » | 11,5 | » |
| » | 1895 » | » | » | » | » | » | » | » | 12,9 | » |

По уѣздамъ % окончившихъ курсъ колеблется въ 1875 г. отъ 5,5% (Екатеринбургскій) до 10% (Ирбитскій); въ 1885 году отъ 7% (Красноуфимскій) до 12% (Пермскій) и, наконецъ, въ 1895 г. отъ 10% (Красноуфимскій) до 18% (Шадринскій).

Среднія цифры представляютъ Оханскій и Осинскій уѣзды **).

Кромѣ обязательныхъ предметовъ, во многихъ земскихъ училищахъ преподавались пѣніе и гимнастика учителями общеобразовательныхъ предметовъ или особыми лицами, получавшими вознагражденіе отъ земствъ.

## Заботы земствъ о распространеніи профессіональныхъ знаній чрезъ начальныя училища.

### *А. Ремесленные классы и училища.*

Въ видахъ распространенія среди населенія техническихъ знаній, отсутствіе которыхъ слишкомъ неблагопріятно отражается на экономическомъ состояніи уѣзднаго населенія, земства Пермской губерніи въ первое же трехлѣтіе предприняли устройство при училищахъ ремесленныхъ классовъ для обученія самымъ необходимымъ въ сельскомъ быту мастерствамъ.

---

*) Постановленіе V оханскаго очередного собранія и др.

**) По убывающей прогрессіи % числа окончившихъ курсъ къ общему числу учащихся уѣзды располагаются такъ: Шадринскій, Ирбитскій, Осинскій, Оханскій, Кунгурскій, Екатеринбургскій, Соликамскій, Пермскій, Камышловскій, Верхотурскій, Чердынскій, Красноуфимскій.

Насколько извѣстно, въ первый разъ мысль объ учрежденіи ремесленныхъ классовъ на земскія средства была высказана на II очередномъ чердынскомъ собраніи. Практическое осуществленіе этой мысли въ Чердынскомъ уѣздѣ началось съ конца 1873 г. Годомъ ранѣе Чердынскаго Осинское открыло столярный классъ при Рябковскомъ училищѣ. Оханское земство въ 1872 г., по предложенію священника Пьянкова, рѣшило открыть подъ руководствомъ названнаго лица классы столярнаго, токарнаго, сапожнаго ремесла при Шлыковскомъ училищѣ. Верхотурское земство въ 1871—1873 г. открыло 6 ремесленныхъ классовъ: 4 столярнаго, 1 сапожнаго и 1 экипажнаго (крестьянскаго) мастерства. Въ 1874—1875 г. открыты были классы сапожнаго мастерства при Синячихинскомъ училищѣ, Верхотурскаго уѣзда; столярнаго и слесарнаго при Юрлинскомъ, Чердынскаго уѣзда; черезъ годъ открытъ еще столярный классъ при Лайскомъ училищѣ, Верхотурскаго уѣзда.

Въ 1877 г. Осинское земство открыло сразу 11 ремесленныхъ классовъ. Кунгурское земство открыло первый ремесленный классъ въ 1878—79 г. для обученія портновскому ремеслу.

Начиная съ восьмидесятыхъ годовъ открытіе новыхъ ремесленныхъ классовъ пріостанавливается. За все десятилѣтіе извѣстно открытіе не болѣе шести классовъ: въ 1887 г. Ирбитское земство открыло чеботарный классъ, Осинское въ 1888 г.—столярный, Кунгурское въ 1888—89 г.—сапожный. Большинство изъ открытыхъ въ 70-е годы классовъ прекратили свое существованіе. За послѣдніе два года (1894—1895 г.) вопросъ о ремесленныхъ классахъ снова пріобрѣтаетъ популярность.

Объ организаціи ремесленныхъ классовъ въ періодъ ихъ наибольшаго развитія (70 годы) мало имѣется точныхъ свѣдѣній. Стоимость содержанія ихъ была не велика. Самое крупное ассигнованіе было сдѣлано XI оханскимъ очереднымъ собраніемъ: на каждый ремесленный классъ былъ отпущенъ кредитъ до 500 р., въ томъ числѣ мастеру-учителю 300 р. въ годъ, на инструменты и матеріалы 100 р., на наемъ помѣщенія 60—100 р. Въ Чердынскомъ уѣздѣ открывались классы по смѣтѣ 50—140 р. *) въ годъ (въ первомъ случаѣ при безплатномъ руководствѣ). На сапожную мастерскую въ Кунгурскомъ уѣздѣ было отпущено 160 р. Помѣщались ремесленныя мастерскія въ училищныхъ зданіяхъ, иногда даже въ квартирахъ учителей. Только въ Чердынскомъ уѣздѣ были три - четыре случая постройки «избъ» для ремесленныхъ занятій на счетъ земства (отъ 100 до 155 р.). Учителями въ классахъ были или преподаватели (рѣдко), или наемные мастера (изъ мѣщанъ по большей части). Весьма часто встрѣчаются въ роли руководителей классами священники. Изъ нихъ о. Іоаннъ Бабинъ въ Чердынскомъ уѣздѣ и о. Василій Словцовъ въ Верхотурскомъ, какъ видно изъ журналовъ земскихъ собраній, встрѣчали со стороны земствъ полное одобреніе и признательность за полезную дѣятельность по руководству ремесленными классами.

*) 120 р. мастеру, 20 р. на матеріалы.

Учащимися ремесленныхъ классовъ состояли ученики училищъ, при которыхъ находились классы. IX чердынское очередное собраніе, по докладу священника Бабина, признало полезнымъ допускать къ обученію въ классахъ наряду съ учениками народныхъ училищъ и постороннихъ лицъ, съ тою цѣлью, чтобы болѣе способные изъ такихъ, при спеціальномъ изученіи ремесла (ученики училищъ могли удѣлять на ремесленныя занятія только часы свободные отъ общеобразовательныхъ уроковъ), могли обстоятельно ознакомиться съ дѣломъ и современемъ сдѣлаться учителями въ новыхъ ремесленныхъ классахъ или хорошими ремесленниками-хозяевами. Постороннимъ ученикамъ ремесленныхъ классовъ собраніе назначило субсидію въ размѣрѣ отъ 2 до 4 руб. въ мѣсяцъ на каждаго ученика.

Имѣлось въ виду также при назначеніи стипендій и то, чтобъ удержать при ремесленныхъ классахъ учениковъ, ознакомившихся уже съ мастерствомъ, для помощи мастеру въ обученіи новичковъ, совершенно не подготовленныхъ къ ремеслу.

Верхотурское земство для привлеченія учащихся въ ремесленные классы разрѣшило выдавать наиболѣе успѣвающимъ извѣстный % выручки за издѣлія мастерскихъ.

Какова была программа обученія въ ремесленныхъ классахъ, свѣдѣній нѣтъ; вѣроятнѣе всего, что программы строго опредѣленной не было совсѣмъ; объемъ преподаванія опредѣлялся степенью искусства преподавателя-мастера. Но что, несомнѣнно, результаты обученія получались порядочные, можно судить по слѣдующему факту, отмѣченному верхотурскою управой въ докладѣ ея IV очередному собранію: «Выйскій ремесленный классъ (столярный) снабдилъ своими издѣліями (ящиками Грубе, линейными мѣрами и частью Фребелевскими игрушками) не только школы нашего уѣзда, но исполнилъ нѣсколько заказовъ и въ другіе уѣзды *). Столярный классъ при Турьинскомъ мужскомъ училищѣ, благодаря стараніямъ о. законоучителя Словцова, такъ хорошо былъ поставленъ, что могъ существовать безъ субсидіи отъ земства, вполнѣ окупая расходы выручкой отъ продажныхъ издѣлій (начиная съ простой мебели домашняго обихода и кончая хорошими, цѣнными и изящными столярными работами).

Оригинальные, по предметамъ преподаванія, ремесленные классы учреждены екатеринбургскимъ земствомъ при Мраморскомъ народномъ училищѣ. Въ виду того, что издавна существующій въ селѣ Мраморскомъ промыселъ вытесыванія изъ мрамора памятниковъ и проч. сталъ падать, екатеринбургское земство для поддержанія его устроило при Мраморскомъ училищѣ классы рисованія и лѣпленія, пригласивъ знающаго преподавателя-учителя, снабдивъ мастерскую пособіями, моделями и проч. Мраморскіе классы существуютъ и по настоящее время, развиваясь къ лучшему.

Выше было сказано, что многіе ремесленные классы, открытые въ 70

---

*) Общій докладъ верхотурской управы IV очередному земскому собранію. Спб., 1874 г., стр. 41—42.

годахъ, закрылись къ концу перваго десятилѣтія земской дѣятельности и что развитіе классовъ пріостановилось съ 1880 года. Главными причинами закрытія классовъ въ постановленіяхъ земскихъ собраній признается отсутствіе достаточнаго числа учениковъ въ классахъ и убыточность ихъ. Очень немногіе классы окупали произведенные на нихъ расходы. Вѣроятное вліяніе оказали на закрытіе классовъ и вѣянія времени. Ирбитское собраніе въ 1883 г. отмѣнило свое намѣреніе объ открытіи ремесленнаго класса при училищѣ вслѣдствіе отзыва руководителя курсовъ Бунакова, «что профессіональное образованіе должно быть организовано отдѣльно отъ народной школы, чтобы не мѣшать общеобразовательному и воспитательному вліянію послѣдней» *).

Красноуфимское земское собраніе XIII сессіи (1882 г.) отклонило предложеніе о ремесленныхъ классахъ на томъ основаніи, что учащіеся народныхъ школъ въ такомъ возрастѣ, когда обращеніе съ инструментами можетъ быть опасно для здоровья учащихся (красноуфимскіе земцы упустили изъ виду, какъ рано въ крестьянскомъ быту начинаютъ обращаться дѣти съ топоромъ и земледѣльческими орудіями).

Оханская управа въ докладѣ своемъ XIII очередному собранію, основываясь более на опубликованныхъ мнѣніяхъ **), чѣмъ на опытѣ, предложила собранію закрыть всѣ ремесленные классы. Собраніе безъ разсужденій согласилось съ докладомъ управы. Мнѣніе о томъ, что ремесленные классы должны окупать себя, невѣрно: никто не усчитывалъ и пользу школъ грамотности, но все же мирятся съ расходами на нихъ, вѣря въ ихъ значеніе, какъ средство къ умственному развитію дѣтей... «практическія занятія, благоразумно руководимыя, также развиваютъ умственно и нравственно» ***).

До настоящаго времени уцѣлѣли во всей Пермской губерніи 12 классовъ изъ открытыхъ въ періодъ 1872—1890 гг. Въ девятидесятыхъ годахъ открыто вновь 12 классовъ, преимущественно въ Осинскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ.

Крупнымъ фактомъ въ дѣятельности земства по ремесленному образованію является учрежденіе ирбитскимъ земствомъ самостоятельнаго ремесленнаго училища въ Ирбитѣ. Вопросъ о немъ былъ поднятъ еще IV очереднымъ собраніемъ.

Въ 1876 г. былъ выработанъ особою коммиссіей изъ представителей земства, города и «общества владѣльцевъ гостинаго двора» проектъ устава ремесленнаго училища. Проектъ въ томъ же году былъ утвержденъ попечителемъ округа, а въ слѣдующемъ 1877 году состоялось и открытіе училища. Первоначально открыты были три отдѣленія: столярно-токарное, кузнечно-слесарное и сапожно-башмачное. Съ 1884 г. упразднено столярное

*) *Удинцевъ*: „Очеркъ развитія народн. образов. въ Ирбитск. уѣздѣ“, стр. 100.

**) Только что передъ этимъ появились въ *Отечественныхъ Запискахъ* статьи барона Корфа и Весселя.

***) „Обзоръ развитія нар. образ. въ Оханскомъ уѣздѣ“, стр. 47.

отдѣленіе въ виду того, что столяры мало находятъ работы въ Ирбитѣ. Для обученія ремесламъ приглашены были опытные мастера изъ мѣстныхъ цеховъ. Общее руководство ремесленными занятіями поручалось особому лицу — завѣдующему училищемъ, съ вознагражденіемъ 600 руб. въ годъ. За недостаткомъ лицъ, обладающихъ техническими знаніями и благонадежныхъ среди мастеровъ, учителя ремеслъ очень часто мѣнялись въ Ирбитскомъ училищѣ. Не легко было найти и завѣдующаго, удовлетворяющаго своему назначенію. За время 1877—1882 гг. смѣнилось четыре лица. Въ настоящее время училищемъ завѣдуетъ воспитанникъ Симбирскаго ремесленнаго училища Петровъ.

Въ первые годы существованія ремесленнаго училища занятія велись въ немъ безъ системы, главнымъ образомъ потому, что училище, за недостаткомъ средствъ, старалось принимать всякіе заказы. Ирбитское земское собраніе въ 1881 г. рѣшило допускать пріемъ только такихъ заказовъ, которые соотвѣтствуютъ систематическому ходу работъ. Въ 1886 г. выработана опредѣленная программа, примѣнительно къ которой принимаются заказы. Первоначальный уставъ общества, оказавшійся неудовлетворительнымъ по указаніямъ опыта, былъ подвергнутъ пересмотру и въ измѣненномъ видѣ утвержденъ попечителемъ округа въ 1887 году. Новый уставъ поставилъ цѣлью училища «подготовленіе свѣдущихъ мастеровъ, которые могли бы быть содержателями собственныхъ мастерскихъ, а въ качествѣ мастеровъ въ ремесленныхъ классахъ при народныхъ училищахъ могли бы распространять ремесленныя знанія.

Кромѣ практическаго преподаванія ремеслъ введено сообщеніе элементарныхъ свѣдѣній по теоріи ремеслъ, а также черченіе предметовъ, встрѣчающихся въ практикѣ ремесленника *). Хотя въ училище принимаются дѣти, кончившія уже курсъ начальныхъ училищъ, но для продолженія ихъ образованія въ ремесленномъ училищѣ назначено нѣсколько уроковъ по закону Божію, ариѳметикѣ, русскому языку. На занятія ремеслами назначается 6—7 часовъ въ день, на учебно-теоретическія занятія 2 часа. Курсъ ученія 4-лѣтній. Содержаніе училища обходится среднимъ числомъ 4,404 р. въ годъ. Валовой заработокъ училища въ среднемъ 1,224 руб. въ годъ. Чистая прибыль отъ заказовъ колеблется отъ 204 р. до 1,052 р. **).

Число учащихся колебалось отъ 21 — 33, въ среднемъ 25 человѣкъ; большинство изъ нихъ занимались (64%) слесарно-кузнечнымъ ремесломъ, меньшинство — столярнымъ; сапожнымъ ремесломъ занимались 25%. По сословіямъ преобладали среди учащихся крестьяне, затѣмъ мѣщане.

По собраннымъ свѣдѣніямъ***) относительно дѣятельности 33 (бывшихъ) воспитанниковъ ремесленнаго училища по окончаніи ими курса видно, что 24% изъ нихъ работаютъ въ собственныхъ мастерскихъ, почти столько же

*) *Удинцевъ*, стр. 95. Подробно объ Ирбитскомъ ремесленномъ училищѣ въ *Сборникѣ пермскаго земства* 1887 г., № 18.

**) *Очеркъ* Удинцева, стр. 97. Копейки отброшены.

***) Тамъ же, стр. 98—99.

на заводахъ и пароходахъ; три человѣка состоятъ учителями народныхъ училищъ (9%). Окончательно бросили ремесло 12%. Не работаютъ по недостатку средствъ на оборудованіе мастерскихъ 12%. XX ирбитское собраніе (1889 г.) постановило выдавать окончившимъ курсъ ремесленнаго училища необходимые инструменты и ссуду отъ 15 до 25 р. на первоначальное обзаведеніе.

Въ семидесятыхъ годахъ существовало также на средства земства ремесленное училище въ Екатеринбургѣ, но скоро закрылось, не оправдавъ расходовъ.

Наконецъ, въ 1894 г. осинское, соликамское и красноуфимское земства подняли вопросъ объ открытіи, при пособіи отъ казны, школы ремесленныхъ учениковъ; осинское земство ассигновало по 1,000 руб. ежегодно, камбарское общество и заводовладѣлецъ Кондюринъ дали помѣщеніе, соликамское—$^1/_3$ стоимости содержанія и, кромѣ того, усольское общество ассигновало 7 тысячъ рублей единовременно. Школа ремесленныхъ учениковъ въ Камбарскомъ заводѣ открыта въ 1896 г. Многія земства въ послѣднее время признали желательнымъ учрежденіе ремесленныхъ классовъ при двухклассныхъ училищахъ. Открыты въ Кунгурскомъ — при Кыласовскомъ и Березовскомъ 2-классныхъ училищахъ; въ послѣднихъ двухъ съ субсидіей отъ правительства. Въ 1896 г. открыты въ Пермскомъ уѣздѣ при двухъ одноклассныхъ училищахъ и при двухъ же въ Красноуфимскомъ. Большую помощь оказалъ въ дѣлѣ открытія ремесленныхъ классовъ въ послѣдніе два года пермскій кустарный банкъ, который изъ прибыли банка давалъ единовременно 80 р. каждому вновь возникающему ремесленному классу. Бывшій директоръ указаннаго банка, А. А. Бернацкій, вполнѣ правильно видѣлъ въ этихъ дешевыхъ ремесленныхъ классахъ средство распространенія въ народѣ ремесленныхъ знаній и поэтому онъ оказывалъ съ своей стороны большое содѣйствіе этимъ классамъ. Къ сожалѣнію, взглядъ въ управленіи банка на это дѣло теперь, со смѣною директора, измѣнился. А между тѣмъ, не говоря уже о громадномъ значеніи, какое могутъ имѣть дешевые ремесленные классы для данныхъ районовъ, содѣйствіе банка открытію этихъ классовъ требуется и справедливостью. Агентами этого банка, согласившимися принять на себя посредничество въ сношеніяхъ его съ кустарями и изъявившими изъ сочувствія къ этому дѣлу готовность служить безвозмездно цѣлямъ и задачамъ банка, состоятъ главнымъ образомъ народные учителя. Изъ 104 агентовъ по всей губерніи къ 1-му января 1895 г. учителей было 44 *).

**Общій взглядъ на постановку существующихъ ремесленныхъ классовъ и имѣющихъ открыться въ ближайшемъ будущемъ.**

При разсмотрѣніи ремесленныхъ классовъ при народныхъ училищахъ Пермской губерніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неравномѣр-

*) См. „Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1894 годъ“.

ное распредѣленіе этихъ классовъ по уѣздамъ: главнымъ образомъ они сосредоточиваются въ Красноуфимскомъ (7) и Осинскомъ (6) уѣздахъ; Оханскій и Верхотурскій не имѣютъ ни одного ремесленнаго класса; Камышловскій, Екатеринбургскій, Ирбитскій и Соликамскій—по одному. Чѣмъ же объясняется отсутствіе ремесленныхъ классовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ? Тѣмъ ли, что въ нихъ нѣтъ потребности, или крестьянское земледѣльческое населеніе не обладаетъ достаточнымъ временемъ, чтобы заняться тѣмъ или другимъ ремесломъ, — по крайней мѣрѣ настолько, насколько это нужно для собственнаго обихода? При ревизіи училищъ какъ русскихъ, такъ и инородческихъ, особенно башкирскихъ, въ Красноуфимскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ и черемисскихъ, и при посѣщеніи домовъ крестьянъ и инородцевъ въ Шадринскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ, особенно во время голодовки въ 1891 и 1892 годахъ, мнѣ приходилось очень часто видѣть убогія жилища и обстановку многихъ русскихъ крестьянъ и большинства инородцевъ. Обычное явленіе—вмѣсто стеколъ у послѣднихъ пузыри, рамы сдѣланы кое-какъ, дворы раскрыты, въ комнатѣ почти нѣтъ ничего, кромѣ наръ, стола, да неуклюжей скамейки. Этому соотвѣтствуютъ и утварь, одежда, обувь, посуда, земледѣльческія орудія и проч. А если и встрѣтишь что-нибудь удовлетворительное, то окажется, что это пріобрѣтено на рынкѣ, нерѣдко вдали отъ мѣста жительства, что для пріобрѣтенія самыхъ необходимыхъ предметовъ для домашняго обихода хозяинъ вынужденъ за дешево продавать часть земледѣльческихъ продуктовъ, скотъ, а башкиры—уголь, лыко и вообще лѣсные матеріалы. Указанное явленіе объясняется отсутствіемъ ремесленныхъ знаній и умѣнья. А между тѣмъ у земледѣльческаго населенія оказывается масса свободнаго времени въ теченіе всей зимы и другихъ временъ года, когда почему-либо нельзя заниматься полевыми работами. Все это время крестьянинъ съ пользою могъ бы употребить на улучшеніе экономическаго положенія и домашней обстановки, еслибъ онъ былъ знакомъ хотя бы съ элементарными ремесленными навыками. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ является потребность въ организаціи большаго числа ремесленныхъ классовъ среди земледѣльческаго крестьянскаго населенія и инородцевъ, дабы распространить между ними хотя элементарныя техническія знанія. Всѣ означенные классы должны находиться при народныхъ училищахъ, быть въ вѣдѣніи учителей этихъ училищъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ ремеслами. Замѣчено вообще, что въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ имѣется въ виду ознакомить съ элементами мастерства, въ предѣлахъ потребностей обыкновеннаго крестьянскаго хозяйства, самымъ подходящимъ руководителемъ ремесла можетъ быть учитель общеобразовательныхъ предметовъ. Во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ воспитанники изучаютъ ремесла, по выбору совѣта. Преимущественно изучаютъ столярное, токарное, переплетное, за этими слѣдуетъ кузнечное, слесарное и другія. Даже и тѣ учителя, которые не получили образованія въ учительскихъ семинаріяхъ, могутъ изучить указанныя ремесла, — по крайней мѣрѣ, первыя два,—у мѣстныхъ мастеровъ и, кромѣ того, на спе-

ціально-устроенныхъ для сего курсахъ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Побужденіемъ къ тому, чтобъ учителя народныхъ училищъ завѣдывали ремесленными классами, служитъ то, что при обученіи ремесламъ преслѣдуются, помимо пріобрѣтенія техническихъ знаній и умѣній, и воспитательныя цѣли—пріучить къ точности, аккуратности въ области физическаго труда, составляющаго основу физическаго благосостоянія крестьянина-земледѣльца,—къ разумной бережливости, къ улучшенію своей незавидной семейной обстановки,—создать для обучающихся такую обстановку, гдѣ бы они видѣли живой примѣръ и руководство нравственныхъ людей въ ежедневной жизни и во всѣхъ поступкахъ. Между тѣмъ посторонніе мастера, при отсутствіи наблюденія за ними, своимъ грубымъ обращеніемъ, бранью, пріученіемъ къ куренію табаку и проч. вредно вліяютъ на учащихся. Но непосредственное руководство ремеслами учителей общеобразовательныхъ предметовъ возможно въ томъ только случаѣ, когда обученіе ремесламъ происходитъ послѣ учебныхъ занятій и когда, слѣдовательно, большинство занимающихся ремесломъ обучаются до обѣда въ общеобразовательныхъ школахъ. Это явленіе нельзя признать нормальнымъ, ибо какъ для учениковъ, такъ и для учителя трудно послѣ утреннихъ занятій посвящать себя вечеромъ еще ремесленнымъ. Другого рода дѣло, когда учитель общеобразовательныхъ предметовъ, знающій то или другое ремесло и его методику, будетъ только наблюдателемъ и руководителемъ чрезъ посредство простого ремесленника, котораго онъ нанимаетъ за небольшую плату для занятій только въ учебное время года. Учащіеся ремесламъ должны быть окончившіе курсъ въ народныхъ училищахъ или вышедшіе изъ онаго до окончанія курса, но во всякомъ случаѣ не менѣе 11 — 12 лѣтъ. Между тѣмъ въ существующихъ классахъ есть и 10 и 9 лѣтъ. Занятія въ ремесленныхъ классахъ должны проходиться въ обычное время, начиная съ утра и оканчиваясь вечеромъ и съ необходимыми перерывами для отдыха и обѣда. Въ осеннее и зимнее время крестьяне обыкновенно бываютъ свободны, слѣдовательно желающихъ изучить ремесла найдется не мало. Дабы имѣть большее число ремесленныхъ классовъ, стоимость ихъ должна быть та же самая, какая въ большинствѣ случаевъ и въ настоящее время — отъ 100 до 200 руб. Классы предназначаются не для тѣхъ только селеній, гдѣ находятся училища съ ремесленными классами, но для нѣсколькихъ окружныхъ волостей, изъ коихъ земства выбираютъ кандидатовъ для указанной цѣли по своему усмотрѣнію; поэтому ремесленные классы должны быть равномѣрно распредѣлены по уѣзду и притомъ въ одномъ пунктѣ, напримѣръ, будетъ столярно-токарное, въ другомъ кузнечно-слесарное, въ третьемъ гончарное и проч., соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ. Продолжительность курса должна быть небольшая,—нужно стремиться къ тому, чтобы какъ можно больше было изучающихъ то или другое ремесло, чтобы постепенно и незамѣтно оно сдѣлась достояніемъ массы. Классы должны быть чужды коммерческаго характера, а имѣть характеръ учебный. Учебныя мастерскія отъ мастерскихъ частныхъ, преслѣдую-

щихъ коммерческія цѣли, отличаются тѣмъ, что въ послѣднихъ нѣтъ систематическаго обученія, нѣтъ послѣдовательности въ изученіи отдѣльныхъ пріемовъ ремесла, ибо работаютъ все, что случится, нѣтъ объясненій, а обыкновенно мастеръ приказываетъ дѣлать безъ выясненія причины, почему такъ слѣдуетъ дѣлать, а не иначе. Въ мастерскихъ частныхъ не позволяютъ тратить матеріалъ на изученіе какого-либо отдѣльнаго пріема въ ремеслѣ, но предоставляется изучать оные на заказной вещи, хотя бы она и не соотвѣтствовала его познаніямъ и умѣнью: плохо сдѣланное ученикомъ исправляется самимъ мастеромъ. Вообще учебныя мастерскія избѣгаютъ заказовъ, такъ какъ они бываютъ срочны и, слѣдовательно, побуждаютъ къ спѣшности въ работѣ, вредно отзывающейся на технической отдѣлкѣ оной, часто не соотвѣтствуютъ познаніямъ изучающихъ ремесло и бываютъ мало поучительны, то-есть не представляютъ для учащихся что-либо новое, не представляютъ разнообразія. На-ряду съ ремеслами въ этихъ классахъ слѣдуетъ обязательно изучать черченіе и рисованіе. Отсутствіе того и другого въ большинствѣ существующихъ ремесленныхъ классовъ составляетъ пробѣлъ. Кой-какія элементарныя свѣдѣнія по технологіи ремесла также могутъ быть сообщены въ этихъ классахъ путемъ бесѣдъ, наглядно. Поставленные такимъ образомъ ремесленные классы несомнѣнно оправдываютъ и оправдаютъ въ будущемъ тѣ незначительныя издержки, которыя затрачиваются на нихъ земствами: они сообщаютъ учащимся элементарные навыки и умѣнья, которые необходимы будутъ учащимся, когда они возвратятся въ свою деревенскую среду. Указанные классы имѣютъ свое значеніе главнымъ образомъ среди крестьянскаго, земледѣльческаго населенія, тамъ, гдѣ оно не знаетъ еще никакихъ ремеслъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ развиты кустарные промыслы, въ заводахъ, они по своей элементарности не могутъ удовлетворить; въ этихъ мѣстностяхъ ремесленныя учебныя заведенія должны быть высшаго типа, руководители въ нихъ должны быть получившіе спеціально техническое образованіе. Таковыми заведеніями могутъ быть уже извѣстныя «Школы ремесленныхъ учениковъ» и «Низшія ремесленныя школы», Высочайше утвержденныя 20 декабря 1893 г. и 24 апрѣля 1895 г.

Къ 1-му января 1897 г. ремесленные классы существовали при 32 училищахъ: столярныхъ—21, изъ которыхъ при семи изучается и токарное ремесло; переплетныхъ—3, кузнечно-слесарныхъ—5, сапожныхъ и шорныхъ—5, гончарныхъ—1 и издѣлій изъ мрамора—1; кромѣ того, при Буткинскомъ училищѣ, Шадринскаго уѣзда, существуетъ классъ ручного труда. Учащихся въ ремесленныхъ классахъ 537; изъ нихъ 218 окончившихъ курсъ и 319 неокончившихъ.

Тогда какъ ремесленные классы открывались при незначительномъ количествѣ училищъ въ губерніи,—при всѣхъ почти женскихъ и смѣшанныхъ училищахъ, гдѣ только преподавательницы могли заняться рукодѣльемъ, земства старались содѣйствовать развитію рукодѣльныхъ работъ. Участіе земства выражалось: 1) ассигнованіемъ 5 — 10 рублей на каждую школу

для покупки матеріаловъ на рукодѣльныя работы, 2) поощреніемъ усердныхъ преподавательницъ рукодѣлія благодарностью земскаго собранія и денежными наградами. Къ сожалѣнію, послѣднія рѣдко практикуются и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, наприм., ирбитское земское собраніе въ 1889 г. на вознагражденіе 16 преподавательницъ ассигновало 150 р. Въ руководство учительницамъ въ преподаваніи рукодѣлья ирбитская управа разослала видоизмѣненную програму, выработанную съѣздомъ учителей Мещевскаго уѣзда, Калужской губерніи.

Болѣе подробныя программы выработаны въ 1892 г. съѣздомъ инспекторовъ народныхъ училищъ Пермской губерніи; въ настоящее время онѣ составляютъ настольное руководство. Руководствомъ также служитъ изданная учебнымъ округомъ книжка, составленная Чумаковой: *Упрощенный способъ кройки и шитья.*

## О сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ при народныхъ училищахъ.

Занятія сельскимъ хозяйствомъ при народныхъ училищахъ и распространеніе черезъ оныя сельско-хозяйственныхъ знаній среди крестьянскаго населенія составляетъ предметъ особой статьи. Здѣсь можно указать лишь на то, что занятія эти ведутся въ настоящее время при 171 училищѣ губерніи. Подъ садомъ находится 6 десятинъ, подъ огородомъ 10, подъ посѣвомъ хлѣбовъ 146; ульевъ при училищахъ состоитъ 299. Израсходовано на садоводство 95 р., огородничество — 333 р., пчеловодство — 492 р. и земледѣліе — 2,737 р. Кромѣ того, въ 1896 г. открыты при шести одноклассныхъ училищахъ (по одному въ каждомъ уѣздѣ) четвертыя сельско-хозяйственныя отдѣленія со спеціалистами - учителями. Необходимость занятія учителей народныхъ училищъ сельскимъ хозяйствомъ и надѣленіе школъ землею, значеніе этихъ занятій для крестьянъ, способъ пріобрѣтенія учителями сельско-хозяйственныхъ знаній, распространеніе оныхъ между крестьянами и планъ организаціи хозяйствъ указаны въ докладной запискѣ директора народныхъ училищъ Раменскаго въ 1890 г. пермскому губернскому земскому собранію и въ 1892 г. особому совѣщанію при пермской губернской земской управѣ, образованному изъ свѣдущихъ людей всей губерніи для обсужденія программы мѣропріятій къ поддержанію и улучшенію экономическаго быта крестьянскаго населенія губерніи. «Надѣленіе школъ землею, — говорится въ запискѣ, — сдѣлаетъ учителя осѣдлымъ, семьяниномъ и благотворно отразится на его здоровьи, умственномъ и нравственномъ строѣ его жизни... Получивши землю, учитель не будетъ чувствовать себя бобылемъ, чуждымъ крестьянскому обществу, оторваннымъ отъ него и не имѣющимъ съ нимъ связи. Земля обезпечитъ его и сдѣлаетъ изъ бездомнаго бѣдняка человѣкомъ хозяйственнымъ... На своемъ участкѣ онъ можетъ получить почти все, что необходимо для его домашняго обихода,—и хлѣбъ, и овощи, и проч. Заинтересованный въ полученіи дохода съ своего участка, учитель прикрѣпляется къ нему, а затѣмъ и къ самой школѣ, неразрывно связанной съ отведеннымъ земельнымъ участкомъ.

Земля сдѣлаетъ его равноправнымъ членомъ общества, освободитъ его отъ гнетущей матеріальной, а отсюда часто и нравственной зависимости, отъ постороннихъ вліяній и сблизитъ учителя съ народомъ. Крестьянинъ нашъ исключительно пахарь, поэтому и единеніе съ нимъ нужно искать въ могущественномъ средствѣ, стихіи русскаго крестьянина, въ землѣ. Крестьянинъ, видя, что и учитель не чуждъ крестьянскому любимому занятію, унаслѣдованному отъ дѣдовъ, сблизится съ учителемъ и между ними произойдетъ единеніе; а при этомъ возможно и вліяніе учителя на народъ. Вліяніе при современномъ экономическомъ состояніи крестьянина желательно «въ сельско-хозяйственномъ направленіи». Приходя къ окончательному выводу въ вопросѣ о надѣленіи школъ землею, директоръ свое предложеніе формулировалъ такъ: «Народную школу нужно признать за равноправную душу при раздѣлѣ мірской земли и она должна получить слѣдующую ей часть на общемъ основаніи или же остающіеся нераздѣленные участки должны быть переданы въ вѣчную собственность школы». Планъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди крестьянства чрезъ начальныя училища указанъ былъ слѣдующій: надѣленіе школъ землею, преобразованіе одноклассныхъ училищъ въ двухклассныя съ сельско-хозяйственными отдѣленіями въ районахъ земледѣльческихъ, организація библіотекъ и музеевъ сельско-хозяйственнаго характера при училищахъ, установленіе связи между фермами, опытными полями и училищами, руководство преподавателей среди мѣстныхъ агрономовъ, организація краткосрочныхъ курсовъ какъ при фермахъ въ каждомъ изъ земледѣльческихъ уѣздовъ, такъ и при Красноуфимскомъ промышленномъ училищѣ (послѣдніе для учителей всѣхъ уѣздовъ), снабженіе учителей со стороны уѣздныхъ земствъ хозяйственными инвентарями, сѣменами и денежными средствами въ ссуду и безвозвратно для веденія того или другого хозяйства.

Губернское и уѣздныя земства отнеслись сочувственно къ этой запискѣ. Съ 1893 г. ежегодно организуются на средства земства сельско-хозяйственные курсы для учителей народныхъ училищъ всей губерніи при Красноуфимскомъ промышленномъ училищѣ, на фермѣ котораго выстроено спеціально для курсистовъ зданіе въ 1896 г. Прослушавшихъ курсы уже 110 человѣкъ. 58 училищъ снабжены сельско-хозяйственными библіотеками, стоимостью каждая до 35 р. Учителямъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ, выдаются субсидіи безвозвратно и съ возвратомъ—деньгами, сельско-хозяйственными орудіями, сѣменами, удобреніями для полей. Учителя командируются на сельско-хозяйственные курсы и въ другія губерніи, преимущественно въ Казанскую, гдѣ курсы ежегодно устраиваются при земледѣльческомъ училищѣ. Помимо четвертыхъ сельско-хозяйственныхъ отдѣленій, открытыхъ при одноклассныхъ училищахъ, въ нѣкоторыхъ министерскихъ двухклассныхъ преподается сельское хозяйство учащимся во второмъ классѣ.

Изъ представленнаго краткаго историческаго очерка дѣятельности пермскаго земства по народному образованію со времени введенія земскихъ

учрежденій видно, что народное просвѣщеніе за послѣднее 25-лѣтіе сдѣлало весьма значительные успѣхи и своимъ развитіемъ за указанный періодъ обязано земству. Особенно поучительна исторія земской дѣятельности по народному образованію въ первое десятилѣтіе, когда земство въ пониманіи задачъ народной школы, въ выборѣ средствъ для осуществленія ихъ стояло на высотѣ современныхъ требованій и не жалѣло силъ и затратъ для выполненія благихъ мѣропріятій на пользу народнаго образованія. Дай Богъ, чтобы въ послѣдующіе многіе годы земство пермское оставалось вѣрнымъ завѣтамъ своихъ первыхъ и поистинѣ передовыхъ дѣятелей.

**А. П. Раменскій.**

---

# Расширеніе городского представительства.

Историческій очеркъ (1862—1892 гг.).

„Выборы составляютъ самое главное, существенное отличіе и самую важную принадлежность городского общества, которое, исполняя разнаго рода обязанности, обладаетъ нѣкоторыми правами и преимуществами, доставляющими ему значеніе общества политическаго; для достиженія же сихъ правъ недостаточно только имѣть пребываніе въ городѣ, недостаточно также владѣніе собственностью, ибо владѣлецъ можетъ находиться въ постоянной отлучкѣ и стать совершенно чуждымъ городу. Въ городѣ имѣетъ вѣсъ не дворянинъ, не купецъ и не фабрикантъ, а только тотъ, кто обладаетъ правомъ подавать свой голосъ на выборахъ".

*Мстиславльская коммиссія.*

Первое четырехлѣтіе городскихъ думъ, организованныхъ по городовому положенію 11 іюня 1892 года, закончилось. Новыя думы заслужили справедливыя нареканія за отсутствіе иниціативы среди гласныхъ, за стремленіе ихъ къ новымъ налогамъ, распространяемымъ на лицъ, не имѣющихъ права участія въ городскомъ самоуправленіи, за недостаточную заботливость и благоустройство окраинъ города, за нежеланіе гласныхъ удовлетворить самыя насущныя, неотложныя потребности городского населенія въ доступномъ кредитѣ, въ улучшеніи санитарной части, во всеобщемъ обученіи, въ содѣйствіи промышленному образованію, въ удешевленіи пищевыхъ продуктовъ и жилья. Городское дѣло по-прежнему шло вяло, нерѣшительно, безрезультатно. Гласные относились, какъ и прежде, безучастно къ общественному дѣлу.

Но составъ думъ всецѣло зависитъ отъ избирательныхъ сословій. Городовое положеніе 1892 года сократило и притомъ весьма значительное число избирателей. Это уменьшеніе числа городскихъ избирателей не улучшило городского дѣла. Ограниченіе въ пользованіи избирательными правами преимущественно владѣльцами недвижимой собственности, исключеніе

мелкихъ торговцевъ, старшихъ приказчиковъ, владѣльцевъ мелкой собственности, а въ столицахъ и купцовъ 2-й гильдіи,—не привело къ тому, чего, повидимому, желало само правительство: ослабленія преобладанія въ городскомъ общественномъ управленіи торгово-промышленнаго класса, такъ какъ большинство домовладѣльцевъ—и, притомъ, болѣе богатыхъ—принадлежитъ къ этому классу *).

Пріурочиваніе городского избирательнаго ценза къ одному началу, хотя бы владѣнію недвижимымъ имуществомъ, является по существу совершенно неправильнымъ, такъ какъ «города являются такими поселеніями, которымъ особенно присущъ элементъ разнообразія; въ основѣ городской жизни лежитъ не какое-либо опредѣленное начало, вродѣ начала поземельнаго владѣнія, лежащаго въ основѣ сельской жизни, а широкое начало свободной дѣятельности,—разнообразной и многоразличной городской профессіи равноправныхъ гражданъ» **).

Городскія думы, избираемыя почти-что одними торговцами и промышленниками, хотя бы и владѣющими домами,—не могутъ быть представителями всѣхъ разнообразныхъ и разнородныхъ интересовъ городского населенія, они къ тому же не въ состояніи понять потребности «обывателей», слишкомъ далеко отстоящихъ отъ нихъ.

Нѣтъ, не отъ уменьшенія числа избирателей можно ожидать упорядоченія городского хозяйства, городского самоуправленія, а, напротивъ, отъ расширенія городского представительства, отъ привлеченія къ городскому общественному дѣлу возможно-большаго круга городскихъ обывателей. Только при этомъ условіи возможно составить такія избирательныя собранія, гдѣ были бы представители всѣхъ разнородныхъ интересовъ, имѣющихъ мѣсто въ городѣ. Тогда только можно будетъ требовать заботливости городскихъ думъ о нуждахъ всего городского населенія, всѣхъ его частей, центральныхъ и отдаленныхъ. Тогда и городское дѣло будетъ живымъ. «Чѣмъ разнороднѣе составъ обществъ, тѣмъ они сильнѣе и выше, и, наоборотъ, однородность обществъ вызываетъ бѣдность и односторонность жизни» ***).

Расширеніе избирательнаго права есть развитіе начала самоуправленія, а суживаніе—уничтоженіе этого начала, которое все же признано правительствомъ по городовому положенію какъ 1870-го, такъ и 1892 года. Кто желаетъ улучшенія городского общественнаго управленія, тотъ eo ipso долженъ заботиться о развитіи самоуправленія, а вовсе не о его подавленіи ****).

---

*) См. нашу статью: *Составъ городскихъ избирательныхъ собраній при квартирномъ цензѣ. Новое Слово*, ноябрь 1896 г.

**) Н. Яновскій и А. Свирщевскій. *Изв. Моск. Гор. Думы* 1887 г., стр. 34, и Гр. *Джаншіевъ*: „Изъ исторіи город. самоупр.“. *Русск. Вѣд.* 1893 г., № 234.

***) *Н. Ренненкампфъ*: Публичная рѣчь (о город. полож. 1870 г. и о даров. квартир. избир. прав.), *Кіевлянинъ* 1874 г., № 4.

****) „Начала новаго управленія должны получить болѣе опредѣленную постановку

Само городское общество вотъ уже болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ высказалось за расширенiе избирательнаго права. Мѣстныя коммиссiи, созванныя въ городахъ предъ введенiемъ городового положенiя 1870 года, для ознакомленiя правительства съ мнѣнiями горожанъ по вопросамъ переустройства городского управленiя, пришли къ твердому убѣжденiю въ необходимости привлеченiя къ участiю въ городскомъ хозяйствѣ возможно большаго числа обывателей. «Въ виду зависимости успѣха новаго городского устройства отъ сочувствiя къ нему общества и въ виду необходимости ввѣрить городское управленiе лицамъ, обладающимъ всѣми необходимыми для этого нравственными качествами, слѣдуетъ не ограничивать кругъ лицъ, избираемыхъ на общественныя должности, а, напротивъ, расширять какъ можно дальше, чтобы дать избирателямъ полную возможность выбрать лицъ вполнѣ достойныхъ и благонадежныхъ» *).

## I.

Великiй актъ освобожденiя крестьянъ, такъ много обязанный общественному движенiю, пробудилъ среди русскаго общества стремленiе къ преобразованiю всѣхъ сторонъ общественной жизни. Тогда и въ городахъ можно было наблюдать движенiе, выразившееся въ желанiи лучшаго устройства городского самоуправленiя.

Правительство, отвѣчая на этотъ запросъ, рѣшилось преобразовать отживающее городское управленiе. 20 марта 1862 года послѣдовало Высочайшее соизволенiе Императора Александра II «безотлагательно приступить къ улучшенiямъ общественнаго управленiя во всѣхъ городахъ имперiи» **).

Опытъ обращенiя къ русскому обществу за разъясненiемъ и содѣйствiемъ при разработкѣ крестьянской реформы побудилъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Валуева, обратиться къ такому же содѣйствiю и при преобразованiи городскихъ учрежденiй. Циркуляромъ министра, отъ 26 апрѣля, предлагалось начальникамъ губернiй: «учредить въ губернскихъ и другихъ городахъ... особыя коммиссiи изъ наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ лицъ, съ приглашенiемъ въ эти коммиссiи депутатовъ отъ всѣхъ сословiй города, не исключая дворянъ и другихъ званiй лицъ, владѣющихъ тамъ недвижимою собственностью» ***).

---

и болѣе широкое примѣненiе на счетъ другихъ началъ съ нимъ сосуществующихъ". *Градовскiй*: „Сист. мѣст. учр. въ Западн. Европѣ и у насъ". *Сборн. госуд. зн.* В. Безобразова. Т. V, стр. 74.

*) *Дитятинъ*: „Къ истор. город. полож. 1870 г.". *Юридич. Вѣстн.* 1885 г., № 1, стр. 26.

**) *Дитятинъ*: „Статьи по истор. русск. права". „Къ истор. город. положен.", стр. 152.

***) Такихъ коммиссiй было созвано около 600, въ томъ числѣ въ губернскихъ городскихъ 42, въ уѣздныхъ—417, въ заштатныхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ—128 и т. д. *Матерiалы, относящiеся до новаго общественнаго устройства городахъ Имперiи.* Т. I, стр. 3.

Большинство этихъ коммиссій предложило два основанія принадлежности тѣхъ или иныхъ разрядовъ обывателей къ полноправному городскому обществу, пользующемуся правомъ городскихъ избирателей. Это были— владѣніе въ городѣ недвижимою собственностью и, какъ совершенно равное этому, приписка къ городу для отправленія повинностей. При опредѣленіи размѣра ценза по владѣнію недвижимымъ имуществомъ большинство коммиссій придерживалось того взгляда, что установленіе слишкомъ высокой нормы, отстраняя отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ значительную часть населенія города, предоставило бы рѣшеніе этихъ дѣлъ въ руки немногихъ наиболѣе зажиточныхъ классовъ. Большею частію предлагался цензъ-доходъ въ 15—35 руб., при *minimum*'ѣ 5 р. и *maximum*'ѣ 200 руб., или стоимость имущества отъ 100 до 500 руб., при наименьшемъ предложеніи въ 30 руб. и наибольшемъ—2,000 руб. *). Нѣкоторыя же коммиссіи (до 30) полагали вовсе не устанавливать какой-либо минимумъ дохода или стоимости, а находили совершенно достаточнымъ при дарованіи избирательныхъ правъ ограничиваться условіемъ самостоятельнаго хозяина или владѣніемъ всякаго рода недвижимою собственностью, вмѣстѣ съ исправнымъ отбываніемъ казенныхъ и городскихъ повинностей.

Для сословій же и лицъ, приписанныхъ къ городу, признавалось достаточнымъ владѣніе какою-либо движимою собственностью и также отправленіе городскихъ и государственныхъ повинностей, напримѣръ, платежъ податей за двѣ ревизскія души **).

Наконецъ, были и такія коммиссіи (до 40), которыя для всѣхъ горожанъ отвергали имущественный цензъ и устанавливали цензомъ, вмѣстѣ съ отбываніемъ повинностей, трудовую жизнь и личный заработокъ. «Есть люди, которые вовсе не получаютъ дохода съ своего имущества и живутъ единственно своими трудами, но по своимъ нравственнымъ качествамъ и исправному платежу податей и повинностей болѣе другихъ достойны участвовать въ выборахъ» ***).

Лица, получившія образованіе, но не имѣющія и по нынѣ дѣйствующимъ законамъ права участія въ городскомъ самоуправленіи, не были забыты мѣстными коммиссіями 60-хъ годовъ. Такъ, Тверская коммиссія предлагала дать избирательное право всѣмъ окончившимъ курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они постоянно живутъ въ городѣ

*) Владѣльцы собственностью меньшею, чѣмъ та, какая даетъ право на непосредственное участіе въ городскихъ дѣлахъ, соединяются вмѣстѣ для образованія установленнаго ценза и выбираютъ уполномоченнаго. Коммиссіи Подольская, Московской губерніи, Нижегородская и Меленковская—Владимірской губерніи. *Матеріалы*, т. I, стр. 92.

**) Шуйская коммиссія предлагала предоставить 25 семействамъ мѣщанъ, не имѣющимъ въ городѣ домовъ и платящимъ за наемъ торговаго и промышленнаго заведенія менѣе 100 руб., выбирать уполномоченныхъ.

***) Калужская коммиссія. *Матеріалы*, т I, стр. 94. Также предлагался цензъ въ видѣ полученія жалованья не менѣе 300 р. (Воронежск., Землянск., Новохоперск. коммиссіи). *Матеріалы*, т, I, стр. 38.

(не менѣе 2 лѣтъ), во вниманіе къ пользѣ, какую они могутъ принести своимъ образованіемъ и опытностью. Черниговская коммиссія причисляетъ къ горожанамъ всѣхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, въ случаѣ заявленія ими желанія записаться въ обывательскую книгу. Эти коммиссіи стояли, такимъ образомъ, на почвѣ жалованной грамоты Екатерины II, признавшей лицъ съ высшимъ образованіемъ именитыми гражданами *). Другія коммиссіи предоставляли самимъ городскимъ обществамъ принимать въ члены городского общества лицъ, оказавшихъ особенныя услуги обществу наукой, искусствами, ремеслами (Архангельская), также обратившихъ на себя вниманіе города своими личными услугами, пожертвованіями на общую пользу и тому подобными подвигами (Таганрогская), лицъ, сдѣлавшихъ опредѣленное пожертвованіе въ пользу города или городскихъ богоугодныхъ заведеній, не менѣе 3,000 руб. (Верейская и Козельская), лицъ вообще признанныхъ заслуживающими быть членами городского общества (Александровская и Каргопольская, Владимірской губ.), или извѣстныхъ обществу добрымъ поведеніемъ, усердіемъ и вниманіемъ къ общественнымъ интересамъ.

Наконецъ, былъ высказанъ и принципъ всеобщности: всякій обыватель имѣетъ право на участіе въ городскомъ общественномъ управленіи. Пермская коммиссія желала бы «составить изъ всѣхъ жителей общину равноправныхъ во всемъ членовъ». Посадъ Опочка предоставляетъ право на званіе члена городского общества одному лицу изъ каждаго, поселившагося въ посадѣ, семейства. «Городскіе обыватели,—говорится въ коммиссіяхъ Крестецкой, Новгородской губ., и Радомысльской, Кіевской губерніи,— должны слиться въ одно нераздѣльное общество, девизомъ котораго пусть будетъ одно желаніе—благо, развитіе и преуспѣяніе во всѣхъ отношеніяхъ». «Въ основу общаго городского управленія должно лечь начало городскихъ интересовъ общихъ, помимо сословныхъ исключеній» (Самарская коммиссія). «Было бы гораздо справедливѣе,—говоритъ Подобѣдовъ въ Могилевской коммиссіи,—и практичнѣе принять единство нашихъ интересовъ за основную идею общественнаго благоустройства» **).

---

*) *Матеріалы*, т. I, стр. 38. Скопинская коммиссія говоритъ: „Умъ—тотъ же капиталъ, а часто и важнѣе его". Г. Подобѣдовъ въ Могилевск. коммис.: „Богатство и образованіе даютъ теперь больше правъ, чѣмъ наши привилегіи". Вообще за образовательный цензъ высказалось 8 коммиссій.

Желаніе ввести образовательный элементъ въ составъ городского общества выразилось еще и въ томъ, что многія коммиссіи, хотя и устанавливали имущественный цензъ, но для лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе уменьшали его до половины. Предлагая это, Мстиславльская коммиссія, между прочимъ, говоритъ: „Тогда духовные учителя сдѣлаются членами общества и примутъ участіе въ выборахъ, изъ коихъ они нынѣ исключены, несмотря на существенную пользу, приносимую ими городу". *Матеріалы*, т. I, стр. 47.

**) *Матеріалы*, т. I, стр. 39, 42 и 45. Также коммиссіи Вязниковская, Покровская и Гороховецкая, Владимірской губ. Ibid. Холмогорская коммиссія предлагала обывателей, не имѣющихъ собственности, соединять въ десятки, которые назначали

Такъ добросовѣстно, съ такимъ стараніемъ, съ такимъ широкимъ взглядомъ работали коммиссіи. Нельзя отрицать громадной пользы и отъ такого обращенія къ общественному голосу. «Были, можетъ быть, недостаточно обоснованныя мнѣнія, много было пожеланій, чувства, но, во всякомъ случаѣ, въ какой бы формѣ ни высказаны были мысли и соображенія, они были высказаны искренно, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правомъ дѣлѣ и полнымъ сознаніемъ возможности этого дѣла въ общемъ строѣ общественной и государственной жизни» *).

II.

Подъ вліяніемъ такъ смѣло высказанной мѣстными коммиссіями идеи о городскомъ обществѣ министерство внутреннихъ дѣлъ въ первоначальномъ своемъ проектѣ, представленномъ въ 1864 году, установило такое положеніе: «право на участіе въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ, а слѣдовательно—на званіе дѣйствительныхъ гражданъ города должно быть признаваемо за всѣми тѣми постоянными жителями города, интересы которыхъ болѣе или менѣе соприкасаются съ общими городскими интересами» **).

Однако, послѣ такого широкаго опредѣленія, городское общество въ томъ же проектѣ, въ §§ 3—5, опредѣляется уже только тѣми постоянными жителями, которые отправляютъ повинности съ недвижимыхъ имуществъ или торговыхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ дѣйствительными членами городского общества, имѣющими право быть избирателями и избираемыми, являются только два разряда: владѣльцы недвижимаго имущества и торгово-промышленный классъ.

Проектъ новаго городского общественнаго самоуправленія разсматривался послѣдовательно въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ Высочайше утвержденной коммиссіи по пересмотру этого проекта, сначала безъ участія приглашенныхъ свѣдущихъ лицъ, потомъ при ихъ участіи, затѣмъ въ II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, какъ и въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, былъ возбужденъ вопросъ о распространеніи избирательныхъ правъ на бóльшій кругъ горожанъ, чѣмъ это предлагалось въ проектѣ министерства.

---

бы по одному уполномоченному для подачи голоса на выборахъ. Ibid., стр. 93. Желаніе установить принципъ всеобщности выражалось еще въ предложеніи организовать избирательныя собранія по территоріальнымъ участкамъ, дабы ни одна часть города не осталась безъ представительства (Самарская коммиссія). Нельзя пройти молчаніемъ мнѣніе Стародубской коммиссіи: „Только исключительностью обстановки, при неполнотѣ гражданскихъ правъ, и можно объяснить невыгодное отношеніе къ общему благу энергичной дѣятельности евреевъ, и посему необходимо уничтожить изолированность послѣднихъ, признавъ ихъ къ равному съ прочими обывателями участію въ городскомъ общественномъ управленіи“. Ibid., стр. 48.

*) Дитятинъ. *Юридич. Вѣстн.* 1885 г., № 1. „Къ исторіи Город. Полож. 1870 г., стр. 34.

**) *Матеріалы*, т. I, стр. 203.

Это выразилось въ предложеніи дарованія права участія въ городскихъ дѣлахъ квартиронанимателямъ, съ установленіемъ въ пользу города особаго съ квартирныхъ помѣщеній налога.

Въ пользу привлеченія квартиронанимателей, при высокомъ, однако, квартирномъ цензѣ (500 р.), высказался въ совѣтѣ министра П. П. Семеновъ, который свое предложеніе мотивировалъ тѣмъ, во-первыхъ, что проектомъ городового положенія допускаются къ участію въ городскихъ дѣлахъ не только владѣльцы недвижимаго имущества, но и обладатели движимаго капитала, какъ лица заинтересованныя въ городскомъ благоустройствѣ и въ употребленіи денежныхъ средствъ города. Въ этомъ благоустройствѣ «не менѣе того заинтересованы на томъ же основаніи и наниматели квартиръ», какъ постоянные жители, несущіе притомъ косвеннымъ образомъ всѣ городскія повинности въ пользу городской кассы.

Другое основаніе въ необходимости дарованія квартиронанимателямъ избирательныхъ правъ П. П. Семеновъ усматривалъ въ большей достаточности нанимателей значительныхъ квартиръ, по сравненію съ домовладѣльцами, получающими часто незначительный доходъ съ своего недвижимаго имущества.

Третьимъ основаніемъ, подтверждающимъ его предложеніе, П. П. Семеновъ считалъ большее, сравнительно съ другими группами населенія, развитіе и образованность класса квартиронанимателей. Привлеченіе такихъ дѣятелей, по мнѣнію П. П. Семенова, весьма важно, такъ какъ «большинство провинціальныхъ городовъ уѣздныхъ, отчасти и губернскихъ, не имѣя въ составѣ своего населенія среди домовладѣльцевъ достаточнаго количества образованныхъ лицъ, особенно нуждаются въ оживленіи общественной дѣятельности образованнымъ элементомъ» *).

Это предложеніе было поддержано тогдашними губернаторами с.-петербургскимъ и гродненскимъ, а также саратовскимъ губернаторомъ и членомъ совѣта А. Г. Лашкаревымъ.

С.-петербургскій губернаторъ совершенно вѣрно указывалъ, что «домовладѣльцы, даже въ столицахъ, по преобладающему вліянію на дѣла, нерѣдко составляютъ постановленія, которыя не всегда совпадаютъ съ интересами нанимателей квартиръ, почему было бы дѣйствительно справедливо предоставить квартиронанимателямъ средства къ защитѣ своихъ интересовъ».

Гродненскій губернаторъ видѣлъ въ привлеченіи нанимателей квартиръ къ участію въ городскихъ дѣлахъ средство для усиленія русскаго элемента въ городахъ Западнаго края. Саратовскій губернаторъ, въ виду желанія самихъ городскихъ обществъ допустить квартиронанимателей въ свою среду, полагалъ вмѣстѣ съ членомъ совѣта А. Г. Лашкаревымъ предоставить самимъ обществамъ принимать такихъ лицъ въ качествѣ ли почетныхъ членовъ, либо какимъ другимъ способомъ» **).

---

*) *Матеріалы*, т. II, стр. 299—309.

**) *Матеріалы*, т. II стр. 301.

Возраженія, сдѣланныя въ засѣданіяхъ совѣта, сводились къ слѣдующему *).

Первое, на что указали оппоненты, состояло въ томъ, что дарованіе квартиронанимателямъ права на участіе въ городскомъ самоуправленіи не согласовалось съ историческимъ развитіемъ городского общественнаго управленія. По ихъ мнѣнію, жалованной грамотой Екатерины II 1785 г. сравнены въ правахъ только два элемента: владѣльческій и промышленный.

Второе основаніе опроверженія доводовъ защитниковъ предложенія П. П. Семенова находили въ несогласіи этого предложенія съ коренными началами нашего законодательства, причемъ, какъ на такое коренное начало, указывалось на имущественное начало, лежащее въ основѣ сословныхъ и земскихъ избирательныхъ собраній.

Третьимъ основаніемъ, выставленнымъ противниками предложенія П. П. Семенова, была, по ихъ мнѣнію, сама практика жизни, которая говорила имъ о томъ, что подготовка этого вопроса недостаточна, что необходимо выяснить отношеніе къ этому вопросу самого будущаго городского общества, что наниматели квартиръ или чиновники, для которыхъ городскіе собственно интересы чужды, или игроки и дилетанты и, что, наконецъ, трудно опредѣлить цензъ квартиронанимателей.

Въ заключеніе ими былъ высказанъ такой взглядъ. Если сами квартиронаниматели хотятъ быть городскими дѣятелями, то должны стать въ разрядъ домовладѣльцевъ, «но коль скоро лица эти не принадлежатъ къ разряду мѣстныхъ домовладѣльцевъ, сіе самое показываетъ полное разобщеніе съ интересами города и готовность оставить его при первой возможности **).

Предложеніе П. П. Семенова было отвергнуто 17 голосами противъ 15 и затѣмъ принято было предложеніе предсѣдателя кн. Урусова: предоставить самимъ городскимъ обществамъ право ходатайствовать о дарованіи квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей.

Всѣ возраженія противъ дарованія квартиронанимателямъ права участія въ городскомъ самоуправленіи не имѣли бы, по мнѣнію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, силы, еслибы было признано справедливымъ предоставить городскимъ обществамъ устанавливать сборъ въ пользу города съ цѣнности жилыхъ помѣщеній выше извѣстной цѣны, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ плательщиковъ сего сбора къ участію въ городскихъ выборахъ» ***).

Высочайше утвержденная коммиссія для разсмотрѣнія проекта министерства внутреннихъ дѣлъ также нашла, что вопросъ о дарованіи квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей заслуживаетъ, по состоянію

---

*) Противъ дарованія квартирныхъ правъ городскихъ избирателей высказывались члены совѣта: И. Т. Птицынъ, Ѳ. К. Гирсъ и гр. П. О. Шуваловъ и губернаторы: тульскій и тверской.

**) *Матеріалы*, т. II, стр. 321—322.

***) Ibid., стр. 421.

большинства нашихъ городскихъ населеній, полнаго вниманія и всесторонняго обсужденія, и положила войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о порученіи министру внутреннихъ дѣлъ разсмотрѣть этотъ вопросъ, по собраніи необходимыхъ данныхъ *).

Эта же коммиссія затѣмъ была пополнена десятью новыми лицами: городскими головами и гласными, приглашенными къ участію въ занятіяхъ коммиссіи **).

Въ засѣданіи этой пополненной коммиссіи, 2 марта 1870 года, было возобновлено разсмотрѣніе вопроса о дарованіи избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ, съ установленіемъ налога въ пользу городовъ съ квартирныхъ помѣщеній. За такое предложеніе высказались: кн. Черкасскій, А. Домонтовичъ, О. Брунъ, К. Гротъ и В. Лихачевъ.

Прежде всего приведено было основаніе экономическаго значенія.

«Установленіе квартирнаго налога представляется мѣрою необходимою и вполнѣ справедливою, въ смыслѣ экономическомъ». Такое обложеніе налогомъ казалось справедливымъ потому, что квартиронаниматели пользуются удобствами города, при часто лучшемъ имущественномъ положеніи, сравнительно съ лицами, несущими въ пользу города тѣ или иныя повинности, тѣ или иные платежи. Къ этому же приводила ихъ мысль объ отсутствіи достаточныхъ средствъ у городскихъ обществъ, необходимость увеличенія этихъ средствъ и изысканія новыхъ источниковъ дохода. Установленіе квартирнаго налога представлялось имъ легко осуществимымъ въ виду того, что наемное помѣщеніе есть лучшій показатель имущественнаго состоянія лицъ.

Еще большее значеніе придавалось соображенію не экономическаго характера, а образовательнаго. Въ дарованіи правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ предсказывалось обновленіе состава городского общественнаго управленія. «Общественное городское устройство признается неудовлетворительнымъ оттого, главнымъ образомъ, что въ составѣ общественнаго представительства не принимаютъ участія лица, принадлежащія къ образованнымъ классамъ населенія». Дарованіе правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ «дало бы полную возможность городамъ пополнить составъ новаго своего управленія образованными людьми изъ разряда нанимателей квартиръ, каковы, наприм., мировыя судьи, другія лица судебнаго вѣдомства, адвокаты, доктора и т. д.

*) *Матеріалы*, т. III, стр. 48. Въ составъ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. Урусова входили: кн. Ал. Лобановъ-Ростовскій, О. Брунъ, К. Гротъ, К. Домонтовичъ, Ал. Шумахеръ.

**) Экспертами были приглашены семь городскихъ головъ: с.-петербургскій— Погребовъ, московскій — кн. Черкасскій, одесскій—г. Новосельскій, харьковскій— г. Шатуновъ, динабургскій—кн. Гагельстромъ, елецкій—потом. почет. гражданинъ Русановъ и череповецкій—г. Милютинъ, затѣмъ одинъ бывшій городской голова Вознесенскаго посада—г. Гарелинъ и двое гласныхъ общихъ думъ петербургской— товар. предсѣдателя окруж. суда В. Лихачевъ и московской—г. Шумахеръ.

«Съ точки зрѣнія интересовъ правительства, принимающаго нынѣ мѣры къ кореннымъ преобразованіямъ въ городскомъ общественномъ устройствѣ, также желательно привлеченіе наиболѣе значительныхъ нанимателей квартиръ, такъ какъ они принесли бы несравненно больше пользы, тѣмъ торговцы и промышленники.

«Безъ прочнаго же обезпеченія участія образованныхъ лицъ едва ли возможно было бы считать преобразованіе городского управленія вполнѣ совершившимся. Уровень городского общественнаго устройства можетъ быть поднятъ подъ тѣмъ, едва ли не единственнымъ во многихъ городахъ, условіемъ, чтобы допущенъ былъ налогъ на наемныя помѣщенія съ предоставленіемъ квартирантамъ общихъ правъ по завѣдыванію городскими общественными дѣлами. Обстоятельствомъ симъ, быть можетъ, условливается весь успѣхъ примѣненія настоящаго положенія» *).

Противниками частью абсолютными, частью условными высказались гг. Милютинъ, Русановъ, Шатуновъ и Шумахеръ. Первые трое указывали на внѣшнюю связь съ городомъ квартиронанимателей, на отсутствіе у нихъ интереса къ городскому благоустройству, на легкую возможность пріобрѣтенія домовъ, на ничтожность дохода отъ взиманія налога съ квартиронанимателей, на невозможность самаго обложенія вслѣдствіе подвижности квартирнаго населенія. Но при всемъ томъ гг. Милютинъ и Шатуновъ полагали возможнымъ предоставить самимъ городскимъ обществамъ принимать въ свой составъ или назначать на общественныя должности лицъ, платящихъ квартирный налогъ.

Гласный московской думы Шумахеръ, признавая введеніе такого налога полезнымъ, въ виду привлеченія къ городскому управленію образованныхъ лицъ, и не высказываясь въ принципѣ противъ такого налога и противъ дарованія платящимъ его въ извѣстномъ размѣрѣ правъ на участіе въ городскомъ управленіи, полагалъ, однако, въ виду неопредѣленности, какая часть образованныхъ войдетъ въ составъ избирателей при массѣ малограмотныхъ квартирантовъ, въ виду трудности опредѣленія стоимости квартиръ, осторожнѣе было бы, «согласно мнѣнію Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, подвергнуть этотъ вопросъ особому разсмотрѣнію по полученіи всѣхъ нужныхъ для сего данныхъ отъ городскихъ управленій, по образованіи ихъ на основаніи новаго положенія» **).

Послѣ всѣхъ этихъ преній княземъ Черкасскимъ было предложено редактировать соотвѣтственныя статьи такъ: «городскимъ собраніямъ предоставляется, установленнымъ порядкомъ, ходатайствовать о введеніи, въ пользу города, сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній. При ходатайствѣ городскихъ обществъ должны быть представлены подробныя предположенія о способѣ взиманія означеннаго сбора, о высшемъ размѣрѣ процент-

*) *Матеріалы*, т. III, стр. 299—300.

**) *Матеріалы*, т. III, стр. 301—304.

наго обложенія наемной стоимости квартиръ и о жилыхъ помѣщеніяхъ, по малоцѣнности своей подлежащихъ освобожденію отъ сего сбора. Министръ внутреннихъ дѣлъ таковыя ходатайства и проекты представляетъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ».

По установленіи въ нѣкоторыхъ городахъ сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній, министръ внутреннихъ дѣлъ представляетъ на разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ свои предположенія о распространеніи права на участіе въ городскихъ выборахъ на лица, обложенныя симъ сборомъ‘ въ опредѣленномъ размѣрѣ».

Это предложеніе кн. Черкасскаго было принято большинствомъ голосовъ противъ трехъ. За другое же предложеніе о занесеніи этихъ разсужденій лишь только въ журналѣ высказались только два члена и предсѣдатель. Проектъ городового положенія, послѣ обсужденія его въ этой коммиссіи, разсматривался въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, въ засѣданіяхъ 15 и 16 апрѣля 1870 года, причемъ въ эти засѣданія были приглашены для объясненій: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. Лобановъ - Ростовскій, сенаторъ Т. Брунъ, директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, с.-петербургскій и московскій городскіе головы.

Соединенные департаменты также высказались по отношенію интересующаго насъ вопроса. «Обративъ вниманіе на то, что кромѣ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и торгово-промышленнаго класса, сборы съ коихъ идутъ въ городскую кассу, въ каждомъ почти городѣ есть не малое число достаточныхъ жителей, пользующихся всѣми выгодами городскихъ благоустройствъ и непосредственно заинтересованныхъ въ его развитіи, департаменты государственнаго совѣта находили справедливымъ привлечь такихъ лицъ къ участію въ общественныхъ городскихъ расходахъ», съ тѣмъ, чтобы каждый платилъ по мѣрѣ его дѣйствительнаго достатка. При трудности опредѣленія достатка каждаго лица или семейства признано было избрать какой-либо видимый, доступный наблюденію признакъ, служащій хотя бы приблизительнымъ мѣриломъ такого достатка. «Такимъ мѣриломъ,—по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ,—можетъ съ наибольшимъ удобствомъ служить наемная цѣна занимаемаго жилого помѣщенія, ибо между суммои истрачиваемаго на квартиру и общею цифрой расходовъ есть довольно постоянная и вѣрная соразмѣрность. Поэтому-то департаменты согласились съ мнѣніемъ большинства коммиссій о представленіи городскимъ обществамъ ходатайства о введеніи квартирнаго налога въ порядкѣ, редактируемомъ коммиссіею».

«Равнымъ образомъ, какъ въ видахъ самой справедливости, такъ и для привлеченія къ участію въ общественныхъ дѣлахъ возможно большаго числа людей образованныхъ и достаточныхъ, департаменты согласились и на другое предложеніе коммиссіи о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ входить, по установленіи квартирнаго налога, на разрѣшеніе въ законода-

тельномъ порядкѣ объ участіи платящихъ такой налогъ въ опредѣленномъ размѣрѣ въ городскихъ выборахъ» *).

Такъ, желанія, выраженныя мѣстными коммиссіями, о привлеченіи интеллигентныхъ лицъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ и такое строгое обоснованное предложеніе, сдѣланное членами высочайше утвержденной коммиссіи, о дарованіи правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ не получило осуществленія. Дарованіе квартирантамъ правъ городскихъ избирателей находится въ полномъ согласіи съ основнымъ началомъ русской исторической жизни. Неправильнымъ по существу представляется намъ утвержденіе, что имущественное начало есть единственно признанное въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ. Судебными Уставами дарованы общественно-государственныя права и лицамъ, живущимъ своимъ трудомъ, безъ обладанія какимъ-либо имуществомъ. Мы говоримъ о правѣ быть присяжнымъ засѣдателемъ. Также странно читать, что привлеченіе квартиронанимателей къ участію въ городскихъ дѣлахъ не оправдается никакими уваженіями. Неужели оживленіе образовательнымъ элементомъ почти мертваго городского полноправнаго общества, справедливость предоставленія квартиронанимателямъ защиты ихъ интересовъ въ городскомъ управленіи, существованіе глубокаго интереса въ средѣ класса квартиронанимателей къ благосостоянію городского населенія и къ благоустройству города,—все это не заслуживаетъ уваженія? Можно только жалѣть, что даже такія предложенія, какъ порученіе министру внутреннихъ дѣлъ разработать вопросъ о дарованіи квартирантамъ избирательныхъ правъ по полученіи всѣхъ данныхъ отъ организуемыхъ городовымъ положеніемъ 1870 года общественныхъ учрежденій, не были осуществлены. Но все же важно хоть и то, что государственный совѣтъ высказался принципіально за такое расширеніе городского представительства. Наша печать тогда же, при изданіи городового положенія 1870 г., предсказывая и констатируя господство торгово-промышленнаго класса въ городскомъ самоуправленіи, указывала, что это господство совершенно парализовалось бы, еслибъ избирательныя права были даны лицамъ интеллигентныхъ профессій **). «Къ сожалѣнію, законодательство,—говоритъ Н. Ренненкампфъ,—не допустило къ составу городского общества цѣлаго разряда городскихъ обывателей, живущаго на квартирахъ, который, въ большинствѣ случаевъ, не менѣе домовладѣльцевъ и торговаго класса, связанъ съ интересами города; введеніе этого класса въ общій составъ возвысило бы уровень силъ» ***).

---

*) *Матеріалы*, т. III, стр. 476 — 477. Журналъ подписали: баронъ М. Корфъ, графъ Ѳ. И. Фундуклей, А. Левшинъ, баронъ Будбергъ, Ан. Сер. Урусовъ, А. Тройницкій, Конст. Чевкинъ, Н. Мѣтлинъ, Ѳ. Новосельскій, И. Мухановъ, графъ Э. Барановъ, Гр. Небольсинъ, П. Игнатьевъ, Дм. Замятинъ, А. Веригинъ, Валуевъ, М. Рейтернъ, А. Тимашевъ, В. Татариновъ, графъ К. Паленъ.

**) *Головачевъ*: „Десять лѣтъ реформъ“, гл. IV, стр. 226. (Первонач. напеч. въ *Отеч. Запискахъ*).

***) *Кіевлянинъ* 1874 г., № 4.

III.

Соотвѣтственно избирательному цензу и трехразрядной, по величинѣ платежей, системѣ, принятымъ въ городовомъ положеніи 1870 года, образовался и составъ городскихъ думъ съ такимъ преобладаніемъ торгово-промышленнаго класса, что эти думы справедливо не признавались за всесословныя учрежденія. Поэтому еще при самомъ введеніи городового положенія утверждали, что городскія думы не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ ходатайства объ установленіи квартирнаго налога, что должно было повлечь за собою дарованіе избирательныхъ правъ платящимъ такой налогъ. Не захочетъ, говорилось тогда, господствующій классъ отказаться отъ своего безраздѣльнаго преобладанія въ городскомъ самоуправленіи. Въ большинствѣ городовъ такъ и было. Но все же вопросъ этотъ возбуждается въ думахъ. Намъ удалось болѣе или менѣе детально познакомиться съ этимъ движеніемъ въ восемнадцати городахъ *).

Въ Петербургѣ вопросъ объ установленіи квартирнаго налога и о дарованіи платящимъ таковой права участія въ общественномъ управленіи возбужденъ былъ еще въ 1870 г. Но дума отклонила это предложеніе. Затѣмъ въ 1876 году, въ учрежденной думою коммиссіи по пересмотру порядка избранія гласныхъ, одинъ изъ ея членовъ заявилъ о непропорціональности числа избирателей къ массѣ городского населенія и о равнодушіи къ своему праву городскихъ избирателей. Коммиссія предложила думѣ ходатайствовать передъ правительствомъ о дополненіи 17 ст. городового положенія такимъ примѣчаніемъ: «правомъ быть избираемыми, но не избирателями, пользуются также и всѣ лица, окончившія курсъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, хотя бы они и не имѣли имущественнаго ценза». Однако, такой пассивный цензъ былъ отвергнутъ думою. Въ третій разъ думѣ въ засѣданіи 12 мая 1882 г. было сдѣлано гласнымъ В. И. Лихачевымъ предложеніе ходатайствовать о распространеніи на русскіе города правъ, установленныхъ для однихъ остзейскихъ городовъ: «допускать къ избранію такъ называемыхъ «литераторовъ», т.-е. людей извѣстнаго образовательнаго ценза, при условіи внесеніи ими въ теченіе двухъ лѣтъ опредѣленной небольшой платы въ городскую кассу». Это предложеніе не было обсуждено думою, такъ какъ другая городская коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ В. А. Ратькова-Рожнова, по пересмотру сборовъ въ доходъ города, предложила въ 1882 году (гл. баронъ П. Л. Корфъ) установить прогрессивный квартирный налогъ, со взиманіемъ 2% съ низшихъ квартирныхъ платъ и съ освобожденіемъ отъ этого налога квартиръ цѣною до 100 — 200 рублей, и распространить избирательныя права на квартиронанимателей, уплачивающихъ такой налогъ. Дума, отвергнувъ проектъ коммиссіи въ засѣда-

*) Въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Черниговѣ, Либавѣ, Калугѣ, Ржевѣ, Златоустѣ, Опочкѣ, Бугурусланѣ, Поневѣжѣ, Гороховцѣ, Велижѣ, Гапсалѣ, Гольдингенѣ и Гробинѣ.

ніяхъ 12 января и 9 февраля 1883 года, поручила коммиссіи разработать это предложеніе въ подробностяхъ *). Это не было осуществлено, главнымъ образомъ, потому, что уже возникалъ вопросъ преобразованія городового положенія 1870 г., хотя нельзя не признать, что все-таки петербургской думѣ слѣдовало бы войти съ своимъ проектомъ въ правительственныя сферы, въ видѣ особаго ходатайства **).

Однако, все же петербургская городская дума сдѣлала шагъ впередъ и въ принципѣ признала за квартиронанимателями право не только на пассивный избирательный цензъ, но и на активный.

Въ московской думѣ, также съ самаго введенія городового положенія 1870 г., дебатировался вопросъ о квартирномъ налогѣ и о дарованіи квартирантамъ избирательныхъ правъ. Въ подтвержденіе необходимости этого, гласный Ляпинъ, между прочимъ, приводилъ то соображеніе, что введеніе квартирнаго налога, съ предоставленіемъ платящимъ таковой правъ городскихъ избирателей, «дастъ возможность прійти къ думѣ на помощь новымъ свѣтлымъ обывательскимъ силамъ, которыя до сихъ поръ въ городскихъ выборахъ не участвовали и своего генія, своихъ идей къ дѣлу городского управленія еще не прикладывали» ***). Однимъ изъ дѣятелей городского московскаго самоуправленія, М. П. Щепкинымъ, внесено было предложеніе привлечь къ платежу въ городскую кассу лицъ, пользующихся всѣми удобствами городской жизни, но не несущихъ, однако, никакихъ повинностей и не занимающихся торговлею и промысломъ. Это предложеніе московская дума отвергла въ 1878 г., признавъ введеніе квартирнаго налога преждевременнымъ.

Однако въ 1882 году вновь былъ возбужденъ вопросъ о квартирномъ налогѣ и въ 1886 г. 16 декабря московская дума поручила управѣ выработать основанія этого налога. Выполненіе этого городскимъ головою Алексѣевымъ было предложено приватъ-доцентамъ Императорскаго Московскаго университета, И. Яновскому и А. Свирщевскому. Въ 1887 году ими и былъ составленъ подробный докладъ. Составители доклада, въ доказательство своевременности, справедливости и разумности введенія квартирнаго въ пользу города налога, приводили три главныя основанія: увеличеніе городскихъ доходовъ, равномѣрность въ городскомъ обложеніи и расширеніе избирательныхъ правъ.

Ростъ городскихъ расходовъ, вызываемый насущными потребностями благоустроенной городской жизни, заставляетъ изыскивать новые источники обложенія.

Сборъ, какой далъ бы квартирный налогъ, исчисляемый пропорціонально стоимости жилыхъ помѣщеній, съ прогрессивнымъ увеличеніемъ об-

*) *Десять лѣтъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія* (1873—1883 гг.), стр. 5.

**) Передъ самымъ введеніемъ новаго городового положенія гл. Кедринымъ было внесено новое предложеніе по тому же вопросу.

***) *Изв. Моск. Гор. Думы за 1887 г.* И. Яновскій и А. Свирщевскій, стр. 5.

ложенія и съ освобожденіемъ отъ обложенія квартиръ незначительной стоимости, не былъ бы обременительнымъ для обывателя Москвы.

Нерѣдко раздаются жалобы на ростъ городскихъ расходовъ. Забывается при этомъ, что ростъ этотъ совершенно обусловливается увеличившимися насущнѣйшими потребностями. Далеко еще нашимъ городамъ до удовлетворенія этихъ потребностей въ вопросѣ призрѣнія бѣдныхъ, народнаго образованія, больничнаго дѣла, организаціи медицинской помощи и, въ особенности, санитарной части, вмѣстѣ съ канализаціей, вмѣстѣ съ упорядоченіемъ скотобойнаго дѣла. Да много еще надо сдѣлать и по отношенію внѣшняго благоустройства городовъ.

Установленіемъ городского квартирнаго налога будетъ достигнута, по мнѣнію докладчиковъ, и равномѣрность въ городскомъ обложеніи. Квартирный налогъ, послѣ подоходнаго, является наиболѣе равномѣрнымъ изъ всѣхъ возможныхъ мѣстныхъ сборовъ (оцѣночнаго, промысловаго и другихъ), такъ какъ «потребность въ жильѣ есть потребность настолько первой важности и настолько растяжимая, что удовлетвореніе ея въ томъ или другомъ объемѣ служитъ въ дѣйствительности прямымъ указаніемъ на ту или иную степень зажиточности лица. И поэтому-то квартирный налогъ во многихъ западно-европейскихъ городахъ служитъ базисомъ мѣстной податной системы» *).

Но налогъ съ жилыхъ помѣщеній не только представляется равномѣрнымъ по отношенію къ индивидуальной платежной способности каждаго обывателя. Такой сборъ, вносимый въ городскую кассу, сдѣлаетъ болѣе равномѣрнымъ существующее обложеніе и въ томъ также отношеніи, что при этомъ сборѣ примутъ участіе лица, доселѣ не вносящія въ пользу города прямыхъ платежей. А лица эти далеко не могутъ считаться несостоятельными, а скорѣе могутъ быть причислены къ зажиточному классу.

Общая доходность города Москвы опредѣляется въ докладѣ въ 145 мил. руб., изъ этой суммы падаетъ:

| | | | |
|---|---|---|---|
| на обложенныхъ сборами. . . . . . | 83,4 мил. | или | 57,5% |
| » зажиточныхъ, но не обложенныхъ. . | 42,6 » | » | 29,4% |
| » неспособныхъ къ обложенію . . . . | 19,0 » | » | 13,1% |

Такимъ образомъ, не обложена прямыми сборами въ пользу города почти одна треть всѣхъ доходовъ московскаго городского населенія,— доходовъ, получаемыхъ людьми зажиточными **).

Наконецъ введеніе квартирнаго налога вызывается, по мнѣнію составителей доклада московской управы, необходимостью расширенія круга лицъ, имѣющихъ право быть избирателями.

Такого расширенія заставляетъ желать отсутствіе интереса къ городскимъ дѣламъ, замѣчаемое среди городскихъ избирателей. По Городовому Положенію 1870 года избирательнымъ правомъ пользуется только два слоя

*) *Изв. Моск. Гор. Думы за 1887 г.* Докладъ, стр. 21—22.

**) Ibid., стр. 25.

городского населенія: торговопромышленный и домовладѣльческій. Но и этотъ послѣдній въ настоящее время пріобрѣтаетъ характеръ промышленный. Среда, въ какой живутъ эти избиратели, не развиваетъ глубокаго общественнаго интереса, прежде всего вслѣдствіе недостаточнаго уровня интеллигентности *).

Недостаточное развитіе общественнаго интереса среди избирателей дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе многихъ мѣропріятій, которыя имѣютъ цѣлью общее благо всего городского населенія. «Составъ городского собранія не заключаетъ въ себѣ элемента, нужнаго для проведенія мѣръ противъ дороговизны, такъ какъ этотъ составъ слагается изъ двухъ классовъ: домовладѣльцевъ, которымъ выгодно вздорожаніе квартиръ, и торговопромышленниковъ, которымъ выгодна дороговизна припасовъ» **).

Приводя эти и другіе мотивы необходимости установленія квартирнаго городского налога, составители доклада предполагали возможнымъ начинать взиманіе налога съ квартиръ съ годовою платою въ 240 рублей. Ежегодный доходъ, какимъ обладаютъ занимающіе квартиры такой стоимости, составители доклада опредѣляли въ 1,200 рублей, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, трата на квартиру составляетъ въ среднемъ одну пятую часть доходовъ квартиронанимателя.

«Такой доходъ соотвѣтствуетъ жалованью чиновника, которому его начальство довѣряетъ отвѣтственныя дѣла, или вознагражденію, получаемому отъ частныхъ лицъ и обществъ вполнѣ знающими свое дѣло спеціалистами».

Приравнивая получающихъ личнымъ трудомъ 1,200 руб. въ годъ къ владѣльцамъ недвижимымъ имуществомъ и къ занимающимся торговлею, составители доклада исчисляли, что домовладѣльцы и торговцы, чтобы получить доходъ въ 1,200 руб., должны обладать: первые—недвижимою собственностью въ 17—20 тысячъ рублей, а вторые—оборотнымъ капиталомъ въ 60,000 рублей ***).

Налогъ проектировался прогрессивно-пропорціональный, отъ ¼% съ квартиръ стоимостью въ 240—270 руб. до 5% съ квартиръ въ 6,000 руб. Такой налогъ далъ бы городу до 780,000 руб. Проектъ этотъ, такъ детально разработанный, не былъ, однако, осуществленъ. Московская дума не ходатайствовала предъ правительствомъ о введеніи квартирнаго налога.

Не доведено до желательнаго конца дѣло о привлеченіи квартиронанимателей въ полноправное городское общество и въ г. Черниговѣ. Возникъ этотъ вопросъ тутъ въ 1875 году. Въ докладѣ управы предлагался минимумъ годовой квартирной платы, съ какой можно было бы взимать на-

---

*) „Правильное развитіе мѣстнаго самоуправленія можетъ совершаться лишь при наличности у представителей его извѣстныхъ знаній или, по крайней мѣрѣ, навыка и такой степени интеллектуальнаго развитія, которое давало бы возможность возвыситься отъ мелкихъ будничныхъ интересовъ до пониманія интересовъ общественныхъ". Ibid., стр. 45.

**) Ibid., стр. 41.

***) Ibid., стр. 42—43. См. также нашу ст. *Нов. Слово* 1896 г., ноябрь.

логъ, въ 50 руб., при 1% налога съ этой платы, 2%—съ 200 руб., 3%—съ 400 руб. и 4%—съ 500 руб. и выше. Руководствуясь тѣмъ, что по Городовому Положенію 1870 г. платежъ налога въ городскую кассу предоставляетъ уплачивающимъ избирательныя права, управа г. Чернигова предлагала и квартирантамъ, платящимъ налогъ, даровать избирательныя права. «Неправильно думаютъ,—говорится въ докладѣ управы,—что квартиранты, представляя по большей части подвижное населеніе города, ничѣмъ тѣсно не связанное съ его интересами, являются будто бы только временными его жильцами, мало заинтересованными въ послѣдствіяхъ мѣръ, предпринимаемыхъ по городскому хозяйству». Напротивъ, по мнѣнію черниговской городской управы, годовые съемщики квартиръ, прожившіе въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ, являются, не менѣе другихъ разрядовъ городскихъ жителей, осѣдлымъ и состоятельнымъ. Дума не рѣшила ни за, ни противъ, постановивъ отложить разсмотрѣніе управскаго доклада на мѣсяцъ, оказавшійся, однако, весьма продолжительнымъ. Докладъ канулъ было въ воду. Черезъ шесть лѣтъ, въ 1881 году, опять всплылъ въ черниговской думѣ. Посыпались горячія возраженія, указанія, что квартиранты подавятъ своею численностью домовладѣльческую и торговопромышленную группы избирателей. Послѣ же заявленія, что квартирантовъ-избирателей окажется не болѣе одной трети, черниговская дума постановила, большинствомъ 23 голосовъ противъ 7, признать желательнымъ введеніе квартирнаго налога, съ предоставленіемъ платящимъ этотъ налогъ правъ городскихъ избирателей, и выбрать особую коммиссію для составленія детальнаго проекта ходатайства. На этомъ вопросъ о дарованіи квартиронанимателямъ избирательнаго права въ черниговской думѣ и остановился. Ходатайства предъ правительствомъ не было *).

Въ другихъ городахъ, однако, дѣло не остановилось на передачѣ его для разработки въ коммиссіи. Были, напротивъ, поданы соотвѣтствующія ходатайства предъ правительствомъ. Такъ было въ кіевской, кишиневской, калужской, одесской и др. думахъ. Въ Кіевѣ вопросъ о дарованіи квартирантамъ избирательныхъ правъ возникъ также весьма давно, въ 1873—74 годахъ. Финансовая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Бунге, составила проектъ квартирнаго налога, со взиманіемъ 1% съ квартирныхъ платъ въ 300—600 руб., а съ квартирныхъ платъ высшихъ нормъ также по 1% съ 600 руб., съ прибавленіемъ 2% за суммы высшія. Платящимъ такой налогъ предоставлялись избирательныя права. Дума ходатайствовала предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое, однако, отклонило это ходатайство по недостаточности доставленныхъ данныхъ и неразработанности проекта. Въ 1876 году кіевская дума вновь ходатайствовала о введеніи этого налога и расширеніи избирательныхъ правъ, прося разрѣшенія ввести квартирный налогъ временно, такъ какъ детальная разработка про-

---

*) *Записка сен. А. Половцева о сост. общ. гор. упр. и хоз. въ Черниговск. губ.*, стр. 340—341.

екта и данныхъ требуетъ не менѣе 2—3 лѣтъ. Но и это ходатайство также было отклонено министерствомъ *). Нѣсколько иную судьбу имѣли неоднократныя ходатайства кишиневской городской думы. Первое ходатайство этой думы, 1878 года, хотя и было признано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разработаннымъ въ достаточной степени, однако было имъ отклонено, такъ какъ, по мнѣнію министерства, введеніе новаго налога не вызывается неотразимыми причинами. Болѣе посчастливилось вторичному ходатайству кишиневской думы (1882 г.): и министерство финансовъ не встрѣчало препятствій во введеніи новаго налога, указавъ только на необходимость понизить 10%-ное обложеніе до 5%, и министерство внутреннихъ дѣлъ также соглашалось дать этому ходатайству думы дальнѣйшее движеніе, т.-е. внести его на обсужденіе государственнаго совѣта. Однако на этомъ дѣло и остановилось **).

Рядъ ходатайствъ о томъ же другихъ городскихъ думъ, какъ калужской (1872 г.), ржевской (1873 г.), златоустовской (1878 г.), былъ отклоненъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ за недостаточностью разработки проекта взиманія квартирнаго налога. Ходатайства другихъ думъ, какъ опоченской (1884 г.), поневѣжской (1880—81 г.), гороховецкой (1881—82 г.) также не получили необходимаго движенія, такъ какъ министерство то находило, что квартирный сборъ окажется весьма незначительнымъ, то указывало, что оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ не доведенъ до максимальныхъ предѣловъ ***).

На тѣхъ же мотивахъ было отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и ходатайство бугурусланской думы. Съ тѣмъ, какъ возникло ходатайство этой думы, не мѣшаетъ познакомиться, такъ какъ по этому примѣру можно видѣть, чѣмъ же собственно вызывались подобныя ходатайства незначительныхъ городовъ. Когда вводилось въ Бугурусланѣ городовое положеніе 1870 года, былъ составленъ избирательный списокъ. Число всѣхъ городскихъ избирателей опредѣлилось въ 452 человѣка, изъ которыхъ 396 человѣкъ получили избирательное право по владѣнію недвижимою собственностью и 56—по торговымъ документамъ; но въ дѣйствительности избирателей изъ торговаго класса оказалось въ болѣе значительномъ числѣ, до одной трети (149), такъ какъ среди домовладѣльцевъ многіе занимаются торговлею. По сословіямъ избиратели г. Бугуруслана распредѣлялись такъ:

| | | | |
|---|---|---|---|
| дворянъ, чиновниковъ, духовенства . . . . | 50 | изб. или | 11% |
| купцовъ и потомственныхъ гражданъ . . . | 69 | » » | 15% |
| мѣщанъ, крестьянъ и солдатъ . . . . . . | 333 | » » | 74% |

Такое ничтожное представительство первой группы и побуждало бугурусланскую городскую думу представить въ министерство свое ходатайство

*) *Записка сен. А. Половцева о сост. общ. гор. упр. и хоз. въ Кіевской губ.*, ч. I, стр. 256—265.

**) *Сводъ ходатайствъ. Мат. Кахановской ком.*

***) Ibid.

о введеніи въ пользу города сбора съ квартиръ (10%). «Установленіе этого налога, — говоритъ дума, — усиливая средства города, дастъ ему возможность восполнить составъ новаго управленія образованными людьми изъ разряда нанимателей квартиръ, которые нынѣ, не участвуя во взносѣ въ городскую кассу, не имѣютъ и права голоса во вновь учрежденномъ городскомъ управленіи» *).

Но были и такія ходатайства городскихъ думъ по интересующему насъ вопросу, которыя дошли до государственнаго совѣта. Такую судьбу имѣло ходатайство о введеніи квартирнаго налога, возбужденное одесскою городскою думою. Въ 1876 году тогдашнимъ одесскимъ городскимъ головою, Н. Новосельскимъ, былъ составленъ проектъ этого налога, необходимость котораго вызывалась недостаточностью средствъ города для удовлетворенія городскихъ нуждъ, постояннымъ дефицитомъ въ городскомъ бюджетѣ, невозможностью увеличенія оцѣночнаго сбора, безъ того уже обременительнаго для владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, взиманіемъ другихъ сборовъ уже въ высшемъ размѣрѣ. Налогъ этимъ проектомъ устанавливается прогрессивный, съ квартиръ стоимости въ 300 руб. взимается 3% и въ 2,000 руб.—10%. Исчислялось, что такой налогъ дастъ городской кассѣ до 210 тыс. руб. **). Установленіе этого налога, полагалъ Н. Новосельскій, не вызоветъ среди квартиронанимателей недовольства, если только имъ будутъ даны избирательныя права.

Предложеніе объ установленіи квартирнаго налога послѣ цѣлаго ряда преній, было принято одесскою думою, въ засѣданіи 25 февраля 1877 г., единогласно; причемъ, по предложенію гласнаго Яхненко, было постановлено начинать взиманіе налога съ квартиръ цѣною въ 120 руб. въ годъ (26 голосовъ противъ 10). При обсужденіи о квартирномъ налогѣ былъ возбужденъ и вопросъ о дарованіи и платящимъ такой налогъ правъ городскихъ избирателей. Гласный Сунди высказалъ по этому вопросу, что министръ внутреннихъ дѣлъ, согласно ст. 135 и п. 5 Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 16 іюня 1870 г., самъ входитъ при установленіи квартирнаго налога съ представленіемъ о дарованіи этимъ лицамъ избирательныхъ правъ, и поэтому думѣ нѣтъ надобности представлять какія-либо соображенія. Но послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ нѣкоторыми гласными, городской голова заявилъ, что вопросъ этотъ, какъ только будетъ разработанъ, внесется управою на обсужденіе думы ***).

Ходатайство одесской городской думы о введеніи квартирнаго налога было также отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое, «отдавая полную справедливость цѣлесообразности, въ общемъ видѣ, проекта городской думы, затруднялось дать этому ходатайству ходъ въ установленномъ порядкѣ, такъ какъ находило, что возможно уничтожить дефицитъ

*) *Самарск. Губ. Вѣд.* 1871 г., №№ 7 и 127.

**) Проектъ Н. Новосельскаго.

***) *Вѣдомости Одесск. Гор. Общ. Упр.* 1877 г., №№ 23, 24, 25.

города существующими средствами». Но впослѣдствіи, говорится въ *Вѣдомостяхъ Одесскаго Городского Общ. Управленія* 1890 г., № 22, ходатайство о квартирномъ налогѣ доходило до разсмотрѣнія государственнаго совѣта, но не получило дальнѣйшаго движенія, въ виду тѣхъ соображеній, что необходимо сохранять новые источники для будущихъ потребностей города и что установленіе новыхъ для города налоговъ должно быть совершаемо съ особою осмотрительностью, такъ какъ правительствомъ изыскиваются способы къ облегченію податной тягости менѣе состоятельныхъ плательщиковъ. Но одесская дума продолжала настойчиво добиваться осуществленія задуманной цѣли.

Въ 1882 году въ одесской думѣ былъ вновь возбужденъ вопросъ о квартирномъ налогѣ. Членъ управы Р. Л. Хари представилъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, приведено мнѣніе тогдашняго министра финансовъ, что «едва ли не самымъ удобнымъ способомъ, къ увеличенію городскихъ средствъ, служилъ бы квартирный налогъ, такъ какъ онъ не только могъ бы быть распредѣленъ между плательщиками съ большею равномѣрностью, причемъ лица, пользующіяся меньшими удобствами въ квартирномъ отношеніи, подлежали бы и уменьшенному обложенію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, налогъ сей содѣйствовалъ бы привлеченію къ участію въ городскомъ управленіи многихъ образованныхъ лицъ; единственное неудобство, представляемое квартирнымъ налогомъ,—участіе въ выборахъ лицъ, не имѣющихъ прочной осѣдлости,—могло бы быть устранено распространеніемъ избирательнаго права лишь на тѣхъ изъ квартирантовъ, которые имѣютъ въ городахъ постоянное мѣстожительство» *).

Дума согласилась съ этимъ докладомъ. Это возобновленное ходатайство также было оставлено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ безъ удовлетворенія согласно мнѣнію, высказанному временнымъ генералъ-губернаторомъ (ген. отъ инф. Роопомъ), который «не призналъ соображенія думы достаточно основательными и не видѣлъ необходимости въ установленіи проектируемаго налога, надобность въ которомъ можетъ встрѣтиться только въ будущемъ».

Въ 1890 году одесская городская управа, при городскомъ головѣ В. Лигинѣ, по докладу того же члена управы, Р. Л. Хари, постановила просить думу о возобновленіи ходатайства объ установленіи квартирнаго налога **). На этомъ дѣло и остановилось.

Такъ всѣ начинанія городскихъ думъ по вопросу о введеніи квартирнаго налога и дарованіи платящимъ такой налогъ избирательныхъ правъ не осуществились. Если и можно согласиться съ тѣмъ, неоднократно высказаннымъ мнѣніемъ, что большинство городскихъ думъ по самому своему

---

*) Докладъ Р. Л. Хари, стр. 3. *Вѣд. Одесск. Гор. Общ. Упр.* 1882 г., № 90.

**) *Вѣд. Одесск. Гор. Общ. Упр.* 1890 г., № 22. На тѣхъ же мотивахъ, по какимъ было отклонено министерствомъ ходатайство гор. Одессы, не были уважены также ходатайства думъ Либавы, Гапсаля, Гольдингена, Гробина, Газенпота, Россіенъ, Велижа. *Мат. Кахан. ком.*

составу не будетъ ходатайствовать о допущеніи въ свою среду элементовъ не изъ домовладѣльческаго и не изъ торговопромышленнаго слоя населенія, то съ оговоркою.

Намъ кажется, если хотя бы одно такое ходатайство было удовлетворено, то и другія городскія думы не замедлили бы подачею своихъ ходатайствъ. Среди думскихъ дѣятелей не мало лицъ, которыя убѣждены въ необходимости оживленія состава думъ образованнымъ элементомъ. Еще болѣе такихъ думъ, которыя сознаютъ всю необходимость въ установленіи квартирнаго налога, руководствуясь очевидною недостаточностью городскихъ средствъ.

Напрасно также, намъ кажется, высказывалось опасеніе возбудить недовольство среди городского населенія введеніемъ городского квартирнаго налога. Послѣ разработки этого вопроса въ городскихъ думахъ, послѣ цѣлаго ряда ходатайствъ думъ о введеніи въ пользу города квартирнаго налога министерство финансовъ достигло установленія государственнаго квартирнаго налога. Министерство финансовъ также было озабочено возможностью возбужденія недовольства въ населеніи новымъ налогомъ. Оно старалось установить такой способъ взиманія, который бы менѣе всего порождалъ среди нихъ недовольство, чтобы «самый способъ показывалъ бы объ уравнительности и соотвѣтствіи налога къ различному достатку квартиронанимателей». Это было необходимо, по мнѣнію министерства финансовъ, чтобы «не усиливать существующее и такъ въ сильной степени оппозиціонное отношеніе общества къ правительственнымъ мѣропріятіямъ» *).

Но чего хотѣлось избѣжать министерству финансовъ, то именно и произошло. Введеніе квартирнаго налога породило массу неудовольствій, пререканій, однако вызванныхъ не тѣмъ, что увеличили и такъ въ достаточной мѣрѣ существующую тяготу населенія, податныя силы котораго значительно умалились съ расширеніемъ косвенныхъ налоговъ, при увеличивавшейся дороговизнѣ жизни. Скорѣе всего и болѣе всего введеніе квартирнаго налога породило недовольство не способомъ взиманія, а тѣмъ, что съ установленіемъ государственнаго квартирнаго налога не было даровано плательщикамъ права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

## IV.

Неудовлетворительность городскихъ избирательныхъ порядковъ, введенныхъ Положеніемъ 1870 года, была констатирована и въ сенаторскихъ ревизіяхъ начала 80-хъ годовъ. Какъ на одинъ изъ главныхъ недостатковъ избирательнаго ценза прежняго положенія указывалось на совершенную недостаточность числа избирателей сравнительно съ общимъ числомъ всего городского населенія. Такъ, въ городѣ Кіевѣ отношеніе числа изби-

*) Представленіе министра финансовъ въ государственный совѣтъ объ установленіи государственнаго квартирнаго налога.

рателей ко всему населенію выразилось только въ 3,2%. Другимъ недостаткомъ было полное равнодушіе избирателей къ своему праву, ихъ повсемѣстно наблюдаемый абсентеизмъ. Въ томъ же Кіевѣ число неявившихся на выборы избирателей доходило до 83,3%. Въ чемъ же должны состоять средства для прекращенія такого ненормальнаго явленія? Въ той же запискѣ сенатора А. Половцева, откуда мы почерпали вышеуказанныя данныя относительно г. Кіева, приводится мнѣніе новгородсѣверскаго городского головы Т. К. Коссовскаго, что для уничтоженія всѣхъ недостатковъ городского самоуправленія необходимо «дать болѣе широкій доступъ въ избирательныя собранія образованному классу городскихъ жителей» *).

На это же указывалось и въ мнѣніи городского головы г. Воронежа,— въ мнѣніи, приведенномъ въ запискѣ сенатора С. Мордвинова. «Безспорно,—говоритъ голова,—что участіе лицъ, опытныхъ въ практическихъ дѣлахъ (т.-е. торговцевъ и промышленниковъ), не можетъ считаться вовсе безполезнымъ въ городскомъ представительствѣ, но городскому управленію принадлежатъ также заботы и о такихъ нематеріальныхъ нуждахъ, какъ общественное здравіе, внѣшнее благоустройство города, народное образованіе, устройство театровъ, музеевъ, библіотекъ и т. п. Поэтому едва ли возможно отрицать, что участіе въ этихъ дѣлахъ людей свѣдущихъ и образованныхъ представляется въ высшей степени необходимымъ; въ составъ же настоящихъ жителей города Воронежа входитъ не мало лицъ съ высшимъ образованіемъ, принадлежащихъ къ сословіямъ судебному, медицинскому, педагогическому и т. д.».

О томъ же говорится и въ мнѣніи городского головы г. Тамбова (въ той же запискѣ): «Образованное населеніе города: учителя среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, чины судебнаго и другихъ вѣдомствъ, лица свободныхъ профессій: врачи, адвокаты и т. п. устраняются отъ участія въ городскомъ управленіи, а между тѣмъ всѣ эти лица получили высшее или среднее образованіе, живутъ въ городахъ десятки лѣтъ и, конечно, при своемъ умственномъ развитіи могли бы оказать значительную пользу городскимъ учрежденіямъ»

«Интеллигентный классъ,— говоритъ кирсановскій городской голова,— который можно найти въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ лицѣ чиновниковъ, врачей, адвокатовъ, священниковъ и т. п., почти устраненъ отъ всякаго участія въ городскихъ дѣлахъ».

Практическія мѣропріятія городскихъ головъ, указывающихъ на существующее господство въ городскомъ управленіи торговопромышленнаго класса, сводились къ предложенію даровать избирательное право всѣмъ лицамъ, получившимъ высшее или среднее образованіе, при 2—3-лѣтнемъ пребываніи въ городѣ, хотя бы они не владѣли никакимъ имуществомъ.

Раздѣляя въ принципѣ мнѣнія названныхъ городскихъ головъ и утвер-

---

*) Записка сен. А. Половцева о сост. общ. гор. упр. и хоз. въ Кіевской губ., стр. 59 и 117, и Черниговской губ., стр. 163.

ждая, что квартиронаниматели уже вносятъ сборы въ городскую кассу въ формѣ косвенныхъ налоговъ и путемъ переложенія домовладѣльцами городскихъ сборовъ, ревизіонный сенаторъ С. Мордвиновъ предлагалъ «обновить и улучшить составъ думы расширеніемъ избирательныхъ правъ на квартиронанимателей», проживающихъ въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ и платящихъ за свою квартиру въ гг. Воронежѣ и Тамбовѣ не менѣе 300 р. въ годъ, а въ уѣздныхъ 200 руб., со внесеніемъ ихъ въ избирательный списокъ I-го разряда и съ установленіемъ пассивнаго образовательнаго ценза для всѣхъ гласныхъ *).

«Власть въ городахъ,—говоритъ С. Мордвиновъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, — до сего времени находится въ рукахъ необразованнаго, а въ уѣздныхъ городахъ весьма еще грубаго купеческаго сословія, къ тому же и весьма равнодушнаго къ городскимъ интересамъ. Большее участіе образованныхъ классовъ въ городскомъ самоуправленіи вызывается какъ справедливостью, такъ и пользою самихъ городовъ, но сему препятствіемъ служитъ то обстоятельство, что Положеніе 1870 г. исключаетъ изъ числа избирателей жителей, не владѣющихъ собственностью, хотя эти лица, живя въ городѣ по служебнымъ или инымъ отношеніямъ и нанимая постоянно квартиру, столько же заинтересованы въ благосостояніи города, какъ и остальные жители».

Матеріалы сенаторскихъ ревизій, какъ извѣстно, служили предметомъ обсужденій Высочайше утвержденной особой коммиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, подъ предсѣдательствомъ М. С. Каханова. Первоначальные проекты разрабатывались въ особомъ совѣщаніи **). Прежде всего совѣщаніе обратило вниманіе на полное несоотвѣтствіе городскихъ избирательныхъ собраній населенію городовъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, такъ какъ не только представляется крайне недостаточнымъ число избирателей по отношенію къ общему числу городскихъ жителей, но къ тому же въ число избирателей не входятъ многіе изъ самыхъ состоятельныхъ и очень мало изъ числа образованныхъ обывателей».

Отказавшись отъ принятаго въ Положеніи 1870 года, опредѣляющаго избирательное право, принципа платежа въ пользу городской кассы и признавъ введеніе городского квартирнаго налога правомъ городскихъ учрежденій, а не обязанностью, совѣщаніе, въ опредѣленіи избирательнаго права, остановилось на «признакахъ вѣроятнаго соединенія дѣйствительной состоятельности съ извѣстною долей образованія». Такихъ «признаковъ» совѣщаніе установило четыре: а) владѣніе въ городѣ недвижимымъ имуществомъ не ниже опредѣленной стоимости, б) содержаніе торговаго или промышленнаго заведенія не ниже опредѣленнаго размѣра, в) взятіе въ

*) Записка сенатора С. Мордвинова, стр. 2 и 22.

**) Въ разработкѣ проекта о город. самоупр. принимали участіе: М. С. Кахановъ М. Е. Ковалевскій, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, А. А. Половцевъ, Ѳ. Л. Барыковъ, И. Н. Дурново, И. Е. Андреевскій и П. А. Вагановъ.

городѣ купеческаго свидѣтельства и г) наемъ на свое имя квартиры за плату опредѣленнаго годового размѣра. «Каждый изъ этихъ признаковъ, по мнѣнію совѣщанія, составляетъ достаточное ручательство въ соотвѣтствіи удовлетворяющихъ онымъ лицъ разумнымъ требованіямъ избирателей». Величина ценза, по проекту совѣщанія, устанавливается думами въ предѣлахъ, опредѣленныхъ въ законѣ для различнаго разряда городовъ, съ утвержденіемъ такихъ постановленій «присутствіями» губернскаго правленія и съ правомъ обжалованія на общихъ основаніяхъ. Избиратели составляютъ три отдѣльныя избирательныя собранія: 1) владѣльцевъ недвижимаго имущества, 2) купцовъ и торговцевъ и 3) квартирантовъ. Каждое избирательное собраніе выбираетъ равное число гласныхъ. При многочисленности какой-либо группы избиратели раздѣляются на территоріальные участки, а по малочисленности той или иной группы устанавливается не три, а два избирательныхъ собранія *).

Этотъ выработанный совѣщаніемъ проектъ обсуждался въ коммиссіи, куда были приглашены также и свѣдущіе люди **). По вопросу о привлеченіи квартиронанимателей къ участію въ городскихъ дѣлахъ высказались противъ: А. Д. Пазухинъ, А. Е. Заринъ, С. С. Бехтѣевъ, Г. В. Кондоиди, А. К. Анастасіевъ, кн. Л. Н. Гагаринъ, Д. А. Наумовъ, А. В. Богдановичъ, т.-е. восемь изъ одиннадцати свѣдущихъ лицъ. Къ этимъ восьми присоединились также и члены гр. К. П. Паленъ, П. В. Оржевскій и А. И. Кислинскій. Противниками дарованія квартирантамъ избирательныхъ правъ приводились слѣдующія возраженія. Во-первыхъ, квартиранты не могутъ быть признаны коренными и осѣдлыми жителями города, почему дарованіе имъ избирательнаго права нарушило бы, по мнѣнію противниковъ, основное начало городового положенія. Во-вторыхъ, квартиранты не представляются имъ элементомъ болѣе, чѣмъ домовладѣльцы, развитымъ и способнымъ болѣе чутко относиться къ вопросамъ общественнаго блага. Въ-третьихъ, взглядъ на квартиронанимателей,—говорятъ противники расширенія городского представительства,—какъ на образованный и состоятельный классъ городского населенія, можетъ быть признанъ болѣе или менѣе правильнымъ только по отношенію къ населенію столицъ и другихъ большихъ городовъ; большинство же провинціальныхъ городовъ, гдѣ всякій, по ихъ мнѣнію, сколько-нибудь состоятельный обыватель обзаводится соб-

---

*) Журналы совѣщанія.

**) Коммиссію составляли: предсѣд. М. С. Кахановъ; члены: а) по назначенію и соглашенію съ подлежащими вѣдомствами: гр. П. А. Шуваловъ, гр. К. И. Паленъ, Г. П. Галаганъ, П. В. Оржевскій, Ѳ. М. Маркусъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Ѳ. Л. Барыковъ, И. И. Шамшинъ, кн. М. С. Волконскій, И. Г. Принтцъ, П. Н. Николаевъ, И. Е. Андреевскій, С. Л. Ольхинъ, М. А. Домонтовичъ, П. А. Аннинъ, И. А. Вагановъ и А. Н. Кислинскій; б) по приглашенію изъ числа мѣстныхъ дѣятелей: А. В. Богдановичъ, А. К. Анастасіевъ, Г. В. Кондоиди, А. Е. Заринъ, Д. А. Наумовъ, И. А. Горчаковъ, кн. Л. Н. Гагаринъ, С. С. Бехтѣевъ, А. Д. Пазухинъ, И. И. Глазуновъ и В. И. Лихачевъ.

ственнымъ домомъ, а квартиры нанимаются по большей части бѣднымъ людомъ, классъ квартиронанимателей, говорятъ они, не составляетъ образованной части городского населенія. Отсюда понятно, почему нѣкоторыми изъ вышеназванныхъ членовъ было высказано мнѣніе, что «улучшеніе городского дѣла можно ожидать не отъ прибавленія къ городскимъ избирателямъ новыхъ элементовъ, а единственно отъ устраненія тѣхъ обстоятельствъ, кои служатъ причиною уклоненія лучшихъ людей отъ участія въ избирательныхъ собраніяхъ и каковыя обстоятельства были бы совершенно уничтожены при организаціи городскихъ избирательныхъ собраній на сословномъ началѣ» (А. Д. Пазухинъ) и что «кругъ нынѣшнихъ (по Полож. 1870 г.) избирателей долженъ бы быть суженъ путемъ устраненія отъ выборовъ случайнаго и посторонняго городу элемента, для чего надлежало бы устранить отъ выборовъ всѣхъ лицъ, составляющихъ 3-й разрядъ избирателей, отбросить этотъ разрядъ, какъ ненужный балластъ, а первые два разряда просѣять» (С. С. Бехтѣевъ). Изъ этихъ словъ очевидно, что скрытымъ или, вѣрнѣе, едва прикрытымъ мотивомъ многихъ нежелавшихъ введенія квартиронанимателей въ городскія избирательныя собранія было одно только реакціонное и притомъ раздраженное чувство. Находясь подъ вліяніемъ предвзятой тенденціи либо возстановить старый сословный строй даже и въ городѣ, либо, сокративъ число избирателей, уничтожить самоуправленіе, они забыли, что сами же признаютъ квартиронанимателей въ большихъ городахъ классомъ образованнымъ и состоятельнымъ, а въ подкрѣпленіе положенія, что въ небольшихъ городахъ всѣ состоятельные квартиранты или обращаются въ домовладѣльцевъ, или остаются бѣднымъ и необразованнымъ людомъ, не привели никакихъ доказательствъ и основаній.

Но въ коммиссіи восторжествовало болѣе прогрессивное начало и болѣе правильное и справедливое мнѣніе. Предсѣдатель (М. С. Кахановъ), трое мѣстныхъ дѣятелей (И. А. Горчаковъ, И. И. Глазуновъ и В. И. Лихачевъ) и девять членовъ по назначенію (Г. П. Галаганъ, Ѳ. М. Маркусъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Ѳ. Л. Барыковъ, И. И. Шамшинъ, Н. Г. Принтцъ, И. Е. Андреевскій и П. А. Аннинъ) высказались за допущеніе квартиронанимателей въ городскія избирательныя собранія, однако при условіи платежа болѣе или менѣе высокаго размѣра квартирнаго налога въ пользу города. Дарованіе избирательныхъ правъ квартинанимателямъ, по мнѣнію защитниковъ такого предложенія, расширило бы городское представительство такими элементами городского населенія, которое весьма близко подходитъ къ домовладѣльцамъ, какъ «постоянно проживающіе въ городѣ въ нанятыхъ на свое имя квартирахъ», и будутъ притомъ сознательно относиться къ городскимъ дѣламъ, какъ «слой общества, обладающій извѣстнымъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ». Положеніе это,—говорили защитники интересовъ квартирантовъ,—безусловно вѣрное относительно столицъ и болѣе значительныхъ городовъ, примѣненное уже во всѣхъ большихъ городахъ Западной Европы, примѣнимо и къ неболь-

шимъ провинціальнымъ нашимъ городамъ, гдѣ, наприм., служащіе, состоящіе по образовательному своему цензу на уровнѣ не ниже уровня лучшей части городского общества, рѣдко обладаютъ собственными домами». Далѣе было высказано такое положеніе: «Въ городѣ связь лица съ мѣстомъ и заинтересованность его въ ходѣ городского управленія отнюдь не возникаетъ изъ владѣнія какою-либо недвижимостью, какъ въ уѣздѣ, а вызывается постояннымъ жительствомъ лица въ данномъ центрѣ, такъ какъ городъ есть средоточіе общественной жизни и интересовъ цѣлаго округа». Поэтому-то проживающій въ городѣ квартиронаниматель не есть пришлый, неосѣдлый и некоренной элементъ городского населенія. Поэтому-то нѣкоторыми членами коммиссіи было предложено даровать избирательное право не по платежу квартирнаго налога, а по найму квартиры не ниже опредѣленнаго размѣра (П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Ѳ. Л. Барыковъ и И. Е. Андреевскій). Введеніе же квартирнаго налога они предоставляли самимъ думамъ. Противъ этой факультативности высказался В. И. Лихачевъ, говоря, что такія ходатайства думъ будутъ отсутствовать. Изъ дальнѣйшаго хода преній можно заключить, что коммиссія все же пришла къ положительному рѣшенію вопроса о привлеченіи квартиронанимателей къ разряду полноправныхъ горожанъ *). Но, предоставивъ факультативно думамъ установленіе квартирнаго налога и признавъ условіемъ дарованія квартирантамъ избирательныхъ правъ платежъ этого налога, коммиссія, конечно, мало подвинула бы дѣло впередъ, даже еслибъ предположенія коммиссіи и осуществились. Можно согласиться съ высказаннымъ уже мнѣніемъ, что особое совѣщаніе выработало болѣе разумные проекты сравнительно съ предположеніями коммиссіи, которая, между прочимъ, даже высказалась за сохраненіе столь печальной трехразрядной системы по величинѣ платежей, отклонивъ проектированныя совѣщаніемъ три избирательныхъ собранія, организуемыхъ по классовымъ интересамъ, что все же выше старой системы **).

Въ двадцатилѣтіе между изданіемъ городовыхъ положеній 1870 и 1892 годовъ избирательная городская система, можно сказать, почти не сходила со столбцовъ печати. Этому вопросу посвящали свое время А. Д. Градовскій, Головачевъ въ *Отеч. Запискахъ*, Дитятинъ въ *Русской Мысли* и *Юридич. Вѣстникѣ*, г. Арсеньевъ въ *Вѣстн. Европы*, г. Джаншіевъ въ *Русскихъ Вѣдом.* Въ провинціальной печати предъ самою выработкой новаго 1892 г. положенія замѣтно было направленіе къ установленію новыхъ избирательныхъ порядковъ. Такъ, между прочимъ, этому вопросу посвящена глава въ изданной въ провинціи (г. Харьковѣ) книгѣ бывшаго

---

*) Журналы коммиссіи.

**) *Вѣстникъ Европы* 1890 г., № 12, и 1887 г., № 12, „Внутр. Обозр."

городского головы, г. Фесенко, *Къ вопросу о реформѣ городскихъ общественныхъ учрежденій.*

Авторъ высказался противъ существовавшей тогда трехразрядной по величинѣ платежей системы, противъ предлагаемой другими сословности въ организаціи избирательныхъ собраній.

Всѣ невыгодныя условія тогдашнихъ избирательныхъ порядковъ уничтожаются, по мнѣнію Фесенка, учрежденіемъ избирательныхъ собраній по территоріальнымъ участкамъ.

Но далѣе авторъ отступаетъ нѣсколько отъ строго-территоріальной системы. Онъ раздѣляетъ городъ на мѣстные общины-приходы, которые производятъ выборы гласныхъ городской думы. Но такіе общины-приходы, по мнѣнію самого автора, надо создать, такъ какъ «правильной организаціи приходовъ у насъ не существуетъ».

Относительно же избирательнаго ценза г. Фесенкомъ активный цензъ поставленъ весьма широко. Правомъ избранія гласныхъ думы пользуются «всѣ лица мужского пола, достигшія гражданской правоспособности, и притомъ не только обыватели-собственники, но и обыватели-арендаторы или квартиронаниматели». Но затѣмъ отъ такой широкой постановки вопроса авторъ отказывается, устанавливая особый пассивный цензъ. Въ гласные могутъ быть, по его мнѣнію, избираемы только тѣ лица, которыя владѣютъ недвижимою собственностью. Съ установленіемъ особаго пассивнаго ценза положительно нельзя согласиться. Наше законодательство признаетъ общимъ положеніемъ одинаковость активнаго и пассивнаго цензовъ. Въ нашей исторической жизни особый пассивный цензъ если и существовалъ, то въ продолженіе незначительнаго времени. Господствующимъ началомъ и въ прошломъ была эта одинаковость цензовъ. Составъ думъ только тогда будетъ соотвѣтствовать составу избирательныхъ собраній, когда эти цензы одинаковы. Только тогда можно разсчитывать на проявленіе избирателями глубокаго интереса къ городскому самоуправленію, когда они могутъ надѣяться на избраніе и не будутъ стѣснены въ выборѣ лицъ, признаваемыхъ ими лучшими. Чѣмъ шире кругъ лицъ, изъ котораго можно избирать, тѣмъ составъ думъ будетъ и разнообразнѣе, болѣе соотвѣтствовать составу городского населенія, будетъ дѣйствительнымъ представителемъ этого населенія; такой составъ будетъ лучшимъ. А въ противномъ случаѣ, пожалуй, и не изъ кого выбирать гласныхъ.

Но посмотримъ, какими мотивами руководствовался г. Фесенко въ признаніи за домовладѣльцами исключительнаго права быть выбираемыми въ гласные городскихъ думъ?

«Въ числѣ условій, которыя должны имѣть значеніе при избраніи обывателей города въ составъ думъ, должны быть приняты во вниманіе и имущественный цензъ обывателя, и его постоянная осѣдлость. Для того, чтобы стать хорошимъ распорядителемъ общественной собственности, необходимо быть хорошимъ хозяиномъ своей собственности, а потому, очевидно, необходимо имѣть таковую».

Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ категоріи совершенно различнаго порядка: собственность частная и собственность общественная, какъ и собственность государственная, не можетъ управляться однимъ и тѣмъ же началомъ, и отождествляетъ общественную собственность съ городскимъ бюджетомъ, съ правомъ издавать обязательныя постановленія для всѣхъ жителей города, съ удовлетвореніемъ потребностей населенія въ просвѣщеніи и т. п.

Затѣмъ авторъ развиваетъ преимущество домохозяевъ — сравнительно съ арендаторами.

«Конечно,—говоритъ авторъ,—арендаторъ чужой собственности также можетъ быть хорошимъ хозяиномъ, а потому, очевидно, можетъ быть и прекраснымъ распорядителемъ общественной собственности, но арендаторъ чужой собственности находится въ условіяхъ, до нѣкоторой степени тождественныхъ съ лицомъ, временно или случайно попавшимъ въ число обывателей даннаго города; не будучи связанъ цѣпями постояннаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, облагаемымъ извѣстными налогами, онъ легко можетъ покинуть городъ». Такимъ образомъ авторъ здѣсь то устанавливаетъ преимущество постояннаго владѣнія недвижимаго имущества сравнительно съ частою мѣною арендаторомъ нанимаемаго имъ помѣщенія, то признаетъ и за арендаторомъ возможность умѣлаго распоряженія общественнымъ дѣломъ. Относительно же большаго постоянства домовладѣльцевъ должно замѣтить, что въ настоящее время городскія недвижимыя имущества обладаютъ въ значительной мѣрѣ характеромъ большой подвижности: такъ часто теперь происходитъ смѣна владѣльцевъ недвижимаго имущества. «Арендаторъ-обыватель,—говоритъ далѣе г. Фесенко,—покинувъ городъ, предоставитъ городу въ будущемъ окончить дѣло или съ долгами, или съ усиленными налогами, явившимися результатомъ цѣлаго ряда предложеній, которыя были постановлены думами, состоявшими по преимуществу не изъ обывателей-собственниковъ, а изъ обывателей-арендаторовъ». Въ основаніе такого опасенія приводится соображеніе, что арендаторы и квартиранты «никогда не могутъ осязательно почувствовать всю тягость налоговъ, платимыхъ обывателемъ-собственникомъ, такъ какъ арендаторы или квартиранты знакомы съ однимъ лишь расходомъ—платою за квартиру или за аренду».

Едва ли квартиранты будутъ увеличивать налоги, такъ какъ они испытываютъ на себѣ всю тяжесть налагаемыхъ на недвижимыя имущества сборовъ и уплачиваемыхъ ими же, квартирантами, вслѣдствіе переложенія этого сбора на квартирныя платы. Квартирантамъ также, думается, понятна необходимость равновѣсія между доходами и расходами и соотвѣтствія между степенью имущественнаго обезпеченія и высотой налагаемыхъ сборовъ.

Вообще положенія г. Фесенка противорѣчивы, и представляется весьма труднымъ примирить предлагаемый имъ пассивный цензъ, отдающій городское управленіе въ руки одного класса—городского населенія-домовладѣльцевъ,

съ необходимостью, тѣмъ же авторомъ доказываемою, предоставленія квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей.

Избирательная городская система не мало обсуждалась также и повременною провинціальною печатью.

Вопросъ о представительствѣ, говорили въ 1890 г. *Русскія Вѣдомости* въ статьѣ *Провинціальная печать о городской реформѣ*,—«является центральнымъ и наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе провинціальной печати». Въ этой статьѣ сгруппированы мнѣнія такихъ провинціальныхъ изданій, какъ *Виленскій Вѣстникъ*, *Одесскій Листокъ*, *Бессарабскій Вѣстникъ*, *Южный Край*, *Саратовскій Дневникъ* и другія. Всѣ эти изданія причиною неустройствъ городского общественнаго управленія считаютъ преимущественно недостатки избирательной системы 1870 года. Результатомъ примѣненія этой системы оказалось нерадѣніе городскихъ думъ объ интересахъ большинства городского населенія, невниманіе къ нуждамъ бѣдняковъ, отождествленіе городскихъ общественныхъ интересовъ съ своими личными эгоистическими, украшеніе центральныхъ частей и заброшенность окраинъ городовъ, равнодушіе къ вопросамъ народнаго здравія, народнаго образованія, народнаго обезпеченія и т. п. *).

Во многихъ газетахъ признавалось самымъ необходимымъ уничтоженіе трехразрядной, по величинѣ платежей, избирательной системы, установленіе избирательныхъ собраній по территоріальнымъ участкамъ и предоставленіе квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей. Но одними предлагался минимумъ квартирной платы весьма высокій и установленіе для квартиронанимателей обязательности образовательнаго ценза не ниже окончанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такія мнѣнія вызывались желаніемъ предотвращенія увеличенія численности избирателей и опасеніемъ, чтобы съ массою квартиронанимателей не вошли въ еще большемъ числѣ и не усилились элементы неинтеллигентные. Мы въ другомъ мѣстѣ доказывали всю неосновательность такого опасенія **).

Болѣе детальные проекты измѣненій въ избирательной системѣ появились на столбцахъ *Саратовскаго Дневника*. Одинъ изъ этихъ проектовъ принадлежитъ А. Н. Епифанову. Авторъ устанавливаетъ такое основное положеніе: «Горожанинъ, пользующійся удобствами городской жизни, долженъ нести и повинность управленія городомъ». Такое начало заставляетъ автора признать справедливость расширенія избирательнаго права на лицъ «образовательнаго и служебнаго ценза». «Разрядъ образовательнаго ценза,— говоритъ Епифановъ,—тамъ, гдѣ онъ есть, непремѣнно долженъ быть введенъ въ составъ городского управленія, иначе представляется большою несправедливостью, что человѣкъ по образованію, по своей службѣ, по давнему проживанію въ городѣ имѣетъ всѣ права гражданства, но не участвуетъ въ городскомъ управленіи только потому, что не нажилъ дома».

*) *Русскія Вѣд.* 1890 г., № 309.
**) *Новое Слово* 1896 г., ноябрь.

Но далѣе авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ ограниченій такого начала. Въ составъ этого разряда должны быть приняты лица, получившія образованіе не ниже средняго и имѣющія служебное мѣсто не ниже опредѣленнаго класса, и врачи, а также—прибавляетъ авторъ—можетъ быть и лица другихъ профессій. Далѣе для лицъ этого разряда устанавливается значительно большая, сравнительно съ другими, продолжительность пребыванія въ городѣ (10 лѣтъ), и этотъ разрядъ избираетъ гласныхъ только изъ своей среды и не болѣе 10 процентовъ всего числа гласныхъ. Значеніе предоставленія квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей по проекту А. Н. Епифанова умаляется еще и тѣмъ, что авторъ частью устанавливаетъ сословную организацію выборовъ, частью классовую, частью оставляетъ старую трехразрядную *).

Недостатки этого проекта уже были отмѣчены въ свое время **).

Мы же остановились на этихъ двухъ проектахъ гг. Фесенка и Епифанова потому, чтобы показать, какъ сильно ощущается необходимость въ дарованіи избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ, если эта мысль пробивается и у такихъ осторожныхъ въ этомъ отношеніи лицъ.

## VI.

Проекты улучшенія избирательной системы, появлявшіеся время отъ времени въ печати, ходатайства городскихъ думъ о привлеченіи квартиронанимателей къ участію какъ въ несеніи городскихъ расходовъ, такъ и въ городскомъ управленіи, обсужденіе этихъ же вопросовъ въ Кахановской коммиссіи, должны были обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ при выработкѣ проекта новаго городового положенія.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, желая ближе ознакомиться со взглядами городскихъ обществъ, запросило отъ губернаторовъ ихъ заключенія, между прочимъ, и по вопросу объ избирательной системѣ. Эти заключенія они должны были составить послѣ совѣщаній съ приглашенными лицами, «близко стоящими къ городскому дѣлу или могущими по своимъ познаніямъ принести пользу въ сужденіяхъ по оному».

Къ сожалѣнію, министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло возможнымъ обратиться прямо и непосредственно къ городскимъ общественнымъ учрежденіямъ. Поэтому голосъ самихъ городскихъ общественныхъ учрежденій могъ и не быть услышанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Кому ближе и кто можетъ болѣе имѣть указываемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ познанія, какъ не самыя городскія думы? Пусть онѣ выскажутся. Неисчислимую пользу принесъ бы запросъ всѣхъ думъ о замѣченныхъ министерствомъ или самими думами недостаткахъ городового положенія 15 іюля 1870 года.

---

*) *Саратовскій Дневникъ* 1890 г., № 207.

**) *Вѣст. Евр.* 1890 г., № 12, „Внутр. обозр.“, стр. 831.

Но даже если выборъ свѣдующихъ лицъ администраціею и былъ бы сдѣланъ удачно, все же министерство внутреннихъ дѣлъ, получивъ только однѣ заключенія губернаторовъ, не могло узнать, что ему доставлено: мнѣнія ли представителей администраціи или же взгляды на возбужденный вопросъ мѣстныхъ дѣятелей.

Какъ же было выполнено мѣстною администраціей предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о совѣщаніи съ лицами, могущими своими знаніями принести пользу? Кто же былъ призванъ на это совѣщаніе? Повидимому большинство тѣхъ губернаторовъ, которые обратились къ содѣйствію мѣстнаго городского общества, устроили изъ губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій родъ комитетовъ, призвавъ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей и не изъ состава присутствій.

Въ составленіи этихъ комитетовъ все было предоставлено на личное усмотрѣніе мѣстной администраціи, на ея субъективную оцѣнку.

Поэтому въ образованіи этихъ комитетовъ или, лучше сказать, распространенныхъ присутствій по городскимъ дѣламъ, не было какого-либо общаго плана. По имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ о семнадцати такихъ комитетахъ были призваны для совѣщаній представители коронной службы, общественныхъ управленій, сословныхъ органовъ и другихъ учрежденій *).

Для показанія того, насколько въ этихъ комитетахъ преобладалъ тотъ или иной разрядъ представительствъ, мы раздѣлимъ эти семнадцать комитетовъ на три группы. Въ одну войдутъ комитеты съ представительствомъ только органовъ самоуправленія. Такихъ было только три **)

Ко второй группѣ мы причислимъ смѣшанные по своему составу комитеты, куда были приглашены и лица коронной службы, но при большинствѣ представителей общественнаго самоуправленія, вмѣстѣ съ вообще незначительнымъ и рѣдкимъ призывомъ лицъ прямо изъ городского общества. Такихъ комитетовъ было девять ***).

---

*) Вотъ перечень лицъ, приглашенныхъ на совѣщаніе семнадцатью начальниками: вице-губернаторъ, очевидно въ качествѣ предсѣдателя этихъ комитетовъ, прокуроръ окружнаго суда, товарищъ его, предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, юрисконсультъ, членъ военнаго морского суда, судебный слѣдователь, управляющіе казенною, контрольною палатами и отдѣленіемъ государственнаго банка, совѣтникъ губернскаго правленія, правитель канцеляріи губернатора, его помощникъ, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, уѣздный начальникъ, врачебный инспекторъ, директоръ городскихъ училищъ; далѣе: городскіе головы губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, гласные городскихъ думъ, предсѣдатели губернской и уѣздной управъ, секретари городскихъ думъ, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель биржевого комитета, домовладѣльцы, бывшій городской голова и профессоръ демидовскаго лицея. *Сводъ мнѣній губерн. начал.*

**) Пермскій, пригласившій въ совѣщаніи всѣхъ городскихъ головъ губерніи, тобольскій, составившій совѣщательный комитетъ изъ нѣсколькихъ уѣздныхъ городскихъ головъ, бессарабскій, пригласившій кишиневскаго городского голову и предсѣдателей земскихъ управъ, губернской и мѣстной уѣздной.

***) Губернаторы: астраханскій, воронежскій, казанскій, рязанскій, псковской, тульскій, харьковскій, ярославскій и петербургскій градоначальникъ. Между про-

Къ третьей группѣ могутъ быть отнесены также смѣшанные комитеты, но съ преобладаніемъ представителей коронной администраціи. Такихъ оказалось шесть *).

Такимъ образомъ и въ выработкѣ проекта новаго Городового Положенія было, правда, весьма незначительное участіе мѣстныхъ людей.

Министерство не рѣшилось, повторимъ, обратиться непосредственно къ общественному управленію. Оно не довѣряло дѣйствовавшимъ на основаніи закона двадцать лѣтъ органамъ общественнаго городского самоуправленія. Однако это министерство принуждено было все-таки обратиться къ общественному содѣйствію и организовало это содѣйствіе безъ одинаковаго плана, не выработавъ правильной организаціи совѣщаній съ общественными силами.

Конечно, поэтому сильнаго вліянія на законопроектъ отъ такого обращенія къ голосу общества нельзя было ожидать; но все-таки и такая форма совѣщанія не могла не оказать своего вліянія на характеръ заключеній, которыя доставлены были въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторами.

Къ разсмотрѣнію этихъ заключеній по отношенію къ занимающему насъ вопросу объ избирательномъ городскомъ цензѣ мы и переходимъ теперь. Почти всѣми представителями мѣстной власти было признано, что дѣйствующее по Городовому Положенію 1870 г. опредѣленіе этого ценза требуетъ коренного измѣненія.

Эти предложенія состояли, во-первыхъ, въ исключеніи различныхъ категорій лицъ, имѣвшихъ право быть избирателями, и, во-вторыхъ, въ предоставленіи правъ городскихъ избирателей новымъ категоріямъ лицъ, прежде лишенныхъ такого права.

Было предположено устранить отъ участія въ городскомъ самоуправленіи: приказчиковъ мелочныхъ торговцевъ, трактирщиковъ, купцовъ 2-й гильдіи, всѣхъ торговцевъ и владѣльцевъ мелкой недвижимой собственности.

Пользованіе правомъ городскихъ избирателей всѣми перечисленными категоріями лицъ повело, по мнѣнію губернскихъ начальствъ, къ преобладанію въ городскомъ управленіи торгово-промышленнаго класса, въ ущербъ «высшимъ» городскимъ сословіямъ **).

---

чимъ, воронежскій, псковскій, тульскій, харьковскій и ярославскій пригласили гласныхъ въ числѣ отъ 5 (псковской) до 2 гласныхъ, а ярославскій пригласилъ 2 профессоровъ Демидовскаго лицея. Составъ комитета, организованнаго с.-пб. градоначальникомъ П. А. Грессеромъ (подъ его предсѣдательствомъ): помощникъ градоначальника И. Н. Турчаниновъ, предсѣдатель казенной палаты П. А. Корсаковъ, с.-пб. город. голова В. И. Лихачевъ, товарищъ город. головы Н. Н. Медвѣдевъ, гласные с.-пб. думы П. П. Дурново, П. В. Жуковскій, М. М. Стасюлевичъ, Ф. К. Сань-Гали. *Извѣст. Спб. Город. Думы* 1892 г., № 31.

*) Губернаторы: архангельскій, вологодскій, могилевскій, всѣ трое передавшіе вопросъ о недостаткахъ Городового Положенія обсужденію губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій, эстляндскій губ. однако пригласившій 7 гласныхъ думы, и военные губернаторы—кронштадтскій и николаевскій. *Сводъ мнѣній губ. нач.*

**) Губернаторы: астраханскій, владимірскій, воронежскій, екатеринославскій,

На самомъ же дѣлѣ не предоставленіе правъ городскихъ избирателей торговому классу повело къ такому преобладанію, а трехразрядная выборная система, отдавшая городское управленіе въ безраздѣльное господство перваго и второго разрядовъ, т.-е. плательщиковъ высокаго налога, да лишеніе избирательнаго права квартиронанимателей, какъ класса болѣе образованнаго. Лишеніе избирательныхъ правъ приказчиковъ, мелкихъ торговцевъ и владѣльцевъ мелкой собственности повело только къ одному: къ уменьшенію числа избирателей, на что, между прочимъ, указывалось въ губернаторскихъ донесеніяхъ. Такъ, въ г. Вильнѣ это сокращеніе должно было выразиться въ 35 процентовъ, въ Петербургѣ болѣе 50 процентовъ, въ Ревелѣ—30 процентовъ, въ Минскѣ—70 процентовъ, въ городахъ Псковской губерніи до 80 процентовъ *).

Но большинство представителей мѣстной администраціи высказалось за отнятіе избирательнаго права и притомъ не только у приказчиковъ и мелочныхъ торговцевъ, но и мелкихъ торговцевъ, устанавливая минимумъ годового оборота:

для губернскихъ городовъ отъ 6 т. до 15 т. и
» другихъ » » 6 » » 3 »

Въ числѣ мѣръ, предположенныхъ мѣстною администраціей въ видахъ предотвращенія на будущее время преобладанія торговаго класса, было высказано желаніе о совершенномъ исключеніи всего торговопромышленнаго класса. О такомъ радикальномъ способѣ говорили губернаторы: виленскій, казанскій. Послѣдній мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что зажиточное мѣстное купечество владѣетъ по большей части недвижимымъ имуществомъ: домами, фабриками, лавками и т. п.

Однако девятью представителями мѣстной администраціи было признано необходимымъ предоставить право городскихъ избирателей всѣмъ уплачивающимъ городской сборъ съ торговыхъ документовъ **).

Восторжествовало предложеніе о лишеніи избирательнаго права большей части избирателей изъ торговаго класса.

Въ первоначальномъ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ было предложено лишить избирательнаго права не только приказчиковъ, не только мелочныхъ торговцевъ, но и всѣхъ купцовъ, если они не имѣютъ недвижимаго имущества. Новымъ же Городовымъ Положеніемъ сохранено

---

костромской, курскій, могилевскій, пермскій, полтавскій, симбирскій, смоленскій, саратовскій, таврическій, тульскій, тверской, херсонскій, черниговскій, ярославскій и одесскій градоначальникъ. *Сводъ мнѣній.*

*) *Сводъ мнѣній губ. нач.*

**) За исключеніе изъ состава избирательныхъ собраній лицъ, получившихъ право по сбору съ торговыхъ документовъ, высказались губернаторы: астраханскій, владимірскій, воронежскій, екатеринославскій, костромской, саратовскій и таврическій; противъ исключенія—губ.: архангельскій, бессарабскій, лифляндскій, рязанскій, тверской, тобольскій, херсонскій, черниговскій и эстляндскій.

избирательное право за купцами обѣихъ гильдій, но въ Петербургѣ и Москвѣ лишены этого права купцы 2-й гильдіи.

Такимъ образомъ тотъ классъ городского населенія, который издавна пользовался правомъ участія въ городскомъ самоуправленіи, лишенъ въ своей массѣ этого права. Какъ бы плохо ни велось городское дѣло, но умѣнье вести общественное дѣло вырабатывается непосредственнымъ участіемъ въ какихъ-либо формахъ общественныхъ союзовъ. Не одна только подготовка въ учебныхъ заведеніяхъ, но и школа жизни, практика, имѣетъ въ этомъ отношеніи значеніе.

То же самое должно сказать и относительно предложенія объ исключеніи изъ состава избирательныхъ городскихъ собраній владѣльцевъ мелкой недвижимой собственности. Эти мелкіе домовладѣльцы по большей части идутъ по прямой линіи отъ посадскихъ и мѣщанъ, т.-е. той части городского населенія, которая издавна привыкла къ участію въ городскомъ самоуправленіи. Къ тому же среди домовладѣльцевъ этой категоріи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранился старый типъ домо-хозяина, лично ведущаго свое домовое хозяйство, а не дѣлающаго изъ своего дома исключительно торговаго квартирнаго заведенія. Какъ относительно мелкихъ торговцевъ, также и по отношенію мелкихъ домовладѣльцевъ, опытъ минувшихъ годовъ положительно не даетъ права установить положеніе, что участіе этого разряда лицъ въ избирательныхъ собраніяхъ должно быть признано вреднымъ. Намъ кажется, что не это признаніе послужило основаніемъ къ исключенію мелкихъ домовладѣльцевъ изъ состава избирательныхъ собраній, а напротивъ стремленіе сократить число избирателей было основаніемъ этого признанія.

Въ предложеніяхъ представителей мѣстной власти объ исключеніи владѣльцевъ мелкой недвижимой собственности избирательный цензъ устанавливался весьма различно: по минимуму дохода, исчисленнаго городскою оцѣнкой въ губернскихъ городахъ отъ 300 до 6,000 р., въ сред.—1,635 руб. и въ уѣздныхъ городахъ отъ 50 до 1,500, въ сред. 478 и по минимуму оцѣночнаго сбора отъ 1 до 5 р. *).

Но, правда, было высказано желаніе предоставить пользоваться избирательнымъ правомъ, черезъ выборъ уполномоченныхъ, владѣльцамъ мелкой недвижимой собственности по оцѣночному доходу:

Въ губернскихъ город. отъ 100 р. до 600 р. въ сред. 256 р.
» уѣздныхъ » » 30 » » 100 » » » 74 » **).

Однако были высказаны мнѣнія и противъ лишенія непосредственнаго избирательнаго права владѣльцевъ мелкой недвижимости ***).

---

*) 300 р. тульскій и уфимскій губернаторы, 3,000 р. с.-петербургскій комитетъ, 4,000 р. градоначальникъ.

**) Новгородскій губернаторъ ставитъ опредѣленіе минимума стоимости недвижимаго имущества, дающей право быть непосредственнымъ избирателемъ, въ зависимости отъ числа жителей, причемъ предлагаетъ весьма высокій цензъ, уменьшая его въ половину для владѣльцевъ, имѣющихъ право выбрать уполномоченныхъ, именно въ городахъ до 10 т. жит. 1,500 р., 50 тыс.—5,000 р., свыше 50 т.—25,000 р.

***) Архангельскій, тамбовскій, тобольскій, тверской, владимірскій, вологодскій, нижегородскій, пермскій, виленскій, казанскій и полтавскій.

Между прочимъ, генералъ-губернаторъ кіевскій, подольскій и волынскій говорилъ, что установленіе минимума требуетъ предварительно общей переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ, что это установленіе повлечетъ за собою уменьшеніе числа избирателей, не соотвѣтствующее дѣйствительной населенности края, и что отъ сокращенія числа избирателей можно опасаться самыхъ неблагопріятныхъ послѣдствій.

Нельзя не привести къ этому же мнѣнію и заключеніе смоленскаго губернатора, который, предлагая совершенное уничтоженіе имущественнаго ценза, между прочимъ говоритъ: «Если цензъ высокій, то городское хозяйство будетъ въ рукахъ очень ограниченнаго круга и обязательно торгово-промышленнаго сословія, такъ какъ именно лица этого сословія владѣютъ болѣе цѣнными имуществами».

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе керчь-еникольскаго градоначальника, высказанное по вопросу объ ограниченіи евреевъ въ участіи въ городскомъ самоуправленіи:

«Единственное средство бороться съ вліяніемъ евреевъ заключается въ развитіи самодѣятельности и солидарности въ средѣ христіанскаго населенія городовъ, такъ какъ юридическія ограниченія оказываютъ весьма мало практическаго дѣйствія въ этомъ отношеніи».

Составители новаго Городового Положенія высказались за установленіе высокаго ценза и за сильное ограниченіе числа избирателей, за уменьшеніе самодѣятельности городского населенія и за уничтоженіе солидарности между горожанами-плательщиками и горожанами-избирателями.

Въ губернскихъ заключеніяхъ однако было предложено замѣнить исключаемыхъ изъ состава избирательныхъ собраній новымъ элементомъ.

Прежде всего отмѣтимъ въ этомъ отношеніи предложеніе предоставить избирательныя права лицамъ, имѣющимъ пожизненное владѣніе (Владимірской, Эстляндской и др. губ.) или владѣющимъ на поссесіонномъ правѣ (Олонецкой губ.). Слѣдовало бы ожидать, что въ Западномъ краѣ, гдѣ городскіе обыватели нерѣдко владѣютъ землею на чиншевомъ правѣ, тамошніе представители администраціи выскажутся за предоставленіе чиншевикамъ правъ городскихъ избирателей, но между тѣмъ ковенскій губернаторъ въ мотивахъ исключенія мѣщанъ изъ состава городскихъ избирателей приводилъ именно указываемое положеніе мѣщанъ въ Западномъ краѣ *).

Но большинство представителей мѣстной администраціи высказалось за включеніе въ число городскихъ избирателей нанимателей квартиръ. Такое предположеніе было сдѣлано тридцати-шестью начальниками губерній и градоначальствъ **).

---

*) *Сводъ мнѣній*. стр. 37.

**) Губернаторы: астраханскій, воронежскій, саратовскій, таврическій, архангельскій, бессарабскій, витебскій, вятскій, ковенскій, кронштадтскій, николаевскій, рязанскій, ярославскій, с.-петербургскій градоначальникъ, владимірскій, гродненскій, екатеринославскій, кіевскій, костромской, курскій, курляндскій, могилевскій, олонецкій, пензенскій, смоленскій, тамбовскій, тверской, тульскій, харьковскій, херсонскій,

Одна часть губернаторовъ (пятнадцать) предлагала даровать избирательное право квартиронанимателямъ вмѣстѣ съ установленіемъ городского квартирнаго налога, причемъ взиманіе такого налога должно производиться съ опредѣленной въ законѣ минимальной платы. Минимумъ квартирной платы, дающей право быть городскимъ избирателемъ, предлагался въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ губернскихъ городахъ отъ 100 до 800 р. въ уѣздныхъ отъ 36 до 200 руб. и въ остальныхъ городахъ отъ 18 руб., и болѣе *).

Было предложено даровать избирательное право только вообще крупнымъ квартиронанимателямъ, а мелкимъ предоставить пользоваться избирательнымъ правомъ черезъ выборъ уполномоченныхъ.

Другая часть губернскихъ начальствъ (21) высказались за предоставленіе квартиронанимателямъ правъ участія въ городскомъ самоуправленіи безъ установленія квартирнаго налога.

Но нѣкоторые губернаторы ограничивали дарованіе квартиронанимателямъ права городскихъ избирателей различными условіями: принадлежностью къ сословію потомственныхъ и личныхъ дворянъ (тамбовскій) и къ классу чиновниковъ (тобольскій, смоленскій, севастопольскій) или опредѣленнымъ размѣромъ жалованья и пенсіи (700—300 и 1,200—600 р.), или же образовательнымъ цензомъ (тобольскій, воронежскій, ярославскій и подольскій), или наконецъ, уплатою государственнаго квартирнаго налога (ген.-губ. гр. Игнатьевъ и лифляндскій губернаторъ) **).

Предложенія о предоставленіи квартиронанимателямъ правъ городскихъ избарателей мотивированы тѣмъ, во-первыхъ, что квартиронаниматели не могутъ не считаться заинтересованными въ городскомъ благоустройствѣ; во-вторыхъ, по своимъ познаніямъ и умственному развитію должны принести не малую дозу пользы для дѣла; въ-третьихъ, квартиронаниматели затрачиваютъ на жизнь въ городѣ значительныя сравнительно суммы; въ-четвертыхъ, они составляютъ главную основу городского населенія, въ средѣ коего домовладѣльцы и торговцы являются лишь посредниками между квартиронанимателями и городскою кассой въ платежахъ городскихъ налоговъ, путемъ переложенія оцѣночнаго сбора на квартиранта ***).

Графъ Игнатьевъ, ген.-губ. кіевскій, подольскій и волынскій, указывалъ на тотъ недостатокъ Городового Положенія 1870 г., что оно, «не

---

керчь-еникольскій, севастопольскій и одесскій градоначальники, псковскій, подольскій, а также генералъ-губернаторы: кіевскій, волынскій и подольскій. *Сводъ мнѣній.*

*) Въ Архангельскѣ 100 руб., Ярославлѣ 300 руб., Воронежѣ 500 руб., Петербургѣ 600 р., Кронштадтѣ 800 р.

Избирательное право квартирантовъ пріурочивалось также къ минимуму уплачиваемаго въ пользу города сбора съ квартиръ отъ 1 р. до 5 р.

**) Было сдѣлано предложеніе о предоставленіи квартиро-нанимателямъ избирательныхъ правъ только въ тѣхъ городахъ, гдѣ группируется значительное число интеллигентныхъ лицъ.

***) *Сводъ мнѣній,* стр. 35—43.

устанавливая равномѣрнаго представительства всѣхъ возможныхъ интересовъ городскихъ обывателей, устраняетъ отъ участія въ городскихъ дѣлахъ цѣлые разряды лицъ, вполнѣ обезпеченныхъ и достаточно образованныхъ». Включеніе же квартиронанимателей въ избирательные списки, по его мнѣнію, принесло бы пользу въ смыслѣ поднятія уровня представительства *).

Абсолютными и рѣшительными противниками введенія квартиронанимателей въ составъ городскихъ избирательныхъ собраній оказались только два губернатора—виленскій и казанскій. Такое мнѣніе основалось на затруднительности правильнаго взиманія квартирнаго налога, на незначительности числа квартирантовъ въ менѣе крупныхъ городскихъ поселеніяхъ, на временности жизни и слабости связи квартирантовъ съ постоянными нуждами и потребностями города и на возможности предъявленія квартирантами такихъ требованій къ благоустройству города, которыя не будутъ сообразованы съ тяжестью лежащихъ на городскихъ обывателяхъ повинностей и налоговъ.

Первыя два опасенія, высказанныя виленскимъ губернаторомъ, сами собой падаютъ съ введеніемъ государственнаго квартирнаго налога. Министерство финансовъ нашло средства разработать всѣ данныя, необходимыя для установленія налога, который такъ не давался министерству внутреннихъ дѣлъ. Почти всѣ уѣздные города, многіе заштатные, значительные посады обложены, а съ установленіемъ новаго VI разряда охвачены этими налогами весьма незначительныя городскія населенія. Также мало обоснованнымъ является указаніе на непостоянство жизни и слабость связи квартиронанимателей. Развѣ торговецъ представляется болѣе осѣдлымъ, сравнительно съ докторомъ, адвокатомъ, учителемъ, художникомъ, чиновникомъ и т. п. лицами? Въ настоящее время у большинства домовладѣльцевъ также нельзя признать большой осѣдлости. Относительно же возможности безграничныхъ требованій со стороны квартирантовъ, требованій несоотвѣтствующихъ платежной способности, можно еще разъ сказать, что квартиранты сами отлично понимаютъ, что большинство существующихъ городскихъ сборовъ можетъ быть переложено на потребителя, т.-е. того же квартиранта. Но городской квартирный налогъ, какъ приближающійся къ подоходному, легко можетъ сдѣлаться основнымъ мѣстнымъ налогомъ, къ которому только, какъ дополненіе, будетъ прибавляться оцѣночный, съ промысловыхъ свидѣтельствъ и другіе, теперь существующіе. «Тогда городское хозяйство стало бы ближе соприкасаться съ прямыми интересами каждаго отдѣльнаго обывателя, такъ какъ хорошее или дурное распоряженіе средствами города отражалось бы непосредственно на увеличеніи или уменьшеніи платимыхъ обывателями, смотря по положенію или занятію, налоговъ» **).

---

*) „Отзывъ“, стр. 3 и 11.

**) *Изв. Моск. Думы 1897 г.* Докладъ И. Яновскаго и А. Свирщевскаго, стр. 27.

Условно высказались противъ предоставленія квартиронанимателямъ правъ по участію въ городскомъ самоуправленіи губернаторы лифляндскій и эстляндскій. Однако они были только противъ примѣненія этого права къ городамъ Прибалтійскаго края, какъ равносильнаго, по ихъ мнѣнію, введенію въ составъ избирательныхъ собраній такъ называемыхъ «литераторовъ», устраненныхъ по Высочайшему повелѣнію 9 ноября 1889 г. А генералъ-губернаторъ кіевскій, подольскій и волынскій предлагалъ предоставить въ городахъ Югозападнаго края избирательное право только одному разряду квартиро-нанимателей—чиновничьему классу. Намъ кажется, при вопросѣ о средствахъ усиленія русскаго элемента въ нашихъ западныхъ окраинахъ, скорѣе можно признать необходимымъ ввести квартиронанимателей въ составъ избирательныхъ собраній, такъ какъ лица русскаго происхожденія преимущественно живутъ тамъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя своихъ домовъ и занимаясь свободными городскими профессіями или служа чиновниками. Однако нашли же возможнымъ не исключать въ этомъ отношеніи городовъ этихъ окраинъ губернаторы: курляндскій, ковенскій, гродненскій, кіевскій, подольскій, бессарабскій и др.

Разсмотрѣвъ всѣ предложенія представителей мѣстной администраціи, въ ихъ совокупности, мы должны признать, что этими предложеніями твердо была установлена необходимость дарованія квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей.

Оканчивая ознакомленіе съ матеріаломъ, находящимся въ донесеніяхъ губернскихъ начальствъ, мы отмѣтимъ выраженное чуть ли не всѣми губернаторами желаніе дать въ городскомъ самоуправленіи особое значеніе образовательному цензу. Уже въ мотивахъ, на которыхъ основалось предложеніе о включеніи въ составъ городскихъ избирательныхъ собраній квартиронанимателей, видно это желаніе. Но оно выразилось и въ томъ, что при установленіи имущественнаго ценза губернаторами предлагалось понизить такой цензъ на-половину для лицъ высшаго и средняго образованія или на-половину для лицъ высшаго образованія и на треть средняго, а при предложеніи установленія двухъ цензовъ, одного для непосредственнаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ, а другого для пользованія избирательнымъ правомъ черезъ посредство уполномоченныхъ, этотъ послѣдній, меньшій цензъ, для лицъ высшаго и средняго образованія давалъ право на непосредственное участіе въ городскомъ управленіи. Также было сдѣлано предположеніе дать лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пассивное избирательное право—быть избираемыми въ гласные городскихъ думъ. Наконецъ, керчь-еникольскій градоначальникъ полагалъ, посредствомъ дарованія правъ городскихъ избирателей квартиронанимателямъ, замѣнить имущественный цензъ образовательнымъ.

Какъ же отразились въ новомъ Городовомъ Положеніи эти, высказанныя большинствомъ губернаторовъ, мнѣнія о необходимости предоставленія квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей, главнымъ обра-

зомъ въ видахъ усиленія въ составѣ городскихъ избирательныхъ собраній образовательнаго элемента?

Въ отвѣтъ на губернаторскія мнѣнія дано было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ такое заключеніе:

«Хотя во многихъ губернаторскихъ отзывахъ заявляются и такія мнѣнія, что взамѣнъ исключенныхъ изъ среды избирателей мѣстныхъ торговцевъ слѣдовало бы ввести въ избирательныя коллегіи нанимателей квартиръ, какъ людей наиболѣе интеллигентныхъ и заинтересованныхъ въ дѣлахъ общественнаго благоустройства, но это мнѣніе, вызвавшее большія сомнѣнія въ примѣнимости его къ практической жизни еще при разсмотрѣніи Городового Положенія 1870 г. и не нашедшее себѣ никакого опредѣленнаго выраженія въ теченіе всего двадцатилѣтняго періода дѣйствія сего Положенія, не выходитъ изъ предѣловъ чисто-теоретическихъ пожеланій и едва ли можетъ имѣть серьезное значеніе. На практикѣ слѣдуетъ опасаться, что отъ введенія квартиронанимателей въ думы дѣятельность сихъ учрежденій будетъ направлена на ложный путь увлеченій, какъ хозяйственнаго, такъ равно и политическаго свойства, ибо извѣстно, что въ указанной средѣ группируются самые разнородные элементы, неподдающіеся никакой общей характеристикѣ и заинтересованные собственно въ удобствахъ жизни, а не въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ и въ развитіи общаго благоустройства» *).

Такъ охарактеризовано движеніе общественной мысли, выразившейся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и различныхъ сферахъ.

Дарованіе квартирантамъ избирательныхъ правъ не послѣдовало, несмотря на то, что въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи проекта Городового Положенія 1892 г., вновь былъ поднятъ этотъ вопросъ. Такъ между прочимъ, министръ юстиціи и государственный контролеръ высказались за установленіе городского квартирнаго налога и за предоставленіе квартирантамъ избирательныхъ правъ, въ видахъ привлеченія большого числа просвѣщенныхъ дѣятелей къ участію въ общественномъ управленіи городовъ **).

Въ самомъ Городовомъ Положеніи 1892 г. даже уничтожена та статья стараго положенія, гдѣ говорится о правѣ ходатайства городскихъ думъ по введенію квартирнаго городского налога. Конечно, этимъ умолчаніемъ не отнято въ дѣйствительности право такого ходатайства. Но мы уже видѣли, чѣмъ заканчивались ходатайства о такомъ налогѣ въ періодъ времени съ 1870 по 1892 годъ. Надо помнить также, что въ законѣ не установлено гарантіи разсмотрѣнія ходатайствъ городскихъ, какъ и земскихъ учрежденій. Должно также сожалѣть и о томъ, что вмѣсто выработаннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ законопроекта дарованія квартиронанимателямъ правъ городскихъ избирателей, о чемъ говорилось еще

---

*) Представленіе министра внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ.

**) *Новое Время*, № 7472.

въ 1870 г. въ высшихъ учрежденіяхъ, по прежнему имѣется только факультативное право городскихъ думъ, обратившихся еще болѣе прежнихъ въ ограниченныя числомъ котеріи. Въ первое четырехлѣтіе такихъ ходатайствъ новыхъ думъ кажется не было *).

Будемъ ждать или ходатайствъ обновленныхъ думъ, или же, что было бы вѣрнѣе и скорѣе, иниціативы со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Кажется, наступаетъ пора, когда можно надѣяться, что наше законодательство вновь будетъ строиться уже не подъ вліяніемъ стремленія упорядочить городское дѣло средствами отрицательнаго характера, путемъ удаленія и сокращенія, и перестанетъ находиться подъ дѣйствіемъ ничѣмъ не оправдываемаго опасенія ввести въ среду избирателей новый элементъ городского населенія, тотъ элементъ, который, не владѣя недвижимою собственностью, не торгуя и не занимаясь промыслами, играетъ однако весьма важную роль въ городской жизни и который дѣйствительно заинтересованъ въ общественномъ благоустройствѣ. Мы говоримъ о лицахъ интеллигентныхъ профессій и частнаго служебнаго труда. Опять повторимъ, что дарованіе избирательныхъ правъ квартирантамъ, при возможно меньшемъ цензѣ, является мѣрою справедливой по отношенію ко всей массѣ городского населенія и вполнѣ соотвѣтствующею историческимъ основамъ русской общественно-государственной жизни. Мысль, что съ расширеніемъ городского представительства на квартирантовъ можетъ произойти господство въ избирательныхъ собраніяхъ невѣжественныхъ элементовъ городского населенія, представляется намъ, какъ мы уже доказывали, совершенно невѣрною. Но пусть въ составъ избирательныхъ собраній войдетъ часть необразованныхъ элементовъ; все-таки слѣдуетъ помнить слова, высказанныя государственною канцеляріей по поводу введенія института присяжныхъ засѣдателей, вполнѣ примѣнимыя и въ настоящемъ случаѣ: «Конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество».

**Дмитрій Семеновъ.**

---

*) Въ саратовской городской управѣ приготовлялся соотвѣтствующій докладъ. За самое послѣднее время только немногія думы высказались на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ о введеніи квартирнаго городского налога, большинство же думъ еще не отвѣтило.

# Школьное дѣло у чеховъ *).

## XVII.

### Педагогическіе институты.

Въ Чехіи существовало въ 1890—91 учебномъ году 2 женскихъ и 14 мужскихъ государственныхъ педагогическихъ институтовъ для обоихъ языковъ, каждаго языка половина означеннаго числа. Кромѣ того существуютъ въ Чехіи еще 3 частныхъ педагогическихъ института съ правами: 1) чешская протестантская учительская семинарія въ г. Чаславѣ; 2) чешскій институтъ образованія учительницъ конгрегаціи «Бѣдныхъ школьныхъ сестеръ Богоматери» въ Прагѣ и 3) нѣмецкій частный институтъ для образованія учительницъ въ Хебѣ; далѣе 2 частныхъ института для образованія учительницъ безъ правъ въ г. Кутной Горѣ и Будеёвицахъ. При государственныхъ женскихъ институтахъ и частномъ хебскомъ институтѣ существуютъ спеціальные курсы для образованія учительницъ материнскихъ школъ и учительницъ рукодѣлія.

Всѣхъ слушателей педагогическихъ
институтовъ было . . . . . . . . . 2,181 мужч.
756 женщ.

Итого 2,937 (изъ нихъ чеховъ 1,511).

Преподавателей состояло во всѣхъ государственныхъ институтахъ:

19 директоровъ (въ ихъ числѣ одна директрисса).
85 главныхъ учителей и учительницъ.
93 учителей-руководителей и учительницъ-руководительницъ.
72 учителей и учительницъ помощниковъ и помощницъ.
13 помощниковъ учителей-руководит. и такихъ же учительницъ.

А всего 282 человѣка.

Экзамену зрѣлости на званіе кандидата подвергалось:

Слушателей . 532, изъ нихъ выдержало экзаменъ 491
Слушательницъ. 136, » » » 135

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1897 г.

Окончательному учительскому (государствен.) экзамену подвергалось:

| | | | |
|---|---|---|---|
| Кандидатовъ . | 213 для гражданскихъ школъ, | выдержало | 153 |
| Кандидатокъ . | 49 » » | » | 36 |
| | | Всего . | 189 |
| Кандидатовъ. . . | 650 для народныхъ школъ, | выдержало | 602 |
| Кандидатокъ. . . | 153 » » | » | 148 |
| | | Всего . | 750 |

Званіе учительницъ рукодѣлія получили 83 слушательницы курсовъ въ Прагѣ и Хебѣ и 81 вольнослушающихъ, а всего 164.

Званіе учительницъ материнскихъ школъ получили 84 слушательницы курса для пѣстунъ, 36 вольнослушающихъ и 93 слушательницы IV курса учительскихъ институтовъ на основаніи полученнаго ими аттестата зрѣлости.

## XVIII.

### Расходы на содержаніе школъ.

Предварительная смѣта расходовъ на содержаніе народныхъ и гражданскихъ школъ, представленная земскимъ школьнымъ совѣтомъ черезъ парламентскую коммиссію чешскому сейму, указываетъ для 1896 года цифры только приблизительныя, такъ какъ она вычислена по примѣру прежнихъ окладовъ, между тѣмъ какъ сеймъ впередъ разрѣшилъ безотлагательно выдавать жалованье, соотвѣтственно новому закону отъ 31 марта 1895 года, т.-е. увеличенное. Такимъ образомъ сумма дѣйствительныхъ предстоящихъ расходовъ превыситъ смѣту и въ виду того, что такое увеличеніе расходовъ сдѣлается постояннымъ, предварительная смѣта на 1896 годъ никоимъ образомъ не превыситъ дѣйствительныхъ расходовъ.

На покрытіе расходовъ по содержанію народн. школъ въ Чешскомъ королевствѣ необходимо въ 1896 году . . 12.438,274 гул.
изъ коихъ приходится на долю чешскихъ учебн. округ. 7.502,246 »
» » » » » нѣмецкихъ » » 4.936,028 »

Сами учебные округи покрываютъ изъ означенной суммы своими средствами 4.205,491 гульденъ, такъ что недостающіе ровнымъ счетомъ 8.233,000 предстоитъ покрыть изъ земскаго фонда (210,000 гульденовъ ежегодныхъ остатковъ по 3-лѣтнему среднему выводу). Сравнительно съ 1895 годомъ, въ которомъ изъ земскаго фонда было въ дѣйствительности покрыто круглымъ счетомъ 7.707,000 гульденовъ, предвидится въ 1896 году увеличеніе суммы, доплачиваемой земскимъ фондомъ по крайней мѣрѣ на 316,000 гульденовъ.

Такимъ образомъ непокрытая сумма расходовъ на народныя школы предвидится въ 1896 году. . . . . . . 8.023,000 гул.

Стало быть сама страна беретъ на себя ²/₃ суммы, нужной на содержаніе своихъ народныхъ школъ, и каждый ученикъ обходится ей въ годъ по 9 гульденовъ, самимъ же общинамъ по 4,5 гульдена.

Расходы страны на школы должны вскорѣ сильно увеличиться, потому что чешскій сеймъ вѣроятно не долго будетъ сопротивляться отмѣнѣ платы за ученіе въ народныхъ школахъ. Депутаты чешской народности, равно какъ и значительная часть нѣмецкихъ депутатовъ-націоналистовъ, готовы принять этотъ законъ безотлагательно, но депутаты отъ дворянъ, высшаго духовенства и партіи нѣмецкихъ либераловъ, составляющіе большинство, противятся этому проекту, отчасти изъ эгоистическихъ, матеріальныхъ разсчетовъ, отчасти держась ретроградныхъ и ультрамонтанскихъ взглядовъ.

## XIX.

## Оклады учителей и пенсіонный фондъ.

Учителя гражданскихъ и народныхъ школъ получаютъ жалованье соотвѣтственно классу, въ которомъ они числятся. Всѣхъ классовъ существуетъ пять. Учителя и учительницы гражданскихъ школъ, числящіеся въ I классѣ, получаютъ 800 гульденовъ жалованья въ годъ, вспомогательные учителя и учительницы—450 гульденовъ, учителя и учительницы народныхъ школъ I класса получаютъ 700 гульденовъ, II класса—600 гульденовъ, III класса—500 гульденовъ, IV класса—400 гульденовъ и 100 гульденовъ добавочныхъ, которые не причисляются къ размѣру пенсіи, V класса—400 гульденовъ. Вспомогательные учителя и учительницы народныхъ школъ I—III классовъ получаютъ жалованье 400 гульденовъ, IV и V классовъ—350 гульденовъ. Каждый учитель и вспомогательный учитель имѣетъ право на 10% прибавку къ жалованью послѣ каждаго прослуженнаго имъ пятилѣтія.

Директора гражданскихъ школъ получаютъ 200 гульден. прибавки къ своему учительскому жалованью за исполненіе директорской обязанности, завѣдующіе одноклассным училищемъ получаютъ прибавки 50 гульден.
» 2—4 класснымъ » » » 100 »
» 5 и болѣе класс. » » » 200 »

Директора, завѣдующіе одновременно народною и гражданскою школами, получаютъ прибавки 300 гульденовъ, всѣ же завѣдующіе различныхъ категорій получаютъ квартиру. Учитель, прослужившій болѣе 5 лѣтъ и менѣе 10 лѣтъ въ случаѣ неспособности къ труду имѣетъ право на пособіе въ размѣрѣ годичнаго оклада, прослужившій же болѣе 10 лѣтъ имѣетъ право на пенсію въ размѣрѣ $^1/_3$ послѣдняго оклада. Полную пенсію (все жалованье) получаетъ учитель послѣ 40-лѣтней службы. Въ пенсіонный фондъ учителя вносятъ въ теченіе перваго года службы 10% изъ своего жалованья, въ теченіе остальныхъ лѣтъ 2%. Въ 1894 году сумма, необходимая на уплату пенсій учителямъ, вдовамъ и сиротамъ, оставшимся послѣ учителей, во всей Чехіи равнялось 965,847 гульденамъ, а такъ какъ % сборъ съ учителей достигъ всего 373,219 гульденовъ, то странѣ пришлось приплатить изъ собственныхъ средствъ 592,130 гульденовъ. На 1896 годъ приходится странѣ уплатить несравненно больше, вслѣдствіе увеличенія состава учи-

тельскаго и улучшенія окладовъ, а именно 706,320 гульденовъ. Въ настоящее время часть расходовъ на содержаніе народныхъ школъ покрывается платою за ученье. Послѣдняя взимается съ родителей общиною, которая вноситъ ее въ правительственное казначейство цѣликомъ, причемъ разрѣшается общинамъ скидка съ общей суммы, доходящая часто до 40%, соотвѣтственно % дѣтей, освобожденныхъ отъ платы за ученье. Въ I категоріи школъ плата за одну недѣлю ученія равняется 12 крейцерамъ за дитя, во II категоріи—10 крейцерамъ, въ III категоріи—6 крейцерамъ, въ IV категоріи—4 крейцерамъ.

Сверхъ всего сеймъ ежегодно назначаетъ изъ земскихъ средствъ пособія на постройку школъ въ размѣрѣ 140,000 гульденовъ.

## XX.

## Земледѣльческія училища.

Въ 1849 году сельско - хозяйственное общество основало два земледѣльческихъ училища, чешское въ Рабинѣ, нѣмецкое въ Либвердѣ. Въ 1856 году открытъ при либвердскомъ училищѣ высшій курсъ для воспитанія сельско-хозяйственныхъ управляющихъ, арендаторовъ и самостоятельныхъ хозяевъ. Когда же въ началѣ 60 годовъ чешскій сеймъ на основаніи правъ, дарованныхъ ему февральскимъ патентомъ, началъ заботиться объ интересахъ сельскаго хозяйства, онъ постановилъ въ 1864 г. содержать на средства страны два высшихъ земледѣльческихъ училища, чешское въ г. Таборѣ и нѣмецкое въ г. Либвердѣ. Одновременно различныя заинтересованныя корпораціи, городскія управы, сельско-хозяйственныя общества и даже частныя лица начали основывать низшія земледѣльческія училища, которымъ сеймъ давалъ пособія, коль скоро ихъ уставъ соотвѣтствовалъ общему уставу утвержденному чешскимъ сеймомъ. Рядомъ съ этими училищами возникали еще земледѣльческія школы съ однимъ зимнимъ курсомъ; нѣсколько же прежде основанныхъ низшихъ школъ расширено и превращено въ среднія училища съ 3-лѣтнимъ курсомъ (Хрудимъ, Кадань, Грахолуски). Основаніе успѣшному развитію земледѣльческихъ школъ положено въ 1884 году чешскимъ сеймомъ, одобрившимъ нормальный уставъ для выработавшихся 4 категорій земледѣльческихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе заботилось объ интересахъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, учреждало по мѣрѣ надобности спеціальныя школы плодоводства, винодѣлія, лѣсоводства, хмѣлеводства, льноводства и школъ для молодыхъ хозяекъ. Чешскій сеймъ утвердилъ въ засѣданіи 8 января 1887 года нормальный уставъ для послѣднихъ. Задача этихъ школъ—обучать дѣвицъ, окончившихъ курсъ народныхъ школъ, теоретически и практически раціональному сельскому хозяйству. Такихъ школъ основано 2: въ Стежерахъ—чешская, въ Фридландѣ—нѣмецкая.

Въ школахъ плодоводства и винодѣлія ученики пріобрѣтаютъ въ теченіе 2-лѣтняго курса теоретическія и практическія познанія по винодѣлію

и плодоводству. При нѣкоторыхъ земледѣльческихъ школахъ существуютъ еще спеціальные курсы ковки лошадей и воловъ, молочнаго хозяйства (спеціально для хозяекъ), раціональнаго плодоводства и садоводства, затѣмъ лѣтніе курсы для учителей народныхъ школъ, чтобъ они могли пріобрѣсть достаточныя познанія по сельскому хозяйству, а затѣмъ уже сами обучали молодежь, вышедшую изъ школы, въ дополнительныхъ курсахъ.

Кромѣ спеціальныхъ высшихъ курсовъ земледѣлія, существующихъ при обоихъ политехническихъ училищахъ въ Прагѣ, Чехія располагаетъ въ настоящее время слѣдующими земледѣльческими училищами:

1) двумя высшими земскими сельско-хозяйственными институтами въ Таборѣ и Либвердѣ;

2) 3 средними сельско-хозяйственными училищами въ Хрудимѣ, Грахолускахъ (чешскими) и Кадани (нѣмецкими);

3) 9 чешскими и 6 нѣмецкими земледѣльческими школами;

4) спеціальными училищами: чешскимъ лѣснымъ въ г. Пискѣ, нѣмецкимъ лѣснымъ въ Бѣлой, земскимъ помологическимъ институтомъ въ Троѣ, школами винодѣлія и плодоводства въ Мѣлникѣ и Литалѣрицахъ и школою для сельскихъ хозяекъ въ Стежерахъ;

5) земледѣльческими школами съ однимъ зимнимъ курсомъ: 15 чешскими и 4 нѣмецкими.

Кромѣ этихъ земледѣльческихъ училищъ различныхъ типовъ существуютъ еще при 50 народныхъ школахъ дополнительные классы земледѣлія и сельскаго хозяйства для молодежи, вышедшей изъ школьнаго возраста (выше 14 лѣтъ).

Земледѣльческія школы находятся въ вѣдѣніи автономныхъ земскихъ органовъ и поддерживаются главнымъ образомъ земскимъ фондомъ: изъ земскихъ средствъ отпускается на ихъ поддержку 107,000 гульденовъ ежегодно, изъ государственныхъ всего 27,816 гульденовъ (въ 1892 г.). Содержаніе этихъ школъ, конечно, не покрывается этими пособіями, а ложится на общины, въ которыхъ эти школы находятся.

Министерство земледѣлія даетъ пособія кочующимъ учителямъ, которые въ собраніяхъ земледѣльческихъ обществъ читаютъ популярные лекціи для распространенія среди взрослаго населенія полезныхъ знаній изъ области сельскаго хозяйства. Присмотръ за земледѣльческими училищами возложенъ на 2 инспекторовъ, изъ которыхъ одинъ назначается министерствомъ земледѣлія, другой же парламентскою земскою коммиссіей.

## XXI.

## Промышленныя школы.

До половины XVIII вѣка не существовало никакихъ промышленныхъ школъ. Только съ этого времени стали приглашать въ Чехію мастеровъ, искусныхъ въ фабрикаціи суконъ изъ Голландіи и Италіи, мастеровъ другихъ дѣлъ изъ Франціи и Швейцаріи. Кромѣ того основаны при тривіальныхъ шко-

лахъ, такъ называемыя, воскресныя школы. Школьный уставъ 1774 г. требовалъ, чтобы ремесленные ученики посѣщали ихъ до окончанія ученія и зачисленія цехомъ въ мастера, остальная же молодежь до 20-лѣтняго возраста. Въ началѣ XIX в. понижено это требованіе до 15 лѣтъ. Преподаваніе въ воскресныхъ школахъ происходило по воскресеньямъ и праздникамъ по полудни и длилось всего 2—3 часа. Большими праздниками и лѣтними вакаціями ученія не было, такъ что польза отъ этихъ курсовъ была весьма незначительная. Все-таки нельзя отрицать того важнаго факта, что воскресными школами сдѣланъ первый шагъ на пути развитія школьнаго промышленнаго образованія. Самымъ крупнымъ ихъ недостаткомъ было то, что матеріалъ преподаванія состоялъ только изъ повторенія пройденнаго въ тривіальныхъ школахъ. Только подъ конецъ XVIII в. въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ введено рисованіе.

Болѣе важною реформой, чѣмъ учрежденіе воскресныхъ школъ, слѣдуетъ считать основаніе Киндерманномъ въ Чехіи спеціальныхъ школъ для пчеловодовъ, садоводовъ, ткачей и под. Въ 1790 году было такихъ спеціальныхъ классовъ при тривіальныхъ школахъ въ сѣверной Чехіи 232 и они-то послужили основаніемъ богато развившейся въ тѣхъ мѣстахъ промышленности. Одновременно и въ Прагѣ было основано 11 спеціальныхъ школъ, между которыми была школа для выдѣлки кружевъ, основанная еще въ 1767 году. Съ этого времени почти до второй половины XIX вѣка правительство находило вполнѣ достаточнымъ для цѣлей промышленности двухгодичный курсъ IV класса главныхъ школъ, въ которыхъ преподавались начала геометріи, рисованія, механики и архитектуры. Изъ этого курса развились впослѣдствіи реальныя училища, въ которыхъ вплоть до ихъ реорганизаціи, въ 1867 году, преподаваніе ограничивалось приведенными предметами. Все возрастающая численность учениковъ среднихъ школъ и прогрессъ на поприщѣ промышленности въ сосѣднихъ странахъ, особливо въ Саксоніи, возбудили, наконецъ, болѣе живой интересъ къ основательному образованію чешскихъ промышленниковъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣлало *Общество для поднятія промышленности въ Чехіи*. Въ 1883 г. оно начало свою благотворную дѣятельность. По его побужденію основалъ князь Эттингенъ въ 1835 году въ Збраславѣ, подъ Прагою, школу дополнительныхъ знаній и вскорѣ послѣ него князь Фюрстенбергъ основалъ такую же школу въ Кривоклатѣ. По инициативѣ «Общества» открыты въ Прагѣ популярные курсы для промышленниковъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Наконецъ, въ 1857 году «Обществу» удалось основать постоянную школу дополнительныхъ знаній при чешскомъ реальномъ училищѣ въ Прагѣ. Примѣру Праги вскорѣ послѣдовали города Карлинъ, Таборъ, Пльзень, Роуднице, Теплице, Млада Болеславъ, Турновъ. Школа, основанная «Обществомъ», все болѣе и болѣе упрочивалась. Въ 1863 году для нея построено собственное зданіе, а въ 1868 году введено въ ней правильное ежедневное преподаваніе.

Когда въ 1870 году реальныя училища подверглись реорганизаціи,

вслѣдствіе которой изъ ихъ курса были исключены чисто-практическіе предметы (механика, архитектура и под.), стали возникать по частной иниціативѣ спеціальныя училища для отдѣльныхъ отраслей промышленности, какъ, напримѣръ, училища для выдѣлки и обработки стекла, ткацкія, кружевныя и под. Только съ 1875 года начало правительство открывать промышленныя школы, предназначенныя для нѣсколькихъ отраслей промышленности, требующихъ приблизительно одинаковаго подготовительнаго образованія, какъ, напримѣръ, машиностроительство и архитектура. Въ 1876 году открыты двѣ *нѣмецкія* государственныя школы для промышленниковъ. Чешскую школу, основанную «Обществомъ», приняло правительство на свое содержаніе только въ 1882—83 году и ввело въ ней преподаваніе на обоихъ языкахъ, чешскомъ и нѣмецкомъ. Изъ этой школы выходили кандидаты на должность управляющихъ промышленными заводами. Только въ 1883 г. открыта первая чешская правительственная промышленная школа для подготовленія управляющихъ заводами. Въ томъ же году открыта въ Прагѣ художественно - промышленная школа, въ которой воспитываются юноши, желающіе посвятить себя какой-нибудь отрасли художественнаго промысла или учительской дѣятельности въ художественно-промышленныхъ школахъ какъ высшаго, такъ и средняго типа. Въ 1889 г. открытъ въ Пражской промышленной школѣ высшій курсъ съ чешскимъ преподаваніемъ. Кромѣ того, открыты общія ремесленныя школы. Въ нихъ обычаются дѣти, не вышедшія еще (12—13 лѣтъ) изъ школьнаго возраста, кромѣ предметовъ, обязательныхъ въ гражданскихъ школахъ, въ особыхъ мастерскихъ обработкѣ дерева и металловъ. Курсъ въ нихъ 2—3-лѣтній. Правительство открыло въ 1886 году два такихъ училища. Примѣру правительства послѣдовали 3 города: Млада Болеславъ, Литомышль и Волынь, которые получаютъ на школы, учрежденныя на собственныя средства, пособія отъ правительства и чешскаго сейма.

Общеобразовательнымъ характеромъ отличаются и школы для рисованія и моделировки въ Хебѣ, Колинѣ и Кутной Горѣ. Къ нимъ можно причислить и публичную рисовальную и моделирную мастерскую въ г. Будеёвицахъ.

Послѣ основанія промышленныхъ школъ, правительство принялось за реорганизацію школъ дополнительныхъ знаній, которыя до того времени содержались только болѣе предпріимчивыми общинами или различными корпораціями. Въ 1883 году оно издало нормальный уставъ для этихъ школъ и обѣщало имъ правительственное пособіе въ томъ случаѣ, если страна, округъ, община, торговая палата или, по крайней мѣрѣ, какая-нибудь надежная корпорація обезпечитъ ихъ существованіе. Насколько эта правительственная мѣра оказалась благотворною, доказываютъ цифры. Въ 1882 году было въ Чехіи всего 64 школы дополнительныхъ знаній, промышленныхъ и коммерческихъ. Въ 1890 году было уже однѣхъ промышленныхъ школъ 186, въ 1891 году—193 и 30 коммерческихъ. Изъ этого числа было чешскихъ промышленныхъ школъ 127, въ которыхъ обучалось

17,000 учениковъ. Расходъ на эти школы въ суммѣ 200,000 гульденовъ покрывался правительствомъ (29%), страною (19%), торговыми палатами (7%) и общинами или мѣстными корпораціями (45%).

Совершенно спеціальныхъ школъ открыто правительствомъ съ 1870 г. 37, изъ которыхъ 10 чешскихъ и 27 нѣмецкихъ. Кромѣ нихъ открыто на средства общинъ 7 чешскихъ и 4 нѣмецкія частныя спеціальныя школы. Для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, все-таки, не достаетъ еще правительственныхъ школъ, особливо для производства плетеныхъ работъ (корзинъ, соломенныхъ издѣлій) въ чешскихъ округахъ. Населеніе открываетъ ихъ на свои средства; правительство оказываетъ имъ весьма незначительную поддержку.

Среди всѣхъ австрійскихъ областей только одна Нижняя Австрія прекрасно устроенными промышленными школами опередила Чехію.

Большею частью общины содержатъ школы на свой счетъ, хотя школа основана правительствомъ и считается правительственною. Нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ субсидіи еще изъ земскаго фонда, напримѣръ ремесленныя школы въ Яромѣрѣ и Кладнѣ по 4,000 гульденовъ.

## XXII.

Промышленныя школы въ Чехіи въ настоящее время достигли такой степени совершенства, что онѣ во всей культурной Европѣ признаются образцовыми. Въ 1896 году существовали въ Чехіи, кромѣ художественно-промышленной школы въ Прагѣ, 4 правительственныя промышленныя школы, 42 спеціальныя промышленныя школы, 8 общихъ ремесленныхъ школъ и болѣе 160 промышленныхъ школъ дополнительныхъ знаній. Многія изъ школъ по числу учителей, учениковъ и стоимости содержанія оказываются самыми значительными училищами во всей Австрійской имперіи.

Для того, чтобы не быть голословными, познакомимъ читателей съ типомъ 1) промышленной школы дополнительныхъ знаній и 2) спеціальной школы ваянія и обработки камня.

Цѣль промышленныхъ школъ дополнительныхъ знаній—доставить ученикамъ различныхъ отраслей обрабатывающей промышленности возможность 1) тверже освоить себѣ всѣ познанія и практическіе пріемы, которые они пріобрѣли въ народной или гражданской школѣ, и 2) пріобрѣсть такія познанія, какія имъ при теперешнемъ высокомъ развитіи промышленности безусловно необходимы для надлежащаго и раціональнаго веденія той отрасли промышленности, какой данное лицо себя посвятило. Поэтому должны, напримѣръ, въ г. Горицахъ, посѣщать школу дополнительныхъ знаній всѣ безъ исключенія ученики всевозможныхъ ремеселъ и отраслей промышленности, вышедшіе изъ гражданской школы. Школа состоитъ изъ приготовительнаго курса и двухъ классовъ. Въ приготовительномъ классѣ преподаются чтеніе, чистописаніе, ариѳметика и начала рисо-

ванія въ теченіе 6-часовыхъ уроковъ въ недѣлю; въ I классѣ преподаются рисованіе, геометрія, черченіе, корреспонденція и булгалтерія въ теченіе 7-часовыхъ уроковъ въ недѣлю; въ II классѣ—торговая корреспонденція, прикладная промышленная ариѳметика, бухгалтерія и спеціальное рисованіе—тоже въ теченіе 7 часовъ въ недѣлю. Учебный годъ начинается 1 октября и продолжается до 31 мая. Преподаваніе происходитъ по воскресеніямъ отъ 10—12 часовъ утра, въ понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ вечеромъ отъ $6^1/_2$—до $8^1/_2$ часовъ. Школа дополнительныхъ знаній—училище самостоятельное, въ которомъ завѣдуетъ свой директоръ. Управленіе и контроль заведенія находятся въ рукахъ особаго комитета, состоящаго изъ представителей правительства, городской управы, парламента, торговой палаты, политическаго округа и изъ лицъ, которыя своими крупными пожертвованіями поддерживаютъ школу; предсѣдатель комитета—мѣстный городской голова. За правильностью преподаванія слѣдитъ правительственный коммиссаръ, назначаемый для этой цѣли всегда на два года. Завѣдующій школою комитетъ избираетъ директора и учителей, выборъ которыхъ долженъ получить санкцію министра народнаго просвѣщенія. Расходы по содержанію школы покрываются пособіями, поступающими отъ правительства, сейма, окружнаго представительства, торговой палаты, городской сберегательной кассы, промышленныхъ ассоціацій и крупныхъ заводчиковъ. Помѣщеніе для школы даетъ городъ въ зданіи мужской народной и гражданской школы даромъ, съ разрѣшенія мѣстнаго школьнаго совѣта. Курсы школы посѣщаются весьма исправно, и въ успѣхахъ учениковъ можно было убѣдиться на промышленной выставкѣ въ 1891 году въ Прагѣ, гдѣ ихъ работы удостоились похвальныхъ отзывовъ. Заинтересованные въ процвѣтаніи школы круги ремесленниковъ и промышленниковъ дорожатъ школою и доставляютъ съ полною готовностью все для ея преуспѣянія и усовершенствованія нужное. Стараніемъ теперешняго директора горицкая школа снабжена прекрасной коллекціей учебныхъ пособій для всѣхъ отраслей преподаванія.

Значительное число учащихся и ихъ блестящіе успѣхи побудили завѣдующій комитетъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ распредѣлять преподаваніе графическихъ предметовъ такимъ образомъ, что въ двухъ высшихъ классахъ ихъ возможно преподавать меньшимъ группамъ учениковъ родственныхъ промысловъ, что даетъ учителю возможность приноравливать преподаваніе къ интересамъ и цѣлямъ отдѣльныхъ промысловъ. Такая группировка учениковъ оказалась весьма цѣлесообразною и благотворною, такъ что заинтересованные круги промышленниковъ одобряютъ ее и стараются, чтобы школа имѣла возможность еще болѣе успѣшно развиваться.

Школа ваянія и обработки камня въ Горицахъ даетъ своимъ ученикамъ теоретическія и практическія познанія, нужныя для ваятелей и каменотесовъ. Городъ Горица избранъ для этой школы по той причинѣ, что по близости его находятся залежи прекраснаго твердаго песчанника и что въ городѣ и его окрестности находится множество заводовъ, обрабатывающихъ

камень. Городская управа обратилась въ 1883 году въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою открыть у нихъ школу ваянія, мотивируя ея необходимость статистическими данными о числѣ каменоломенъ, о способѣ обработки мѣстнаго камня, о заводахъ, обрабатывающихъ камень, и о количествѣ мѣстныхъ каменотесовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагая съ своей стороны отвести подъ просимую школу необходимое помѣщеніе, отоплять, освѣщать и обзавести школу всѣми предметами первой необходимости. Министерство отнеслось къ просьбѣ города весьма сочувственно и разрѣшило открытіе школы въ томъ же году. Въ ноябрѣ 1883 года министерство назначило г. Докоупиля директоромъ и поручило ему выработать уставъ и учебный планъ для вновь открываемой школы. Онъ справился съ своею задачею блистательно, министерство, убѣдившись въ замѣчательныхъ результатахъ, которые дала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устроенная имъ школа, по образцу ея открыло 4 другія такія школы, двѣ въ Силезіи и двѣ въ Венгріи. Школа продолжаетъ успѣшно развиваться и расширяетъ свою область преподаванія; такъ съ 1891 года введена въ ней обработка мрамора, гранита и другихъ крѣпчайшихъ горныхъ породъ.

Горицкая школа состоитъ изъ двухъ совершенно самостоятельныхъ курсовъ: ваятелей и каменотесовъ; въ каждомъ изъ нихъ ученіе продолжается 4 года. Въ ученики принимаются юноши не моложе 14 лѣтъ, окончившіе съ хорошимъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ, 5-классную народную школу и обладающіе полнымъ здоровьемъ и физически крѣпкіе. Такъ какъ въ школу поступаютъ ученики изъ различныхъ учебныхъ заведеній, гражданскихъ школъ, реальныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій, то контингентъ учениковъ I курса оказывается весьма разнокалибернымъ и приходится ихъ приводить къ одинаковой степени предварительныхъ знаній по рисованію, ариѳметикѣ, геометріи и черченію, преподавать имъ основныя правила обработки камня и дополнять свѣдѣнія по наукамъ общеобразовательнаго характера. Со II-го курса преподаваніе, какъ теоретическое, такъ и практическое начинаетъ спеціализироваться, хотя оба отдѣленія, ваятелей и каменотесовъ, продолжаютъ вмѣстѣ слушать лекціи по словесной части, вычисленію, орнаментикѣ, рисованію, письму, архитектурной терминологіи, Закону Божію и друг. Преподаваніе чисто - спеціальныхъ наукъ происходитъ въ каждомъ отдѣленіи отдѣльно. Практическое приложеніе идетъ неразрывно съ теоретическимъ преподаваніемъ.

Въ 1894—95 году состояло въ Горицкой школѣ 19 преподавателей, 59 слушателей, 20 вольныхъ слушателей, изъ которыхъ окончило и перешло въ высшій съ хорошимъ успѣхомъ 67 человѣкъ. Спеціальный курсъ моделировки посѣщало 27 человѣкъ, публичный классъ рисованія посѣщало 14 женщинъ, 22 взрослыхъ мужчинъ и 34 ученика. Библіотека учителей состояла изъ 869 томовъ, ученическая—изъ 287 томовъ, учебныя пособія изъ 83 коллекцій рисунковъ и 781 деревянныхъ и гипсовыхъ моделей. Правительство расходовало на содержаніе школы 23,780 гульденовъ, городъ Горицы 284 гульдена.

Учебный годъ начинается 16 сентября и кончается 31 іюля. Туземцы обучаются *даромъ*, иностранцы платятъ 50 гульденовъ за право ученія. Въ 1893 году открытъ при школѣ женскій курсъ рисованія и моделировки. Школа ваянія выросла на самой благодарной почвѣ, гдѣ ее умѣютъ цѣнить, и гдѣ сама она, находясь въ самомъ живомъ общеніи съ обществомъ, отзывчиво относится къ нуждамъ населенія. Къ ней обращаются постоянно за совѣтами и она съ величайшею охотой подаетъ нужные совѣты относительно представляемыхъ проектовъ, чертежей, моделей, доставки матеріала и продажи издѣлій. Школа сама производитъ только студіи или выполняетъ такія работы, которыя служатъ украшеніемъ храмовъ, кладбищъ или другихъ общественныхъ мѣстъ, и за такія работы она не беретъ денежныхъ вознагражденій. Заказовъ школа по принципу не принимаетъ, но рекомендуетъ мѣстныхъ промышленниковъ. Школа ваянія украшаетъ городъ, между прочимъ, готическимъ бассейномъ на городской площади, алтаремъ со статуями Спасителя и двухъ святыхъ, статуею Богородицы, поставленною передъ городскою больницей, пьедесталомъ подъ памятникомъ Коменскаго и многими другими скульптурными произведеніями.

## XXIII.

## Коммерческія училища.

Начало преподаванія коммерческихъ наукъ положено въ Чехіи открытіемъ соотвѣтственнаго курса въ Пражскомъ политехническомъ институтѣ (основанъ въ 1806 году). И въ реальныхъ училищахъ начато съ ихъ открытіемъ въ 1894 году преподаваніе коммерческимъ наукъ, въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Въ 1850 году открытъ при Пражскомъ политехническомъ институтѣ воскресный курсъ для конторщиковъ. Когда же пражскимъ крупнымъ коммерсантамъ удалось собрать капиталъ въ 55,000 гульденовъ, они открыли первое высшее коммерческое училище въ Прагѣ, притомъ и первое во всей Австріи. Преподаваніе происходило на нѣмецкомъ языкѣ. Въ началѣ существовалъ при этомъ училищѣ сверхъ трехгодичнаго курса еще приготовительный курсъ, который впослѣдствіи былъ упраздненъ; за то прибавилось отдѣленіе для слушателей, окончившихъ среднее учебное заведеніе. Съ 1866 года коммерческое училище получило названіе «Коммерческая академія». Отъ 1872 до 1877 года правительство содержало при ней спеціальные курсы для воспитанія почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ чиновниковъ.

Стараніемъ пражскаго коммерческаго общества «Меркурій» образовался комитетъ, который открылъ и сталъ содержать на собственныя средства подобную нѣмецкой коммерческой академіи чешскую коммерческую академію. Она носитъ названіе: «Чешско - славянская коммерческая академія». Курсъ въ ней трехлѣтній. На чешскомъ языкѣ преподаются счетоводство, купеческая ариѳметика, корреспонденція и бухгалтерія, политическая экономія, торговое право, статистика, товаровѣдѣніе, химическая и меха-

ническая технологія, естественныя науки, физика, стенографія, чешскій и нѣмецкій языки—какъ обязательные предметы, языки: русскій, польскій, французскій и англійскій — какъ предметы необязательные. Это училище славится во всей Чехіи и имѣетъ постоянный, весьма значительный контингентъ слушателей, такъ что при всѣхъ классахъ приходится содержать параллельные.

Въ 1882 году основана такая же коммерческая академія въ г. Хрудимѣ (чешская), въ 1886 году чешская коммерческая школа въ Пьлзни, нѣмецкое высшее коммерческое училище въ Устьи надъ Лабемъ, нѣмецкое коммерческое училище въ Либерцѣ и въ 1891 году нѣмецкое коммерческое училище въ Яблонцѣ. Послѣднія 3 училища содержатся на счетъ мѣстныхъ общинъ.

Такъ какъ число правительственныхъ и общинныхъ училищъ еще недостаточно, то возникло въ Прагѣ 4 частныхъ чешскихъ и 1 частное нѣмецкое коммерческое училище въ г. Чешской Липѣ.

Почти при всѣхъ вышеприведенныхъ коммерческихъ училищахъ открыты классы дополнительныхъ коммерческихъ знаній. Кромѣ нихъ учреждено въ теченіе послѣднихъ лѣтъ (до 1892 года) 13 чешскихъ, 15 нѣмецкихъ и 2 чешско-нѣмецкія самостоятельныя школы дополнительныхъ коммерческихъ знаній.

## XXIV.

## Разнохарактерныя учебныя заведенія.

Народная и гражданская школа заботятся одинаково о просвѣщеніи мужского, какъ и женскаго пола. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя дѣвицами въ гражданскихъ школахъ, равняются свѣдѣніямъ нашихъ гимназистокъ вѣдомства императрицы Маріи, за исключеніемъ педагогическаго класса и практическаго знанія французскаго языка. За то 14-лѣтнія ученицы гражданскихъ школъ прекрасно знаютъ всякого рода рукодѣліе, знакомы съ домашнимъ хозяйствомъ, прекрасно рисуютъ и даже знакомы съ началами моделировки. Русскія гимназистки болѣе интеллигентны, потому что русская литература сама по себѣ доставляетъ высокую степень культурнаго и эстетическаго развитія и строй нашихъ женскихъ гимназій ведетъ болѣе къ литературному развитію, нежели къ практическимъ познаніямъ, нужнымъ для жизни. Единственная чешская школа, напоминающая русскія женскія гимназіи и своими старшими классами стоящая даже выше ихъ— это пражская городская высшая женская школа. Ученицъ было: въ 1891—92 году 533, въ высшемъ отдѣленіи 364, въ приготовительномъ 118 и 51 вольнослушательница. Кромѣ этой чешской существуютъ въ Прагѣ еще 2 подобныя: нѣмецкій женскій лицей и высшая женская школа, содержимая французскими монахинями du Sacré Coeur.

Спеціальное женское учебное заведеніе подъ названіемъ «Коммерческое и дополнительное промышленное училище чешскаго женскаго производи-

тельнаго общества» (Obchodní a pokračovací průmyslová škola ženského výrobního spolku českého) было основано въ Прагѣ въ 1871 году и получило въ 1882 году права. Въ ней существуютъ слѣдующіе спеціальные курсы: 1) курсъ коммерческій 3-лѣтній съ курсомъ практическихъ упражненій; 2) курсъ языковъ: французскаго, русскаго и нѣмецкаго, состоящій изъ 4 отдѣленій; 3) курсъ общеобразовательный для учениць ручныхъ работъ; 4) курсъ рисовальный, 2-лѣтній; при немъ открыты мастерская для художественно-промышленнаго рисованія и живописи и обязательный курсъ для занимающихся вышивками; 5) курсъ ручныхъ работъ съ отдѣленіями для мелкихъ женскихъ работъ и работъ составляющихъ художественную отдѣлку предметовъ (выплетаніе, починка, всякаго рода вязаніе и т. под.) для шитья и кройки бѣлья и платьевъ и для рисованія фасоновъ, для работы ручной и на швейной машинѣ, для шитья гладью, мережкою, разноцвѣтными узорами и золотомъ; 6) курсъ отдѣлки шляпъ и выдѣлки цвѣтовъ; 7) курсъ хорового пѣнія и игры на піано.

Въ теченіе 25 лѣтъ ежегодно преподавателей и учительниць состояло отъ 22—31 подъ управленіемъ директриссы.

Въ 1895—96 учебномъ году обучалось въ этой школѣ 606 человѣкъ:

| | | | |
|---|---|---|---|
| 136 | посѣщали курсъ коммерческій, | | |
| 212 | » | » | французскаго языка, |
| 411 | » | » | нѣмецкаго », |
| 23 | » | » | русскаго », |
| 69 | » | » | рисованія, |
| 118 | » | » | общеобразовательный, |
| 260 | » | » | вышиванія, |
| 235 | » | » | шитья бѣлья, |
| 111 | » | » | платьевъ, |
| 99 | » | » | на швейной машинѣ. |

Въ теченіе 25 лѣтъ всѣхъ слушательниць было 13,775, изъ которыхъ обучались безплатно 6,441.

Общество дамъ, руководящихъ этою школою, рекомендуетъ своихъ питомицъ на различныя должности, на которыхъ онѣ уже выказали себя прекраснѣйшими исполнительницами. Большинство учебнаго и административнаго персонала общества состоитъ изъ окончившихъ курсъ въ самой школѣ. Окончившія курсъ могутъ практически упражняться въ канцеляріи общества—въ канцелярской работѣ, въ лавкѣ общества—въ торговлѣ, въ самой школѣ — въ преподаваніи. Лавка общества постоянно даетъ работу 40—50 швеямъ и другимъ мастерицамъ, вполнѣ изучившимъ свой спеціальный родъ занятія.

На содержаніе школы отъ 1871—96 г. понадобилось 340,539 гульденовъ, изъ которыхъ 110,755 гульденовъ было покрыто поступившей платою за обученье. Остальные 229,783 гульдена были покрыты суммами, поступившими отъ благотворителей, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ назвать магистратъ города Праги, внесшій 42,153 гульдена и сеймовую коммиссію,

внесшую 22,700 гульденовъ, остальныя деньги поступили отъ различныхъ банковъ, городскихъ корпорацій и частныхъ лицъ.

Общество дамъ старалось добывать средства не только для покрытія текущихъ ежегодныхъ расходовъ по содержанію школы, но и собрать фондъ, нужный для пріобрѣтенія собственнаго зданія. Магистратъ города Праги, видя огромную пользу, которую приноситъ школа и вообще вся дѣятельность общества дамъ всему народу, продалъ обществу участокъ земли въ 355 кв. саженъ за 36,000 гульденовъ, изъ коихъ онъ въ текущемъ году еще 14,000 подарилъ обществу. Нужныя на постройку деньги 75,500 гульденовъ ссудилъ обществу Земскій Банкъ Чешскаго Королевства, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ школа уже переселилась въ свое собственное, великолѣпно-устроенное зданіе. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ живомъ участіи, которое принимаютъ въ дѣлѣ своей школы чешскія женщины, долгъ будетъ скоро уплаченъ и школа будетъ все болѣе и болѣе процвѣтать и расширяться. Общество дамъ имѣло въ 1896 году 2,038 дѣйствительныхъ членовъ и 220 членовъ-благотворителей.

Новая торговая управа города Праги, содержащая съ значительными расходами большое училище дополнительныхъ знаній для купеческихъ учениковъ, въ интересахъ учениць торговыхъ заведеній обратилась къ обществу дамъ съ запросомъ, нельзя ли присоединить школу дополнительныхъ знаній для учениць къ ихъ училищу. Общество дамъ приняло это предложеніе съ величайшею охотой и вскорѣ откроетъ у себя спеціальный курсъ для торговыхъ учениць.

Другое дамское общество «Минерва» открыло шесть лѣтъ тому назадъ частное среднее учебное заведеніе съ курсомъ классическихъ гимназій и содержитъ эту школу по настоящее время. Задача школы дать женщинамъ возможность изучить весь курсъ мужскихъ гимназій, дающій право поступать въ университетъ на любой факультетъ. Курсъ этой школы пока двухлѣтній. Младшій, приготовительный классъ обнимаетъ курсъ 5 классовъ гимназіи по древнимъ языкамъ, курсъ II класса равняется курсу VI класса гимназіи. Этихъ познаній, конечно, недостаточно для поступленія въ университетъ, и поэтому нѣкоторыя слушательницы, окончившія курсъ школы «Минерва», продолжаютъ заниматься самостоятельно и держатъ экзаменъ зрѣлости экстернами при различныхъ мужскихъ гимназіяхъ и, получивъ аттестатъ зрѣлости, имѣютъ право слушать лекціи въ университетѣ.

Изъ 16 выдержавшихъ экзаменъ зрѣлости за послѣдніе 2 года слушаетъ 8 человѣкъ лекціи философскаго (= нашему историко-филологическому) факультета, 5—лекціи медицинскаго факультета и 3 прекратили дальнѣйшее образованіе.

Для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и идіотовъ существуютъ въ Прагѣ отдѣльные институты, весьма удовлетворительно поставленные, о которыхъ ближе распространяться не будемъ по причинѣ ихъ исключительной цѣли.

Для призрѣнія малыхъ дѣтей, начиная съ грудныхъ до дѣтей не старше 3 лѣтъ, открыты въ болѣе крупныхъ городахъ и промышленныхъ цен-

трахъ «ясли» для того, чтобы бѣдные родители, мужъ и жена, могли работать на заводахъ и не отвлекали отъ посѣщенія школъ своихъ старшихъ дѣтей, поручая имъ надзоръ за маленькими братьями и сестрами. Такъ въ пражскихъ 8 ясляхъ побывало въ 1890—1891 году ежедневно 37,000 дѣтей. Для дѣтей отъ 3—6 лѣтъ (конечно, опять такихъ матерей, которыя принуждены искать заработокъ для пропитанія своей семьи и отлучаться изъ дому) существуютъ школы призрѣнія и материнскія школы. Въ 1888 году въ Чехіи было 75 школъ призрѣнія, материнскихъ 201, въ которыхъ находилось подъ попеченіемъ учительницъ 30,075 дѣтей. Почти всѣ эти школы находятся въ большихъ городахъ, Прагѣ, Пьлзни, Либерцѣ и Будеёвицахъ. Подобное назначеніе имѣютъ дѣтскіе пріюты. Въ нихъ принимаются дѣти такихъ родителей, которые вслѣдствіе болѣзни или особенно ради запятій не могутъ смотрѣть за своими дѣтьми. Учительницы, завѣдующія пріютами, заботятся о томъ, чтобы дѣти послѣ школьныхъ занятій находились подъ бдительнымъ присмотромъ и были заняты подходящимъ для ихъ возраста дѣломъ. Такихъ пріютовъ содержала пражская городская управа въ 1890 году 13. Не совсѣмъ удовлетворительно поставлено попеченіе о сиротахъ. Въ 1888 году было въ Чехіи всего 30 сиротскихъ домовъ, изъ которыхъ только пражскіе сиротскіе дома и Будеёвицкій, принадлежащій монахинямъ милосердныхъ сестеръ, могутъ принимать болѣе значительное число сиротъ. Всего въ упомянутомъ году находилось въ чешскихъ сиротскихъ домахъ 1,050 питомцевъ, содержаніе которыхъ обошлось въ 110,855 гульденовъ.

## XXV.

### Среднія учебныя заведенія.

Въ Чехіи, какъ и во всей Австрійской имперіи существуютъ три типа среднихъ учебныхъ заведеній, а именно: 8-классныя классическія гимназіи (и 4-классныя прогимназіи), реальныя училища и реальныя гимназіи. Реальныя гимназіи, въ которыхъ сущеетвуетъ система бифуркаціи, теряютъ свою прежнюю популярность и число ихъ постепенно сокращается, такъ какъ содержащія ихъ общины предпочитаютъ имѣть или чисто-классическія гимназіи, или реальныя училища.

Всѣхъ учебныхъ среднихъ заведеній въ Чехіи 75, изъ которыхъ чешскихъ гимназій, содержимыхъ правительствомъ 16, чешскихъ гимназій, содержимыхъ общинами 3, чешскихъ прогимназій, содержимыхъ общинами 3, чешскихъ реальныхъ и соединенныхъ съ реальными училищами гимназій, содержимыхъ правительствомъ 10, чешскихъ реальныхъ гимназій, содержимыхъ общинами 3, нѣмецкихъ гимназій 22, изъ которыхъ правительство содержитъ 15, монастыри — 2, общины — 5; 2 нѣмецкія реальныя гимназіи содержатся общинами.

Въ чешскихъ гимназіяхъ и реальныхъ гимназіяхъ обучалось въ 1891—92 году 9,998 учениковъ, въ нѣмецкихъ же—5,608 учениковъ.

Реальныхъ училищъ чешскихъ существовало въ 1892 году 9 (7 правительств.), нѣмецкихъ—9 (7 правительств.).

Въ чешскихъ реальныхъ училищахъ училось 3,567 учениковъ, въ нѣмецкихъ—2.927 учениковъ.

## XXVI.

### Высшія учебныя заведенія.

Древній Пражскій университетъ, основанный въ 1348 году, потерпѣлъ, въ теченіе своего болѣе, чѣмъ пятивѣкового существованія, много перемѣнъ. Въ его исторіи отражается картина судебъ чешскаго народа. Времена гуситскія, славнаго царствованія Георгія Подѣбрада, протестантскій періодъ, разгромъ 30-лѣтней войны, іезуитскій гнетъ и католическая контръреформація, полнѣйшій упадокъ чешскаго народа, возрожденіе его—какъ пестрыя картины калейдоскопа слѣдуютъ другъ за другомъ, и теперь передъ нашими глазами послѣдняя картина—раздѣленіе Кароло-Фердинандеи въ два самостоятельные университета, чешскій и нѣмецкій, совершившееся въ 1882 году. Передъ раздѣленіемъ было въ Пражскомъ университетѣ 1,989 студентовъ, послѣ раздѣленія числилось въ 1891—1892 году въ чешскомъ университетѣ 2,308 слушателей, въ нѣмецкомъ 1,452 слушателя.

Прага имѣетъ и два политехническихъ института. Въ чешскомъ было въ 1891—1892 году 413 слушателей, въ нѣмецкомъ 208 слушателей.

Горный институтъ въ г. Прибрамѣ состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ курсовъ. На первомъ чисто-горномъ преподаются науки, нужныя для горныхъ инженеровъ, а именно: рудокопство, спеціальная геологія полезныхъ залежей, горная геометрія съ практическими упражненіями въ измѣреніяхъ и горной картографіи, горная геодезія, механическая разработка горныхъ породъ и каменнаго угля, горное машиностроительство съ соотвѣтствующими конструктивными упражненіями и аналитическая химія съ квалитативными упражненіями. На второмъ курсѣ преподаются науки, нужныя для инженеровъ - плавильщиковъ, а именно: плавка желѣза и другихъ металловъ, солеварство, изслѣдованіе содержанія горныхъ породъ сухимъ путемъ и квантитативнымъ анализомъ, доменная архитектура съ соотвѣтственными конструктивными упражненіями. Кромѣ приведенныхъ спеціальныхъ наукъ преподаются слушателямъ науки общеобразовательнаго и вспомогательнаго характера. Ежегодно предпринимаются профессорами трехнедѣльныя научныя экскурсіи въ различныя страны, гдѣ они знакомятъ слушателей съ состояніемъ горныхъ промысловъ и заводовъ. Директоръ прибрамской горной академіи завѣдуетъ еще состоящей при ней школою штейгеровъ.

Академія живописи существуетъ въ Прагѣ съ 1796 года. Въ началѣ она называлась академіею художествъ, которая въ 50 годахъ нашего столѣтія стала весьма славною подъ директорствомъ Христіана Рубена, ученика знаменитаго Корнеліуса. Главная заслуга Рубена—поднятіе препода-

ванія фигуральной живописи и архитектуры. Послѣ Рубена выдаются изъ числа директоровъ академіи знаменитый бельгійскій живописецъ Свертсъ и чешскій художникъ Чермакъ. Въ 1885 году академія художествъ стала называться академіею живописи. Она теперь помѣщается въ собственномъ зданіи и состоитъ изъ нѣскольких отдѣленій: 1) всеобщей школы живописи съ низшимъ и высшимъ курсомъ; 2) 3-хъ спеціальныхъ школъ живописи: a) религіозной и исторической, b) жанровой и c) пейзажной. Академія въ настоящее время процвѣтаетъ и славится многими знаменитыми учениками, изъ которыхъ стоитъ только назвать имена Брожика, Хитусси, Янсы, Женишка. До сихъ поръ она существовала благодаря щедрой поддержкѣ различныхъ любителей искусствъ, въ текущемъ же году (1896 г.) принимаетъ ее правительство въ свое вѣдѣніе и на свое содержаніе.

Музыкально-вокальному образованію посвящены консерваторія, институтъ церковной музыки и христіанская академія, всѣ три въ Прагѣ.

Консерваторія, основанная въ 1811 году «Обществомъ поощренія музыкальнаго искусства въ Чехіи», въ прежнее время воспитывала исключительно виртуозовъ оркестральныхъ инструментовъ. Затѣмъ съ консерваторіею соединилась школа камернаго и драматическаго пѣнія. Въ классахъ инструментальной музыки курсъ продолжается 6 лѣтъ, въ классахъ пѣнія 4 года. Учителей 15, учениковъ бываетъ среднимъ числомъ около 200.

«Институтъ церковной музыки» иначе «Школа органистовъ» основана въ 1830 году «Обществомъ ревнителей церковной музыки въ Чехіи» съ цѣлью воспитывать органистовъ и регентовъ хора. Курсъ былъ сначала однолѣтній, затѣмъ съ 1871 года двухлѣтній. Ученики, кромѣ игры на органѣ, обязательно изучаютъ еще всѣ отрасли музыкальной композиціи, инструментацію, дирижированіе и разыгрываніе партитуръ. Въ 1890 году, по почину министра народнаго просвѣщенія, школа органистовъ соединилась съ консерваторіей, которая къ тому времени обогатилась курсомъ фортепіанной игры, такъ что въ настоящее время консерваторія состоитъ изъ пяти отдѣленій: 1) инструментальной музыки, 2) пѣнія, 3) фортепіанной игры, 4) игры на органѣ и 5) композиціи. Заведеніе подверглось полной реорганизаціи, приглашены преподавателями замѣчательные артисты, для поступленія поставлено условіе предварительнаго курса образованія, какое доставляетъ прогимназія, для того, чтобы консерваторія равнялась высшимъ музыкальнымъ институтамъ другихъ странъ. Профессорская корпорація состоитъ изъ 28 членовъ, кромѣ преподавателей необязательныхъ предметовъ (французскаго, итальянскаго языковъ и друг.). Число слушателей ежегодно выше 400 человѣкъ. Пособіе изъ земскаго фонда достигаетъ 15,000 гульденовъ, со стороны правительства 5,400 гульденовъ. Консерваторія имѣетъ собственное движимое и недвижимое имущество, дающее ей значительный доходъ, кромѣ того пользуется большою матеріальною поддержкой со стороны чешской сберегательной кассы.

Христіанская академія, основанная въ 1875 году ревнителями христіанскихъ наукъ и искусства, культивируетъ науки и искусства въ духѣ

католической церкви, заботится о реформѣ и поднятіи церковной музыки и оберегаетъ и реставрируетъ церковныя древности. Изъ ея 4 отдѣленій, научнаго, музыкальнаго, скульптурнаго и археологическаго, болѣе дѣятельнымъ оказывается музыкальное. Для поднятія литургической музыки и церковнаго пѣнія оно основало школу церковнаго пѣнія, имѣющую 3-лѣтній курсъ. Въ ней ежегодно обучается до 200 учениковъ, устраиваются регулярные историческіе концерты и духовныя торжества въ храмахъ города Праги и ея окрестности.

Подводя итогъ всѣмъ расходамъ на всѣ нами перечисленныя школы и высшія учебныя заведенія, мы видимъ, что Чехія расходуетъ на нихъ около 30 милліоновъ гульденовъ, изъ которыхъ не болѣе $^1/_3$ поступаетъ изъ правительственныхъ рессурсовъ. Сеймъ, автономные органы городовъ и общинъ, торговыя палаты, кредитныя ассоціаціи и банки, промышленныя общества, крупные промышленники и землевладѣльцы вполнѣ сознаютъ важность цивилизаціи и культуры и поэтому не щадятъ средствъ для просвѣщенія народа. Всѣ слои общества понимаютъ глубокое значеніе и важность завѣта, даннаго великимъ Джорджемъ Вашингтономъ американскому народу: «Воспитывайте народъ!» Просвѣщеніемъ подготовляется будущность народа. Образованный человѣкъ подобенъ золоту, которое вездѣ принимается, потому что цѣна его всѣмъ извѣстна. Школа будитъ силы народа, укрѣпляетъ его самосознаніе и волю, вырабатываетъ характеръ, создаетъ «человѣка» въ настоящемъ смыслѣ слова — существо гуманное, трудолюбивое и нравственное. Школа даетъ не только культуру и образованность, но и честное убѣжденіе и нравственность. Великій учитель народовъ Коменскій весьма основательно говоритъ, что школа—мастерская человѣчности. Школа подготовляетъ народъ къ свободѣ, потому что только образованный народъ можетъ добиться свободы. Заботясь такъ усердно о подрастающемъ поколѣніи, чешскій народъ на дѣлѣ доказываетъ, что онъ достоинъ лучшей участи, достоинъ политической свободы и самостоятельности!

Ѳ. Ярешъ.

---

# Кирхгоффъ и спектральный анализъ.

(По поводу десятилѣтія со дня кончины Кирхгоффа).

---

5 октября нынѣшняго года исполнилось десять лѣтъ со дня смерти Кирхгоффа. Густавъ-Робертъ Кирхгоффъ—это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по справедливости, можно считать украшеніемъ рода человѣческаго. Съ именемъ К. связано открытіе *спектральнаго анализа*, этого могущественнѣйшаго изъ методовъ современнаго естествознанія. Научное обоснованіе анализа, ясная и точная формулировка положеній, на которыхъ зиждется этотъ анализъ, принадлежатъ Кирхгоффу и лишь отчасти Бунзену, а потому мы безошибочно можемъ сказать, что имя Кирхгоффа долго будетъ занимать почетное мѣсто въ исторіи развитія нашихъ физическихъ ученій.

Посвятивъ себя служенію человѣчеству на научномъ поприщѣ, Кирхгоффъ прожилъ свою жизнь такъ же, какъ большинство нѣмецкихъ профессоровъ-педагоговъ: тихо, безъ всякихъ выдающихся событій; великія событія, по удачному выраженію проф. Больцмана *), совершались у него въ головѣ.

Родился Кирхгоффъ 29 февраля (12 марта) 1824 года въ Кенигсбергѣ. Свѣдѣній объ его дѣтствѣ имѣется немного. Одно несомнѣно, что его родители,—отецъ былъ судейскій чиновникъ, а мать интеллигентная и умственно-бодрая женщина—сумѣли дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе и образованіе. Гус. Кирхгоффъ и два его брата получили первоначальное образованіе въ мѣстной кенигсбергской гимназіи. Любовь Густава къ математикѣ и физикѣ опредѣлилась еще въ гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса Кирхгоффъ поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ на физико-математическій факультетъ въ 1842 году.

---

*) *Gustaw Robert Kirchhoff. Festrede zur Feier des 301. Gründungstages der K. F. Universität zu Graz. von Dr. Ludwig Boltzmann. 1887.* Недавно появился русскій переводъ этой рѣчи: *Изъ исторіи физики XIX ст. Густавъ Роб. Кирхгоффъ.* Съ портретомъ. Изданіе Маракуева. М., 1897 г. Переводъ сдѣланъ недурно, но приложенный цинкографическій портретъ Кирхгоффа,—снимокъ съ портрета, помѣщеннаго въ брошюрѣ самого Больцмана,—неудаченъ, въ особенности при сравненіи съ оригинальной гравюрой на стали лейпцигской работы.

Начало 40-хъ годовъ—время, когда Кирхгоффъ поступилъ въ университетъ—представляетъ изъ себя чрезвычайно интересную эпоху для Германіи. Это былъ періодъ ранняго расцвѣта германскаго естествознанія. Обаяніе гегелевской натурфилософіи пропадало, всюду чувствовалась потребность снизойти съ высотъ отвлеченнаго мышленія на землю, въ непосредственное соприкосновеніе съ самими фактами, объектами изученія.

Юныя силы лучшей части студенчества, всегда отзывчивыя ко всему, что появляется подъ знаменемъ прогресса, жадно взялись за живое дѣло изученія природы, а Кирхгоффъ былъ, конечно, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ въ этомъ отношеніи молодыхъ людей. Къ счастію для него, среди его учителей-профессоровъ были такія свѣтила, какъ математикъ Ришело, Бессель, Якоби, физикъ Нейманъ. Особенно сильное вліяніе на Кирхгоффа имѣлъ Нейманъ, котораго считаютъ отцомъ математической физики. Сильный математикъ, большой знатокъ физики и опытный экспериментаторъ, Францъ Эрнстъ Нейманъ придавалъ большое значеніе приложенію математическаго анализа къ изученію явленій природы; одна математика, по его мнѣнію, способна провести умъ человѣка туда, куда не можетъ проникнуть опытъ; она способствуетъ отчетливости знанія и служитъ неоцѣненнымъ орудіемъ въ дѣлѣ обобщеній всякаго рода. Увлекательныя по содержанію лекціи Неймана, находившагося тогда въ періодъ наиболѣе продуктивной дѣятельности *), рѣшили дальнѣйшую судьбу молодого 18 — 19-лѣтняго Кирхгоффа,—онъ сдѣлался физикомъ. Любовь къ труду, умѣнье утилизировать свое время, способность, не разбрасываясь въ стороны, сосредоточивать все свое вниманіе на изучаемомъ предметѣ, находчивость, изобрѣтательность Кирхгоффа въ дѣлѣ эксперементированія—нашли себѣ надлежащую оцѣнку у Неймана. Учитель отмѣтилъ Кирхгоффа и полюбилъ его. Въ скромной университетской лабораторіи, подъ наблюденіемъ профессора, юный двадцатиоднолѣтній Кирхгоффъ производитъ свою первую научную работу по вопросу о прохожденіи электрическаго тока черезъ пластинку (*Ueber d. Durchgange eines elect. Stromes durch e. Ebene*. 1845). Эта работа наводитъ его на рядъ мыслей, и въ результатѣ является нѣсколько изслѣдованій объ электрическихъ явленіяхъ. Такъ уже въ ближайшемъ 1846 году, въ годъ окончанія университетскаго курса, онъ, въ прибавленіи къ своему первому изслѣдованію, устанавливаетъ свои два закона о развѣтвленіи тока и о суммѣ электровозбудительныхъ силъ въ замкнутомъ проводникѣ.

Факультетъ, цѣня дарованія Кирхгоффа, отличилъ его тѣмъ, что назначилъ ему стипендію и командировку въ Парижъ, тогдашній центръ европейскаго просвѣщенія. Такая честь выпадала на долю не многихъ людей того времени. Къ сожалѣнію, грозныя времена (то былъ конецъ сороковыхъ годовъ!) помѣшали Кирхгоффу воспользоваться своей командировкой. Въ 1847 году онъ перебирается въ Берлинъ, слушаетъ лекціи Магнуса,

---

*) Нейманъ родился въ 1798 году.

одного изъ крупнѣйшихъ физиковъ-экспериментаторовъ того времени, а затѣмъ открываетъ въ качествѣ приватъ-доцента свой курсъ. Въ 1850 г. получаетъ приглашеніе въ Бреславъ. Молодой докторъ физики остается въ Бреславѣ до 1854 года включительно. Пребываніе въ Бреславѣ было знаменательно для Кирхгоффа уже тѣмъ, что здѣсь онъ познакомился впервые съ Бунзеномъ. Робертъ-Вильгельмъ Бунзенъ пробылъ въ Бреславѣ всего лишь одинъ годъ (1851), но и въ этотъ короткій срокъ онъ сумѣлъ оцѣнить и полюбить Кирхгоффа. Надо отдать справедливость Бунзену, онъ умѣлъ узнавать людей и воздавать каждому должное. Бунзенъ сближался и охотно работалъ со всякимъ, кто любилъ научный трудъ. Этимъ и объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что лучшія изъ работъ Бунзена сдѣланы въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ. Такъ съ Бертольдомъ онъ открываетъ противоядіе противъ мышьяковистой кислоты, съ Роско производитъ знаменитыя изслѣдованія надъ химическими дѣйствіями солнечнаго луча и лучей иныхъ источниковъ свѣта, съ Кирхгоффомъ впослѣдствіи раздѣляетъ славу открытія спектральнаго анализа. Уже въ 1852 г. Бунзенъ перешелъ на службу въ Гейдельбергскій университетъ профессоромъ химіи. Когда въ 1854 г. въ Гейдельбергѣ освободилось мѣсто профессора физики, Бунзенъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы на вакантное мѣсто былъ приглашенъ Кирхгоффъ. Кирхгоффъ откликнулся на послѣдовавшее предложеніе Гейдельбергскаго университета и перешелъ туда на службу. Двадцать лѣтъ пробылъ Кирхгоффъ въ Гейдельбергѣ. Здѣсь провелъ онъ лучшіе годы своей жизни, здѣсь сошелся онъ съ такими корифеями науки, какъ Гельмгольцъ, Кенигсбергеръ и др. Здѣсь написаны лучшія изъ его работъ, здѣсь во всей силѣ развернулся учено-педагогическій талантъ Кирхгоффа, которому въ годъ поступленія на службу едва минуло 30 лѣтъ. Съ каждымъ новымъ годомъ имя Кирхгоффа пріобрѣтало большую извѣстность. Профессоръ Больцманъ такъ характеризуетъ его педагогическую дѣятельность. «Тогдашніе теоретическіе и практическіе курсы Кирхгоффа привлекали къ нему учениковъ изо всѣхъ государствъ, для нихъ онъ былъ не только глубокоуважаемымъ учителемъ, импонирующимъ руководителемъ, но и теплымъ другомъ. Его чтеніе лекцій было спокойное, ясное и тщательно обдуманное, ни слова лишняго, ни одной недомолвки,—вотъ почему онъ въ короткое время давалъ большой и богатый по содержанію матеріалъ. При этомъ онъ любилъ смотрѣть то на того, то на другого изъ своихъ слушателей и читать нѣкоторымъ образомъ по глазамъ его, понимаетъ ли онъ сообщаемый ему матеріалъ. Его опыты были всегда точны и изящны и производились нерѣдко приборами собственнаго изобрѣтенія, какъ, наприм., электрометромъ».

Всѣ ученики его вспоминаютъ о немъ съ глубокою благодарностью. Такъ Столѣтовъ, безвременно умершій въ прошломъ году русскій профессоръ-физикъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Кирхгоффѣ (журн. *Природа*, 1873 г., кн. 2) чрезвычайно тепло отзывается о своемъ бывшемъ учителѣ. «Простота обращенія и неутомимая внимательность въ отношеніи къ

учащимся, постоянная дѣятельность и самообладаніе мысли, даръ сжатой, но отчетливой рѣчи—вотъ что поражало насъ въ Кирхгоффѣ... Главную особенность Кирхгоффа, какъ преподавателя, составляетъ его практическій семинарій. Цѣль его—служить переходомъ отъ прослушанныхъ и прочитанныхъ курсовъ къ самостоятельной работѣ, знакомя учащихся съ классическими методами физическихъ измѣреній. Объясняется идея метода, устройство снарядовъ, ведущихъ къ цѣли, ихъ особенности и ошибки, способъ наблюденій и ихъ вычисленіе; затѣмъ снаряды (возможно наглядно и просто устроенные) передаются въ руки учащагося, который и выполняетъ задачу. Результаты всѣхъ работавшихъ сравниваются между собой и съ цифрами, принятыми въ наукѣ. Темами для такихъ измѣреній служатъ, напримѣръ, сила тяжести въ мѣстѣ наблюденія, сила земного магнетизма, число качаній даннаго камертона... и т. под. Испытавъ свои силы надъ подобнымя классическими задачами, гдѣ методы выработаны и результаты часто заранѣе извѣстны, начинающій физикъ уже съ большею увѣренностью можетъ взяться за болѣе оригинальныя изслѣдованія».

Кирхгоффъ, тщательно подготовляясь къ лекціямъ, лично руководя семинаріями, успѣвалъ заниматься и самостоятельною разработкой различныхъ научныхъ вопросовъ: онъ умѣлъ дорожить и пользоваться своимъ временемъ. Это умѣнье было выработано Кирхгоффомъ до совершенства; различные часы дня были точно распредѣлены; лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ Кирхгоффъ мѣнялъ распорядокъ своихъ занятій. Для многихъ изъ насъ, русскихъ, такой «порядокъ» несимпатиченъ. Страдая маніей величія, самопоклоненія, многіе изъ насъ свое обычное безпорядочное времяпрепровожденіе считаютъ хорошимъ и, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достойнымъ всѣхъ истинно-геніальныхъ людей. «Порядокъ» съ этой точки зрѣнія свойственъ скорѣе бездарной непосредственности, чѣмъ истинно-умному человѣку. Кирхгоффъ держался иного взгляда. «Поучительно видѣть, говоритъ Столѣтовъ, ту аккуратность, съ какою Кирхгоффъ ведетъ свои бумаги красивымъ и неспѣшнымъ почеркомъ, записываетъ in extenso все придуманное и сдѣланное. Видишь, что эта глубина и точность мысли дались не вдругъ и не даромъ: онѣ—плодъ упорной работы надъ собой».

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Гейдельбергъ, Кирхгоффъ женился на дочери своего бывшаго учителя Ришело, но овдовѣлъ въ 1869 г. Не намъ входить въ изображеніе душевныхъ страданій великаго человѣка, потерявшаго любимую супругу. Его душевный недугъ былъ тѣмъ ощутительнѣе, что физически Кирхгоффъ былъ очень слабъ въ то время, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ онъ сильно вывихнулъ ногу, и боли не проходили очень долго. Интересно, что горе свое Кирхгоффъ старался заглушить упорнымъ трудомъ: въ этомъ 1869 г. Кирхгоффъ издалъ три ученыхъ работы.

Въ 1872 г. Кирхгоффъ женился вторично, второй бракъ былъ не менѣе счастливъ, чѣмъ первый, такъ что однажды Киргоффъ выразился даже по поводу своего семейнаго счастія, что «des Lebens Mai» расцвѣталъ для него дважды.

До 1875 г. Кирхгоффъ не покидалъ Гейдельбергскаго университета, несмотря на то, что университетъ сталъ постепенно падать къ тому времени изъ-за недостатка средствъ; лучшіе изъ его друзей одинъ за другимъ переходили на службу въ иные университеты, и вскорѣ Кирхгоффъ остался единственною гордостью университета. Лишь въ 1875 г. онъ отвѣтилъ согласіемъ на третье приглашеніе Берлинскаго университета; онъ перешелъ туда, въ надеждѣ быть опять вмѣстѣ съ своими друзьями и разсчитывая поработать въ грандіозной физической лабораторіи, къ построенію которой было приступлено въ 1873 году. Въ Берлинѣ оставался Кирхгоффъ вплоть до самой смерти, пользуясь полнымъ почетомъ и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ не только учениковъ, сослуживцевъ, но и всѣхъ интеллигентныхъ современниковъ.

Слава Кирхгоффа покоится на его трудахъ. А работалъ онъ много и во многихъ областяхъ физики.

Первыя его работы посвящены электричеству, электрическому току, слѣдующія затѣмъ работы идутъ по магнетизму. Онъ много работалъ по вопросамъ объ упругости, по теоріи деформаціи, равновѣсія и движенія упругихъ тѣлъ въ различныхъ средахъ. Рядъ работъ по термодинамикѣ паровъ и многіе иные труды свидѣтельствуютъ о разносторонности дарованій Кирхгоффа. О плодотворной дѣятельности Кирхгоффа видно, напримѣръ, изъ того, что до 1882 г., когда было издано собраніе его сочиненій, имъ написано 37 работъ. Сколько здѣсь глубокихъ мыслей, остроумныхъ соображеній, прекрасныхъ опытовъ! А сколько еще мыслей, отданныхъ ученикамъ и разработанныхъ его слушателями! Одна первая его работа была исходнымъ пунктомъ для множества работъ многихъ другихъ ученыхъ.

Наибольшею извѣстностью пользовались и будутъ пользоваться конечно, работы по радіаціи, его совмѣстная работа съ Бунзеномъ: «Chemische Analise durch Spectralbeobachtungen»; открытіе обращеній линій спектра, давшее возможность объяснить происхожденіе фраунгоферовыхъ линій, т.-е. открытіе спектральнаго анализа ставитъ имя Кирхгоффа на одномъ ряду съ именами Галилея, Ньютона и другихъ.

Не мѣсто перечислять самые труды Кирхгоффа; трудился же Кирхгоффъ до самой своей смерти. Такъ изслѣдованія объ измѣненіи формы тѣлъ подъ вліяніемъ магнитныхъ и электрическихъ силъ появились за два года до его смерти.

Непосильныхъ трудовъ организмъ Кирхгоффа долго выдержать не могъ; уже съ начала 80-хъ годовъ Кирхгоффъ сталъ часто похварывать.

«Въ 1881 году — говоритъ Больцманъ — онъ былъ выбранъ въ ректоры Берлинскаго университета, но по болѣзни отказался отъ этой почетной должности. Вскорѣ, по настоянію врача, долженъ былъ прервать и чтеніе лекцій; въ зимній сезонъ 1885—6 года онъ *еще разъ,* собравъ всѣ свои силы, открылъ курсъ лекцій, но это было въ *послѣдній* разъ. Ближайшее лѣто онъ провелъ въ Баденѣ, а слѣдующее въ Вернигеродѣ, на

Гарцѣ, такъ полюбившемся ему еще со временъ гейдельбергской жизни. Тамъ онъ, по-прежнему горячій поклонникъ природы, могъ по временамъ совершать прогулки, окруженный своею семьей, но уже на передвижномъ креслѣ. Надломленный физически, но по-прежнему умственно свѣжій и бодрый, возвратился онъ въ Берлинъ, перенося свои послѣднія страданія съ такимъ же возвышеннымъ терпѣніемъ и кротостью, какъ и всѣ прежнія. Вскорѣ приступы повторяющейся лихорадки вызвали серьезныя опасенія въ окружающихъ. Его жена, которая проводила послѣднія ночи безъ сна у постели больного, утромъ 5 (17) октября заснула не надолго. Когда же она проснулась, великаго и благороднаго мужа уже не было, онъ навѣки почилъ спокойно и мирно. По засвидѣтельствованію врачей сильное, хотя и безболѣзненное разстройство головного мозга положило конецъ его жизни».

Вспоминая великаго человѣка въ десятилѣтіе его кончины, мы намѣрены почтить его память, возстановивъ въ умѣ читателя краткую исторію тѣхъ научныхъ изысканій, которыя завершились открытіемъ спектральнаго анализа.

Еще въ глубокой древности было извѣстно, что солнечный лучъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ давать цвѣтныя полосы, пятна. Сенека зналъ, что, пропуская солнечный лучъ чрезъ стеклянныя многоугольныя граненыя пластинки, возможно получить полосы, окрашенныя подобно цвѣтамъ радуги *). Сенека даже зналъ, что сама радуга обязана своимъ происхожденіемъ каплямъ дождя, но причины этой цвѣтности не зналъ ни Сенека, ни ученые многихъ послѣдующихъ вѣковъ, хотя многіе ученые брались за рѣшеніе этихъ вопросовъ. Такъ, этимъ вопросомъ занимались Бернардинъ Телезій *(De colorum generatione)*, Флейшеръ (1571 г.) въ сочиненіи *De iridibus doctrinae Aristotelis et Vitellionis*, Францискъ Мавролинъ (1494—1575 г.) въ сочиненіи *Theoremata de lumine et umbra* и мног. друг.

Ньютонъ въ 1668 году произвелъ рядъ своихъ знаменитыхъ опытовъ съ солнечнымъ спектромъ. Онъ убѣдился, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) что солнечный лучъ, пройдя чрезъ призму, разлагается на 7 цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый **)

*) „Virgula solet fieri vitrea, striata pluribus angulis; haec si ex transverso solem accepit, colorem talem, qualis in arco videri solet, reddit". Сенека въ своемъ сочиненіи *Naturalium quaestionum* libri VII собралъ и по своему систематически изложилъ знанія своего времени; жилъ онъ въ первой половинѣ I столѣтія (2—66 г. послѣ Р. Х.).

**) Замѣтимъ, что Ньютонъ хотѣлъ видѣть семь цвѣтовъ въ спектрѣ *только* по аналогіи со звукомъ, гдѣ, какъ извѣстно, въ октавѣ берется семь основныхъ тоновъ. Ньютонъ хотѣлъ, по выраженію одного ученаго, заставить *пѣть* спектръ. Убѣжденіе многихъ изъ послѣдующихъ ученыхъ въ полной аналогичности между звукомъ и свѣтомъ доходило до того, что, по словамъ Эйлера (*Lettres d'Euler à une princesse d'Allemagne*, t. I, p. 127), нѣкто, отецъ Кастель, проектировалъ „зрительныя клавесины" (инструментъ, предшествовавшій фортепіано), при ударахъ о клавиши кото-

2) что лучи различныхъ цвѣтовъ обладаютъ различною преломляемостью; 3) что каждый цвѣтной (монохромическій) лучъ на новые цвѣта не разлагается. Всѣ эти положенія Ньютонъ, какъ извѣстно, подтверждалъ различными опытами.

Ньютонъ неправильно смотрѣлъ на природу свѣта, а потому не могъ дать болѣе или менѣе удовлетворительнаго толкованія хроматизму. Ни Гюйгенсъ, ни Френель не касались вопроса о хроматизмѣ съ точки зрѣнія высказанной ими волнообразной теоріи свѣта. Первый, кто удовлетворительно объяснилъ происхожденіе цвѣтности, былъ Эйлеръ. «По моему мнѣнію — пишетъ онъ — солнечные лучи, которые мы ощущаемъ здѣсь, никогда не бывали на солнцѣ; это суть тѣ частицы эѳира, которыя всегда находятся близъ насъ и которыя лишь приведены въ колебательное движеніе подобнымъ же движеніемъ частицъ солнца. Распространеніе свѣта совершается подобно тому, какъ распространяется звукъ отъ звучащаго тѣла. Разницы только въ той средѣ, чрезъ которую распространяется свѣтъ, и въ скорости, съ которою совершается колебаніе... Всякій разъ, какъ эѳиръ приходитъ въ колебательное движеніе, у насъ возникаетъ ощущеніе видѣнія, если только эти колебанія доходятъ до нашего глаза. Очевидно, что ощущенія мѣняются съ измѣненіемъ частоты колебаній, т.-е. съ измѣненіемъ числа вибрацій въ секунду. Вслѣдствіе этого должна возникать разница въ свѣтовыхъ ощущеніяхъ, аналогичная той, которая возникаетъ при звукѣ, когда число колебаній звучащихъ тѣлъ въ секунду становится больше или меньше... Въ этой разницѣ числа колебаній нужно искать причину различія цвѣтовъ. Отъ числа колебаній въ секунду зависитъ цвѣтъ, который мы приписываемъ самому тѣлу. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ мы называемъ какое-либо тѣло краснымъ въ томъ случаѣ, если частицы поверхности даннаго тѣла находятся въ такомъ состояніи натяженія *), что, будучи приведены въ движеніе, обладаютъ способностью посылать столько колебаній въ секунду, сколько необходимо, чтобы возбудить въ насъ ощущеніе краснаго цвѣта» **).

Впослѣдствіи мнѣніе Эйлера нашло себѣ блестящее подтвержденіе. Мало того, было даже найдено, сколькимъ колебаніямъ въ секунду соотвѣтствуетъ тотъ или другой цвѣтъ.

Въ основѣ объясненія хроматизма лежитъ молчаливое допущеніе сложности состава солнечнаго луча. Теорія говоритъ, а опытъ подтверждаетъ, что совокупность раздраженій, вызываемыхъ элементарными лучами, даетъ намъ представленіе о бѣломъ цвѣтѣ.

Несомнѣнно, что возможно представить себѣ и такой источникъ свѣта,

---

рыхъ должны были выбрасываться цвѣтныя полоски. При хорошей игрѣ на этихъ клавесинахъ зритель, по мнѣнію Кастеля, долженъ былъ получать пріятныя зрительныя впечатлѣнія.

*) Передъ этимъ разсужденіемъ Эйлеръ излагаетъ явленія, связанныя съ измѣненіемъ *натяженія* колеблющейся струны.

**) Loco citato, t. II, p. 58, 60, 63.

который посылаетъ лучи, состоящіе изъ совокупности не всѣхъ элементарныхъ лучей, а лишь нѣкоторыхъ, а потому сложный лучъ такого источника можетъ вызывать въ насъ представленіе иного какого-либо цвѣта.

Призма стеклянная является однимъ изъ лучшихъ анализаторовъ свѣтового луча (подъ анализаторомъ вообще мы разумѣемъ приборъ, служащій для разложенія на простѣйшія составныя части тѣхъ сложныхъ объектовъ, которые могутъ воздѣйствовать на данный приборъ). Такъ какъ призма разбиваетъ сложный лучъ на элементарные, то она даетъ намъ возможность въ нѣкоторой степени судить о составѣ сложнаго луча. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что недостатокъ призмы, какъ анализатора, состоитъ въ томъ, что элементарные лучи, преломляясь въ призмѣ, падаютъ на экранъ весьма неравномѣрно: они ложатся сплоченнымъ пучкомъ близъ краснаго конца и сравнительно болѣе расходящимся въ фіолетовомъ концѣ спектра. Другой недостатокъ призматическаго спектра состоитъ въ томъ, что онъ бываетъ недостаточно *чистъ,* т.-е. цвѣта спектральные налегаютъ другъ на друга. Чистота спектра увеличивается, если солнечный лучъ пропускать черезъ щель, края которой параллельны ребрамъ призмы. Очевидно, что чистота спектра увеличивается съ уменьшеніемъ ширины щели; но за то съ уменьшеніемъ ширины щели уменьшается количество лучей, попадающихъ на призму, отчего уменьшается яркость спектра; откуда ясно, что ширина щели не можетъ быть уменьшена до чрезвычайно малыхъ размѣровъ. Прибѣгая къ помощи линзъ, достигаютъ наибольшей чистоты при достаточной яркости свѣта. Особый приборъ, служащій для изслѣдованія спектровъ, называется спектроскопомъ.

Лучшіе по чистотѣ, яркости, отчетливости спектры получаются при помощи диффракціонныхъ рѣшетокъ. Мы не имѣемъ возможности говорить о подробностяхъ теоріи этого рода спектровъ. Диффракціонные спектры называются обыкновенно «нормальными», ибо густота, съ которой расположены цвѣтныя полосы, одинакова съ обоихъ концовъ. Сравнительно съ призматическимъ, диффракціонный спектръ расширенъ въ той части, которая ближе къ красному цвѣту, и суженъ къ фіолетовому. Въ диффракціонномъ спектрѣ желтый цвѣтъ приходится посрединѣ.

Со временъ открытія Ньютона спектръ привлекалъ къ себѣ вниманіе многихъ ученыхъ. Уже къ началу нынѣшняго столѣтія стало извѣстнымъ, что солнечный лучъ посылаетъ, помимо *видимыхъ* нашимъ глазомъ лучей, еще массу такихъ, которыхъ глазъ не воспринимаетъ. Причемъ тѣ безцвѣтные, которые лежатъ за краснымъ концомъ спектра, обладаютъ по *преимуществу* тепловыми свойствами (открытіе Гершеля въ 1800 г.) и носятъ названіе инфракрасныхъ; тѣ же невидимые лучи, которые лежатъ за фіолетовымъ концомъ, носятъ названіе ультрафіолетовыхъ (открытіе Шелле въ 1778 году). Эти послѣдніе производятъ по преимуществу химическія дѣйствія; ихъ называютъ поэтому иногда химическими лучами солнечнаго спектра.

Замѣтимъ для полноты представленій, что тепловыми (и химическими)

свойствами обладаютъ всѣ свѣтовые лучи, но лишь въ меньшей степени сравнительно съ инфра-красными (и ультра-фіолетовыми). Тепловыя дѣйствія лучей въ цвѣтной части спектра неразрывно связаны со свѣтовыми. Когда говорятъ о свойствахъ тепловыхъ лучей, отличныхъ отъ свойствъ свѣтовыхъ, то разумѣютъ лишь тѣ лучи, которые идутъ независимо отъ свѣтовыхъ и лежатъ въ невидимой для глаза части спектра. Такъ, напримѣръ, если говорятъ, что существуютъ тѣла, которыя пропускаютъ свѣтовые лучи и задерживаютъ тепловые, то при этомъ разумѣютъ невидимые лучи солнечнаго свѣта, которые въ случаѣ преломленія въ призмѣ ложатся въ инфракрасной части спектра. Аналогичное можно сказать и о химическомъ дѣйствіи солнечныхъ лучей.

Въ 1802 году англійскій ученый Волластонъ въ журналѣ *Philosophical Trans. of the Royal Society* помѣстилъ статью о своихъ работахъ со спектромъ и о своемъ открытіи темныхъ полосъ въ спектрѣ солнца. Этихъ полосъ онъ насчиталъ не много, но замѣтилъ, что онѣ всегда занимаютъ опредѣленное мѣсто въ этомъ спектрѣ и не лежатъ на границахъ цвѣтовъ. Открытіе Волластона прошло незамѣченнымъ и скоро было забыто.

Въ 1815 году мюнхенскій оптикъ Фраунгоферъ (Joseph Fraunhofer), незнакомый съ работами Волластона, вновь открываетъ эти темныя линіи въ солнечномъ спектрѣ и помѣщаетъ статью въ *Denkschriften der Münchener Academie*, Т. V, о своемъ открытіи. Фраунгоферъ тщательно изучилъ положеніе этихъ линій и ихъ относительное отстояніе. Главнѣйшія изъ замѣченныхъ темныхъ линій Фраунгоферъ обозначилъ буквами A, B и C (въ красной полосѣ), двойная полоса D (близъ границы оранжеваго и желтаго цвѣт.), E (въ зеленомъ), F (въ голубомъ), G (на границахъ синяго и фіолетоваго), H (въ фіолетовомъ). Фраунгоферъ видѣлъ эти полосы въ спектрѣ свѣта луны, планетъ, въ спектрѣ отъ голубого неба, но не нашелъ ихъ въ спектрѣ свѣта, посылаемаго звѣздами..

Изученіе спектровъ производилось послѣ Ньютона и въ другомъ направленіи, именно многіе изучали спектры, получаемые отъ различныхъ источниковъ свѣта. Изучая исторію сдѣланныхъ въ этомъ направленіи изслѣдованій, часто поражаешься, какъ близко подходили многіе изъ ученыхъ къ открытію того анализа, который обезсмертилъ имена Кирхгоффа и Бунзена.

Мельвиль въ 1752 г. *) изучалъ спектры различныхъ солей, введенныхъ въ пламя спиртовой лампы. Такъ, онъ, кажется, первый увидалъ, что обыкновенная поваренная соль (NaCl) даетъ очень яркую желтую полосу.

Волластонъ, помимо солнечнаго спектра, изучалъ спектры обыкновеннаго пламени, электрической искры.

---

*) Thomas Melvill умеръ 27-ми лѣтъ, въ самомъ началѣ своей многообѣщающей ученой дѣятельности. Главнѣйшая его работа *Observations on Sight and Colours* вышла въ 1752 году, менѣе чѣмъ за годъ до его преждевременной смерти.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія особенно близко подходилъ къ открытію спектральнаго анализа англійскій ученый Брюстеръ (Brewster). Онъ довольно опредѣленно высказывалъ одно изъ положеній этого анализа о постоянномъ соотношеніи природы тѣла, его химическаго строенія, съ характеромъ спектра.

Спектры различныхъ веществъ, введенныхъ въ пламя спиртовой лампы, изучалъ Гершель *) (Herschel). Онъ твердо установилъ тотъ фактъ, что когда тѣло доведено каленіемъ до обращенія въ паръ, то оно даетъ весьма рѣзко выраженные спектры, состоящіе изъ цвѣтныхъ полосъ. Каждое вещество имѣетъ свой особый спектръ. «Въ громадномъ большинствѣ случаевъ цвѣта, сообщаемые пламени различными веществами, даютъ вѣрное и удобное средство обнаруживать присутствіе малѣйшихъ количествъ этихъ веществъ» **).

Еще яснѣе и опредѣленнѣе высказывается въ этомъ направленіи Тальбо (Talbot). «Если—говоритъ онъ—для всякаго тѣла существуетъ въ спектрѣ опредѣленная цвѣтная линія, то всякій разъ, когда въ пламени появится однородный лучъ опредѣленнаго цвѣта, онъ покажетъ на присутствіе какого-либо опредѣленнаго химическаго соединенія. Бѣглый взглядъ на свѣтъ, пропущенный сквозь призму, покажетъ присутствіе въ пламени такихъ количествъ вещества, которыя можно было бы обнаружить лишь сложнымъ химическимъ анализомъ. Я не сомнѣваюсь, что анализъ при помощи призмы позволитъ различать минимальныя доли веществъ съ увѣренностью, пожалуй, большею, чѣмъ анализъ, произведенный какими - либо иными способами».

Если наблюденія Тальбо не привели къ установленію самаго анализа, то только потому, что Тальбо при своихъ послѣдующихъ изслѣдованіяхъ всюду видѣлъ желтую натріевую полосу, что̀ его чрезвычайно смущало. Онъ еще не могъ возвыситься до яснаго пониманія наблюденныхъ имъ фактовъ и точнаго пользованія имъ же самимъ высказаннаго положенія; мы же, благодаря изученію спектровъ, теперь знаемъ, что натрій настолько распространенъ въ природѣ, что приходится принимать часто мѣры, чтобъ устранить дѣйствіе его паровъ на спектры другихъ тѣлъ.

Громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ изслѣдованія спектровъ различныхъ тѣлъ сдѣлалъ профессоръ Витстонъ (Wheatstone), который обнаружилъ, что спектръ электрической искры не всегда одинаковъ. Видъ его мѣняется въ зависимости отъ веществъ тѣхъ проводниковъ, между которыми появляется искра. Онъ авторитетно говорилъ въ лекціи на съѣздѣ британской ассоціаціи въ Дублинѣ ***), что въ спектрѣ электрической искры ученый имѣетъ болѣе вѣрный способъ къ различенію металловъ, чѣмъ химическій анализъ.

---

*) Джонъ Гершель (1798—1871), сынъ знаменитаго астронома.

**) *Encyclopedia Metropolitana*. 1827, 438.

***) „On the prismatic decomposition of the electric, voltaic and electromagnetic sparks“, by Syr Charles Wheatstone (*Chemic. News*, t. III, 1835 г.).

Витстонъ (Уитстонъ) высказываетъ при этомъ горячую увѣренность, что такого рода изслѣдованіямъ предстоитъ блестящая будущность.

Впослѣдствіи (въ 1855 г.) Энгстромъ доказалъ, что раскаленныя тѣла даютъ спектръ, содержащій всѣ цвѣта, а что характерные спектры металловъ въ искрѣ образуются парами металловъ, служащихъ электродами.

Завершеніемъ всѣхъ работъ по изслѣдованію спектровъ различныхъ тѣлъ были совмѣстныя работы Кирхгоффа и Бунзена съ одной стороны и изслѣдованія одного Кирхгоффа—съ другой.

Въ работахъ этихъ ученыхъ впервые ясно и точно формулированы и установлены основные принципы и задачи спектральнаго анализа. Рожденіемъ на свѣтъ спектральнаго анализа слѣдуетъ считать появленіе совмѣстнаго труда Кирхгоффа и Бунзена *Chemische Analyse durch Spectralbeobachtungen von Kirchhoff und Bunsen*. 1860.

«Извѣстно,—такъ начинаютъ они свой трудъ,—что нѣкоторыя вещества, будучи введены въ пламя, даютъ въ спектрѣ послѣдняго нѣкоторыя вполнѣ опредѣленныя свѣтлыя линіи. Пользуясь этими линіями, можно основать особый методъ качественнаго анализа, который въ области химіи ведетъ къ рѣшенію задачъ, до сихъ поръ считавшихся недоступными». «Вышеупомянутыя линіи появляются тѣмъ яснѣе, чѣмъ выше температура и чѣмъ слабѣе освѣтительная сила пламени».

Вся работа по преимуществу содержитъ въ себѣ подробное, детальное описаніе спектровъ тѣлъ, изслѣдованныхъ этими учеными. Мы не поведемъ читателя въ разсмотрѣніе подробностей этой работы, не потерявшей своего значенія даже до сихъ поръ. Уже на первыхъ порахъ анализъ далъ возможность открыть существованіе такихъ простыхъ тѣлъ, какъ цезій, рубидій, таллій, гелій (обнаруженный впервые на солнцѣ, а въ послѣднее время найденный и на землѣ).

«Для точнаго опредѣленія положенія спектральныхъ линій, —говоритъ Кирхгоффъ *),—незамѣнимымъ средствомъ служатъ темныя линіи солнечнаго спектра». Чтобы воспользоваться этимъ спектромъ, К. приспособилъ передъ щелью своего спектроскопа призмы, предназначенныя для того, чтобы, пользуясь *полнымъ внутреннимъ отраженіемъ* **), впускать въ одну половину щели солнечный лучъ, а въ другую—лучи изслѣдуемыхъ веществъ, введенныхъ въ безцвѣтное пламя, напримѣръ, бунзеновской горѣлки. Такимъ образомъ въ полѣ зрѣнія трубки, передъ глазомъ наблюдателя, одновременно появились и солнечный спектръ съ фраунгоферовыми линіями, и спектръ изслѣдуемаго тѣла. Оказалось, что получилось удивительное совпаденіе между положеніемъ темныхъ линій солнечнаго спектра и свѣтлыхъ линій испытуемыхъ тѣлъ. Оказалось, что почти всегда свѣт-

---

*) *Untersuchungen über d. Sonnenspectrum von Kirchhoff* напечатаны впервые въ *Pog. An. B.* 109.

**) Всегда можно устроить призму такъ, чтобы лучъ свѣта, вошедшій въ одну грань, *цѣликомъ отразился*, не выходя наружу, отъ второй грани, и вышелъ черезъ третью грань.

лыя линіи спектровъ испытуемыхъ тѣлъ находили себѣ соотвѣтственныя темныя въ солнечномъ. Если же, пользуясь вышеуказаннымъ приспособленіемъ передъ щелью спектроскопа, впускать спектры различныхъ тѣлъ, то свѣтлыя линіи ихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не совпадаютъ между собой. Это было открытіемъ чрезвычайной важности.

Полное и всегдашнее совпаденіе свѣтлыхъ линій спектра различныхъ тѣлъ и темныхъ линій солнечнаго не могло не обратить на себя вниманіе такого наблюдателя, какъ Кирхгоффъ. Самъ собой возникалъ и назойливо требовалъ разрѣшенія вопросъ: какая причина такого совпаденія? Кирхгоффъ этого не зналъ.

Прежде всего предстояло убѣдиться въ тождественности положеній темныхъ линій солнечнаго и свѣтлыхъ линій раскаленныхъ до парообразованія тѣлъ. Кирхгоффъ предпринялъ рядъ опытовъ.

«Чтобы непосредственнымъ образомъ изслѣдовать часто трактуемое совпаденіе темной линіи D солнечнаго спектра съ свѣтлыми линіями паровъ натрія, я взялъ очень слабый солнечный спектръ и помѣстилъ передъ щелью аппарата пламя съ натріемъ. Я увидалъ, что темная линія D превратилась въ свѣтлую. Бунзеновская горѣлка указала мнѣ на поверхности солнечнаго спектра линіи натрія съ неожиданной ясностью. Тогда я, пропустивъ черезъ натріево пламя яркій лучъ солнца, принялъ этотъ лучъ въ щель спектроскопа и къ величайшему изумленію своему увидалъ, что темныя линіи D въ солнечномъ спектрѣ выступили съ необычайною силой. Я замѣнилъ солнечный лучъ друмондовымъ свѣтомъ, спектръ котораго, какъ спектръ всякого раскаленнаго твердаго или жидкаго тѣла, не имѣетъ темныхъ линій; если свѣтъ этого источника проходилъ черезъ пламя съ поваренною солью, то на мѣстѣ натріевыхъ линій появлялись темныя полосы. Подобное же получалось, если вмѣсто раскаленнаго куска извести (который берется для друм. свѣта) я бралъ платиновую проволоку, раскаляя ее».

Наблюденіе это чрезвычайно поразило Кирхгоффа. Замѣтимъ кстати, что впослѣдствіи Кирхгоффъ отыскалъ въ литературѣ указанія, что французскій ученый Фуко (Foucault) замѣчалъ еще въ 1849 году подобныя явленія. Рядомъ опытовъ Фуко убѣдился, что если солнечный лучъ проходитъ предварительно черезъ раскаленные пары натрія, то парная линія D выступаетъ съ необычайной отчетливостью. Но, говоритъ Кирхгоффъ, этихъ наблюденій ни Фуко, ни другіе ученые не объяснили, для большинства физиковъ они остались даже неизвѣстными. «Я не зналъ объ этихъ опытахъ, когда приступилъ съ Бунзеномъ къ изслѣдованію спектровъ».

Замѣтивъ эти новые факты, Кирхгоффъ первые моменты не могъ подыскать для нихъ подходящаго объясненія. Но, говоритъ Оствальдъ въ своемъ изданіи совмѣстнаго труда Бунзена и Кирхгоффа (*Ostwald's Klassiker der exacten Wissenschaften*. № 72. Leipzig, 1895) послѣ двадцати часовъ размышленія онъ нашелъ принципъ, который и носилъ названіе принципа Кирхгоффа и который съ необычайной простотой объясняетъ полученные опытомъ факты.

«Указанныя явленія, говоритъ самъ Кирхгоффъ, легко объясняются въ предположеніи, что натріевое пламя обладаетъ способностью поглащать лучи той преломляемости, которые оно само испускаетъ, а что для другихъ лучей оно вполнѣ прозрачно». Допуская подобную способность во всѣхъ газообразныхъ тѣлахъ, Кирхгоффъ объяснилъ происхожденіе темныхъ полосъ такъ: спектръ раскаленнаго тѣла, напримѣръ платиновой проволоки, состоитъ изъ лучей всевозможной преломляемости; спектръ паровъ натрія состоитъ, какъ показали наблюденія, изъ двухъ сложныхъ желтыхъ линій (оранжево-желтыхъ). Положимъ, что *температура* того и другого источника *одинакова*; направимъ лучи отъ платиновой проволоки такъ, чтобъ они, пройдя черезъ раскаленные пары натрія, попали въ щель спектроскопа. На экранѣ получится составной спектръ: спектръ платины и спектръ натрія. Очевидно, что всѣ лучи, кромѣ тѣхъ, которые соотвѣтствуютъ натрію, пройдутъ чрезъ пары натрія, а желтые D задержатся, поглотятся натріемъ. Но за то пары натрія посылаютъ отъ себя желтые лучи D,—слѣдовательно, въ составномъ спектрѣ темной полосы D не будетъ: спектръ окажется сплошнымъ. Положимъ теперь, что температура пламени съ натріевыми парами будетъ значительно *меньше* температуры раскаленной платиновой проволоки; тогда пары натрія, пропустивъ всѣ пары, кромѣ желтыхъ, соотвѣтствующихъ линій D, пошлютъ отъ себя желтые лучи, но *сила* этихъ полосъ желтаго цвѣта будетъ настолько не велика, что по сравненію съ силой смежныхъ лучей они покажутся темными.

Кирхгоффъ сознавалъ, что его взглядъ пріобрѣтетъ могущественнѣйшую силу, если подтвердится опытно и теоретически.

Съ опытной стороны мысль Кирхгоффа находитъ себѣ повсюду подтвержденіе. Въ третьемъ изданіи своего изслѣдованія о спектральномъ анализѣ самъ Кирхгоффъ говоритъ, что Круксъ (Crookes) указываетъ въ *Phil. Mag. Ter IV. Vol. 21*, на такого рода опытъ. Если въ комнатѣ сжечь даже небольшое количество натрія такъ, чтобы помѣщеніе наполнилось взвѣшанными въ воздухѣ частицами этого вещества, то каждое безцвѣтное само по себѣ пламя, горящее въ такомъ помѣщеніи, пріобрѣтаетъ желтую окраску. Если зажечь два пламени: маленькое съ низкой температурой и большое—съ высокой, и смотрѣть на большое такъ, чтобы лучи, идущіе отъ большого, прошли чрезъ малое пламя, то послѣднее покажется какъ бы прикрытымъ чернымъ густымъ дымомъ,—это несомнѣнно есть слѣдствіе поглощенія. Самъ Кирхгоффъ произвелъ въ этомъ отношеніи массу любопытнѣйшихъ опытовъ, и всѣ они подтвердили съ опытной стороны мысль Кирхгоффа о соотношеніи между испускательной и поглощательной способностью тѣлъ. Отыскивая доказательства, Кирхгоффъ нашелъ ихъ въ изобиліи. Этихъ фактовъ набралось такъ много, что многіе историки этого вопроса стремятся умалить заслуги Кирхгоффа, открывая въ архивной пыли указанія и мысли, аналогичныя фактамъ и мыслямъ основателя спектральнаго анализа и высказанныя другими учеными раньше его.

Но эти изысканія историковъ интересны тѣмъ, что еще и еще разъ доказываютъ общеизвѣстную истину, что существуетъ строгая преемственность мысли, что великія открытія, которыя совершаютъ цѣлые перевороты въ области знанія, и которыя являются повидимому неожиданно, на самомъ дѣлѣ незамѣтно подготовляются, что эти открытія являются во всеоружіи лишь тогда, когда для того окончательно подготовлена почва. Часто бываетъ, что до прозрѣнія истины доходятъ одновременно и самостоятельно нѣсколько лицъ. То же случилось и съ вопросомъ о соотношеніи между испускательной и поглощательной способностью тѣлъ. Одновременно и, пожалуй, нѣсколько ранѣе, чѣмъ Кирхгоффъ, къ этой мысли пришелъ Бальфуръ Стюартъ. Но этотъ не далъ своей мысли надлежащаго развитія, между тѣмъ, какъ Кирхгоффъ сумѣлъ доказать справедливость своего положенія теоретически.

Къ сожалѣнію, теоретическое доказательство Кирхгоффа не поддается популярному изложенію. Онъ съ необычайной ясностью и убѣдительностью доказываетъ, что «отношеніе между испускательной способностью и поглощательной способностью для всѣхъ тѣлъ при одной и той же температурѣ одинаково», откуда уже довольно простыми разсужденіями выводится, что съ возрастаніемъ одной изъ этихъ способностей должна возрастать и другая (чтобы отношеніе между этими способностями оставалось прежнимъ, какъ того требуетъ теорема Кирхгоффа).

Отсюда слѣдуетъ, что если по дорогѣ луча, дающаго сплошной, непрерывный спектръ, стоитъ вещество, поглощающее лучи какой-либо категоріи, то спектръ тѣла перестаетъ быть непрерывнымъ; на немъ появляются темныя линіи, какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были бы свѣтлыя линіи, если бы спектръ получался отъ вещества, поставленнаго по дорогѣ луча. Такой испещренный темными линіями спектръ называется *спектромъ поглощенія*. Солнечный спектръ есть спектръ поглощенія.

Такимъ образомъ, благодаря работамъ Кирхгоффа, опредѣлилась возможность рѣшать двѣ задачи: 1) опредѣлить по спектру раскаленнаго до парообразнаго состоянія тѣла химическій составъ этого тѣла; 2) по спектру поглощенія опредѣлить составъ тѣхъ средъ, которыя поглощаютъ посылаемые тѣломъ лучи.

Къ этимъ двумъ задачамъ впослѣдствіи прибавились еще и другія; а многое заставляетъ думать, что въ будущемъ спектральному анализу суждено играть весьма важную роль въ вопросахъ молекулярной физики.

Анализируя спектры небесныхъ тѣлъ, мы узнаемъ о строеніи этихъ тѣлъ. Благодаря работамъ Допплера-Физо мы имѣемъ возможность по спектрамъ тѣлъ судить о движеніи этихъ тѣлъ. Ясно, что спектральный анализъ даетъ человѣку ключъ къ чтенію тѣхъ іероглифовъ, которые чертитъ природа, раскрывая свои тайны человѣку. Предварительными опытами опредѣляется, какой спектръ соотвѣтствуетъ тому или другому веществу, и результаты изслѣдованія заносятъ въ таблицы. Имѣя эти таблицы, воз-

можно, сравнивъ спектръ даннаго неизвѣстнаго тѣла съ тѣми, которыя занесены въ таблицы, опредѣлить составъ даннаго вещества.

Если, направляя щель спектроскопа на какую-либо звѣзду, напримѣръ солнце, мы получимъ спектръ поглощенія, то сравнивая темныя линіи этого спектра со свѣтлыми линіями спектровъ тѣлъ, занесенныхъ въ таблицы, мы въ состояніи опредѣлить, изъ какихъ веществъ состоятъ тѣ среды, которыя поглощаютъ цвѣтные лучи центральнаго тѣла. Такими средами для солнца, напримѣръ, будетъ съ одной стороны та атмосфера раскаленныхъ паровъ, которая окружаетъ центральное солнечное ядро, а съ другой стороны такой поглощающею средой служитъ и наша земная атмосфера.

Ясно, что свѣтъ безчисленныхъ звѣздъ, разсѣянныхъ во вселенной, пройдя чрезъ спектроскопъ, послушно разсказываетъ человѣку многія тайны строенія тѣлъ вселенной.

Не имѣя въ виду касаться подробностей различныхъ приложеній спектральнаго анализа, мы заканчиваемъ свой очеркъ.

**Н. Степановъ.**

---

# Земское промысловое обложенiе *).

Неудовлетворительное состоянiе земскихъ финансовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, и поэтому я считаю себя избавленнымъ отъ необходимости приводить доказательства въ подтвержденiе этого общепризнаннаго положенiя, послужившаго темой для многихъ спецiальныхъ изслѣдованiй. Между прочимъ и я въ одной изъ своихъ замѣтокъ **) пытался выяснить причины такого ненормальнаго явленiя и средства для его устраненiя.

Хозяйство мѣстныхъ общественныхъ учрежденiй играетъ громадную роль въ жизни каждой страны, отказавшейся подъ влiянiемъ настойчивыхъ указанiй науки и практики отъ системы централизацiи, столь разрушительно влiяющей на правильное развитiе государственнаго организма.

Въ Россiи, вслѣдствiе ея громаднаго пространства и рѣдкости населенiя, система децентрализацiи представляется наиболѣе необходимой, нежели гдѣ-либо, и потому у насъ прiобрѣтаетъ особо важное значенiе вопросъ объ обезпеченiи правильнаго и безостановочнаго функцiонированiя общественныхъ органовъ управленiя. Въ руки земства у насъ переданы, помимо другихъ второстепенныхъ обязанностей, заботы о народномъ здравiи и народномъ образованiи, этихъ двухъ важнѣйшихъ факторовъ государственной жизни, отъ правильной постановки которыхъ всецѣло зависитъ преуспѣванiе и нормальное развитiе государства. Поэтому государственная власть прямо заинтересована въ томъ, чтобы земскiя учрежденiя имѣли возможность фактически исполнять возложенныя на нихъ обязанности и удовлетворять существующiя и вновь нарождающiяся потребности населенiя, для чего больше всего и прежде всего нужны матерiальныя средства. Отсюда прямой логическiй выводъ, что земскiе финансы должны вызывать особое вниманiе и заботливость со стороны правительственной власти. Одно изъ двухъ—нужно или предоставить въ руки земства орудiя для активной дѣятельности, или уничтожить институтъ, лишенный возможности исполнять лежащiя на немъ обязанности.

---

*) Докладъ, читанный въ III отдѣлен. Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

**) *Русская Мысль* 1891 г., кн. IX. „Земскiе финансы“

При существующемъ порядкѣ земскій бюджетъ почти всецѣло лежитъ на поземельномъ обложеніи. Изъ общаго числа земскихъ сборовъ *) въ размѣрѣ 51,896 т. р. (въ земскихъ губерніяхъ) съ недвижимыхъ имуществъ получается 47.428 т. р. или 91,4%, въ томъ числѣ съ земель 378,031 т. р. или 80% общей суммы сбора съ недвижимыхъ имуществъ. Сборы съ торговыхъ документовъ и съ питейныхъ патентовъ доставляютъ 3,742 т. р. или 5,7% земскаго бюджета, а сборы съ торгово-промышленныхъ заведеній—5,345 т. р. или 8,1% земскаго бюджета.

Такимъ образомъ почти вся тяжесть обложенія падаетъ на землю, на которой, кромѣ того, тяготѣетъ государственный поземельный сборъ въ цифрѣ 17 мил. Если принять во вниманіе существующій сельско-хозяйственный кризисъ, въ результатѣ котораго повсемѣстно явилось обезцѣненіе поземельной собственности, то сдѣлаются вполнѣ понятными сѣтованія на тяжесть земскаго обложенія и попытки правительства установить предѣльныя нормы этого обложенія. Объ этихъ попыткахъ я скажу когда-нибудь особо, въ настоящее время ограничусь замѣчаніемъ, что, казалось бы, этотъ вопросъ можно возбуждать только тогда, когда въ распоряженіе земства будутъ предоставлены новые источники для полученія необходимыхъ денежныхъ средствъ. Устанавливать же предѣльность земскаго земельнаго обложенія при настоящихъ условіяхъ, когда земля и недвижимыя имущества (дающія ничтожное количество сборовъ) являются единственнымъ податнымъ источникомъ, размѣръ обложенія котораго зависитъ отъ земства, это значитъ превращать живой организмъ въ мертвое тѣло, въ простой канцелярскій механизмъ, лишенный иниціативы и самодѣятельности. Если земскія собранія, состоящія почти исключительно изъ представителей крупнаго землевладѣнія, подымаютъ сами на себя руки и облагаютъ свою собственность обременительными сборами, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія массы самыхъ настоятельныхъ потребностей мѣстнаго населенія, настолько громко вопіющихъ объ удовлетвореніи, что, стоя лицомъ къ лицу съ ними, невозможно остаться равнодушнымъ и не придти на помощь нуждающимся, независимо отъ взглядовъ и убѣжденій той или другой партіи.

Ненормальность существующей постановки земскихъ финансовъ подтверждается отсутствіемъ всякой связи между государственными финансами и земскими. Блестящія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ за послѣдніе годы, давшія возможность накопить громадные свободные остатки въ государственной кассѣ, ничуть не отразились на положеніи земскихъ финансовъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ ухудшаются изъ года въ годъ. Это, несомнѣнно, доказываетъ, что, во-первыхъ, въ распоряженіе земства предоставлены главнымъ образомъ регрессирующіе объекты обложенія, а во-вторыхъ, что земство лишено прямого участія въ обложеніи прогрессирующихъ экономическихъ элементовъ.

---

*) Доходы земствъ 34-хъ губерній по смѣтамъ 1895 г., изданіе департамента окладныхъ сборовъ.

Наконецъ, нельзя умолчать объ абсолютныхъ цифрахъ земскаго сбора, далеко не соотвѣтствующихъ обязанностямъ, лежащимъ, по закону, на земствѣ и бросающимся въ глаза по своей ничтожности сравнительно съ такими же цифрами въ западно-европейскихъ государствахъ. Въ книгѣ Кауфмана *Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ*, переводъ А. Гурьева, помѣщены чрезвычайно любопытныя данныя по этому предмету. Въ Великобританіи общій итогъ государственныхъ расходовъ 1,805 тысячъ марокъ, мѣстныхъ—1,343 тыс. марокъ. Отношеніе общегосударственныхъ налоговъ къ мѣстнымъ=100 къ 54,27. На одного жителя мѣстныхъ расходовъ приходится 35,26 марокъ. Пруссія: государственныхъ расходовъ—1,824 тыс., мѣстныхъ—322 тыс. Отношеніе государственныхъ налоговъ къ мѣстнымъ = 100 къ 51,22. На одного жителя мѣстныхъ расходовъ—17,07. Франція: общегосударственныхъ расходовъ — 2,638 тыс., мѣстныхъ — 1,003 тыс. Отношеніе общегосударственныхъ налоговъ къ мѣстнымъ=100 къ 31,53. На одного жителя мѣстныхъ расходовъ—26,07. Россія: государственныхъ расходовъ—2,826 тыс., мѣстныхъ—303 тыс. Отношеніе общегосударственныхъ налоговъ къ мѣстнымъ=100 къ 16,92. На одного жителя мѣстныхъ расходовъ—3,03.

Эти краснорѣчивыя цифры лучше всякихъ словъ доказываютъ неотложную необходимость озаботиться о предоставленіи въ распоряженіе общественныхъ учрежденій средствъ, по своимъ размѣрамъ болѣе соотвѣтствующихъ тѣмъ въ высокой степени важнымъ задачамъ и обязанностямъ, которыя возложены на городскія и въ особенности на земскія учрежденія.

При разсмотрѣніи вопроса о положеніи земскихъ финансовъ прежде всего бросается въ глаза слабое участіе промысловыхъ налоговъ въ земскихъ бюджетахъ, тогда какъ торговля и промышленность весьма сильно заинтересованы въ благоустройствѣ мѣстной жизни и наименѣе обременены налогами. Благодаря покровительственной системѣ наша обрабатывающая промышленность сдѣлала поразительные успѣхи и предпринимательская прибыль выражается въ громадныхъ, совершенно несообразныхъ цифрахъ. Несомнѣнно, что бо́льшая часть промышленныхъ доходовъ объясняется тѣми переплатами, которыя дѣлаютъ прочіе и въ особенности земледѣльческіе классы населенія, пріобрѣтая продукты мѣстнаго производства по искусственно повышенной цѣнѣ, вслѣдствіе сильно повышенныхъ тарифныхъ ставокъ на всѣ предметы ввоза. Поэтому вполнѣ соотвѣтствовало бы требованіямъ справедливости, еслибъ промышленники приняли на себя значительную долю участія въ мѣстныхъ расходахъ въ пользу того населенія, благодаря жертвамъ со стороны котораго они устроили свое благополучіе.

Промысловое обложеніе представляетъ одну изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ задачъ финансовой науки и практики. Причемъ эта задача еще болѣе осложняется, когда вопросъ касается обложенія торговли и промышленности сборами въ пользу мѣстныхъ учрежденій.

Цѣль моего сообщенія заключается въ выясненіи наиболѣе удобнаго и

справедливаго способа обложенія торговли и промышленности земскими сборами, ибо, во-первыхъ, земское хозяйство играетъ первенствующую роль въ нашей государственной жизни, а во-вторыхъ, тѣ принципы, которые будутъ положены въ основу земскаго промысловаго обложенія, съ большимъ удобствомъ могутъ быть примѣнены и къ другимъ мѣстнымъ сборамъ. Поэтому я уклоняюсь отъ экскурсій въ отдаленное прошлое и ограничусь справкой о законодательныхъ работахъ позднѣйшаго времени по данному вопросу. Въ виду тѣхъ же чисто-практическихъ цѣлей моего изслѣдованія, я намѣренъ ограничиться самымъ сжатымъ резюме какъ теоретическихъ построеній финансовой науки, такъ и практики западно-европейскихъ государствъ по вопросу о мѣстномъ обложеніи торговли и промышленности.

Уставъ о земскихъ повинностяхъ 1851 г. является первымъ законодательнымъ актомъ, пытающимся дать точную регламентацію мѣстнымъ налогамъ. На основаніи 54 ст. этого устава подлежали обложенію на губернскія земскія повинности только торговыя и промысловыя свидѣтельства. На губернскія повинности взималось 10% съ суммы, уплачиваемой въ казну при выдачѣ этихъ свидѣтельствъ. Кромѣ того на государственныя земскія повинности взималось 15% съ той же суммы. Высочайше утвержденная въ 1859 г. коммиссія для пересмотра податей и сборовъ высказалась рѣшительнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что «земскія денежныя и натуральныя повинности должны падать на всѣ наличныя средства обществъ, какъ-то: на земли, промышленныя заведенія, торговые капиталы, промышленные заработки и т. п.». Раскладку повинностей въ предѣлахъ каждаго уѣзда всецѣло предполагалось предоставить усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній. На основаніи этихъ соображеній были составлены «Временныя правила для земскихъ учрежденій по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ». Въ силу ст. 10 этихъ правилъ предметами земскаго обложенія могли быть: «доходы съ земель, торговли и промысловъ, а также и съ другихъ имуществъ, по усмотрѣнію земскихъ учрежденій». Государственный совѣтъ нашелъ, что предоставляемое этой статьей земскимъ учрежденіямъ право учреждать новые сборы и разлагать ихъ на основаніяхъ, устанавливаемыхъ самими земскими собраніями, на доходы съ этихъ имуществъ, можетъ повлечь за собой полный произволъ и дать поводъ къ несправедливому обремененію налогами отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ сословій или разрядовъ имуществъ и доходовъ преимущественно предъ другими. На этомъ основаніи государственный совѣтъ призналъ необходимымъ указать во Временныхъ Правилахъ, какіе именно предметы могутъ быть облагаемы земскими сборами. Къ числу такихъ предметовъ были отнесены тѣ имущества, которыя даютъ право на участіе въ земскомъ представительствѣ, а именно: земли, фабрики, заводы, промышленныя и торговыя заведенія и вообще недвижимыя имущества въ уѣздахъ и городахъ, а также свидѣтельства на право торговли.

Отсутствіе въ законѣ точныхъ указаній относительно способовъ и прі-

емовъ опредѣленія цѣнности и доходности торгово-промышленныхъ предпріятій и заведеній на первыхъ же порахъ вызвало на практикѣ массу пререканій, недоразумѣній и жалобъ со стороны торговцевъ и промышленниковъ. Большинство земскихъ собраній пыталось примѣнить къ торговлѣ и промышленности тѣ же начала, которыя были приняты по отношенію къ обложенію недвижимостей, т.-е. уловить дѣйствительную или нормальную доходность промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Но въ распоряженіи земскихъ учрежденій не было рѣшительно никакихъ данныхъ для опредѣленія дѣйствительной доходности этихъ объектовъ обложеній и кромѣ того доходность торговыхъ предпріятій не можетъ быть измѣрена какими бы то ни было заранѣе опредѣленными нормами, выведенными изъ данныхъ объ индивидуальной доходности отдѣльныхъ предпріятій, о чемъ я скажу ниже болѣе подробно.

Вслѣдствіе этого земство вынуждено было прибѣгать къ болѣе или менѣе остроумнымъ комбинаціямъ для того, чтобъ отыскать $x$ въ уравненіи, въ которомъ не было ни одной извѣстной величины. Единственное исключеніе представляли предпріятія, выдѣлывающія или продающія издѣлія, облагаемыя акцизными сборами, въ которыхъ продукты подлежали точному учету. Земство воспользовалось данными, имѣющимися у акцизнаго вѣдомства, и въ большинствѣ губерній привлекло къ земскому обложенію выкуриваемое или продаваемое вино. Въ результатѣ перваго же опыта примѣненія такой системы мѣстнаго промыслового обложенія выяснилось, что законъ допускаетъ полный произволъ относительно опредѣленія доходности промысловыхъ объектовъ обложенія, что̀ можетъ крайне неблагопріятно отразиться на интересахъ торговли и промышленности. Въ одной изъ центральныхъ губерній купцы 1-й гильдіи были обложены соразмѣрно съ предположенными у нихъ капиталами. Въ Керенскомъ уѣздѣ свидѣтельства 1-й гильдіи облагались окладомъ, въ $2^1/_2$ раза превышающимъ казенный сборъ.

Министръ финансовъ обратилъ вниманіе на такое положеніе дѣла и возбудилъ вопросъ о разъясненіи ст. 9 времен. прав. въ томъ смыслѣ, чтобы земскія учрежденія не могли облагать торгово-промышленныя предпріятія по цѣнности и доходности ихъ помѣщеній и одновременно по цѣнности свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ. Въ то же время министръ финансовъ полагалъ необходимымъ установить предѣлъ, свыше котораго земство не могло бы назначать дополнительные сборы съ торговыхъ свидѣтельствъ. Для возмѣщенія же потерь, которыя должны будутъ понести земства, министръ полагалъ возможнымъ привлечь къ земскому обложенію въ точно опредѣленной нормѣ промысловыя свидѣтельства и билеты, выбираемые на содержаніе торговыхъ и промышленныхъ заведеній. По вопросу объ обложеніи питей министръ полагалъ воспретить земству установленіе сборовъ съ питей въ видѣ добавочнаго акциза въ какой бы то ни было формѣ и ограничить право земства на обложеніе винокуренныхъ заводовъ и питейныхъ заведеній по ихъ цѣнности и доходности. Г. министръ пола-

галъ возможнымъ допустить земское обложеніе только въ видѣ процентнаго сбора съ цѣны патентовъ на винокуренные заводы и питейныя заведенія и притомъ въ размѣрѣ не свыше 25% съ казенной цѣны этихъ патентовъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, который признавалъ, что редакція статьи 9 Врем. Правилъ не даетъ основанія къ двойному обложенію, ибо статья эта вовсе не касается порядка и способа обложенія, а ограничивается однимъ перечисленіемъ предметовъ, подлежащихъ обложенію земскими сборами. Фабрики, заводы и другія промышленныя и торговыя заведенія помѣщены въ числѣ прочихъ недвижимыхъ имуществъ и потому должны облагаться какъ таковыя, т.-е. какъ зданія, въ которыхъ производится торгъ или промыселъ, отнюдь не принимая въ соображеніе находящихся въ нихъ издѣлій и предметовъ торговли и промысла.

Разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ по этому вопросу, государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 21 ноября 1866 г. мнѣніемъ измѣнилъ ст. 9 и 11 Времен. Правилъ въ ту редакцію, которая существуетъ и по нынѣ.

Измѣненію подвергнулись лишь нормы обложенія промысловыхъ документовъ въ 1884 г. сообразно новымъ окладамъ пошлинъ за свидѣтельства на право торговли и промысловъ и за билеты на торговыя и промышленныя заведенія.

Въ силу означеннаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта при обложеніи фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній «надлежитъ принимать въ разсчетъ цѣнность и доходность только самыхъ помѣщеній, не вводя въ оцѣнку ни находящихся въ нихъ предметовъ и издѣлій торга или промысла, ни торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ». Дополнительные сборы съ торговыхъ документовъ, взимаемые въ пользу городскихъ и земскихъ учрежденій, исчисляются съ установленныхъ казенныхъ окладовъ не свыше 15% со свидѣтельствъ 1 и 2 гильдіи и 10% со всѣхъ прочихъ документовъ.

Указанный законъ, стремясь устранить произволъ въ земскомъ промысловомъ обложеніи, впалъ въ противоположную крайность, сузилъ и ограничилъ земское обложеніе торговли и промышленности до крайнихъ предѣловъ, такъ что промысловые налоги, вопреки требованію справедливости и равномѣрности, играютъ совершенно ничтожную роль въ земскихъ бюджетахъ. Этому много способствуетъ несовершенство государственнаго промысловаго обложенія, совершенно не сообразованнаго съ дѣйствительною доходностью объектовъ обложенія и весьма часто устанавливающаго обратно прогрессивное обложеніе.

Земскія учрежденія, немедленно испытавшія неблагопріятное вліяніе на земскіе финансы закона 1866 г., который всю тяжесть земскаго бюджета возложилъ на недвижимыя имущества и, главнымъ образомъ, на земли, возбуждали и постоянно продолжаютъ возбуждать ходатайства объ отмѣнѣ этого закона и о предоставленіи имъ права привлекать къ земскому обло-

женію торговлю и промышленность на одинаковыхъ основаніяхъ со всѣми прочими предметами обложенія. Кромѣ того, большинство земствъ стремится съ помощью самыхъ разнообразныхъ пріемовъ обойти законъ 21 ноября 1866 г. и привлечь къ обложенію дѣйствительную доходность торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Оцѣнка торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній въ большинствѣ случаевъ переходитъ въ оцѣнку доходности самихъ предпріятій. Нѣкоторыя земства стремятся выяснить дѣйствительный доходъ предпріятій по показаніямъ владѣльцевъ, оцѣнщиковъ или при помощи конторскихъ книгъ, другія основываютъ оцѣнку доходности на производительной силѣ заведеній, на количествѣ вырабатываемыхъ продуктовъ или соразмѣрно величинѣ оборотовъ заведеній и т. п.

Цѣлый рядъ ходатайствъ со стороны земскихъ учрежденій въ указанномъ выше смыслѣ обратилъ на себя вниманіе правительственной власти и въ 1884 г. при министерствѣ финансовъ была учреждена особая коммиссія для обсужденія вопроса о земскомъ обложеніи.

Соображенія этой коммиссіи, касающіяся спеціально вопроса о земскомъ промысловомъ обложеніи, представляютъ въ сжатомъ видѣ слѣдующія основныя положенія.

Законъ 21 ноября 1866 г., установившій наивысшій предѣлъ земскаго обложенія патентовъ и торговыхъ свидѣтельствъ, отразился весьма неблагопріятно на земскомъ хозяйствѣ, изъявъ изъ общей системы земскихъ раскладокъ и поставивъ въ исключительное положеніе имущество лицъ наиболѣе состоятельныхъ, вслѣдствіе чего та часть земскихъ налоговъ, которая причиталась бы съ этихъ имуществъ при равномѣрной раскладкѣ, за исключеніемъ незначительной части взимаемой въ настоящее время, должна быть распредѣлена на всѣ прочіе предметы земскаго обложенія и, главнымъ образомъ, на земли. Такимъ образомъ, самые состоятельные предметы земскаго обложенія оказались въ привилегированномъ положеніи и, при ничтожномъ участіи въ земскихъ бюджетахъ промысловыхъ налоговъ, вся тяжесть земскаго обложенія пала на земли.

По этимъ соображеніямъ, коммиссія, признавая несостоятельность дѣйствующей системы обложенія торговли и промышленности по внѣшнимъ признакамъ прибыльности предпріятій, проектировала привлеченіе къ земскому обложенію торговли и промышленности на основаніи непосредственнаго опредѣленія ихъ доходности. Доходность предпріятій, за исключеніемъ выбирающихъ свидѣтельства промысловыя и на мелочной торгъ, предполагалось опредѣлять на трехлѣтній срокъ податными присутствіями при участіи двухъ членовъ, избираемыхъ земскими собраніями. Причитающійся съ этой суммы доходовъ земскій сборъ долженъ былъ распредѣляться ежегодно между отдѣльными предпріятіями по исчисляемой податными присутствіями прибыли каждаго изъ нихъ за подлежащій годъ трехлѣтія. Процентъ обложенія земскимъ сборомъ торгово-промышленныхъ предпріятій проектировался одинаковый, какъ для всѣхъ прочихъ предметовъ земскаго обложенія. Съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, содержимыхъ по

свидѣтельствамъ промысловымъ и на мелочной торгъ, земскій сборъ предположено было взимать на существующемъ основаніи.

Г. министръ финансовъ, признавая указанный коммиссіей способъ обоснованія всего земскаго обложенія торговли и промышленности крайне желательнымъ и соотвѣтствующимъ стремленію къ уравнительности всего земскаго обложенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ, что практическое осуществленіе его представляется мало обезпеченнымъ и чрезвычайно труднымъ. Необходимо считаться съ естественнымъ стремленіемъ податныхъ присутствій понижать уровень торговыхъ и промышленныхъ прибылей, причемъ установленіе земскаго сбора, въ видѣ опредѣленнаго процента съ прибылей отъ торгово-промышленныхъ предпріятій, явилось бы новымъ поводомъ къ сокрытію заинтересованными лицами своихъ оборотовъ и прибылей. Эти затрудненія устраняются, если земскій сборъ съ прибылей будетъ раскладочный, т.-е. будетъ назначаться въ точно опредѣленной суммѣ, которая должна распредѣляться между членами извѣстной группы плательщиковъ. По этимъ соображеніямъ, министръ финансовъ присоединился къ мнѣнію статсъ-секретаря Дурново, которое заключалось въ томъ, что возможная уравнительность въ торгово-промышленномъ обложеніи можетъ быть достигнута черезъ примѣненіе къ земскому обложенію тѣхъ же началъ, на которыхъ построено обложеніе торговли и промысловъ въ пользу казны, т.-е. черезъ установленіе, сверхъ сборовъ съ торговыхъ документовъ и помѣщеній, занимаемыхъ торговыми и промышленными предпріятіями, дополнительнаго сбора по прибыльности этихъ предпріятій на тѣхъ же основаніяхъ, какъ эти прибыли облагаются въ пользу казны.

Ставъ на эту точку зрѣнія, министръ финансовъ предполагалъ сохранить существующій способъ обложенія торгово-промышленныхъ помѣщеній, разсматривая его какъ обложеніе собственно основного капитала, положеннаго въ предпріятіе, и прибыли, имъ приносимой; но при этомъ указывалось на необходимость обставить это обложеніе такими условіями, чтобъ оно соразмѣрялось только съ доходностью строеній и всего вообще занятаго предпріятіемъ недвижимаго имущества. Затѣмъ министръ финансовъ полагалъ сохранить существующій размѣръ обложенія земскими сборами торговыхъ документовъ, введя нѣкоторыя измѣненія въ порядокъ распредѣленія суммъ этого сбора между отдѣльными уѣздами. Вновь проектированный порядокъ заключался въ томъ, что предполагалось губернской земской управѣ предоставить право разверстывать сборы съ торговыхъ документовъ пропорціонально суммамъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ въ каждомъ уѣздѣ на уѣздныя и на губернскія земскія повинности. Земскій сборъ съ предпріятій, подлежащихъ раскладочному казенному сбору, предполагалось назначать въ опредѣленныхъ на каждую губернію суммахъ и распредѣлять на одинаковыхъ основаніяхъ съ таковымъ же казеннымъ сборомъ; земскій сборъ съ предпріятій, уплачивающихъ казенный 3% сборъ, предполагалось назначать въ опредѣленномъ отношеніи къ казенному сбору. Установленіе какъ процента земскаго обложенія предпріятій, привлекаемыхъ

къ казенному 3% сбору, такъ и общихъ суммъ земскаго сбора въ каждой губерніи съ тѣхъ предпріятій, которыя подлежатъ казенному раскладочному сбору, должно было производиться въ законодательномъ порядкѣ.

Размѣръ назначаемой на каждую губернію суммы земскаго раскладочнаго сбора предполагалось поставить въ зависимость отъ процента земскаго обложенія недвижимыхъ имуществъ и притомъ вся эта сумма должна была поступать всецѣло въ доходъ губернскаго земства. Пріуроченный къ казенному 3% сбору, земскій сборъ съ прибылей отъ предпріятій акціонерныхъ компаній, товариществъ на паяхъ и проч., не предполагалось возможнымъ предоставить исключительно въ пользу той губерніи, въ районѣ которой онъ назначенъ ко взысканію, ибо мѣсто реализаціи прибылей часто не соотвѣтствуетъ мѣсту дѣйствительнаго производства торговыхъ или промышленныхъ операцій въ такого рода предпріятіяхъ. Поэтому и принимая во вниманіе, что цѣль установленія этого сбора заключается въ облегченіи податной тягости, лежащей на недвижимыхъ имуществахъ, предполагалось распредѣлять его между губерніями на основаніи произведенія, получаемаго при помноженіи цифры процента обложенія земли земскимъ сборомъ на число десятинъ земли, обложенныхъ въ каждой губерніи.

Проектъ, сущность котораго изложена выше, не былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, вслѣдствіе заявленія министра финансовъ, что онъ находитъ необходимымъ внести въ ближайшемъ будущемъ представленіе о реформѣ казенныхъ сборовъ съ торговли и промысловъ. Поэтому, та часть проекта о земскомъ обложеніи, которая касается торгово-промышленнаго обложенія, могла бы получить утвержденіе лишь въ видѣ временной мѣры.

Въ настоящее время проектъ государственнаго промысловаго обложенія уже выработанъ и въ газетахъ было помѣщено довольно полное и обстоятельное изложеніе его сущности. Хотя въ этомъ изложеніи ни слова не упоминалось о тѣхъ измѣненіяхъ, которые проектированы въ системѣ земскаго промысловаго обложенія, но знакомство съ сущностью государственнаго промысловаго налога даетъ полную возможность составить заключеніе объ основныхъ началахъ реформы земскаго обложенія торговли и промышленности, которая, по необходимости, должна быть произведена для того, чтобы согласовать земское обложеніе съ казеннымъ. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію своихъ соображеній по этому вопросу я считаю долгомъ, для полноты освѣщенія картины, сказать нѣсколько словъ относительно заключительныхъ выводовъ финансовой науки и практической постановки дѣла по вопросу о мѣстномъ промысловомъ обложеніи. Большинство изслѣдователей, касающихся вопроса о промысловомъ обложеніи, приходятъ къ заключенію, что промышленность должна быть объектомъ мѣстныхъ налоговъ, какъ извлекающая спеціальныя выгоды отъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и пользующаяся услугами и расходами органовъ самоуправленія. Ограничить мѣстные налоги исключительно лишь обложеніемъ недвижимостей не представляется возможнымъ, ибо земля и строенія игра-

ютъ второстепенную роль въ производствѣ и только путемъ привлеченія къ обложенію движимыхъ промысловыхъ капиталовъ, оказывающихъ рѣшительное вліяніе на доходность промышленныхъ предпріятій, возможно достигнуть равномѣрности въ обложеніи. Нѣкоторые писатели (Нейманъ, Нассе) признаютъ наиболѣе удобнымъ и справедливымъ обложеніе промышленности по числу рабочихъ, такъ какъ количество расходовъ общественныхъ учрежденій сообразуется, главнымъ образомъ, съ числомъ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Профессоръ Лебедевъ рѣшительнымъ образомъ высказывается, что субъектами мѣстныхъ налоговъ «должны быть всѣ тѣ, въ чьихъ интересахъ существуетъ и дѣйствуетъ мѣстное самоуправленіе, а таковыми оказываются всѣ жители данной мѣстности, слѣдовательно и классъ промышленный. Гнейстъ также признаетъ полное основаніе для привлеченія промысловъ къ мѣстному обложенію, но, оставаясь вѣрнымъ своей излюбленной теоріи нормальнаго обложенія недвижимой собственности, отмѣчаетъ необходимость выдѣлить въ особую группу недвижимую собственность, занятую крупнымъ производствомъ, и привлечь ее къ спеціальному обложенію мѣстными сборами по дѣйствительной доходности промысла. Основаніемъ для опредѣленія дѣйствительной доходности промышленныхъ предпріятій должны служить—число рабочихъ и служащихъ и количество водяной и паровой силы. Единственнымъ виднымъ противникомъ мѣстнаго промысловаго обложенія является Билинскій, по мнѣнію котораго несправедливо взимать съ промышленниковъ особые налоги, ибо за всѣ услуги, которыя они получаютъ отъ общественнаго управленія, уже уплачиваются спеціальные сборы. Далѣе онъ указываетъ и на практическія соображенія, заключающіяся въ томъ, что общественнымъ учрежденіямъ должны быть предоставлены самые простые налоги, не требующіе сложной и дорогой организаціи ихъ распредѣленія и взиманія, а между тѣмъ правильная организація промысловаго налога представляется одной изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ финансовыхъ задачъ.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить спорный вопросъ финансовой науки о тѣхъ основныхъ началахъ, на которыхъ должна быть построена система мѣстныхъ налоговъ. По мнѣнію однихъ представителей науки, податная обязанность мѣстнаго населенія должна быть построена, какъ и при государственномъ обложеніи, исключительно на принципѣ налогоспособности, т.-е. имущественной состоятельности. По мнѣнію же другихъ, мѣстные налоги должны быть основаны на принципѣ услугъ, оказываемыхъ населенію мѣстными органами самоуправленія, и на принципѣ соотвѣтствующаго возмездія со стороны населенія за эти услуги (Leistung und Gegenleistung). Но большинство писателей по этому предмету приходитъ къ заключенію, что тотъ или иной принципъ мѣстныхъ налоговъ всецѣло зависитъ отъ предметовъ и задачъ мѣстнаго хозяйства, на которыя расходуются мѣстныя средства. Расходы, производимые для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, должны быть покрыты налогами, основанными на принципѣ налогоспособности. Наоборотъ, расходы, прино-

сящіе выгоды лишь нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, должны оплачиваться этими послѣдними.

У насъ въ Россіи этотъ спорный вопросъ не имѣетъ большого значенія, ибо вслѣдствіе неудовлетворительнаго экономическаго положенія громаднаго большинства населенія къ нему фактически непримѣнимъ принципъ возмездности и кромѣ того почти всѣ расходы земства, за весьма рѣдкими исключеніями, имѣютъ общегосударственное значеніе.

Въ заключеніе вступительнаго отдѣла моего сообщенія я долженъ коснуться, опять-таки въ самыхъ общихъ чертахъ, вопроса, имѣющаго весьма важное практическое значеніе, о системѣ взиманія мѣстныхъ промысловыхъ налоговъ въ видѣ самостоятельныхъ сборовъ, назначаемыхъ и взимаемыхъ самими мѣстными учрежденіями или въ видѣ накладныхъ сборовъ, опредѣляемыхъ въ видѣ извѣстныхъ процентовъ къ государственнымъ налогамъ и взимаемыхъ одновременно съ этими послѣдними.

Въ литературѣ по данному вопросу существуетъ большое разногласіе, но, мнѣ кажется, что если вникнуть въ аргументацію защитниковъ самостоятельности мѣстнаго обложенія, поскольку вопросъ касается до всей совокупности мѣстныхъ налоговъ, то придется всецѣло стать на ихъ сторону. Въ самомъ дѣлѣ, самостоятельное самоуправленіе, очевидно, нуждается и въ самостоятельныхъ источникахъ для полученія необходимыхъ денежныхъ средствъ, безъ которыхъ немыслимо общественное хозяйство. Для развитія въ участникахъ самоуправленія сознанія своихъ правъ и обязанностей, сознанія безусловно необходимаго для правильнаго функціонированія органовъ самоуправленія, чрезвычайно важно, чтобы плательщики налоговъ хорошо сознавали основанія, въ силу которыхъ налоги ими уплачиваются, и вмѣстѣ съ тѣмъ сами имѣли бы право опредѣлять податную способность объектовъ обложенія. Зависимость мѣстныхъ финансовъ отъ государственныхъ подрываетъ интересъ къ общественному долгу и лишаетъ возможности органы самоуправленія регулировать мѣстное обложеніе, понижая или повышая его въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей.

Кромѣ того небольшія надбавки къ старымъ, уже существующимъ сборамъ дѣлаются гораздо легче и неосмотрительнѣе, чѣмъ обсужденіе новыхъ налоговъ, и, распространяясь на всю территорію государства, часто могутъ не соотвѣтствовать дѣйствительнымъ потребностямъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Но для того, чтобы эти общія соображенія могли найти фактическое примѣненіе къ отдѣльнымъ видамъ мѣстнаго обложенія, необходима наличность многихъ благопріятныхъ условій. Организація самоуправленія въ странѣ должна гарантировать равномѣрное представительство всѣхъ интересовъ. Органы мѣстнаго самоуправленія должны обладать достаточными средствами для выясненія платежной способности предметовъ обложенія. Необходимо точное разграниченіе права обложенія всѣхъ податныхъ источниковъ на государственныя и мѣстныя нужды. Къ сожалѣнію, какъ мы

увидимъ ниже, по отношенію къ мѣстному промысловому обложенію у насъ не имѣется въ наличности всѣхъ указанныхъ условій.

Это послѣднее обстоятельство, т.-е. тѣсная зависимость системъ мѣстнаго обложенія отъ организаціи мѣстнаго самоуправленія и отъ финансовой политики государства совершенно игнорируется всѣми представителями науки, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что объ идеальной системѣ мѣстнаго обложенія можно говорить, только исходя изъ предположенія объ идеальной организаціи самоуправленія. Практическія же соображенія о наилучшей системѣ мѣстнаго обложенія для данной страны должны имѣть въ виду политическую организацію этой страны. Поэтому я уклонюсь отъ изложенія аргументаціи защитниковъ обѣихъ указанныхъ мною системъ мѣстнаго обложенія, такъ какъ эта аргументація лишена практическаго значенія для мѣстнаго промысловаго обложенія въ Россіи.

Обращаясь къ практикѣ европейскихъ государствъ Запада, я долженъ замѣтить, что теоретическія положенія, выработанныя наукой, далеко не нашли себѣ полнаго примѣненія въ законодательствахъ этихъ странъ, которыя (законодательства) отличаются крайнимъ разнообразіемъ, въ особенности, по отношенію къ обложенію мѣстными налогами торговли и промышленности.

Въ системѣ англійскихъ мѣстныхъ налоговъ торговля и промышленность вовсе не фигурируютъ въ качествѣ самостоятельныхъ объектовъ обложенія. Но косвеннымъ образомъ промысловые доходы облагаются подъ видомъ строеній, къ числу которыхъ относятся заводы, фабрики съ разнаго рода двигателями, рудники и т. п. Во Франціи мѣстные налоги взимаются подъ именемъ добавочныхъ сантимовъ, въ видѣ извѣстнаго процента въ государственныхъ прямыхъ налоговъ, т.-е. въ опредѣленномъ количествѣ сантимовъ накладного сбора съ каждаго франка государственныхъ прямыхъ налоговъ. Въ томъ числѣ добавочные сантимы взимаются и съ патентнаго налога (contribution des patentes), какъ называется во Франціи государственное промысловое обложеніе.

Въ Пруссіи податной законъ 1893 г. соотвѣтствуетъ послѣднимъ выводамъ финансовой науки и, несомнѣнно, долженъ служить образцомъ для всѣхъ странъ. По этому закону всѣ реальные налоги всецѣло предоставлены общинамъ. Реальными налогами называются, какъ извѣстно, такіе, которые взимаются съ отдѣльныхъ источниковъ дохода независимо отъ мѣстности плательщика и всей совокупности его доходовъ. Такимъ образомъ въ Пруссіи общинамъ предоставлены налоги: поземельный, подомовый, промысловой и налогъ съ горнаго промысла. Для возмѣщенія дефицита въ государственномъ бюджетѣ введенъ новый поимущественный налогъ (Vermögenssteuer), взимаемый со всего имущества плательщика движимаго и недвижимаго, за вычетомъ долговъ. Кромѣ того, за общинами сохранено право подоходнаго обложенія. Основаніемъ для общиннаго промысловаго обложенія должны служить: доходъ за послѣдній годъ или за нѣсколько лѣтъ, размѣръ постояннаго или оборотнаго капитала или иные

признаки, опредѣляющіе размѣры предпріятія. Такое радикальное рѣшеніе вопроса о распредѣленіи между государствомъ и общинами источниковъ обложенія было вызвано, главнымъ образомъ, слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, примѣненіе реальныхъ налоговъ къ государственному бюджету влекло за собой крайнюю неравномѣрность обложенія, а, во-вторыхъ, выяснилась настоятельная необходимость усилить финансовыя средства общинъ такимъ образомъ, чтобъ оказалось возможнымъ болѣе широкое примѣненіе принципа возмездности, ибо при старой системѣ общиннаго обложенія, которое построено было, главнымъ образомъ, на подоходномъ обложеніи, владѣльцы объектовъ реальныхъ налоговъ, пользуясь всѣми услугами общиннаго хозяйства, принимали лишь самое незначительное участіе въ общинномъ обложеніи.

Сдѣланный мною краткій эскизъ, дающій до нѣкоторой степени представленіе о положеніи занимающаго насъ вопроса о мѣстномъ промысловомъ обложеніи какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, указываетъ, что мы находимъ очень мало поучительнаго для улучшенія практикуемой у насъ системы, если захотимъ стоять на практической почвѣ, не задаваясь цѣлью построить отвлеченную схему, не имѣющую никакого примѣненія къ дѣйствительности. Весьма близкая къ идеалу прусская система мѣстныхъ налоговъ требуетъ точнаго разграниченія государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ и возможна лишь при томъ условіи, если центръ тяжести государственныхъ финансовъ будетъ лежать въ подоходномъ обложеніи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности осуществленія двухъ указанныхъ началъ въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ, во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что это дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, и поэтому, преслѣдуя практическія задачи, по необходимости приходится сообразоваться съ существующимъ строемъ, изыскивая такія поправки, которыя имѣютъ нѣкоторыя шансы на практическое осуществленіе. Что же касается до другихъ системъ мѣстнаго промысловаго обложенія въ другихъ государствахъ Западной Европы, то онѣ весьма далеки отъ совершенства. Существуетъ цѣлая литература, выясняющая съ полной очевидностью значительные недостатки мѣстнаго обложенія въ этихъ странахъ, и можно отмѣтить много проектовъ, пытающихся устранить недостатки дѣйствующаго законодательства,—проектовъ, къ сожалѣнію, не обратившихся въ законы.

Переходя къ положительной части моего сообщенія, я прежде всего долженъ напомнить отмѣченное выше раздѣленіе земскаго промысловаго обложенія на двѣ части—сборъ съ промысловыхъ документовъ и обложеніе торгово-промышленныхъ помѣщеній. Строго говоря, только первая категорія сборовъ можетъ быть отнесена къ промысловому обложенію, такъ какъ торгово-промышленныя помѣщенія должны облагаться только какъ недвижимость и земству категорически воспрещается при обложеніи принимать въ разсчетъ торгово-промышленные обороты и прибыли этихъ помѣщеній. Поэтому я въ началѣ займусь болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ

вопроса объ обложеніи земскими сборами промысловыхъ документовъ, въ которомъ сконцентрировано у насъ мѣстное промысловое обложеніе.

Прежде всего слѣдуетъ выяснить два специфическія требованія, которымъ должна удовлетворять каждая система земскаго промысловаго обложенія, помимо тѣхъ общихъ условій, которыя необходимы при установленіи каждаго налога какъ государственнаго, такъ и мѣстнаго.

Возлагая на земскія учрежденія обязанность производить расходы для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ предоставить земству право для полученія необходимыхъ средствъ взимать сборы съ извѣстныхъ предметовъ обложенія. Вслѣдствіе этого для того, чтобы земство могло удовлетворительнымъ образомъ исполнять возложенныя на него обязанности, необходимо, чтобы была установлена непосредственная, тѣсная связь между возрастаніемъ потребностей населенія, являющимся результатомъ развитія мѣстной экономической жизни, и размѣромъ поступленія земскихъ сборовъ съ предметовъ обложенія, производительность и доходность которыхъ возрастаетъ. Всѣ владѣльцы объектовъ земскаго обложенія обязаны принимать участіе въ земскихъ расходахъ пропорціонально доходности ихъ имуществъ. Размѣръ расходовъ общественныхъ учрежденій находится въ прямой зависимости отъ всей совокупности условій мѣстной жизни. Развитіе торговли и промышленности влечетъ за собой необходимость въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія, въ увеличеніи медицинскаго и педагогическаго персонала и т. п. Вслѣдствіе этого необходимо, чтобы система земскаго обложенія позволяла разсчитывать, при общемъ увеличеніи земскихъ расходовъ, на одновременное повышеніе поступленій съ торговли и промышленности пропорціонально возрастающей доходности или пропорціонально возрастанію общей суммы расходной смѣты. Въ противномъ случаѣ, очевидно, равновѣсіе земскихъ бюджетовъ будетъ подорвано, и земство лишено будетъ возможности удовлетворять нарождающіяся, часто неотложныя потребности населенія, не прибѣгая къ крайнему отягощенію земельныхъ имуществъ, размѣръ обложенія которыхъ ничѣмъ не ограниченъ.

Затѣмъ необходимо обезпечить поступленіе въ кассы общественныхъ учрежденій, по возможности, тѣхъ суммъ, которыми они располагаютъ въ настоящее время. Установленныя практикой суммы земскихъ расходовъ въ разныхъ мѣстностяхъ выражаютъ собою извѣстный размѣръ удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, съ которымъ оно вполнѣ освоилось. Доля участія въ этихъ расходахъ разныхъ предметовъ земскаго обложенія также освящена болѣе или менѣе долголѣтней практикой.

Вслѣдствіе этого всякое сокращеніе суммы поступленій съ опредѣленныхъ источниковъ земскаго обложенія можетъ повлечь за собой разстройство земскихъ бюджетовъ, связанное съ необходимостью или сокращать расходныя смѣты въ зависимости отъ сокращенія объема земскаго хозяйства, или увеличивать обложеніе другихъ податныхъ источниковъ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, я остановлюсь на

двухъ указанныхъ мною условіяхъ правильной постановки земскаго податного дѣла и отмѣчу вытекающее изъ нихъ важное логическое слѣдствіе. Дѣло въ томъ, что въ правительственныхъ сферахъ неоднократно возникала мысль о полномъ изъятіи торговли и промышленности изъ земскаго обложенія съ перенесеніемъ, взамѣнъ того, нѣкоторыхъ обязательныхъ земскихъ повинностей на счетъ государственнаго казначейства. Такая постановка дѣла, очевидно, кореннымъ образомъ противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены ко всякой системѣ мѣстнаго обложенія, какъ было выяснено мною выше, надѣюсь, съ достаточной убѣдительностью. Изъятіе изъ земскаго обложенія двухъ важнѣйшихъ факторовъ, важнѣйшихъ какъ по размѣрамъ вложенныхъ въ нихъ капиталовъ, такъ и по экономическому значенію въ мѣстной жизни, неминуемо должно нарушить равновѣсіе земскихъ бюджетовъ и уничтожить равномѣрность земскаго обложенія. Главнымъ источникомъ земскихъ доходовъ являются—обложеніе недвижимыхъ имуществъ и сборъ съ торговли и промышленности, причемъ центръ тяжести земскаго обложенія въ промышленныхъ губерніяхъ постепенно переходитъ съ недвижимыхъ имуществъ на торговлю и промыслы. Поэтому если земствамъ этихъ губерній взамѣнъ промысловаго обложенія предоставить разъ навсегда опредѣленную, настоящую сумму, хотя бы въ данный моментъ и соотвѣтствующую итогу поступленій промысловыхъ налоговъ, то окажется, что вызываемое постепеннымъ развитіемъ промышленности увеличеніе земскихъ расходовъ должно всецѣло пасть на самые слабые податные источники—недвижимыя имущества, между тѣмъ какъ растущій предметъ земскаго обложенія—торговля и промышленность—будетъ совершенно устраненъ отъ земскаго обложенія.

Если же, изъявъ изъ земскаго обложенія торговлю и промышленность, взамѣнъ этого источника доходовъ ничего не предоставить земству, то въ бюджетахъ нѣкоторыхъ губерній окажутся такіе дефициты, что дальнѣйшее веденіе земскаго хозяйства сдѣлается прямо невозможнымъ. Такъ въ Московской губерніи сборъ съ торговли и промышленности составляетъ 890,000 р., а обложеніе недвижимыхъ имуществъ даетъ только 580,000 руб.,—очевидно, что изъятіе изъ земской доходной смѣты почти двухъ третей всѣхъ поступленій вынудитъ земство уничтожить большую часть своего хозяйства. Поэтому вопросъ объ изъятіи изъ земскаго обложенія торговли и промышленности является для земства вопросомъ жизни или смерти и, надо надѣяться, будетъ вычеркнутъ изъ правительственной программы.

Закончивъ это случайное, но весьма важное отступленіе отъ своей темы, я долженъ перейти къ соображеніямъ о наилучшей, при наличности современныхъ условій, организаціи мѣстнаго промысловаго обложенія.

Во всей массѣ земскихъ ходатайствъ о преобразованіи земскаго промысловаго обложенія, къ сожалѣнію, не имѣется ни одного, которое заключало бы въ себѣ указаніе на практическій способъ рѣшенія этого вопроса. Большая часть ходатайствъ ограничивается указаніями, что про-

мысловый налогъ долженъ быть подоходнымъ или что онъ долженъ взиматься съ дѣйствительныхъ оборотовъ и прибылей или же, наконецъ, что торговля и промышленность должны привлекаться къ земскому обложенiю на одинаковыхъ основанiяхъ съ недвижимыми имуществами.

Къ величайшему сожалѣнiю нужно сказать, что ни одно изъ этихъ пожеланiй не осуществимо, частiю по теоретическимъ, а большею частью по практическимъ соображенiямъ.

Въ этомъ отношенiи прежде всего слѣдуетъ обратить вниманiе на составъ земскихъ собранiй, организованныхъ по закону 1890 г. Законъ этотъ, какъ извѣстно, установилъ сословное представительство съ подавляющимъ преобладанiемъ дворянскаго элемента. Гласные отъ крестьянскаго населенiя, назначаемые губернаторомъ по рекомендацiи предводителей дворянства, утратили всякое значенiе въ земскихъ собранiяхъ, являясь слѣпыми исполнителями указанiй земскихъ начальниковъ и предводителей, какъ предсѣдателей собранiй. Число гласныхъ отъ дворянъ превышаетъ число гласныхъ отъ другихъ сословiй (кромѣ крестьянскаго) въ четыре и въ пять разъ. Громадное большинство гласныхъ отъ дворянъ состоитъ изъ представителей крупнаго и средняго землевладѣнiя. Такимъ образомъ, фактически хозяевами земскаго дѣла являются представители частнаго землевладѣнiя, конечно, всецѣло заинтересованные въ томъ, чтобы перенести возможно бóльшую часть земскихъ сборовъ съ земель на другiе объекты земскаго обложенiя.

Торговля и промышленность представляются самыми удобными объектами обложенiя, на которые можетъ быть перенесена значительная часть земскихъ сборовъ, взимаемыхъ нынѣ съ земель, ибо промысловая дѣятельность по своей налогоспособности и по размѣрамъ капиталовъ, вложенныхъ въ нее, занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ податныхъ источниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобное перенесенiе будетъ простымъ актомъ справедливости, но также не рѣдко можно ожидать крайняго и непосильнаго обремененiя торговли и промышленности земскими сборами, вслѣдствiе того, что представители таковыхъ въ земскихъ собранiяхъ подавляются громаднымъ большинствомъ представителей другихъ интересовъ. Такимъ образомъ первымъ и весьма существеннымъ тормазомъ для передачи всецѣло въ распоряженiе земства промысловаго обложенiя является несовершенство организацiи земскаго представительства.

Затѣмъ подоходный налогъ, несмотря на многiя возраженiя его противниковъ, остается въ теорiи идеальнымъ налогомъ, но очевидно, что въ терминологiи земскихъ ходатайствъ нужно отмѣтить нѣкоторую неточность. Дѣло въ томъ, что общеподоходный налогъ относится къ категорiи, такъ называемыхъ, личныхъ налоговъ, падающихъ на личность плательщика, т.-е. на всю совокупность принадлежащихъ ему доходовъ. Поэтому надо думать, что ходатайства о подоходномъ обложенiи тождественны съ ходатайствами о промысловомъ обложенiи по оборотамъ и прибылямъ промысловыхъ предпрiятiй.

Большинство представителей литературы склоняется къ тому мнѣнію, что мѣстный подоходный налогъ представляется весьма удобной и справедливой формой мѣстнаго обложенія, но рекомендуетъ его въ формѣ накладокъ къ государственному подоходному налогу и притомъ при условіи сохраненія другихъ реальныхъ налоговъ (промысловаго и поземельнаго), въ виду неспособности подоходнаго налога охватить всѣ доходы плательщика и вслѣдствіе полнаго отсутствія въ этомъ налогѣ принципа возмездности за особыя выгоды, получаемыя плательщикомъ отъ общественныхъ учрежденій или за особые расходы, причиняемые этимъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, еслибъ даже въ Россіи былъ введенъ общій подоходный налогъ, то это не избавило бы отъ необходимости разсматривать вопросъ о системѣ мѣстнаго промысловаго обложенія, особенно въ виду того обстоятельства, что у насъ въ Россіи не мыслимо основать какъ государственный, такъ и земскіе бюджеты на подоходномъ налогѣ въ виду экономической несостоятельности населенія и ничтожнаго количества доходовъ, превышающихъ минимумъ, свободный отъ обложенія (Existenz-minimum).

Затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о возможности построить мѣстное промысловое обложеніе по дѣйствительнымъ оборотамъ и прибылямъ отдѣльныхъ предпріятій. Въ этомъ отношеніи указанный мною проектъ особой коммиссіи при министерствѣ финансовъ вполнѣ отвѣчаетъ земскимъ пожеланіямъ, предполагая привлечь къ земскому обложенію торговлю и промышленность на основаніи прямого опредѣленія ихъ доходности податными присутствіями при участіи земскихъ представителей. Въ печатныхъ трудахъ министерства финансовъ, заключающихъ въ себѣ статистическія данныя о дѣятельности податныхъ присутствій, мы находимъ цифры, не выдерживающія самой снисходительной критики. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ суммы прибылей, опредѣляемыхъ податными присутствіями, представляются болѣе или менѣе вѣроятными, въ другихъ же (и притомъ въ большинствѣ) суммы эти выражаются въ такихъ цифрахъ, которыя едва достаточны для погашенія казенныхъ сборовъ съ торговли и промышленности. Такимъ образомъ оказывается, что суммы прибылей (вѣрнѣе доходности) опредѣляются податными присутствіями для разныхъ мѣстностей по совершенно различнымъ основаніямъ и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма далеки отъ дѣйствительности. Такое явленіе вполнѣ естественно и неизбѣжно въ виду полнаго отсутствія болѣе или менѣе точныхъ признаковъ и основаній для опредѣленія оборотовъ и доходности промысловыхъ предпріятій, которыя устанавливаются податными присутствіями, главнымъ образомъ, на основаніи личнаго знакомства ихъ членовъ съ силой и размѣрами отдѣльныхъ предпріятій. Такая постановка дѣла не приноситъ особаго вреда при распредѣленіи раскладочнаго сбора, назначаемаго въ точно-опредѣленной суммѣ для каждаго уѣзда, ибо члены податныхъ присутствій, заинтересованные въ равномѣрности раскладки, стремятся къ сохраненію относительной справедливости, и если понижаютъ дѣйствительную доходность, то пониженіе это распространяется въ одинаковой степени на всѣ пред-

пріятія даннаго уѣзда. Для земскихъ же сборовъ такая фальсификація оборотовъ и доходностей—и притомъ до крайности разнообразная для разныхъ мѣстностей—должна дать въ результатѣ въ высокой степени неравномѣрное и крайне несправедливое мѣстное обложеніе. Участіе земскихъ представителей въ податныхъ присутствіяхъ можетъ имѣть два исхода: или ихъ значеніе сведется къ нулю, вслѣдствіе подавляющаго большинства представителей торговли и промышленности, или, получивъ преобладаніе, они могутъ установить преувеличенную доходность въ интересахъ крупнаго землевладѣнія. Послѣдній исходъ въ особенности опасенъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Предоставленіе промысловаго налога всецѣло вѣдѣнію земскихъ учрежденій могло бы имѣть мѣсто лишь при томъ условіи, еслибы всѣ реальные налоги, по примѣру Пруссіи, были переданы въ руки мѣстныхъ учрежденій. У насъ же въ Россіи, какъ извѣстно, реальные налоги положены въ основу государственнаго бюджета. При этомъ государственный поземельный сборъ выражается въ весьма скромной цифрѣ и играетъ незначительную роль въ тяжести земельнаго обложенія сравнительно съ земскими сборами. Наоборотъ, въ промысловомъ обложеніи первенствующую роль играетъ налогъ, взимаемый въ пользу государственнаго казначейства, а земскіе сборы составляютъ лишь надбавку къ нему (около 8%). Вслѣдствіе этого, если допустить одинаковый размѣръ земскаго обложенія для земель и промысловъ, даже при равномѣрной оцѣнкѣ ихъ доходности, то окажется, что торговля и промышленность будутъ обременены налогами въ значительно большей степени, нежели земельныя имущества, а потому основное требованіе справедливости и финансовой науки о возможно уравнительномъ обложеніи всѣхъ податныхъ субъектовъ будетъ въ корнѣ нарушено.

Въ Россіи господствуетъ система обложенія не общей суммы доходовъ, а отдѣльныхъ имуществъ или доходовъ, при которой облагается не дѣйствительный доходъ плательщика, а средняя (нормальная) доходность объектовъ обложенія (Ertragsteuersystem). По этой системѣ облагаются земскими сборами всѣ недвижимыя имущества,—слѣдовательно, если сдѣлать исключеніе лишь для одного промысловаго обложенія и построить таковое на дѣйствительномъ доходѣ, то, опять-таки, будетъ сильно поколеблена равномѣрность обложенія всѣхъ податныхъ источниковъ, ибо при этомъ недвижимости и промыслы будутъ обложены по разнымъ основаніямъ и по разнымъ системамъ.

При разработкѣ новаго проекта промысловаго обложенія прежде всего былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію вопросъ о возможности построить это обложеніе на самыхъ справедливыхъ основаніяхъ—на данныхъ о дѣйствительномъ размѣрѣ оборотовъ и прибылей. Но положеніе этихъ данныхъ, являющееся результатомъ несовершенства податной системы съ одной стороны, и малой культурности большинства торговцевъ и промышленниковъ съ другой, заставило отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Раскрытіе тайны торговыхъ книгъ представлялось

дѣломъ слишкомъ рискованнымъ, а установленіе обязательнаго веденія подобныхъ книгъ—прямо невозможнымъ. Такимъ образомъ, если государственная власть вынуждена была отказаться отъ обложенія торговли и промышленности по дѣйствительнымъ оборотамъ и прибылямъ, то тѣмъ менѣе основаній для примѣненія этого способа обложенія къ земскимъ учрежденіямъ, которыя обладаютъ значительно меньшими правами и менѣе совершенной финансовой организаціей.

Мнѣ осталось теперь разсмотрѣть третій способъ земскаго промысловаго обложенія—на одинаковыхъ основаніяхъ съ обложеніемъ недвижимостей. По этому поводу я долженъ указать на полное отсутствіе въ торговлѣ и промышленности какихъ бы ни было внѣшнихъ признаковъ силы и размѣровъ отдѣльныхъ промысловыхъ предпріятій. У домовъ и земли есть осязательный признакъ въ видѣ кубическаго содержанія зданій или числа десятинъ. Опредѣливъ изъ цѣлой массы наблюденій въ однородныхъ мѣстностяхъ нормальную доходность отдѣльной единицы, признанной мѣриломъ для извѣстной категоріи имуществъ, т.-е. въ данномъ случаѣ одного кубика или одной десятины, и затѣмъ помноживъ цифру, выражающую эту доходность, на число единицъ, которое содержится въ цѣломъ имуществѣ, получимъ общую цифру нормальной доходности даннаго имущества. Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ торговлѣ и промышленности. Внѣшніе признаки, на которыхъ въ настоящее время построено промысловое обложеніе, какъ, наприм., число приказчиковъ, число покоевъ, родъ продаваемыхъ товаровъ и т. п., даютъ не только не вѣрное, но часто превратное понятіе о размѣрахъ и доходности предпріятій. Такое заключеніе вытекаетъ, во-первыхъ, изъ соображеній здраваго смысла и, во-вторыхъ, подтверждается весьма цѣнными печатными трудами министерства финансовъ. Къ тому же всѣ эти признаки могли бы выяснить лишь доходность отдѣльнаго рубля, какъ единственной мѣрки, пригодной для измѣренія размѣровъ промысловыхъ предпріятій. Но количество единицъ этой мѣры въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи, т.-е. ихъ оборотъ, представляетъ именно тотъ искомый иксъ, который не поддается никакимъ точнымъ опредѣленіямъ. Масштабы для измѣренія налогоспособности объектовъ разныхъ реальныхъ налоговъ до крайности разнообразны и всѣ попытки достигнуть нѣкотораго однообразія въ этой области заранѣе обречены на неудачу по самому существу дѣла.

Изъ вышеизложеннаго, кажется, съ достаточной очевидностью вытекаетъ: 1) что обложеніе торговли и промышленности по средней (нормальной) доходности невозможно и 2) точно также невозможно предоставленіе земству права организовать промысловое обложеніе на основаніи дѣйствительныхъ, индивидуальныхъ прибылей и оборотовъ каждаго отдѣльнаго предпріятія. Такимъ образомъ остается лишь одинъ исходъ—построить земское промысловое обложеніе по системѣ добавочныхъ сантимовъ. Причемъ для достиженія возможно правильнаго и уравнительнаго обложенія необходимо, чтобы добавочные сантимы въ пользу земства взимались со всей со-

вокупности государственнаго промысловаго обложенія и чтобы размѣръ промысловыхъ налоговъ соотвѣтствовалъ размѣру обложенія недвижимостей.

Существующій порядокъ земскихъ сборовъ съ торговли и промышленности построенъ по системѣ добавочныхъ сантимовъ. Въ пользу земства взимается извѣстный, точно опредѣленный процентъ съ казенной цѣны торговыхъ и промысловыхъ документовъ. Но въ существующемъ порядкѣ земскаго промысловаго обложенія замѣчается коренной недостатокъ, который дѣлаетъ его явно несправедливымъ и несоотвѣтствующимъ цѣлямъ и задачамъ мѣстнаго обложенія. Коль скоро въ принципѣ признается, что земство имѣетъ право на обложеніе торговли и промышленности по системѣ накладныхъ сборовъ, то очевидно, что освобожденіе отъ этихъ накладокъ нѣкоторыхъ видовъ государственнаго промысловаго обложенія рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправдано и должно повлечь за собой нарушеніе равномѣрности, а также смысла и цѣли всего мѣстнаго обложенія. Составители проекта временныхъ правилъ о земскихъ повинностяхъ и государственный совѣтъ, какъ мы видѣли, смотрѣли на дѣло именно съ этой точки зрѣнія. Я указалъ уже, что самымъ важнымъ условіемъ для правильной постановки мѣстнаго промысловаго обложенія представляется установленіе прямого соотвѣтствія между развитіемъ мѣстныхъ объектовъ промысловаго обложенія и размѣромъ поступленій общественныхъ сборовъ съ торговли и промышленности. Количество казенныхъ сборовъ съ промысловыхъ документовъ отнюдь не опредѣляетъ развитія мѣстной торговли и промышленности и часто обратно пропорціонально истинному размѣру промысловой дѣятельности. Только вся совокупность государственнаго промысловаго обложенія можетъ дать представленіе о налогоспособности торговли и промышленности въ данной мѣстности, т.-е. о дѣйствительныхъ размѣрахъ оборотовъ и прибылей торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Поэтому не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что изъятіе изъ земскаго обложенія дополнительныхъ сборовъ съ торговли и промышленности (раскладочнаго и процентнаго) можетъ быть объяснено лишь законодательнымъ недосмотромъ и недоразумѣніемъ. Въ 1865 г. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ ограничило земское и городское промысловое обложеніе лишь участіемъ въ казенныхъ сборахъ съ торговли и промышленности только потому, что въ то время не существовало иныхъ промысловыхъ налоговъ, введенныхъ значительно позднѣе, въ 1885 г., и все казенное обложеніе ограничивалось сборомъ съ торговыхъ документовъ. Если затѣмъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. не исправило этотъ пробѣлъ, то это объясняется тѣмъ, что новый законъ ограничился преобразованіемъ организаціи земства, вовсе не затронувъ системы земскаго обложенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы въ 1865 г. существовали дополнительные сборы съ торговли и промышленности, то Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ привлекло бы ихъ къ земскому обложенію, такъ какъ невозможно допустить, чтобы законодатель имѣлъ намѣреніе возложить всю тяжесть земскаго обложенія исключительно на одинъ, опредѣленный предметъ про-

мысловаго обложенія, дающій самое невѣрное представленіе о налогоспособности предпріятій, въ прямой ущербъ равномѣрности и справедливости.

Если высказанныя мною соображенія имѣютъ полное примѣненіе къ дѣйствующей системѣ государственнаго промысловаго обложенія, то значеніе и сила ихъ въ значительной степени усугубляются при предстоящей реформѣ промысловыхъ налоговъ. Какъ видно изъ гезетныхъ сообщеній, коммиссія, вырабатывающая проектъ государственнаго промысловаго обложенія, вынуждена была, по многимъ основательнымъ соображеніямъ, отказаться отъ попытки построить это обложеніе на самыхъ справедливыхъ основаніяхъ — на данныхъ о дѣйствительномъ размѣрѣ оборотовъ и прибылей. Поэтому коммиссія признала необходимымъ сохранить существующую патентную систему, основанную, главнымъ образомъ, на внѣшнихъ признакахъ доходности, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтила рядъ коррективовъ къ дѣйствующей системѣ, имѣющихъ цѣлью достиженіе возможно большей уравнительности въ обложеніи всѣхъ видовъ торговли и промышленности. Въ результатѣ этихъ коррективовъ должно получиться обложеніе, пропорціональное оборотамъ и прибылямъ каждаго отдѣльнаго предпріятія, насколько таковые поддаются опредѣленію при посредствѣ улучшенныхъ пріемовъ регистраціи дѣйствительной доходности. Въ ряду этихъ поправокъ къ существующему закону, вводимыхъ проектомъ, особенно важное значеніе имѣетъ установленіе, такъ называемыхъ, добавочныхъ сборовъ. Патентное обложеніе, по проекту, опредѣляется въ размѣрѣ 5% съ предполагаемой доходности, сообразно тому разряду, къ которому относится каждое предпріятіе по своимъ внѣшнимъ признакамъ.

Затѣмъ, послѣ того какъ раскладочными присутствіями будетъ опредѣлена сумма доходности каждаго предпріятія извѣстной мѣстности, съ той суммы доходности, которая превышаетъ норму, обложенную уже патентнымъ сборомъ, взимается еще добавочный сборъ въ размѣрѣ 2½%. Въ общей совокупности патентный, раскладочный и добавочный сборы должны дать 7½% съ доходности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Для подъотчетныхъ предпріятій, подлежащихъ процентному сбору, общій итогъ промысловыхъ налоговъ... % ихъ дѣйствительнаго дохода.

Изъ этого видно, какое важное значеніе имѣетъ добавочный сборъ, долженствующій уловить элементъ доходности въ промысловомъ обложеніи и представляющій собою первый рѣшительный шагъ на пути къ подоходному обложенію.

Такимъ образомъ, проектированный способъ промысловаго обложенія представляетъ собою стройную систему, всѣ составныя части которой неразрывно связаны между собою, и потому не представляется никакой возможности выдернуть изъ всей системы одинъ патентный налогъ и обрушить на него всю тяжесть земскаго и городского обложенія. При подобной постановкѣ вопроса, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о соотвѣтствіи мѣстнаго промысловаго обложенія съ дѣйствительнымъ ростомъ оборотовъ и прибылей промысловыхъ предпріятій данной мѣстности, напротивъ того,

вслѣдствіе замѣтнаго тяготѣнія торговли и промышленности къ концентраціи, причемъ множество мелкихъ фирмъ исчезаетъ и замѣняется колоссальными предпріятіями, нужно ожидать, что во многихъ мѣстностяхъ патентный сборъ, а слѣдовательно и сборъ въ пользу земства, значительно сократится, между тѣмъ какъ другія формы государственнаго промысловаго обложенія и, главнымъ образомъ, добавочный сборъ, сильно возрастутъ. Такимъ образомъ, получится логическій абсурдъ, ничѣмъ не оправдываемый.

Кромѣ того, такая постановка дѣла должна въ корнѣ нарушить уравнительность государственныхъ промысловыхъ налоговъ, составляющую главную задачу проекта промысловаго обложенія. При разсчетѣ тарифныхъ ставокъ въ проектѣ вовсе не принималось въ разсчетъ земское обложеніе, размѣръ котораго весьма внушителенъ, ибо составляетъ пятую часть государственныхъ промысловыхъ налоговъ, если принять въ разсчетъ сборы, взимаемые съ торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній. Если всю эту крупную цифру, или хотя половину ея, составляющую сборъ съ однихъ документовъ, по нынѣ дѣйствующей системѣ присоединить исключительно къ патентному сбору, то очевидно, что отъ равномѣрности не останется и слѣда. При этомъ въ привилегированномъ положеніи окажутся именно тѣ виды промысловаго обложенія, которые имѣютъ въ виду наиболѣе крупные обороты и прибыли,—процентный сборъ, раскладочный и добавочный, а главная тяжесть земскаго обложенія падетъ на предпріятія съ наименьшей налогоспособностью, у которыхъ доходность не достигаетъ даже до нормы, погашаемой однимъ патентнымъ обложеніемъ. Такимъ образомъ, одни предпріятія будутъ платить земскіе сборы со всей суммы ихъ доходности и часто даже съ суммы, превышающей ихъ доходность, съ другихъ же предпріятій земскіе сборы будутъ взиматься лишь съ задатка, уплачиваемаго правительству за право производить промысловую дѣятельность при полномъ освобожденіи отъ мѣстнаго обложенія прибылей, нерѣдко выражающихся въ громадныхъ цифрахъ.

Такимъ образомъ получается регрессивное обложеніе, не находящее себѣ оправданій даже въ практическихъ соображеніяхъ, ибо привлеченіе къ мѣстному обложенію всѣхъ видовъ промысловаго обложенія не можетъ встрѣтить никакихъ практическихъ затрудненій. Вся трудность этой задачи заключается единственно въ томъ, чтобы изыскать извѣстныя основанія для установленія возможно справедливаго размѣра накладныхъ сборовъ въ пользу мѣстныхъ учрежденій. Исходной точкой для этого должна служить общая сумма сборовъ съ промысловыхъ документовъ, поступающая нынѣ въ кассы общественныхъ учрежденій. Сопоставляя ее съ ожидаемой суммой поступленій промысловыхъ налоговъ въ кассу государственнаго казначейства послѣ реформы промысловаго обложенія, получимъ извѣстный процентъ, въ размѣрѣ котораго необходимо установить сборъ въ пользу мѣстныхъ учрежденій со всѣхъ видовъ промысловаго обложенія для того, чтобы обезпечить этимъ учрежденіямъ получаемыя нынѣ суммы сборовъ съ тор-

говыхъ и промышленныхъ документовъ. Но на этомъ, очевидно, нельзя остановиться, а если и можно остановиться, то лишь на первое время, когда еще не выяснился точный размѣръ поступленій государственныхъ промысловыхъ налоговъ послѣ ихъ преобразованія. Въ виду отмѣченной выше необходимости привлечь торговлю и промышленность къ большему участію въ бюджетахъ мѣстныхъ учрежденій съ цѣлью уменьшить размѣръ поземельнаго обложенія и достигнуть болѣе уравнительнаго распредѣленія всѣхъ налоговъ какъ мѣстныхъ, такъ и общегосударственныхъ между различными податными источниками,—слѣдуетъ повысить накладки къ государственнымъ промысловымъ налогамъ въ пользу мѣстныхъ учрежденій до такого размѣра, который будетъ, съ одной стороны, посиленъ для торговли и промышленности при ихъ современномъ развитіи, а съ другой—будетъ соотвѣтствовать размѣру обложенія другихъ податныхъ объектовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устанавливаемый проектомъ размѣръ государственнаго промысловаго обложенія далеко не выражаетъ собою *maximum'а* налогоспособности промысловыхъ занятій, особенно если принять во вниманіе тяжесть земельнаго обложенія и то обстоятельство, что размѣръ оборотовъ и доходности промысловыхъ предпріятій, служащихъ основаніемъ для промысловаго обложенія, несомнѣнно, будутъ опредѣляться въ цифрахъ, значительно пониженныхъ противъ дѣйствительности.

Я уклоняюсь отъ дальнѣйшаго развитія деталей намѣченной мною системы мѣстнаго промысловаго обложенія, такъ какъ въ мою задачу отнюдь не можетъ входить обстоятельная разработка цѣлаго проекта, но считаю нужнымъ сдѣлать два замѣчанія по поводу практической постановки дѣла.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить совершенную ненужность чрезвычайно сложной организаціи установленія размѣра земскихъ накладокъ и системы распредѣленія ихъ между уѣздными и губернскими земствами, которая проектирована особою коммиссіей министерства финансовъ. Коммиссія вынуждена была разрабатывать эти вопросы, ибо не рискнула проектировать рѣшительную постановку дѣла въ видѣ однообразнаго обложенія мѣстными сборами всѣхъ видовъ промысловаго налога, причемъ исчезаютъ всѣ практическія затрудненія, и добавочные сантимы должны взиматься въ пользу земства одновременно съ уплатой казенныхъ налоговъ въ одинаковомъ размѣрѣ со всѣхъ видовъ государственнаго промысловаго обложенія. Точно также упраздняется и вопросъ о распредѣленіи земскихъ промысловыхъ налоговъ между земскими учрежденіями, ибо онъ просто разрѣшается либо постановленіями губернскихъ собраній, либо территоріальнымъ положеніемъ облагаемыхъ промысловыхъ предпріятій. При этомъ также не можетъ быть риска значительно поколебать земскія приходныя смѣты, ибо послѣ реформы промысловаго обложенія наибольшему измѣненію должна подвергнуться именно сумма поступленій съ документовъ по разнымъ мѣстностямъ Имперіи; что же касается до общаго итога промысловыхъ налоговъ, то онъ возрастетъ въ опредѣленной прогрессіи, поддающейся болѣе или менѣе точному подсчету.

Во-вторыхъ, какъ было уже мною указано при изложеніи проекта министерства финансовъ, мѣсто поступленія процентнаго сбора иногда не соотвѣтствуетъ дѣйствительному мѣсту производства торговыхъ и промышленныхъ операцій облагаемыхъ предпріятій и потому не представляется основаній предоставить всю сумму поступающихъ съ нихъ мѣстныхъ сборовъ въ пользу тѣхъ учрежденій, въ районѣ которыхъ случайно находятся правленія подобныхъ обществъ или товариществъ. Надо сознаться, что справедливое распредѣленіе мѣстныхъ сборовъ съ такихъ предпріятій представляется весьма затруднительнымъ, но едва ли слѣдуетъ останавливаться передъ подобными трудностями въ виду возможности совершенно опустить изъ разсчета эти суммы, вслѣдствіе ихъ незначительнаго размѣра, и образовать изъ нихъ особый фондъ при министерствѣ финансовъ, изъ котораго могутъ быть выдаваемы пособія тѣмъ земствамъ, въ которыхъ земельная собственность особенно сильно обременена сборами.

Намѣченный мною способъ организаціи мѣстнаго промысловаго обложенія по системѣ накладныхъ сборовъ, конечно, далекъ отъ совершенства, но при данныхъ условіяхъ организаціи государственныхъ финансовъ и мѣстнаго представительства, кажется, долженъ быть признанъ единственно практически осуществимымъ и, до нѣкоторой степени, справедливымъ, какъ устанавливающій прямую связь между размѣромъ поступленій мѣстныхъ промысловыхъ сборовъ и дѣйствительнымъ развитіемъ мѣстной промысловой дѣятельности.

Самымъ важнымъ недостаткомъ такой системы является отсутствіе равномѣрности въ обложеніи мѣстными сборами различныхъ податныхъ источниковъ. Въ то время какъ земля и прочія недвижимости будутъ облагаться въ соотвѣтствіи съ мѣстными потребностями, сообразно общему итогу земской расходной смѣты, для обложенія торговли и промышленности будетъ установленъ опредѣленный размѣръ обложенія, который не можетъ быть превышенъ земствомъ. Очевидно, что при такой постановкѣ дѣла нарушается равномѣрность обложенія, но, къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, не представляется возможности подчинить торговлю и промышленность общей системѣ земскаго обложенія и кромѣ того можно ввести двѣ важныя поправки въ указанную систему накладныхъ сборовъ.

Во-первыхъ, послѣ окончанія земскими учрежденіями оцѣночныхъ работъ, когда будетъ приведена въ извѣстность дѣйствительная цѣнность и доходность всѣхъ недвижимыхъ имуществъ, можно будетъ допустить мѣстное промысловое обложеніе въ различныхъ процентахъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ соотвѣтствіи съ размѣромъ обложенія другихъ податныхъ объектовъ, причемъ, конечно, впредь до коренного преобразованія системы земскаго представительства, необходимо, чтобы налогоспособность различныхъ объектовъ промысловаго обложенія измѣрялась по основаніямъ, принятымъ для государственнаго обложенія, что весьма легко достижимо при посредствѣ капитализаціи общей суммы казеннаго обложенія, взимаемаго съ каждаго отдѣльнаго предпріятія.

Во-вторыхъ, впредь до такого коренного рѣшенія вопроса, существеннымъ коррективомъ можетъ служить привлеченіе къ земскому обложенію торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній въ качествѣ недвижимостей по точному смыслу закона 1866 года.

Въ мотивахъ къ закону 21 ноября 1866 г., между прочимъ, прекрасно охарактеризовано значеніе земскаго обложенія торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній: «Промышленныя и торговыя заведенія имѣютъ свою собственную цѣнность и доходность, отдѣльно отъ производимыхъ въ нихъ промышленныхъ и торговыхъ операцій, а потому законъ и указываетъ на нихъ какъ на отдѣльный предметъ обложенія земскими сборами, наравнѣ съ другими недвижимыми имуществами, даже и тогда, если бы временно въ нихъ и не производилось никакой торговли и промысла; такой сборъ долженъ на общемъ основаніи падать на собственника этихъ зданій, хотя бы онъ и не производилъ самъ въ нихъ промысла или торга, а отдавалъ оныя съ этой цѣлью другому лицу». Такимъ образомъ, изъ этой цитаты вытекаетъ, что законъ стремился привлечь къ земскому обложенію торговыя и промышленныя помѣщенія на одинаковыхъ основаніяхъ со всякаго рода недвижимымъ имуществомъ въ виду того, что подобныя помѣщенія имѣютъ самостоятельную цѣнность и могутъ эксплуатироваться независимо отъ тѣхъ промысловыхъ предпріятій, которыя въ нихъ помѣщаются. Такъ, не рѣдки случаи сдачи въ аренду фабричныхъ и заводскихъ зданій, а нахожденіе торговыхъ предпріятій въ наемныхъ помѣщеніяхъ представляетъ заурядное явленіе. Изъ этого слѣдуетъ, что помѣщенія, представляющія собою часть основного капитала, вложеннаго въ предпріятія, играютъ совершенно особую, самостоятельную роль въ торговлѣ и промышленности, часто не имѣющую никакой связи съ промысловой дѣятельностью, и поэтому могутъ подлежать самостоятельному обложенію. Этотъ взглядъ находитъ себѣ оправданіе и въ теоріи, которая, какъ мы видѣли, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, подчеркиваетъ необходимость особаго обложенія недвижимостей, принадлежащихъ представителямъ промышленности. Такая постановка дѣла вноситъ существенную поправку въ мѣстное промысловое обложеніе по системѣ накладныхъ сборовъ, ибо одинъ изъ элементовъ производства (помѣщенія) привлекается къ земскому обложенію на одинаковыхъ основаніяхъ со всѣми прочими объектами обложенія, вслѣдствіе чего достигается большая уравнительность обложенія, и представители торговли и промышленности являются заинтересованными въ составленіи земскихъ смѣтъ и въ правильномъ расходованіи земскихъ средствъ. Съ отмѣной земскаго обложенія помѣщеній представители торговли и промышленности, уплачивающіе по системѣ накладныхъ сборовъ разъ навсегда опредѣленную сумму, утратятъ интересъ къ земскому дѣлу, ибо размѣръ обложенія ихъ имущества будетъ лишенъ всякой связи съ обложеніемъ прочихъ податныхъ объектовъ и съ размѣромъ земскихъ расходовъ.

Для того, чтобъ избѣгнуть двойного обложенія торговли и промышлен-

ности при посредствѣ введенія въ оцѣнку помѣщеній элемента доходности находящихся въ нихъ предпріятій, необходимо ускорить окончаніе земствами оцѣночныхъ работъ по закону 1893 г., въ которомъ точно указаны пріемы и способы для оцѣнки торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній. Эта задача первостепенной важности въ очень многихъ отношеніяхъ, и я уже имѣлъ честь дѣлать сообщеніе о способѣ ея скорѣйшаго и наилучшаго разрѣшенія *).

Кромѣ того, послѣ привлеченія къ земскому обложенію всѣхъ видовъ государственныхъ промысловыхъ налоговъ у земства въ значительной степени уменьшится стремленіе къ повышенію оцѣнокъ торгово-промышленныхъ помѣщеній, ибо неравномѣрность мѣстнаго обложенія въ значительной мѣрѣ будетъ устранена.

Закончу свое сообщеніе пожеланіемъ, чтобы правительственная власть при реформѣ государственнаго промысловаго обложенія удѣлила земскимъ интересамъ то вниманіе, котораго они заслуживаютъ по своему значенію для государственной жизни.

**Н. Нечаевъ.**

---

*) *Объ организаціи мѣстныхъ статистическихъ учрежденій.* Докладъ, напечатанный въ трудахъ В. Э. Об. за 1896 г.

# Въ Швеціи *).

Какъ извѣстно, выставка въ Стокгольмѣ была организована, чтобъ отпраздновать двадцатипятилѣтіе коронованія короля Оскара. За эту четверть вѣка экономическое благосостояніе двухъ соединенныхъ народовъ, шведовъ и норвежцевъ, возросло до удивительныхъ размѣровъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ чисто-промышленную часть выставки и остановимся передъ секціями, извѣстными подъ именемъ «Человѣческой культуры». Конечно, полезно производить богатства, но интересно знать средства производить наилучшимъ образомъ этихъ производителей. Человѣкъ есть, несомнѣнно, товаръ, хорошія качества котораго наиболѣе важны для общества и государства. Но какъ образовать цѣльнаго, «интегральнаго» человѣка такъ, чтобы тройныя силы его физическаго, умственнаго и нравственнаго существа сохранили то равновѣсіе, безъ котораго для него нѣтъ ничего кромѣ порчи и разрушенія? Какъ соблюсти другое, также необходимое, равновѣсіе между прошлымъ и будущимъ такъ, чтобы традиціи, не подавляя его, передали бы ему тотъ сокъ его расы, необходимый ему для того, чтобы приносить цвѣты, плоды, листву, для того, чтобы расти и развиваться? Иначе говоря, какъ можетъ народъ, равно какъ и отдѣльный индивидуумъ, познать самого себя, такъ сказать, въ своемъ собственномъ существѣ постигнуть законы, которые должны руководить его дѣятельностью и обезпечить ему безконечный прогрессъ?

Можетъ быть, нѣкоторые важные пункты этихъ жизненныхъ вопросовъ освѣтятся послѣ посѣщенія «культурной» секціи стокгольмской выставки. Мы поведемъ нашего читателя въ Сѣверный музей, на секцію «Slöjd», которая служитъ ему дополненіемъ. Слово «Slöjd», перешедшее уже въ другіе германскіе языки, обозначаетъ ручную работу, служащую средствомъ образованія и направленную сообразно національнымъ традиціямъ. Но прежде чѣмъ разсказать исторію этого Сѣвернаго музея, девизъ котораго: «Känn dig själf»,—«Познай самого себя», прежде чѣмъ познакомить читателя съ этимъ созданіемъ воли одного человѣка, готоваго совокупить всѣ

---

*) *En Suède—nation, art, école*, par Erik Sloestedt.

производства народной дѣятельности, мы привѣтствуемъ его создателя, доктора Артура Газеліуса. Это одинъ изъ тѣхъ примѣровъ энергіи, которые прославляютъ человѣчество и укрѣпляютъ отдѣльную личность, доказывая ей, что, при настойчивости и вѣрѣ, ея могущество не имѣетъ предѣловъ.

Артуръ Газеліусъ, сынъ генерала Газеліуса, родился въ 1833 г. Онъ слушалъ лекціи въ Упсальскомъ университетѣ и въ 1860 году получилъ званіе доктора философіи. Затѣмъ онъ занималъ каѳедру литературы и шведскаго языка и отличился нѣкоторыми работами по лингвистикѣ; въ 1868 году онъ оставилъ профессорство, чтобы вполнѣ посвятить себя своимъ любимымъ занятіямъ, а въ 1872 году у него явилась идея Сѣвернаго этнографическаго музея, которому онъ и посвятилъ всю свою жизнь.

Онъ путешествовалъ въ то время по уединеннымъ долинамъ Далекарліи. Это одна изъ самыхъ сѣверныхъ провинцій Швеціи, она лежитъ въ области лѣсовъ и потоковъ и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ оставалась скрытой отъ остального міра за цѣпью лѣсистыхъ пустынь. Древніе нравы и наслѣдственныя привычки сохранялись въ ней почти въ монашеской неподвижности, тѣмъ болѣе, что каждый приходъ имѣлъ свои особенные обычаи и костюмъ, хранившіеся съ вѣрностью религіознаго ритуала. Какъ нѣкогда въ Бретаніи, такъ и здѣсь по рисунку на лентѣ дѣвушки или по цвѣту ея чепчика вы могли бы опредѣлить, изъ той она деревни или изъ другой. Входя въ домъ, достаточно было взглянуть на узоръ одѣялъ или на вышивки, которыми украшали въ праздничные дни полинялыя стѣнныя перегородки, чтобы догадаться о присутствіи «иностранки», взятой въ замужество изъ мѣстности, отстоявшей за нѣсколько лье. Домашнія ремесла, доведенныя до довольно высокой степени искусства, переходили изъ рода въ родъ. Изолированное положеніе этихъ селеній и почти полное отсутствіе денегъ, за неимѣніемъ торговыхъ сдѣлокъ, заставляли каждаго быть своимъ кузнецомъ, шорникомъ, столяромъ и ткачомъ. Скука и длинные досуги безконечныхъ зимъ, едва дававшихъ по три-четыре часа въ день блѣднаго свѣта, вызывали желаніе украшать, увеселять дома, хотя и по традиціонной модѣ. Такимъ образомъ произошли эта мебель, эта домашняя утварь, съ выпуклой первобытной рѣзьбой, иногда раскрашенной, эти ковры, которые женщины ткали на станкахъ съ ровной или тонкой основой, съ узорами, переходившими съ незапамятныхъ временъ отъ матери къ дочери и напоминавшихъ геометрическія фигуры и яркія краски Аравіи и Малой Азіи, но при болѣе холодномъ и строгомъ освѣщеніи; наконецъ, эти галуны, покрывавшіе въ изобиліи богатыя одежды. Обычай требовалъ, чтобы дѣвушка, прежде чѣмъ выдти замужъ, сработала ихъ опредѣленное количество.

Но все имѣетъ конецъ. Въ серединѣ вѣка паръ началъ свое дѣло. Пароходы прорѣзали воды озеръ, спрятанныхъ прежде за цѣпью лѣсовъ. Когда-то по нимъ скользили только барки съ яркими покрывалами, привозившія въ церковь прихожанъ. Дешевые товары проникли въ долины. За коми-вояжерами пріѣхали торговцы древностями. Они выбрали изъ до-

мовъ старинные баулы, рѣзные шкафы и увезли за звонкую монету разрисованные обои, на которыхъ волхвы въ далекарлійскихъ одеждахъ подъѣзжали въ саняхъ къ яслямъ, отобрали совершенно твердыя отъ вышивокъ вѣнчальныя платья, надѣвавшіяся цѣлымъ поколѣніемъ невѣстъ.

Газеліусъ присутствовалъ при этомъ съ чувствомъ, которое испытываетъ человѣкъ при видѣ ограбленія храма или могилы. Этотъ лингвистъ, благодаря уже своимъ занятіямъ проникнутый любовью къ національнымъ древностямъ, кромѣ того былъ горячій патріотъ съ тѣмъ оттѣнкомъ небольшого шовинизма, который поддерживали въ Швеціи домашнія неурядицы двухъ соединенныхъ народовъ. Кромѣ того Далекарлія была всегда святыней и, такъ сказать, лѣсомъ Додоны для шведскаго національнизма. Эти суровые крестьяне, каждый «человѣкъ для себя», съ доисторическихъ временъ не знали, что такое быть рабами и побѣжденными. Два раза, при Энгельбрехтѣ и Густавѣ Вазѣ, когда тираннія датчанъ грозила разорвать защищающій ихъ поясъ лѣсовъ, они спускались изъ своихъ глубокихъ ущелій, какъ обвалъ, который разрушаетъ все, что встрѣчается на его пути; они увлекли за собой жителей другихъ провинцій и возстановили независимость своей страны.

Казалось, что эти воспоминанія уходятъ вмѣстѣ со старьевщиками и остатками старыхъ поруганныхъ жилищъ. Газеліусъ не могъ остановить теченія времени, но онъ сказалъ себѣ, что, по крайней мѣрѣ, создастъ для этихъ святынь прошлаго убѣжище, гдѣ древняя душа расы могла бы жить и говорить будущимъ поколѣніямъ.

Вернувшись въ Стокгольмъ, онъ принялся за дѣло, отдавъ прежде всего для этого патріотическаго предпріятія все свое личное имущество. Затѣмъ онъ старался пріобрѣсть симпатіи другихъ и выхлопатывалъ дары для своего музея, долженствовавшаго, по его программѣ, «создать очагъ для воспоминаній сѣверныхъ народовъ и въ частности шведскаго народа».

Приношенія стекались со всѣхъ сторонъ. Газеліусъ принималъ все; онъ бралъ весь домъ крестьянина, съ погреба до чердака: старинныя колеса, ткацкіе станки, колыбели, сундуки, деревянную посуду, розетки отъ драпировокъ съ вырѣзанными на нихъ ножомъ змѣями и драконами; праздничные и рабочіе костюмы, вѣнчальныя и крестильныя платья, траурную одежду, тканые ковры, вышитыя подушки, которыми въ торжественныхъ случаяхъ покрывали скамейки и стулья, пестрыя полости отъ саней, лошадиную сбрую, музыкальные инструменты и т. д., и т. д.,—однимъ словомъ, все, что составляетъ «slöjd» народа, т.-е. массу вещей, сработанныхъ и украшенныхъ каждымъ въ своемъ собственномъ жилищѣ, для своего собственнаго употребленія. Къ этимъ предметамъ присоединились остатки отъ болѣе отдаленныхъ временъ: кремневый или бронзовый топоръ помѣщался рядомъ съ боевымъ топоромъ викинга и съ топоромъ современнаго дровосѣка. Тутъ же красовался нагрудникъ, любопытно скованный лапландцемъ, и вся его хижина съ санями и собаками.

Затѣмъ появились реликвіи буржуазіи и аристократіи прошлыхъ вѣ-

ковъ: знамена разныхъ корпорацій, студенческіе мундиры, роскошныя сѣдла и оружіе, праздничныя кареты и т. д. До тридцатилѣтней войны общія условія существованія въ Швеціи были примитивны и суровы, такъ что привычки высшихъ классовъ мало отличались отъ привычекъ остальныхъ сословій; но пребываніе въ патриціанскихъ жилищахъ и богатыхъ свободныхъ городахъ Германіи, добыча, награбленная у нихъ и принесенная въ невѣроятномъ количествѣ въ варварскіе замки остготовъ и зюдерманландцевъ развили въ шведскомъ дворянствѣ болѣе утонченные вкусы.

Вліянія, которымъ подвергается народъ, составляютъ исторію его цивилизаціи. Интересно прослѣдить проникновеніе этого вліянія въ народный «Slöjd», казавшійся сначала неподвижнымъ, но тѣмъ не менѣе видоизмѣнявшійся хотя и съ медленностью органическихъ эволюцій, незамѣтныхъ для непредупрежденнаго глаза. Разнообразные стили, посредствомъ которыхъ выражались фазы европейскаго развитія, проникали въ самыя отдаленныя скандинавскія провинціи на подобіе круговъ, производимыхъ въ водѣ паденіемъ камня, причемъ круги эти расширяются и наплываютъ одинъ на другой, пока послѣдняя зыбь не исчезаетъ, слегка поколебавъ самыя отдаленныя мѣста водяного пространства. Такъ, рококо появился, какъ послѣдняя новость, въ сѣверномъ «Slöjd» провинціи Сканіи не болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ скандинавскія провинціи въ особенности долго были хранительницами древнихъ формъ, то Сѣверный этнографическій музей, по окончаніи своей классификаціи, будетъ неоцѣненнымъ сокровищемъ для изученія, напримѣръ, той жизни среднихъ вѣковъ, которая, за давностью времени, пропала для остальной Европы, и которая только еще вчера имѣла свои традиціи и обычаи въ шведскихъ провинціяхъ.

Я не буду разсказывать исторію Сѣвернаго музея, начиная съ тѣхъ поръ, какъ онъ нагромождалъ домъ доктора Газеліуса, и кончая тѣмъ временемъ, когда для него почти готовъ великолѣпнѣйшій дворецъ. Люди, знакомые со Швеціей, знаютъ, съ какой быстротой распространяется въ ней всякая идея общественной важности. Великодушіе, съ какимъ богатые люди считаютъ своимъ долгомъ, и въ самомъ дѣлѣ обязаны, по общественному мнѣнію, прійти на помощь всякому научному и общественному дѣлу, указываетъ на высокую, очень благотворную національную общественность. Потому дѣлается понятнымъ, какъ такое огромное предпріятіе могло осуществиться исключительно на частныя пожертвованія, вызванныя энтузіазмомъ одного человѣка. Въ октябрѣ 1873 года явилась возможность въ зданіи Drottninggatan устроить секцію народной жизни южной и центральной Швеціи. Въ слѣдующемъ году открылась Сѣверная секція, посвященная единственному кочующему народу въ Европѣ, лапландцамъ, а два года спустя послѣдовало открытіе Норвежской секціи, богатой въ особенности деревянными издѣліями, между тѣмъ какъ Швеція отличалась, главнымъ образомъ, ткацкой промышленностью.

Интересъ, который на Парижской выставкѣ 1878 года вызвало возстановленіе домашней обстановки разныхъ шведскихъ провинцій, явился для дѣла драгоцѣнною поддержкой. Въ 1883 году король Оскаръ подарилъ для будущаго музея большой участокъ земли при входѣ въ «Djurgarden», Булонскій лѣсъ въ Стокгольмѣ.

Когда конкурсъ, въ которомъ принимали участіе многіе нѣмецкіе архитекторы, не принесъ удовлетворительныхъ результатовъ, было поручено сдѣлать планъ двумъ шведскимъ архитекторамъ, Clason и Ysoeus. Основательно находили, что зданіе, предназначенное быть полнымъ изображеніемъ скандинавской культуры, должно въ своей архитектурѣ имѣть характеръ. Корпусъ главнаго зданія, теперь оконченнаго, служитъ большимъ заломъ для различныхъ секцій: 1) для народнаго «Slöjd», 2) для художественнаго «Slöjd» и 3) для школьнаго «Slöjd». Зданіе это будетъ окончательно достроено тотчасъ по окончаніи выставки, занимающей часть предназначеннаго ему мѣста. Музей построенъ изъ краснаго камня и гранита и представляетъ стиль, называемый голландскимъ или нѣмецкимъ renaissance, встрѣчающимся во всѣхъ прибалтійскихъ странахъ, и въ особенности въ старинныхъ городахъ Ганзы.

Въ Швеціи, въ которой теперь все хотятъ націонализировать, этотъ стиль называютъ «стилемъ Ваза». И нельзя отрицать, что въ зàмкахъ Gripsholm на Меларѣ и въ Vadstena, которыми, повидимому, вдохновлялись архитекторы Сѣвернаго музея, этотъ стиль не лишенъ нѣкоторой оригинальной и варварской грубости, достаточно отличающей его, чтобъ оправдать это названіе.

Центральный залъ имѣетъ сто двадцать метровъ въ длину и двадцать въ ширину. Музей будетъ заключать сто крестьянскихъ жилищъ изъ провинцій Швеціи и Норвегіи и всѣхъ странъ, населенныхъ скандинавскими расами, отъ Даніи до Исландіи и отъ Ферейскихъ острововъ до прежнихъ датскихъ владѣній на Гренландіи, отъ Финляндіи до Балтійскихъ острововъ, не исключая финновъ, а также и лапландцевъ и эскимосовъ, которые, если можно такъ выразиться, дополняютъ человѣческую фауну этого климата.

Жизнь высшихъ классовъ за послѣднія триста пятьдесятъ лѣтъ будетъ изображена въ семидесяти комнатахъ съ человѣческими фигурами, воспроизведенными съ самой точной вѣрностью, безъ которой этнографическій музей былъ бы не чѣмъ инымъ какъ музеемъ «Grévin».

Все это, если хотите, не болѣе какъ виньетки, иллюстрирующія драгоцѣнный текстъ. Настоящее богатство Сѣвернаго музея въ его безподобной коллекціи безчисленныхъ предметовъ, въ которыхъ съ исторіей расы отведено мѣсто и исторіи человѣчества. При музеѣ будетъ обширная библіотека со всѣми документами, касающимися юридическихъ обычаевъ и нравовъ старыхъ временъ. Наконецъ секція, посвященная духовнымъ движеніямъ, предшествовавшимъ Реформаціи, возстановитъ историческую цѣпь, связывающую Швецію Викинговъ со Швеціей Лютера.

Это возстановленіе жизни предковъ не было бы полно, еслибъ не пытались также, въ предѣлахъ возможнаго, дать картину жизни на воздухѣ съ соотвѣтствующей ей фауной и флорой. Достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону отъ музея, чтобы найти все это въ «Skansen», служащемъ увеселительнымъ паркомъ при выставкѣ. Берегъ, который какъ нельзя лучше подходитъ для этой цѣли,составляетъ часть скалистаго полуострова, на которомъ помѣщается «Djurgarden». Морскія птицы изъ зоологической коллекціи могутъ свободно принимать за свои родныя жилища гнѣзда, устроенныя имъ на скалахъ, о которыя разбиваются волны, приносящія имъ запахъ воды Балтійскаго моря. Разныя грубыя жилища старыхъ временъ были перенесены сюда точь-въ-точь такими, какъ они возвышались когда-то на Мора, въ Далекарліи, въ Блекингѣ или Болнессѣ въ Норландіи. Женщины, одѣтыя въ національные костюмы, сидятъ за традиціонными работами посреди луговъ и березъ. Коническая хижина дровосѣка возвышается, какъ она была, въ глубинѣ далекарлійскихъ лѣсовъ. Вотъ избушка среди горъ; сюда дѣвушки приходили однѣ дѣлать сыръ и пасти коровъ, защищаясь въ случаѣ нужды топорами отъ медвѣдей и людей. Деревянная колокольня изъ Hasjö, построенная грубыми руками прихожанъ, удивляетъ своей луковичной формой, напоминающей персидскіе минареты или, скорѣе, тибетскіе храмы. Дальше лапландецъ съ своими возжами, санями и собаками даетъ иллюзію путешествія къ полюсу. Докторъ Газеліусъ старается облегчить намъ другое путешествіе по исторіи, показывая намъ въ Skansen жилище викинга, ужасъ отдаленнѣйшихъ береговъ, и жилище феодальнаго барона; затѣмъ слѣдуетъ одна изъ тѣхъ факторій Ганзы, которыхъ было такъ много по скандинавскому побережью.

Но не подумайте, что всѣ эти формы прошлаго мертвы; ихъ душа живетъ и возвращается по нѣкоторымъ днямъ бесѣдовать со своими потомками. Напримѣръ, въ вечеръ Рождества Христова Skansen освѣщается и его старинные фонари, которые называются «волчьими глазами» или «оловянными колоколами», не могутъ равняться съ газомъ или современнымъ электричествомъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ мигающій свѣтъ оживляетъ глубокій мракъ ночи. Окна старыхъ домовъ освѣщаются; гигантскія полѣнья трещатъ въ очагахъ; вѣковыя стѣны подъ своими бѣлыми покрывалами, съ нарисованными на нихъ пестрыми фигурами, узнаютъ веселый ночной праздникъ «Julafton». А на лугу группа далекарлійцевъ и далекарліекъ въ костюмахъ своихъ провинцій танцуетъ національные танцы съ тѣмъ видомъ серьозности и цѣломудрія, который всегда сохраняютъ эти ясныя лица. Или въ зимніе дни передъ колоссальной статуей Карла XII, сдѣланной изъ снѣга, компанія его драбантовъ *) повторяетъ военныя эволюціи того времени. Не имѣемъ ли мы основанія сказать, что никогда, ни одинъ народъ не пытался такъ сохранить традиціи прошлаго живыми въ сердцахъ ра-

*) 1-й полкъ гвардіи короля Оскара сохраняетъ въ большіе праздники во дворцѣ форму драбантовъ Карла XII.

стущихъ поколѣній? Важно то, что нація, повертываясь назадъ, не претерпѣваетъ судьбы жены Лота. Мы увидимъ сейчасъ это традиціонное движеніе въ соединеніи съ силой современной эволюціи.

Главный штабъ секретарей, помогавшихъ съ первыхъ шаговъ доктору Газеліусу въ созиданіи сѣвернаго музея, состоялъ исключительно изъ женщинъ. Женщины занимаютъ въ Швеціи положеніе, составляющее какъ бы ихъ естественный удѣлъ или, если хотите, ихъ вознагражденіе въ видѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ функцій, какъ, напримѣръ, тѣхъ, которыя касаются филантропической организаціи общества и которыя требуютъ преданности и свободнаго времени. Обладая обыкновенно серьезнымъ и скорѣе мужскимъ образованіемъ, шведка иногда не выходитъ замужъ совсѣмъ, а если и выходитъ, то большею частью довольно поздно. По выходѣ замужъ, благодаря національнымъ обычаямъ и тому, что мужчины предпочитаютъ свое мужское общество, она ведетъ уединенный образъ жизни и тѣ живыя силы, которыя француженка растрачиваетъ по салонамъ, у нея остаются безъ примѣненія. Шведская женщина почувствовала потребность создать для своей души сферу необходимой ей дѣятельности. Такимъ образомъ объясняется горячность женскаго движенія въ Скандинавіи и тотъ типъ протестующихъ женщинъ, къ которымъ насъ пріучила скандинавская литература. Впрочемъ, женщины, о которыхъ мы говоримъ, вовсе не оказываютъ протеста, онѣ посвящаютъ свой умъ и свою волю такой благотворительной дѣятельности, которая во всякое время и всякимъ общественнымъ мнѣніемъ была имъ разрѣшена, и которую имъ облегчаетъ въ Швеціи полное уваженіе къ ихъ иниціативѣ и къ ихъ свободной индивидуальности.

Въ то время, какъ докторъ Газеліусъ волновалъ умы своимъ энтузіазмомъ въ дѣлѣ собиранія продуктовъ стариннаго національнаго «Slöjd», маленькій дамскій комитетъ въ Стокгольмѣ послалъ на Копенгагенскую выставку образчики разнообразныхъ работъ иглой и вышивокъ, исполненныхъ въ Швеціи. Комитетъ былъ очень огорченъ плохимъ состояніемъ этой части шведской промышленности. Однако нѣкоторыя матеріи, сотканныя крестьянками провинціи Сканіи, обратили на себя вниманіе оригинальностью своихъ рисунковъ и красокъ. Отсюда явилось желаніе, а затѣмъ и проектъ «усовершенствовать домашнюю ткацкую промышленность въ художественномъ и національномъ отношеніи и оживить въ Швеціи ткацкое искусство и работы иглой». Сѣверный музей какъ разъ представлялъ въ изобиліи самыя совершенныя модели стариннаго домашняго «Slöjd». Въ 1874 году баронессой Adlersparre и г-жей Winge было основано «Общество друзей ручного труда». Своимъ успѣхомъ эта ассоціація въ значительной степени обязана теперешней своей предсѣдательницѣ г-жѣ Wallenberg и директрисѣ г-жѣ Branting.

Въ эпоху организаціи общества,—говоритъ намъ маленькій журналъ, издаваемый комитетомъ,—ручною работою занимались только нѣкоторыя старыя деревенскія женщины. Вотъ на этой-то національной промышленности ассоціація и основала свое дѣло. Сначала ограничивались простыми

копіями со старинныхъ моделей, затѣмъ эти работы были замѣнены новыми, созданными по старымъ и приспособленными къ желаніямъ и требованіямъ нашей эпохи, причемъ свято сохранялся старинный, характерный, національный типъ.

Рисунки на тканыхъ матеріяхъ были большею частью геометрическіе. Для работъ иглой, наоборотъ, предпочитались цвѣты и фигуры, выполнявшіеся при помощи золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ нитокъ, у бѣдныхъ классовъ—льняныхъ. Всѣ женщины въ домѣ, начиная съ самой хозяйки, была ли она королева, или крестьянка, участвовали въ украшеніи «home», что̀ отнимало очень много времени, столовая, напримѣръ, украшалась ткаными и шитыми матеріями, которыми покрывали стѣны почти до потолковъ, мебель, подушки, сидѣнья и т. д. Періодъ Викинговъ въ особенности представлялъ обширное поле для фантазіи въ области ручной работы. Викинги любили украшать свои лодки роскошными парусами, которые зачастую дѣлались изъ пестрыхъ сшитыхъ вмѣстѣ матерій, или вышивались шелкомъ, иногда же въ эти вышивки вставлялись кусочки стекла и жемчугъ.

Вотъ эти-то старинныя національныя искусства «Общество друзей ручной работы» и старалось реставрировать и расширить, сообразно потребностямъ времени. Были открыты курсы, преподавательницами на которые пригласили ткачихъ изъ провинціи Сканіи. Въ 1896 году въ ткацкомъ отдѣленіи считалось 53 ученицы, а въ отдѣленіи художественныхъ вышивокъ 96, причемъ онѣ принадлежали, какъ говоритъ годовой отчетъ, ко всѣмъ классамъ общества, начиная съ важной дамы и кончая простой работницей.

Такимъ образомъ шведскія женщины обогащаютъ свою страну художественной промышленностью, которая до сихъ поръ остается цѣликомъ въ ихъ рукахъ. Рѣзьба по дереву, эта другая форма національнаго «Slöjd», также практикуется художниками-женщинами, которымъ она доставляетъ порядочный заработокъ у ихъ домашняго очага. Рѣзьба по дереву, употреблявшаяся прежде крестьянами только для украшенія шкафовъ, гардеробовъ, домашней утвари и состоявшая изъ геометрическихъ фигуръ, звѣздъ, круговъ, четыреугольниковъ, разнообразнымъ образомъ скомбинированныхъ, прокладываетъ теперь себѣ дорогу по свѣту; можетъ быть скоро, если желанія патріотовъ осуществятся, будетъ особый шведскій стиль въ мебели, который будетъ соперничать съ восточнымъ и арабскимъ стилемъ. А такъ какъ въ рѣзьбѣ по дереву легкость исполненія соединяется съ красотой, то масса женскихъ школъ внесла этотъ трудъ въ программу своего «slöjd».

Конечно, еще остается многое сдѣлать, чтобы эти интересныя попытки дали все то, что отъ нихъ можно ожидать. Можетъ быть, въ первую минуту увлеченія, недостаточно строго былъ сдѣланъ выборъ изъ этой массы моделей, вернувшихся къ намъ изъ далекаго прошлаго и зачастую измѣненныхъ дурнымъ вкусомъ; слѣдовало очистить первоначальное вдохновеніе отъ всего наноснаго.

Наконецъ, эта реабилитація, или, лучше сказать, это прославленіе ручного труда, предпринятое женщинами высшихъ классовъ, а иногда и старѣйшей аристократіи королевства, подающими примѣръ своимъ трудомъ, не указываетъ ли оно на нѣкоторое вѣяніе братства, начавшееся съ момента вступленія женщины на соціальный путь?

Рядомъ съ художественнымъ «Slöjd» большой залъ Сѣвернаго музея на Стокгольмской выставкѣ показываетъ намъ очень интересную секцію школьнаго «Slöjd». Это движеніе новаго преподаванія, указывающее на педагогическую реформу, распространяется внѣ Швеціи во всѣхъ германскихъ и англо-саксонскихъ странахъ. Для справедливости нужно сказать, что въ этомъ случаѣ Швеція только усваиваетъ идею, взятую въ зародышѣ у Германіи, но расцвѣтшую и развившуюся благодаря раціональному генію. Честь установленія перваго принципа принадлежитъ нѣмцу Фребелю, но послѣдующей его разработкой мы обязаны великому финляндскому педагогу, Uno Cygnoeus. Если вспомнить, что этотъ методъ преподаванія примѣняется въ Швеціи въ 2483-хъ первоначальныхъ школахъ, не считая безконечное количество свободныхъ и высшихъ школъ, въ которыхъ онъ тоже практикуется, то будетъ понятна важность этого движенія, которое по-истинѣ представляетъ школьную революцію.

Въ то же самое время, какъ зарождался Сѣверный музей и основывалось общество «Друзей ручного труда», одинъ филантропъ, Abrahamson, открылъ въ своемъ помѣстьѣ Nääs школу, основанную на этомъ самомъ принципѣ.

Нѣкто Саломонъ, который и теперь еще состоитъ въ ней директоромъ послѣ 25-лѣтней службы, обучалъ 15 мальчиковъ, въ то же время заставляя ихъ заниматься столярнымъ ремесломъ. Они дѣлали разнообразную домашнюю утварь обыкновенной величины и мебель въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Въ кузницѣ замка кузнецъ училъ ихъ кузнечному ремеслу, а помощникъ-преподаватель давалъ имъ свѣдѣнія по математикѣ и естественнымъ наукамъ: ботаникѣ, зоологіи, геологіи; кромѣ того имъ преподавали линейное черченіе.

Позднѣе Nääs сдѣлалась первоначальной школой съ «Slöjd», причемъ къ ней была прибавлена мастерская рѣзьбы по дереву и токарная мастерская и т. д., затѣмъ къ ней присоединили женскую школу. Между тѣмъ хорошій примѣръ принесъ свои плоды. Каждая провинція, каждая коммуна захотѣла имѣть свою школу—Slöjd. Школа «Nääs» сдѣлана институтомъ преподавателей новаго метода.

Это интересное движеніе не замедлило обратить на себя вниманіе иностранныхъ правительствъ. Въ 1880 г. Германія послала делегатовъ, чтобъ разсмотрѣть употребленные методы и полученные результаты. Ея примѣру послѣдовала Франція въ 1882 г., Бельгія въ 1883 г., Россія въ 1884 г., Италія въ 1887 г. Въ настоящее время въ институтѣ Nääs всегда есть ученики изъ иностранцевъ, пріѣзжающіе съ цѣлью усовершенствоваться въ преподаваніи «Slöjd». Вслѣдствіе этого онъ получилъ въ нѣкоторомъ

родѣ интернаціональный характеръ: на фасадѣ, около шведскаго флага развѣвается всегда нѣсколько иностранныхъ флаговъ, такъ какъ принято вывѣшивать національный флагъ каждаго ученика во время его пребыванія въ институтѣ.

Курсъ состоитъ изъ одного года, но есть и болѣе короткій срокъ,— можно въ пять недѣль усвоить необходимые принципы для преподаванія «Slöjd» въ первоначальныхъ школахъ. На этомъ курсѣ всегда много преподавателей первоначальныхъ школъ, такъ какъ правительство къ годичному жалованью дѣлаетъ добавленіе въ 75 кронъ всѣмъ, кто устраиваетъ такой курсъ при своемъ классѣ. Такого рода вспомоществованія къ 1895 году увеличились до 185,236 кронъ, не считая болѣе крупныхъ расходовъ, предпринимаемыхъ съ этою цѣлью частными лицами и совѣтами провинцій и коммунъ.

Основаніемъ раціональнаго преподаванія въ Nääs считаютъ пять слѣдующихъ принциповъ: 1) отправляться отъ предметовъ конкретныхъ; 2) переходить отъ легкаго къ трудному, отъ простого къ сложному; 3) преподаваніе должно быть индивидуальнымъ, т.-е. во всякое время пропорціональнымъ способностямъ и характеру отдѣльнаго ученика; 4) преподаваніе должно способствовать гармоническому развитію тѣлесныхъ и духовныхъ силъ ученика, развивать въ немъ любовь къ труду, порядку и точности; 5) преподаватели должны имѣть педагогическіе принципы.

Мы говорили о Фребелѣ, но кто въ его теоріяхъ не узналъ Жанъ-Жака Руссо? Всѣ наши маленькіе шведы, фабрикующіе шкафы, чтобы изучить трудную науку жизни, не похожи ли они на Эмиля? Такимъ образомъ, что̀ бы Европа ни захотѣла выдумать или создать, она всегда принуждена черпать изъ большого французскаго источника XVIII вѣка. Людей получившихъ совсѣмъ иное образованіе и немогущихъ понять, что, управляя стругомъ, можно учиться управлять людьми, и что, выравнивая доски, можно пріучаться регулировать свое поведеніе, тѣхъ людей слѣдуетъ отправить къ «Эмилю» женевскаго философа.

Свѣтъ одинъ, и отношеніе причины къ слѣдствію, которое ребенокъ можетъ понять и усвоить только въ конкретной формѣ осязаемыхъ вещей, управляетъ также и міромъ отвлеченной и нравственной дѣйствительности. Если въ кузницѣ ребенокъ научается «ковать желѣзо пока оно горячо», онъ получаетъ такимъ образомъ урокъ умѣнья дѣйствовать во̀-время, что потомъ послужитъ ему на пользу и дастъ благодѣтельную привычку, между тѣмъ какъ мы напрасно потратили бы время, если бы стали дудѣть ему въ уши сухія правила. Техника пріучитъ не разсчитывать на чудеса, а, для улучшенія своей участи, полагаться на свои собственныя силы. Если вы возразите, что многіе изъ людей, занимающихся ручнымъ трудомъ, вовсе не отличаются такой мудростью, апостолъ школьнаго «Slöjd» вамъ отвѣтитъ, что работники, если они не простыя, безсмысленныя орудія, въ большинствѣ случаевъ проявляютъ живую сообразительность, и что если они не всегда умѣютъ перенести въ область общихъ идей ту смѣтливость, точность и ло-

гику, которыя они почерпаютъ эмпирическимъ путемъ въ своемъ ремеслѣ, то это потому, что никакое подходящее образованіе не развило ихъ способностей и не создало того необходимаго моста, который позволяетъ человѣку соединять разнообразныя части его дѣятельности и переходить отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ явленій къ пониманію законовъ.

Апостолъ «Slöjd» прибавитъ къ этому, что ловкость рукъ и вѣрность глаза сами по себѣ заслуживаютъ, чтобъ ихъ развивали, и что нельзя, безъ умаленія человѣческаго типа, утрачивать ихъ, или развивать только въ самыхъ некультурныхъ экземплярахъ человѣческаго рода. Къ тому же ихъ вліяніе на нравственную экономію очевидно. Въ часы потрясеній не у людей, замкнутыхъ въ свои синтезы, слѣдуетъ искать энергіи и необходимаго хладнокровія, а въ рядахъ тружениковъ, пріученныхъ своимъ мастерствомъ управлять силами природы.

Наконецъ «Slöjd» служитъ не только средствомъ къ образованію, но и какъ бы дополненіемъ къ физической гимнастикѣ; это—гимнастика мозговыхъ и духовныхъ функцій, и благодаря этому послѣднему условію онъ примѣняется не только въ первоначальныхъ, но и въ высшихъ школахъ, въ коллежахъ и университетахъ. Можетъ быть не безполезно вспомнить, что Швеція всегда отличалась заботой о культурѣ цѣльнаго, «интегральнаго» человѣка, т.-е. человѣка съ ловкимъ тѣломъ, яснымъ умомъ и крѣпкимъ духомъ. Извѣстно, какое положеніе занимаетъ шведская гимнастика, благодаря раціональной систематизаціи, до которой ее довелъ Ling въ началѣ нашего вѣка. Разъ ужъ шведская логика пошла въ этомъ направленіи, то она должна была сказать себѣ, что если есть гимнастика для тѣла, т.-е. совокупность произвольныхъ движеній, скомбинированныхъ такимъ образомъ, чтобы упражнялись всѣ человѣческіе мускулы, такъ, чтобы жизненная циркуляція распредѣлялась равномѣрно, то долженъ существовать родъ гимнастики мозговой, дающей отдыхъ отвлеченнымъ способностямъ, переутомленнымъ напряженностью современной «культуры», и возстановляющей равновѣсіе между нервной системой и характеромъ.

Можетъ быть, это уже преувеличеніе считать благотворные результаты ручного труда какъ бы естественнымъ противодѣйствіемъ интеллектуальному переутомленію. Замѣтимъ только, что такая точка зрѣнія шведовъ должна была въ значительной степени облегчить и ускорить примѣненіе «Slöjd» къ обученію, въ силу экономическихъ и историческихъ условій, между которыми можно отмѣтить бѣдность почвы и отсутствіе рабства.

Мы предоставимъ самимъ читателямъ отмѣтить связь, соединяющую эти три формы «Slöjd»—національнаго, художественнаго и школьнаго. Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ Швеція все время старалась утвердить свою индивидуальность; никого не оскорбляя, она доблестно добилась этого, ибо она защищала дѣло человѣческой совѣсти, доказывая, что націи имѣютъ значеніе не по своей массѣ, но по идеямъ, которыя онѣ вносятъ въ общее европейское наслѣдіе.

Л.

---

# Индійскія женщины *).

«Во всей Азіи (даже можно сказать на всемъ земномъ шарѣ) съ женщинами обращаются какъ съ дѣтьми, и всюду, за исключеніемъ Европы, онѣ вступаютъ въ бракъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ жаркихъ странахъ въ 12 лѣтъ и въ 10, а въ Индіи иногда даже въ 8 лѣтъ. Мужъ 8-лѣтней жены долженъ быть для нея до нѣкоторой степени отцомъ и учителемъ. Здѣсь видно явное противорѣчіе въ индійскихъ законахъ, съ одной стороны запрещающихъ бить жену, а съ другой—разрѣшающихъ ее исправлять какъ маленькаго школьника» (*Мишле:* «La femme», стр. 344). Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ положеніе женщины на Востокѣ. Ея моральное развитіе ничтожно, ея участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ ограничено, ея отвѣтственность не признана.

Замкнутая въ узкія жизненныя границы, она не поддается нашему изученію, и только изрѣдка мы имѣемъ свѣдѣнія о тѣхъ немногихъ женщинахъ, которыя представляютъ собой интересныя исключенія.

Обрученная на 3-мъ или на 4-мъ году, вступившая въ бракъ въ 8 или 9 лѣтъ съ мальчикомъ 11 или 12 лѣтъ, дѣвочка переходитъ жить въ домъ ея мужа и учителя, котораго она не имѣетъ права назвать по имени и за столомъ котораго она прислуживаетъ въ качествѣ служанки. Для внѣшняго міра она не существуетъ, она безлична; посторонніе не могутъ заговорить съ ней, не нарушая правилъ приличія. Ея жизнь, наполненная домашними заботами, проходитъ въ исполненіи второстепенныхъ религіозныхъ обрядовъ, она чужда умственному развитію.

Что касается вдовъ, то если у нихъ нѣтъ сыновей для защиты, то участь ихъ ужасна. Вдова считается презрѣннымъ существомъ. Въ старости, дѣлаясь въ тягость родственникамъ, она прибѣгаетъ къ голодной смерти, въ молодости, полная жизни и здоровья, она часто предпочитаетъ самоубійство долголѣтней ужасной перспективѣ бѣдствій, выпавшихъ ей на долю. Съ бритою головой, одѣтая въ рубище, обреченная на постоянный

---

*) Статья m-lle Менанъ (D. Ménant) въ *Revue encyclopédique*. Пер. m-lle Claire Ducreux.

постъ для умерщвленія плоти, она становится рабой и покорною слугой своей семьи. Встрѣча съ ней считается дурнымъ предзнаменованіемъ, и ей приходится вѣчно скрываться въ темномъ углу дома. Даже послѣ ея смерти ни одного цвѣтка не возлагаютъ на ея костеръ, ни музыки, ни пѣнія, и останки ея покрываются только кускомъ простого полотна.

Такова же судьба и невинныхъ восьмилѣтнихъ дѣвочекъ, которыя только въ день обрученія видѣли своихъ супруговъ и потерю которыхъ имъ приходится постоянно оплакивать.

Замужство есть одинъ изъ двѣнадцати главныхъ обрядовъ (sanskaras), который посвящаетъ женщину мужу какъ въ этомъ свѣтѣ, такъ и въ будущемъ. Законодательный актъ 1856 года, разрѣшающій вторичный бракъ, былъ очень дурно принятъ туземцами, и тѣ, кто имъ воспользовались, были изгнаны своими же единовѣрцами и исключены изъ касты, — кара страшная, послѣдствія которой во многомъ превосходятъ отлученіе отъ церкви въ средніе вѣка.

При такихъ условіяхъ нельзя удивляться варварскому обычаю дѣтоубійства дѣвочекъ, сдѣлавшемуся всеобщимъ въ Индіи.

Нѣкоторыя зажиточныя и многолюдныя деревни не насчитываютъ ни одного рожденія ребенка женскаго пола; иная крѣпость, гнѣздо раджупутской аристократіи, «можетъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ не видать улыбки дѣвочки, тогда какъ, наоборотъ, артиллерійскіе выстрѣлы возвѣщаютъ часто сосѣднимъ городамъ о появленіи на свѣтъ новаго принца» *).

Въ различныхъ мѣстахъ Индіи, напримѣръ въ Бенгаліи, послѣ покоренія мусульманами, къ неблагопріятнымъ индійскимъ законамъ прибавилось заключеніе женщины въ «zenanas», что еще ухудшило ихъ положеніе; онѣ помѣщены въ самыхъ темныхъ углахъ, будь это бѣдный домикъ подъ крышей бамбука или богатый и роскошный «bungalow», а свѣтлыя и веселыя комнаты предоставлены мужчинамъ. И здѣсь, благодаря невѣжеству и суевѣрію, живутъ, чахнутъ, страдаютъ и умираютъ цѣлыя поколѣнія прелестныхъ женщинъ. Къ такой мрачной картинѣ слѣдуетъ прибавить нѣсколько утѣшительныхъ словъ: природа щедро наградила индуску: она экономна, чистоплотна, безгранично предана семьѣ, честна; нѣкоторыя изъ нихъ такъ умны, что пріобрѣли вліяніе надъ тѣмъ, въ чемъ оффиціальная власть имъ отказывала, и еслибы къ такимъ качествамъ прибавить хотя немного развитія, то, конечно, оно придало бы имъ еще болѣе цѣнности.

Максъ Мюллеръ сказалъ: «Будущее Индіи въ рукахъ женщинъ», и дѣйствительно, когда онѣ будутъ избавлены отъ настоящаго унизительнаго положенія и призваны пользоваться благами истинной религіи и болѣе серьезнаго образованія, то узнаютъ, что въ нихъ самихъ есть что-то высшее, что паритъ надъ законами касты и надъ проклятіями священниковъ и тогда ихъ вмѣшательство будетъ имѣть силу какъ для уничтоженія искусственныхъ кастовыхъ преградъ, такъ и для поддержанія достоинства

*) *Kaike:* „Notes on the western Provinces of India". 1852.

женщины Индіи. Прибавлю, что, благодаря вліянію Англіи, предразсудки понемногу стали уничтожаться въ Индіи и движеніе въ пользу образованія женщины уже на пути къ исполненію.

Мы познакомились случайно съ нѣсколькими женщинами изъ Калькуты и Мадраса, но надо замѣтить, что тѣ, которыя сошли съ общаго пути, должны были сдѣлаться адептами брамо-сомажъ или христіанками, и только вслѣдствіе ихъ обращенія онѣ завоевали освобожденіе и самостоятельность. Для нихъ уже не существуетъ болѣе ни касты, ни заключенія; онѣ могутъ показываться публично и вмѣшиваться во внѣшнюю жизнь, имъ нечего бояться ни туземцевъ, ни европейцевъ; но совсѣмъ иная судьба тѣхъ, кто, оставаясь индуской, пожелаетъ имѣть эти преимущества. Молодыя женщины, съ біографіей которыхъ я хочу познакомить читателя, принадлежатъ именно къ этой категоріи, онѣ смѣло вступили въ борьбу съ предразсудками и старались помирить современныя требованія жизни съ законами религіи.

## I.

## Пандита Рамабаи *).

Пандита Рамабаи сдѣлалась извѣстна на Западѣ изданіемъ своей книги *The High-Caste Hindu Woman*, которая имѣла громадный успѣхъ въ Англіи и Америкѣ.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, составленной покойной Рашель Бодлей, настоятельницей Woman's medical College of Pennsylvania, описана жизнь Рамабаи, и это предисловіе будетъ служить основаніемъ настоящаго очерка.

Пандитѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ первое мѣсто среди выдающихся женщинъ президентства Бомбея. Она первая дала сильный толчокъ дѣлу эмансипаціи женщинъ и въ своемъ сочиненіи описала картину бѣдствій, переносимыхъ ея сестрами-индусками. Она первая ознакомилась съ кодексомъ религіозныхъ законовъ, тщательно скрываемыхъ отъ взоровъ женщины, какъ существа низшаго по Ману и индусскимъ законодателямъ; shastras считаются настолько священными, что право знакомства съ ними принадлежитъ только высшимъ классамъ, а въ этомъ случаѣ браманка приравнена къ простымъ soudras (4-я каста въ Индіи). Даже отецъ Рамабаи, какъ ни былъ онъ либераленъ, не сообщилъ ей этого кодекса. Молодая ученая изучила его только въ Калькутѣ, гдѣ публично было признано ея высшее образованіе, и послѣ этого она предприняла трудъ реформы, уже созрѣвшей въ ея головѣ. Обнародовать свой трудъ она рѣшилась только послѣ принятія христіанства.

Несмотря на обращеніе въ христіанство, пандита осталась глубоко приверженной обычаямъ прежней вѣры, и отказалась только отъ тѣхъ, которые ей казались несправедливыми.

---

*) Пандитъ—ученый, комментаторъ священныхъ книгъ.

Пандита Рамабаи родилась въ апрѣлѣ 1858 г. Отца ея звали Ананта, мать—Лакемабаи; оба они принадлежали къ высшей кастѣ и маратскому племени. Пандита сама разсказываетъ намъ о бракѣ своего отца, который вполнѣ можетъ служить образцомъ страннаго обычая, установленнаго въ Индіи.

«Нѣкій браманъ, пустившись въ дальнее путешествіе въ сопровожденіи жены и дочери, остановился на берегахъ священной рѣки Годавери. Тамъ онъ встрѣтилъ красиваго и представительнаго незнакомца одной касты съ нимъ. По окончаніи обычнаго омовенія и молитвъ отецъ узналъ, что благороднаго незнакомца зовутъ Ананта, что онъ вдовецъ, образованъ и обладаетъ независимымъ состояніемъ, — однимъ словомъ, партія подходящая для его девятилѣтней дочери Лакемабаи. Тотчасъ же онъ ее предложилъ въ жены Ананта, который согласился на этотъ бракъ и въ тотъ же день увезъ маленькую Лакемабаи въ свою страну. Молодой Ананта былъ ученый и жилъ въ округѣ Мангалорѣ (восточная Индія), на Малабарскомъ берегу.

Въ первый разъ Ананта женился 10-ти лѣтъ и, по мѣстному обычаю, привезъ жену свою къ матери, а самъ отправился для образованія въ Пуна къ Рамашандра-Шастри, извѣстность котораго привлекала массу учениковъ. Этотъ знаменитый браманъ былъ приглашенъ на службу въ Пейшвахъ и давалъ уроки санскритскаго языка принцессѣ Рани. Ананта, какъ ученикъ Рамашандра, имѣлъ свободный доступъ во дворецъ и иногда слышалъ, какъ принцесса Рани цитировала поэмы, которымъ обучалъ ее браманъ.

Возвратясь 23-хъ лѣтъ въ отцовскій домъ, онъ вспомнилъ уроки брамана принцессѣ и рѣшилъ въ свою очередь посвятить свою жену въ красоты санскритскаго языка и литературы; но она, поддерживаемая въ своемъ сопротивленіи семьей, отказалась наотрѣзъ, а въ скоромъ времени умерла, оставивъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Послѣ потери первой жены, убитый горемъ Ананта отправился въ путешествіе, во время котораго онъ и встрѣтилъ новую жену и увезъ ее къ себѣ, разсчитывая, что на этотъ разъ ему удастся исполнить свою задуманную цѣль, то-есть дать ей образованіе. Но въ индусскихъ жилищахъ, гдѣ система «joint family» (соединенная семья) подчиняетъ всѣхъ членовъ семьи авторитету главы, ему это не удалось, поэтому онъ рѣшился порвать стѣсняющія его узы и, покинувъ отцовскій домъ, направился къ высокимъ Гатскимъ плоскогоріямъ и поселился на горѣ Гюнгамюмъ. Первая ночь, проведенная безъ пристанища подъ тѣнью непроходимыхъ лѣсовъ, была полна ужаса для ребенка. Завернувшись въ pasodi (бумажное одѣяло), она лежала у подножія дерева и слышала ревъ тигра, бродившаго у сосѣдняго ручья, которому мѣшалъ къ нимъ приблизиться только огонь, поддерживаемый ея мужемъ.

Вскорѣ было выстроено жилище для новобрачныхъ и въ лѣсномъ уединеніи пандитъ началъ давать уроки своей женѣ. Эта инициатива самого мужа, ставшаго учителемъ, есть одна изъ особенностей движе-

нія современной реформы. Лакемабаи, внимательная, съ любовью принялась за ученье, и первые уроки морали и религіи были ей даны въ скромной хижинѣ, обитой рогожей изъ кокосоваго дерева, защищенной отъ непогоды густою листвой могучихъ деревьевъ. Репутація умнаго и ученаго человѣка привлекла учениковъ, и маленькій домикъ въ горахъ сталъ настолько извѣстенъ въ округѣ, что масса народа посѣщала его. Вскорѣ къ Ананта переселились его родители, братья и сестры; родились дѣти. Забота о нуждахъ семьи, родителей, учениковъ и посѣтителей была тяжелой для него обязанностью, тѣмъ болѣе, что многочисленные долги обременяли пандита, и все имущество его было продано на покрытіе ихъ. Этой семьѣ пришлось вести бродячую жизнь обѣднѣвшихъ брамановъ, которые обыкновенно переходятъ изъ одной священной мѣстности въ другую и находятся въ зависимости отъ матеріальной помощи вѣрующихъ. Къ денежнымъ бѣдствіямъ присоединились и нравственныя: старшая дочь Ананта избавилась отъ ужасовъ неравнаго брака только преждевременной смертью.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ выросла Рамабаи; уроки, начатые ею еще съ матерью среди Гатскихъ лѣсовъ, продолжались и во время утомительныхъ путешествій, и она изучала такимъ образомъ языки: маратскій, канарскій, индустанскій, бенгалійскій, а примѣръ неудачной жизни ея сестры далъ ей возможность избѣгнуть ранняго брака, какъ общаго закона.

Нищета возрастала съ каждымъ днемъ; отецъ Рамабаи, который уже нѣсколько лѣтъ былъ слѣпъ, умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Черезъ шесть недѣль за нимъ послѣдовала и его жена. Рамабаи и братъ ея, покинутые вслѣдствіе нищеты, не имѣли возможности пригласить необходимое число брамановъ для перенесенія тѣла покойной на погребальный костеръ, находившійся отъ нихъ въ трехъ миляхъ, и только два священника, сжалившіеся надъ сиротами, рѣшились изъ милости помочь имъ совершить обрядъ погребенія.

Съ тѣхъ поръ молодая дѣвушка вдвоемъ съ братомъ продолжала свои путешествія; она посѣтила Пюнжабъ, Раджпутану, среднія провинціи, Ассаль, Бенгалъ и президентство Мадрасъ, испытавъ всевозможныя лишенія и бѣдствія. Сироты сдѣлались горячими защитниками образованія женщины высшей касты и просили въ своихъ конференціяхъ, чтобы женщина была образована наравнѣ съ древними shâstras. Объ образованіи Рамабаи узнали въ Калькутѣ; пандиты вызвали къ себѣ молодую дѣвушку и послѣ испытанія пожаловали ее славнымъ титуломъ богини науки (Sarasvatî).

Тутъ ее ожидало новое горе,—ея братъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни, и она окончательно осталась одинокой: положеніе ужасное для индуски, которая безлична внѣ брака. Неожиданная помощь явилась вскорѣ: одинъ бенгалiецъ Пипинъ-Бигари-Медгави, законникъ (vakîl), окончившій образованіе въ Калькутскомъ университетѣ, предложилъ ей руку и женился.

Ихъ свадьба совершилась при исключительныхъ обстоятельствахъ: Рамабаи, вступая въ бракъ въ человѣкомъ низшей касты, должна была от-

казаться отъ своей; кромѣ того новобрачные не исполнили ни христіанскихъ ни индусскихъ обрядовъ и были обвѣнчаны согласно акту 1872 года, утверждающаго гражданскій бракъ въ Индіи.

Когда у Рамабаи родилась дочь, то она не отнеслась къ ней съ пренебреженіемъ, съ которымъ встрѣчаютъ въ Индіи дѣтей женскаго пола, но назвала ее «Manorama», что значитъ сердечная радость. Счастіе и спокойствіе не было назначено судьбой Рамабаи: мужъ ея сдѣлался жертвой холеры и она овдовѣла черезъ полтора года послѣ замужства. Вторично одинокой, съ ребенкомъ на рукахъ, пандитѣ пришлось возвратиться къ званію «lecturer»; она стала заниматься публичными лекціями о воспитаніи женщинъ и пріобрѣла симпатію европейцевъ. Такъ, докторъ Гюнтеръ, въ одной изъ своихъ знаменитыхъ рѣчей, произнесенныхъ въ Эдинбургѣ, указывалъ на Рамабаи какъ на образецъ защитницы женскаго образованія въ Индіи.

Въ Пуна Рамабаи удалось основать дамское общества Arya Mahila-Somaj для распространенія образованія между туземками и для уничтоженія малолѣтнихъ браковъ. Она объѣзжала президентство и вездѣ, гдѣ только могла, учреждала такія общества.

Когда англійская коммиссія воспитанія явилась въ Пуна ревизовать различныя школьныя учрежденія 1882 г., браминки, члены только что составленнаго Рамабаи общества, въ числѣ трехъ сотъ собрались въ думѣ передъ коммиссіей, чтобы высказать свои симпатіи школамъ, устроеннымъ въ Маратской странѣ. Пандита Рамабаи на этомъ собраніи сказала рѣчь, и докторъ Гюнтеръ, предсѣдатель коммиссіи, приказалъ перевести эту рѣчь, чтобы напечатать ее отдѣльно.

Наконецъ пандита рѣшилась на важный шагъ: покинуть Индію и отправиться въ Вантажъ въ монастырь св. Маріи, гдѣ она и дочь ея были крещены въ сентябрѣ 1883 г. Освобожденная отъ предразсудковъ индуизма, полная презрѣнія къ раздѣленіямъ на касты, она сначала было примкнула къ вѣрованіямъ и стремленіямъ брамаистовъ, но затѣмъ отдала предпочтеніе христіанству. «Shâstras содержатъ,—писала она къ г-жѣ Далль въ Америку,—всѣ нравственныя правила христіанской жизни, но они не даютъ намъ примѣра, тогда какъ въ Іисусѣ Глаголъ сталъ человѣкомъ... Я не принадлежу ни англійской церкви, ни какой-либо другой, я это объявила, когда меня крестили... Я вѣрую, но по-своему» *).

Въ монастырѣ св. Маріи Рамабаи усовершенствовалась въ англійскомъ языкѣ и въ сентябрѣ 1884 г. была приглашена въ Шелтенгамъ профессоромъ санскритскаго языкѣ въ Ladyes College. Ея знанія, оцѣненныя высшими

---

*) Индусъ, принявшій христіанство, не можетъ допустить суровости и абсолютизма вѣрованія Запада. Протабъ С. Мозоомбаръ, высшій брамаистъ, послѣдователь Кешубъ Шундеръ Сена, говоритъ, что ни логика, ни наблюдательность, ни даже священныя книги не могутъ открыть Бога восторженной душѣ Востока; она можетъ только по собственному инстинкту глубоко созерцать единство и совершенство божества (*Conf.*: „The Wold's Parliament of Religion". Vol. II, pp. 1083—1093).

сферами, позволяли ей надѣяться на скорое полученіе болѣе важнаго поста въ Индіи, но въ 1886 г. она была приглашена въ Филадельфію, чтобы присутствовать при поступленіи въ медицинскій институтъ ея молодой родственницы Анандибаи Жозее. Пандита отправилась въ Америку съ своей маленькой дочерью и нашла тамъ самыхъ ревностныхъ помощниковъ въ дѣлѣ, къ которому она стремилась. Тамъ она усовершенствовалась въ методѣ преподаванія и всецѣло отдалась своему призванію миссіонерства, объѣзжала провинціи, останавливалась въ городахъ, возбуждая всеобщій интересъ къ семейной жизни въ Индіи своими воззваніями. Въ это время она написала свою книгу *The High-Caste-Hindu Woman* съ предисловіемъ Рашель Бодлей въ 1888 г. *), въ которой раскрыла различные фазисы жизни женщины высшей касты, ея нерадостное появленіе на свѣтъ, ея замужство, предназначенное родителями съ дѣтства, ея рабство при жизни мужа и ея жалкую судьбу вдовы.

Рамабаи пришла на помощь вдовамъ какъ дѣтямъ, такъ и молодымъ женщинамъ, устроивъ убѣжище, гдѣ тѣ могли получить образованіе. Этимъ, кромѣ того, она вырвала многихъ изъ позора, такъ какъ, несмотря на рѣдкія нравственныя качества, индуска, для избѣжанія тиранства отъ своихъ домашнихъ, иногда уходитъ въ мусульманскіе гаремы или въ жалкія труппы танцовщицъ.

Краснорѣчіемъ, искренностью и честностью пандита пріобрѣла сторонниковъ, внушила довѣріе и ей дали денежное вспомоществованіе.

Въ Бостонѣ учредилось общество подъ названіемъ «Ассоціація Рамабаи», которое помогло ей собрать около 4,000 фунт. стерлинговъ, и въ 1888 г. она привезла ихъ въ Бомбей, гдѣ открыла первое убѣжище для вдовъ. Съ тѣхъ поръ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Америкой она получала субсидіи отъ центральнаго комитета. На берегу Индійскаго океана, въ Канадѣ, въ Виргиніи, на островахъ Гавайскихъ, формировались общества въ помощь этому благому дѣлу. Изъ скромнаго помѣщенія въ Бомбеѣ, куда поступили только двѣ ученицы, Рамабаи перевела свое учрежденіе въ Пуна, одно изъ предмѣстьевъ красиваго города Пейшва[illegible], недалеко отъ станціи желѣзной дороги. Тутъ выстроенъ хорошенькій домъ съ хорошенькими постройками, обсаженъ цвѣтами и растеніями, обнесенъ стѣнами, и на высокой полукруглой двери на англійскомъ и маратскомъ языкахъ красуется надпись: «Домъ науки» (Shârada Sadama).

Изъ отчета 1895 г. видно, что школа вмѣщаетъ 45 вдовъ и 12 дѣвочекъ, всѣ пансіонерки. Домъ и земля принадлежатъ учрежденію, и уже нельзя сомнѣваться въ пользѣ его для вдовъ высшаго класса.

---

*) „The High-Caste-Hindu Woman, by Pundita Ramabai Sarasvati, with introduction by Rachel L. Bodley, A. M., M. D., Dean of Woman's medical College of Pennsylvania“ (Philadelphia, 1888). Въ это же время одна американка описываетъ намъ ея портретъ: прекрасный овалъ лица, темные и большіе глаза, полные чувства, цвѣтъ лица нѣсколько теменъ, но щеки румяны. Ея фотографія, приложенная къ книгѣ, представляетъ ее въ бѣломъ вдовьемъ покрывалѣ (chudda).

Много горя и неудачъ пришлось испытать Рамабаи, но энергія помогла ей выйти побѣдительницей, и, несмотря на то, что она перешла въ христіанство, лишена права принадлежать своей кастѣ, Рамабаи уважаютъ во всей Индіи. Полная вѣры въ Провидѣніе, она надѣется, что «домъ науки» будетъ постоянно пользоваться помощью вѣрныхъ и вскорѣ будетъ прочнымъ учрежденіемъ *).

## II.

### Анандибаи Жозее.

Изъ біографическаго очерка пандиты Рамабаи мы видѣли, что она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Анандибаи Жозее, и хотя ихъ родственныя связи не были особенно близки, но духовное родство ихъ соединило. Мало знакомыя между собою въ Индіи, онѣ соединились въ Америкѣ, преслѣдовали одну цѣль—благотворительность. Обѣ онѣ пользовались одинаковымъ уваженіемъ и воспоминаніе о нихъ надолго останется между индусками.

Мы видѣли, что пандита Рамабаи своимъ неравнымъ бракомъ и принятіемъ христіанства лишилась правъ гражданства и подверглась исключенію изъ своей касты — и не побоялась этого. Анандибаи, наоборотъ, строго соблюдала обычаи индуизма, ей хотѣлось своимъ примѣромъ доказать, что можно согласовать самые строгіе обряды съ нѣкоторыми благами европейской цивилизаціи. Она не обладала ни даромъ дѣйствовать на толпу, ни внѣшнимъ вліяніемъ пандиты, и сосредоточила всѣ свои мысли, всѣ свои силы на осуществленіи великой задачи, которой она посвятила всю свою молодость и жизнь, и какъ настоящая индуска не заботилась объ извѣстности и славѣ. Она была первая браминка, не принявшая христіанскую вѣру, рѣшившаяся переплыть море, за что подверглась исключенію изъ касты, первая открывшая туземнымъ женщинамъ путь къ поступленію въ медицинскій институтъ, первая изъ ея расы ставшая докторомъ медицины. Анандибаи Жозее родилась въ Пуна въ 1865 г. въ старинномъ маратскомъ дворцѣ и ей дали имя Іамюна (что значитъ дочь солнца) въ честь священной рѣки, впадающей въ Гангъ. Отецъ ея Гюппатрао Амритазваръ Жозее, богатый земельный собственникъ, жилъ въ Каліанѣ, на сѣверѣ Бомбея. Дѣвочка росла въ роскоши; серьезная и строгая, она часто слушала

*) Въ Индіи движеніе реформы въ пользу вдовъ усиливается. Въ Бенгалѣ г. и г-жа Сасипада Банерже учредили въ 1887 г. вдовій домъ въ Баранагорѣ, рядомъ съ пріютомъ для дѣвочекъ, и тутъ готовятъ вдовъ на званіе профессоровъ. Нѣкоторыя вдовы, по окончаніи курса, сдаютъ экзамены; другія работаютъ подъ управленіемъ пандитовъ или директора спеціальнаго института (Savita Sadam.). Добродѣтельные Рани также устраиваютъ дома призрѣнія; такъ, въ 1886 г. старшая дочь Раджи Годъ-Нарайана Гажапато, Рао, послѣ смерти своего мужа устроила вдовій домъ. По извѣстіямъ газеты *The Hinder* видно, что въ 1895 году въ Мизорѣ приняты мѣры для улучшенія быта вдовъ.

разговоры ея отца со священниками и пандитами. Пяти лѣтъ отъ роду она просила, чтобъ ей дали учителя и подъ руководствомъ своего родственника Гопаля Виньяка стала изучать санскритскій языкъ; впослѣдствіи, когда занятія этого послѣдняго заставили его переселиться въ Алибагъ, она послѣдовала за нимъ, чтобы продолжать свое образованіе. Требованія общественной жизни заставили ее выдти за него замужъ и въ 1874 г. свадьба Гопаля и Іамюни была торжественно отпразднована въ Пуна. Дочь богатаго брамина согласилась сдѣлаться женой скромнаго чиновника, вдовца, на 20 лѣтъ старше ея, и гордилась тѣмъ, что сама сдѣлала этотъ выборъ. По маратскому обычаю черезъ 3 дня послѣ свадьбы она должна была перемѣнить имя и ее назвали Анандибаи (радость моего сердца). Въ Колгапурѣ у нея родился ребенокъ, который скоро заболѣлъ и за неимѣніемъ докторской помощи умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія. Съ тѣхъ поръ молодая женщина задумала посвятить себя облегченію участи своихъ соотечественницъ, страданія которыхъ она испытала на себѣ. Индуска въ случаѣ заболѣванія не имѣетъ права призывать доктора, кромѣ самыхъ экстренныхъ случаевъ, и то страдалицѣ позволяется только протянуть руку изъ-за занавѣски, за которой она спрятана. Обыкновенно же она должна довольствоваться помощью невѣжественной повивальной бабки. Хотя въ Мадрасѣ уже была устроена медицинская школа, и во всѣхъ президентствахъ были открыты классы акушерства, но преподаваніе въ нихъ велось недостаточное, доступъ въ нихъ женщинамъ былъ запрещенъ, такъ какъ право показываться публично и посѣщать курсы принадлежало только брамаистамъ и принявшимъ христіанство; вслѣдствіе этого Анандибаи, чтобы осуществить свое намѣреніе, должна была направиться въ Америку, гдѣ съ 1869 г. женщины получали полное медицинское образованіе *).

Въ продолженіе 4 лѣтъ Анандибаи упорно стремилась выѣхать въ Америку. Изъ переписки ея съ Г. Карпентеромъ можно видѣть всю борьбу, которую ей пришлось перенести, чтобы добиться разрѣшенія выѣхать изъ Индіи. Въ Бенгаліи, куда служба Гопаля ее загнала, она встрѣтила самую жестокую оппозицію. Hôtel des Pastes, гдѣ она жила въ Серапорѣ, часто осаждался толпой бенгалійцевъ, подстрекаемыхъ партіей правовѣрныхъ; однажды она была вынуждена публично объяснить свое поведеніе, оправдать свои поступки. Случай единственный въ исторіи эмансипаціи женщинъ въ Индіи: «браминка на подмосткахъ» **).

Анандибаи, наконецъ, удалось попасть въ Нью-Йоркъ въ 1883 г. и молодая маратка тотчасъ же съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялась за изученіе медицины, на что посвящала 16 часовъ въ сутки. Изъ переписки ея съ Г. Карпентеромъ можно было бы считать ее адептомъ Брамо-Сомажъ,— настолько она выказывала чистаго теизма и отвращенія къ суевѣрію,—но

---

*) См. *Medical Women*, by doct. Sophia Jex-Blaka M. D. Edinbourg 1866.

**) См. *The Native Opinion Press Bombay*. Рѣчь ея была тамъ напечатана по настоянію американскаго консула Hans Mattisson.

къ общему удивленію она была защитницей малолѣтнихъ браковъ, что видно изъ ея рѣчи въ женскомъ миссіонерскомъ обществѣ, и не отрекалась ни отъ одного соціальнаго обычая. Климатъ Америки, гибельный для жителей Азіи, разрушительно подѣйствовалъ на здоровье Анандибаи, но ея страстное желаніе и хорошая подготовка ея мужемъ дали ей силы побороть всѣ трудности, и она выдержала экзамены въ назначенное время; ея диссертація по гинекологіи признана, какъ имѣющая большой интересъ, и въ 1886 г. она получила званіе доктора медицины; первая женщина высшей касты, пожалованная этой ученой степенью (*Pall Mall Gazette* 2 апрѣля 1886 г.). Пандита Рамабаи, въ это время вызванная Анандибаи, присутствовала при этомъ торжествѣ, и съ ея словъ мы знаемъ, что свидѣтелей его было болѣе 3 тысячъ человѣкъ. Тотчасъ по полученіи докторскаго диплома Анандибаи была приглашена первымъ министромъ (divan) изъ Колгапура для завѣдыванія въ Индіи госпиталемъ «Alebert Edward». Анандибаи поспѣшила дать свое согласіе, но бѣдная женщина была такъ изнурена и слаба, что друзья потеряли надежду на ея выздоровленіе. Вмѣсто отдыха она пустилась въ путь по Атлантическому океану въ холодное и туманное время страшныхъ вѣтровъ и ураганов. На пароходѣ она почувствовала ухудшеніе, удушья усилились отъ тѣсноты каюты и и далекаго путешествія.

При возвращеніи ея въ Бомбей высшіе пандиты, строгіе судьи «преступницы и падшей браминки» (какъ они называли ее передъ отъѣздомъ въ Америку) были тронуты ея видомъ и встрѣтили ее со слезами на глазахъ. Въ родительскомъ домѣ среди родныхъ и друзей умирающая сначала почувствовала облегченіе. Пока мужъ ея былъ занятъ хлопотами о возстановленіи утраченныхъ ею правъ, весь народъ стремился въ храмы, чтобы молиться объ ея исцѣленіи, но ни молитвы, ни жертвоприношенія не могли умилостивить бога смерти, и 26 февраля Анандибаи тихо скончалась. «Я сдѣлала, что могла»,—прошептала она передъ смертью.

Вскорѣ, по обычаю, былъ зажженъ погребальный костеръ *). По случаю проклятія, на ней лежавшаго, можно было предположить, что священники откажутся принять участіе въ похоронахъ, но нетерпимость партіи правовѣрныхъ преклонилась передъ такимъ великимъ самоотверженіемъ.

## III.

## Миссъ Френи Кама.

Въ то время какъ Анандибаи покидала Калькуту и ѣхала въ Америку **), главный медицинскій институтъ въ Бомбеѣ рѣшилъ допустить женщинъ на свои курсы, и четыре женщины общины парсовъ были туда

*) См. слѣдующіе журналы: *Kessari* 27 февраля 1887 г. и *Dnyana Chaksu* 2 марта 1887 г.

**) *Medical Education in Bombay*; *an Introductory Address delivered at the Grant Medical College*; by Brigade-Surgeon W. Gray, principal and professor of surgery. 1889.

приняты. По окончаніи курсовъ имъ были выданы свидѣтельства на право практиковать въ Бомбеѣ и его окрестностяхъ. Первая туземка, получившая ученую степень изъ университета Бомбея, была миссъ Френи Кама.

Семья миссъ Камы славилась своимъ образованіемъ и своею благотворительностью. Одинъ изъ ея родственниковъ, Престонже Кама, основалъ на соціальныхъ правахъ первый индійскій торговый домъ въ Лондонѣ; но здоровье его вынудило вернуться въ Бомбей, гдѣ онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ публичныхъ работахъ. Движеніе въ пользу женскаго медицинскаго образованія нашло въ немъ ревностнаго покровителя. По иниціативѣ С. С. Бенгеле и Китреджа составилось общество ученыхъ, стоявшее за полное и серьезное образованіе женщины и за ихъ свободу. Въ 1883 г. предсѣдатель этого комитета сиръ Жамсетже Жежебой объявилъ, что собраніе постановило распредѣлить 4 тыс. фун. ст. на то, чтобы: 1) пригласить изъ Англіи женщинъ-врачей, 2) устроить даровую аптеку и отдать ее въ ихъ распоряженіе, 3) выстроить больницу для женщинъ и дѣтей и 4) дать средства и возможность бомбейскимъ женщинамъ изучать медицину.

Престонже Кама пожертвовалъ 12 т. ф. ст. на сооруженіе больницы, которая была предназначена для всѣхъ націй, кастъ и религій, и 12 лѣтъ спустя послѣ ея основанія молодая его родственница стала во главѣ этого учрежденія.

Миссъ Френи Кама родилась въ Бомбеѣ въ 1866 г. Отецъ ея былъ однимъ изъ компаньоновъ торговаго дома въ Лондонѣ. Мать ея, Еме, была дочерью Манакжи Карседжи, одного изъ либеральнѣйшихъ людей своего времени и способствовавшаго дѣлу эмансипаціи женщинъ. Онъ первый далъ своимъ двумъ дочерямъ западное образованіе. Въ 1883 г. онъ привезъ ихъ въ Европу и онѣ первыя возстали противъ предразсудковъ общины.

Вращаясь въ кругу образованныхъ родственниковъ, Ф. Кама имѣла возможность развить свои умственныя способности и, признавая громадную пользу женщины-врача, поступила въ главный медицинскій институтъ. Въ 1892 г. она получила дипломъ лиценціантки медицины и хирургіи, послѣ чего она тотчасъ же отправилась въ Англію; пройдя курсъ и практическія занятія въ Great Armond street Hospital и получивши дипломъ, она поступила въ Infirmary Hospital въ Эдинбургѣ. Она имѣетъ дипломъ доктора медицины факультета Брюсселя.

По возвращеніи своемъ въ Бомбей миссъ Ф. Кама получила званіе «housesurgeon» госпиталя Кама и въ настоящее время она занимаетъ въ немъ мѣсто профессора физики.

Миссъ Ф. Кама вышла замужъ въ 1896 г. за Мюрцбана, адвоката въ Бомбеѣ. Въ Парижѣ, гдѣ она находится теперь, она посѣщала институтъ доктора Пастёра и подъ руководствомъ Г. Віала прошла курсъ прививки кроликовъ, извлеченія мозга и оспопрививанія. Она надѣется на воз-

можность устройства въ Индіи Пастёровскаго института, но боится, что закоренѣлые предразсудки будутъ служить препятствіемъ для осуществленія этого благого дѣла въ скоромъ времени.

## IV.

## Рюкмабаи.

Въ одной изъ краснорѣчивыхъ главъ своей книги *High-cast hindu Woman,* пандита Рамабаи была горячей защитницей своихъ сестеръ и стояла за уничтоженіе малолѣтнихъ браковъ. Этотъ вопросъ давно волновалъ правовѣрныхъ и либераловъ, но ни тѣ, ни другіе не думали посягнуть на бракъ, какъ на установленіе вѣчнаго союза мужа и жены. Малолѣтніе браки не предписаны закономъ, они укоренились какъ обычай.

Первая смѣлая маратка, вышедшая изъ заключенія Zenanas и осмѣлившаяся подать жалобу англійскому суду, была Рюкмабаи.

Она родилась въ Бомбеѣ въ 1865 году. Отецъ ея, Жанарданъ Пандюрангъ, былъ изъ касты парбусовъ и умеръ, когда она была еще въ колыбели. Мать ея, Жаіантибе, вышла вторично замужъ *) за талантливаго и извѣстнаго доктора Сакарама Аржона, поклонника идей Запада. Рюкмабаи росла при счастливыхъ условіяхъ, когда поднялся грозный брачный вопросъ. Родители предназначили ей въ мужья нѣкоего 16-лѣтняго Дадажи Бикажи, и бракъ былъ отпразднованъ согласно обычаю (1876 г.). Докторъ Сакарамъ взялся самъ руководить образованіемъ молодого человѣка. Но слабый здоровьемъ, съ посредственными способностями, Дадажи отказывался воспользоваться преимуществами, доставляемыми великодушіемъ его тестя. Рюкмабаи же, оставаясь при матери въ ожиданіи окончанія образованія мужа, провела эти годы не безъ пользы для своего развитія. Контрастъ получился настолько рѣзкій, что когда ей пришло время слѣдовать за мужемъ, она почувствовала полное отвращеніе къ нему и отказалась наотрѣзъ. Это былъ первый актъ плачевной трагедіи, которая должна была продолжаться еще въ разныхъ англійскихъ судахъ. Дадажи подалъ жалобу о возстановленіи супружескихъ правъ. Судья Пинe, постановивъ слѣдующій вопросъ: можетъ ли быть расторгнутъ бракъ по прошествіи 11 лѣтъ, вслѣдствіе отвращенія жены къ мужу, если бракъ хотя и былъ заключенъ по установленному закону и съ согласія опекуновъ жены, но не былъ совершенъ? — рѣшилъ дѣло въ пользу Рюкмабаи. Это рѣшеніе было оскорбленіемъ семьи, признаваемой до сихъ поръ священной; поэтому приговоръ взволновалъ всю Индію. Англо-индійская пресса и туземные журналы подняли ожесточенную полемику. Либералы привѣтствовали зарю будущаго возрожденія, тогда какъ консерваторы признавали, что жестокій ударъ былъ нанесенъ одному изъ самыхъ прочныхъ установленій и подстрекали Дадажи подать жалобу на рѣшеніе судьи Пине.

---

*) Въ этой кастѣ разрѣшены вторичные браки.

Въ это время докторъ Сакарамъ умеръ, и положеніе Рюкмабаи было бы безвыходнымъ, еслибъ ея дѣдъ не взялъ ее подъ свое покровительство. Вскорѣ появились въ газетѣ *Times of India* два письма, подписанныя просто «A hindu Lady». Рюкмабаи (такъ какъ авторомъ ихъ была она) описывала трогательную картину страданій, причиняемыхъ такими ранними браками, и запрещеніемъ вдовамъ вторичнаго брака.

Высшій бомбейскій судъ, разсмотрѣвъ апелляціонную жалобу Дадажи, отмѣнилъ приговоръ судьи Пине и приказалъ вновь разслѣдовать дѣло. Симпатіи англичанъ и парсовъ въ этомъ процессѣ были на сторонѣ Рюкмабаи. Составился комитетъ въ ея защиту; Г. Бовнарге, изъ общины парсовъ, въ настоящее время членъ парламента, былъ секретаремъ этого комитета. Разсказываютъ, что Дадажи въ свою очередь получилъ со стороны правовѣрныхъ большія суммы денегъ для продолженія этого дѣла. Въ 1887 году предсѣдатель суда, сиръ Сарженъ, переслалъ дѣло для разслѣдованія по индусскимъ законамъ и Рюкмабаи была приговорена къ слѣдованію за своимъ мужемъ или 6-мѣсячному тюремному заключенію.

Рюкмабаи предпочла послѣднее, и это рѣшеніе ея произвело глубокую сенсацію. Англійскіе друзья звали ее пріѣхать въ Англію, чтобы самой вести дѣло въ тайномъ совѣтѣ. Дадажи понялъ, что его процессъ былъ проигранъ; онъ взялъ обратно жалобу и согласился на мировую сдѣлку, по которой Рюкмабаи должна была уплатить ему извѣстную сумму денегъ и дать обязательство не выходить замужъ, тогда какъ онъ сохранилъ за собою право на женитьбу. Въ 1889 году, по приглашенію мистера Мюллера и М. Ларенъ, Рюкмабаи поѣхала въ Англію, гдѣ рѣшила заняться медициной. Усовершенствовавшись въ англійскомъ языкѣ и пройдя «Arts Examinations of the Society of Apothecaries», которые содержатъ первоначальныя правила латыни, она поступила въ «London School of medicine for women». Въ 1894 году она сдала экзамены въ Эдинбургѣ и Глазговѣ и получила званіе доктора медицины въ Брюсселѣ. Въ ноябрѣ она возвратилась въ Бомбей, гдѣ была восторженно принята въ Aryan Ladies Association (Arya Mahila Somoj), основанное пандитой Рамабаи. Сначала она поступила въ госпиталь Кама какъ «house surgeon», а теперь она стоитъ во главѣ новаго госпиталя, только что учрежденнаго въ Сюратѣ.

С. Д.

---

# Вопросъ о наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Вопросъ о наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ пореформенное время, насколько онъ является вопросомъ объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, народился уже въ тотъ моментъ, когда порвалась великая цѣпь, т.-е. одновременно съ прекращеніемъ рабскаго труда.

До 1861 года, когда къ услугамъ помѣстнаго дворянства былъ даровой трудъ закрѣпощенныхъ крестьянъ, въ наймѣ рабочихъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей не было надобности, и этотъ видъ найма въ то время почти не находилъ никакого примѣненія. Сообразно съ этимъ и законодательство о личномъ наймѣ въ своихъ опредѣленіяхъ, изложенныхъ въ 1-й части X тома и въ Уставѣ Торговомъ, говоритъ о наймѣ ремесленниковъ, приказчиковъ, служащихъ на судахъ и т. п. и вовсе не касается найма на земледѣльческія работы. Явленіе это, конечно, вполнѣ понятно: неизвѣстный или очень мало практикуемый въ экономическомъ быту видъ найма не могъ найти отраженія и въ законодательствѣ.

Реформа 19 февраля 1861 года радикально измѣнила положеніе это. На общественно-экономической аренѣ появились новыя и притомъ многочисленныя dramatis personae: милліоны крѣпостного населенія получили свободу и начали въ полномъ составѣ участвовать въ экономическомъ и гражданскомъ оборотѣ страны въ качествѣ равноправнаго съ другими общественными силами элемента. Въ странѣ земледѣльческой съ подавляющимъ преобладаніемъ деревни надъ городомъ, эта глубокая перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, изъ рабовъ, qui nullum caput habent, внезапно превратившихся въ personae, свободныя лица, за нѣкоторыми исключеніями надѣленныя полнотой гражданскихъ и общественныхъ правъ, да вдобавокъ еще и земельною собственностью, какъ малы ни были размѣры ея,—не могла не произвести значительнаго замѣшательства среди того класса, въ которомъ разлука съ прошлымъ невольно будила тревожныя мысли о будущемъ.

Что̀ въ новомъ порядкѣ казалось особенно непривычнымъ, что̀ въ немъ всего болѣе шокировало исторически установившійся строй мыслей и чувствъ господствующаго класса—это тѣ отношенія, которыя возникали при неизбѣжномъ наймѣ крестьянъ на сельско-хозяйственныя работы. Общественно-психологическій антагонизмъ въ этой средѣ долженъ былъ проявиться съ особенной интенсивностью, тѣмъ болѣе, что и качественный, и количественный моменты дѣйствовали здѣсь въ одномъ направленіи. Припомнимъ, что ко времени освобожденія крестьянъ въ составѣ помѣстнаго класса, владѣвшаго приблизительно третью всей состоявшей подъ культурой земли, преобладалъ элементъ мелкихъ собственниковъ, интересы которыхъ всего сильнѣе затронуты были новыми условіями. Вчерашніе господа, владѣтели душъ, volens nolens должны были становиться на одну доску съ прежними рабами своими, систематически вступая съ ними въ соглашенія и договоры, какъ съ стороною, какъ съ равноправными контрагентами. Впрочемъ, на первыхъ порахъ, горечь новаго положенія значительно смягчалась выкупнымъ вознагражденіемъ, которымъ, какъ извѣстно, въ болѣе, чѣмъ достаточной степени, компенсировались понесенныя потери. Но при широкихъ потребностяхъ, сохранившихся отъ прежняго времени, и при вновь образовавшейся необходимости платить за все, даже за услуги «людей», деньги быстро растаяли, и вскорѣ пошла полоса оскудѣнія, уже къ началу 70-хъ годовъ принявшая критическіе размѣры. А извѣстно, что nessum maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria. Тогда-то воспоминанія прошлаго должны были обратить опечаленные умы къ размышленію надъ уврачеваніемъ недуговъ настоящаго. Къ этому моменту и относятся первыя попытки сословныхъ проектовъ и ходатайствъ о законодательномъ урегулированіи найма на сельскія работы. Но вопросъ о наймѣ на сельскія работы выдвигался на поверхность общественной жизни еще другими, не менѣе глубокими причинами. Особенно важное и, можетъ быть, рѣшающее значеніе получилъ онъ въ качествѣ вопроса объ упорядоченіи ежегоднаго движенія рабочихъ на сельскіе промыслы изъ центральныхъ губерній на югъ,—вопроса, несомнѣнно порожденнаго освобожденіемъ крестьянъ, но воспитаннаго и пріумноженнаго съ одной стороны экономическою эволюціей сельско-хозяйственнаго производства юго-восточнаго и южнаго районовъ, съ другой стороны—проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Южно-русское хозяйство, до 70-хъ годовъ державшееся преимущественно на овцеводствѣ, съ этого времени принимаетъ другое направленіе. Цѣлина постепенно исчезаетъ и смѣняется посѣвами пшеницы и льна. Дѣвственная степь начинаетъ подвергаться сплошному засѣву. Громаднымъ запашкамъ должна соотвѣтствовать такая же рабочая сила, которой не имѣлъ малонаселенный край *). Между тѣмъ, въ центральной полосѣ, дѣйствіемъ цѣлаго ряда причинъ, какъ недостаточное во многихъ случаяхъ надѣленіе

---

*) *Отхожіе сельско-хозяйственные промыслы. Труды коммиссіи тайн. совѣтника Звегинцева*, стр. 10.

крестьянъ землей при самомъ освобожденіи, естественный приростъ населенія, слабое развитіе промышленности и торговли и отсутствіе другихъ занятій, гдѣ могли бы найти примѣненіе незанятыя земледѣліемъ руки и др.,—понемногу образовалась громадная, насчитывающая милліоны, промышленная армія, ежегодно съ большой регулярностью выступающая въ походъ и возвращающаяся домой по окончаніи сельско-хозяйственной кампаніи. Остановись почему-либо это движеніе, «государству въ видахъ экономическаго самосохраненія пришлось бы создавать его искусственно и притомъ на льготныхъ и поощрительныхъ началахъ» *). Ибо, во-первыхъ, государство чрезвычайно заинтересовано въ томъ, чтобъ «избытокъ населенія центральныхъ губерній, бременящій своихъ домашнихъ и односельчанъ, имѣлъ заработокъ, достаточный для пропитанія и покрытія падающихъ на его долю государственныхъ повинностей и сборовъ». Во-вторыхъ, хозяйства всего черноземнаго юго-востока и юга находятся въ полной зависимости не только отъ самаго притока рабочихъ силъ, но и отъ правильнаго распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ. А «такое положеніе дѣла, въ виду тѣсной связи процвѣтанія земледѣлія съ государственнымъ бюджетомъ, ставитъ вопросъ о снабженіи юга рабочими на высоту первостепенныхъ государственныхъ задачъ» **). Но не менѣе государства въ упорядоченіи отхожихъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ заинтересованы и земства какъ тѣхъ губерній, откуда выходятъ рабочіе, такъ и тѣхъ, куда они направляются. Дѣло это, впрочемъ, настолько многообъемлюще и серьезно, что затрогиваетъ всѣ почти отрасли внутренняго управленія и центральнаго, и мѣстнаго. Въ послѣднее время, напримѣръ, обнаружилось грозное значеніе общественно-санитарной стороны этого вопроса ***).

---

*) *Сельско-хозяйственные промыслы. Труды коммиссіи тайнаго совѣтника Звегинцева*, стр. 5.

**) Ibid., стр. 4.

***) На пространствѣ Европейской Россіи ежегодно передвигается съ цѣлью отысканія заработка около 5 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Въ земскихъ статистическихъ сборникахъ имѣются довольно достовѣрныя указанія на то, что въ отхожіе промыслы отправляются преимущественно люди женатые. Сроки отхода различны. Сельско-хозяйственные рабочіе отправляются изъ дому большею частью въ маѣ и іюнѣ и возвращаются къ октябрю—ноябрю. Санитарное значеніе этого движенія сказывается въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, отхожіе промыслы вліяютъ на семьи ушедшихъ рабочихъ; во-вторыхъ, отхожане, являясь разносчиками заразныхъ болѣзней среди населенія мѣстностей, куда они прибываютъ на лѣтнія работы, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаются сами сезоннымъ и другимъ заболѣваніямъ и, возвращаясь въ свои семьи, приносятъ съ собою различныя инфекціи. Моментомъ ухода и возвращенія рабочихъ обусловливается распредѣленіе зачатій и рожденій по мѣсяцамъ года. Женщины бываютъ ослаблены вслѣдствіе беременности и родовъ по преимуществу въ рабочую пору, а это неизбѣжно отражается не только на питаніи дѣтей, но и на сборѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и часто вызываетъ необходимость въ наемныхъ рабочихъ; кромѣ того, къ наиболѣе опасному для дѣтей періоду года, іюлю и августу, скопляется множество дѣтей 0—6 мѣсяцевъ, отчего въ усиленной степени

При такихъ условіяхъ наемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ обратился у насъ въ quaestio vexata аграрнаго быта, въ очень серьезный общественно-юридическій вопросъ. Въ послѣднее время въ отношеніи «рабочаго вопроса» стало ясно, что мы имѣемъ передъ собой комбинацію такихъ отношеній и условій, урегулированіе которыхъ можетъ быть достигнуто не цивильными лишь нормами, хотя бы и снабженными уголовною санкціей, а широкими положительными мѣрами, сообразованными со всей совокупностью экономическихъ и бытовыхъ условій, и такимъ гражданскимъ законодательствомъ о личномъ наймѣ вообще и наймѣ на сельскія работы въ частности, которое, основываясь на укоренившихся обычаяхъ, не расходилось бы съ юридическими воззрѣніями народа.

---

Въ практикѣ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ замѣчается существенное различіе между тѣми случаями, когда крестьяне берутъ на себя исполненіе сельскихъ работъ у сосѣднихъ помѣщиковъ или крестьянъ же, и тѣми случаями, когда наемъ происходитъ на работы въ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ постояннаго жительства нанимаемыхъ мѣстностяхъ или, по народному выраженію, въ отходъ. Бытовыя особенности той и другой категоріи случаевъ найма представляютъ существенныя отличія, которыя не могутъ остаться безъ вліянія и на юридическую природу возникающихъ на почвѣ ихъ правоотношеній.

Мѣстные сельско-хозяйственные промыслы по найму, служащіе обыкновенно продолженіемъ собственнаго хозяйства и распространенные по всей территоріи Европейской Россіи, сравнительно рѣдко выходятъ изъ предѣловъ обычныхъ отношеній, гдѣ немалая роль принадлежитъ и моральнымъ началамъ, какъ установившіяся традиціи, сосѣдство и т. д. Главнымъ двигателемъ, придающимъ всѣмъ этимъ сложнымъ и часто обоюдоострымъ отношеніямъ извѣстную стройность и правильность, является обычай, одинаково обязательный и для рабочаго, и для хозяина. Съ постояннымъ батракомъ, не имѣющимъ за спиной никакого самостоятельнаго хозяйства, съ рабочимъ—пролетаріемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, мы встрѣчаемся преимущественно въ крупныхъ хозяйствахъ, гдѣ ручной трудъ чередуется съ трудомъ на машинахъ и функціи перемѣннаго капитала достигли значительнаго развитія. Но даже и здѣсь въ общей массѣ наемныхъ рабочихъ постоянные батраки составляютъ незначительный процентъ. Но, не говоря уже о батракахъ, доведенныхъ до положенія пролетаріевъ разными роковыми случайностями и нанимающихся лишь временно, самые заправскіе батраки и тѣ постоянно мечтаютъ о собственномъ хозяйствѣ, которое непремѣнно заводятъ при первой благопріятной возможности,—женившись, обзаведшись конемъ и т. п. Въ помѣщичьихъ экономіяхъ положеніе батра-

развивается дѣтская холера, поражающая и старшіе возрасты (*М. С. Уваровъ*: „О вліяніи отхожихъ промысловъ на санитарное положеніе Россіи". *Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины*, т. XXXI, книга 1-я, іюль 1896 г., стр. 4—7).

ковъ представляется далеко незавиднымъ: батраковъ плохо кормятъ и одѣваютъ, содержатъ въ невозможныхъ помѣщеніяхъ и до крайности нажимаютъ на работѣ. Задатковъ батракамъ не даютъ, такъ какъ, при завѣдомой ихъ имущественной несостоятельности, исполненіе договора ничѣмъ не гарантировано. Заслуженныя деньги они обыкновенно получаютъ по окончаніи условленнаго срока. Уйдетъ батракъ самовольно, ему ничего не заплатятъ; наоборотъ, если онъ окажется неподходящимъ для хозяина, его когда угодно пустятъ на всѣ четыре стороны. Хозяева, очевидно, не имѣютъ въ данномъ случаѣ основаній къ недовольству установившимся порядкомъ отношеній *).

Съ батрацкимъ трудомъ мы встрѣчаемся и въ хозяйствахъ зажиточныхъ крестьянъ, особенно у казаковъ донскихъ и кубанскихъ. Батрачество представляется здѣсь крупнымъ явленіемъ, ярко отражающимъ всѣ смѣшанныя черты современной сельско-хозяйственной производительности, старинныя натуральныя отношенія хозяина къ работнику и новѣйшія денежныя. Оплата натурой извѣстной части труда свидѣтельствуетъ, очевидно, о томъ, что въ большей или меньшей степени сохранились еще тѣ примитивныя отношенія между работодателемъ и рабочимъ, когда денежные знаки обладали меньшей притягательной силой, чѣмъ продукты труда, потребительныя цѣнности. Что касается отношенія между составными частями этой смѣшанной платы, то оно оказывается чрезвычайно разнообразнымъ, хотя денежная часть несомнѣнно гораздо значительнѣе натуральной и, кромѣ того, обнаруживаетъ постоянную тенденцію къ возрастанію на счетъ послѣдней. И тутъ положеніе батрака представляется довольно печальнымъ. Лямку усиленнаго труда онъ тянетъ круглый годъ—не только лѣтомъ, весною и осенью, но и зимою, когда на долю батрака выпадаютъ всѣ худшія работы въ хозяйствѣ: поѣздки въ непогоду, возня со скотомъ, присмотръ за нимъ ночью и проч. Главное, что дѣлаетъ положеніе батрака особенно тяжелымъ, это—непрерывная зависимость отъ хозяина **). Отношенія сторонъ, по мѣрѣ того, какъ развивающееся производство образуетъ между ними все большую и большую пропасть, постоянно ухудшаются. Хозяева становятся черствѣе и недоступнѣе прежняго, батраки, въ свою очередь, дѣлаются лукавѣе и мстительнѣе. Это естественное вліяніе тенденцій, неизбѣжно возникающихъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, начинающихъ задаваться лишь денежными цѣлями и приноравливаемыхъ преимущественно къ требованіямъ рынка. Хозяинъ сталъ дальше держать батрака отъ своего стола, сталъ рѣзче выдѣлять его, какъ наемника, изъ семьи своей, и это, конечно, не могло не отразиться на душевныхъ расположеніяхъ рабочаго. Исчезновеніе прежнихъ, близкихъ и простыхъ, отношеній между хозяиномъ и рабочимъ—вотъ главная характеристическая черта современнаго положе-

*) *Ф. А. Щербина*: „Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе". *Сѣверный Вѣстникъ* 1886 г. № 5, стр. 74 и 75.

**) *Ф. А. Щербина*: „Рабочіе на Кубани" (*Дѣло* 1884 г., „Современное Обозрѣніе", стр. 25.

нія батрака, служащаго у зажиточнаго крестьянина или казака. «Старые обычаи,—говоритъ Ф. А. Щербина,—стали ломаться, новѣйшія требованія пошли въ разрѣзъ съ патріархальнымъ складомъ народной жизни. Это общій фактъ, и его значеніе отразилось также и на формальныхъ отношеніяхъ хозяевъ къ батракамъ. *Словесные договоры съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе начинаютъ уступать мѣсто письменнымъ условіямъ»* *). Это, несомнѣнно, переходный порядокъ отношеній.

Но о-бокъ съ нимъ уживается и другой порядокъ отношеній, являющійся дальнѣйшей ступенью экономической эволюціи. Мы имѣемъ въ виду условія наемнаго труда, водворившіяся въ табаководствѣ, представляющіяся въ высшей степени типичными. Занесенная къ намъ извнѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ, малоазійскими греками, эта отрасль сельскаго хозяйства съ самаго начала свободна была отъ вліянія установившихся традицій и другихъ стѣсненій моральнаго и бытового характера, съ которыми приходится считаться капиталистическимъ хозяйствамъ туземнаго происхожденія. Въ настоящее время въ Закубаньи табачная культура занимаетъ цѣлыя тысячи рабочихъ. Обычными рабочими являются женщины и подростки обоего пола, даже дѣти. Настоящіе рабочіе—мужчины—въ культурѣ табака принимаютъ очень слабое участіе. «Роль наемнаго люда выполняетъ преимущественно мѣстное казачье населеніе, а хозяевами оказываются разнаго рода турецкіе выходцы, братья-славяне и въ нѣкоторыхъ случаяхъ богатые и чиновные казаки, каковы станичные атаманы, писаря и проч. *Самый наемъ всегда оформляется письменными условіями съ обычными въ областяхъ неустойками съ обѣихъ сторонъ.* Табаководство, несмотря на свои несомнѣнныя, а часто даже непомѣрно высокія выгоды, не пользуется популярностью у мѣстнаго населенія. Положеніе рабочихъ на плантаціяхъ до-нельзя неудовлетворительно и, что всего печальнѣе, соединено съ порчею добрыхъ нравовъ и семейныхъ отношеній. Казаки жалуются на развращающее вліяніе табачныхъ плантацій. Дѣти отъ рукъ отбились, молодежь погрязла въ порокѣ, развились секретныя болѣзни. Одуряющая атмосфера, житье въ грязныхъ и сырыхъ землянкахъ и шалашахъ вредно вліяютъ на организмъ и здоровье дѣтей» **). Это единственный въ области «примѣръ эксплоатаціи рабочихъ силъ мѣстнаго коренного населенія наймомъ и развращающаго вліянія окружающей среды на рабочихъ. Тутъ замѣчаются тѣ же недуги, какими характеризуется въ другихъ мѣстахъ Россіи производство фабричное» ***).

Наиболѣе распространеннымъ въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ является наемъ на работы «отрядныя» или «сдѣльныя». Въ основѣ относящихся сюда сдѣлокъ лежитъ не наемъ, а кредитъ, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ собою договоры объ «отработ-

---

*) Ibidem, стр. 25.

**) Ibidem, стр. 32, 33.

***) Ibidem, стр. 34.

кѣ» за землю или взятыя въ затруднительныхъ обстоятельствахъ на подати деньги. Явленіе это, какъ извѣстно,—продуктъ тѣхъ земельныхъ отношеній, которыя созданы нѣкоторыми особенностями реформы 1861 года. «Имѣть опредѣленный контингентъ рабочихъ тамъ, гдѣ существуетъ крестьянское землевладѣніе и мелкое крестьянское хозяйство, крайне трудно, а вѣдь это можно сказать относительно всей Руси великой. Но такъ какъ тотъ же крестьянинъ-хозяинъ нуждается въ землѣ, то при наличности этого условія всегда можно принудить его къ тому, чтобъ онъ удѣлилъ часть своего труда на экономію. Такимъ же путемъ можно заставить крестьянина работать за тѣ деньги, въ которыхъ онъ такъ нуждается въ періоды выколачиванія недоимокъ, когда предстоитъ или лечь подъ розги, или продать послѣднюю лошадь, или попасть въ кулачьи лапы міроѣда» *). Частое нарушеніе договоровъ, заключенныхъ при подобныхъ обстоятельствахъ, нисколько не удивительно. «Крестьянинъ часто физически не можетъ ихъ выполнить, часто приходится ему пахать чужую землю въ то время, когда «своя, — по мѣткому выраженію малороссовъ, —ажъ кричитъ», убирать хлѣбъ на чужой нивѣ, когда свой осыпается, идти на чужую работу, когда семья безъ куска хлѣба сидитъ», и т. д. Только горькая судьба заставляетъ въ такихъ случаяхъ крестьянина-хозяина браться за невыгодныя для него сдѣльныя работы на невозможныхъ условіяхъ, близкихъ къ obligatio impossibilium. По большей части нарушителемъ договора крестьянинъ здѣсь является поневолѣ **). Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ поводы къ жалобамъ скорѣе имѣютъ крестьяне, чѣмъ помѣщики. Экономическія преимущества послѣднихъ настолько значительны, что дѣлаютъ для нихъ излишними всякія юридическія гарантіи, столь необходимыя для рабочихъ, какъ фактически слабѣйшей стороны. Замѣчательно то, что другая категорія представителей деревенскаго капитала, кулаки и міроѣды, доведшіе эксплоатацію крестьянскаго труда до полной виртуозности, очень мало интересуются законами о наймѣ и въ особыхъ юридическихъ средствахъ побужденія рабочаго къ исполненію самыхъ невыгодныхъ для него договоровъ не испытываютъ ни малѣйшей нужды.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, гдѣ особенности капиталистической организаціи пустили болѣе глубокіе корни и гдѣ сообразно съ этимъ преобладающею формой труда является поденщина или наемъ на опредѣленные сроки, при непремѣнномъ условіи оплаты труда исключительно деньгами; натуральные ингредіенты допускаются здѣсь лишь настолько, насколько они являются безусловно необходимыми для самаго производства, таковы: пища и помѣщеніе для рабочихъ, часто не имѣющихъ возможности позаботиться о нихъ сами безъ явнаго ущерба для самого нанимателя. Хозяинъ и рабочій тутъ сходятся

*) *Ф. А. Щербина*: „Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе?“ (*Сѣверный Вѣстн.* 1886 г., № 5, стр. 75.

**) Ibidem, стр. 75 и 76.

исключительно для купли продажи труда, какъ обыкновеннаго товара, цѣна котораго опредѣляется условіями рынка, отношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ. Антагонизмъ интересовъ при этомъ возникаетъ здѣсь одинаково между самими хозяевами, а также между рабочими. При такой конкурренціи каждая сторона спѣшитъ всегда пользоваться всѣми оказавшимися на ея сторонѣ благопріятными шансами. Но при всякихъ условіяхъ опасно имѣть дѣло съ поденщикомъ,—человѣкомъ, не связаннымъ съ хозяиномъ ничѣмъ, кромѣ поденщины,—въ страдную пору, когда малѣйшее промедленіе можетъ вести къ невознаградимымъ потерямъ, когда судьбы хозяйства всецѣло зависятъ отъ рабочаго, когда вообще господиномъ положенія является онъ. Тутъ ужъ нельзя пренебрегать интересами поденщика. «Дайте ему тогда худую пищу, заставьте его работать черезъ мѣру или при неблагопріятныхъ условіяхъ, назначьте ему низкую плату, продѣлайте, однимъ словомъ, съ поденщикомъ то, что такъ легко продѣлывается со всякимъ другимъ рабочимъ, и поденщикъ, не задумываясь, накиваетъ пятами». Дѣло въ томъ, что «хозяинъ нуждается въ поденщикѣ «дозарѣзу», а послѣдній мало чѣмъ рискуетъ, оставляя на первый же или на второй день работы неподходящаго для него хозяина» *). Отсюда понятно, почему именно нарушеніе договоровъ поденщиками «составляетъ ядро всевозможныхъ жалобъ на рабочаго» и вызываетъ со стороны землевладѣльцевъ настойчивыя требованія исключительныхъ законовъ, въ томъ числѣ и уголовныхъ взысканій за неисполненіе условій о наймѣ на сельскія работы. Насколько такія мѣры цѣлесообразны, отвѣтъ на это даетъ намъ сама жизнь. Всѣ попытки землевладѣльцевъ, при наймѣ рабочихъ поденно и на короткіе сроки, ввести въ употребленіе письменныя условія оказываются всегда неудачными, а нерѣдко и просто невозможными, напримѣръ при наймѣ цѣлыхъ партій на базарахъ въ воскресные и праздничные дни. Очевидно, что и всякіе специальные законы окажутся въ этой сферѣ совершенно безсильными **).

Но въ общемъ поденщики или привезенные издалека законтрактованные сроковые рабочіе очень рѣдко встрѣчаются тамъ, гдѣ помѣщики могутъ пользоваться услугами сосѣднихъ крестьянъ, часто связанныхъ съ ними множествомъ разнообразныхъ хозяйственныхъ узъ и нерѣдко получающихъ вознагражденіе не деньгами, а землею или частью посѣвовъ, вообще натурой. Отношенія эти по характеру своему до того многообразны и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ такъ сильно варьируются, что подвести ихъ подъ одно общее начало совершенно невозможно, и регулируются они прежде всего обычаемъ. Вопіющія злоупотребленія сильнѣйшей стороны,—а такою, конечно, наниматели являются чаще нанимаемыхъ,—встрѣчаются и здѣсь, въ особенности когда формою найма маскируются ссуды на жестокихъ ростовщическихъ условіяхъ. Но все-таки той обнаженной борьбѣ, которая

---

*) Ibidem, стр. 76.
**) Ibidem, стр. 77.

возможна между договаривающимися сторонами, когда другъ противъ друга стоятъ онѣ открытымъ вооруженнымъ лагеремъ и въ поведенiи своемъ, кромѣ внушенiй эгоистическаго чувства, не подчиняются никакимъ соображенiямъ иного порядка, мѣста здѣсь нѣтъ.

Въ Россiи подобныя отношенiя успѣли выработаться только въ юго-восточной и южной полосѣ черноземнаго пространства. Капиталистическiя условiя производства, развившiяся здѣсь со всѣми присущими имъ особенностями, привели къ такому обостренiю рабочаго вопроса, что законодательное упорядоченiе его стало казаться безусловной необходимостью. Взаимныя неудовольствiя и жалобы чаще всего возникаютъ здѣсь на почвѣ отношенiй между хозяевами и пришлыми рабочими. Положенiе и роль послѣднихъ въ южнорусскомъ хозяйствѣ представляетъ не мало отличительныхъ особенностей. Прежде всего, отхожане—это лишнiе люди, которымъ дома не къ чему приложить свои руки. На опредѣленное время, обыкновенно на лѣтнюю страду, они совершенно удаляются отъ собственнаго хозяйства и часто наугадъ, въ невѣдомое пространство, пускаются на поиски какой-нибудь работы. Если удастся наняться—что является, какъ извѣстно, удѣломъ не всѣхъ, — исполненiе договора будетъ происходить, очевидно, при условiяхъ далеко не нормальныхъ: чуждые природа и климатъ, невѣроятное напряженiе силъ, а главное—чуждые люди, видящiе въ рабочемъ человѣкѣ одно лишь орудiе для извлеченiя выгодъ,—такова непривычная обстановка, въ которую обыкновенно попадаетъ издалека пришедшiй аспирантъ на работу. А такихъ аспирантовъ изъ центральной Россiи, гдѣ уже сформировалось «избыточное населенiе», ежегодно направляется громадный потокъ, прекращенiе котораго хотя бы на одно лѣто повело бы къ банкротству всего черноземнаго юго-востока и юга, всѣхъ ихъ хозяйствъ. «Гонимый крайнею нуждой, принадлежащiй къ бѣднѣйшей части населенiя, сельскохозяйственный отхожiй рабочiй, въ поискахъ за необходимыми ему заработками, дѣлаетъ такимъ образомъ безсознательно государственное дѣло огромнѣйшей важности, ибо только благодаря своему труду на чужой сторонѣ даетъ возможность нашему югу быть житницей Россiи» *). Но вотъ, оказывается, движенiе, столь близко затрогивающее важнѣйшiе интересы государства и общества, происходитъ вполнѣ хаотически, совершенно стихiйно и до сихъ поръ остается внѣ всякаго воздѣйствiя широко поставленныхъ и критически провѣренныхъ мѣръ. Жизненная практика выработала только, такъ называемые, «рынки найма», расположенные по пути движенiя рабочихъ. Основанiемъ этого движенiя служатъ обыкновенно размѣръ прошлогодняго заработка, укоренившаяся увѣренность въ томъ, что неурожайные годы должны чередоваться годами обильныхъ урожаевъ, всякiе слухи и особенно печатныя извѣстiя, сулящiя баснословные заработки. Нѣтъ никакихъ организованныхъ агентствъ, ни справочныхъ учрежденiй, ни даже пристанищъ для рабочихъ, добравшихся до

*) *Отхожiе сельскохозяйственные промыслы*, стр. 4 и 5.

рынковъ. До послѣднихъ годовъ, когда рабочимъ вопросомъ съ рѣдкимъ усердіемъ и такъ самоотверженно занялась санитарная организація херсонскаго губернскаго земства, всѣ эти рынки оставались въ совершенно первобытномъ состояніи и лишены были всякихъ хоть сколько-нибудь соотвѣтствующихъ дѣлу приспособленій. Но и теперь рабочимъ во многихъ мѣстахъ приходится располагаться подъ открытымъ небомъ, на грязныхъ площадяхъ и валяться на базарахъ между лавками. Рѣдко гдѣ найдутся навѣсы для защиты рабочихъ, ожидающихъ найма, отъ жары, непогоды и холода, дающаго себя чувствовать особенно осенью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ частныя лица устраиваютъ навѣсы и за ночлегъ подъ этимъ прикрытіемъ въ грязи, прямо на землѣ, рядомъ съ домашними животными, берутъ съ человѣка по 2—3 копейки *). Такой индифферентизмъ управленій городовъ и мѣстечекъ, гдѣ значительными массами скопляются отхожіе рабочіе, къ судьбѣ этихъ людей поразителенъ. Мы не станемъ говорить уже о томъ, что люди, издалека, за цѣлыя сотни верстъ, несущіе трудъ свой въ распоряженіе хозяевъ, заслуживаютъ же нѣкотораго вниманія къ себѣ. Но устройство навѣсовъ, закрытыхъ стоянокъ, подобно, напримѣръ, существующимъ во Франціи grèves, имѣющимся не только въ провинціяхъ, но и въ самомъ Парижѣ, гдѣ въ 1892 году муниципалитетомъ построены цѣлыя двадцать стоянокъ въ разныхъ частяхъ столицы **), не нуждается въ значительныхъ затратахъ и, являясь требованіемъ общественной справедливости, въ то же время послужило бы къ выгодѣ самихъ городовъ и мѣстечекъ. Мѣра эта, имѣющая за себя и соображенія гуманности, привлекла бы въ благоустроенные пункты большее количество рабочихъ и лицъ, въ нихъ нуждающихся, и повела бы неизбѣжно къ оживленію и поднятію значенія временныхъ биржъ.

И вотъ, на нашихъ примитивныхъ рынкахъ найма рабочихъ собирается то слишкомъ много, то слишкомъ мало. При вѣчномъ колебаніи цѣнъ то въ ту, то въ другую сторону, положеніе хозяевъ и рабочихъ бываетъ довольно печально. Но скитаніе пришлыхъ рабочихъ въ погонѣ за заработкомъ обращается въ «истинную лѣтопись нужды и разнообразныхъ лишеній», какъ выражается г. П. Червинскій ***), въ неурожайные годы. «Истративши на дорогу и на странствія по рынкамъ и экономіямъ всѣ свои скудныя средства, иногда «прохарчивъ» даже часть своей одежды, голодные рабочіе толпами скопляются въ населенныхъ центрахъ, на большихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, представляя изъ себя горючій матеріалъ, способный воспламениться для всякаго насилія и вос-

---

*) *Н. И. Тезяковъ*: „Сельскохозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи“. Херсонъ, 1896 г., глава VI.

**) См. книгу: „Le placement des employés, ouvriers et domestiques en France. Son histoire-son état actuel“. Paris, 1893. Объ этой книгѣ говоритъ С. М. Блекловъ въ статьѣ: „Новое изслѣдованіе о бытѣ рабочихъ во Франціи“ (*Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній*, т. II).

***) См. его статью *Экономическія скитанія* въ *Отеч. Запискахъ* 1877 г., №№ 2 и 8.

пламенявшійся уже неоднократно до необходимости прекращенія буйства военною силой» *). Нельзя назвать нормальными и тѣ условія, съ которыми встрѣчаемся въ урожайные годы. Если рабочіе явились въ недостаточномъ числѣ, цѣны на нихъ во время уборки доходятъ до пяти рублей въ сутки. «Такое ни съ чѣмъ не сообразное повышеніе заработной платы вноситъ почти смуту въ населеніе на югѣ Россіи: пастухи, конюхи, кухарки и разные другіе дворовые рабочіе бросаютъ свои занятія и бѣгутъ изъ хозяйствъ владѣльческихъ» **).

Мало утѣшительнымъ представляется также положеніе трактуемаго вопроса въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ. До 12 іюня 1886 года наемъ на сельско-хозяйственныя работы нормировался общими узаконеніями, далеко не удовлетворяющими требованіямъ не только доктрины, но и практики современной и страдающими, между прочимъ, такимъ капитальнымъ дефектомъ, какъ отсутствіе ясныхъ указаній по поводу формы договора,—по поводу того, допускается ли форма словесная ***). Во всякомъ случаѣ судебную защиту законъ нашъ обѣщаетъ договору о наймѣ, преимущественно заключенному въ письменной формѣ ****). Это, очевидно, составляетъ прямое противорѣчіе твердо-установившемуся обычаю, по которому личный наемъ во всѣхъ слояхъ общества чаще всего совершается словесно. И обычай въ данномъ случаѣ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ культурнымъ условіямъ нашего быта, гдѣ требованіе облеченія въ письменную форму столь часто встрѣчающихся въ ежедневномъ обиходѣ отношеній, какъ отношенія по личному найму,—еслибъ оно строго соблюдалось судами,—порождало бы на каждомъ шагу множество всякихъ недоразумѣній и пагубно повліяло бы на весь правооборотъ. Вообще, при безграмотности подавляющаго большинства населенія, при отсутствіи у него знаній вообще и юридическихъ въ частности, формализмъ всего менѣе можетъ являться «двойникомъ-братомъ свободы»,—какъ выражается Іерингъ. «Юридическимъ несмышленышамъ»,—а рѣдкій изъ тяжущихся не является у насъ таковымъ,—законъ долженъ облегчить всѣми способами возможность доказывать на судѣ свою правду. Но въ странѣ мало культурной строгій формализмъ,—включая сюда и безусловное требованіе письменности,—долженъ на каждомъ шагу приводить къ такимъ положеніямъ, гдѣ summum jus обращается въ summa injuria.

Временныя правила 1886 г. мало улучшили дѣло: придавъ договору о наймѣ на сельскія работы исключительный характеръ, квалифицировавъ этотъ видъ личнаго найма, они только исказили институтъ этотъ, привнесши въ него много элементовъ полицейскихъ и уголовныхъ, по самой при-

---

*) *Сельско-хозяйств. отхожіе промыслы. Труды коммиссіи тайнаго совѣтника Звегинцева*, стр. 7.

**) Ibidem, стр. 8.

***) *Мейеръ*: „Гражданское право“, изд. 4-е, стр. 511; *Шершеневичъ*: „Учебникъ гражданскаго права“, 1894 г., § 48.

****) Ст. 2224—2226, т. X, ч. 1.

родѣ своей чуждыхъ гражданскому законодательству. Въ результатѣ, вмѣсто ожидавшагося упорядоченія, получилось еще бо̀льшее ухудшеніе взаимныхъ отношеній хозяевъ и сельскихъ рабочихъ, насколько, впрочемъ, отношенія эти могутъ подчиниться вліянію закона, реформирующіе элементы котораго такъ мало соотвѣтствуютъ потребностямъ жизни.

И дѣйствительно, не прошло и трехъ лѣтъ со времени изданія закона 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы, какъ вопросъ этотъ силою вещей снова поставленъ былъ на очередь. Но изъ положенія служебной переписки между различными вѣдомствами перешелъ онъ въ болѣе благопріятную фазу только въ 1894 году, когда при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образована была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Звегинцева для разсмотрѣнія вопроса объ упорядоченіи отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ *). Результатомъ дѣятельности коммиссіи этой явился проектъ закона о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, который, судя по тому, какъ онъ переданъ въ *Торгово-Промышленной Газетѣ* **), заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки нынѣ дѣйствующихъ правилъ, только въ усиленной степени. Игнорированіе обычнаго права, неудачное смѣшеніе цивильныхъ началъ съ уголовными и полицейскими, несоблюденіе принципа равноправности сторонъ, предпочтительная заботливость объ интересахъ нанимателей передъ интересами нанимаемыхъ,—эти типическія особенности звегинцевскій проектъ раздѣляетъ съ тѣми узко-сословными домогательствами начала 80-хъ годовъ, подъ вліяніемъ которыхъ и изданъ былъ законъ 12 іюня 1886 г., не оправдавшій однако возлагавшіяся на него надежды. Но не только libelli habent sua fata, и надъ коммиссіями тяготѣетъ свой фатумъ. Дальнѣйшее движеніе звегинцевскаго проекта, ожидавшаго повидимому, только законодательной санкціи, было внезапно пріостановлено: предварительно внесенія проекта въ высшія учрежденія, рѣшено было подвергнуть важнѣйшія положенія его обсужденію въ губерніяхъ, на мѣстахъ. Для этой цѣли, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ и юстиціи, въ концѣ мая настоящаго года въ губерніяхъ были образованы особыя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ губернатора и при непремѣнномъ участіи губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ лицъ: вице-губернатора, управляющихъ казенной палатой и государственными имуществами, предсѣдателя и прокурора окружнаго суда, непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія и предсѣдателя губернской земской управы, а также тѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и другихъ лицъ, участіе которыхъ признается полезнымъ губернаторомъ и предводителемъ дворянства. Задача особаго совѣщанія заключается въ обсужденіи вопросовъ, изложенныхъ въ

---

*) *Отхожіе сельско-хозяйств. промыслы. Труды коммиссіи тайнаго совѣтника Звегинцева*, стр. 14.

**) *Торгово-Промышленная Газета* 1897 г., № 104.

готовой программѣ. Отвѣты, обоснованные данными, заимствованными изъ опыта примѣненія на практикѣ Положенія 12 іюня 1886 года и разработанными съ надлежащей полнотой, губернаторы обязаны представить въ министерство внутреннихъ дѣлъ *не позже 15 октября 1897 года.* Плодотворность результатовъ задуманныхъ мѣстныхъ изслѣдованій представляется довольно проблематичной. Во-первыхъ, по существу роль особыхъ совѣщаній весьма ограничена, такъ какъ отвѣты ихъ, повидимому, предназначаются только для выясненія деталей, для дополненія проекта, главныя основанія котораго окончательно уже выработаны. Во-вторыхъ, указанія опыта, вообще, давно уже говорятъ противъ смѣшанныхъ совѣщаній съ подобнымъ составомъ. Представители различныхъ вѣдомствъ, обремененные собственной службой, участвующіе и безъ того въ многочисленныхъ постоянныхъ присутствіяхъ, относятся къ дѣлу обыкновенно совершенно формально; de facto возложенная на нихъ задача исполняется кѣмъ-либо однимъ, всего ближе къ ней стоящимъ, и лишь въ экстренныхъ случаяхъ за работу поневолѣ принимаются всѣ; кромѣ того, у большинства обыкновенно не хватаетъ ни времени, ни знанія. Этимъ объясняется, почему министерство финансовъ нашло необходимымъ циркулярно предложить управляющимъ казенными палатами принять дѣятельное участіе въ особыхъ совѣщаніяхъ для выясненія тѣхъ дополненій и измѣненій, какія требуютъ дѣйствующія правила о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ *). Обычная практика мѣстныхъ коммиссій дѣлаетъ въ экстренныхъ случаяхъ подобныя нарочитыя напоминанія положительно необходимыми. Возможно, что отдѣльныя совѣщанія серьезно исполнятъ свою задачу и дадутъ по предложеннымъ имъ вопросамъ подробныя и хорошо обоснованныя заключенія. Въ Нижегородской, напримѣръ, губерніи, кромѣ особаго совѣщанія, образованы совѣщанія по уѣздамъ, очевидно, для возможно-полнаго и обстоятельнаго изученія вопроса **). Но въ большинствѣ случаевъ, надо полагать, дѣятельность особыхъ совѣщаній пойдетъ по установившемуся шаблону. Послѣднее предположеніе возникаетъ невольно при ознакомленіи съ приведенной организаціей мѣстныхъ изслѣдованій и съ программой подлежащихъ выясненію вопросовъ,—не отличающейся ни широтой, ни всесторонностью, а равно и съ тою спѣшностью, съ которой эти изслѣдованія должны быть произведены. Между тѣмъ, очевидно, что подобное выясненіе столь важнаго и сложнаго вопроса, какъ упорядоченіе положенія наемнаго труда въ сельско-хозяйственномъ быту, возможно лишь путемъ тщательнаго научно-веденнаго изслѣдованія, которое пролило бы свѣтъ на всѣ хозяйственныя и бытовыя особенности, сообщающія у насъ этому вопросу его исключительный характеръ и дѣлающія его предметомъ особаго вниманія и заботъ высшаго правительства. Несомнѣннымъ представляется и то, что сама коммиссія тайнаго совѣтника Звегинцева выполнила бы задачу свою гораздо успѣш-

*) *Русскія Вѣдомости* 1897 г., № 154.

**) Ibidem, 1897 г., № 154.

нѣе, еслибъ съ самаго начала обратилась къ подробному и всестороннему изслѣдованію вопроса въ провинціи при участіи дѣйствительно компетентныхъ учрежденій и лицъ.

Вопросъ о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ—вопросъ областной по преимуществу; поставленный на общегосударственную точку зрѣнія, онъ тѣмъ не менѣе «долженъ обнять всю массу тѣхъ особенностей, какими богата провинціальная жизнь въ разныхъ концахъ и закоулкахъ Россіи». Дѣйствительность настолько сложна и многостороння, что «съ трудомъ вѣрится въ самую возможность выработки такого полнаго и разносторонняго закона, который всецѣло охватывалъ бы, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія особенности нашей областной жизни». Вообще, «вопросъ объ урегулированіи отношеній между хозяевами и рабочими настолько важенъ, что положительно требуетъ отъ людей науки и представителей печати самаго глубокаго и всесторонняго изученія. Особенно желательны въ этомъ отношеніи голоса изъ провинціи, мнѣнія и знанія людей опытныхъ, стоящихъ близко къ самой жизни и знающихъ ее» *).

Здѣсь кстати указать на одну довольно существенную, при нашихъ бюрократическихъ порядкахъ, черту въ самой постановкѣ вопроса объ упорядоченіи найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ—на постоянное игнорированіе необходимости отдѣлить цивильные элементы вопроса отъ элементовъ соціально-политическихъ. Всѣ, по крайней мѣрѣ, правительственныя попытки къ его разрѣшенію постоянно стремились къ выработкѣ такого закона, который охватилъ бы всѣ стороны вопроса, не исключая и частно-правовой. Но это у насъ общее явленіе, что цивильные вопросы попадаютъ въ исключительное вѣдѣніе спеціальныхъ министерствъ, самое призваніе которыхъ предрасполагаетъ ихъ къ узкому взгляду на дѣло. Такъ, вексельный уставъ разрабатывается министерствомъ финансовъ; законъ о наймѣ на сельскія работы попеременно переходитъ изъ рукъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Если послѣднія министерства болѣе призваны къ разрѣшенію государственно-экономической и полицейской стороны подобнаго вопроса, то этого, конечно, нельзя утверждать относительно компетентности ихъ къ разрѣшенію его, какъ вопроса гражданскаго права.

Симптоматическое значеніе для будущихъ судебъ вопроса о наймѣ на сельскія работы въ высшихъ законодательныхъ сферахъ можно приписать и той репрессіи противъ нарушеній договоровъ о наймѣ, которую находимъ въ проектѣ уголовнаго уложенія, обнародованномъ министерствомъ юстиціи въ концѣ 1895 года **). Вліяніе на кодификаторовъ настроеній и вѣяній, господствующихъ въ дворянско-землевладѣльческихъ группахъ, явно замѣтно въ статьяхъ, посвященныхъ рабочему вопросу.

---

*) *Ф. Щербина*: „Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе?“ *Сѣверн. Вѣстн.* 1886 г., № 5, стр. 67.

**) См. *Журналъ Министерства Юстиціи* 1895 г., № 9, приложеніе.

Во всѣхъ своихъ формахъ и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ личный наемъ въ настоящее время является отношеніемъ частнымъ, цѣликомъ принадлежащимъ къ области гражданскаго права. Сообразно съ тѣмъ и возстановленіе правъ контрагентовъ по договору найма, въ случаѣ ихъ нарушенія, возможно только при помощи тѣхъ юридическихъ средствъ, тѣхъ remedia juris, которыя имѣются въ распоряженіи гражданскаго суда, гдѣ всякое требованіе, являясь искомъ о вознагражденіи, въ концѣ-концовъ переводится на деньги, согласно юридическому принципу—omnis actio pecuniaria esse debet. Отступленіе отъ этихъ началъ можетъ быть допущено единственно по соображеніямъ, подсказываемымъ «благомъ государства». Но въ этомъ случаѣ публичная власть подъ особую охрану свою принимаетъ не эгоистическія выгоды той или другой стороны, а лишь такіе интересы, съ которыми связано благосостояніе всего общества. Во всякомъ случаѣ вмѣшательство государства, этого органа высшей справедливости, въ область гражданскаго права не должно быть направлено односторонне.

Подходя съ этими азбучными истинами къ проекту уголовнаго уложенія, поражаешься слѣдующей несообразностью постановленій, имѣющихъ цѣлью обезпечить исполненіе договоровъ о наймѣ на сельскія работы. Наниматель подвергается уголовной отвѣтственности единственно за расплату съ рабочими, взамѣнъ денегъ, товаромъ или купонами *); въ то же время нанимаемому уголовная отвѣтственность грозитъ чуть ли не на каждомъ шагу: за неявку на работу **) и за уходъ съ нея ***), за неисполненіе работы къ условленному сроку ****), за грубость *****) и пр. Между тѣмъ, дѣйствующимъ закономъ добросовѣстное исполненіе хозяевами самыхъ существенныхъ обязанностей ихъ по отношенію къ рабочимъ почти вовсе не гарантировано. Дурная или недостаточная пища, даваемая рабочимъ, вредныя для нихъ помѣщенія или даже полное отсутствіе таковыхъ, употребленіе сельско-хозяйственныхъ машинъ безъ всякихъ предохранительныхъ приспособленій, дѣлающее сельско-хозяйственныя работы не менѣе опасными для здоровья и жизни трудящихся, чѣмъ работы фабрично-заводскія, отягощеніе рабочихъ непомѣрнымъ по своей продолжительности и напряженности трудомъ: всѣ эти явленія сдѣлались чѣмъ-то обычнымъ. Ростовщическія сдѣлки, замаскированныя въ форму найма съ выдачей осенью задатковъ въ счетъ будущихъ лѣтнихъ работъ, представляются вполнѣ естественными и нормальными; но уходъ срокового рабочаго, подъ вліяніемъ крайней необходимости прельстившагося задаткомъ и взявшаго на себя обязательства, рѣшительно невыполнимыя или такія, исполненіе которыхъ стóитъ на 300—500 процентовъ дороже условленнаго, вызываетъ цѣлые хоры жалобъ и воззваній о необходимости, для спасенія

*) Проектъ уголовнаго уложенія, ст. 283.
**) Ibid., ст. 285, п. 2.
***) Ibid,, ст. 285, п. 2.
****) Ibid., ст. 285, п. 3
*****) Ibid., ст. 286.

сельско-хозяйственной производительности страны и чуть ли не всей ея будущности, принять суровыя мѣры обузданія и принужденія *).

Необходимость въ водвореніи болѣе сноснаго modus vivendi между землевладѣльцами и рабочими, въ сообщеніи ихъ взаимнымъ отношеніямъ болѣе разумнаго и прочнаго характера, съ особенной рѣзкостью почувствовалась впервые въ южномъ и юго-восточномъ районѣ черноземной Россіи, гдѣ параллельно громадному развитію сельскаго хозяйства шло усиленіе значенія пришлыхъ рабочихъ. Здѣсь же во всей своей силѣ проявились сословныя воспоминанія дореформенныхъ порядковъ, постепенно сближавшіяся съ тенденціями нарождающагося сельско-хозяйственнаго капитализма. Какъ типичный образчикъ подобнаго отношенія землевладѣльцевъ къ наемнымъ рабочимъ, возьмемъ Бессарабскую область.

Въ Бессарабіи,—этой богатѣйшей провинціи, отличающейся необычайнымъ плодородіемъ почвы,—кромѣ хлѣбопашества, распространены садоводство и винодѣліе. Но рѣдкія природныя богатства нисколько не мѣшаютъ крестьянскому населенію края находиться въ бѣдности и вѣчной нуждѣ. Важнѣйшею причиной этого явленія служитъ практикующаяся здѣсь издавна система обработки помѣщичьихъ латифундій *посредствомъ найма* окрестныхъ поселянъ *при помощи задатковъ*, выдаваемыхъ зимой и весной съ условіемъ отработать ихъ лѣтомъ, или даже черезъ годъ, а то и черезъ два года **). Система эта, со всѣми своими неприглядными сторонами, настолько укоренилась, что крестьянскіе долги мѣстнымъ лэндъ-лордамъ переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, обращая царанъ въ экономическихъ рабовъ ***). Этотъ порядокъ вещей отразился не только на дѣятельности земства, являющагося здѣсь усерднымъ проводникомъ интересовъ землевладѣльческихъ классовъ, но въ значительной степени и на дѣятельности мѣстной администраціи и особенно тѣхъ ея органовъ, которые являются выборными отъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій. Само земство здѣсь какъ бы состоитъ въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ дворянству и этимъ характеръ дѣйствій того и другого по «рабочему вопросу» опредѣленъ уже заранѣе. Вотъ любопытная характеристика дѣятельности непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій въ Бессарабской области во время, предшествовавшее изданію правилъ о наймѣ на сельскія работы 1886 г. и введенію земскихъ начальниковъ. «Пользуясь свою властью надъ крестьянами, они ревностно наблюдаютъ, чтобы тѣ ни подъ какимъ видомъ не смѣли уклоняться отъ исполненія заключенныхъ съ землевладѣльцами условій о наймѣ съ выдачею задатковъ осенью и зимою» ****).

---

*) См. *Н. А. Соколовскій*: „Уголовное уложеніе". *Русское Богатство*, № 5-й, 1896 г., стр. 120—121.

**) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду*. Изданіе хотинскаго земства 1886 г., стр. 341—363.

***) *С. А. Приклонскій*: „Очерки самоуправленія земскаго, городского и сельскаго", стр. 86, 87 и слѣдующія.

****) *С. А. Приклонскій*, ibid., стр. 91.

Такъ, непремѣнный членъ кишиневскаго уѣзднаго поселеннаго присутствія, по жалобѣ землевладѣльца о нарушеніи крестьянами договора о наймѣ на сельскія работы, даетъ предписаніе волостному старшинѣ отправиться въ экономію жалобщика для понужденія поселянъ къ исполненію условленныхъ работъ подъ личнымъ его, старшины, наблюденіемъ, «такъ какъ таковое нарушеніе я отношу къ явному обману и вымогательству» *). И эту систему закабаленія крестьянъ при помощи зимнихъ и весеннихъ задатковъ подъ лѣтніе (въ томъ же или въ слѣдующемъ году или черезъ два года) заработки бессарабскіе лэндъ-лорды стремились упрочить не только авторитетомъ земства, съ первыхъ уже дней ставшаго въ рукахъ ихъ покорнымъ орудіемъ, но и законодательнымъ признаніемъ правомѣрности ея и охраной помѣщичьихъ прерогативъ по найму земледѣльческихъ рабочихъ уголовною репрессіей. Надо, впрочемъ, замѣтить, что при указанныхъ условіяхъ бессарабскаго аграрнаго быта, рабочій вопросъ въ этой области первоначально отлично регулировался домашними, если можно такъ выразиться, средствами—«экономической политикой» помѣщиковъ и мѣрами воздѣйствія мѣстной администраціи. При такихъ условіяхъ широкаго законодательнаго регулированія на первыхъ порахъ и не требовалось; необходимость въ немъ стала сознаваться тогда лишь, когда въ мѣстномъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ значительную роль сталъ играть пришлый рабочій элементъ, когда ужъ успѣли появиться рабочіе рынки, какъ напримѣръ, въ Аккерманѣ, куда рабочіе въ страдную пору стекаются цѣлыми тысячами наниматься на жатву и на косовицу **).

Оффиціальная иниціатива въ возбужденіи сельско-хозяйственнаго рабочаго вопроса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ принадлежитъ, какъ извѣстно, обществу сельскаго хозяйства южной Россіи, которое въ 1884 году представило такъ много надѣлавшее въ свое время шума ходатайство объ установленіи уголовной отвѣтственности за неисполненіе рабочими договоровъ о наймѣ на лѣтнія работы, обезпеченныхъ задатками.

Съ большей опредѣленностью и ясностью формулировало desiderata свои по рабочему вопросу помѣстное дворянство Саратовской губерніи въ извѣстномъ проектѣ своего предводителя П. А. Кривскаго, въ существенныхъ основаніяхъ своихъ сводящемся къ слѣдующимъ положеніямъ ***).

Договоръ найма на сельскія работы совершается не иначе, какъ по договорной книжкѣ; за нарушеніе этого правила обѣ стороны подвергаются денежному взысканію, установленному статьей 61-й Мирового Устава (ст. 4, 5 и 6 проекта). Договорная книжка выдается на срокъ не свыше одного года (ст. 9-я проекта). Словесные договоры принимаются къ разбирательству только тогда, когда сущность ихъ записана въ договорную книжку

*) *С. А. Приклонскій*, ibid., стр. 12.

**) *Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы.* Труды коммиссіи тайн. сов. Звегинцева, стр. 58.

***) *Моск. Вѣд.*, № 281, 1885 г.

(ст. 17 проекта). За пропускомъ трехдневнаго срока для предъявленія рабочимъ спора противъ фактовъ, занесенныхъ въ договорную книжку, послѣдніе считаются судомъ неопровержимыми (ст. 21 и 22 проекта). Договоръ о наймѣ, осуществленный въ ущербъ третьему лицу, дѣлаетъ какъ нанимателя, такъ и нанимаемаго солидарно отвѣтственными въ причиненныхъ убыткахъ (ст. 25 проекта). Нанимаемые обязаны уважать и повиноваться хозяину и его семьѣ, а равно и его довѣреннымъ, «какъ начальникамъ», исполняя всѣ ихъ законныя приказанія (ст. 41 проекта). За неисполненіе распоряженій хозяина относительно мѣста ночлега, варенія пищи, куренія табаку, мѣстъ водопоя и пастьбы скота рабочій подвергается взысканію по ст. 29 Мир. Устава (ст. 42 и 82 проекта). *Хозяину предоставляется права свои на трудъ рабочаго передавать третьимъ лицамъ по письменному приказу и посылать рабочихъ вмѣстѣ съ орудіями въ чужія угодья*, «отстоящія однако не дальше, чѣмъ на двадцать верстъ» (ст. 43 и 44 проекта). За самовольную отлучку, лѣность, пьянство и под. хозяинъ имѣетъ право на взысканіе съ виновнаго рабочаго, въ видѣ штрафа, двойной платы за всѣ дни отсутствія съ работъ по цѣнамъ, существующимъ въ данный моментъ (ст. 47 проекта). *Состоявшееся рѣшеніе о присужденіи денегъ въ пользу нанимателя, по требованію его, заносится въ договорную книжку*; *въ такомъ случаѣ взыскатель имѣетъ право требовать отъ послѣдующаго нанимателя уволеннаго рабочаго удержанія присужденныхъ съ него денегъ* (ст. 48—51 проекта). Лицо, принявшее къ себѣ рабочаго, занятаго договоромъ у другого нанимателя, отвѣчаетъ передъ послѣднимъ за причиненные убытки наравнѣ съ рабочимъ (ст. 53 проекта). Хозяинъ обязанъ прилично обращаться съ рабочими, уплачивать имъ слѣдуемыя деньги, давать продовольствіе и помѣщеніе (ст. 58 проекта); «если о продовольствіи не было договорено, то дается обыкновенная пища крестьянъ данной мѣстности» (прим. къ 58 ст. проекта). Если хозяинъ, по истеченіи срока, не удовлетворяетъ рабочаго всей причитающейся ему платой, то въ случаѣ признанія иска рабочаго правильнымъ, ему присуждается пеня въ размѣрѣ $^1/_2$ коп. въ сутки за рубль по день уплаты (ст. 71 проекта). Хозяинъ за удержаніе договорной книжки отвѣчаетъ предъ рабочимъ или штрафомъ въ размѣрѣ двойной поденной платы, или возмѣщеніемъ понесенныхъ убытковъ (ст. 72 проекта). Принятіе рабочаго безъ договорной книжки, помимо отвѣтственности по ст. 6-й (т.-е. штрафа, установленнаго ст. 61-й Мир. Устава), подвергаетъ хозяина отвѣтственности передъ предшествующимъ нанимателемъ въ полномъ размѣрѣ штрафа, установленнаго за прогулъ рабочаго, или же въ размѣрѣ причиненныхъ убытковъ (ст. 73 проекта). Лицо, сманившее или уведшее рабочаго съ чужой работы, сверхъ отвѣтственности, установляемой предыдущею статьей, обязано уплатить потерпѣвшему штрафъ въ двойномъ размѣрѣ противъ опредѣленнаго въ ст. 47-й, т.-е. четверную плату за всѣ дни отсутствія рабочаго (ст. 74 проекта). Стачка рабочихъ карается по ст. 1358 Уложенія о наказаніяхъ, т.-е. зачинщики—арестомъ отъ трехъ

недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе участники отъ семи дней до трехъ недѣль (ст. 89 проекта). Но «подговорщики» къ стачкѣ подвергаются тюремному заключенію отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ (ст. 90 проекта).

Въ объяснительной запискѣ къ своему проекту *) авторъ мотивируетъ важнѣйшія начала, положенныя имъ въ его основанія. Потребность въ установленіи исключительныхъ правилъ о наймѣ на сельскія работы появилась одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, когда помѣщики очутились передъ необходимостью прибѣгать къ вольнонаемному труду для веденія хозяйства.

1 апрѣля 1863 года изданы временныя правила. Еслибъ они исполнялись, то съ теченіемъ времени практика жизни, естественно, настолько бы ихъ измѣнила и дополнила, что, наконецъ, эти правила стали бы отвѣчать главной своей цѣли. Но временныя правила 1863 года не получили примѣненія на практикѣ. Причина та, что они не имѣли обязательнаго характера, и та сторона, которая считала ихъ стѣснительными для себя и сама была обезпечена задатками, понятно, уклонялась отъ ихъ исполненія. Кромѣ того, во временныхъ правилахъ 1863 г. не было установлено отвѣтственности нанимателей за убытки, причиненные наймомъ рабочихъ, уже обязавшихся договоромъ съ другими нанимателями. Результатомъ отсутствія спеціальной регламентаціи и явилось невыносимое положеніе землевладѣльцевъ. Вѣрная раньше пословица «нанялся—продался» теперь говоритъ совершенную неправду; по крайней мѣрѣ, крестьяне договоровъ не исполняютъ, дѣлая невозможнымъ веденіе хозяйства. Такимъ образомъ, если судить по тому, что̀ сообщаетъ намъ авторъ проекта въ своей объяснительной запискѣ, выходитъ, что если до 1861 года крестьяне были крѣпостными помѣщиковъ, то послѣ 1861 года помѣщики подѣлались крѣпостными крестьянъ. Избавленіемъ отъ невыносимаго мужицкаго ига послужилъ бы единственно законъ о наймѣ на сельскія работы, которымъ крестьяне введены были-бъ въ подобающія границы. Для достиженія этой цѣли, кромѣ основныхъ мѣръ, предлагаемыхъ саратовскимъ дворянствомъ, какъ обязательность договорной книжки, являются необходимыми и *полицейскія правила*, которыя способствовали бы поднятію престижа хозяевъ. На послѣднихъ, членовъ ихъ семействъ и ихъ управляющихъ рабочіе должны смотрѣть какъ на «начальниковъ» и неукоснительно исполнять приказанія ихъ, даже относительно мѣста ночлега и варенія пищи, подъ страхомъ за ослушаніе подвергнуться наказанію по 29 ст. Мир. Устава. «Проектируемое поднятіе значенія хозяина въ глазахъ рабочихъ,—читаемъ въ объяснительной запискѣ П. А. Кривскаго **)—необходимо». Оно необходимо для предупрежденія множества столкновеній. Ибо «уваженіе къ старшимъ въ сельскомъ населеніи сильно расшатано. Не только все новое поколѣніе, но даже десятилѣтніе мальчики въ грошъ никого не ставятъ.

*) См. *Моск. Вѣдом.*, № 282. 1885 г.

**) *Моск. Вѣдом.*, № 282, 1885 г.

Случаи, что сыновья бьютъ своихъ отцовъ и даже внуки дѣдовъ, нерѣдки. Признаніе хозяйственной усадьбы публичнымъ мѣстомъ, въ смыслѣ отвѣтственности по законамъ благоустройства, необходимо, потому, что рабочіе позволяютъ себѣ невыносимо буянить и безчинствовать и унять ихъ безъ авторитета хозяина невозможно».

При такомъ страшномъ упадкѣ общественной и нравственной дисциплины, при такомъ отсутствіи въ крестьянской средѣ всякаго піетета въ отношеніяхъ между младшими и старшими, положеніе помѣщиковъ-дворянъ, вынужденныхъ волею судебъ пользоваться наемнымъ трудомъ столь развращенныхъ людей, по-истинѣ ужасно и можетъ быть поправлено единственно соотвѣтствующими мѣрами обузданіи. Проектъ и даетъ ихъ; но, оставаясь вѣренъ гуманному чувству, онъ рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ шокирующимъ мѣрамъ, какъ арестъ и тюрьма, а караетъ крестьянскіе пороки большею частью денежными штрафами,—бьетъ не дубьемъ, а рублемъ. Должно сознаться, если въ проектѣ и усматриваются черты крѣпостничества, то крѣпостничества раффинированнаго.

Не касаясь деталей, мы остановимся на важнѣйшихъ положеніяхъ саратовскаго проекта.

Обязательность договорной книжки, выдаваемой не дольше, чѣмъ на годъ, при нашей паспортной системѣ и при легкой возможности для нанимателя по произволу, нерѣдко даже невѣдомо для контрагента, человѣка темнаго, обратить ее въ компрометирующій «кондуитъ», явилась бы слишкомъ серьезнымъ стѣсненіемъ крестьянъ и значительнымъ умаленіемъ ихъ личности, и безъ того ужъ обставленной многочисленными ограниченіями не только соціальными, но также и юридическими. Легко себѣ представить, въ какой степени мѣра эта усилила бы зависимость крестьянъ, особенно отправляющихся въ отхожіе промыслы, отъ учрежденій, выдающихъ договорныя книжки: она почти парализовала бы возможность отлучекъ отъ дома, а слѣдовательно возможность и заработка на сторонѣ, имѣющаго, какъ извѣстно, первенствующее значеніе въ хозяйствѣ значительной части крестьянскаго населенія. И все это за неисправность по гражданской сдѣлкѣ,—за неисправность нерѣдко невольную, а иногда даже и мнимую. Соціальная позиція нанимателей представляется несомнѣнно болѣе удобной и благопріятной, но и они бы почувствовали себя значительно стѣсненными, еслибъ, во имя принципа равноправности сторонъ, обязательность договорной книжки установлена была также для хозяевъ. Обязательная договорная книжка проекта Звегинцевской коммиссіи, духовное сродство котораго съ проектомъ саратовскаго дворянства вполнѣ очевидно, имѣетъ хоть то преимущество, что она безсрочная. Въ этомъ отношеніи нынѣ дѣйствующія правила о наймѣ на сельскія работы, несмотря на породившія ихъ условія, стоятъ выше и проекта Звегинцевской коммиссіи. Такъ, по Положенію 12 іюня 1886 года, договоры о наймѣ могутъ быть заключаемы какъ словесно, такъ и письменно *), и только желающимъ воспользоваться

*) Положеніе о наймѣ на сельскія работы 12 іюня 1886 г., ст. 12.

особыми преимуществами по исполненію договоровъ предоставляется заключать ихъ по договорнымъ и разсчетнымъ листамъ *), которые бываютъ только безсрочные **).

На предоставленіе нанимателю права переуступать рабочихъ безъ ихъ согласія другимъ лицамъ въ чужія экономіи нельзя смотрѣть иначе, какъ на замаскированное возстановленіе важнѣйшей помѣщичьей прерогативы дореформеннаго періода; въ этомъ отношеніи проектъ саратовскаго дворянства не нашелъ подражанія ни въ нынѣ дѣйствующемъ положеніи о наймѣ на сельскія работы, ни въ проектѣ Звегинцевской коммиссіи. Впрочемъ, покупка рабочаго труда, какъ самаго обыкновеннаго товара, для дальнѣйшей перепродажи, практикуется у насъ уже давно безъ всякой законодательной санкціи, которой такъ добивалось саратовское дворянство. На сахарныхъ заводахъ Кіевскаго района вотъ уже десятки лѣтъ стойко держится неприглядный обычай торговли рабочими. Послѣдніе вывозятся изъ Бѣлоруссіи коммиссіонерами, платящими рабочему 8—10 рублей, а сами получающими отъ завода за каждаго человѣка 15—20 руб. въ мѣсяцъ. Высшая администрація края уже обратила вниманіе на эту *торговлю людьми,* замѣчаемую, притомъ, *не въ одной только области заводскаго труда* ***). Въ Бессарабіи рядчики систематически нанимаютъ пришлыхъ рабочихъ по контрактамъ на всякія земледѣльческія работы и перевозятъ ихъ съ мѣста на мѣсто, перепродавая рабочую силу помѣщикамъ втридорога ****). Авторитетъ закона, значитъ, только освятилъ бы этотъ порядокъ, сдѣлалъ бы его всеобщимъ, къ удовольствію предпріимчивыхъ людей, озабоченныхъ столько же преуспѣяніемъ отечественнаго земледѣлія, сколько и поднятіемъ въ народѣ такъ сильно упавшаго нравственнаго чувства. Возложеніе на нанимателя обязанности удерживать изъ платы рабочаго присужденныя съ него въ пользу предыдущаго нанимателя деньги нельзя считать мѣрой, особенно счастливо придуманной въ смыслѣ практической цѣлесообразности; но мѣрѣ этой, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать въ строгой согласованности съ кореннымъ началомъ проекта,— съ обязательностью рабочей книжки.

Далѣе, въ проектѣ обращаетъ на себя вниманіе крайне неравномѣрное охраненіе интересовъ сторонъ. Такъ, за неисполненіе договора о наймѣ назначаются денежные штрафы; но на рабочихъ они налагаются гораздо чаще, чѣмъ на нанимателей; къ послѣднимъ проектъ строгъ только тогда, когда они своими дѣйствіями нарушаютъ интересы другихъ нанимателей. Затѣмъ, строго караемая стачка опредѣляется въ проектѣ, какъ сговоръ между рабочими, направленный противъ нанимателей, и совершенно упускается изъ виду вполнѣ возможная стачка нанимателей, направленная противъ интересовъ рабочихъ; подобныя стачки въ дѣйствительности про-

*) Положеніе о наймѣ на сельскія работы, ст. 16.

**) Положеніе о наймѣ на сельскія работы, ст. 77.

***) *Недѣля* 1897 г., № 29, стр. 904.

****) *Сельскій Вѣстникъ* 1890 г., №№ 51 и 52.

исходятъ сплошь и рядомъ, особенно между кулаками и съемщиками имѣній, всего чаще выступающими въ роли нанимателей. Этотъ недостатокъ въ одинаковой мѣрѣ присущъ и проекту Звегинцевской коммиссіи, карающему руководителей стачки, состоявшейся на рынкѣ найма, тюремнымъ заключеніемъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ.

Но великую честь остроумію и политичности саратовскаго проекта дѣлаетъ тонко придуманное правило, предоставляющее нанимателямъ съ жалобой на маловажные проступки рабочихъ обращаться въ волостные суды. Этимъ способомъ открывается широкій просторъ розгамъ, этой ultima ratio крестьянской расправы, причемъ экзекуція, въ духѣ демократическаго вѣка, будетъ производиться надъ рабочими съ строгой закономѣрностью собственной выборной юстиціей... Положеніе 12 іюня 1886 года подобное правило ввести не рѣшилось и вѣдомству волостного суда подчинило одни лишь гражданскія дѣла, возникающія изъ отношеній по найму *).

Не касаясь дворянскихъ ходатайствъ и домогательствъ, во множествѣ случаевъ заявлявшихся и въ послѣдующее время, отмѣтимъ одну общую черту ихъ за истекшій 16-лѣтній періодъ. Всѣ они представляютъ нескончаемую варіацію одной и той же темы, въ основѣ сводящейся къ просьбѣ о двухъ вещахъ: о денежномъ воспособленіи—въ формѣ ли льготнаго кредита, меліораціонныхъ ссудъ, отсрочки платежей по залогу имѣній или уменьшеніи и чуть ли не прощеніи ипотечныхъ долговъ—во-первыхъ, и, параллельно съ этимъ, объ урегулированіи найма рабочихъ. Къ послѣднему пріурочиваются какъ многія мѣры по преобразованію органовъ мѣстнаго управленія земскаго и крестьянскаго, такъ и учрежденіе должностей съ широкою компетенціей и значительными дискреціонными полномочіями, замѣщаемыхъ лицами, вербуемыми изъ дворянско-землевладѣльческаго класса.

Законодательство однако должно совершенно отрѣшиться отъ всякихъ субъективныхъ воззрѣній, отъ навѣянныхъ извнѣ одностороннихъ тенденцій и стать на высоту истиннаго пониманія общественныхъ потребностей. Къ сожалѣнію, этому существенному условію не удовлетворяетъ и Положеніе 12 іюня 1886 года, явно обнаруживающее увлеченіе интересами одной лишь общественной группы къ ущербу другихъ.

На первомъ планѣ стоятъ здѣсь факультативно вводимые договорные листы. Они создаютъ привилегированный видъ найма, благопріятный преимущественно для нанимателей и несомнѣнно невыгодный для нанимаемыхъ, такъ какъ при наймѣ по договорному листу могутъ найти примѣненіе правила, воскрешающія на практикѣ самую дурную сторону крѣпостного права: въ случаѣ неявки на работу или самовольнаго ухода нанявшагося, хозяинъ дѣлаетъ заявленіе въ полицію; послѣдняя приступаетъ къ розыскамъ рабочаго и понуждаетъ вернуться къ нанимателю. Насильственное водвореніе закономъ не предписывается, и рабочій, не желающій исполнить требованіе полиціи о возвращеніи къ хозяину, только передается въ руки

---

*) Мн. госуд. совѣта 11 іюня 1886 г., ст. VI.

правосудія для наказанія арестомъ до одного мѣсяца. Но странная прелюдія къ водворенію очень часто обращается въ дѣйствительное водвореніе.

При наймѣ по договорному листу, сельскій рабочій, получившій отъ нѣсколькихъ хозяевъ задатки въ счетъ исполненія сдѣльныхъ работъ, выполнить которыя къ условленному времени онъ завѣдомо не можетъ, въ случаѣ неисполненія означенныхъ работъ, согласно заключеннымъ условіямъ, подвергается аресту на срокъ до одного мѣсяца *). Правило это, въ интересахъ равноправности сторонъ, слѣдовало бы уравновѣсить другимъ аналогичнымъ постановленіемъ, карающимъ въ уголовномъ порядкѣ хозяевъ, не выдающихъ рабочимъ всей заслуженной ими платы. Если мы обратимся къ обстоятельствамъ, вызывающимъ неаккуратность или даже «завѣдомую» недобросовѣстность въ исполненіи взятыхъ на себя по договору обязанностей, то можно думать, что у рабочихъ они не менѣе вѣски и извиняющи, чѣмъ у нанимателей. Между тѣмъ послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не подвергаются аресту за неплатежъ рабочимъ причитающихся имъ денегъ. Наниматель только обязывается закономъ за невыдачу рабочимъ платы въ условленное время приплачивать по полукопейкѣ съ рубля съ недоданной суммы за каждый день просрочки **).

При сопоставленіи проекта саратовскаго дворянства съ закономъ 12 іюня 1886 года сразу бросается въ глаза полное отсутствіе въ первомъ всякихъ правилъ о водвореніи рабочихъ, ушедшихъ самовольно съ работъ, и даже объ уголовной отвѣтственности за самовольный уходъ. Подобная мягкость произошла не отъ избытка великодушія; она объясняется проще. Краеугольнымъ камнемъ проекта является безусловная обязательность договорной книжки при отвѣтственности послѣдующаго нанимателя передъ предыдущимъ за принятіе къ себѣ связаннаго договоромъ рабочаго: рабочаго, ушедшаго до окончанія срока или условленной работы, никто не рѣшится принять изъ опасенія взысканія значительныхъ убытковъ; послѣдніе являются достаточною гарантіей для хозяевъ, дѣлающей полицейскія и уголовныя воздѣйствія противъ самовольнаго ухода рабочихъ совершенно излишними.

Какъ бы то ни было, по Положенію 12 іюня 1886 года, договорный листъ не обязателенъ, и, нанимаясь въ этой формѣ, рабочій юридически, по крайней мѣрѣ, подчиняется внушеніямъ лишь собственной воли. Это, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, является серьезнымъ преимуществомъ Положенія предъ проектомъ саратовскаго дворянства, провозглашающимъ безусловную обязательность договорной книжки, какъ основную мѣру по урегулированію рабочаго найма. Но этого, конечно, недостаточно для того, чтобы заставить забыть допускаемый Положеніемъ цѣлый рядъ отступленій отъ принципа равноправности сторонъ, какъ при наймѣ по договорному листу, такъ и при другихъ формахъ найма.

---

*) П. 7 ст. III мн. гос. сов. 11 іюня 1886 г.

**) Ст. 45 Полож. о наймѣ на сельскія работы.

При наймѣ по договорному листу обязательно дается обезпеченіе иска при самомъ его предъявленіи, но дается одному лишь нанимателю *); въ его же пользу установлено и то правило, по которому неврученіе повѣстки отвѣтчику не служитъ препятствіемъ къ разбору дѣла **). Освобожденіе истца-рабочаго отъ вторичной явки на судъ, въ случаѣ принесенія отвѣтчикомъ отзыва на заочное рѣшеніе ***), несомнѣнно является для рабочаго существеннымъ облегченіемъ, которому однако нельзя придавать особенно важное значеніе. Процессуальныя права для рабочихъ, фигурирующихъ въ роли истцовъ гораздо рѣже нанимателей, не представляютъ особенной важности вообще. Но означенное судебное преимущество теряетъ уже всякую цѣнность при рядомъ существующемъ постановленіи, *фактически* ограничивающемъ для рабочихъ право судебной защиты. Послѣднее, повидимому, такъ заботливо оберегается закономъ, не допускающимъ включенія въ договоры найма условій, клонящихся къ ограниченію договаривающихся въ правѣ судебной защиты ****). На неправильныя дѣйствія нанимателя,—гласитъ однако законъ,—рабочій можетъ жаловаться въ судъ, *но не долженъ уклоняться отъ исполненія обязанностей по заключенному условію*. Если жалоба рабочаго не будетъ признана уважительною, то употребленное имъ на веденіе судебнаго дѣла время, въ теченіе котораго онъ не исполнялъ условленныхъ работъ, признается прогуломъ *****). А за прогулъ нанимателю предоставляется подвергать рабочаго вычету изъ заработной платы въ размѣрѣ двойной поденной платы ******). Излишне распространяться о значеніи абсолютнаго приравненія безуспѣшнаго судебнаго ходатайства къ прогулу. Съ этимъ примириться можно было бы тогда лишь, когда время, употребленное рабочимъ на веденіе дѣла, признавалось бы прогуломъ исключительно судомъ при явной недобросовѣстности иска. Наконецъ, нарушеніе договора рабочимъ, самовольный уходъ его, сурово карается въ уголовномъ порядкѣ, именно арестомъ на срокъ до одного мѣсяца; между тѣмъ нарушеніе договора нанимателемъ, удаленіе рабочаго до срока, вовсе не составляетъ проступка *******).

Итакъ, мы видимъ, что если договорнымъ листомъ и созданы какія-нибудь удобства, то никакъ не для нанимающихся.

Проектъ звегинцевской коммиссіи идетъ дальше Положенія 1886 г. и съ полною рѣшительностью провозглашаетъ начало обязательности договорныхъ книжекъ, выдаваемыхъ безсрочно. Трудно утверждать, чтобы жизненная практика много говорила въ пользу цѣлесообразности этой мѣры. Можно, наоборотъ, привести много фактовъ, убѣждающихъ насъ въ

*) Мн. госуд. совѣта 11 іюня 1886 г., п. 4, ст. V.

**) Ibid., п. 3, ст. V.

***) Ibid., п. 6, ст. V.

****) Положеніе о наймѣ на сельск. раб., ст. 28.

*****) Ibid., ст. 56.

******) Ibid., ст. 50 и 51.

*******) Ibid., ст. 59.

совершенно противоположномъ. Въ Херсонской губерніи, куда рабочіе стекаются десятками и сотнями тысячъ, «письменныя условія» съ рабочими заключаются рѣдко *). Изъ многочисленныхъ экономій, изслѣдованныхъ мѣстными статистиками, только двѣ заключаютъ съ сроковыми и годовыми рабочими письменныя условія. «Въ большинствѣ же другихъ экономій письменныя условія дѣлаются лишь съ годовыми чернорабочими изъ мѣстныхъ или рабочими Херсонской губерніи вообще и, главнымъ образомъ, съ спеціалистами; съ сроковыми же пришлыми практикуется словесный договоръ, при которомъ договаривающіяся стороны вполнѣ ясно и опредѣленно формулируютъ каждая свои права и обязанности другъ къ другу **). Замѣчательно то, что «эти словесные договоры меньше другихъ даютъ пререканій и неудовольствій, и рабочіе охотнѣе исполняютъ ихъ». Вообще, и пришлые рабочіе неохотно нанимаются по письменнымъ условіямъ. Но и заключивъ договоръ, рабочіе всегда толкуютъ его по своему и въ свою пользу. Оно и понятно: наученные горькимъ опытомъ, какъ обходитъ ихъ свой же волостной доморощенный юристъ, а хозяинъ донимаетъ штрафами и неустойками,—при возможности избѣжать заключенія формальныхъ договоровъ, рабочіе изъ крестьянъ всегда ихъ избѣгаютъ. Приходилось наблюдать, что даже грамотные рабочіе отказывались за неграмотностью подписывать условія, смыслъ которыхъ все-таки теменъ для нихъ» ***). Иногда къ заключенію письменныхъ условій о наймѣ на работы крестьянъ побуждаетъ то обстоятельство, что при словесномъ договорѣ выдаются имъ меньшіе задатки ****). Затѣмъ «при наймѣ рабочихъ помѣсячно и поденно письменныхъ условій не дѣлается». Особенно поучительны условія найма чабановъ, гуртоправовъ и табунщиковъ: ихъ нанимаютъ на годъ или другой срокъ, но большею частью по словесному договору. «Въ этомъ случаѣ замѣчательно то, что владѣльцы вручаютъ въ ихъ руки цѣлыя огромныя состоянія: отары овецъ, гурты скота, табуны лошадей, не требуя отъ нихъ никакихъ формальныхъ обязательствъ, а вѣрятъ на слово; по большинству отзывовъ землевладѣльцевъ, эти рабочіе являются самыми добросовѣстными. Чрезвычайно рѣдко, въ особенности между чабанами, встрѣчаются разныя злоупотребленія, что̀ бываетъ часто у другихъ рабочихъ; а между тѣмъ трудъ ихъ тяжелѣе другихъ: во всякую погоду и въ самую ненастную осеннюю ночь, чабанъ не отходитъ отъ своего стада». Вотъ любопытный случай, разсказанный однимъ управляющимъ: «Въ памятную для всѣхъ южныхъ хозяевъ ночь съ 17 на 18 декабря 1887 г., когда въ началѣ буря съ дождемъ, а потомъ страшная мятель бушевали въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, чабанъ съ шматкомъ овецъ былъ далеко отъ кошаръ и овцы пошли по вѣтру; подпасычи разбѣжались, оставивъ отару.

*) *Матеріалы для оцѣнки зем. Херсон. губ.*, т. VI. Херсонъ, 1890 г,, стр. 264.

**) Ibidem, стр. 265.

***) *Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ.* Т. VI. Херсонъ, 1890 г., стр. 264.

****) Ibid., стр. 265 и 266.

Одного изъ нихъ нашли замерзшимъ: плохо одѣтый чабанъ не бросалъ ввѣреннаго ему стада, а старался сбить его отъ направленія къ рѣкѣ, гдѣ оно могло бы потонуть; такимъ образомъ, спустя сутки, верховые нашли его съ отарой за 30 верстъ отъ мѣста пастьбы». О гуртоправахъ можно сказать то же: они не только знаютъ каждое животное свое по имени, но и знаютъ его характеръ, и въ болѣзни животнаго ухаживаютъ за нимъ, какъ за человѣкомъ.

Описанные рабочіе вышли большею частью изъ Полтавской и Кіевской губерній; они цѣлые десятки лѣтъ кочуютъ со своими стадами на югѣ Россіи, рѣдко переходя отъ одного владѣльца къ другому» *). Встрѣчаются гуртоправы и въ особенности чабаны, живущіе на одной степи у одного и того же владѣльца десятки лѣтъ. «Бывали случаи, что при продажѣ владѣльцемъ цѣлыхъ стадъ овецъ другому, чабаны переходили на службу къ новому владѣльцу, не желая разстаться съ излюбленными стадами» **). То же самое встрѣчаемъ и на Кубани ***). Подобныя отношенія не нуждаются въ письменной формѣ, такъ какъ подъ собою они имѣютъ болѣе прочное основаніе, самую жизнь. Обычай господствуетъ здѣсь еще больше, чѣмъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, шире, чѣмъ гдѣ-либо, практикуются здѣсь натуральныя взаимоотношенія между работодателемъ и рабочимъ.

Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, дающемъ работу многимъ десяткамъ тысячъ пришлыхъ рабочихъ, сроковые рабочіе на базарахъ нанимаются безъ всякихъ письменныхъ условій. Въ задатокъ выдается нѣсколько копеекъ и никогда не больше одного рубля, но въ этихъ случаяхъ приказчики, нанимающіе рабочихъ, кромѣ паспортовъ отбираютъ у нихъ свиты или какую-нибудь другую одежду ****). Крупныя экономіи практикуютъ здѣсь такой еще способъ найма рабочихъ: посылаютъ за ними приказчиковъ своихъ въ другія губерніи (Кіевскую, Полтавскую, Черниговскую, Подольскую, Минскую и др.). Пріѣхавъ на мѣсто найма, приказчикъ обращается къ старостѣ и волостному писарю. Предварительно ставится угощеніе. Эти власти собираютъ всякаго рода недоимщиковъ и другихъ людей, желающихъ наняться. Смотря по числу договоренныхъ рабочихъ, писарь получаетъ за сдѣлку 5—10 руб., а волостной старшина за каждаго по рублю; кромѣ того, писецъ волостной отъ каждаго написаннаго условія получаетъ отъ каждаго по 30 коп. Эти «хабари» никогда не бываютъ непроизводительною тратой. Съ одной стороны, сельскія власти помогаютъ приказчику скорѣе нанять рабочихъ, а съ другой—гарантируютъ экономію въ томъ, что

---

*) *Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи.* Херсонск. уѣздъ. Т. VI, Херсонъ, 1890 г., стр. 267.

**) Ibidem, стр, 268.

***) См. *Ф. А. Щербина*: „Рабочіе на Кубани“. „Современное Обозрѣніе“ въ журналѣ *Дѣло* за 1884 г., стр. 27 и 28.

****) *Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ.* Т. II, Елизаветградскій уѣздъ. Херсонъ, 1886 г., стр. 191 и 192.

условіе со стороны рабочихъ не будетъ нарушено; ибо невыполненіе рабочими условія повлекло бы за собою «утѣсненіе» со стороны волостного старшины и писаря,—людей, шутить съ которыми нельзя. При наймѣ рабочихъ такимъ образомъ обыкновенно дается задатокъ въ размѣрѣ не болѣе 20 р., сколько удается рабочему выторговать *). Но вотъ оказывается, что этотъ способъ найма начинаетъ выходить изъ употребленія, такъ какъ фактически онъ недостаточно гарантируетъ хозяевъ, несмотря на самыя строгія письменныя условія. «Прежде, лѣтъ 5—6 тому назадъ (т.-е. въ первую половину 80-хъ годовъ), большія экономіи (Херсонскаго уѣзда) посылали своихъ уполномоченныхъ въ Полтавскую и Кіевскую губерніи для найма тамъ рабочихъ, но этотъ способъ оказался неудобнымъ, потому что рабочіе, получившіе на мѣстѣ задатокъ, хотя и заключившіе формальныя условія, на работу въ экономію къ извѣстному сроку не являлись или являлись не всѣ, или изъ пришедшихъ нѣкоторые уходили **). И въ Александрійскомъ уѣздѣ, менѣе другихъ уѣздовъ пользующемся пришлыми рабочими, еще въ началѣ 80-хъ годовъ были экономіи, которыя посылали своихъ приказчиковъ въ Кіевскую и Полтавскую губерніи для найма рабочихъ, но теперь это оставлено по тому соображенію,—какъ объясняли статистикамъ владѣльцы и управляющіе ихъ,—что за рабочими пропадаютъ значительныя деньги,—за кѣмъ 300 р., за кѣмъ и 1,200 р. ***).

Е. Варбъ.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

---

*) Ibidem. Т. II, Елизаветгр. у. Херсонъ, 1886 г., стр. 192.

**) Ibidem. Т. VI, Херсонскій уѣздъ. Херсонъ, 1890 г., стр. 264.

***) Ibidem. Т. III, Александрійскій уѣздъ, Херсонъ, 1888 г. стр. 226.

# Pro domo sua.

По поводу статьи проф. М. М. Ковалевскаго: *Новое сочиненіе о возстаніи Уота Тэйлора въ Англіи.*

---

Когда говорятъ о серьезной ученой полемикѣ, то обыкновенно имѣютъ въ виду споръ между представителями разныхъ мнѣній по тому или иному вопросу науки—споръ, преслѣдующій единственную цѣль—установленіе истины, съ помощью научной аргументаціи, какъ своего единственнаго средства. Такая полемика необходима: она является важнымъ условіемъ развитія науки, представляя собою, въ сущности, одну изъ формъ коопераціи въ процессѣ производства нематеріальныхъ благъ. Но только *такая* полемика и имѣетъ это значеніе. Рядомъ съ нею очень нерѣдко встрѣчаются ея извращенныя формы. И цѣль, и средства здѣсь совершенно иныя. Иной и тонъ. Не стремленіе къ истинѣ играетъ здѣсь опредѣляющую роль, а чисто-личное желаніе во что бы то ни стало выставить передъ читателемъ свою правоту и полную несостоятельность своего противника.

Къ этому послѣднему роду полемики относится появившаяся въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за текущій годъ статья: *Новое сочиненіе о возстаніи Уота Тэйлора въ Англіи,* принадлежащая перу проф. М. М. Ковалевскаго и представляющая собою отвѣтъ на нашъ разборъ его статей о возстаніи Уота Тайлера *), сдѣланный нами въ нашей книгѣ о томъ же предметѣ **). Еслибъ статья эта была написана человѣкомъ совершенно неизвѣстнымъ, то она едва ли бы заслуживала серьезнаго вниманія; но она носитъ имя человѣка, пользующагося въ русскомъ обществѣ большимъ авторитетомъ, придающимъ въ глазахъ многихъ вѣсъ всему, что̀ бы онъ ни сказалъ; мы поэтому считаемъ себя вынужденными не ограничиваться молчаніемъ и находимъ нужнымъ разъяснить истинный смыслъ полемиче-

---

*) *Англійская пугачевщина. Русская Мысль* 1895 г., май, іюль, сентябрь и октябрь.

**) *Возстаніе Уота Тайлера.* Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. *Дмитрія Петрушевскаго,* привать-доцента Московскаго университета. Часть первая. С.-Петербургъ, 1897 г.

скихъ пріемовъ проф. Ковалевскаго и возстановить истину. Замѣтка наша не будетъ имѣть характера отвѣта проф. Ковалевскому, не будетъ имѣть цѣлью убѣдить проф. Ковалевскаго въ истинности моихъ мнѣній и ошибочности его; я ставлю себѣ болѣе скромную цѣль: *я просто хочу возстановить дѣйствительный смыслъ моихъ мнѣній.*

Полемическіе пріемы проф. Ковалевскаго чрезвычайно просты. Поставивъ своею цѣлью дискредитировать высказанное нами мнѣніе объ его *Англійской пугачевщинѣ*, мнѣніе, не совсѣмъ сходное съ тѣмъ, что обыкновенно говорятъ и пишутъ о произведеніяхъ автора *Пугачевщины*, проф. Ковалевскій счелъ необходимымъ показать, что вся моя книга о возстаніи Уота Тайлера—не болѣе, какъ достойный всякаго презрѣнія плодъ бѣднаго мыслями и знаніемъ ума, обогащающій науку утвержденіями и соображеніями иногда сомнительными, весьма часто забавными, которыя, разумѣется, могутъ только въ насмѣшку быть названы научно-критическими *), и къ тому же высказаны съ крайнею развязностью. Чтобъ убѣдить въ этомъ читателя, проф. Ковалевскій прибѣгаетъ къ двумъ средствамъ: знакомя читателя съ содержаніемъ моей работы далеко не съ тою полнотой, какая необходима, чтобы дать читателю возможность составить о ней самостоятельное сужденіе, онъ или представляетъ выбранные имъ мои выводы или аргументы въ такомъ видѣ, что они дѣйствительно оказываются нелѣпыми и смѣшными, или же, не обинуясь, объявляетъ ихъ своею собственностью въ тѣхъ случаяхъ, если у нихъ окажутся какія-нибудь точки соприкосновенія съ высказанными имъ мнѣніями по тѣмъ же вопросамъ, и собственностью другихъ, если самъ онъ подобныхъ мнѣній не высказывалъ,—причемъ такое обвиненіе не сопровождается никакими доказательствами и носитъ характеръ совершенно голословнаго утвержденія.

Проф. Ковалевскій разсматриваетъ мою книгу въ порядкѣ главъ. Послѣдуемъ и мы за нимъ, предварительно выразивъ недоумѣніе по поводу того, что въ книгѣ моей онъ находитъ только три главы, между тѣмъ какъ она состоитъ изъ четырехъ главъ, изъ которыхъ послѣдняя, какъ оказывается потомъ, также знакома ему. «Книга г. Петрушевскаго, — такъ начинаетъ свою статью проф. Ковалевскій, — распадается на три части: въ первой онъ, слѣдуя установившейся въ диссертаціяхъ традиціи, даетъ обзоръ литературы предмета, во второй—критику источниковъ, въ третьей—историческій очеркъ событій» **). Послѣ этого слѣдуетъ разборъ всѣхъ четырехъ главъ моего изслѣдованія.

Особенностью первой главы профессоръ Ковалевскій считаетъ то, что въ ней я «разбираю именно тѣхъ писателей, которые о возстаніи Уота Тэйлора не писали, и обхожу молчаніемъ тѣхъ, которые о немъ писали» ***). Оказывается, что я не подвергъ разсмотрѣнію нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одна представляетъ собою популярную книжонку о Тайлерѣ, Боллѣ

*) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 55.
**) Ibid., стр. 46.
***) Ibid., стр. 46.

и Олдкэстелѣ (*Жизнь англійскихъ народныхъ вождей въ средніе вѣка* Эдмонда Мориса); другая интересна только для библіографической полноты очерка о литературѣ возстанія Уота Тайлера (монографія Валлона о правленіи Ричарда II), на которую нашъ очеркъ не претендуетъ, ограничиваясь разборомъ только основныхъ типовъ мнѣній по вопросу о возстаніи, о чемъ мы прямо и заявляемъ въ своемъ мѣстѣ *); третья (интересная по нѣкоторымъ новымъ архивнымъ даннымъ, которыми пользовался ея авторъ, но совершенно дѣтская по мыслямъ книжка Пауэла: *Возстаніе въ восточной Англіи въ 1381 г.*, изданная въ Кэмбриджѣ въ 1896 году) вышла въ свѣтъ, когда наша работа уже печаталась въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (какъ разъ въ томъ же 1896 г.), а четвертая— даже не книжка, какъ ее называетъ проф. Ковалевскій, а журнальная статья по одному частному вопросу (статья Пети-Дютальиса о народныхъ проповѣдникахъ, въ частности лоллардахъ въ эпоху крестьянскаго возстанія) не могла попасть въ нашъ обзоръ, задающійся указанными нами цѣлями, и можетъ найти свое мѣсто въ той части нашей работы, въ которой будетъ идти рѣчь спеціально о роли лоллардовъ въ общественномъ развитіи Англіи. Допустивъ такой серьезный, по мнѣнію проф. Ковалевскаго, пробѣлъ, мы выказали, по его словамъ, «много искусства и большую заботливость объ утолщеніи собственнаго сочиненія» **), посвятивъ 36 страницъ обзору Юма, Галлама, Роджерса, Охенковскаго, Нассе, Эшли, Кэннингэма, которые, дѣйствительно, не были историками движенія Уота Тайлера, т.-е. не изучали спеціально этого возстанія путемъ критической провѣрки всего матеріала и изслѣдованія критически установленныхъ фактовъ во всей ихъ полнотѣ (а этого рѣшительно никто не дѣлалъ до насъ, что̀ и заставило насъ приняться за эту работу); но они (въ особенности нѣкоторые изъ нихъ) высказали о немъ мнѣнія, до сихъ поръ господствующія въ литературѣ, хотя проф. Ковалевскому и угодно называть все сдѣланное этими писателями по данному вопросу «отрывочными и летучими замѣтками» ***), брошенными мимоходомъ ****). Насъ въ особенности удивляетъ такое пренебрежительное отношеніе проф. Ковалевскаго къ мнѣніямъ Роджерса, создавшаго цѣлую теорію о причинахъ возстанія 1381 г., повторяемую почти всѣми, кто писалъ о соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка вообще и о возстаніи Уота Тайлера въ частности, и въ томъ числѣ самимъ проф. Ковалевскимъ, который, какъ увидитъ читатель, въ этой же своей статьѣ о нашей книгѣ весьма сурово выговариваетъ намъ за наше будто бы непочтительное отношеніе къ Роджерсу и тутъ же съ большими похвалами самъ излагаетъ его теорію и выражаетъ свою солидарность съ ней *****). Неужели излагать теорію, господствующую въ данный

*) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 2.

**) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 46.

***) Ibid., стр. 46.

****) Ibid., стр. 46.

*****) Ibid., стр. 59.

моментъ въ наукѣ, излагать въ очеркѣ, посвященномъ критическому анализу мнѣній, высказанныхъ въ разное время и разными людьми о томъ же предметѣ, значитъ заботиться объ утолщеніи собственнаго сочиненія?

Хотя, по категорическому заявленію проф. Ковалевскаго, въ своей первой главѣ я обхожу молчаніемъ тѣхъ, кто писалъ о возстаніи, тѣмъ не менѣе оказывается потомъ, что я «дѣлаю счастливое исключеніе» *) какъ разъ для самого проф. Ковалевскаго и даже «посвящаю цѣлыхъ 40 страницъ разбору однихъ общихъ взглядовъ» **) его сочиненія объ этомъ предметѣ. Хотя его *Англійская пугачевщина*—единственное сочиненіе, написаное до моей книги спеціально о возстаніи, написанное на основаніи не только печатнаго, но и архивнаго матеріала, но проф. Ковалевскій скромно находитъ незаслуженнымъ то вниманіе, которое я удѣляю этому, дѣйствительно, первому по времени и единственному до появленія моей книги изслѣдованію о возстаніи 1381 года, видитъ даже съ моей стороны большую доброту въ томъ, что я оказываю ему такъ «много чести», несмотря на то, что его *Англійская пугачевщина* заключаетъ въ себѣ «всего на всего 100 съ лишнимъ страницъ», но тутъ же заявляетъ, что еслибъ я «почтилъ равнымъ вниманіемъ и большую часть его (т.-е. сочиненія проф. Ковалевскаго), посвященную изложенію хода событій», то у меня «можетъ быть, не явилось бы необходимости писать второй и третьей (частей моего сочиненія) (и четвертой)», а пришлось бы «ограничиться лишь передачей тѣхъ высоко-научныхъ критическихъ замѣчаній, которыми я несомнѣнно обогатилъ историческую науку» ***). Ни проф. Ковалевскій, ни Валлонъ, котораго онъ тутъ не упоминаетъ, критическою провѣркой источниковъ для изученія возстанія не занимались, между тѣмъ какъ моя вторая глава именно этому анализу источниковъ и посвящена, а третья представляетъ собою возстановленіе самого событія на основаніи критически изученныхъ мною во второй главѣ матеріаловъ. Какъ могъ бы я ограничиться только первой главой моего произведенія, т.-е. только изложеніемъ сдѣланнаго по вопросу о возстаніи Уота Тайлера до меня, если, какъ раньше категорически заявилъ проф. Ковалевскій, и не писали въ сущности ничего тѣ писатели, которые больше всего, по моему мнѣнію, сдѣлали въ этомъ отношеніи и которымъ я поэтому посвятилъ свою первую главу? Проф. Ковалевскаго этотъ вопросъ не интересуетъ; отвѣта на него онъ не даетъ, а прямо переходитъ къ разсмотрѣнію моей второй главы.

Цѣль этого разсмотрѣнія—показать, что я ровно ничего для критики источниковъ о возстаніи Уота Тайлера не сдѣлалъ, что все уже раньше было сдѣлано другими и безцеремонно взято у нихъ мною, а мои собственные домыслы—образчикъ самыхъ забавныхъ нелѣпостей.

Оказывается, что подробнѣйшій анализъ, который я произвожу надъ

*) Ibid., стр. 46.
**) Ibid., стр. 47.
***) Ibid., стр. 47.

извѣстіями Фруассара и Сентъ-Албанскаго монаха, чтобы установить научную цѣнность *каждаго изъ сообщаемыхъ ими извѣстій* о возстаніи Уота Тайлера *), не болѣе какъ повтореніе уже раньше сказаннаго другими объ аристократическихъ тенденціяхъ Фруассара и о точкѣ зрѣнія монаха Сентъ-Албанскаго монастыря, раздѣлявшаго взгляды «богатыхъ землею обитателей» (?). Проф. Ковалевскій предупреждаетъ меня, чтобы я не ждалъ отъ него похвалъ «за глубину, съ какой я показываю» это, находитъ, что «хорошо, разумѣется, повторить старую истину, но не мѣшаетъ и сослаться на тѣхъ, кто ее высказывалъ», и столь же голословно заявляетъ, что я пользовался критическими предисловіями издателей хроникъ Сентъ-Албанскаго монастыря и хроники Малверна, «что нисколько не заставило меня ихъ цитировать», не говоря уже объ издателяхъ Фруассара **). Такъ ли это? Проф. Ковалевскій просто-на-просто счелъ нужнымъ игнорировать все, что я говорю и о Фруассарѣ, и о Сентъ-Албанскомъ монахѣ, и о цѣломъ рядѣ другихъ источниковъ для возстанія Уота Тайлера и *чего никто объ этихъ источникахъ для возстанія Уота Тайлера не говорилъ, такъ какъ никто съ этой стороны ихъ не изучалъ*,— счелъ болѣе для себя удобнымъ приписать мнѣ только повтореніе какихъ-то *общихъ мѣстъ*, для знакомства съ которыми не нужно вовсе читать никакихъ предисловій къ хроникамъ и даже самихъ хроникъ, и *не приведя ни одного факта въ подтвержденіе своихъ словъ*, бросилъ намъ въ лицо тяжелое обвиненіе въ плагіатѣ и съ легкимъ сердцемъ опять принялся за издѣвательство надъ нашими «истинно-оригинальными пріемами». Особенно достается моей гипотезѣ о происхожденіи сказанія объ оскорбленіи дочери кровельщика однимъ изъ сборщиковъ поголовнаго налога, какъ о поводѣ къ возстанію 1381 года. Сближая извѣстія лѣтописцевъ разныхъ временъ,—пріемъ, вполнѣ законно-примѣняемый въ критикѣ источниковъ, но почему-то приводящій въ особенно веселое настроеніе проф. Ковалевскаго (которому кажется крайне смѣшнымъ «толковать писателя XIV вѣка ссылками на хроникера XVI в.» ***); онъ думаетъ, что это значитъ заставлять Найтона «разсказывать свои басни подъ вліяніемъ Голиншеда, жившаго два вѣка спустя» ****),—мы приходимъ къ заключенію, что разсказъ объ оскорбленіи дочери кровельщика—не больше, какъ легенда, и дѣлаемъ предположеніе, что зародышемъ легенды этой является терминъ «undergrown» въ томъ смыслѣ, въ какомъ объясняетъ его Голиншедъ. Мы были бы очень признательны проф. Ковалевскому, если бы онъ представилъ серьезныя возраженія противъ этой нашей гипотезы, а не ограничивался однѣми насмѣшками, образчики которыхъ мы только что привели. Проф. Ковалевскій считаетъ разсказъ объ оскорбленіи дочери кровельщика передачей истиннаго происшествія и для того, чтобы и насъ убѣдить въ

*) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 80—124.

**) *Р. М.* 1897 г., май, стр. 47.

***) Ibid., стр. 49.

****) Ibid., стр. 51.

этомъ, совѣтуетъ намъ вмѣсто того, чтобы «тревожить почтенныя тѣни оскорбленныхъ греческихъ и римскихъ матронъ», сдѣлать «простую справку о такъ называемомъ legerwite, о штрафѣ, взимавшемся сеньорами за дурное поведеніе крѣпостныхъ дѣвушекъ (проф. Ковалевскій почему-то называетъ его «штрафомъ не только за дозволенное супружество съ ихъ крѣпостными, но и за простое сожитіе съ ними»); справку эту онъ рекомендуетъ намъ сдѣлать, между прочимъ, и изъ своей «книги, *написанной* лѣтъ 20 тому назадъ» (*Сборникъ документовъ*, служащихъ къ иллюстраціи исторіи полицейской администраціи въ Англіи), а также изъ «одной почтенной старой рукописи, которой я не знаю, но долженъ былъ бы знать, такъ какъ въ ней много говорится о судьбѣ тѣхъ самыхъ крестьянъ, о которыхъ я пекусь, и «поводъ къ этому штрафу указанъ словами: quia corrupit nativam vestram senza licentia vestra» *). Онъ думаетъ, что справка эта должна заставить насъ признать, что сборщикъ дѣйствительно подвергалъ дѣвицъ оскорбляющему ихъ честь изслѣдованію, признать на томъ основаніи, что будто бы о фактахъ, дававшихъ поводъ къ штрафу legerwite, узнавали именно такимъ оскорбительнымъ образомъ **). Признаемся, мы въ первый разъ слышимъ о такомъ феодальномъ обычаѣ, о такомъ изслѣдованіи дѣвицъ въ феодальныхъ помѣстьяхъ, хотя и изданный проф. Ковалевскимъ сборникъ документовъ и другія указанныя проф. Ковалевскимъ и вовсе не указанныя имъ книги мы читали съ должнымъ вниманіемъ. А между тѣмъ проф. Ковалевскій не счелъ нужнымъ привести хотя бы одинъ фактъ, свидѣтельствующій о существованіи подобнаго обычая, а удовольствовался такого рода заявленіемъ непосредственно послѣ приведенныхъ нами словъ о «почтенной старой рукописи»: «Какъ же было убѣдиться, что этотъ фактъ (т.-е. фактъ, подававшій поводъ къ штрафу) дѣйствительно совершился иначе, какъ избраннымъ сборщикомъ пріемомъ? Но къ чему, спрашивается, было это неприличное любопытство?—да просто-на-просто къ тому, чтобъ узнать, подлежитъ ли дѣвица обложенію или не подлежитъ, и именно обложенію поочажнымъ, а не поголовнымъ сборомъ» ***).

Проф. Ковалевскій почему-то находитъ нужнымъ настаивать на ранѣе мимоходомъ высказанномъ имъ утвержденіи, будто poll-tax—налогъ, послужившій поводомъ къ возстанію 1381 года и взимавшійся въ размѣрѣ шиллинга съ каждаго какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго лица, какъ мужчины, такъ и женщины, не моложе пятнадцати лѣтъ, за исключеніемъ настоящихъ нищихъ ****),—есть не поголовный, а поочажный налогъ. «Если бы poll-tax была поголовнымъ сборомъ, а не поочажнымъ,—говоритъ проф. Ковалевскій, — то платили бы ее всякіе юноши и дѣвицы, а не отцы семействъ за себя, жену и основавшихъ хотя бы незаконный очагъ (?) до-

*) Ibid., стр. 49.
**) Ibid., стр. 49.
***) Ibid., стр. 49.
****) *Rot. Parl.*, III, p. 90.

черей» *). Не говоря о томъ, что документы описываютъ poll-tax какъ налогъ поголовный, мы не совсѣмъ понимаемъ, что собственно хочетъ сказать этою фразой проф. Ковалевскій. Если бы съ каждаго *очага* брали опредѣленную сумму, то это былъ бы налогъ дѣйствительно поочажный, но вѣдь берутъ съ каждаго человѣка, достигшаго пятнадцатилѣтняго возраста, и то обстоятельство, что берутъ эти деньги, какъ это представлено въ легендѣ, не изъ рукъ всякихъ юношей и дѣвицъ, а изъ рукъ матерей (даже не отцовъ) этихъ всякихъ юношей и дѣвицъ, вовсе не дѣлаетъ этого налога поочажнымъ. Но что означаетъ упоминаніе въ этой связи объ «основавшихъ хотя бы незаконный очагъ дочеряхъ», и притомъ основавшихъ его у очага своихъ родителей? И въ какую связь съ поочажнымъ сборомъ слѣдуетъ поставить принимаемое проф. Ковалевскимъ за дѣйствительный фактъ, сообщаемое легендой свидѣтельствованіе дѣвицъ сборщиками налога? «Къ чему,—спрашиваемъ мы словами проф. Ковалевскаго,—было это неприличное любопытство»? Неужели для существованія очага нужна взрослая дочь? Во второй главѣ нашей книги мы стараемся рѣшить весьма сложный и трудный вопросъ о степени достовѣрности такъ называемаго Confessio Iohannis Straw, рѣшеніе котораго, въ ту или другую сторону, имѣетъ громадное значеніе для пониманія всего движенія 1381 года. Проф. Ковалевскій не находитъ нужнымъ серьезно разбирать нашу аргументацію, отдѣлываясь нѣсколькими общими фразами ироническаго характера, на которыя мы не обратили бы особеннаго вниманія, если бы среди нихъ не встрѣтилось нѣкоторыхъ странностей не столь невиннаго свойства. «Если вы читали судебные протоколы,—обращается ко мнѣ проф. Ковалевскій,—въ которыхъ идетъ рѣчь объ обвиненіяхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи *(а почему бы вамъ и не прочесть ихъ?—ихъ вовсе не такъ много, какъ вы утверждаете)*, то ваше вниманіе не могло не остановиться на рядѣ случаевъ, въ которыхъ то или другое лицо признаетъ себя добровольно принявшимъ участіе въ возстаніи съ тѣмъ, чтобъ имѣть возможность обвинить другихъ» **). Неужели проф. Ковалевскій хочетъ увѣрить читателя, что я не читалъ судебныхъ протоколовъ, которые напечатаны мною въ примѣчаніяхъ къ моей книгѣ, не говоря уже о томъ, что я все время пользовался ими въ моемъ изслѣдованіи? Повидимому, проф. Ковалевскій хочетъ добиться именно этого и даже ссылается на будто бы сдѣланное мною заявленіе въ этомъ смыслѣ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько строчекъ обнаруживается, что кое съ какими судебными протоколами я все-таки знакомъ, именно съ протоколами о лондонскихъ олдерменахъ, «хотя,—спѣшитъ прибавить проф. Ковалевскій,—эти протоколы мною (проф. Ковалевскимъ) впервые открыты» ***). Проф. Ковалевскій еще и въ другихъ мѣстахъ своей статьи выражаетъ безпокойство, какъ бы я не присвоилъ себѣ его «открытій» въ области документовъ, хранящихся

*) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 49.

**) Ibid., стр. 49.

***) Ibid., стр. 50.

въ Public Record Office въ Лондонѣ (см. стр. 50, 52). Смѣемъ увѣрить проф. Ковалевскаго, что мы не имѣемъ въ виду оспаривать пріоритетъ его «открытій», что серьезную заслугу ученаго видимъ въ истинно-научномъ изслѣдованіи документовъ и тѣхъ вопросовъ, для которыхъ документы эти являются матеріаломъ, а не въ открытіи ихъ, въ особенности, когда это не какіе-нибудь древніе манускрипты, а рукописи XIV вѣка, хранящіяся въ учрежденіи, завѣдующіе которымъ знаютъ о ихъ существованіи (что̀, на основаніи личнаго опыта, мы можемъ сказать о большинствѣ судебныхъ протоколовъ, съ которыми мы познакомились въ Public Record Office). Позволимъ себѣ только маленькую оговорку. Заявляя свои права на пріоритетъ открытія судебныхъ протоколовъ о лондонскихъ олдерменахъ, проф. Ковалевскій, навѣрное, имѣлъ въ виду указать на то, что я, должно быть, знаю объ этихъ протоколахъ только изъ его статей. Если такова дѣйствительно цѣль проф. Ковалевскаго, то онъ ея не достигаетъ. Дѣло въ томъ, что латинскій текстъ этихъ «открытыхъ» протоколовъ напечатанъ въ моей книгѣ *), а въ статьяхъ проф. Ковалевскаго его нѣтъ совсѣмъ.

Разобравъ указаннымъ выше способомъ мои «глубокія и оригинальныя попытки критическаго отношенія къ источникамъ» **), проф. Ковалевскій приступаетъ къ моей третьей главѣ, которую онъ сравниваетъ съ «обѣтованною землей» послѣ «длиннаго и тяжкаго искуса строго-научнаго приложенія къ источникамъ моихъ методологическихъ пріемовъ» ***) и «ждетъ отъ меня новыхъ истинъ» ****). Это ожиданіе оказывается, однако, напраснымъ. То, что прочелъ въ этой главѣ проф. Ковалевскій, показалось ему до того знакомымъ, что онъ даже испугался. «Нами невольно овладѣлъ страхъ,—говоритъ онъ,— не списано ли все это нами у васъ, но, взглянувъ на заголовокъ журнала (т.-е. *Журн. М. Нар. Просв.*), мы увидѣли въ немъ 1896 г. и успокоились» *****). Конечно, если кто списалъ у кого, то это я у проф. Ковалевскаго, а еще болѣе изъ хроникъ, изъ которыхъ я бралъ цѣлыми десятками страницъ, не желая, по увѣренію проф. Ковалевскаго, «вводить читателя въ издержки на пріобрѣтеніе всѣхъ доступныхъ изданій» ******); при этомъ я «обнаруживаю... трезвую и благоразумную методу, состоящую въ томъ, чтобы не подымать спорныхъ вопросовъ, избѣгать гипотезъ и толкованій, довольствоваться передачей того, чего никто не оспариваетъ» *******), а «когда нужно отъ себя что прибавить или сдѣлать маленькое предварительное изслѣдованіе, хотя бы о современной топографіи тѣхъ деревень, въ которыхъ происходятъ разсказываемыя мною событія, я ограничиваюсь заявленіемъ: «мы сохранили транскрипцію хроники,

*) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 180—181, 184—185, 197—198, 201, 335—337.

**) *Русская Мысль* 1895 г., май, стр. 50.

***) Ibid., стр. 50.

****) Ibid., стр. 50.

*****) Ibid., стр. 51.

******) Ibid., стр. 51.

*******) Ibid., стр. 51.

не настолько далекую отъ современной намъ, чтобъ интересующійся не могъ найти этихъ именъ на новѣйшей картѣ Англіи» *). Всѣхъ этихъ обвиненій проф. Ковалевскій не считаетъ нужнымъ доказывать; онъ, какъ и въ разборѣ нашей второй главы, просто игнорируетъ все сдѣланное нами и хочетъ, чтобъ и читатель не зналъ того, что (не говоря уже о подробномъ анализѣ сообщаемыхъ хрониками фактовъ, составляющихъ содержаніе этой второй главы) и третья наша глава, воспроизводящая событія 1381 года, снабжена нами критическимъ комментаріемъ, въ которомъ мы подвергаемъ тщательному разбору всѣ сообщенія, какія возбуждаютъ въ насъ малѣйшее сомнѣніе, а также тѣ толкованія, какія давали имъ другіе писатели и въ особенности проф. Ковалевскій. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто читалъ или будетъ читать мою книгу. Можно высоко или низко цѣнить мой критическій анализъ, но совершенно отрицать наличность его равносильно тому, какъ бы проф. Ковалевскій вздумалъ отрицать наличность самой нашей книги и даже насъ самихъ. То обстоятельство, что и проф. Ковалевскій, и я разсказываемъ объ одномъ и томъ же возстаніи по однимъ и тѣмъ же источникамъ, несомнѣнно, устанавливаетъ не мало сходства въ содержаніи нашихъ разсказовъ; но значитъ ли это, что я заимствовалъ у проф. Ковалевскаго мой разсказъ? Весь вопросъ въ томъ, насколько критически обоснованъ разсказъ каждаго изъ насъ. Если бы проф. Ковалевскому удалось дать дѣйствительно научно-цѣнный разсказъ, основанный на строгомъ и методическомъ анализѣ источниковъ, чѣмъ онъ вовсе не занимался, то мы бы не то что заимствовали бы его у него (съ указаніемъ, конечно, источника), а просто сослались бы на него и направили свои изысканія на генезисъ возстанія, т.-е. просто не писали бы не только первой главы нашей книги, представляющей собою первую, описательную часть нашего изслѣдованія, но и всей первой части его, а прямо приступили бы ко второй. Къ сожалѣнію, проф. Ковалевскій этого не сдѣлалъ, и его разсказъ, лишенный критики, отличается къ тому же такой неряшливостью изложенія, въ особенности въ своемъ началѣ, что намъ пришлось отказаться отъ мысли воспользоваться имъ, и мы принуждены были самостоятельно устанавливать каждую подробность въ событіяхъ 1381 года, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, внимательно читавшій нашу книгу. Этотъ же внимательный читатель не увидитъ въ моемъ заявленіи,—что при воспроизведеніи событій послѣ свиданія на Майль-Эндѣ до сцены на Смисфилдѣ изслѣдователю приходится, вслѣдствіе крайней запутанности данныхъ, довольствоваться передачей, не мудрствуя лукаво, того, что не оскорбляетъ нашего чувства истины,—не увидитъ въ этомъ нашего общаго методологическаго profession de foi, какъ это дѣлаетъ проф. Ковалевскій и на 51 страницѣ своей книги, и на 53, конечно, подвергая насъ при этомъ всяческому посмѣянію.

Проф. Ковалевскій не выдерживаетъ принятаго было имъ плана раз-

*) Ibid., стр. 51.

сматривать нашу книгу въ порядкѣ главъ и снова возвращается къ первымъ ея главамъ. Онъ проситъ меня объяснить, на какомъ основаніи я позволяю себѣ пользоваться показаніями двухъ компиляторовъ XVI и XVII столѣтія, изъ которыхъ одинъ, а именно Стау, признанъ мною весьма недостовѣрнымъ *). Мы думаемъ, что для проф. Ковалевскаго не является новостью, что изслѣдователь, давая источнику строгую общую оцѣнку, вовсе не лишаетъ себя и другихъ права пользоваться тѣми отдѣльными свидѣтельствами его, которыя согласны съ данными другихъ, болѣе надежныхъ источниковъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Проф. Ковалевскій, несомнѣнно, знаетъ это и даже самъ примѣняетъ тотъ же пріемъ и къ тому же Стау,—только примѣненіе это не можетъ быть признано въ данномъ случаѣ вполнѣ правильнымъ, можетъ быть, потому, что оно ставитъ себѣ все ту же одностороннюю цѣль—представить нашу книгу въ смѣшномъ видѣ. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ. Проф. Ковалевскій, слѣдуя Стау, изображаетъ (въ своей «Англійской пугачевщинѣ») **) начало возстанія 1381 года такъ, что за столкновеніемъ жителей Эссекса со сборщиками налога послѣдовало наряженіе въ Эссексъ одной за другою *двухъ* судебныхъ коммиссій: сначала разслѣдовать дѣло было поручено Бэмптону, но разслѣдованіе это вызвало новые безпорядки, а для разслѣдованія этихъ новыхъ безпорядковъ былъ отправленъ верховный судья суда общихъ тяжбъ Робертъ Белкнэпъ. Путемъ цѣлаго ряда сопоставленій (повторяемаго проф. Ковалевскимъ) извѣстія Стау съ данными другихъ источниковъ, и въ томъ числѣ Assise Roll, указанной проф. Ковалевскимъ (на котораго мы и ссылаемся въ своемъ мѣстѣ), мы доказываемъ во второй главѣ нашей книги (стр. 130—137), что это извѣстіе не вѣрно, что явилось оно въ результатѣ невѣрно понятыхъ Стау достовѣрныхъ извѣстій, что въ дѣйствительности Бэмптонъ былъ лишь однимъ изъ мировыхъ судей, которые оказывали содѣйствіе сборщикамъ поголовнаго налога, а вовсе не коммиссаромъ, посланнымъ для слѣдствія и суда надъ крестьянами, оказавшими сопротивленіе сборщикамъ, что никакого сопротивленія передъ тѣмъ, какъ онъ явился вмѣстѣ со сборщиками въ Брентвудъ, въ Эссексѣ (гдѣ и произошло первое столкновеніе народа со сборщиками и содѣйствовавшими имъ мировыми судьями) еще не происходило, что такимъ коммиссаромъ былъ Белкнэпъ, и что посланъ былъ Белкнэпъ для разслѣдованія какъ разъ тѣхъ безпорядковъ, которые заключались въ сопротивленіи народа сборщикамъ и помогавшимъ имъ мировымъ судьямъ и въ числѣ ихъ мировому судьѣ Бэмптону. Вотъ тѣ результаты, къ которымъ мы приходимъ въ своей книгѣ по данному вопросу. Проф. Ковалевскій не сталъ входить въ разсмотрѣніе нашего анализа и даже не упомянулъ о его наличности. Мало того, онъ даже заявляетъ, что наше возраженіе противъ извѣстія Стау, а слѣдовательно и противъ принимающаго его проф. Ковалевскаго, заключается про-

*) Ibid., стр. 52.

**) „Англійская пугачевщина“, *Русская Мысль* 1895 г., іюль, стр. 34—35.

сто въ нашемъ заявленіи, что Бэмптонъ былъ мировымъ судьей, и тутъ же попрекаетъ насъ тѣмъ, что это послѣднее свѣдѣніе мы заимствовали у него. «Вы упрекаете меня въ томъ,— говоритъ проф. Ковалевскій,— что, вслѣдъ за Стау, я объявляю Бэмптона однимъ изъ новыхъ коммиссаровъ для суда надъ крестьянами, оказавшими сопротивленіе сборщикамъ, и говорите, что Бэмптонъ былъ мировымъ судьей. Эти свѣдѣнія вы могли почерпнуть и у меня» *). Не только почерпнулъ, но и указалъ на это на стр. 136 своей книги. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели всѣ мои возраженія сводятся къ тому, что Бемптонъ былъ мировымъ судьей? Проф. Ковалевскій думаетъ, что именно къ этому, и вкладываетъ въ наше возраженіе такой смыслъ: разъ Бемптонъ былъ мировымъ судьей, значитъ, онъ не могъ быть коммиссаромъ. «Званіе мирового судьи ни мало не мѣшало полученію отъ короля особой коммиссіи для разслѣдованія тѣхъ или другихъ спеціальныхъ правонарушеній» **),—возражаетъ намъ проф. Ковалевскій, хотя мы совершенно согласны съ нимъ въ этой довольно элементарной истинѣ и вовсе ничѣмъ не обнаружили своего несогласія въ этомъ пунктѣ. Затѣмъ онъ считаетъ нужнымъ прочесть намъ краткую лекцію о развитіи института мировыхъ судей въ Англіи ***), заключая ее слѣдующими словами: «Нѣтъ поэтому ничего неправдоподобнаго въ сообщеніи Стау, что мировой судья Бемптонъ назначенъ былъ для производства слѣдствія о возникшихъ безпорядкахъ» ****). Мы и не сомнѣвались, что мировой судья, какъ таковой, вообще могъ быть назначенъ для производства слѣдствія о возникшихъ безпорядкахъ, но дѣло въ томъ, что Бэмптонъ, и будучи мировымъ судьей, все-таки въ данномъ случаѣ, т.-е. для разслѣдованія безпорядковъ, которыми началось возстаніе 1381 года, назначенъ не былъ, что̀, согласно съ данными источниковъ, оправдывающими извѣстіе Стау, старались доказать мы въ своей книгѣ и чего приводимое теперь проф. Ковалевскимъ общее соображеніе о мировыхъ судьяхъ не оправдываетъ; а это общее соображеніе проф. Ковалевскаго является единственнымъ аргументомъ противъ нашего отношенія къ извѣстію Стау (нашихъ аргументовъ проф. Ковалевскій совсѣмъ не замѣчаетъ); нельзя же думать, что проф. Ковалевскій серьезно считаетъ извѣстіе Стау достовѣрнымъ потому, что нѣкоторыя изъ извѣстій Стау (но не это) достовѣрны—именно тѣ, для которыхъ онъ «пользовался источниками, состоявшими не изъ однѣхъ хроникъ» *****).

То же одностороннее стремленіе дать читателю яркое представленіе о полной несостоятельности результатовъ и пріемовъ нашего изслѣдованія заставило проф. Ковалевскаго совершенно исказить все то, что мы говоримъ о предложенномъ имъ объясненіи факта неполноты выданной коро-

*) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 52.
**) Ibid., стр. 52.
***) Ibid., стр. 52.
****) Ibid., стр. 52.
*****) Ibid., стр. 52.

лемъ возставшимъ освободительной грамоты (Charta regis de manumissione rusticorum), сравнительно съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ королевской грамоты, отмѣняющей дарованныя имъ вольности (Literae revocationis libertatum). Разбору мнѣнія проф. Ковалевскаго мы посвящаемъ четыре страницы петита *), приводя цѣлый рядъ данныхъ и соображеній, которыя даютъ намъ право отвергать истинность его взгляда, будто послѣ свиданія на Майлъ-Эндѣ король выдалъ эссексцамъ «одну амнистію и свободу отъ крѣпостной зависимости», а на Смисфилдъ явился для того, чтобы «объявить кентцамъ монаршую волю объ оставленіи столицы, обѣщая имъ въ то же время свободу отъ крѣпости, отмѣну стѣсненій, какими обложено было совершеніе имущественныхъ сдѣлокъ и пониженіе рентъ до уровня четырехъ пенсовъ съ акра **); въ заключеніе мы высказываемъ два собственныхъ предположенія, но прибавляемъ, что «ни для перваго, ни для второго предположенія у насъ нѣтъ ровно никакихъ фактическихъ основаній ни за, ни противъ, и тѣмъ не менѣе мы считаемъ ихъ болѣе правдоподобными, чѣмъ тѣ совершенно категорическія утвержденія, какія высказываетъ по занимающему насъ вопросу проф. Ковалевскій, имѣя противъ себя и полное молчаніе источниковъ, и логику дѣйствительныхъ фактовъ» ***). Вотъ что говоримъ мы. Между тѣмъ проф. Ковалевскій представляетъ все дѣло такъ, какъ будто мы возражаемъ не противъ выставленнаго имъ объясненія неполноты Chartae Legis de manumissione rusticorum сравнительно съ Literae revocationis libertatum, *а противъ мнѣнія, что программа кентцевъ «была нѣсколько шире той, какой довольствовались эссексцы»* ****), утверждаетъ, что я «прямыхъ возраженій *противъ этого* привести не могу» *****) и высказываю въ объясненіе неполноты Charte regis de manumissione rusticorum, догадку..., т.-е. тѣ два предположенія, о которыхъ мы говорили выше; проф. Ковалевскій приводитъ текстъ этой нашей догадки, но нашей оговорки, непосредственно за этою догадкой слѣдующей, — оговорки, которую мы привели выше (о томъ, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу этихъ двухъ нашихъ предположеній), онъ *не приводитъ вовсе*, а вмѣсто этого упрекаетъ насъ въ томъ, что мы никакихъ фактовъ въ подтвержденіе нашей догадки не привели. Такое извращеніе нашей аргументаціи тѣмъ болѣе странно, что мы не только нигдѣ не оспаривали факта бóльшей широты кентской программы, сравнительно съ программой жителей Эссекса, но даже останавливались на выясненіи его въ четвертой главѣ нашей книги на страницахъ 342, 343, 344 и 345, куда и отсылаемъ читателя.

Проф. Ковалевскій не мало потѣшается насчетъ «уловленія» его нами въ противорѣчіяхъ и совершенно серьезно обвиняетъ насъ въ томъ, что

---

*) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 219—223.
**) *Англійская Пугачевщина, Р. М.* 1895 г., октябрь, стр. 126.
***) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 223.
****) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 54.
*****) Ibid., стр. 54.

въ погонѣ за ними мы позволяемъ себѣ «грубыя передержки» *). Такіе пріемы критики онъ отмѣчаетъ у насъ въ двухъ случаяхъ: когда мы разбираемъ сужденія его о роли францисканцевъ въ возстаніи Уота Тайлера и когда мы анализируемъ его взглядъ на роль лоллардовъ въ томъ же движеніи. Въ первомъ случаѣ суть дѣла заключается въ слѣдующемъ: проф. Ковалевскій, вполнѣ опредѣленно высказавъ мысль, что францисканцы участвовали въ возстаніи 1381 г. («Отмѣтимъ, — говоритъ онъ,—ту интересную черту, что въ послѣднемъ процессѣ кентскихъ мятежниковъ *съ особою наглядностью выступаетъ участіе францисканцевъ*») **), въ другомъ мѣстѣ заявляетъ, что «ожесточеніе, съ которымъ мятежники преслѣдуютъ монаховъ, и въ частности нищенствующую братію, находитъ себѣ естественное объясненіе въ давно начавшейся враждѣ лоллардскихъ проповѣдниковъ съ францисканцами» ***). Неужели между этими двумя утвержденіями нѣтъ противорѣчія, и указать его—значитъ позволить себѣ грубую передержку? Передержка съ нашей стороны будетъ только въ томъ случаѣ, если допустить, что первое утвержденіе (участіе францисканцевъ въ возстаніи) принадлежитъ не тому же автору, что и второе (преслѣдованіе возставшими тѣхъ же францисканцевъ), что сдѣлать мы совершенно не находимъ возможнымъ. А между тѣмъ именно это допущеніе и дѣлаетъ проф. Ковалевскій въ своей статьѣ о нашей книгѣ; здѣсь уже оказывается, что мнѣніе, будто францисканцы принимали участіе въ возстаніи, принадлежитъ не проф. Ковалевскому, а Уиклиффу и Ленглэнду: «Скажу я, наприм.,—говоритъ проф. Ковалевскій,—что ниществующіе ордена, *по мнѣнію Виклефа, какъ и по мнѣнію Ленгланда*, могутъ считаться проповѣдниками религіозныхъ ученій, и г. Петрушевскій спѣшитъ заявить: мы поставлены въ затрудненіе, пытаясь примирить это мнѣніе автора о революціонной роли францисканцевъ съ тѣмъ объясненіемъ, какое онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ ожесточенію, съ которымъ мятежники преслѣдуютъ монаховъ и въ частности нищенствующую братію, говоря, что это ожесточеніе находитъ себѣ естественное объясненіе въ давно начавшейся враждѣ лоллардскихъ проповѣдниковъ съ францисканцами» ****).

Такой же характеръ носитъ и самозащита проф. Ковалевскаго по вопросу о роли лоллардовъ въ возстаніи 1381 г. Въ своей книгѣ я между прочимъ доказываю, на основаніи не оставляющихъ никакого сомнѣнія, весьма опредѣленныхъ заявленій проф. Ковалевскаго, что у него взглядъ на роль лоллардовъ въ возстаніи подвергся въ теченіе того времени, когда печатались его статьи объ *Англійской пугачевщинѣ*, весьма существенной эволюціи, въ результатѣ которой авторъ майской статьи оказался своимъ антиподомъ въ статьѣ іюльской. Въ своей самозащитѣ проф. Ковалевскій представляетъ дѣло такъ, какъ будто все сказанное имъ объ отношеніи

---

*) Ibid., стр. 55.

**) *Англ. пугач.*, *Р. М.* 1895 г., октябрь, стр. 145.

***) *Англ. пугач.*, *Р. М.* 1895 г., май, стр. 10.

****) *Р. М.* 1897 г., май, стр. 55.

Уиклиффа и его послѣдователей, лоллардовъ, къ крестьянскому возстанію сводится только къ тому, что лолларды не были коммунистами, что они «не были сторонниками упраздненія всякой собственности и стремились къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, считая ихъ достояніемъ бѣдныхъ» *), что «не требуя отмѣны крѣпостного права, Виклефъ совѣтуетъ помѣщикамъ добровольный отказъ отъ службъ и платежей, хотя и принадлежащихъ имъ по праву или въ силу обычая, но несогласныхъ съ совѣстью и противныхъ милосердію» **), что «насколько ихъ (лоллардовъ) доктрина была направлена противъ церковнаго землевладѣнія, она можетъ считаться революціонной и отвѣтственной за событія 1381 г., но приложеніе ихъ критики къ свѣтскому землевладѣнію должно считаться уже дѣйствіемъ самихъ возставшихъ» ***). Еслибъ дѣло было именно такъ, еслибъ все сказанное проф. Ковалевскимъ (въ его статьяхъ объ *Англійской пугачевщинѣ*) о роли лоллардовъ въ возстанія 1381 г. сводилось только къ этому, то, конечно, странно было бы искать здѣсь противорѣчій. Но дѣло въ томъ, что въ *Англійской пугачевщинѣ* сказано не это только. Противорѣчіе мы находили и находимъ въ томъ, что проф. Ковалевскій въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за 1895 г. выставляетъ лоллардовъ вполнѣ опредѣленно и рѣзко «духовными руководителями» возставшихъ ****), принимающими самое дѣятельное участіе въ возстаніи, становящимися во главѣ сельскихъ ополченій *****), а въ іюльской книжкѣ того же журнала самымъ рѣшительнымъ образомъ вооружается противъ мнѣнія тѣхъ, которые признаютъ тѣсную связь возстанія съ лоллардизмомъ (на которой онъ самъ настаивалъ въ майской книжкѣ), относитъ это мнѣніе къ разряду «сказаній, доселѣ принимаемымъ на вѣру какъ англійскими, такъ и чужеземными историками», *) и пытается подвергнуть критикѣ «ближайшій источникъ» этого «сказанія» **). Противорѣчіе мы находили и находимъ и въ самой майской книжкѣ, въ которой авторъ изображаетъ лоллардовъ руководителями движенія, имѣвшаго характеръ «аграрной революціи, направленной къ упраздненію какъ крѣпостного права, такъ и всѣхъ вообще зависимыхъ формъ земельнаго держанія» ***) и въ то же время заявляетъ, что «Виклефъ и лолларды отнюдь не сторонники насильственнаго прекращенія крѣпостничества» ****), и что даже соціальныя ученія самого Болля (одного изъ главныхъ вождей возстанія) «мало чѣмъ отличались по существу отъ взглядовъ Виклефа *****).

*) Ibid., стр. 56.
**) Ibid., стр. 56.
***) Ibid., стр. 56.
****) *Англ. пугач.*, *Р. М.* 1895 г., май, стр. 9.
*****) Ibid., стр. 11.
*) *Англ. пугач.*, *Р. М.* 1895 г., іюль, стр. 29.
**) Ibid., стр. 27.
***) *Англ. пугач.*, *Р. М.* 1895 г., май, стр. 22.
****) Ibid., стр. 53.
*****) Ibid., стр. 5.

Обвиняя насъ въ «грубыхъ передержкахъ», проф. Ковалевскій находитъ возможнымъ примѣнять къ нашей книгѣ пріемы, очень мало отличные отъ того, что обыкновенно принято понимать подъ этимъ выраженіемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Указавъ (стр. 59—60) на то, что въ своей *Англійской пугачевщинѣ* онъ старался показать, что возстаніе Уота Тайлера—явленіе сложное (для этого онъ приводитъ нѣсколько соображеній и фактовъ), что въ немъ принимали участіе различные классы англійскаго общества, проф. Ковалевскій *немедленно же* прибавляетъ: «Все это не мѣшаетъ тому, что г. Петрушевскій, желая показать, что до появленія его работы не было высказано въ литературѣ ничего, кромѣ ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ или противорѣчащихъ другъ другу положеній, считаетъ возможнымъ украсить свою диссертацію слѣдующими полемическими красотами» *), и затѣмъ слѣдуетъ текстъ моего résumé исполненнаго непримиримыхъ противорѣчій взгляда проф. Ковалевскаго *на роль лоллардовъ* въ возстаніи 1381 года, а *не на возстаніе вообще* **). А вотъ еще подобный случай. Совершенно неожиданнымъ является для насъ строгій выговоръ, который дѣлаетъ намъ проф. Ковалевскій за непочтительный будто бы тонъ нашихъ отзывовъ о Роджерсѣ. По его словамъ, мы говоримъ о Роджерсѣ «болѣе чѣмъ развязно, называя его во всякомъ случаѣ оригинальныя мысли безпорядочными разсужденіями, представляющими собою какую-то рыхлую массу, которая вотъ-вотъ готова развалиться на части» ***). «Чтобы выразиться о Роджерсѣ съ такой надменностью, съ какой это дѣлаетъ г. Петрушевскій, *надо бы имѣть за собою научное прошлое*» (sic) ****). Мы, впрочемъ, не раздѣляемъ этого послѣдняго мнѣнія проф. Ковалевскаго и думаемъ, что даже и научное прошлое вовсе не даетъ права на развязный и болѣе чѣмъ развязный тонъ. Что касается Роджерса, то мы бы сами осудили всякаго, кто бы вздумалъ презрительно трактовать этого ученаго, оказавшаго наукѣ крупныя услуги и, въ частности, больше всѣхъ сдѣлавшаго для разъясненія причинъ возстанія 1381 г., хотя проф. Ковалевскому и угодно было на первой страницѣ своей статьи высказать мысль, что только «большая заботливость объ утолщеніи собственнаго сочиненія» можетъ заставить изслѣдователя возстанія 1381 г. посвящать свои страницы «передачѣ этихъ отрывочныхъ и летучихъ замѣтокъ» *****). Наше заявленіе о Роджерсѣ можетъ показаться страннымъ читателю, находящемуся еще подъ впечатлѣніемъ строгихъ словъ проф. Ковалевскаго по адресу нашей непочтительности въ отношеніи къ этому крупному историку-экономисту. А между тѣмъ это—наше истинное мнѣніе о Роджерсѣ, *и оно вполнѣ согласно со всѣмъ тѣмъ, что мы говоримъ о Роджерсѣ въ нашей книгѣ* на цѣлыхъ 13 страницахъ нашей

*) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 60.

**) Ibid., стр. 60—61.

***) Ibid., стр. 58.

****) Ibid., стр. 59.

*****) Ibid., стр. 46.

первой главы (стр. 8—21). Тамъ мы, между прочимъ, говоримъ слѣдующее: «У Роджерса мы находимъ *весьма стройную, отъ начала до конца выдержанную схему* экономическаго и соціальнаго развитія Англіи» (стр. 9), такъ что заявленіе проф. Ковалевскаго, что «въ теоріи Роджерса замѣтна строгая логическая послѣдовательность», и что она вся можетъ быть сведена къ нѣкоторымъ взаимно вытекающимъ другъ изъ друга положеніямъ» *), не является новостью ни для насъ, ни для читателя, если только онъ внимательно отнесся къ нашей книгѣ. Найдетъ у насъ читатель и такое заявленіе: «только въ послѣднее время раздались голоса противъ взгляда на причины возстанія 1381 года, развитаго Роджерсомъ въ названныхъ сочиненіяхъ; но, какъ это мы увидитъ въ своемъ мѣстѣ, нельзя сказать, чтобъ эти возраженія противъ теоріи Роджерса носили характеръ сколько-нибудь вѣскихъ аргументовъ; такъ что мнѣніе Роджерса остается самымъ распространеннымъ и пока все-таки самымъ убѣдительнымъ» **). Это не мѣшаетъ намъ критиковать нѣкоторые изъ пунктовъ его теоріи и высказать не особенно высокое мнѣніе объ его *изложеніи*, находя, что, сравнительно съ книгой своего послѣдователя Охенковскаго, сообщавшаго мыслямъ Роджерса, вполнѣ логически связаннымъ другъ съ другомъ, но *изложеннымъ* расплывчато и безпорядочно, очень стройную и законченную форму, *изложеніе* Роджерса, дѣйствительно, рыхлая масса. «Подъ его (Охенковскаго) перомъ,—говоримъ мы,—часто безпорядочныя разсужденія и соображенія Роджерса, разбросанныя по всему обширному первому тому его *Исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи*, представляющія собою какую-то рыхлую массу, которая вотъ - вотъ готова развалиться на части, превращаются въ организованное цѣлое, части котораго тѣсно связаны между собою» ***). Проф. Ковалевскому угодно было вырвать изъ всего контекста только одну фразу о *формѣ* Роджерса и примѣнить ее *ко всему содержанію* сочиненій Роджерса,—и въ результатѣ получился матеріалъ для обвиненія насъ въ непочтительности, потребовавшей строгаго внушенія со стороны автора, поучающаго не только начинающихъ, но и «сѣдѣющихъ историковъ» ****).

Проф. Ковалевскому извѣстно (на стр. 66 онъ даже излагаетъ нашу мысль объ этомъ), что мы приписываемъ *Исповѣди Джэка Строу* мозаичный характеръ, находя, что въ ней нашли свою формулировку всѣ крайнія тенденціи разныхъ группъ возставшихъ и *въ томъ числѣ меньшинства*, взгляды котораго «проникнуты отвлеченнымъ духомъ теоріи, исходившей не столько отъ данныхъ конкретной дѣйствительности, сколько отъ общихъ положеній соціально-религіозной доктрины» *****), которую мы позво-

*) Ibid., стр. 59.

**) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 9.

***) Ibid., стр. 24.

****) „Уже сѣдѣющій историкъ, которому по случаю поднятой имъ самимъ (?) полемики я недавно доказалъ“ и т. д. *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 62.

*****) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 351.

ляемъ себѣ въ другомъ мѣстѣ нашей книги (при изложеніи ученія Джона Болла) назвать христіанскимъ соціализмомъ» *); несмотря на это, проф. Ковалевскій находитъ возможнымъ считать нашей формулировкой этого христіанскаго соціализма *всю Исповѣдь Строу*, приходитъ отъ этого въ веселое настроеніе, «поздравляетъ школу Лепле, графа de Mun и прочихъ христіанскихъ соціалистовъ съ такимъ предшественникомъ», какъ Джэкъ Строу, «и даже безъ полномочія съ ихъ стороны готовъ отъ ихъ имени отказаться отъ такого предка» **). То же настроеніе овладѣваетъ проф. Ковалевскимъ, когда онъ встрѣчаетъ въ нашей книгѣ слово «абстрактный», въ примѣненіи къ крайней программѣ меньшинства возставшихъ. «Что же послѣ этого конкретно,—спрашиваетъ онъ,—если рѣзать и жечь не болѣе, какъ отвлеченіе» ***). Еслибъ проф. Ковалевскому не было такъ весело, то онъ, можетъ быть, вспомнилъ бы о дѣятеляхъ французской революціи, о Робеспьерѣ, наприм., и другихъ не менѣе абстрактныхъ доктринерахъ, которые, конечно, знакомы автору *Происхожденія современной демократіи*. Непосредственно за приведеннымъ мною вопросомъ проф. Ковалевскій выписываетъ мои слова о несомнѣнной связи этой самой абстрактной радикальной программы меньшинства съ дѣйствительностью,—связи, обнаруживающейся въ особенности при сопоставленіи этой программы съ вполнѣ реальной программой громадной массы возставшаго народа, и патетически восклицаетъ: «Мы отказываемся понимать и только спрашиваемъ себя съ недоумѣніемъ, какъ могло все это появиться на страницахъ ученаго журнала» ****)? Неужели проф. Ковалевскаго такъ смутило слово «абстрактный»?

Наступила, однако, и наша очередь недоумѣвать. «Дочитавшись до этого мѣста,—говоритъ профессоръ Ковалевскій непосредственно послѣ только что приведеннаго нами патетическаго восклицанія,—и вспомнивъ, что *для автора христіанскимъ соціализмомъ является протестъ противъ феодальнаго строя, во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли* (стр. 380), мы потеряли надежду на то, что въ обѣщанномъ намъ второмъ томѣ авторъ «дастъ ключъ къ выясненію генезиса возстанія Уота Тайлера съ соціальной стороны» *****). Для большей убѣдительности, проф. Ковалевскій даже выставилъ страницу нашей книги, именно стр. 380, гдѣ онъ будто бы отыскалъ такое странное опредѣленіе христіанскаго соціализма. А между тѣмъ такого опредѣленія христіанскаго соціализма ни на 380, ни на другой какой-либо изъ всѣхъ 384

*) Ibid., стр. 367: „Мы не знаемъ, сопровождалъ ли Боллъ эту проповѣдь тѣмъ, что можетъ быть названо христіанскимъ соціализмомъ, практическими указаніями, какъ эти идеи осуществить, какъ доставить торжество правдѣ и истинѣ, нарушенной нечестивыми, призывалъ ли онъ къ насильственному ниспроверженію существующаго строя передъ началомъ возстанія 1381 года“.

**) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 66.

***) Ibid., стр. 69.

****) Ibid., стр. 69.

*****) Ibid., стр. 69.

страницъ нашей книги онъ найти не могъ. На указанной имъ 380 странице стоитъ буквально слѣдующее: «Но политическое по своему происхожденію и по своему началу, *движеніе 1381 года* немедленно же приняло и соціальный характеръ, вполнѣ оттѣснившій на второй планъ его первоначальную политическую сторону, и превратилось въ широкій протестъ противъ феодальнаго строя во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли, свободы всего гражданскаго оборота». Какъ видитъ читатель, о христіанскомъ соціализмѣ нами не сказано здѣсь ни одного слова.

Проф. Ковалевскому доставилъ нѣсколько веселыхъ минутъ нашъ «смѣшной жаргонъ». «Г. Петрушевскій думаетъ,—говоритъ онъ,—что когда народъ не хочетъ платить новаго налога, онъ выдвигаетъ политическую программу, а когда не хочетъ нести барщину и крѣпостныхъ платежей—соціальную. Дѣло, какъ видите, не мудреное,—стоитъ только условиться въ терминахъ» *). «Пора покончить съ этимъ смѣшнымъ жаргономъ,—говоритъ черезъ нѣсколько строкъ проф. Ковалевскій,—споръ о взаимодѣйствіи экономическихъ и политическихъ причинъ на ходъ исторіи былъ бы слишкомъ простъ, еслибъ дѣло сводилось только къ вопросу о томъ, бьютъ ли и жгутъ человѣка временно состоящаго или не состоящаго на службѣ и отказываются ли платить деньги, идущія въ государственную казну или помѣщичью. Когда я подымалъ вопросъ, въ какой мѣрѣ возстаніе вызвано политическими причинами, я разумѣлъ нѣчто совершенно другое: вліяніе, оказанное на него иноземными врагами Англіи, и въ частности Франціей, и борьбою придворныхъ партій. Полемизируя со мною и утверждая, что возстаніе вызвано было, главнымъ образомъ, политическими причинами, г. Петрушевскій долженъ былъ доказать, что эти именно вліянія, которыя я отрицалъ, были всесильны, а не повторять уже сказанное мною о недовольствѣ налоговымъ гнетомъ и его ролью въ возстаніи, только съ прибавкой, что это недовольство непремѣнно было политическаго, а не соціальнаго характера» **).

Долженъ сказать, что нигдѣ я не утверждаю, будто бы возстаніе вызвано было *главнымъ образомъ* политическими причинами, а говорю только, что «политическое недовольство, явившееся въ результатѣ внѣшней и внутренней политики правительства Эдуарда III и нашедшее яркое, хотя и не полное, выраженіе въ знаменитомъ Добромъ Парламентѣ 1376 года, и было тѣмъ электричествомъ, которое, насытивъ и безъ того грозовую атмосферу, произвело взрывъ 1381 года» ***); еще болѣе опредѣленно выражаюсь я въ приведенномъ уже мною мѣстѣ на страницѣ 380 моей книги; о недовольствѣ налоговымъ гнетомъ и о роли его въ возстаніи можно прочесть у всѣхъ лѣтописцевъ, которые писали о возстаніи 1381 года и которыхъ я

*) Ibid., стр. 64.
**) Ibid., стр. 65.
***) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 75.

цитирую въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ моей книги, такъ что для меня не было надобности узнавать объ этомъ впервые у проф. Ковалевскаго. Далѣе, какъ ни забавнымъ кажется проф. Ковалевскому нашъ «жаргонъ», но насъ нѣсколько удивляетъ такое впечатлѣніе проф. Ковалевскаго. Неужели докторъ государственнаго права серьезно думаетъ, что терминъ «политическій» примѣнимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ «иноземныхъ врагахъ» и «борьбѣ придворныхъ партій» и называть «политическими» такія явленія, какъ недовольство народа финансовой и всякой иной политикой правительства, въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ смѣшно? Мы не считаемъ себя призванными поучать проф. Ковалевскаго, но думаемъ, что въ «спорѣ о воздѣйствіи экономическихъ и политическихъ причинъ на ходъ исторіи» рѣчь идетъ не объ «иноземныхъ врагахъ» и не о борьбѣ лишь придворныхъ партій, что и вопросы государственнаго хозяйства и явленія, возникающія на этой почвѣ, какъ разъ имѣются при этомъ въ виду, и продолжаемъ держаться взгляда, что именно какъ разъ, «когда народъ не хочетъ платить новаго налога, онъ выдвигаетъ политическую програму, а когда не хочетъ нести барщину и крѣпостныхъ платежей— соціальную». Проф. Ковалевскій, очевидно, держится, можетъ быть, менѣе смѣшной, но весьма устарѣлой фразеологіи, по которой политической исторіей называется внѣшняя исторія, дѣйствительно трактующая о «внѣшнихъ врагахъ», «борьбѣ придворныхъ партій» и еще о сраженіяхъ и о другихъ подобныхъ вещахъ.

Еще одно замѣчаніе общаго свойства. Проф. Ковалевскій постоянно обвиняетъ меня въ томъ, что я взялъ у него ту или другую мысль, умолчавъ при этомъ объ ея авторѣ и даже предварительно раскритиковавъ его. Читатель отчасти знакомъ уже съ характеромъ подобныхъ изобличеній проф. Ковалевскаго, и это избавляетъ меня отъ необходимости отвѣчать на каждое изъ подобныхъ обвиненій, тѣмъ болѣе, что это значило бы цѣлыми страницами перепечатывать мою диссертацію съ цѣлью показать, что выводы, къ которымъ я прихожу въ ней, сдѣланы мною на основаніи тщательнаго изслѣдованія фактовъ, которое я произвожу явно, на глазахъ у читателя, доставляя ему возможность видѣть, взяты ли мои выводы у кого-нибудь на-прокатъ, или же добыты мною путемъ самостоятельной работы. Цѣлью моею было подвергнуть детальному изслѣдованію весь вопросъ о возстаніи Уота Тайлера, предварительно провѣривъ критически матеріалъ. Что сдѣлала предшествующая литература по этому вопросу, все это я указываю, подчасъ, можетъ быть, даже рискуя утомить читателя детальностью изложенія чужихъ мнѣній по разнымъ частнымъ вопросамъ. Дѣлаю я это для того, чтобы конкретно познакомить читателя съ современнымъ положеніемъ вопроса о возстаніи 1381 года, чтобы ему было видно, что до сихъ поръ вопросъ этотъ спеціально во всей его полнотѣ не изучался, что онъ нуждается въ такомъ изученіи, которое бы или подтвердило или признало бы неосновательными тѣ часто весьма остроумныя мысли, какія приходили въ голову разнымъ ученымъ, знакомымъ съ во-

просомъ по отрывочнымъ и во всякомъ случаѣ критически не изученнымъ даннымъ. Такимъ образомъ, если мои добытые путемъ тщательнаго изученія фактовъ выводы иногда совпадаютъ съ раньше высказанными мнѣніями другихъ, то это только дѣлаетъ честь проницательности этихъ ученыхъ, сумѣвшихъ бросить вѣрный взглядъ на данный вопросъ и безъ помощи кропотливой ученой работы, но вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что мы просто незаконно присвоили себѣ эти вѣрные взгляды, и тѣмъ болѣе не свидѣтельствуетъ объ этомъ, что мы даемъ читателю полную возможность знать, кѣмъ были высказаны эти вѣрные взгляды. Проф. Ковалевскій думаетъ иначе. Оказывается, наприм., что и мысль объ отсутствіи организованнаго заговора, будто бы произведшаго возстаніе 1381 года *), и мысль, что программа кентцевъ, оставшихся съ Уотомъ Тайлеромъ, была шире программы эссексцевъ **), и мысль, что Боллъ до революціи 1381 года не былъ революціонеромъ и что лолларды не вызвали возстанія 1381 года, что этого нельзя сказать даже о Джонѣ Боллѣ ***),—что всѣ эти и другія столь же простыя мысли, представляющія собою, въ сущности, констатированіе простыхъ фактовъ, съ необходимостью вытекающее изъ добросовѣстнаго знакомства съ источниками, всѣ эти простыя истины мы узнали не изъ самостоятельнаго знакомства съ матеріаломъ, а просто взяли ихъ у проф. Ковалевскаго—отчасти цѣликомъ («цѣликомъ взяты у меня») ****), частью въ утрированномъ видѣ, «какъ всегда бываетъ въ этомъ случаѣ» *****), а то и просто «въ неузнаваемой формѣ» ******). А между тѣмъ мы даже не скрывали отъ читателя тѣхъ мыслей, какія приходили по этимъ поводамъ въ голову проф. Ковалевскому, и прямо приводили ихъ цѣликомъ, какъ это сдѣлали мы, наприм., на стр. 66 — 7 нашей книги, перепечатавъ и изложивъ мнѣніе проф. Ковалевскаго, что возстаніе не явилось въ результатѣ организованнаго заговора. Но при этомъ мы показываемъ, что все это высказано проф. Ковалевскимъ не на основаніи методологическаго изслѣдованія, а въ видѣ впечатлѣній *импрессіониста*, вовсе не могущихъ претендовать на значеніе научныхъ выводовъ и нерѣдко стоящихъ рядомъ съ впечатлѣніями совершенно противоположнаго свойства (какъ это, наприм., было съ вопросомъ о роли лоллардовъ въ возстаніи 1381 года). «Всѣ эти замѣчанія автора, — говоримъ мы по поводу словъ проф. Ковалевскаго объ отсутствіи организованнаго заговора въ возстаніи Уота Тайлера,—явившіяся въ результатѣ знакомства его съ документами, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ противоположныя имъ утвержденія Роджерса, не опирающіяся ни на какой фактическій матеріалъ. Дѣло изслѣдователя провѣрить, путемъ тщательнаго и всесторонняго анализа какъ доку-

*) *Русская Мысль* 1897 г., май, стр. 63.
**) Ibid., стр. 65.
***) Ibid., стр. 67.
****) Ibid., стр. 67.
*****) Ibid., стр. 63.
******) Ibid., стр. 65.

ментальныхъ, такъ и лѣтописныхъ данныхъ, эти общія впечатлѣнія, выносимыя изъ чтенія документовъ, и превратить ихъ въ твердыя научныя положенія» *). Въ дальнѣйшемъ мы и дѣлаемъ попытку въ этомъ смыслѣ, въ результатѣ которой является наше мнѣніе о началѣ возстанія, формулированное нами въ четвертой главѣ нашей книги и подтверждающее впечатлѣніе проф. Ковалевскаго. Можно ли обвинять насъ въ присвоеніи чужой собственности? Читатель можетъ признавать слабыми наши научные пріемы, но едва ли онъ имѣетъ основаніе вмѣстѣ съ проф. Ковалевскимъ отрицать ихъ добросовѣстность.

Не ограничиваясь обвиненіями и изобличеніями по отдѣльнымъ пунктамъ, проф. Ковалевскій высказываетъ на стр. 62 и общій приговоръ о нашей книгѣ, долженствующій окончательно дискредитировать ея автора во мнѣніи публики и, въ частности, лишить всякаго значенія тѣ критическія замѣчанія, которыя дѣлаетъ авторъ ея объ «Англійской пугачевщинѣ». Мы думаемъ, что все изложенное нами выше даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить объективную цѣнность этого приговора.

**Дмитрій Петрушевскій.**

---

*) *Возстаніе Уота Тайлера*, стр. 67.

# Очерки провинціальной жизни.

Газеты, журналы и книги тысячи разъ преподносятъ своимъ читателямъ яркіе, несомнѣнные, не допускающіе возраженія факты о томъ, что за послѣднее время въ народѣ идетъ сильное движеніе къ грамотѣ, что число школъ далеко не соотвѣтствуетъ спросу на нихъ, что прошло уже то время, когда надо было распространять въ народѣ сознаніе пользы школы, а настало время, требующее большихъ затратъ на школьное дѣло, чтобы впустить въ школы всѣхъ желающихъ учиться. Всѣ эти тезисы, намъ казалось, стали азбучными истинами и повтореніе ихъ представлялось излишнимъ. Но, оказывается, думая такъ, мы ошибались. Оказывается, что эти, повидимому, азбучныя истины надо повторять и повторять, такъ какъ ихъ не знаютъ даже и такія лица, которыя по своему общественному положенію должны бы ихъ знать. Мы убѣдились въ своей ошибкѣ, прочитавъ въ *Саратовскомъ Листкѣ* рѣчь губернатора, князя Б. Б. Мещерскаго, при открытіи имъ педагогическихъ курсовъ въ Саратовѣ. Высказывая въ рѣчи свой взглядъ на обязанности учителей и учительницъ народныхъ школъ, губернаторъ сказалъ: «По моему мнѣнію, задача ваша далеко не исчерпывается прохожденіемъ указанной вамъ программы обученія: ваше особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы всѣми мѣрами стараться внушить не только учащимся, но и ихъ родителямъ—всю необходимость школы для ихъ собственнаго блага». Далѣе губернаторъ говорилъ, что «правительство и общество принимаютъ *всѣ нужныя мѣры* и тратятъ значительныя суммы, чтобы развить практику школы; но для дѣйствительнаго успѣха школы все это только побочныя обстоятельства: успѣхъ народной школы стоитъ въ прямой зависимости отъ развитія въ народѣ *сознанія необходимости* школы и ея обученія».

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда отовсюду изъ всѣхъ областей, губерній, уѣздовъ и волостей идутъ извѣстія о недостаточности школъ, о громадномъ несоотвѣтствіи числа ихъ сравнительно со спросомъ на ученье, г. саратовскій губернаторъ полагаетъ, что правительство и общество принимаютъ *всѣ нужныя мѣры* въ школьномъ дѣлѣ, а потому

главная задача теперь состоитъ не въ увеличеніи числа школъ, въ развитіи въ народѣ сознанія необходимости школы.

Неужели г. саратовскому губернатору не извѣстенъ общій голосъ всѣхъ земствъ, что у нихъ не имѣется денежныхъ средствъ для удовлетворенія ясно выраженной и подсчитанной потребности въ обученіи дѣтей, что для удовлетворенія спроса на обученіе нужно такому-то земству выстроить еще сотни школъ, а у него имѣются средства лишь на устройство новыхъ пяти школъ; а иногда земскіе отчеты говорятъ и о томъ, что не только нѣтъ средствъ на учрежденіе новыхъ школъ, а едва ли удастся поддержать и существующія, по причинѣ плохого сбора съ крестьянъ земскихъ податей, порожденнаго неурожаемъ.

Для всякаго, знакомаго съ явленіями нашей общественной жизни, ясно какъ день, что народное образованіе получитъ соотвѣтствующее нуждѣ движеніе лишь при условіи ежегоднаго выдѣленія на него значительной денежной суммы изъ государственнаго бюджета. Земства даютъ на школьное дѣло почти все, что могутъ дать; но, при существующихъ ихъ скудныхъ бюджетахъ, огромное большинство земствъ въ состояніи двигать народное просвѣщеніе впередъ лишь очень медленно. Реформа земскихъ финансовъ съ цѣлью увеличенія ихъ является, поэтому, также важнымъ шагомъ для развитія дѣла народнаго просвѣщенія. Жалобы на оскудѣніе земскихъ кассъ раздаются уже давно и, кажется, жалобы эти обратили, наконецъ, на себя вниманіе. Есть извѣстія о начавшейся въ правительственныхъ сферахъ работѣ для упорядоченія и улучшенія земскихъ финансовъ. Дѣйствительно, это дѣло вопіетъ о себѣ. До какого состоянія можетъ, при дѣйствующихъ законоположеніяхъ, доходить земская касса, примѣромъ можетъ служить финансовое положеніе сычевскаго земства. Сычевская (Смол. губ.) уѣздная управа, какъ сообщаютъ въ *Недѣлю,* увѣдомила мѣстную администрацію, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ земскаго сбора не поступило ни одной копейки. Недоимки за частными владѣльцами, неплатежъ сельскими обществами текущаго оклада и полное затишье въ поступленіи всякихъ земскихъ доходовъ привели управское хозяйство въ такое состояніе, въ какомъ оно не находилось въ теченіе всего истекшаго десятилѣтія. Управа лишена возможности производить даже обязательные расходы, выдавать квартирныя и разъѣздныя деньги судебному слѣдователю, чинамъ полиціи, содержать арестуемыхъ, канцелярію воинскаго присутствія, остановила выдачу жалованья всѣмъ служащимъ и прекратила заготовку матеріаловъ для школьныхъ зданій. Вопросъ объ изысканіи денежныхъ средствъ побуждаетъ къ созыву чрезвычайнаго земскаго собранія. Но что можетъ помочь этотъ созывъ, если источникъ земскихъ средствъ въ налогахъ, а управа собрать ихъ безсильна?

Устраненіе ненормальныхъ условій въ теперешнемъ положеніи земскаго бюджета принадлежитъ къ числу тѣхъ нуждъ общественной жизни, которыя обрисовались весьма ярко и которыя, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ оставаться въ застоѣ. Выяснено вполнѣ, что земство никогда не будетъ

въ состояніи выполнять въ сколько-нибудь достаточныхъ размѣрахъ возложенныя на него закономъ культурныя задачи, пока единственнымъ объектомъ правильнаго обложенія будетъ оставаться земля. Земство, по закону, облагаетъ имущество по его цѣнности и доходности; оно въ полной мѣрѣ можетъ примѣнять это обложеніе къ землѣ, но относительно обложенія промышленныхъ предпріятій права земства очень ограничены: ему предоставлено облагать не самые доходы, а лишь тѣ помѣщенія, какими пользуются промышленныя предпріятія. Понятно, какъ стѣснительно это для земскаго бюджета, какъ неравномѣрно оказывается здѣсь участіе въ несеніи мѣстныхъ нуждъ: земля платитъ со всей своей цѣнности и доходности, а промышленное предпріятіе платитъ только съ своего помѣщенія, а не со всего приносимаго имъ дохода. Кромѣ того, есть торгово-промышленныя предпріятія, которыя совершенно изъяты отъ земскаго обложенія, но которыя, по существу дѣла, не менѣе другого имущества заинтересованы въ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей. Расширеніе предметовъ земскаго обложенія, подчиненіе всѣхъ видовъ имущества той же нормѣ оцѣнки, какой подчинена земля, возстановила бы нарушенную теперь справедливость и увеличила бы земскія средства безъ всякаго отягощенія крестьянскаго населенія.

Другая причина, вредно вліяющая на состояніе земскихъ финансовъ, заключается въ порядкѣ сбора земскихъ повинностей. При существующей системѣ сбора податей взысканіе земскихъ повинностей отодвигается на задній планъ, а вся дѣятельность агентовъ фиска направляется по преимуществу на добываніе казенныхъ налоговъ. Агенты эти стараются прежде всего очистить казенныя подати, а однимъ изъ средствъ для этого служитъ зачисленіе въ счетъ казенныхъ налоговъ суммъ, вносимыхъ въ земскіе платежи или въ страховой сборъ. Поэтому и бываетъ, что казенныхъ сборовъ поступаетъ полный окладъ, а земскихъ половина и меньше. Земства давно ходатайствуютъ объ измѣненіи системы взиманія податей и о возстановленіи въ прежней редакціи той части ст. 90 Уст. о земск. повин., въ которой указано, что вносимою отъ плательщиковъ суммою сперва покрываются всѣ слѣдующіе съ него земскіе сборы по полугодовому ихъ разсчету, а потомъ уже казенныя подати и особыя взысканія. Какъ на одно изъ важныхъ основаній раціональности такого финансоваго порядка указывается на различное значеніе прямыхъ налоговъ для земства и для центральнаго бюджета. Государственный бюджетъ держится по преимуществу на косвенныхъ налогахъ, тогда какъ земскій бюджетъ всецѣло зависитъ отъ поступленія прямыхъ податей; поэтому слабое поступленіе послѣднихъ не грозитъ государственному хозяйству какими-либо серьезными осложненіями, между тѣмъ хозяйство земское при такомъ поступленіи налоговъ вполнѣ разстраивается.

Суженная скудными бюджетами культурная работа земства подвергается еще дальнѣйшему ограниченію черезъ возложеніе на земство обязательныхъ расходовъ на судебно-административныя учрежденія, квартир-

ную и подворную повинности для чиновъ полицiи, на содержанiе арестантовъ, различныхъ канцелярiй и проч. Расходы эти отымаютъ у земства ⅕ часть ихъ бюджета. Между тѣмъ, они, по самому существу своему, вовсе не касаются мѣстныхъ нуждъ, а имѣютъ характеръ вполнѣ общегосударственный. Въ Западной Европѣ культурная роль органовъ мѣстнаго управленiя весьма значительна; но тамъ и бюджеты ихъ во много разъ превышаютъ бюджеты нашихъ земствъ; тамъ не знаютъ такого финансоваго порядка, чтобъ органы мѣстнаго самоуправленiя уплачивали изъ своихъ средствъ «пособiя государственному казначейству»; тамъ существуетъ другой порядокъ: часть государственнаго бюджета удѣляется мѣстнымъ органамъ для удовлетворенiя ихъ нуждъ. Земство работаетъ надъ такими задачами первостепенной важности, какъ народное просвѣщенiе, народное здравiе, поднятiе матерiальнаго благосостоянiя массы; между тѣмъ организацiя земскихъ финансовъ такова, какъ будто эти задачи признаются несущественными; будутъ у земства средства для выполненiя такихъ задачъ— хорошо, не будутъ—бѣда не велика.

Земское хозяйство, получающее свои средства исключительно изъ прямыхъ налоговъ, главнымъ плательщикомъ которыхъ является сельское населенiе, испытываетъ возрастающiя затрудненiя вслѣдствiе увеличивающагося разстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Важнѣйшимъ показателемъ ухудшенiя условiй земледѣльческаго хозяйства служитъ уменьшенiе количества скота и рабочихъ лошадей. Послѣдняя конская перепись, данныя которой разработаны въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, показала убыль лошадей съ 1888 года почти на 10%. Убыль эта оказывается еще болѣе чувствительной при распредѣленiи по мѣстностямъ, такъ какъ она относится преимущественно къ губернiямъ: Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Оренбургской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тульской, Орловской и Курской. Изъ нихъ въ Воронежской убыло 31%, Тамбовской—27%, а въ прочихъ отъ 13 до 23%. Неурожай нынѣшняго года еще болѣе, разумѣется, уменьшитъ количество скота у крестьянъ и поведетъ къ дальнѣйшему ухудшенiю условiй земледѣльческаго промысла, къ дальнѣйшему пониженiю матерiальнаго состоянiя тѣхъ двухъ частей сельскаго населенiя, которыя составляютъ значительное его большинство, а именно къ хозяйственному упадку бѣднѣйшей и средней (рядовой) части крестьянства.

Постигшiй наше отечество пять лѣтъ назадъ сильный неурожай ошеломилъ общество; о дѣлахъ деревни заговорили всѣ. Казалось, стало распространяться сознанiе, что засухи, несвоевременные морозы и бурные вѣтры только обостряютъ положенiе дѣлъ, что безъ рѣшительныхъ мѣропрiятiй къ измѣненiю настоящаго экономическаго положенiя деревни земледѣльческiй промыселъ, и при самыхъ благопрiятныхъ климатическихъ условiяхъ, обреченъ идти къ упадку, такъ какъ онъ представляетъ собою постоянное истощенiе силъ природы и хищническое отношенiе людей къ ея богатствамъ. Для правильнаго развитiя земледѣльческаго промысла тре-

буется соотвѣтствіе сельско-хозяйственной культуры количеству населенія. Удовлетвореніе потребностей взрослаго населенія Россіи требуетъ примѣненія различныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній; для этого нужны средства, которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ у крестьянъ не имѣется. Отсутствіе возможности стать на правильный сельско-хозяйственный путь вынуждаетъ сельское населеніе кидаться на хищническое пользованіе природою. Пользованіе это заключается въ постоянномъ увеличеніи пахатного поля на счетъ луговъ и выгоновъ и въ сокращеніи, такимъ образомъ, и безъ того весьма ограниченной площади пастбищной земли. Результатомъ такого процесса являются прогрессивное уменьшеніе количества скота, истощеніе и изсушеніе почвы, пониженіе урожаевъ и болѣе частые полные неурожаи. Все это выяснялось пять лѣтъ назадъ и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, и въ правительственныхъ сферахъ, и на земскихъ собраніяхъ. Но то, что сдѣлано за эти пять лѣтъ для измѣненія дѣлъ деревни, далеко-далеко не соотвѣтствуетъ сознанію важности дѣла. А что надо дѣлать—выяснено вполнѣ. Оно выяснено въ обширной и систематической программѣ назрѣвшей для нашего отечества экономической политики, разработанной земствами въ отвѣтъ на запросъ министерства земледѣлія о мѣрахъ къ улучшенію сельско-хозяйственнаго промысла.

Въ ряду мѣръ земской программы экономической политики есть такія, выполненіе которыхъ представляетъ не малыя трудности, какъ, напримѣръ, существенное облегченіе для крестьянства податной тягости; но есть въ числѣ нихъ и такія, осуществленіе которыхъ не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Такъ, напримѣръ, пониженіе пошлины на чугунъ и желѣзо сохранило бы въ рукахъ крестьянства не малую сумму денегъ и, удешевивъ земледѣльческія орудія, способствовало бы улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Насколько значительны оказались бы сбереженія народа отъ пониженія пошлины на желѣзо и чугунъ, это можно видѣть изъ разсчета, сдѣланнаго предсѣдателемъ вятской губернской управы въ происходившемъ недавно въ Петербургѣ совѣщаніи о пониженіи таможенныхъ пошлинъ на сельско-хозяйственныя орудія и машины. На простой сохѣ крестьянинъ платитъ пошлины 38 коп., на косулѣ—58, на сабанѣ—67 коп. и такъ далѣе до 5 р. 80 к. (на вѣялкѣ). Если разложить эту сумму на каждую десятину небольшого крестьянскаго надѣла, то она получится довольно внушительная. Затѣмъ представитель вятскаго земства привелъ интересный разсчетъ количества чугуна и желѣза въ крестьянскомъ инвентарѣ. Оказывается, что средній крестьянскій дворъ въ шесть душъ обоего пола (въ томъ числѣ два работника) потребляетъ въ годъ 1 пудъ желѣза и 4 фунта чугуна, да на ремонтъ 11 ф. желѣза и 1/16 фунта чугуна. При умноженіи этого количества чугуна и желѣза на число дворовъ въ губерніи получается такое количество, съ котораго казна беретъ до 500 тысячъ рублей въ годъ пошлины. Эту пошлину уплачиваютъ крестьяне, а если прибавить на потребленіе чугуна и желѣза прочимъ населеніемъ, то цифра эта возрастетъ до милліона рублей. Но если остановиться и на 500 тыс.

руб., то и эта цифра, представляющая собою только пошлину на чугунъ и желѣзо, равняется суммѣ губернскаго сбора. На 500 тысячъ рублей можно устроить по 100 школъ въ уѣздѣ, а это—всеобщее обученіе.

Реформа таможеннаго тарифа занимаетъ въ земской программѣ экономической политики далеко не первое мѣсто, а между тѣмъ уже одно пониженіе пошлины на чугунъ и желѣзо повело бы къ такому значительному сбереженію средствъ сельскаго населенія. Отсюда можно провидѣть, какъ рѣшительно поднялось бы матеріальное благосостояніе народа, еслибъ земская экономическая программа была бы осуществлена вполнѣ или хотя бы въ значительной ея части.

Осуществленіе земской экономической программы, споспѣшествующее улучшенію экономическаго быта народа, внесло бы также порядокъ въ земскія финансы и способствовало бы самымъ существеннымъ образомъ увеличенію земскихъ бюджетовъ, а слѣдовательно и болѣе полному выполненію земствомъ возложенныхъ на него культурныхъ задачъ. Сдѣланное по настоящее время земствами въ сферѣ народнаго образованія, организаціи медицинской помощи въ селахъ, въ дѣлѣ улучшенія экономическихъ условій деревни составляетъ лишь слабую долю сознаваемыхъ и намѣченныхъ земствомъ задачъ. И если земство достигло уже нѣкоторыхъ результатовъ въ этихъ областяхъ, а особенно въ области народнаго просвѣщенія, то только благодаря умѣлому распоряженію находящимися въ его рукахъ денежными средствами. Тамъ же, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій, распоряженіе денежнымъ фондомъ на народное образованіе, народное здравіе, экономическія улучшенія и другія потребности менѣе умѣло, почему и удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, выполненіе культурныхъ задачъ совершается еще медленнѣе, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ. Еслибы народное образованіе въ неземскихъ губерніяхъ и областяхъ распространялось исключительно въ зависимости отъ административныхъ органовъ, вѣдающихъ денежнымъ фондомъ на мѣстныя нужды, то оно находилось бы въ застоѣ. Если здѣсь и замѣчается нѣкоторое движеніе, то оно обязано главнымъ образомъ усиліямъ мѣстныхъ интеллигентныхъ кружковъ и частныхъ лицъ. Для указанія разницы въ постановкѣ дѣла народнаго образованія въ губерніяхъ земскихъ и неземскихъ нѣтъ надобности отправляться за фактами въ Сибирь или какія-либо другія некультурныя области. Нѣтъ, можно взять для этого такую богатую губернію, какъ Кіевская. И здѣсь открытіе новыхъ школъ идетъ съ такою медленностью, что не поспѣваетъ даже за естественнымъ ростомъ населенія. Въ то время, какъ земство малонаселенной, бѣдной, расположенной въ суровомъ климатѣ Олонецкой губерніи изыскиваетъ пути къ введенію всеобщаго обученію, богатая Кіевская губернія отказываетъ въ обученіи *тремъ четвертямъ* дѣтей школьнаго возраста. Если взять весь Юго-Западный край, то получимъ, что на 7.718,394 человѣка школъ вѣдомства народнаго просвѣщенія имѣется лишь 676, т.-е. одна школа на 11,417 человѣкъ. Въ пространственномъ отношеніи одно сельское училище приходится на 214 кв. верстъ. Чтобъ

удовлетворить потребность населенія въ грамотѣ, необходимо для одной лишь Кіевской губерніи открыть 3,500 новыхъ школъ, между тѣмъ въ ней министерствомъ открываются въ годъ двѣ-три новыя школы. Каковъ контрастъ между потребностью и ея удовлетвореніемъ!

Земства постановили себѣ, какъ неотложную задачу, учредить такое количество школъ, какое нужно для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ они энергично работаютъ для распространенія и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій: народныхъ библіотекъ, чтеній, книжныхъ складовъ. Въ послѣднее время въ земской средѣ замѣчается также движеніе къ распространенію въ крестьянской массѣ юридическихъ свѣдѣній и къ организаціи юридической помощи крестьянамъ. Всякому, жившему въ деревнѣ, извѣстно, до какой степени народная масса безпомощна въ судебныхъ дѣлахъ и нуждается въ юридическихъ совѣтахъ. Извѣстный публицистъ г. Абрамовъ свидѣтельствуетъ, что когда, поселившись въ одной деревнѣ, онъ далъ крестьянамъ нѣсколько совѣтовъ, то къ нему начали цѣлыми массами являться крестьяне изъ окрестныхъ деревень, съ цѣлью получить совѣты и разъясненія по интересующимъ ихъ юридическимъ вопросамъ. По словамъ г. Абрамова, вопросы, задаваемые крестьянами и требующіе разъясненій, иной разъ были такъ наивны и нелѣпы, что положительно становишься въ тупикъ и удивляешься полному невѣжеству крестьянской массы въ той области правовыхъ отношеній, которая касается ихъ очень и очень близко.

Мысль объ организаціи юридической безплатной помощи крестьянству уже давно занимаетъ многихъ общественныхъ дѣятелей, преимущественно земскихъ. Въ послѣднее время мысль эта начинаетъ воплощаться въ жизнь. Такъ, лохвицкое земское собраніе очередной сессіи 1896 года приняло проектъ управы объ учрежденіи при земской управѣ въ видѣ опыта, на одинъ годъ, юридической консультаціи для подачи населенію совѣтовъ и исполненія несложныхъ порученій, на что ассигновало 800 рублей. Такой же проектъ принятъ клинскимъ земствомъ. Вятская губернская земская управа подняла въ 1896 году вопросъ объ учрежденіи въ каждомъ уѣздѣ должности земскаго юриста, который бы давалъ совѣты земскимъ плательщикамъ и былъ ихъ представителемъ на судѣ. Черниговская губернская управа разослала уѣзднымъ земствамъ проектъ объ устройствѣ судебной защиты крестьянскаго населенія въ дѣлахъ о поземельной собственности. Тамбовская земская управа изготовила проектъ объ учрежденіи консультаціоннаго бюро для безплатной подачи крестьянскому населенію совѣтовъ по судебнымъ и административнымъ дѣламъ. При вятской уѣздной земской управѣ съ января мѣсяца существуетъ консультаціонное бюро для подачи крестьянскому населенію безплатныхъ юридическихъ совѣтовъ. Недавно по этому же предмету поступила въ екатеринославскую уѣздную земскую управу докладная записка помощника присяжнаго повѣреннаго А. П. Лаврова. Управа, предполагая, по обсужденіи записки, представить по означенному вопросу докладъ очередному земскому собранію, въ настоящее

время помѣстила упомянутую записку въ *Отдѣлѣ екатеринославскаго уѣзднаго земства* мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостей*. Какъ видно изъ записки, личное хожденіе по дѣламъ г. Лавровъ признаетъ для адвоката неосуществимымъ въ настоящее время, хотя такую форму юридической помощи крестьянамъ онъ считаетъ идеальною. Такая задача, по его мнѣнію, чрезвычайно велика и силамъ одного лица недоступна. Кромѣ того, по правиламъ профессіональной этики, адвокатъ, принявъ дѣло одной стороны, не вправѣ затѣмъ переходить на сторону противника и даже давать послѣднему какіе-либо совѣты по тому же дѣлу, по которому онъ уже консультировалъ. Слѣдовательно, земскій адвокатъ необходимо долженъ отказывать въ веденіи дѣла лицу, позднѣе къ нему обратившемуся, что̀, несомнѣнно, поведетъ со стороны несвѣдущихъ въ адвокатской этикѣ кліентовъ къ порицаніямъ и заподозриванію его дѣятельности. Для настоящаго времени, какъ первый шагъ въ данномъ дѣлѣ, г. Лавровъ предлагаетъ екатеринославскому уѣздному земству проектъ юридической консультаціи, который въ существенныхъ чертахъ сводится къ слѣдующему: 1) при земской управѣ учреждается юридическая консультація для безплатной или дешевой юридической помощи земскимъ плательщикамъ изъ крестьянскаго населенія всѣхъ разрядовъ; 2) главная задача консультаціи сводится къ подачѣ населенію устныхъ или письменныхъ юридическихъ совѣтовъ; 3) на юридическую консультацію возлагается также составленіе, по просьбѣ обращающихся въ нее лицъ, прошеній, заявленій и разнаго рода другихъ бумагъ; 4) юридическая консультація принимаетъ на себя веденіе въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ справокъ и исполненіе другихъ несложныхъ порученій кліентовъ; 5) плата за совѣты, письменную работу и порученія должна быть установлена самая минимальная, притомъ или однообразная, или соотвѣтственно роду дѣлъ по опредѣленной таксѣ; 6) въ юрисконсульты должно быть приглашено лицо со спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ — изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ или ихъ помощниковъ при екатеринославскомъ окружномъ судѣ.

Такимъ образомъ, земство дѣлаетъ въ настоящее время различные опыты организаціи юридической помощи крестьянскому населенію, а практика покажетъ, какой изъ этихъ опытовъ представится наиболѣе цѣлесообразнымъ. Организація юридической помощи крестьянству, имѣющая цѣлью реализацію права въ судахъ, дѣйствующихъ по преимуществу на основаніи писанаго закона, не останется, однако, безъ вліянія на улучшеніе правосудія и въ судахъ волостныхъ. Беззаконія, творящіяся нынѣ въ этихъ судахъ, составляютъ одно изъ важнѣйшихъ темныхъ пятенъ дѣйствующей судебной организаціи. Беззаконія эти лишаютъ волостныхъ судей всякаго уваженія къ нимъ со стороны населенія и ведутъ нерѣдко къ нанесенію имъ оскорбленій. Насколько часты бываютъ оскорбленія волостныхъ судей, это можно видѣть уже изъ ходатайства ростовскаго окружного присутствія по крестьянскимъ дѣламъ о разрѣшеніи волостнымъ судьямъ носить нагрудные знаки. *Приазовскій Край*, напечатавшій по этому поводу

статью «Больной вопросъ нашей деревни», справедливо полагаетъ, что такая мѣра не достигнетъ своей цѣли и волостные судьи не будутъ ограждены отъ оскорбленій. Приведя образчики самаго возмутительнаго, самаго наглаго попиранія правъ бѣдныхъ крестьянъ въ пользу богатыхъ, газета заявляетъ, что «подобныхъ фактовъ самоуправства волостныхъ заправилъ и судей можно бы привести много. И такіе изо дня въ день повторяющіеся случаи экономическаго и нравственнаго насилія надъ личностью способны, конечно, вызывать горячій протестъ со стороны обиженныхъ. Для устраненія подобныхъ поступковъ необходимо прежде всего озаботиться улучшеніемъ персонала выборнаго сельскаго и волостного начальства; настоящій же персоналъ, не уважающій въ сельскомъ обывателѣ личности, не останавливающійся передъ всевозможнымъ давленіемъ на него, не будетъ гарантированъ отъ оскорбленій со стороны обиженныхъ только тѣмъ, что будетъ носить должностные знаки».

И вотъ, въ руки такого суда отдано присужденіе къ такому позорящему наказанію, какъ наказаніе розгами. Деморализующее вліяніе этого наказанія на крестьянскую массу, въ которой чувство человѣческаго достоинства значительно поднялось со времени освобожденія крестьянъ, побуждаетъ общество ходатайствовать предъ правительствомъ объ отмѣнѣ этого наказанія. Такія ходатайства были представлены въ два минувшіе года значительнымъ числомъ земствъ, различными учеными обществами и нѣкоторыми администраторами. Несомнѣнно, что отмѣна тѣлеснаго наказанія стоитъ на очереди, но желательно, чтобъ она была совершена возможно скорѣе.

Мы сказали, что организація юридической помощи крестьянскому населенію отразится улучшеніемъ въ ходѣ дѣлъ волостныхъ судовъ. Другою важною мѣрой для водворенія правосудія въ селахъ было бы введеніе всесословной волости. Тогда возросъ бы контингентъ лицъ, изъ которыхъ можно было бы выбирать достойныхъ волостныхъ судей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, волостной судъ находился бы подъ контролемъ всего правоспособнаго населенія, живущаго въ волости, а не одного только населенія крестьянскаго. При всесословной волости бóльшую законность представила бы также дѣятельность земскихъ начальниковъ, которая, при современной ея постановкѣ, открываетъ обширный просторъ произволу. Непрестанное появленіе въ печати сообщеній о незаконныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ показываетъ, что причина этого явленія коренится не въ случайномъ личномъ составѣ, а въ нормахъ самого учрежденія.

Введеніе всесословной волости явилось бы дальнѣйшимъ воплощеніемъ того принципа—призванія общественныхъ силъ на работу для блага отечества, который вложенъ въ земскія учрежденія и который принесъ уже такъ много пользы странѣ. Несоотвѣтствіе, существующее между назрѣвшими въ провинціи общественными силами и наличными условіями для мѣстной дѣятельности, составляетъ важную помѣху поднятію Россіи на ту высоту, на которой она можетъ и должна стать по тѣмъ силамъ,

какія представляютъ ея земля и люди. Печать, какъ выразительница общественнаго мнѣнія, непрестанно говоритъ объ этомъ несоотвѣтствіи и о традиціонныхъ препятствіяхъ, которыя продолжаютъ стѣснять и суживать общественную работу. Какъ на частный, но за то весьма наглядный примѣръ можно указать на затрудненія, встрѣчаемыя при устройствѣ народныхъ чтеній. Говорить о громадномъ значеніи народныхъ чтеній значило бы повторять первыя буквы азбуки. Высочайшими отмѣтками значеніе и желательность распространенія ихъ признаны съ высоты Престола. А между тѣмъ соотвѣтствуетъ ли дѣйствующій законъ сознанному и въ обществѣ, и въ правительствѣ важному значенію народныхъ чтеній? Нѣтъ, соотвѣтствія здѣсь ни малѣйшаго. И такое несоотвѣтствіе тѣмъ болѣе поразительно, что здѣсь дѣло идетъ лишь о чтеніи книгъ, прошедшихъ уже тройную цензуру: цензуру общую, духовную и ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. И вотъ, несмотря на такую сложную цензуру книгъ для народнаго чтенія, чтеніе этихъ книгъ въ уѣздныхъ городахъ, деревняхъ и селахъ разрѣшается лишь съ 1893 года, причемъ разрѣшеніе на это обставлено такою массой трудностей и различныхъ стѣсненій, что часто добрый починъ остается только починомъ. Насколько затрудненъ порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній, показываетъ разсчетъ, сдѣланный бывшимъ инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Вахтеровымъ, въ статьѣ «Порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній», напечатанной въ августовской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ.

Несмотря, однако, на всѣ затрудненія и препятствія, живыя теченія берутъ свое, и общественная дѣятельность разрастается какъ пространственно, такъ и по видамъ ея проявленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря жизненному опыту, совершенствуется и самая организація работы общественныхъ союзовъ. Такъ, за послѣднее время, произошло значительное усовершенствованіе въ организаціи помощи бѣднымъ въ городахъ. Примѣръ подала Москва, за ней послѣдовали другіе города. Усовершенствованная организація помощи бѣднымъ въ городахъ дала вездѣ такіе же благопріятные результаты, какъ въ Москвѣ. *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* напечатали недавно данныя за первый годъ дѣятельности харьковскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. До реформы дѣла помощи бѣднымъ Харькова, оно находилось въ вѣдѣніи харьковскаго благотворительнаго общества. Главные недостатки дѣятельности этого общества были тѣ же, какіе присущи всѣмъ вообще обществамъ съ полу-бюрократическимъ составомъ и характеромъ. Они заключались въ централизаціи дѣла призрѣнія бѣдныхъ, довольно пассивной роли лицъ, собиравшихъ свѣдѣнія, и недостаточности свѣдѣній для дѣйствительнаго ознакомленія съ бѣднымъ людомъ. Все это вело къ отсутствію прямыхъ и непосредственныхъ сношеній между бѣдняками и лицами, имъ благотворившими, кругъ которыхъ былъ довольно замкнутымъ и ограниченнымъ. Послѣдствіемъ такого порядка дѣлъ было то, что выдаваемыя обществомъ денежныя пособія носили весьма случайный характеръ. Благопріятные результаты дѣятельности

московскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ, построенныхъ на началахъ широкой общественной самодѣятельности и передачи дѣла сношеній съ городскою бѣднотой въ руки отдѣльныхъ самостоятельныхъ органовъ, дѣйствующихъ на пространствѣ небольшихъ территоріальныхъ единицъ, побудили нѣсколькихъ членовъ общества, въ томъ числѣ и харьковскаго губернатора Г. Тобизена, реорганизовать на подобныхъ же началахъ дѣло благотворительности въ Харьковѣ. Въ этомъ смыслѣ въ благотворительное общество было внесено мотивированное предложеніе. «Проектируемыя попечительства,—говорилось въ предложеніи,—привлекши къ организованному дѣлу помощи бѣднымъ и обездоленнымъ живыя общественныя силы и въ возможно значительномъ числѣ, не только создадутъ новые источники средствъ для помощи бѣднымъ, но и будутъ содѣйствовать основательному обслѣдованію положенія каждаго нуждающагося и изученію, такимъ образомъ, состоянія и нуждъ города Харькова въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія. Въ виду этого предлагалось придать участковымъ попечительствамъ такую организацію, при которой общественнымъ начинаніямъ и дѣятельности былъ бы доставленъ возможный просторъ, роль же совѣта благотворительнаго общества была бы только направляющая и ограничивалась утвержденіемъ должностныхъ лицъ попечительствъ, контролемъ и ревизіей денежныхъ суммъ и т. п. Предложеніе это было принято. Затѣмъ послѣдовало избраніе коммиссіи, которая составила «временныя правила» о попечительствахъ г. Харькова; правила эти безъ замедленія были утверждены, и въ 1896 году попечительства начали дѣйствовать.

Выше мы сказали, что образцомъ для харьковской организаціи послужили московскія попечительства о бѣдныхъ, тѣмъ не менѣе, между организаціей дѣла благотворительности въ Харьковѣ и Москвѣ есть и нѣкоторое различіе. Во-первыхъ, харьковскія попечительства пріурочены не къ дѣятельности городского управленія, и, во-вторыхъ, раздѣленіе Харькова на участки произведено по церковнымъ приходамъ. По числу приходовъ предполагались къ открытію 18 попечительствъ, но въ трехъ приходахъ дѣло призрѣнія приняли на себя ранѣе существовавшія приходскія попечительства. Останавливаясь на свѣдѣніяхъ, касающихся дѣятельности 15-ти попечительствъ, *Харьковскія Губернскія Вѣдомости* прежде всего отмѣчаютъ, что новыхъ лицъ, которыя были привлечены къ дѣятельности новою организаціей дѣла, было 1,385. Съ перваго же начала дѣятельности восемь попечительствъ признали необходимымъ раздѣлить участки на особые районы, всѣ бѣдные которыхъ поручались наблюденію особыхъ членовъ (подобіе эльберфельдской системѣ); такихъ районовъ въ 8-ми участкахъ было образовано 76. На совѣщаніяхъ попечительствъ было рѣшено удовлетворять прежде всего острую нужду, а затѣмъ, если позволятъ средства, и другіе виды нужды. Въ первый же годъ своей дѣятельности попечительства нашли возможнымъ оказать помощь почти 2,000 лицъ, что составляло болѣе $^3/_4$ общаго числа лицъ, обращавшихся въ попечи-

тельства. Помощь оказывалась какъ деньгами, такъ и натурою—каменнымъ углемъ, платьемъ, обувью, лѣкарствами, предоставленіемъ работъ. Были открыты и два заведенія для призрѣнія старухъ, дѣвочекъ и глухонѣмыхъ: для первыхъ—небольшая богадѣльня, для вторыхъ—пріютъ съ обученіемъ шитью и кройкѣ, для третьихъ—школа. Главнымъ образомъ, однако, попечительства, не имѣя пока собственныхъ учрежденій для призрѣнія, помѣщали нуждающихся въ существующіе въ Харьковѣ сословные, общественные и частные богадѣльни, пріюты, больницы и т. п.

Таковы первые шаги дѣятельности харьковскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Они служатъ доказательствомъ, что возлагавшіяся на попечительства надежды отчасти оправдались.

Какъ организація попечительствъ о бѣдныхъ, привлекающая къ дѣлу благотворительности живыя силы общества, является новымъ видомъ помощи крайней нуждѣ, точно такъ же новый путь общественной самодѣятельности представляютъ собою возникающія за послѣднее время общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Такіе пріюты учреждены уже двадцатью пятью городами. Къ этимъ 25-ти городамъ присоединяется теперь Калуга, гдѣ въ непродолжительномъ времени начнетъ функціонировать пріютъ, устроенный мѣстнымъ обществомъ. Одинъ изъ энергичныхъ работниковъ по устройству пріюта въ Калугѣ, Н. Г. Серновскій, издалъ на-дняхъ интересную брошюру объ исторіи развитія въ Россіи колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и, въ частности, о возникновеніи таковой колоніи въ Калугѣ. Въ дальнѣйшей нашей рѣчи мы воспользуемся нѣкоторыми данными названной брошюры.

Возникновеніе пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ явилось результатомъ распространяющагося сознанія, что пребываніе въ тюрьмѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ служитъ источникомъ ихъ дальнѣйшаго развращенія. Сильнымъ доказательствомъ этому является число рецидивистовъ изъ малолѣтнихъ, побывавшихъ въ тюрьмѣ. На первомъ съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній представитель петербургскаго тюремнаго комитета привелъ данныя тюремъ, по которымъ процентъ рецидива для дѣтей, содержавшихся въ тюрьмахъ, равенъ 96. Сопоставьте, теперь, съ этою цифрой рецидивы питомцевъ исправительныхъ колоній—и вы увидите, какое громадное значеніе имѣютъ такія колоніи! На IV съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній (1895 г.) сенаторъ Н. С. Таганцевъ представилъ докладъ о рецидивахъ среди бывшихъ питомцевъ колоній и пріютовъ. Оказалось, въ среднемъ, процентъ рецидива между ними равняется 15,6%. Таковъ средній процентъ; но для нѣкоторыхъ особенно хорошо устроенныхъ и управляемыхъ пріютовъ этотъ средній процентъ значительно понижается. Изъ выпущенниковъ московскаго Рукавишниковскаго пріюта, *помѣщенныхъ въ провинцію на работы,* въ теченіе послѣдняго десятилѣтія *ни одинъ* не впалъ въ рецидивъ. Можетъ ли быть болѣе краснорѣчивая аргументація значенія

пріютовъ и обязанности общества устроить ихъ въ такомъ числѣ, чтобы всѣ малолѣтніе преступники могли избѣжать помѣщенія въ тюрьмы? Такимъ простымъ средствомъ мы спасаемъ массы дѣтей отъ омута преступленій и увеличиваемъ безопасность самого общества. Открытые до сихъ поръ въ нашемъ отечествѣ колоніи и пріюты еще слишкомъ недостаточны для достиженія такой задачи. Они могутъ вмѣстить въ себя лишь 10% всѣхъ осужденныхъ дѣтей; остальные 90% продолжаютъ быть обреченными начинать лучшую и наиболѣе впечатлительную пору своей жизни пребываніемъ въ тюрьмѣ и дѣлаться, почти навѣрное, закоренѣлыми преступниками. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать радостно открытіе каждаго новаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ.

Мысль объ учрежденіи въ Калугѣ пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ возникла въ мѣстномъ обществѣ уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Для образованія необходимаго для пріюта капитала калужское губернское земство постановило отчислять ежегодно 10% изъ штрафныхъ суммъ. Затѣмъ стали поступать частныя пожертвованія. Рѣшительнымъ же моментомъ въ осуществленіи назрѣвавшей мысли была весенняя сессія окружного суда въ Калугѣ въ 1894 году. Въ теченіе этой сессіи было разсмотрѣно нѣсколько дѣлъ о малолѣтнихъ; судились они по большей части за мелкія кражи со взломомъ. Но одно дѣло въ особенности вызвало много толковъ среди присяжныхъ какъ во время суда, такъ и по окончаніи его. Судились трое мальчиковъ, изъ коихъ одному было 16 лѣтъ, другому 14 и третьему 12 лѣтъ, за святотатство, совершенное ими въ Лихвинскомъ уѣздѣ. Чрезъ открытое окно въ церкви одинъ изъ «преступниковъ», съ вѣдома и въ присутствіи другихъ, проникъ въ церковь и похитилъ оттуда дароносицу со св. дарами, чашею и лжицею. Виновность подсудимыхъ какъ въ этомъ преступленіи, такъ и по другимъ дѣламъ была каждый разъ внѣ всякаго сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе присяжные всякій разъ выносили малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ преступникамъ оправдательные вердикты. Эти оправдательные приговоры, идущіе въ разрѣзъ съ очевидностью преступленія и несомнѣнною виновностью подсудимыхъ, старшина присяжныхъ, А. Л. Ромейко-Гурко, въ письмѣ на имя калужскаго губернатора, объяснилъ исключительно опасеніемъ «подвергнуть малолѣтнихъ долговременному заключенію въ тюрьмѣ, откуда они могутъ выйти лишь окончательно испорченными и вредными для общества людьми. Между тѣмъ, если помѣстить этихъ малолѣтнихъ дома въ семьѣ или средѣ менѣе испорченной, чѣмъ тюремная, то получится нѣкоторая надежда на исправленіе ихъ». Отсюда авторъ письма приходитъ къ выводу о необходимости скорѣйшаго устройства въ Калугѣ исправительнаго пріюта, куда малолѣтніе преступники могли бы помѣщаться судомъ «не на нѣсколько карательныхъ мѣсяцевъ, а на нѣсколько исправительныхъ лѣтъ».

Вскорѣ послѣ этого инцидента образовалось въ Калугѣ общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Собравъ путемъ членскихъ взносовъ и другими способами до-

статочный для открытія пріюта капиталъ, оно въ текущемъ году приступило къ осуществленію своей цѣли. Обществомъ пріобрѣтенъ уже въ Калугѣ солидный каменный домъ и при немъ земли 2,802 кв. саж. На обращенное обществомъ ко всѣмъ земствамъ Калужской губерніи приглашеніе отчислять въ пользу общества ежегодныя пособія въ размѣрѣ отъ 100 до 300 руб., независимо отъ десятипроцентныхъ отчисленій со штрафныхъ суммъ, отъ одиннадцати земствъ послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Точно также и городская дума постановила отпускать на нужды пріюта ежегодно по 300 рублей. Директоромъ пріюта единогласно выбранъ тотъ самый А. Л. Гурко, который, будучи старшиной присяжныхъ засѣдателей, рѣшительно заявилъ, что пока не учреждено для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ исправительнаго пріюта и потому, въ случаѣ осужденія, имъ грозитъ тюрьма, онъ въ интересахъ малолѣтнихъ «преступниковъ» и самого общества всегда будетъ подавать голосъ за оправданіе таковыхъ подсудимыхъ, хотя бы совершеніе ими преступленія было вполнѣ доказано.

Въ текущемъ году исполнилось 35-лѣтіе дѣятельности общества калужскихъ врачей. Это чуть ли не единственное изъ провинціальныхъ медицинскихъ обществъ, которое въ теченіе всѣхъ 35 лѣтъ не только ни разу не прерывало своей дѣятельности, но постоянно заявляло о ней работой на пользу городского населенія и ежегодно издающимися печатными отчетами. Обстоятельства, сопровождавшія разрѣшеніе этого общества, представляютъ одну изъ характерныхъ страницъ въ исторіи возникновенія общественныхъ союзовъ въ нашемъ отечествѣ. Эти обстоятельства, равно какъ и ходъ развитія общества, разсказаны въ брошюрѣ, изданной въ годъ двадцатипятилѣтняго юбилея общества. Въ началѣ 1861 года калужскіе врачи явились къ представителю медицинскаго сословія, инспектору врачебной управы, и заявили о своемъ желаніи составить общество, причемъ письменно изложили цѣль общества, прося ходатайства о разрѣшеніи устройства регулярныхъ собраній. Годъ прошелъ въ ожиданіи отвѣта. Въ концѣ года, вмѣсто разрѣшенія собраній и содѣйствія къ устройству общества, врачи встрѣтили полное противодѣйствіе, выраженное въ формальномъ предписаніи, запрещающемъ всякія собранія врачей, хотя бы и съ научною цѣлью, «такъ какъ отъ научныхъ бесѣдъ въ подобныхъ собраніяхъ, кромѣ незрѣлыхъ плодовъ, ничего другого ожидать нельзя». Калужскіе врачи продолжаютъ хлопотать о разрѣшеніи и, наконецъ, получаютъ его въ концѣ 1862 года.

Дѣятельность общества въ теченіе его 35-лѣтняго существованія выразилась въ трехъ главныхъ направленіяхъ: 1) дѣятельность чисто-научная, 2) дѣятельность санитарно - практическая въ интересахъ г. Калуги и Калужской губерніи и 3) дѣятельность профессіонально-корпоративная. Каждое засѣданіе общества начинается чтеніемъ оригинальныхъ статей, представляемыхъ членами, и затѣмъ обсужденіемъ ихъ. Послѣ чтенія и обсужденія оригинальныхъ статей слѣдуютъ сообщенія о замѣчательныхъ случаяхъ изъ практической дѣятельности. Затѣмъ прочитываются и обсужда

ются извлеченія изъ медицинскихъ журналовъ о какихъ-либо интересныхъ новыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ. Всякое засѣданіе оканчивается заявленіями о наиболѣе распространенныхъ въ данный моментъ въ городѣ болѣзняхъ, о принятыхъ мѣрахъ или о томъ, что̀ слѣдуетъ принять къ ограниченію или прекращенію ихъ.

Одною изъ задачъ общества является помощь бѣднымъ больнымъ безмездными совѣтами и безплатнымъ снабженіемъ лѣкарствами. Насколько успѣшна въ этомъ отношеніи дѣятельность общества, видно изъ того, что въ послѣднее время въ его амбулаторіяхъ получали безплатно совѣты и лѣкарства до 13 тысячъ въ годъ заболѣвшихъ бѣдняковъ. Здѣсь на помощь обществу пришли земство, калужскіе аптекаря и мѣстный благотворитель I. П. Пестриковъ. Послѣдній пожертвовалъ капиталъ въ 5 тысячъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ него поступали на покупку лѣкарствъ, отпускаемыхъ аптекарями бѣднякамъ. Аптекаря Калуги, состоящіе членами общества, отпускаютъ бѣднякамъ, по рецептамъ врачей, лѣкарства безплатно. Это практикуется уже слишкомъ 10 лѣтъ и ежегодно бѣдняки получаютъ лѣкарствъ на 800 и болѣе рублей въ годъ. Если при этомъ имѣть въ виду, что по совѣтамъ больничныхъ врачей отпускаются бѣднымъ лѣкарства изъ больничной аптеки на счетъ земства, то въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный предсѣдатель общества, помощь заболѣвшимъ бѣднякамъ въ Калугѣ можно считать значительно обезпеченною.

Въ заключеніе нашей краткой замѣтки о дѣятельности общества калужскихъ врачей умѣстно указать на тотъ рѣдкій фактъ, что во главѣ общества за все тридцатипятилѣтіе стоитъ одно и то же лицо. В. Е. Кричевскій во всѣ 35 лѣтъ существованія общества былъ его безсмѣннымъ или, правильнѣе выражаясь, ежегодно вновь избираемымъ предсѣдателемъ.

**И. Иванюковъ.**

---

# ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Земство на окраинахъ.—Наша печать и польскій вопросъ.—Народное образованіе и *Гражданинъ*.—Убыточность протекціонизма.—Важное рѣшеніе сената.—Неурожай и статистика.—О задачахъ университета.—Юбилей Н. Н. Златовратскаго.

Противъ надвинувшагося на насъ бѣдствія неурожая принимаются серьезныя мѣры, въ особенности, конечно, въ губерніяхъ земскихъ. Несмотря на то, что земское Положеніе 1890 года въ значительной степени отступило отъ основъ, положенныхъ въ наше самоуправленіе Императоромъ Александромъ II, выгоды и удобства этого самоуправленія сказываются и при новыхъ порядкахъ. Правительство намѣрено распространить земскія учрежденія, въ извѣстной постепенности, на всю Россію. Подготовительныя работы для этого въ полномъ ходу. Вѣроятно, на дальнихъ окраинахъ земство получитъ нѣсколько иную организацію, и въ этомъ отношеніи правительство можетъ извлечь много пользы изъ разработки вопроса мѣстными дѣятелями, близко знакомыми съ условіями и особенностями края. Интересный матеріалъ представляетъ, напримѣръ, изданіе газеты *Новое Обозрѣніе* (составляемое г. Тумановымъ) *Записки и статьи о введеніи земскихъ учрежденій въ Тифлисской губерніи* *). По справедливому замѣчанію кн. Туманова, «всякая идея, какъ бы по существу своему проста и очевидна ни была, не сразу проникаетъ въ массу. А если идея требуетъ и практическаго осуществленія, ломки въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и задѣваетъ интересы отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ классовъ, то на признаніе такой идеи и осуществленіе ея не можетъ не пойти много времени и труда. Къ сожалѣнію, печать наша до сихъ поръ не имѣла возможности популяризировать въ нашемъ обществѣ идею самоуправленія, чему главнымъ образомъ и нужно приписать ту медленность, съ какою двигается ея осуществленіе. Получивъ въ настоящее время возможность сосредоточить вниманіе общества на столь важномъ вопросѣ, спѣшимъ собрать матеріалы, которые могли бы дать обществу ясное понятіе о готовящейся реформѣ. Съ этою цѣлью мы время отъ времени будемъ выпускать собраніе тѣхъ записокъ и статей, которыя будутъ посвящаться данному вопросу».

*) Тифлисъ, 1897 г. Намъ доставленъ покуда первый выпускъ.

Въ обстоятельной запискѣ кн. Туманова о необходимости введенія земскихъ учрежденій на Кавказѣ приведено много данныхъ, свидѣтельствующихъ, какъ развивается благосостояніе и образованіе съ установленіемъ органовъ самоуправленія. Приводить подробности изъ названной брошюры мы не будемъ, отсылая интересующихся къ ней самой.

Вмѣстѣ съ заботами о распространеніи земскихъ учрежденій на окраины слѣдуетъ отмѣтить и то, что правительство обратило вниманіе на недостатки нынѣ дѣйствующаго земскаго Положенія. Министерство внутреннихъ дѣлъ предложило на разсмотрѣніе земскихъ управъ, а потомъ и на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній рядъ вопросовъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ *Положеніи*. Въ теченіе многихъ лѣтъ земства входили съ разнообразными ходатайствами, въ большей или меньшей степени затрогивающими общую постановку земскаго дѣла. Недостатки *Положенія* выяснились вполнѣ и давно назрѣлъ вопросъ объ ихъ устраненіи.

Предложенные министерствомъ на обсужденіе вопросы не обнимаютъ всего круга земской дѣятельности; но, очевидно, при разсмотрѣніи ихъ въ управахъ и собраніяхъ будутъ указанія на разныя пробѣлы въ этомъ отношеніи и на необходимость тѣсной связи отдѣльныхъ вопросовъ съ общими основами земскаго самоуправленія.

---

По поводу нашего сентябрьскаго обозрѣнія *Моск. Вѣд.* (№ 263) выступили противъ насъ со статейкою, переполненною такою грубою бранью, которую нѣсколько странно читать даже въ этой газетѣ. Отвѣчать на подобныя статьи мы, конечно, не будемъ, но, въ виду огромной важности для внутренняго и внѣшняго положенія нашего отечества вопроса о примиреніи съ поляками, мы возвращаемся къ этому вопросу.

Сторонники нашего стараго режима въ Царствѣ Польскомъ кричатъ, что они,—часто недавніе иностранцы-иновѣрцы, или революціонеры,—именно и только они являются истинно-русскими людьми. Смѣшное притязаніе которое однако не безвредно, потому что разсчитано на шовинизмъ, имѣющійся и въ русскомъ обществѣ. Допустимъ, что *либералы* не истинно-русскіе люди потому, что они говорятъ объ общеевропейскихъ учрежденіяхъ и проповѣдуютъ общеевропейскую вѣротерпимость. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать лже-русскими Каткова и Леонтьева, которые въ доказательство прелестей классицизма приводили то, что классическая система средняго образованія, новая для насъ, является благодѣтельнымъ, по ихъ мнѣнію, наслѣдіемъ общеевропейской культуры.

Самозванные самобытники и мнимые послѣдователи славянофиловъ скрываютъ отъ своихъ читателей, что именно отношеніе къ польскому вопросу такихъ людей, какъ Хомяковъ или И. С. Аксаковъ, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ отношеніемъ къ этому вопросу *Моск. Вѣдом.*, *Новаго Времени* и ихъ единомышленниковъ. Неужели Хомяковъ и Аксаковъ не истинно-русскіе люди по сравненію съ нынѣшними руководителями этихъ газетъ?

«Развитію *польской* народности,—писалъ Аксаковъ въ *Днѣ*,—положено на-дняхъ *Россіей* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши» (дѣло идетъ объ освобожденіи польскихъ крестьянъ). Далѣе въ той же статьѣ мы читаемъ слѣдующія строки: «Нашему славянскому чувству возмутительно видѣть ослабленіе славянской народности въ какомъ бы то ни было славянскомъ племени, тѣмъ болѣе—онѣмеченіе нашихъ ближайшихъ славянскихъ братьевъ,—и еще болѣе превращеніе ихъ въ австрійцевъ,—не по внѣшней только ихъ зависимости, но по мысли и сердцу: такого нравственнаго паденія славянъ не желали бы мы никакихъ пользъ государственныхъ ради, да и ошибочны всѣ соображенія государственной пользы, какъ скоро они основаны на подобномъ извращеніи нравственнаго достоинства подданныхъ».

Гдѣ же истинно-русскимъ людямъ изъ *Моск. Вѣд.* и *Нов. Вр.* понять такія мысли и чувства! На-дняхъ только первая изъ этихъ газетъ выражала полное одобреніе прусской политикѣ въ Познани, стремящейся къ тому, чтобъ искусными и настойчивыми мѣрами стереть польскую національность.

Большинство нашей печати, къ счастью, не забыло по данному вопросу завѣтовъ знаменитыхъ славянофиловъ и лучшихъ представителей западничества. *Петербургскія Вѣдомости* особенно сильно нападаютъ на *Московскія Вѣдомости*. Въ статьѣ, озаглавленной *Всероссійскіе фарисеи*, г. Гольмстремъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Возьмите стараго, закоренѣлаго развратника и покажите ему что-либо чистое: эта самая чистота всего сильнѣе вызоветъ у него наидурнѣйшія побужденія. То же самое происходитъ въ эти дни съ одной московской газетой: ей непремѣнно хочется изгадить чистый источникъ польскаго движенія, который бьетъ такой свѣтлой струей, вызванный къ жизни чудными словами, откликомъ высоко настроеннаго, благороднаго сердца. И вотъ ополчился органъ г. Грингмута противъ поляковъ и евреевъ, которыхъ, кстати сказать, судя по другой статьѣ въ томъ же номерѣ, совсѣмъ нѣтъ въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, а если есть, то они всѣ крещеные,—и даже нѣсколько разъ, такъ что совсѣмъ стали православными» *).

Въ другой статьѣ та же газета, возражая *Новому Времени*, говоритъ, что для внутренняго объединенія народностей въ государствѣ необходима культура, а не полицейскія мѣропріятія. «Пусть поднимаютъ центръ, а не угнетаютъ окраины. Довольно отрицательной чиновничьей дѣятельности: дѣлайте положительное дѣло, государственное!» **).

*Московскія Вѣдомости* очень любятъ ссылаться на притѣсненія, которыя испытываютъ русины отъ польской шляхты. Намъ неоднократно приходилось указывать, что въ Галиціи происходятъ прискорбныя вещи, что тамошніе поляки дѣйствительно, во многихъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ

---

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 247.

**) *Петербургскія Вѣдомости*, № 259.

административнымъ насиліямъ. Изъ этого слѣдовало бы вывести, что вообще не должно прибѣгать къ такимъ насиліямъ. Несправедливое въ Галиціи по отношенію къ русскимъ будетъ несправедливостью и въ Россіи по отношенію къ полякамъ. Но Маккіавелли изъ *Московск. Вѣд.* такого заключенія не дѣлаютъ. Ссылаясь на газету *Галичанинъ*, которая «вполнѣ основательно не вѣритъ искренности поляковъ», *Московск. Вѣд.* соглашаются съ тѣмъ, что «всѣ толки въ польскихъ сферахъ на тему примиренія съ Россіей не что иное, какъ вѣроломная тактика, направленная, во-первыхъ, къ тому, чтобъ усыпить русскую бдительность и захватить, при помощи лицемѣрно-коварнаго смиренія, то, чего нельзя захватить инымъ путемъ, а во-вторыхъ—продолжать вести въ Галиційской Руси истребительную войну противъ всего русскаго» *).

Мы понимаемъ недовѣріе русскихъ въ Галиціи къ угнетающимъ ихъ полякамъ; но насъ-то развѣ поляки угнетаютъ? Нельзя не согласиться и съ осужденіемъ «истребительной войны противъ всего русскаго» въ Галиціи; но что же оправдываетъ предложеніе вести такую же войну въ Россійской имперіи противъ всего польскаго?

*Московскія Вѣдомости* не стѣсняются такими противорѣчіями. Для нихъ нѣтъ обязательныхъ для государства требованій нравственности и права. Хорошо по сю сторону нашей границы, осуждается по ту сторону. Пруссаки притѣсняютъ поляковъ, — это естественно и иначе быть не можетъ: «Прусское правительство смотритъ на свои восточныя провинціи какъ на неотъемлемую государственную собственность и желаетъ упрочить связь центра съ восточными окраинами путемъ насажденія въ послѣднихъ германскаго элемента. Это стремленіе не только не заключаетъ въ себѣ ничего «чудовищнаго» въ отношеніи поляковъ, но съ государственной точки зрѣнія и вполнѣ естественно и законно. Такъ и должно поступать правительство страны, не желающей умереть и вѣрящей въ свое политическое бытіе» **).

Когда то же самое дѣлаютъ поляки въ Галиціи по отношенію къ русскимъ, это возмущаетъ чувство справедливости *Московск. Вѣд.* Однимъ словомъ, это мораль дикаря. Когда у бушмена спрашивали, что такое добро и зло, онъ отвѣтилъ: если я украду чужую жену—это добро; если у меня украдутъ жену—это зло. Нужно *Московск. Вѣд.* изобразить Мицкевича пѣвцомъ измѣны,—они (съ чужого голоса ***) такъ его и изобразятъ, умалчивая о томъ, что писалось хотя бы въ старомъ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ статьѣ г. Макушева *Андрей Товіанскій* (май 1879 года, стр. 239—240) приведены слѣдующія слова великаго славянскаго поэта: «мы должны по-

---

*) *Московскія Вѣдомости*, № 258.

**) *Московскія Вѣдомости*, № 258.

***) Кстати, Иванъ Франко, который въ данномъ случаѣ такъ вдохновилъ *Моск. Вѣд.*, тоже совершилъ „эволюцію“: петербургскій *Kraj* указываетъ, что г. Франко въ 1885 году напечаталъ въ этой газетѣ статью, въ которой восторженно отзывался о благодѣтельномъ вліяніи Мицкевича на русинскую литературу (*Kraj*, № 31).

любить чистое и доброе въ Россіи, какъ любимъ друзей, и въ духѣ этой любви дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими. Если они не почувствуютъ этой любви, то не почувствуютъ и силы и будутъ насъ угнетать». Въ другомъ мѣстѣ Мицкевичъ говорилъ: «Слѣдуетъ предстать (предъ императоромъ всероссійскимъ) въ тонѣ правды, а не ненависти, показать себя мужемъ, а не червякомъ. Червяка, ползущаго съ затаеннымъ ядомъ, каждый имѣетъ право растереть».

*Новое Время,* поддакивая и подсвистывая *Моск. Вѣд.*, патетически возстаетъ противъ того, чтобы Россія отказалась отъ русскаго языка.«Въ процессѣ внутренняго объединенія,— говоритъ газета,— самое главное и, дѣйствительно, могущественное, неотразимое орудіе активнаго дѣйствія— это государственный языкъ. Ирландецъ, нѣмецъ или хотя бы литовецъ, переселившійся въ Америку и во второмъ поколѣніи говорящій по-англійски, а часто совершенно забывающій отечественный языкъ, уже перестаетъ быть ирландцемъ, нѣмцемъ или литовцемъ, а становится американскимъ гражданиномъ не по формальной только, но и по внутренней связи съ новымъ отечествомъ».

Совершенно справедливо; но развѣ въ Америкѣ англійскій языкъ распространяется насильственными мѣрами, развѣ тамъ запрещается вести преподаваніе въ школахъ на какомъ угодно языкѣ? Языкъ Пушкина, Тургенева, Толстого также не нуждается въ протекціонизмѣ. Что касается преподаванія не русскимъ дѣтямъ русскаго языка, какъ государственнаго, то такое преподаваніе мы считаемъ и справедливымъ, и весьма полезнымъ, въ узко-государственномъ смыслѣ даже необходимымъ.

И *Новое Время*, какъ *Московскія Вѣдомости*, объявляетъ, что истинно русскими людьми должно считать только тѣхъ, кто пишетъ нововременскія статьи или соглашается съ ними. Если настанетъ время, когда все многомилліонное и разноплеменное населеніе Россіи станетъ говорить по-русски, при такихъ же условіяхъ, при которыхъ въ Америкѣ всѣ говорятъ поанглійски,—этому порадуется каждый русскій, какъ мы думаемъ. Стремиться же къ тому, чтобы все населеніе государства говорило только по-русски, мы считаемъ и непужнымъ, и несправедливымъ. Вотъ способъ распространенія русскаго языка, которому мы вполнѣ сочувствуемъ: въ Сувалкахъ съ нынѣшняго сентября открыта частная (безплатная) женская воскресноремесленная школа. Учредительница, г-жа Кислинская, объявляетъ, что преподаваніе всѣхъ предметовъ въ школѣ будетъ происходить на русскомъ языкѣ. Такому обрусительному пріему нельзя, повторяемъ, не выразить сочувствія.

То же чувство,—въ большихъ, конечно, размѣрахъ,—вызываетъ правительственное мѣропріятіе, о которомъ сообщилъ недавно *Варшавскій Дневникъ*. При графѣ Шуваловѣ, по его почину, предположено было устроить при гминныхъ управленіяхъ небольшія народныя библіотеки на русскомъ и польскомъ языкахъ. Покуда постановлено открыть 20 библіотекъ—десять при гминныхъ управленіяхъ и десять при школахъ, чтобы выяснить, какой

изъ этихъ двухъ типовъ библіотекъ окажется болѣе соотвѣтствующимъ мѣстнымъ условіямъ. «Гминныя библіотеки будутъ находиться въ вѣдѣніи администраціи, пришкольныя—учебнаго начальства. И тѣ, и другія будутъ имѣть своими попечителями мѣстныхъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, на коихъ, по закону, возлагаются ближайшія заботы объ интересахъ крестьянскаго населенія. Непосредственное завѣдываніе пришкольными библіотеками предоставляется народнымъ учителямъ; гминныя же поручаются наиболѣе подходящимъ, по умственному развитію и нравственнымъ качествамъ, чинамъ гминнаго управленія.

«На первое время въ каждую библіотеку включено 250 книгъ; изъ нихъ 100—на русскомъ языкѣ и 150—на польскомъ. Кромѣ того, для каждой библіотеки будетъ выписана и *Праздничная Газета* (польская), издаваемая г. Прушинскимъ.

«Всѣ входящія въ библіотеки книжки распредѣлены, по содержанію, на пять отдѣловъ: 1) духовно-нравственный, 2) популярно-научный (по географіи, космографіи, естествознанію, юриспруденціи и пр.), 3) народнаго здравія, 4) спеціальный (по хозяйству сельскому и домашнему) и 5) беллетристическій (разсказы, повѣсти, стихотворенія и проч.). Послѣдній отдѣлъ—самый богатый; остальные—почти равны между собою по числу входящихъ въ нихъ сочиненій.

«Книги на русскомъ языкѣ это — большею частью тѣ самыя, которыя обыкновенно входятъ въ составъ школьныхъ библіотекъ министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій лучшихъ русскихъ авторовъ—Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Григоровича, Гоголя и проч., въ библіотеки вошли изданія «Посредника», комитетовъ грамотности, а также сочиненія по сельскому хозяйству московской коммиссіи народныхъ чтеній (изданія Тихомирова).

«Польская часть библіотекъ состоитъ изъ сочиненій извѣстныхъ здѣсь народныхъ писателей и издателей популяризаторовъ—Промыка, Дыгасинскаго, Грайнерта, Бржезинскаго, Антошки и проч., а также изъ талантливыхъ народныхъ разсказовъ Клеменса Юноши, Болеслава Пруса, Оржешко и др. Въ отдѣлъ духовно-нравственный вошли книжки религіознаго содержанія лишь на польскомъ языкѣ, одобренныя духовною католическою цензурою.

«Открыть библіотеки предположено 1 ноября настоящаго года».

Но, заботясь объ обученіи русскому языку дѣтей другихъ народностей, намъ не мѣшало бы позаботиться объ улучшеніи его преподаванія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ сельскихъ начальныхъ и въ городскихъ школахъ у насъ чрезмѣрное мѣсто отведено диктанту, грамматикѣ и церковно-славянскому языку; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ родному языку и словесности дано очень мало мѣста и преподаваніе идетъ малоуспѣшно. По отчету Петербургскаго учебнаго округа въ прошломъ году на испытаніяхъ зрѣлости изъ 615 письменныхъ работъ хорошими признаны: въ правительственныхъ гимназіяхъ—24%, въ нѣмецкихъ—31%, въ частныхъ рус-

скихъ—17%. Слабыми признано въ правительственныхъ гимназіяхъ—27%, въ нѣмецкихъ — 24%, въ русскихъ частныхъ — 37%. Лучшіе успѣхи по русскому языку обнаруживаютъ стало быть нѣмецкія училища. Ни умѣнье вдумываться и излагать, ни даже правописаніе не подвинулись впередъ сравнительно съ прошлыми годами. Столь же прискорбные результаты оказались и при разсмотрѣніи письменныхъ работъ учениковъ реальныхъ училищъ. Плохую постановку у насъ школьнаго дѣла признаетъ, къ удивленію, и такой журналъ, какъ *Русское Обозрѣніе*, въ которомъ видное участіе до сихъ поръ принимали воспѣватели классической системы. «Все въ этой школѣ формально,—говоритъ *Русское Обозрѣніе*,—всю ее можно назвать школой формализма. Съ одной стороны, учитель, дурно оплаченный, переутомленный и раздраженный, составляетъ безчисленныя вѣдомости для высшаго начальства, которое ему ни въ чемъ не вѣритъ, а потому и тщится уконтролировать каждый его шагъ при помощи различныхъ вѣдомостей. Не только ни малѣйшаго отступленія отъ программы учителю не дозволено, но и руководство для своихъ учениковъ онъ выбрать не имѣетъ права; однимъ словомъ, его достоинство оскорблено и унижено такъ, какъ, развѣ, оскорбляютъ и унижаютъ достоинство почтоваго старосты. Съ другой стороны, ученикъ, съ которымъ всѣ начальники формально вѣжливы, но до затрудненій и мученій котораго никому нѣтъ дѣла. Не понялъ, не справился ученикъ съ урокомъ,—тѣмъ хуже для него; пусть убирается изъ школы, она, вѣдь, не останется пустою. Что выноситъ ученикъ изъ такой школы? Слабое зрѣніе, атрофированную мускулатуру, плохую кровь, разстроенную нервную систему, дурныя манеры и физическую неловкость, обрывки разнообразныхъ, ничѣмъ не связанныхъ и поверхностныхъ познаній, весьма плохое знаніе древнихъ языковъ и еще худшее знаніе русскаго языка и русской исторіи, а главное, какъ вѣнецъ всего, значительную дозу пессимизма и твердое убѣжденіе, что всякое начальство существуетъ не на благо подчиненнымъ, а для ихъ огорченія и притѣсненія».

Будемъ надѣяться, что съ газетными извѣстіями о пересмотрѣ нашихъ гимназическихъ программъ не повторится того, что случилось со слухомъ объ учрежденіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссіи по вопросу о всеобщемъ обученіи. Мы упоминали объ этомъ слухѣ въ прошломъ обозрѣніи. Онъ оказался невѣрнымъ. «Это доказываетъ,— справедливо замѣчаетъ *Новое Время*,—только то, что не всякому слуху надо вѣрить, но нисколько не опровергаетъ крайнюю настоятельность поставить народную школу на болѣе твердыхъ и положительныхъ основаніяхъ, чтобы дать возможность учиться въ этой школѣ всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста».

Газета даже удивляется, почему этого до сихъ поръ не сдѣлано. «Если не принимать въ серьезъ объясненій извѣстнаго «политическаго» лагеря, полагающаго, что школьное образованіе вредно для населенія, а въ особенности для государства, которому, будто бы, чѣмъ-то угрожаетъ широкое распространеніе въ народѣ грамотности, то остается одинъ мотивъ нашей чрезмѣрной медлительности въ этомъ важномъ дѣлѣ—опасеніе слишкомъ

большаго новаго расхода. Но развѣ безграмотство, почти повальное въ народной массѣ, обходится намъ дешево?»

«Политическій» лагерь, на который намекаетъ *Новое Время*, продолжаетъ однако въ серьезъ бояться народнаго просвѣщенія. Въ *Дневникѣ* кн. Мещерскаго *) мы находимъ, напримѣръ, слѣдующія соображенія: «Вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, какъ извѣстно, одинъ изъ вопросовъ либеральной моды.

«Но какъ бы вы думали, какой органъ печати по этому модному вопросу высказывается въ унисонъ съ ультра-либеральнымъ журналомъ *Русская Мысль*?

«Ni plus, ni moins, какъ московскій *Церковный Вѣстникъ*.

«Онъ захлебывается рѣчами *Русской Мысли* по вопросу о народныхъ чтеніяхъ и высказываетъ имъ полное сочувствіе.

«Но сочувствіе чему?

«Сочувствіе той главной мысли, въ которой либеральный журналъ хочетъ видѣть правильную постановку вопроса о народныхъ чтеніяхъ. Находя, что всѣ доселѣ существующія постановленія предосторожности относительно народныхъ чтеній слишкомъ сложны и разнохарактерны, *Русская Мысль* предлагаетъ все это упростить и объединить посредствомъ предоставленія губернатору права не только разрѣшить кому и гдѣ онъ заблагоразсудитъ читать народу лекціи, но также учреждать и надзоръ за этими народными чтеніями.

«И вотъ этой-то мысли горячо сочувствуетъ *Церковный Вѣстникъ*, дѣлая видъ, что не понимаетъ, почему это могъ понадобиться либеральному органу тотъ самый губернаторъ, котораго для всякихъ другихъ оказій эти господа либералы признаютъ годнымъ только для ихъ устраненія. Ясно, что губернаторъ потому понадобился либеральному органу, какъ верховный судья въ дѣлѣ народныхъ чтеній, что ему некогда этимъ вопросомъ заниматься, а разъ ему некогда, то значитъ есть полное основаніе надѣяться, что народныя чтенія будутъ только номинально зависѣть отъ губернатора, а на дѣлѣ будутъ въ распоряженіи тѣхъ, которыхъ либеральный журналъ подразумѣваетъ подъ буквами и т. п., въ номенклатурѣ лицъ, призываемыхъ журналомъ къ надзору за народными чтеніями».

Мы привыкли къ тому, что *Гражданинъ* говоритъ удивительныя нелѣпости, но насъ удивляетъ, что онъ искажаетъ на этотъ разъ мнѣніе противника. Напечатанная у насъ статья г. Вахтерова есть докладъ въ московскомъ обществѣ грамотности. Заключенія докладчика единогласно приняты обществомъ. Думаемъ, что по вопросамъ народнаго образованія общество это компетентнѣе *Гражданина*. Кн. Мещерскій заподозриваетъ коварную цѣль въ ходатайствѣ о предоставленіи разрѣшать народныя чтенія губернаторамъ. Онъ говоритъ, что губернатору некогда этимъ заниматься, а министру внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурору синода есть на это время?

*) *Гражданинъ* № 17.

Они менѣе заняты? Разрѣшать народныя чтенія по всей Россіи легче, чѣмъ разрѣшать ихъ въ одной губерніи? Въ ходатайствѣ московскаго общества грамотности рѣчь идетъ о чтеніи только дозволенныхъ для этой цѣли книжекъ. Неужели министрамъ удобнѣе опредѣлять изъ Петербурга, кто можетъ читать въ Царевококшайскѣ эти книжки, чѣмъ мѣстному губернатору? *Гражданина* смущаютъ слѣдующія слова ходатайства: «...наблюденіе за чтеніями могло бы быть возлагаемо, напримѣръ, на мѣстныхъ священниковъ, преподавателей, членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, попечителей школъ *и т. п.*, по усмотрѣнію губернаторовъ».

*И т. п.* до такой степени пугаютъ *Гражданина*, что онъ отказывается даже отъ *усмотрѣнія*. Но что же это за усмотрѣніе безъ *и т. п.*? Мы, впрочемъ, на *и т. п.* не настаиваемъ, лишь бы упрощена была теперь дѣйствующая волокита и канцелярщина. Отнюдь изъ нашей статьи не выходитъ такъ: «предоставить на усмотрѣніе губернатора всѣмъ и каждому устраивать въ губерніи народныя чтенія съ предоставленіемъ надзора за ними тоже всѣмъ и каждому». Почувствовавъ странное съ его стороны недовѣріе къ губернаторамъ, *Гражданинъ* говоритъ: «Народное чтеніе—это самое сильное орудіе пропаганды въ народѣ мыслей. Если важно слѣдить за тѣмъ, чтобъ одна какая-нибудь дурная книжонка не могла производить вреднаго дѣйствія на одного ея читателя, то что же сказать о цѣломъ собраніи крестьянъ, которые будутъ получать свѣдѣнія и впечатлѣнія отъ какого-нибудь публичнаго лектора... Представьте себѣ каждую губернію, по плану *Русской Мысли*, одобряемому *Церковнымъ Вѣстникомъ*, переполненную народными чтеніями, предоставленными всѣмъ и каждому, съ надзоромъ, также предоставленнымъ каждому встрѣчному, и все это подъ отвѣтственностью губернатора, лишеннаго физической возможности отвѣчать, да этимъ путемъ можно будетъ въ два-три года обучить народъ какой угодно наукѣ соціализма и коммунизма, да такъ научить, что потомъ никакими мѣрами не разучишь...

«Мнѣ кажется, гораздо было бы проще никакихъ народныхъ чтеній не допускать иначе, какъ въ селахъ и въ городахъ при церквахъ, въ присутствіи приходскаго священника и подъ его отвѣтственностью».

Дѣйствительно, это всего проще.

---

Намъ доставлена брошюра г. Г. Г., первоначально печатавшаяся письмами въ *Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи* за нынѣшній годъ. Эти *Письма изъ Бельгіи* заключаютъ въ себѣ поучительныя данныя. Протекціонизмъ, благодаря которому у насъ дороги и земледѣльческія орудія, и фабричные товары, способствовалъ усыпленію предпріимчивости и энергіи нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Иностранные предприниматели, которымъ трудно соперничать съ русскими на нашемъ рынкѣ вслѣдствіе высокаго таможеннаго тарифа, придумали обойти это препятствіе: они стали переносить къ намъ свои капиталы, захватывать въ свои руки выгодныя старыя и открывать новыя производства. Барыши получаются огромные,

а терпитъ опять-таки русскій потребитель. Г. Г. Г. сообщаетъ, наприм., что акціи акціонернаго южно-русскаго днѣпровскаго металлургическаго общества (заводъ Кокериля) приносятъ бельгійскимъ капиталистамъ 20%. Не менѣе выгодно работаетъ французское общество криворогскихъ рудъ, французское общество для разработки русской каменной соли, бельгійскія «конки» въ Москвѣ и другихъ городахъ, и т. д. Авторъ брошюры полагаетъ, что такое бельгійское нашествіе очень полезно для насъ. То же самое, что происходитъ въ Россіи, было,—говоритъ онъ,—въ Вестфаліи: «это бельгійцы основали 50—60 лѣтъ тому назадъ металлургическую промышленность въ прирейнскихъ провинціяхъ Германіи, откуда затѣмъ вышли Эссенъ, Золингенъ, Дортмундъ и д. т., которые довели германскую металлургическую промышленность до такой высокой степени развитія». Такъ какъ нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ трудно поставить на ряду съ германскими, то у насъ «высокую степень развитія» пришлось бы при такихъ условіяхъ видѣть къ концу будущаго вѣка, и къ тому времени русскіе потребители переплатятъ иностраннымъ капиталистамъ громадныя суммы. Ненормальность нашей таможенной системы наглядно обрисовывается слѣдующимъ, напримѣръ, фактомъ: сахарозаводчики, дѣйствуя дружно, держатъ очень высокую цѣну на свой товаръ, а въ Англіи фунтъ сахару обходится (русскій) копейки четыре-пять и имъ кормятъ там свиней.

---

Поучительно было бы узнать, на какихъ фабрикахъ и заводахъ, русскихъ или иностранныхъ, лучше живется нашему рабочему и сколько работаетъ у насъ иностранцевъ. Фабричная инспекція могла бы собрать и обнародовать эти свѣдѣнія. Отмѣтимъ кстати очень важное кассаціонное рѣшеніе сената. На Цинтенгофской мануфактурѣ въ маѣ прошлаго года произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ *). Фабричный инспекторъ Лифляндской губерніи препроводилъ составленные имъ объ этихъ случаяхъ протоколы для привлеченія къ отвѣтственности завѣдующаго фабрикой Жозефа Вульфа. Мировой судья возвратилъ протоколы фабричному инспектору на томъ основаніи, что возбужденіе дѣлъ за проступки, предусмотрѣнные 1494 ст. Улож. о нак. и 129 ст. Устава о нак., не принадлежитъ компетенціи фабричныхъ инспекторовъ, которые должны лишь передавать протоколы полиціи для производства дознанія и направленія дѣла въ общемъ порядкѣ. Мировой съѣздъ согласился со взглядомъ мирового судьи.

На это рѣшеніе мирового съѣзда фабричнымъ инспекторомъ была принесена кассаціонная жалоба въ правительствующій сенатъ, въ которой онъ указываетъ на неправильное толкованіе съѣздомъ круга правъ и полномочій органовъ фабричнаго надзора на судебное представительство и отмѣчаетъ слѣдующія, допущенныя съѣздомъ, нарушенія закона: 1) Статьи $1216^2$ и $1225^1$ Уст. угол. суд. неправильно истолкованы съѣздомъ. Эти статьи вовсе не имѣютъ ограничительнаго характера, такъ какъ, если понимать

*) Мы заимствуемъ этотъ отчетъ изъ *Биржев. Вѣд.*

ихъ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ съѣздъ, то пришлось бы допустить, что фабричная инспекція не имѣетъ права возбуждать и поддерживать судебное преслѣдованіе, напримѣръ, по дѣламъ о нарушеніи правилъ о наймѣ малолѣтнихъ на фабрики (ст. 107—120 Уст. о промышленности, изд. 1893 г.), такъ какъ въ статьяхъ 1216[2] и 1225[1] предусмотрѣно собственно нарушеніе правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, а между тѣмъ такое право, несомнѣнно, принадлежитъ фабричной инспекціи и устанавливается за ней статьей 39-й того же устава; не упоминается въ этихъ статьяхъ также и о несомнѣнномъ правѣ фабричной инспекціи возбуждать судебное преслѣдованіе и по дѣламъ о нарушеніи изданныхъ правилъ о паровыхъ котлахъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что статьи эти не исключаютъ права чиновъ фабричной инспекціи на возбужденіе преслѣдованія и по другимъ дѣламъ, кромѣ предусмотрѣнныхъ въ тѣхъ статьяхъ. Право судебнаго преслѣдованія по дѣламъ о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ не могло быть предусмотрѣно этими статьями уже потому, что эти статьи явились въ 1886 и 1891 гг., а обязанности по разслѣдованію этихъ случаевъ возложены на чиновъ фабричной инспекціи лишь въ 1894 г. статьею 40-ю изданнаго въ томъ году Наказа симъ чинамъ. Далѣе, кассаторъ доказываетъ, что фабричный инспекторъ по дѣламъ о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ только тогда долженъ сообщать полиціи для составленія протокола, когда онъ разслѣдовалъ случай одинъ, безъ участія полиціи, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ разслѣдованіе было произведено при участіи чиновъ полиціи. II) Дѣлая ссылку на статью 41-ю Наказа чинамъ фабричной инспекціи, съѣздъ утверждаетъ, что устанавливаемый ею порядокъ разслѣдованія несчастныхъ случаевъ не измѣненъ и послѣдующими циркулярными распоряженіями. Такое утвержденіе, по словамъ кассатора, невѣрно и опровергается представленнымъ имъ циркулярнымъ распоряженіемъ министерства финансовъ по департаменту торговли и мануфактуръ отъ 7 іюня 1895 года. Въ виду всѣхъ этихъ нарушеній, кассаторъ проситъ объ отмѣнѣ приговора съѣзда и о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе другого мирового съѣзда.

Правительствующій сенатъ согласился съ доводами кассатора, признавъ такимъ образомъ за фабричнымъ инспекторомъ право самостоятельнаго возбужденія, независимо отъ участія полиціи, дѣлъ о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ.

Это рѣшеніе сената можетъ имѣть благодѣтельное значеніе, потому что во многихъ случахъ пострадавшему рабочему трудно, а иногда и невозможно самому возбуждать дѣло о привлеченіи къ отвѣтственности фабриканта или его замѣстителя, а полиція къ такой роли, конечно, несравненно менѣе способна, чѣмъ фабричные инспектора.

---

Неурожай нынѣшняго года еще разъ доказалъ печальные результаты пріостановки въ развитіи земской статистики. Изъ *Тамбовскихъ Губерн-*

*скихъ Вѣдомостей* мы узнаемъ слѣдующее о происходившихъ въ тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи преніяхъ по продовольственному вопросу *). Гласный Новиковъ, отъ имени коммиссіи, разсмотрѣвшей докладъ управы, сообщилъ о томъ, что управа проситъ ссуду въ 400,000 пудовъ на продовольствіе населенія. При этомъ оказывается, что свѣдѣнія о степени нужды въ продовольствіи по уѣздамъ крайне неточны и представляются совершенно ни на чемъ не обоснованными,—нѣкоторыя земскія управы совсѣмъ не доставили свѣдѣній, затребованныхъ губернскою земскою управой о степени урожая, только одно козловское земское собраніе, единственное собравшееся въ экстренную сессію, представило болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія. Только одинъ Спасскій уѣздъ, по заявленію князя Д. Н. Цертелева, не нуждается въ пособіи. Князь Н. Н. Челокаевъ, признавая, что имѣющіяся въ распоряженіи собранія данныя весьма шатки, указалъ на то, что цѣны на хлѣбъ повышаются. «Не слѣдуетъ,—прибавилъ онъ,—упускать благопріятнаго момента; необходимо на всѣ имѣющіяся въ распоряженіи земства средства, на весь запасный продовольственный капиталъ купить хлѣба, а такъ какъ этого капитала далеко не достаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій, предъявленныхъ уѣздами, то мы должны удовлетворить ихъ пропорціонально имѣющимся у насъ средствамъ, что и составитъ 35 проц. предъявленныхъ требованій. Хотя, повторяю, свѣдѣнія о продовольственной нуждѣ не вѣрны, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ преувеличены, но, во всякомъ случаѣ, они не могутъ быть преувеличены на 65 проц., и, выдавая предлагаемые мною 35 проц., мы, во всякомъ случаѣ, дадимъ уѣздамъ меньше того, чѣмъ имъ дѣйствительно нужно. Надо лишь установить, кому и какого возраста надо выдавать пособіе. Къ очередному собранію (въ дек.) степень нужды выяснится вполнѣ, и тогда мы можемъ просить у правительства въ ссуду недостающую намъ сумму».

Предложеніе произвести закупку хлѣба немедленно на весь запасный губернскій продовольственный капиталъ собраніе приняло единогласно. Вторая часть предложенія принимается большинствомъ 33 голосовъ противъ 4. Ходатайство о дополнительной ссудѣ отъ правительства въ размѣрѣ 1.200,000 принимается единогласно. Кромѣ того, постановлено ходатайствовать объ установленіи, по примѣру 1891 года, минимальнаго тарифа на перевозку хлѣба, покупаемаго земствомъ для нуждающихся, въ одну сотую коп. съ пуда-версты.

---

Въ *Пет. Вѣд.* напечатана статья проф. Введенскаго,—его вступительная лекція на высшихъ женскихъ курсахъ, — *О задачахъ университета*. Г. Введенскій не допускаетъ возможности обращать университеты, какъ мужскіе, такъ и женскіе, изъ учрежденія учено-учебнаго въ учрежденія политически - воспитательныя. Профессора при этомъ не должны отговари-

*) Экстренное собраніе 7 сентября.

ваться дѣйствующимъ уставомъ: «рады бы воспитывать, да университетскій уставъ плохъ: мѣшаетъ намъ». «Плохъ-то онъ—плохъ,—говоритъ г. Введенскій,—да именно тѣмъ, что его иниціаторы,—по всему это замѣтно,—руководились не одними чисто-научными интересами, но и затаенной цѣлью—въ случаѣ нужды—употреблять университеты какъ орудія для политическаго воспитанія молодежи. У насъ есть другой отвѣтъ: университеты—храмы науки, а не политики; профессора—проповѣдники ученій вѣчныхъ, общеобязательныхъ, а не программъ или мѣстныхъ, или преходящихъ. И для науки, и для государства, при *всякомъ* его строѣ и *при всякомъ направленіи* его политики, нужно, чтобы въ университетахъ царствовалъ принципъ полнѣйшей *свободы отъ всякой политической дѣятельности*, какъ охранительной, такъ и разрушительной. Что же касается васъ самихъ, то, разумѣется, вамъ, изучая науку изъ первыхъ рукъ, слѣдуетъ при ея свѣтѣ стараться улучшить также и свои политическія воззрѣнія. Гражданскій долгъ не только не запрещаетъ, но даже и повелѣваетъ сдѣлать это». Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію, что университетъ не мѣсто для политической пропаганды и что научное преподаваніе въ немъ должно быть свободно и независимо какъ отъ консервативной, такъ и отъ либеральной программы, мы не видимъ возможности ограничить университетское преподаваніе указаніемъ методовъ, средствъ и путей, ведущихъ къ знанію... Правда, г. Введенскій говоритъ, что «цѣль всякой науки состоитъ въ томъ, чтобы найти какъ можно больше положеній, имѣющихъ вѣчное, неизмѣняемое значеніе, т.-е. обязательныхъ для всѣхъ странъ, для всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ». Но и этого не достаточно: много ли въ философскихъ и общественныхъ наукахъ подобныхъ положеній? Профессоръ долженъ давать въ своихъ лекціяхъ точное изображеніе современнаго состоянія науки и ея гипотезъ, оцѣнивая ихъ. Не знаемъ, напримѣръ, можетъ ли профессоръ уголовнаго права скрыть свое собственное мнѣніе о судѣ присяжныхъ, но не видимъ никакой нравственной и научной нужды въ такомъ сокрытіи, если бы оно и удалось.

Профессоръ Введенскій спрашиваетъ своихъ слушательницъ: «Развѣ элементарное знакомство съ исторіей, которое вы пріобрѣли въ среднихъ школахъ, не показало вамъ, что человѣческая жизнь безпрерывно творитъ что-нибудь новое и зачастую самымъ незамѣтнымъ образомъ (для своихъ современниковъ, конечно) создаетъ вещи, которыя такъ тѣсно срастаются съ прежде бывшими, что, охраняя однѣ, вамъ невольно приходится охранять и другія? Значитъ, и узко охранительныя программы тоже оказываются вещью непостоянной и качественно измѣняются не только въ зависимости отъ мѣста или страны, но и отъ времени. А не ясно ли изъ всего этого, что если мы не будемъ самымъ строгимъ образомъ отдѣлять служеніе наукѣ отъ служенія политикѣ, то нанесемъ ущербъ и тому и другому? То, что по существу своему измѣнчиво, или имѣетъ мѣстное значеніе, приметъ видъ общеобязательный и обратится въ слѣпой, безжизненный догматъ».

А развѣ г. Введенскій не знаетъ, что въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ *по-Иловайскому* нельзя пріобрѣсть никакого ни знанія, ни пониманія исторіи? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, изъ нашихъ гимназій выходятъ теперь юноши совсѣмъ неподготовленные къ университетскимъ лекціямъ, даже (часто и въ особенности) на историко-филологическомъ факультетѣ *).

---

Въ Москвѣ возникла мысль отпраздновать тридцатилѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Златовратскаго. Авторъ *Устоевъ*—убѣжденный и послѣдовательный народникъ. Но его чествованіе предполагается не одностороннимъ: художникъ, съ такою любовью воспроизводившій народную жизнь, такъ вѣрящій въ великія духовныя силы русскаго народа, всю жизнь неизмѣнно преданный лучшимъ завѣтамъ молодости,— привлекаетъ къ себѣ симпатіи и тѣхъ людей, которые во многомъ не раздѣляютъ его теоретическихъ взглядовъ. Юбилей Н. Н. Златовратскаго намѣчается на 16 ноября текущаго года.

---

*) Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* напечатаны письма П. М. Леонтьева къ В. П. Безобразову. Изъ нихъ мы видимъ, что Катковъ и Леонтьевъ пускали въ ходъ всевозможныя интриги, чтобы стѣснить и совсѣмъ прекратить обсужденіе въ печати проекта классическихъ гимназій. Тоже заслуга!

# ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи по-прежнему тревожно, національная вражда отнюдь не смягчается, и въ стѣнахъ цислейтанскаго парламента происходятъ возмутительныя сцены. Читатели знаютъ о грубой и систематической обструкціи нѣмецкой лѣвой, о дуэли графа Бадени съ оскорбившимъ его депутатомъ этой партіи Вольфомъ, и т. д. Славяно-клерикальное большинство держится, хотя между младо-чехами и клерикалами уже возникло разногласіе. Отъ имени послѣднихъ Дипаули внесъ предложеніе, чтобы вопросъ о равноправности въ Австріи нѣмецкаго и другихъ языковъ былъ разрѣшенъ законодательнымъ путемъ. Этому предложенію нельзя отказать въ правильности: законность распоряженій графа Бадени о чешскомъ и нѣмецкомъ языкѣ въ Богеміи подлежитъ сильному сомнѣнію, и не безъ основанія нѣмецкіе націоналисты считаютъ его нарушеніемъ конституціи. Но младочешскіе депутаты не могутъ отказаться отъ распоряженія, осуществляющаго одно изъ ихъ справедливѣйшихъ и неотложныхъ требованій. Клерикалы, впрочемъ, заявили, что не имѣютъ въ виду отмѣны циркуляра графа Бадени, и дѣло уладилось. Но когда и какъ возстановится въ Цислейтаніи правильная парламентская и правительственная дѣятельность,— этого никто предсказать не можетъ. Нѣмцы не имѣютъ никакого намѣренія отказаться отъ упорной борьбы за господствующее въ государствѣ положеніе, а славянъ можетъ удовлетворить только федерализмъ, превращеніе Австріи въ монархическую Швейцарію.

Нѣкоторые изъ вождей младо-чешской партіи порицаютъ распоряженія объ языкахъ именно за незакономѣрность ихъ изданія. Эдуардъ Грегръ назвалъ оскорбленіемъ чешскаго народа: эти распоряженія, по его словамъ, не уважаются бюрократіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Грегръ рѣшительно возстаетъ противъ предположенія стѣснить обструкцію нѣмецкой оппозиціи въ парламентѣ. Мы можемъ только привѣтствовать эти заявленія, потому что и несправедливо, и, въ концѣ концовъ, непрактично добиваться національной равноправности путемъ насилія надъ представительствомъ другой національности и переходить изъ роли угнетаемаго въ роль угнетателя. Нѣмецкая оппозиція прибѣгаетъ въ парламентѣ къ по-

стояннымъ затягиваніямъ преній, изъ ея рядовъ раздаются далеко не парламентскія выраженія, страсти разыгрываются до прискорбныхъ личныхъ оскорбленій; все это печально и все это эксплоатируется въ свою пользу врагами конституціи въ Австріи; но выше временныхъ неудобствъ и затрудненій во всякомъ государствѣ и для каждаго народа должны быть основные принципы справедливости, fundamentum regnorum,—и безъ этого фундамента не можетъ прочно стоять современное культурное государство, не похожее на египетскую пирамиду, созданную рабами для чуждой имъ цѣли.

Къ правительству графа Бадени Грегръ не чувствуетъ большого довѣрія: оно опирается на чеховъ потому, что ему не на кого болѣе опираться. Кабинету предстоитъ дилемма: или подчиниться австро-нѣмецкимъ централистамъ съ Шенёреромъ во главѣ, или провести измѣненія въ конституціи въ благопріятномъ для славянъ и демократіи смысла. Много въ Австріи творится удивительнаго, сказалъ Грегръ, однако министрами въ ней не могутъ быть ни Шенереръ, ни Вольфъ *).

Противъ «фронды» Эдуарда Грегра выступила старо-чешская *Politik* **). Нападенія газеты, кромѣ личныхъ выходокъ, сводятся однако лишь къ тому, что Грегръ своими рѣчами увеличиваетъ и безъ того большія затрудненія, въ которыхъ приходится дѣйствовать чешскимъ депутатамъ въ парламентѣ. *Politik* выражаетъ надежду, что эти депутаты поддержатъ предложеніе о болѣе строгихъ по отношенію къ обструкціи правилахъ.

Одна изъ послѣдующихъ статей *Politik* уподобляетъ современное политическое положеніе Австріи хаосу предъ началомъ мірозданія, только не видитъ вѣянія творческаго духа.

Такъ какъ австрійскіе славяне являются плохою поддержкою для тройственнаго союза, то императоръ Вильгельмъ II старается,—и повидимому успѣшно,—привязать къ этому союзу мадьяръ. На банкетѣ въ Буда-Пештѣ германскій императоръ произнесъ горячій дифирамбъ венгерскому народу и привелъ этимъ въ восторгъ присутствовавшихъ. Особенно поучительна изъ устъ Вильгельма II, такъ настойчиво поддерживающаго султана,—похвала венграмъ за ихъ героическую борьбу съ турками во имя Креста и превознесеніе венгерскихъ бойцовъ за національную свободу.

Если,—говоритъ по этому поводу *Journal des Débats*,—возвращаясь изъ Будапешта, переѣхать маленькую Лейту,—все мѣняется, языкъ господствуетъ нѣмецкій, но и въ большинствѣ парламента, и въ большинствѣ населенія (славянскомъ) тройственный союзъ сочувствіемъ не пользуется. Недавно *Kölnische Zeitung* заявляла, что Германіи нечего опасаться, если чехи, поляки и словенцы сдѣлаются господствующею силой въ Цислейтаніи: они—католики и потому будутъ на сторонѣ тройственнаго союза и противъ Россіи. *Journal des Débats* ***) замѣчаетъ этой газетѣ, что гуман-

*) Мы излагаемъ рѣчь Грегра по отчету пражской Politik (20 September).

**) *Politik.*, 21 September.

***) *Journal des Débats*, 23 Septembre.

ная политика въ Царствѣ Польскомъ и измѣненіе дѣйствующаго до сихъ поръ тамъ режима опрокидываютъ соображенія *Kölnische Zeitung*.

Тройственный союзъ покуда крѣпокъ, и мадьяры—надежная поддержка Гогенцоллернской имперіи. Про Италію этого нельзя сказать съ такою же увѣренностью, несмотря на всевозможныя оффиціальныя подтвержденія дружественности чувствъ и прочности лиги. Недовольство ею очень велико въ Италіи. *Secolo*,—одна изъ распространеннѣйшихъ въ странѣ газетъ,—давно уже борется противъ разорительнаго для Италіи военнаго союза съ Германіей и Австро-Венгріей. *Povera Italia* (бѣдная Италія!), — вотъ заключеніе *Secolo* *). Германская политика ищетъ подкрѣпленій. Между прочимъ, въ сферу тройственнаго союза все болѣе и болѣе втягивается Румынія.

Италія совсѣмъ подавлена непосильными военными расходами, а вооруженія ея не прекращаются. Читатели знаютъ, что въ Римѣ были серьезные безпорядки вслѣдствіе усиленія налоговъ, причемъ вызваны были войска и оказались убитые и раненые. Противъ правительства все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе начинаетъ выступать клерикальная партія, до сихъ поръ, по требованію Ватикана, не принимавшая участія въ парламентскихъ выборахъ. Рудини издалъ нѣсколько циркуляровъ, направленныхъ противъ агитаціи, которую ведетъ католическое духовенство. Объ этихъ циркулярахъ много говорится въ итальянскихъ газетахъ. Въ клерикальныхъ кругахъ они вызвали, конечно, раздраженіе, а среди крайней лѣвой насмѣшки надъ кабинетомъ, глава котораго еще такъ недавно благоволилъ католической партіи. Нѣкоторые предсказываютъ, что отклоненіе министерства при предстоящихъ парламентскихъ выборахъ въ сторону лѣвой будетъ очень значительно.

Новые выборы отразятся, конечно, и на международной политикѣ Италіи. Они могутъ, быть можетъ, повести къ ея сближенію съ Англіей въ восточномъ вопросѣ. Мы указывали уже на то, что британское правительство рѣшительно высказывалось противъ чрезмѣрныхъ притязаній Турціи при заключеніи предварительнаго мира съ Греціей. Живыя симпатіи этой послѣдней выражаютъ и итальянское, и французское общественное мнѣніе, и съ этимъ правительству придется считаться. До сихъ поръ усилія европейскаго концерта много пользы не принесли. Турки все еще остаются въ Ѳессаліи, ихъ войска занимаютъ Критъ и претензіи султана по отношенію къ этому острову сильно возросли послѣ счастливаго для Блистательной Порты окончанія войны съ греками. Признакомъ того настроенія неоффиціальныхъ сферъ во Франціи, о которомъ мы упомянули, можетъ служить слѣдующій случай. Въ августѣ нынѣшняго года въ Парижѣ разбиралось дѣло по обвиненію турецкимъ посольствомъ редакторовъ издающейся въ Парижѣ газеты *Mechveret*, гг. Ахмедъ-Риза и Абдиль-Гарьё, и ея издателя, г. Ульонъ, въ оскорбленіи султана. Свидѣтели на судѣ, бывавшіе въ Турціи, показывали, что мрачныя картины современнаго состоянія этой Имперіи,

*) *Secolo*, 14 Settembre.

изображенныя въ *Мешверетъ*, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Рошфоръ, вызванный въ судъ, не могъ явиться, но онъ прислалъ письмо, въ которомъ заявляетъ, что посланный султана предлагалъ ему деньги за благосклонное отношеніе къ дѣяніямъ повелителя правовѣрныхъ. Клемансо показалъ, что Ахмедъ-Риза и его товарищи относились къ султану съ большою умѣренностью и ждали отъ него реформы. Ихъ рѣзкіе отзывы были наконецъ вызваны безчеловѣчными, массовыми и подготовленными избіеніями армянъ. За эти дѣянія передъ лицомъ всего свѣта заклеймилъ султана престарѣлый Гладстонъ. А Ахмедъ-Риза называетъ султана только жестокимъ и рѣдко употребляетъ болѣе сильныя выраженія. Клемансо прибавилъ, что многіе французскіе писатели,—Лависсъ и Бераръ въ *Revue de Paris*, Рошфоръ въ *Intransigeant*, Кассаньякъ въ *Autorité*, Дрюмонъ въ *Libre Parole*, Урбенъ Гойе въ *Soleil*, самъ Клемансо въ *Justice*,—употребляли гораздо болѣе рѣзкія выраженія. Отчего же ихъ не привлекаетъ къ суду турецкое правительство? Адвокаты подсудимыхъ, гг. Лабори и Морель, произнесли прекрасныя, горячія рѣчи съ массою документальныхъ данныхъ. Судъ постановилъ слѣдующій приговоръ: «Принимая въ соображеніе справедливое негодованіе, вызванное убійствами въ Арменіи, и общее волненіе, произведенное ими въ печати и въ парламентѣ французскомъ, судъ приговариваетъ трехъ обвиняемыхъ только къ шестнадцати франкамъ пени съ приложеніемъ закона Беранже» *). Этотъ приговоръ былъ встрѣченъ единодушными и долгими рукоплесканіями.

Вотъ еще основаніе правительству султана быть недовольнымъ Европою и продолжать фанатизировать магометанскій міръ: шестнадцать франковъ, да еще не полученныхъ, плохое вознагражденіе за тяжелое оскорбленіе. А попытки такого фанатизированія отмѣчаются европейскою печатью. Константинопольскій корреспондентъ пишетъ во *Frankfurter Zeitung* **), что турецкіе эмиссары энергично дѣйствуютъ среди магометанскаго населенія въ Индіи. Абиссинецъ Ато, бывшій въ миссіи Леонтьева, по увѣренію корреспондента, прожилъ нѣсколько недѣль въ Константинополѣ для того, чтобы условиться о воздѣйствіи на окружающія Абиссинію мусульманскія племена во враждебномъ для англичанъ смыслѣ. Отъ индійскихъ магометанъ продолжаютъ поступать въ Ильдизъ-Кіоскъ адресы съ выраженіемъ преданности султану и ненависти къ англичанамъ. Европейской константинопольской печати запрещено печатать эти адресы и говорить о нихъ, чтобы не возбудить въ Европѣ опасенія передъ этимъ панмагометанскимъ движеніемъ. Органъ Абдулъ-Гамида *Malumat* пишетъ: «Славная и почетная побѣда императорскаго оттоманскаго войска надъ греками возбудила едва описуемую радость среди магометанъ на всей землѣ». Газета приводитъ адресъ города *Kurrachee* (главный городъ Зендской провинціи въ

*) По этому закону приговоръ не приводится въ дѣйствіе до новаго проступка со стороны того же лица.

**) *Fraknfurter Zeitung*, № 260 (*Erstes Morgenblatt*).

Индіи). Адресъ прямо говоритъ, что подписавшіе его считаютъ себя подданными турецкаго султана, хотя и находятся подъ владычествомъ англичанъ. Все ихъ имущество, ихъ дома и земли, ихъ тѣла и души принадлежатъ великому мусульманскому правительству. «Мы гордимся тѣмъ, что принадлежимъ къ этому священному союзу и съ неугасающею радостью принимаемъ мудрыя великія и добрыя дѣла вашего величества. Извѣстія о милостію Божіею дарованной побѣдѣ мусульманскихъ войскъ надъ греками, которыя преисполнили глубокимъ счастьемъ весь мусульманскій міръ, даютъ намъ основаніе, развернувши знамя полумѣсяца, собраться съ консуломъ (турецкимъ) Гуссейнъ Кіамиль Эффенди въ мечеть, чтобъ обратиться ко Всевышнему съ молитвою о долгой жизни вашего величества».

Таковы индійскіе союзники *Моск. Вѣд.*, *Нов. Времени* и ихъ единомышленниковъ противъ гордаго Альбіона. Альбіонъ, по газетнымъ извѣстіямъ, принимаетъ противъ турецкаго султана чисто-англійскія средства: составляются и распространяются въ огромномъ количествѣ брошюры, доказывающія магометанамъ, что, по ихъ религіи, падишахъ этотъ не можетъ быть, по происхожденію, калифомъ, повелителемъ правовѣрныхъ.

---

Религіозный фанатизмъ силенъ еще и въ Западной Европѣ. Недавно былъ отлученъ отъ церкви испанскій министръ финансовъ въ консервативномъ кабинетѣ Кановаса дель-Кастильо (не задолго до убійства послѣдняго), Наварро Ревертера. Сначала это извѣстіе приняли за шутку, но оказалось, что епископъ пальмскій (на островѣ Майорка) вовсе не шутитъ. Дѣло въ томъ, что на Майоркѣ существуетъ лѣсъ, который цѣнится почти въ два милліона пезетъ и который до 1855 года принадлежалъ благотворительному духовному учрежденію. Въ этомъ году права учрежденія на лѣсъ прекратились, «и ему осталась только малоцѣнная сосѣдняя недвижимость, заключающаяся въ часовнѣ, жиломъ домѣ и огородѣ для состоящаго при учрежденіи священника. Однако, хотя королевскимъ декретомъ лѣсъ былъ секуляризованъ еще въ 1855 г., но изъ любезности государство предоставило управленіе имъ упомянутому священнику. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ министръ узналъ, что священникъ вырубаетъ лучшія деревья въ лѣсу и продаетъ ихъ каталонскимъ лѣсопромышленникамъ ad majorem Dei gloriam. Ревертера представилъ поэтому королевѣ для подписи декретъ, передающій управленіе лѣсомъ казнѣ. Это не понравилось епископу пальмскому, которому отъ «управленія» также перепадали кое-какіе доходы. Онъ обратился къ министру съ просьбою отложить на нѣкоторое время исполненіе королевскаго декрета. Министръ отвѣтилъ, что исполненіе можно отсрочить лишь въ судебномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился о взятіи лѣса въ казенное управленіе. Вооруженные чиновники финансоваго вѣдомства осадили лѣсъ и прогнали служащихъ священника. Тутъ епископъ воспылалъ жестокимъ гнѣвомъ. Не обращаясь къ министру юстиціи и никуда больше не жалуясь, онъ издалъ пастырское посланіе, въ которомъ торжественно заявляетъ, что Наварро Ревертера, министръ фи-

нансовъ, предается великому отлученію отъ церкви за то, что онъ противозаконно присвоилъ себѣ церковное имущество. Отлучаются также отъ церкви финансовые служащіе, вмѣшавшіеся въ дѣло, равно какъ всякій, кто осмѣлится арендовать или купить лѣсъ у казны. Разсказанный фактъ не лишенъ значенія. Такъ какъ католическая религія признается въ Испаніи государственною, то отлученный отъ церкви не можетъ оставаться членомъ кабинета. Былъ поэтому созванъ министерскій совѣтъ для обсужденія непріятнаго инцидента. Богобоязненный министръ - президентъ генералъ Азкаррага освѣдомился раньше у своего духовника, вправѣ ли онъ вообще вступать въ какія бы то ни было сношенія съ отлученнымъ. Духовникъ успокоилъ его, заявивъ, что отлученіе не окончательное и нуждается еще въ утвержденіи папы. Испанское правительство чрезъ своего посланника при Ватиканѣ представитъ папѣ подробное письменное изложеніе всего дѣла; оно надѣется, что святой отецъ смѣститъ епископа и освободитъ Ревертера отъ постигшей его кары».

Тѣмъ временемъ консервативный кабинетъ замѣненъ либеральнымъ, съ Сагастой во главѣ, и Ревертера, пожалуй, такъ и останется подъ отлученіемъ.

Новому кабинету предстоятъ тяжелыя внутреннія и колоніальныя задачи. Карлисты отнюдь не отказались отъ своихъ замысловъ. Финансы страны страшно разстроены, недовольство правительствомъ велико. Нужно имѣть большое мужество и самоувѣренность, чтобы брать на себя тяжелое наслѣдіе консервативнаго кабинета. Возстаніе на несчастной, опустошенной Кубѣ продолжается, и опасность вмѣшательства со стороны Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ далеко не устранена.

---

Въ *Revue Politique et Parlementaire* напечатана недавно интересная статья г. Поля Дюбуа: *Развитіе коммунальныхъ учрежденій въ Пруссіи и въ Англіи*.

Если,—говоритъ авторъ,—присмотрѣться къ долгой эволюціи этихъ учрежденій въ Европѣ, то за видимымъ на первый взглядъ и значительнымъ разнообразіемъ выступитъ сходство, параллелизмъ развитія. Въ Германіи Дюбуа указываетъ на существованіе двухъ системъ самоуправленія въ соотвѣтствіи съ политическимъ развитіемъ входящихъ въ составъ имперіи государствъ и областей. Въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи доживаетъ свой вѣкъ патріархальная система, при которой въ земскомъ самоуправленіи преобладающую роль играли крупные землевладѣльцы; но и здѣсь уже сильное демократическое теченіе подмываетъ старые и создаетъ новые устои, на которыхъ построено самоуправленіе въ другихъ частяхъ Германіи.

Дюбуа полагаетъ, что прусскія общины до сихъ поръ видятъ въ самоуправленіи только хозяйственное управленіе (Vermögensverwaltung), т.-е. право завѣдывать собственными имуществами. Французскій авторъ думаетъ, что дальнѣйшее ихъ развитіе будетъ заключаться въ расширеніи функцій,

причемъ потребуется поддержка со стороны государства въ финансовомъ отношеніи. Аналогическое явленіе, т.-е. укрѣпленіе связи центральнаго правительства съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, Дюбуа видитъ и въ Англіи, тогда какъ во Франціи замѣчается противоположное стремленіе—къ уменьшенію централизаціи. Въ дѣйствительности оба процесса ведутъ къ сходнымъ результатамъ: во Франціи дѣло идетъ объ оживленіи мѣстнаго самоуправленія, о томъ, чтобы освободить его отъ мертвящаго подчиненія бюрократіи *); въ Англіи и Германіи рушатся сословныя и другія ветшающія перегородки и устанавливается крѣпкая и свободная связь самоуправляющихся частей съ государственнымъ цѣлымъ.

Во Франціи эта реформа, какъ и реформы вообще, тормазятся кабинетомъ Мелина-Ганото, который, кажется, думаетъ, что современные порядки Франціи—наилучшіе изъ государственныхъ порядковъ, а Мелинъ, Ганото, Барту—наилучшіе изъ министровъ **). Предстоящіе общіе выборы въ палату депутатовъ будутъ имѣть для внутренней жизни Франціи громадное значеніе и не останутся безъ вліянія на ея международныя отношенія. Сомнительно, чтобы пострадалъ нашъ союзъ съ Французскою республикой въ случаѣ побѣды болѣе радикальныхъ партій, потому что за этотъ союзъ стояло и радикальное министерство Леона Буржуа; но по отношенію къ другимъ вопросамъ иностранной политики тогда можно будетъ ожидать измѣненій, сближенія, напримѣръ, съ Англіей или съ Италіей. По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для Франціи могутъ наступить такія обстоятельства, при которыхъ ей выгоднѣе будетъ отдалиться отъ Россіи, и такъ какъ современная Франція отличается практичностью и идеологіи избѣгаетъ, то она и не затруднится заключить тогда новые союзы, на которые теперь ее не можетъ подвинуть идеологія.

**В. Г.**

---

*) См. статью профессора Ивановскаго: *Французская децентрализація*—въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала.

**) Отмѣтимъ, кстати, странную претензію французскихъ врачей, участвовавшихъ на медицинскомъ конгрессѣ въ Москвѣ. Они жалуются на то, что ихъ не достаточно чествовали. Но, во-первыхъ, русскіе врачи принимали не французовъ только, а вообще гостей—иностранцевъ, и на праздникѣ науки и международнаго общенія было бы безтактно удѣлять особое вниманіе французамъ или какой-либо другой націи; во-вторыхъ, и численно, и качественно, по отзывамъ спеціалистовъ, Германія была больше представлена, чѣмъ Франція. О нѣмецкихъ отзывахъ по поводу конгрессовъ мы уже говорили.

# СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театръ: *Вава*, комедія г-жи Кетлеръ. — *Отверженный*, драма г. Нотовича.— *Пышенька*, драма Н. Л. Персіяниновой. — *Защитникъ*, драма въ 4-хъ актахъ Н. И. Тимковскаго.

Въ отчетахъ о новыхъ пьесахъ, идущихъ на сценѣ Малаго театра, намъ приходится отмѣчать много лѣтъ сряду одно и то же неизмѣнно повторяющееся явленіе—полный неуспѣхъ пьесъ, поставленныхъ въ началѣ сезона, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ нынѣшнемъ году произошло то же самое: первыя двѣ пьесы—комедія г-жи Кетлеръ *Вава* и драма г. Нотовича *Отверженный*—не имѣли успѣха и на сценѣ, вѣроятно, не удержатся. Г-жа Кетлеръ заимствовала сюжетъ комедіи изъ очень хорошей и производящей сильное впечатлѣніе повѣсти Мопассана, озаглавленной именемъ героини *Yvette*; о такомъ заимствованіи на афишѣ ничего не сказано, чѣмъ большинство зрителей вводится въ заблужденіе, принимаетъ пьесу за оригинальное произведеніе и не предполагаетъ, что г-жа Кетлеръ своимъ «творчествомъ» только обезличила яркіе характеры, изображенные въ повѣсти знаменитаго французскаго писателя, и въ заключеніе пьесы, невѣдомо чего ради, исказила конецъ этой правдивой и грустной повѣсти. Фабула повѣсти такова: Иветта, молодая наивная дѣвушка, попадаетъ въ домъ и въ общество своей матери, ведущей веселую и роскошную жизнь кокотки высшаго разряда. Вначалѣ дѣвушка не понимаетъ этого, потомъ мало-по-малу передъ нею раскрывается правда, доводящая ее до сознанія, что позоръ матери закрываетъ для нея всякую возможность вырваться изъ такой среды и сдѣлать приличную партію, выйдя замужъ за любимаго человѣка. Въ ужасѣ и съ отчаянія Иветта кидается въ тотъ же грязный омутъ, въ которомъ погибаетъ ея мать. Г-жа Кетлеръ измѣнила французскія имена дѣйствующихъ лицъ на русскія, перенесла дѣйствіе въ Петербургъ и закончила пьесу выдачею замужъ Вавы за любимаго ею и любящаго ее человѣка. По милости такого искаженія, утрачивается весь смыслъ повѣсти и оказывается, что позорная жизнь матери нисколько не вліяетъ на судьбу дочери, устраивающуюся совершенно благополучно и столь прекрасно, что этому могутъ позавидовать самые добродѣтельные родители и совершенно безукоризненныя дѣвушки. Выходитъ несомнѣнная фальшь и несодѣянность...

Драма г. Нотовича, какъ значится на афишѣ, написана по сюжету

романа *Les misérables* Виктора Гюго. Въ передѣлкѣ изъ исторіи Жана Вальжана получилась скучная, отрывочная и растянутая мелодрама.

Третьей новинкой сезона была пьеса Н. Л. Персіяниновой *Пашенька*, имѣвшая, по отзывамъ нѣкоторыхъ газетъ, «успѣхъ сомнительный». Мы же съ перваго ея представленія вынесли такое впечатлѣніе, что пьеса публикѣ понравилась, что успѣхъ былъ настоящій, что пьеса можетъ удержаться на столичныхъ сценахъ и удачно пройти на многихъ сценахъ провинціальныхъ. Сюжетъ пьесы не особенно новъ, но для сцены онъ разработанъ оригинально, смѣло и интересно. Критика можетъ указать въ этой драмѣ нѣкоторые промахи и недостатки, въ достаточной мѣрѣ выкупаемые, по нашему мнѣнію, искренностью и молодою пылкостью автора, большою наблюдательностью, жизненностью многихъ сценъ и умѣньемъ писательницы заинтересовать зрителей и поддерживать этотъ интересъ быстрымъ развитіемъ фабулы. Пашенька, Прасковья Михайловна Скрипина (г-жа Ермолова),—мѣщанка, пѣвица, бывшая въ цыганскомъ хорѣ, живетъ въ губернскомъ городѣ, въ очень небогатой квартирѣ своей тетки, Анисьи Семеновны (г-жа Полянская), и старшей сестры швеи, вдовы Буниной (г-жа Ермолова-Кречетова). Обычное ихъ общество — Вася Мироновъ (г. Васильевъ), Ѳедя (г. Музиль 2), Митя (г. Яковлевъ), Наташа (г-жа Рыжова), Ѳеня (г-жа Турчанинова), мелкіе торговцы - мѣщане и дѣвушки-мѣщанки, охотно принимающія ухаживанія Васи, Ѳеди и Мити. Первый изъ нихъ пылаетъ нѣжною страстью къ Пашенькѣ, избалованной цыганскою жизнью, бездѣльемъ и ухаживателями, въ ряду которыхъ первое мѣсто успѣлъ занять блестящій офицеръ, сынъ очень богатыхъ родителей, князь Александръ Григорьевичъ Ларскій (г. Южинъ), безъ ума влюбленный въ Пашеньку. Въ разгаръ мѣщанскаго чаепитія и веселья молодой князь въ русскомъ костюмѣ является въ квартиру Скрипиныхъ, ничуть не стѣсняя своимъ присутствіемъ ни дѣвушекъ, ни ихъ кавалеровъ. Всѣ они, очевидно, привыкли къ посѣщеніямъ богатаго барина, всѣ знаютъ про его любовь къ Пашенькѣ и про то, что Пашенька къ нему неравнодушна. На всѣ заискиванія, объясненія въ любви и заманчивыя предложенія князя Пашенька отвѣчаетъ самыми упорными отказами. Въ своемъ увлеченіи мѣщанкой-пѣвицей князь дошелъ до того, что бросилъ службу, покинулъ полкъ, чтобы получить возможность жениться на любимой дѣвушкѣ, и пришелъ къ ней за тѣмъ, чтобы такъ или иначе овладѣть ею. Какъ честная дѣвушка Пашенька не соглашается сдѣлаться любовницей князя, какъ умная и плаеменно любящая дѣвушка, она не хочетъ, не можетъ стать его женой, хорошо сознаетъ, какъ тяжело будетъ ея положеніе въ качествѣ княгини въ чуждой ей средѣ и въ семьѣ князя, которая, несомнѣнно, отнесется крайне враждебно къ мѣщанкѣ и никогда не проститъ ей вторженія въ аристократическій домъ. Пашенька понимаетъ, сколько жестокихъ непріятностей придется изъ - за нея перенести любимому человѣку, сколько горькихъ минутъ и разочарованій въ ней самой предстоитъ испытать князю, по милости ея «простоты» и неумѣнья держать себя въ томъ кругу, въ который такъ

упорно хочетъ ввести ее обезумѣвшій отъ любви знатный баринъ. Для себя и для него она предвидитъ большія несчастья и всего болѣе боится того, что онъ ее разлюбитъ, въ чемъ она рѣшительно не сомнѣвается. И вотъ такая-то внутренняя борьба между страстною любовью и сознаніемъ невозможности соединиться съ любимымъ человѣкомъ доводитъ крайне нервную дѣвушку до высшей степени возбужденности. Тѣмъ временемъ гости ушли, оставили Пашу наединѣ съ княземъ. Она вертитъ въ рукахъ револьверъ, который князь снялъ съ себя и положилъ на столъ у двери. Молодой человѣкъ хочетъ обнять Пашеньку, она увертывается отъ него и грозитъ револьверомъ, чувствуя, что одного прикосновенія князя будетъ достаточно для того, чтобъ она не устояла, забыла все на свѣтѣ и бросилась ему на шею. «Не подходи, убью!» — задыхается она. «Не убьешь, а будешь моею!» — говоритъ князь, приближаясь къ ней. Раздается выстрѣлъ. Молодой человѣкъ, пораженный пулей, опускается на стулъ. Дѣвушка падаетъ къ его ногамъ, обнимаетъ его. Во второмъ актѣ передъ нами квартира исправника въ уѣздномъ городѣ, близъ котораго находятся имѣнія стараго князя Ларскаго и его сына Александра. Изъ разговоровъ исправника (г. Макшеевъ) съ разсыльнымъ (г. Ѳедотовъ), потомъ съ княземъ (г. Правдинъ), мы узнаемъ, что рана молодого князя оказалась ничтожною, что мѣщанка Прасковья Скрипина задержана при полицейскомъ управленіи не за выстрѣлъ,—такъ какъ молодой человѣкъ объяснилъ, что рану нанесъ себѣ самъ,—арестовали Пашу за то, что она уѣхала слѣдомъ за молодымъ княземъ и проживаетъ въ уѣздномъ городѣ по паспорту своей сестры, вдовы Буниной. Старый князь проситъ исправника выпроводить поскорѣе эту опасную дѣвицу подальше отъ Александра, «а то они, пожалуй, опять начнутъ стрѣляться». Исправникъ даетъ слово распорядиться тотчасъ же. Героиней романическаго приключенія очень заинтересованы жена исправника (г-жа Таирова), ея пріятельница Татьяна Дмитріевна Языкова (г-жа Яблочкина 2), молодая вдова, родственница Ларскихъ, и молодой помѣщикъ Нейковъ (г. Грессеръ). Темиръ — Языкова неравнодушна къ князю Александру, разсчитываетъ, что онъ скоро броситъ свою «мѣщанку» и женится на ней, красивой и изящной Темиръ, а про запасъ, на всякій случай, держитъ при себѣ глуповатаго франта Нейкова. Всѣ трое упрашиваютъ исправника допросить Скрипину тутъ же, на квартирѣ, съ тѣмъ, чтобы они могли посмотрѣть на нее и послушать изъ - за двери ея разговоры. Допросъ Пашеньки кончается распоряженіемъ исправника отправить ее немедленно на подводѣ подъ карауломъ въ губернскій городъ. Жена исправника въ восторгѣ отъ красоты, смѣлости и бойкости Прасковьи, Темиръ презрительно пожимаетъ плечами, не хочетъ вѣрить въ прочность увлеченія Александра... Вбѣгаетъ разсыльный, уводившій Прасковью, и сообщаетъ, что она умчалась неизвѣстно куда на тройкѣ, ожидавшей ее у крыльца, и что тройкой этой правилъ молодой князь Ларскій. Третье дѣйствіе—въ имѣніи стараго князя Ларскаго. Александръ настоялъ на своемъ, женился на Пашенькѣ, и съ тѣхъ поръ прошло уже два съ

половиной года. Недовольство родителей столь неравнымъ бракомъ сына успѣло остыть и, навѣрное, прошло бы совсѣмъ, еслибъ не поддерживали его нѣкоторыя странности Пашеньки. Молодые супруги продолжаютъ все такъ же пылко любить другъ друга, — это прекрасно, конечно, но въ ихъ положенiи представляетъ и нѣкоторыя существенныя неудобства. Все хорошо въ свою мѣру, опредѣленную и установленную обычаями того круга, къ которому они принадлежатъ. А молодая княгиня не умѣетъ и не хочетъ сообразоваться съ этими обычаями. Она любитъ мужа слишкомъ демонстративно, требовательно и ревниво. Ихъ «медовый мѣсяцъ» тянется слишкомъ долго, Александру давно пора бы войти въ повседневную, издавна протоpенную колею провинцiальной барской жизни. Мѣстные дворяне желаютъ выбрать его въ предводители, а молодая княгиня слышать объ этомъ не хочетъ изъ опасенiя, что мужъ, занятый службою и общественными обязанностями, «отобьется», — по мѣщанскимъ понятiямъ и по мѣщанскому выраженiю, — отъ дома и отъ жены. Княгиня Прасковья Михайловна, несмотря на два съ половиной года жизни въ барской средѣ и обстановкѣ, осталась въ душѣ непоколебимою мѣщанкою Пашенькой, очень честною, искреннею, правдивою и умною, но рѣшительно не способною понять многiя особенности чуждаго ей общества, а тѣмъ паче сообразоваться съ нѣкоторыми условностями, которымъ всѣ считаютъ себя обязанными подчиняться въ томъ кругу, въ который она попала на тяжелыя для нея испытанiя. Она всею душой, всѣми помыслами своими принадлежитъ мужу и хочетъ, чтобы такъ же точно мужъ принадлежалъ ей одной всецѣло и нераздѣльно, чтобы съ нею онъ былъ неотлучно. Безъ нея онъ не долженъ изъ дому выходить, ни къ кому въ гости поѣхать, ни даже къ отцу съ матерью, и къ нимъ-то—даже въ особенности, такъ какъ у нихъ гоститъ ненавистная и опасная ей вдовушка Темиръ, не пропускающая случая подпустить Пашенькѣ злую, ей одной чувствительную шпильку и продолжающая, очевидно, ей на зло, свою кокетливую игру съ кузеномъ. Молодая княгиня мужа отъ себя не отпускаетъ и сама крайне неохотно выѣзжаетъ съ нимъ потому, что ей, по-прежнему, неловко и непрiятно бывать въ кругу его родныхъ и знакомыхъ. Она чувствуетъ себя тамъ чужою, лишнею, не на своемъ мѣстѣ, не можетъ ни говорить, ни думать по-ихнему, ея правдивая и наивная душа возмущается ихъ вѣжливостью и любезностью, которыми прикрываются неискренность и фальшь. Такiя натянутыя и обостряющiяся отношенiя должны были рано или поздно привести къ разрыву между женою Александра и его родными. Конфликтъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, начинается изъ-за пустяковъ. Между «своими», по происхожденiю, воспитанiю и тону, онъ и покончился бы болѣе или менѣе ядовитымъ ехидничанiемъ съ милыми улыбками на лицахъ. Пашенька не умѣетъ ехидничать, не прiучена сносить ехидничанья и улыбаться, она выходитъ изъ себя, говоритъ рѣзкости, считаетъ себя вынужденною уйти изъ дома, гдѣ ее оскорбляютъ, и круто ставитъ мужу на выборъ—или уйти съ нею отъ

матери, или остаться съ матерью и навсегда разойтись съ женой.—«Я или она?... Выбирай, сейчасъ, сію минуту выбирай!...»—кричитъ она въ изступленіи. Александръ уходитъ съ Пашенькой. Въ первой картинѣ четвертаго дѣйствія молодые супруги у себя дома, въ своемъ имѣніи. Обоимъ скучно, обоимъ не по-себѣ, но ни тотъ, ни другой прямо сознаться въ этомъ не хочетъ, оба внутренно раздражены, и нервность Пашеньки принимаетъ тревожный, болѣзненный характеръ, требующій вмѣшательства врача. Александръ понимаетъ, что корень зла кроется въ полномъ бездѣльѣ, въ отсутствіи не только занятій, но и развлеченій. Было время, когда они катались по чужимъ краямъ, по югу Россіи, потомъ забавлялись тѣмъ, что наряжались,—онъ въ пестрядиную рубашку, она въ сарафанъ, играли «въ мужиковъ», тѣшились на покосѣ... Все это было и прошло. Надо же когда-нибудь приниматься и за настоящее дѣло. Нельзя же всю жизнь сидѣть вдвоемъ, цѣловаться и миловаться. Пашенька не понимаетъ, почему «теперь» этого нельзя, если они любятъ другъ друга по-прежнему. Если «нельзя стало», то значитъ его любовь остываетъ, быть можетъ, совсѣмъ остыла. Онъ говоритъ про занятія, про дѣло. Да чѣмъ же ей заниматься и что дѣлать? Ея вмѣшательство въ хозяйство не нужно, и въ хозяйствѣ она ничего не смыслитъ. Ей предлагаютъ заниматься школами. Это смѣшно и глупо, путаться въ школы ей не зачѣмъ, такъ какъ сама-то она едва грамотна. Говорятъ читай,—ей читать скучно, не пріучена она, ничего не понимаетъ, и книга ей противна... Мужъ служить хочетъ, это значитъ, что жена ему надоѣла, что онъ задумываетъ бѣгать отъ нея, покинуть ее одну,—опять-таки значитъ, что разлюбилъ!—«Да нѣтъ же, нѣтъ, не разлюбилъ,—убѣждаетъ ее Александръ.—Неужели ты не понимаешь, что такъ жить нельзя?»—Нѣтъ, этого она не понимаетъ: если прежде можно было, то почему нельзя теперь? Что же измѣнилось?... Пріѣздъ исправника и доктора прерываетъ эту сцену. Изъ разговора мужа съ исправникомъ Пашенька узнаетъ, что Александръ условился съ кузиной Темиръ и съ Нейковымъ ѣхать верхами осматривать лѣсъ. Пашенька волнуется, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, ревнуетъ мужа, не хочетъ отпускать его съ ненавистною женщиной. Нѣтъ никакой возможности втолковать Пашенькѣ, что она ставитъ мужа и себя въ невозможное, комическое положеніе. Она твердитъ свое:—«Не пущу, не пущу!...» Съ появленіемъ изящной амазонки Темиръ въ сопровожденіи Нейкова волненіе Пашеньки достигаетъ высшаго предѣла.—«Ты не поѣдешь!—задыхаясь, говоритъ она мужу.—Я не останусь одна дома!»—«А вамъ скучно будетъ, княгиня,—вступается все отлично понимающая Темиръ,—мы оставимъ съ вами Нейкова и поѣдемъ вдвоемъ съ Александромъ...»—«Не поѣдетъ!»—вырывается у Пашеньки уже настоящій вопль бѣшенства. Въ совершенномъ неистовствѣ она схватываетъ со стола вазу съ цвѣтами, разбиваетъ ее объ полъ и кричитъ какія-то безумныя слова.—«Ты съ ума сошла!»—восклицаетъ Александръ въ ужасѣ отъ скандала. Пашенька съ тѣми же безумными словами падаетъ на руки доктора... Она на самомъ дѣлѣ сошла съ ума.

Мы думаемъ, что тутъ нѣсколькими словами доктора и князя можно было бы закончить пьесу. Молодая писательница нашла нужнымъ добавить послѣднюю картину въ квартирѣ Наташи и Ѳени, бывшихъ подругъ Пашеньки. Къ нимъ-то и является въ губернскій городъ сошедшая съ ума молодая княгиня въ сопровожденіи мѣщанина Васи, дѣлавшаго ей когда-то предложеніе. Вскорѣ послѣ нихъ вбѣгаетъ въ комнату сестра Пашеньки, Бунина, и уговариваетъ, умоляетъ несчастную женщину вернуться домой къ мужу. Пашенька угадываетъ, что Александръ пріѣхалъ за нею самъ и стоитъ тутъ же за дверью. Молодой князь входитъ, говоритъ о своей любви, хочетъ обнять, увести съ собой жену. Она опять грозитъ ему револьверомъ, потомъ съ словами:—«Я люблю тебя... ты такъ хорошъ! Такихъ не убиваютъ!...»—Пашенька застрѣливается.

Въ общемъ, идея пьесы вѣрна, развитіе ея проведено довольно правдиво и, благодаря превосходной игрѣ М. Н. Ермоловой, производитъ очень сильное впечатлѣніе, скрывающее нѣкоторые существенные промахи въ обрисовкѣ личности героини пьесы. Пашенька не типична,—ни какъ мѣщанка, ни какъ пѣвица изъ цыганскаго хора. Ея характеръ не достаточно опредѣленъ, неясенъ, съ первыхъ же сценъ затемняется чрезмѣрною нервностью, доходящею до психической ненормальности, т.-е. до такого состоянія, при которомъ дѣвушка едва ли можетъ сдѣлаться доброю и счастливою женой, кто бы ни женился на ней, мѣщанинъ Вася Мироновъ или князь Александръ Ларскій. Эта психическая ненормальность героини проходитъ черезъ всю пьесу и вноситъ путаницу въ ея основную мысль объ опасности «неравныхъ» браковъ между лицами, принадлежащими, по рожденію, воспитанію и привычкамъ, къ различнымъ и далекимъ другъ отъ друга слоямъ общества. Мы думаемъ, что такова была задача писательницы, ибо не признаемъ надобности доказывать драмой неудобства брака для психически больной дѣвушки, къ какому бы сословію ни принадлежали женихъ и невѣста. Безъ этой путаницы пьеса произвела бы, вѣроятно, болѣе сильное впечатлѣніе. Мы полагаемъ, что получилось бы болѣе цѣльное и, для иллюстраціи идеи, болѣе правильное впечатлѣніе, еслибы мѣщанка Паша, полуцыганка, вполнѣ здоровая, нормальная и сильная, не вынесла тяжелаго гнета, придавившаго ее, вмѣстѣ съ княжескимъ титуломъ. Сюжетъ и безъ психозовъ представлялся писательницѣ достаточно широкимъ и благодарнымъ. Также неудаченъ, по нашему мнѣнію, конецъ пьесы, сумасшествіе Пашеньки и самоубійство. Въ виду ея психической ненормальности, ни то, ни другое — ничего не доказываетъ. Много доказательнѣе было бы, еслибъ героиня, попавшая не въ свою колею и не сумѣвшая къ ней приспособиться, сознательно пришла къ заключенію, что «такъ жить нельзя», что она измучена до невозможности выносить долѣе такое существованіе и что она отравляетъ жизнь любимаго человѣка своимъ неумѣньемъ, своею неспособностью стать въ уровень съ нимъ, съ его понятіями, съ тою средой, въ которую онъ ее ввелъ почти насильно. На такого рода терзанія молодой женщины въ

пьесѣ есть только намеки, мастерски выдвинутые на видъ превосходною игрой г-жи Ермоловой. Въ сущности же Пашенька не собою тяготится и не положеніемъ своимъ удручена, а томится только боязнью потерять любовь мужа и неистовствуетъ отъ ревности. Что же касается молодого князя Ларскаго, то въ пьесѣ почти незамѣтно, что онъ страдаетъ отъ «мѣщанства» своей любимой жены. Во всякомъ случаѣ, ни изъ чего не видно, чтобы жизнь его была «отравлена». Подивидимому, даже его самолюбіе не особенно задѣто странными выходками Пашеньки. Онъ слишкомъ спокоенъ, невозмутимъ и слишкомъ пассивно подчиняется ея требованіямъ.

Князь Александръ Ларскій, безъ ума влюбленный барчукъ, очарованный Пашенькой, беззаботно тянетъ два съ половиной года идиллію медоваго мѣсяца, забывая о томъ, что когда-нибудь надо вернуться къ дѣйствительной жизни, что необходимо подготовить любимую женщину къ тому положенію, которое ей предстоитъ занять въ его обществѣ. Страстно влюбленный эгоистъ, благовоспитанный, свѣтски образованный и легкомысленно невѣжественный, онъ самъ забавляется и тѣшитъ свою Пашеньку, какъ умѣетъ, и не задумывается о томъ, что его жена малограмотна, совершенно неразвита, вступаетъ въ новый для нея кругъ съ неподходящими для того понятіями и взглядами воспитавшей ее мѣщанской среды. Для того, чтобы показать его достаточно яркимъ и типическимъ представителемъ многочисленныхъ барчуковъ этой категоріи, въ пьесѣ не хватаетъ нѣсколькихъ штриховъ. И вотъ почему личность молодого князя вышла блѣдною, существующею какъ бы для того только, чтобы подавать въ надлежащихъ мѣстахъ реплики Пашенькѣ. Болѣе опредѣленными и живыми представляются фигуры стараго князя и его супруги, и совсѣмъ хороши, совершенно живы хорошенькая Темиръ, ея пріятельница, жена исправника, мѣщанки Ѳеня и Наташа и ихъ кавалеры. Эти лица и сцены, въ которыхъ они обрисовываются, выхвачены прямо изъ дѣйствительности и воспроизведены очень талантливо. Мы отмѣтили,—быть можетъ, даже немного рѣзко,—главные недостатки пьесы, но, повторяемъ, драма г-жи Персіяниновой нравится намъ и понравилась публикѣ большою свѣжестью тоновъ, своею естественностью, отсутствіемъ дѣланности и шаблонности, составляющими отличительный признакъ многихъ, если не большинства, произведеній нынѣшнихъ «присяжныхъ» драматурговъ. Намъ чувствуется, что мнѣніе наше раздѣляютъ и артисты, участвующіе въ этой пьесѣ. Говоримъ мы это на томъ основаніи, что драма разыграна не только превосходно и очень дружно,—это не рѣдкость на сценѣ нашего Малаго театра,—но и съ видимымъ увлеченіемъ, возможнымъ лишь тогда, когда пьеса и роли въ ней—по душѣ артистамъ. Отъ души желаемъ талантливой писательницѣ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Такъ же успѣшно прошла 26 сентября четырехъактная драма Н. И. Тимковскаго, *Защитникъ*, героемъ которой является присяжный повѣренный Григорій Алексѣевичъ Михайловъ (г. Ленскій), а героиней—его жена Елена Николаевна (г-жа Ермолова). Составъ ихъ семьи, живущей вмѣстѣ,

въ одномъ домѣ, не совсѣмъ заурядный: мать Елены Николаевны и молодой дѣвушки Серафимы (г-жа Рыжова), Анна Гавриловна Шорникова (г-жа Никулина), имѣетъ этихъ дочерей отъ перваго брака. Овдовѣвши, она вышла замужъ за богатаго купца Шорникова, у котораго тоже отъ перваго брака двое дѣтей: Наталья Павловна (г-жа Музиль) и Александръ (г. Садовскій 2-й). Старикъ Шорниковъ умеръ, дѣйствіе начинается на другой день послѣ его похоронъ. Анна Гавриловна считаетъ себя единственною наслѣдницей по духовному завѣщанію, которое она «вынудила» мужа написать годъ назадъ въ ущербъ роднымъ дѣтямъ, остающимся такимъ образомъ нищими. Не выжидая никакихъ сроковъ, ни утвержденія завѣщанія судомъ, Анна Гавриловна начинаетъ распоряжаться властно и жестоко, сперва тѣснитъ, а потомъ выгоняетъ изъ дома дѣтей покойнаго мужа. Изъ разсказовъ ея зятя, присяжнаго повѣреннаго Михайлова, мы узнаемъ, что она женщина «отвратительная», способная на всякія гадости и, пожалуй, даже на злодѣйства, что на ея дочери Еленѣ онъ женился по страстной любви, что тещу и свояченицу Серафиму онъ терпѣть не можетъ. Но неяснымъ для насъ остается то, почему адвокатъ Михайловъ, образецъ высокой честности, проживаетъ «на хлѣбахъ» у такой дрянной женщины и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня его женитьбы, не озаботился увести жену изъ того дома и изъ той среды, всю негодность которыхъ онъ видитъ и вредное вліяніе которыхъ на Елену онъ сознаетъ. Еще менѣе понятно для насъ, почему этотъ «благороднѣйшій» и «безукоризненнѣйшій» человѣкъ допускаетъ жестокосердую тещу выгнать несчастныхъ Шорниковыхъ изъ дома ихъ отца, изъ ихъ собственнаго дома, тогда какъ онъ знаетъ, что все состояніе Шорникова должно перейти къ этимъ дѣтямъ по духовному завѣщанію ихъ отца, написаному за нѣсколько дней до его смерти и отданному завѣщателемъ на храненіе ему, Михайлову. По какимъ соображеніямъ, честный адвокатъ, попеченію и защитѣ котораго отданы сироты умирающимъ отцомъ, носитъ завѣщаніе въ карманѣ и скрываетъ его содержаніе отъ законныхъ наслѣдниковъ и отъ мачихи, столь нагло ихъ обижающей? Михайловъ не оставляетъ завѣщанія въ своемъ запертомъ столѣ изъ опасенія, какъ бы «безсовѣстная» Анна Гавриловна не украла завѣщанія,—Михайловъ знаетъ, что теща даже ключи подбирала къ его столу съ цѣлью уничтожить этотъ документъ, если онъ имѣется,—Михайловъ глубоко сочувствуетъ дѣтямъ, которыхъ хотятъ ограбить и которыхъ единственнымъ «защитникомъ» онъ оказывается,—онъ видитъ, наконецъ, что выброшенные на улицу сироты рискуютъ погибнуть отъ нищеты, и не вступается за нихъ, не предъявляетъ завѣщанія въ судъ, продолжаетъ носить его въ карманѣ до тѣхъ поръ, пока жена, Елена Николаевна, не выманиваетъ у него документа и не разрываетъ его въ клочки, которые подкарауливавшая маменька спѣшитъ сжечь въ каминѣ... Такъ кончается второй актъ. Все это написано ярко и сильно, разыграно еще сильнѣе и со сцены производитъ впечатлѣніе на публику, только во всемъ этомъ нѣтъ настоящей естественности, подлин-

ной правды, нѣтъ достаточныхъ мотивовъ, оправдывающихъ поступки дѣйствующихъ лицъ. Такъ же точно, какъ въ пьесѣ г-жи Персіяниновой, героиня, по всей видимости, оказывается женщиною ненормальною, «истеричкою», психопатія которой всего болѣе проявляется въ чрезмѣрно приподнятыхъ порывахъ страстной любви къ мужу и въ ничѣмъ не оправдываемой ревности къ Наташѣ Шорниковой. У Елены нѣтъ никакихъ поводовъ, ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ любви мужа, и, кромѣ того, въ пьесѣ эта безумная ревность ни на что не нужна, по нашему мнѣнію. Она только усложняетъ дѣло, затемняетъ характеръ героини и ровно ничего не уясняетъ зрителямъ, а подкрѣпляетъ только мнѣніе, что мы имѣемъ дѣло съ «психопаткой», безпричинно возбуждающейся и доходящей до самыхъ дикихъ аффектовъ. Мы не разъ говорили, что нельзя, никогда не слѣдуетъ строить пьесу на психической ненормальности,—просто говоря, на болѣзненномъ состояніи,—героя или героини. Умопомѣшательство, въ какой бы ни было степени развитія, не должно быть мотивомъ драматическаго произведенія и входить въ него можетъ только въ видѣ заключительнаго момента ради показанія, до чего тѣ или иныя жизненныя обстоятельства способны довести здороваго и нормальнаго человѣка. Разъ,—какъ въ данномъ случаѣ,—героиня ненормальна психически, критикѣ съ нею дѣлать нечего, разбирать ея поступки нельзя: она, героиня, способна на всякія неистовства и, по волѣ автора, можетъ производить всякія безобразія, ровно ничего не доказывающія. Тѣмъ не менѣе, автору надо отдать справедливость въ томъ, что сцена выманиванія завѣщанія написана превосходно, и эффектъ, ею производимый, былъ бы много сильнѣе, еслибъ впечатлѣніе не расхолаживалось появленіемъ,—довольно водевильнымъ,—Анны Гавриловны и адвоката Мурысова (г. Рыжовъ). Въ пьесѣ присяжный повѣренный Мурысовъ занимаетъ нѣсколько странное положеніе. Онъ влюбленъ въ Елену, ухаживалъ за нею, когда она была дѣвушкой, и теперь въ разговорѣ съ нею съ восторгомъ вспоминаетъ «о ея чарующихъ ласкахъ» во время былыхъ пикниковъ и кутежей... Повидимому, однако, она не была его любовницей, никогда даже не увлекалась имъ особенно и всѣми силами души полюбила и любитъ своего мужа. Но вотъ между вторымъ дѣйствіемъ, когда было разорвано завѣщаніе, и третьимъ проходитъ недѣля, и оказывается, что Михайловъ живетъ въ бѣдной квартиркѣ, въ какихъ-то оборванныхъ чуланчикахъ, а его Елена находится уже въ открытой связи съ Мурысовымъ, что весьма одобряется нѣжною мамашей Анною Гавриловной. Какъ это произошло,—по щучьему велѣнію,—и почему одобряется маменькой, для публики осталось неизвѣстнымъ и мало вѣроятнымъ, а для пьесы оказывается ни на что не нужнымъ. Елена, попрежнему, даже пламеннѣе, любитъ мужа, презираетъ и ненавидитъ Мурысова, терзается тѣмъ, что уничтожила завѣщаніе, невыносимо страдаетъ отъ того, что Михайловъ ее бросилъ и болѣе, чѣмъ когда-либо ревнуетъ его къ Наташѣ. А присяжный повѣренный Михайловъ, отчасти подъ вліяніемъ своего друга, врача Крюкова (г. Падаринъ), приходитъ къ заключе-

нію, что ограбленнымъ сиротамъ слѣдуетъ возвратить отнятое у нихъ состояніе и не только состояніе, но и «законныя права» на оное. Съ настойчивымъ требованіемъ сдѣлать это Михайловъ является къ Еленѣ Николаевнѣ и проводитъ съ нею весьма эффектную сцену, лишенную, однако, всякаго реальнаго смысла, какъ мы это укажемъ ниже. Михайловъ рѣшилъ идти въ судъ и доказывать недѣйствительность завѣщанія, находящагося въ рукахъ Анны Гавриловны, заявивши суду, что имъ, Михайловымъ, уничтожено позднѣйшее завѣщаніе, которымъ отмѣняется первое завѣщаніе. Въ четвертомъ дѣйствіи Михайловъ возвращается изъ суда въ свою убогую квартирку. Всѣ радуются тому, что завѣщаніе въ пользу Анны Гавриловны должно быть признано недѣйствительнымъ и отцовское наслѣдство перейдетъ къ дѣтямъ. Но общая радость омрачена тѣмъ, что Михайловъ отданъ подъ судъ. Во время судоговоренія произошелъ такой инцидентъ: Елена Николаевна, потрясенная тѣмъ, что мужъ принимаетъ ея вину на себя, объяснила суду всю правду, какъ было дѣло. А затѣмъ она приходитъ въ квартиру мужа излить все свое раскаяніе, послѣ этого выпиваетъ пузырекъ яда и умираетъ, осыпаемая нѣжными ласками Михайлова... Такой конецъ, видимо, не понравился публикѣ и понравиться не могъ уже потому, что весь актъ занятъ разсказами о томъ, что происходило на судѣ. Фальшь такихъ разсказовъ живо чувствуется публикой, ибо никого не увѣришь въ томъ, что наиболѣе заинтересованные люди,—Наташа и Александръ Шорниковы,—не были сами очевидцами всего, происходившаго въ судѣ. Да и самый этотъ судъ представляется мало правдоподобнымъ и, во всякомъ случаѣ, «не возстановляющимъ» уничтоженныхъ правъ наслѣдниковъ, а на лучшій конецъ—открывающимъ для нихъ «новыя права» оспаривать дѣйствительность перваго завѣщанія и добиваться полученія наслѣдства по закону. Это—вопросы юридическаго характера, для большинства публики недостаточно понятные. Но, по какой-то интуиціи, публика всегда чувствуетъ, что дѣло выходитъ не стройно, не совсѣмъ ладно и гладко, и остается неудовлетворенною, чего уже артисты не могутъ затушевать никакою игрой. И вотъ, при всемъ увлеченіи исполненіемъ пьесы, такая неудовлетворенность невидимою струей проносится по залѣ во время исполненія пьесы г. Тимковскаго. Отдѣльныя сцены смотрятся и слушаются съ большимъ напряженіемъ, съ несомнѣннымъ интересомъ, и тѣмъ сильнѣе оказывается потомъ разочарованіе. Когда наступаетъ очередь сознанія, что вы введены были въ заблужденіе подстроеннымъ эффектомъ и блескомъ исполненія, что, въ сущности, между захватывавшими васъ сценами нѣтъ логической необходимой связи и что, въ концѣ концовъ, отъ всего, васъ волновавшаго и будоражившаго ваши нервы, не остается въ результатѣ никакого вывода, который одинъ только и возстановляетъ въ зрителѣ и въ читателѣ успокоивающее равновѣсіе, дающее удовлетвореніе его нравственнымъ запросамъ. Пьеса г. Тимковскаго закончена, а вопросъ, для чего она написана, что хотѣлъ ею сказать и доказать авторъ, такъ и остается не рѣшеннымъ. «Защитники», присяжные

повѣренные тутъ совсѣмъ не причемъ. Ничего спеціально адвокатскаго въ драмѣ нѣтъ: любой сосѣдъ, помѣщикъ или купецъ, врачъ или чиновникъ, могъ посовѣтовать старику Шорникову не лишать дѣтей наслѣдства и взять отъ него на храненіе завѣщаніе и за уничтоженіе его попасть подъ судъ, и быть судомъ оправданнымъ послѣ доказательства, что завѣщаніе изорвано психопаткой въ припадкѣ умоизступленія. Судя по многимъ признакамъ, мы думаемъ, что пьеса г. Тимковскаго поставлена слишкомъ торопливо, безъ достаточной подготовки, что невыгодно отразилось на ея исполненіи, очень неровномъ и порывистомъ. Отъ паденія ее спасли отдѣльныя сцены, горячо и талантливо написанныя и настолько мастерски исполненныя артистами, что публика, по французскому выраженію, n'y a vu que du feu.

---

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ московская сцена лишилась одного изъ своихъ талантливѣйшихъ артистовъ, Ѳ. П. Горева, перешедшаго на службу въ Петербургъ. Для Москвы это очень большая потеря. Наша труппа, при всей выдающейся талантливости нѣкоторыхъ артистовъ, давно уже перестала быть богатою артистическими силами, что очень чувствительно и прискорбно для москвичей отражается на репертуарѣ Малаго театра, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше отражается. Ушла Г. Н. Ѳедотова,—надѣемся, все еще только надѣемся, не надолго, — и замѣнить ее некѣмъ, хотя бы въ какой-либо мѣрѣ; ушелъ Ѳ. П. Горевъ, и на его мѣсто некого поставить... «Старое старится, а молодое не растетъ». Почему? Да можетъ быть потому, что не давали молодому расти вò-время, не давали надлежащаго хода молодымъ силамъ. Теперь порядки измѣнились къ лучшему и къ выгодѣ молодыхъ артистовъ. Но, вѣдь, дарованія не вырастаютъ какъ грибы,—мы не говоримъ объ исключительныхъ, совершенно изъ ряда выходящихъ талантахъ, которые сразу, съ перваго выхода на сцену, занимаютъ на ней первыя мѣста. Но въ пересаживаніи артистовъ изъ одной казенной труппы въ другую мы не видимъ ничего хорошаго ни для сцены, ни для артистовъ. Была у насъ молодая, очень симпатичная и, несомнѣнно, даровитая артистка (ingenue) Г. В. Панова и успѣла занять въ Москвѣ довольно опредѣленное мѣсто. Перешла она, или переведена была въ Петербургъ, и, по театральнымъ отчетамъ за сезонъ 1895—96 гг., оказалось, что она сыграла всего *двѣ* роли! А ея сценической службѣ исполнилось въ нынѣшнемъ году 10 лѣтъ. Гдѣ же тутъ развиваться дарованію и на что нужно кому такое перемѣщеніе? А между тѣмъ въ Москвѣ такой ingenue, какъ г-жа Панова, пока мы не видимъ. И на очень многія роли у насъ нѣтъ актрисъ и актеровъ. Гдѣ же ихъ искать? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ для Императорской московской сцены искать ихъ въ Императорской петербургской труппѣ, или наоборотъ. Съ другой стороны, нельзя и некогда ждать того, что подростутъ и окрѣпнутъ актрисы и актеры, только что сошедшіе со школьной скамьи. Для того, чтобъ они росли и крѣпли, имъ необходимо быть въ составѣ *полной* и достаточно *сильной* труппы, иначе

«побредутъ они—кто въ лѣсъ, кто по дрова», что мы и начинаемъ замѣчать на московской сценѣ, въ труппѣ которой часто при фамиліи артистки или артиста выставляется цифра 2. Мы думаемъ, что для сцены въ этой цифрѣ нѣтъ ничего не только спасительнаго, но и особенно обнадеживающаго, и полагаемъ, что дополнить и привести въ надлежащій видъ нашу драматическую труппу можно и необходимо только привлеченіемъ опытныхъ, достаточно-опредѣлившихся артистовъ и артистокъ, размыкивающихъ свои дарованія по провинціальнымъ театрамъ. Когда-то давно практиковавшаяся система дебютовъ въ серьезныхъ и отвѣтственныхъ роляхъ нынѣ почему-то оставлена, и наша первоклассная труппа пополняется,—быть можетъ, переполняется,—учениками и ученицами театральныхъ школъ, едва окончившими курсъ, людьми очень молодыми и неопытными, поступающими не на извѣстные амплуа, а такъ просто на сцену въ ожиданіи, что изъ этого что-нибудь выйдетъ. И вышло въ результатѣ, что нѣтъ у насъ ни jeune premier, ни комика, и мало ли еще чего нѣтъ, и вынуждены играть—г. Южинъ 123 раза, г. Рыбаковъ 109 (*Ежегодникъ Импер. Театровъ* 1895—96 гг.), когда всѣхъ спектакльныхъ дней было 184. Мы дожили до того, что наша первоклассная драматическая труппа очутилась въ весьма драматическомъ положеніи: приходится или снимать со сцены многія хорошія пьесы за невозможностью надлежащимъ образомъ распредѣлить въ нихъ роли, или поручать исполненіе ихъ такимъ артистамъ, которымъ онѣ не по силамъ. Съ уходомъ г. Горева нашъ и безъ того урѣзанный репертуаръ долженъ еще сократиться, тогда какъ репертуаръ петербургскихъ театровъ отъ перехода г. Горева едва ли можетъ расшириться.

**Ан.**

---

ВИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Октябрь 1897 года.

*Содержаніе.* I. Книги: Педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія, мемуары.—Юридическія книги. —Языкознаніе.—Естествознаніе.— Сельское хозяйство.—Медицина.—Дѣтскія книги. II. Періодическія изданія: «Новое Слово», *августъ.*—«Вѣстникъ Европы», *сентябрь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *сентябрь.* III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1897 года.

## *ПЕДАГОГИКА.*

„Народныя чтенія". *В. П. Вахтерова.*

**Народныя чтенія. В. Вахтерова. Изданіе журнала „Русская Школа". Ц. 1 р. Спб., 1897 г.** Когда русскій обыватель предпринимаетъ какое-нибудь дѣло въ цѣляхъ общественной пользы, онъ, не мудрствуя лукаво, стремится къ немедленному его осуществленію. „А горе ждетъ изъ-за угла".

Если и не горе, то ужъ препятствій не оберешься,—въ видѣ кучи всяческихъ ограниченій, предупрежденій, циркуляровъ и отношеній. Бѣда и въ томъ, что рѣдко кто знакомъ со всѣми нашими узаконеніями и постановленіями,—особенно съ такими, которыя относятся къ народному образованію.

Вотъ, наприм., бузулукскій обыватель, г. Б. задумалъ устроить вечернія чтенія для народа. Видѣлъ онъ, какъ легко все это устраивается за границей; рѣшилъ, что не трудно будетъ добиться своего и у насъ. „Нужно лишь желаніе и любовь къ дѣлу",—думаетъ онъ. И пишетъ свѣдущему человѣку письмо. „Я бы желалъ,—мечтаетъ онъ,—чтобы люди, принимающіе участіе въ чтеніи, сами самостоятельно подготовляли свою работу, а не читали бы что-нибудь изъ готовыхъ книгъ".

Воображаемъ, какъ свѣдущій человѣкъ сразу отрезвилъ этого наивнаго обывателя, выяснивъ ему, насколько „самостоятельныя" работы допустимы съ точки зрѣнія администраціи.

Стѣсненій для подобнаго рода предпріятій такъ много и притомъ съ разныхъ сторонъ, что каждый иниціаторъ, мало-мальски осторожный и благоразумный, прежде чѣмъ взяться за дѣло, первымъ дѣломъ наводитъ повсюду справки: къ кому обращаться за разрѣшеніемъ чтеній (не думайте, чтобъ это былъ пустяковый вопросъ...), какъ подавать прошеніе (и на это есть своя форма); есть ли каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній, гдѣ его достать? и т. д. и т. д.

Вслѣдъ за этими вопросами идутъ другіе, уже не административнаго, а просто практическаго характера: откуда выписать небольшой и недорогой волшебный фонарь и въ какую цѣну? и т. п.

Дѣло въ томъ, что о чемъ угодно у насъ по Россіи слухи распространяются быстро, а вотъ о распространеніи свѣдѣній, касающихся народообразовательныхъ учрежденій, у насъ заботятся мало. „Я помню,—говоритъ г. Вахтеровъ,—какъ быстро распространилась по всѣмъ самымъ захолустнымъ городамъ и мѣстечкамъ игра въ винтъ, очень скоро вытѣснившая неограниченно царившій до того времени преферансъ; всѣмъ извѣстно, съ какою изумительною быстротой распространяются свѣдѣнія о послѣднихъ модахъ, а вотъ свѣдѣнія о томъ, какъ открыть народныя чтенія, въ г. Бузулукъ и во всѣ другіе города и селенія не доходятъ".

Бузулукскій обыватель обращался за свѣдѣніями къ народнымъ учителямъ, но они оказались такъ же абсолютно несвѣдущими въ вопросѣ, какъ и онъ самъ. „Тогда я обратился въ три редакціи,—пишетъ онъ,—и притомъ въ такія, которыя постоянно толкуютъ о народномъ образованіи, но до сихъ поръ отвѣта не получилъ, хотя этому скоро минетъ два года".

Да и чего удивляться недостаточной освѣдомленности прессы по такимъ вопросамъ чисто-формальнаго характера, когда, наприм., членъ училищнаго совѣта въ городѣ В. какъ-то нечаянно черезъ кого-то узналъ, что отдѣленіямъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ дано право оказывать содѣйствіе къ устройству народныхъ чтеній. Это извѣстіе было для него открытіемъ.

Да, мы совсѣмъ не знаемъ не только формальныхъ препятствій, ожидающихъ насъ на пути къ осуществленію того или иного права, но мы совсѣмъ даже незнакомы съ нашими правами и ихъ предѣлами. Г. Вахтеровъ справедливо замѣчаетъ, что для распространенія свѣдѣній, наприм., о модахъ существуетъ самая сложная организація съ своими спеціальными изданіями—и рѣшительно никакой организаціи для распространенія свѣдѣній о народообразовательныхъ учрежденіяхъ.

Цѣлью новой книги г. Вахтерова служило—дать возможно полное представленіе относительно того, какъ устраиваются народныя чтенія въ Россіи, какія существуютъ у насъ на этотъ счетъ узаконенія и какія задачи должны преслѣдовать иниціаторы подобныхъ предпріятій.

Онъ показываетъ намъ при помощи фактовъ, добытыхъ имъ изъ самыхъ разнообразныхъ, обильныхъ источниковъ, какъ сочувственно къ этому дѣлу стала относиться въ послѣднее время учебная администрація и духовенство, а ужъ о земствѣ нечего и говорить. Онъ отмѣчаетъ и тотъ отрадный фактъ, что пользу чтеній уже сталъ сознавать и самъ народъ, а иные изъ его представителей начинаютъ оказывать имъ и свое посильное содѣйствіе. Слесарь Гр. Власовъ изъ Ростова пишетъ завѣдующему одесскими чтеніями: „Присматриваясь къ повседневной жизни моихъ односельчанъ, я замѣтилъ, что въ свободное время, въ особенности праздничное, они проводятъ время совершенно праздно. Обыкновенно соберутся около питейныхъ домовъ и начинается пустословіе; а потомъ наскучитъ все это, зайдутъ выпить по маленькой. Строго судить ихъ за это невозможно, такъ какъ другого исхода нѣтъ, для ума нѣтъ никакой новой пищи. Въ виду вышеизложеннаго, мнѣ на мысль пришло устроить по праздничнымъ днямъ народныя чтенія".

Огромную практическую пользу для народа приносятъ сельско-хозяйственныя чтенія, кое-гдѣ уже ведущіяся въ провинціи. Къ сожалѣнію, народъ до сихъ поръ остается при своемъ вопіющемъ невѣжествѣ въ области элементарнѣйшихъ, самыхъ насущныхъ свѣдѣній по гигіенѣ

и медицинѣ. Сколько гибельныхъ послѣдствiй получается отъ этого невѣжества, въ видѣ холерныхъ бунтовъ, знахарскихъ лѣченiй, ведущихъ сплошь и рядомъ къ неминуемой смерти, и т. п.

А какою иронiей,—по справедливому замѣчанiю автора,—звучитъ для нашего крестьянина заявленiе законодателя, что невѣдѣнiемъ закона никто отговариваться не можетъ! Сколько совершается преступленiй изъ-за одного только незнанiя законовъ!

„Мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ распространенiя пожаровъ,—говоритъ г. Вахтеровъ,—почти всѣ до единой разбиваются въ деревнѣ о деревенскую косность. На этой почвѣ взаимнаго непониманiя возникаютъ цѣлые бунты. И здѣсь народныя чтенiя могли бы принести свою долю пользы, примиряя народъ съ распланированiемъ селъ и деревень, съ разсадкою деревьевъ по улицамъ слободъ и селъ, знакомя его съ несгараемыми постройками. А сколько совершенно излишняго и безцѣльнаго зла и страданiй несетъ крестьянинъ отъ незнакомства ни съ дѣломъ переселенiя, ни съ законодательствомъ по этому вопросу, ни съ мѣстностями, куда можно переселяться, ни съ путями сообщенiя, ни съ условiями переселенiй!“ Конечно, и тутъ свою пользу могли бы принести чтенiя.

Кромѣ того, предметомъ бесѣдъ съ народомъ могли бы служить техническiя свѣдѣнiя по разнымъ производствамъ и т. п. И народъ ждетъ этихъ чтенiй, и вездѣ, гдѣ они бываютъ, онъ валомъ валитъ туда, бросаетъ трактиры и кабаки, прекращаетъ пьянство и, въ концѣ концовъ, принимается самъ, по собственной иницiативѣ, устраивать различныя образовательныя учрежденiя, открывая воскресныя школы, покупая книги, волшебные фонари и туманныя картины. Интереснѣйшiя свѣдѣнiя даютъ корреспонденты изъ разныхъ мѣстностей, сообщая о томъ, какъ восторженно, съ какимъ живымъ интересомъ и пониманiемъ относятся крестьяне къ чтенiямъ.

Сообщивъ намъ обстоятельно исторiю возникновенiя и развитiя дѣла народныхъ чтенiй въ Россiи, г. Вахтеровъ подробно останавливается на современномъ положенiи этого вопроса. Любопытно, что въ послѣднее время начинаетъ распространяться въ деревняхъ особенно симпатичное явленiе—домашнiя чтенiя, на которыхъ лекторомъ выступаетъ наиболѣе развитой крестьянинъ. Для этого нанимается особая хата, а лѣтомъ чтенiя бываютъ и подъ открытымъ небомъ, на вечеринкахъ.

Сдѣлать вечеринки, которыя до сихъ поръ имѣли на деревенскую молодежь только развращающее влiянiе, орудiемъ культурнаго воздѣйствiя на народъ и водворить на нихъ, вмѣсто безшабашнаго разгула и циническаго времяпровожденiя, чтенiе лучшихъ писателей и сообщенiе полезныхъ свѣдѣнiй—это дѣло очень серьезное, очень важное по своимъ послѣдствiямъ, и нельзя не радоваться, что уже есть такiе крестьяне-инициаторы, которые энергично принялись за свою просвѣтительную работу, не пугаясь никакихъ затрудненiй, проявляя рѣдкую настойчивость, терпѣнiе, тактъ и умъ. Многiе изъ нихъ для того, чтобы прiобрѣсти то или иное, полезное для ихъ аудиторiи, свѣдѣнiе, не стѣсняются разстоянiями, пойдутъ къ знающимъ людямъ пѣшкомъ за десятки верстъ, даже въ столицу, не останавливаясь передъ лишенiями и матерiальными затратами.

Уже изъ этого бѣглаго обзора содержанiя книги г. Вахтерова видно, какъ много въ ней интересныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣнiй, какъ необходимо ее имѣть для справокъ и обстоятельнаго знакомства съ

вопросомъ о народныхъ чтеніяхъ каждому, кто мало-мальски интересуется дѣломъ просвѣщенія народныхъ массъ.

## *КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.*

„Значеніе А. С. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи русскаго общества и вліяніе монгольскаго ига на Россію“. *М. І. Сагарадзе.* — „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“.

**Значеніе А. С. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи русскаго общества и вліяніе монгольскаго ига на Россію. М. І. Сагарадзе. Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ г. Кутаисѣ 14 и 26 апрѣля 1895 года. Цѣна 40 коп.** Г-ну Сагарадзе пришла въ голову хорошая мысль выступить въ г. Кутаисѣ съ двумя публичными лекціями. Мы лично не знакомы съ г. Кутаисомъ, но беремъ на себя смѣлость предположить, что онъ обладаетъ приблизительно тѣми же главными свойствами и качествами, которыя типичны для каждаго провинціальнаго города. Между тѣмъ, это—давно избитая истина, что наша провинція нуждается въ элементахъ, пробуждающихъ мысль и общественные инстинкты, а въ этомъ отношеніи живое слово, публично произнесенное съ каѳедры, можетъ сослужить хорошую службу. Первая лекція была прочитана по случаю столѣтія со дня рожденія Грибоѣдова. Роль автора *Горе отъ ума* въ исторіи нашего развитія настолько велика, что къ намѣренію г. Сагарадзе воспользоваться случаемъ, чтобъ освѣтить лишній разъ его личность и дѣятельность, нельзя отнестись иначе какъ съ сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, однако, названная лекція не представляетъ изъ себя ничего интереснаго: тамъ, гдѣ г. Сагарадзе кладетъ болѣе или менѣе вѣрныя краски на личность и дѣятельность Грибоѣдова, онъ не только не оригиналенъ, но не говоритъ ничего новаго уму даже гимназиста старшаго класса; тамъ же, гдѣ онъ оригиналенъ, онъ черезчуръ увлекается и говоритъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ; такъ, наприм., на стр. 13-й, въ своемъ преклоненіи передъ Грибоѣдовымъ, онъ доходитъ до того, что Грибоѣдова ставитъ выше самого Пушкина и утверждаетъ, будто „Грибоѣдовъ представляетъ изъ себя натуру болѣе глубокую и серьезную, чѣмъ Пушкинъ“.

Что касается до второй лекціи г. Сагарадзе о *вліяніи монгольскаго ига на Россію,* то хотя она была прочитана безъ всякаго внѣшняго повода, но имѣетъ гораздо больше значенія, нежели первая. Если всякій гимназистъ непремѣнно знаетъ о Грибоѣдовѣ приблизительно то, о чемъ говоритъ г. Сагарадзе,—о вліяніи монгольскаго ига на Россію и не одинъ онъ знаетъ мало. Г. Сагарадзе приводитъ мнѣнія многихъ компетентныхъ авторовъ по поводу даннаго вопроса, сопоставленіе которыхъ можетъ навести на размышленія. Такимъ образомъ, провинціальная публика, во время слушанія этой лекціи, несомнѣнно, должна была извлечь и интересъ, и пользу.

**Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. М., 1897 г. Цѣна 5 р.** Этотъ огромный (почти тысяча страницъ большого формата) и красиво изданный томъ заключаетъ въ себѣ много интереснаго. Много отличныхъ статей посвящено армянамъ, ихъ исторіи и мученичеству въ Турціи, ихъ литературѣ и описанію тѣхъ областей, въ которыхъ живутъ армяне. Въ сборникѣ участвуютъ выдающіеся наши писатели (Стороженко, Спасовичъ, Тимирязевъ, Маминъ, Златовратскій, Джаншіевъ и мн. др.). Книга украшена значительнымъ числомъ пор-

третовъ и рисунковъ армянскихъ видовъ и типовъ. Матеріалъ для чтенія—разнообразный и богатый. Кромѣ упомянутыхъ статей по армянскому вопросу, читатель найдетъ въ сборникѣ не напечатанныя раньше письма Бѣлинскаго, Салтыкова, разсказы Мамина, Баранцевича, стихотворенія Жемчужникова, К. Р., Бальмонта, жизнеописанія кавказскихъ героевъ, какъ Лазаревъ, Тергукасовъ. Само собою разумѣется, что мы очень рекомендуемъ этотъ сборникъ. Купившій его пріобрѣтетъ хорошую и красивую книгу и сдѣлаетъ въ то же время доброе дѣло.

---

## *ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ.*

„Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина". Т. I.—„Записки А. О. Смирновой". Ч. II.

**Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ I. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.** Сочиненія знаменитаго ученаго и публициста издаются подъ редакціею профессора Д. А. Корсакова и г. Слонимскаго. Въ первый томъ вошли монографіи по русской исторіи. Книгѣ предшествуетъ очеркъ жизни и дѣятельности Кавелина, написанный Д. А. Корсаковымъ; къ ней приложенъ отличный портретъ Константина Дмитріевича въ молодые годы. Нельзя не порадоваться этому изданію. Отъ сочиненій Кавелина дышитъ такимъ умомъ и гуманностью, онъ обсуждаетъ такіе важные вопросы духа и практической дѣятельности, что знакомство съ его изящно-написанными трудами доставляетъ и огромную пользу, и высокое удовольствіе. Все изданіе разсчитано на четыре большихъ тома. Конечно, мы вернемся къ нимъ своевременно.

**Записки А. О. Смирновой (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть II. Изданіе редакціи журнала „Сѣверный Вѣстникъ". Спб., 1897 г.** Внимательное изученіе 1-го выпуска *Записокъ А. О. Смирновой* привело насъ къ безусловному убѣжденію въ ихъ поддѣланности. Откладывая до специальной статьи подробное обоснованіе нашего вывода, мы считаемъ возможнымъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми общими наблюденіями, иллюстрируя ихъ фактами 2-го выпуска.

Всѣ записки выдержаны въ одномъ тонѣ, несмотря на то, что относятся къ разному времени и передаютъ якобы дословно разговоры различныхъ лицъ. Съ подозрительной назойливостью *Записки* много разъ возвращаются къ вопросу, какимъ образомъ могли быть возстановлены и записаны разговоры многихъ лицъ въ продолженіе цѣлыхъ вечеровъ, причемъ даются не вполнѣ совпадающія указанія. Съ такою же настойчивостью подчеркивается подлинность содержанія разговоровъ. Всѣ разговоры построены по одному шаблону: собесѣдники перебрасываются безсвязными, иногда пошловатыми фразами, въ которыхъ такъ и мелькаютъ имена авторовъ, дѣятелей, произведеній. Факты смѣняютъ другъ друга съ головокружительной быстротой, но между ними нѣтъ никакой связи: какъ будто собесѣдники поставили себѣ цѣль забрасывать другъ друга массою именъ, подозрительными парадоксами, пророческими предсказаніями будущаго, которыя такъ напоминаютъ vaticinia post eventum древней поэзіи,—пошловатыми сентенціями и даже сплетнями. Характерная особенность всѣхъ этихъ разговоровъ—пестрая и нѣсколько безтолковая начитанность. Схватываются внѣшнія, совсѣмъ не существенныя черты, мысль скользитъ по поверхности; на каждомъ шагу lapsus memoriae, путаница, рѣзкіе анахронизмы. Мѣстами подозрительное накопленіе ненужныхъ мелочей.

Красною нитью черезъ всѣ эти разговоры проходитъ нѣсколько наивное стремленіе реабилитировать А. О. Смирнову, показать русскому обществу „настоящихъ“ — императора Николая I и Пушкина, какъ будто бы никто не имѣетъ о нихъ точнаго представленія.

Есть много фактовъ искаженныхъ, еще больше—сочиненныхъ въ угоду тенденціи или прямо безъ особой задней мысли, для усиленія правдоподобія. Мѣстами можно еще предположить ошибки памяти, но во многихъ мѣстахъ ярко сквозитъ не основанный ни на какихъ реальныхъ фактахъ чистый вымыселъ. Все это якобы записано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, такъ что не можетъ быть и рѣчи о lapsus memoriae Смирновой-*матери*. Повидимому, фальсификаторъ *Записокъ* пользовался слѣдующими источниками: 1) личными воспоминаніями, крайне сбивчивыми и смутными, 2) собственными тенденціозными и безразличными измышленіями, 3) устными разсказами и письменными матеріалами А. О. Смирновой, сильно переработанными. Пока нѣтъ подъ руками послѣднихъ, *Записки* не могутъ имѣть никакого серьезнаго значенія.

Возьмемъ наудачу изъ 2-го выпуска нѣсколько фактовъ, иллюстрирующихъ пріемъ фальсификатора.

Современный событію разсказъ о смерти Пушкина упоминаетъ, впадая въ значительный анахронизмъ, о вліяніи „Товіанскаго“ на Мицкевича (стр. 15). Въ разсказѣ объ исторіи Чаадаева передаются удивительныя подробности: „Гуссара (sic) Брута и Алкивіада-Чацкаго арестовали въ ихъ собственномъ домѣ за то, что они вздумали философствовать по-русски, даже съ согласія цензуры“ (стр. 15; срв. 16, 17). Прелесть этого мѣста еще увеличится, если вспомнить, что въ своей извѣстной эпиграммѣ на Чаадаева Пушкинъ упоминалъ Брута, *Перикла* и *гусарскаго* офицера, что Чацкаго нѣкоторые считали пасквилемъ на Чаадаева: ослабѣвшая память (конечно, не А. О. Смирновой) превратила Перикла въ Алкивіада, раздвоила личность Чаадаева, засадивъ его подъ арестъ въ собственный домъ.

Вотъ одно мѣсто изъ рѣчи умнаго и образованнаго Соболевскаго: „образованныхъ архіереевъ и монаховъ этого времени (XVII в.) можно по пальцамъ пересчитать: Симеонъ Полоцкій, Туптало, который былъ святой, Петръ Могила, Стефанъ Яворскій, который былъ совершенная противоположность тому, что называется святымъ, Ѳеофилактъ Лапатинскій—вотъ всѣ ученые, бывшіе даже своего рода Расинами Московскаго государства: они писали религіозныя драмы“ (стр. 17). Такая тирада самому И. А. Хлестакову была бы въ пору съ его *Фрегатомъ Надеждой*, *Московскимъ Телеграфомъ* и барономъ Брамбеусомъ.

Вотъ Пушкинъ въ несвойственной ему роли прорицателя: „послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, бóльшая свобода печати, реформа въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ также. Все это придетъ свыше, и это и будетъ *эволюція*“ (стр. 18).

При жизни Пушкина Лермонтовъ могъ быть извѣстенъ только какъ авторъ *Хаджи Абрека*, съ Смирновой онъ сближается, повидимому, только въ 1840 г., съ Пушкинымъ былъ совсѣмъ незнакомъ, или знакомъ очень мало, между тѣмъ *Записки до 1837 г.* даютъ о немъ такія, наприм., свѣдѣнія: „онъ (Лермонтовъ) подражаетъ Байрону и Шиллеру, даже написалъ какъ-то нѣмецкіе стихи“ (стр. 25); „единственное, что можетъ его спасти—это его преклоненіе передъ Пушкинымъ“ (стр. 26), чтó совершенно невѣрно передаетъ сложныя отношенія Лермонтова къ Пушкину до 1837 г.; „Жуковскій просилъ меня

взять его въ руки, пожурить, а Пушкинъ говорилъ: „еслибъ его сослать въ деревню, это принесло бы ему такую же пользу, какъ и мнѣ“ (стр. 26); „Вяземскій говаривалъ мнѣ: „Какая разница между нимъ и Пушкинымъ въ тѣ же года“ (стр. 27).

Братъ Смирновой называетъ Лермонтова (правда, въ шутку) „самымъ глупымъ человѣкомъ въ Петербургѣ“, Лермонтовъ говоритъ пошлости и плоскости, а Пушкинъ отзывается о немъ такъ: „бѣдный мальчикъ, и я чувствовалъ, какъ онъ, когда писалъ въ лицеѣ сонеты Дафнѣ, а въ Одессѣ и Кишиневѣ — баллады лунѣ“ (стр. 27). Вотъ слова Joseph'а Россетъ Лермонтову: „у тебя много таланта, но ты безтолковъ, не сознаешь этого. Честное слово, еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, то творилъ бы chef-d'oeuvre'ы. Ты же вздыхаешь, горюешь, стонешь, а въ сущности ты—счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ“ (стр. 29).

Сама А. О. Смирнова совѣтовала Лермонтову (стр. 35) читать Шекспира, передавъ ему то, что сказалъ Пушкинъ объ этомъ великомъ поэтѣ: „онъ создалъ цѣлое человѣчество“. И прибавила: „Чтобъ описывать людей, нужно ихъ изучать“. Мнѣніе Пушкина его поразило: онъ даже меня поблагодарилъ“. Послѣ чтенія *Демона* въ присутствіи Мятлева и Вяземскаго, она сказала, что у Лермонтова „встрѣчаются такія же чудныя строфы, какъ у Пушкина“. „Когда я ему объ этомъ сказала,—прибавляютъ *Записки*,—онъ покраснѣлъ, поцѣловалъ мнѣ руку; при воспоминаніи о нашемъ бѣдномъ Искрѣ у него на глаза навернулись слезы“.

Дальше оказывается, что *Молитва*, „*Вѣтка Палестины*“ были внушены Лермонтову княжною S.: она прочла Лермонтову Ave Maria и онъ тотчасъ написалъ стихи (стр. 41).

На стр. 42 великому поэту приписаны невѣроятныя пошлости, а на стр. 43 приведенъ невозможный отвѣтъ на предложеніе великаго князя Михаила Павловича оставить военную службу: „я люблю эту службу и предпочитаю ее всякой другой!“

Мы не привели и сотой части той лжи, которою переполненъ весь отдѣлъ о Лермонтовѣ и которая единодушно опровергается свидѣтельствомъ самого поэта, его современниковъ, устными разсказами, письменными источниками. Кто не знаетъ, какъ тяготился военной службой передъ своею смертью Лермонтовъ, но никакъ не могъ вырваться изъ нея? Кто не знаетъ, какъ относились къ нему въ высшихъ сферахъ? Не безъизвѣстно также, что до 1837 г. Лермонтова почти никто не зналъ. Желаніе отмѣтить прозорливость А. О. Смирновой и Пушкина и сумбурные осадки разновременныхъ слуховъ о Лермонтовѣ — вотъ, кажется, источникъ этого страннаго разсказа.

Мы могли бы безъ конца продолжать выписки и сопоставленія, но, въ виду недостатка мѣста, ограничимся двумя фактами, довольно пикантными. По словамъ *Записокъ*, Государь еще при жизни Крылова задумалъ воздвигнуть памятникъ великому баснописцу въ Лѣтнемъ саду (стр. 53). По словамъ издательницы *Записокъ*, г-жи О. Смирновой, она хорошо помнитъ, какъ Крыловъ, для назиданія дѣтей, читалъ басню *Котъ Васька*. Въ *Запискахъ* своей матери она же нашла замѣтку о Крыловѣ и *Котъ Васькѣ*. Повидимому, замѣна *Котъ и поваръ*—*Котомъ Васькой*, общая матери и дочери, объясняется наслѣдственностью. Во всякомъ случаѣ стоитъ обратить вниманіе на это трогательное совпаденіе родственныхъ lapsus memoriae...

Г. Мережковскій трижды „провѣщился“, что русское общество не

доросло до *Записокъ* Смирновой, что онѣ составляютъ эпоху и т. д. Нельзя не поздравить декадентствующаго поэта съ его счастливымъ открытіемъ...

---

## *ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.*

„Невмѣненіе". *А. Э. Бардскаго.*—„Судебные Уставы Императора Александра II въ Сибири". Сост. *В. Сальмоновичъ* и *Н. Громовъ.* — „Уголовная антропологія на женевскомъ международномъ конгрессѣ". *И. Закревскаго.* — „Отчетъ о занятіяхъ 4-го международнаго уголовно-антропологическаго конгресса". Состав. *И. П. Закревскій.*

**Невмѣненіе. Еще къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей. А. Э. Бардскаго. Кіевъ, 1897 г.** Книга г. Бардскаго касается одного изъ тѣхъ вопросовъ, которыми особенно много пользовались для своихъ нападокъ противники суда присяжныхъ. Указывая на то, что присяжные засѣдатели гораздо чаще оправдываютъ, чѣмъ обвиняютъ, даже при сознаніи подсудимаго или безспорности совершенія имъ преступленія, противники суда присяжныхъ видятъ въ этомъ „произволъ", „глумленіе надъ справедливостью", доказательство полной несостоятельности „суда улицы". На это много разъ возражалось, что степень проявляемой присяжными репрессіи постепенно усиливается и процентъ обвинительныхъ приговоровъ у присяжныхъ засѣдателей лишь немногимъ ниже, чѣмъ у коронныхъ судей. Что же касается до оправдательныхъ приговоровъ при доказанной, повидимому, виновности подсудимаго, то приговоры эти, возбуждая негодованіе лицъ, не знакомыхъ со всѣми обстоятельствами дѣла, въ дѣйствительности оказываются вполнѣ вѣрными по существу, отвѣчая требованіямъ правды и справедливости, или же объясняются условіями постановки дѣла на судѣ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ стремленіи къ матеріальной, а не формальной правдѣ лежитъ громадное достоинство суда присяжныхъ.

О значеніи подобныхъ оправдательныхъ приговоровъ и ведетъ рѣчь въ своей брошюрѣ г. Бардскій. Онъ находитъ, что для того, чтобы присяжные стояли внѣ всякаго упрека, необходимы нѣкоторыя измѣненія въ законѣ. При доказанности совершенія подсудимымъ преступнаго дѣянія, по мнѣнію автора, законъ лишь тогда разрѣшаетъ присяжнымъ оправдывать подсудимаго, когда есть на лицо одно изъ условій невмѣняемости, перечисленныхъ въ 92 ст. Улож. о наказ.; если этого нѣтъ, то приговоръ долженъ быть обвинительный, чего на самомъ дѣлѣ постоянно не бываетъ, такъ какъ условія и обстановка самаго дѣла требуютъ оправданія. Во избѣжаніе подобныхъ, всегда вѣрныхъ по существу, но не согласныхъ съ закономъ приговоровъ г. Бардскій считаетъ необходимымъ вовсе отмѣнить 92 ст., предоставивъ самимъ присяжнымъ право опредѣлять условія вмѣняемости; то же право должно быть предоставлено и коронны̂мъ судьямъ, лишь съ обязательствомъ въ своихъ мотивированныхъ приговорахъ указывать причины, побудившія ихъ не вмѣнить подсудимому совершенное имъ дѣяніе. Но надо замѣтить, что по отношенію къ суду присяжныхъ отмѣна 92 ст. не имѣла бы существеннаго значенія, такъ какъ присяжные, какъ судьи совѣсти, и теперь имѣютъ по закону право оправдать подсудимаго, считая его по какимъ бы то ни было причинамъ заслуживающимъ оправданія.

**Судебные уставы Императора Александра Второго въ Сибири. Составили В. Сальмоновичъ и Н. Громовъ. Томскъ, 1897 г.** При

введеніи судебной реформы въ Сибири своеобразныя естественныя и бытовыя условія этого края вызвали необходимость допустить въ порядкѣ дѣйствія и устройства сибирскаго суда значительныя отступленія отъ тѣхъ правилъ, которыя примѣняются въ губерніяхъ Европейской Россіи. Составители разсматриваемаго сборника поставили себѣ задачей, какъ они сами заявляютъ въ предисловіи, „указать, что̀ изъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. должно имѣть примѣненіе и дѣйствовать въ Сибири, собрать въ одно цѣлое всѣ правила, регулирующія переходъ отъ доживающаго свои послѣдніе дни прежняго судебнаго строя къ новому и дать, наконецъ, нѣсколько практическихъ совѣтовъ населенію о томъ, какъ обращаться съ просьбами въ новыя судебныя мѣста".

Система, принятая авторами для распредѣленія матеріала, не вполнѣ удачна. Между тѣмъ какъ Учрежденіе судебныхъ установленій и уставъ уголовнаго судопроизводства перепечатаны полностью, съ указаніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ отклоненій отъ общаго порядка, допущенныхъ въ Сибири, уставъ гражданскаго судопроизводства не напечатанъ вовсе, а приведены лишь измѣненія, внесенныя въ уставъ „Временными правилами о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири". Всѣ эти измѣненія и отклоненія отъ общаго порядка мы находимъ въ сборникѣ напечатанными вторично въ отдѣлѣ IV, гдѣ приведены цѣликомъ „Временныя правила", благодаря чему лишь напрасно увеличивается объемъ книги.

Въ послѣднихъ отдѣлахъ сборника помѣщены правила о порядкѣ введенія судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе и образцы разныхъ прошеній и бумагъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

**Уголовная антропологія на женевскомъ международномъ конгрессѣ. И. Закревскаго. Спб., 1897 г. — Отчетъ о занятіяхъ четвертаго международнаго уголовно-антропологическяго конгресса. Составленъ сенаторомъ И. П. Закревскимъ. Спб., 1897 г.** Въ августѣ 1896 г. въ Женевѣ происходилъ четвертый международный уголовно-антропологическій конгрессъ. Благодаря присутствію двухъ главъ уголовно-антропологической школы—Ломброзо и Ферри, на конгрессѣ съ особымъ оживленіемъ вновь подвергся обсужденію коренной вопросъ уголовной антропологіи—вопросъ о преступномъ типѣ. Какъ и на предыдущихъ конгрессахъ, многіе члены рѣшительно возстали противъ самой возможности существованія подобнаго типа, такъ что предсѣдатель, закрывая конгрессъ и резюмируя труды его, съ полнымъ правомъ сказалъ, что анатомическій типъ преступника остался попрежнему неустановленнымъ. Изъ представленныхъ конгрессу докладовъ наиболѣе интереса представлялъ докладъ проф. Фанъ Гамеля „Объ анархизмѣ и средствахъ борьбы противъ него", въ которомъ докладчикъ, указывая на необходимость энергической борьбы противъ „пропаганды дѣйствіемъ", доказывалъ, что анархическій мотивъ не можетъ служить поводомъ для примѣненія къ анархистамъ какихъ-либо исключительныхъ мѣръ.

Живой интересъ возбудилъ также докладъ Ферри о „преступномъ темпераментѣ", свойственномъ всякому преступнику и представляющемъ особую „біо-психическую личность", не приспособленную къ условіямъ окружающей среды; подобный „преступный темпераментъ" является, по вѣрному замѣчанію г. Закревскаго, все тѣмъ же „прирожденнымъ преступникомъ".

Г. Закревскій, бывшій представителемъ русскаго министерства юсти-

ціи, находитъ, что въ общемъ конгрессъ былъ очень неудачный. „Время тратилось по пустому; вмѣсто доводовъ высказывались рѣзкости; вмѣсто научной основательности проявлялась развязность; никто не убѣждался и чувствовалось, что всѣ какъ будто топчутся на одномъ мѣстѣ“ (стр. 2). Надо замѣтить, что г. Закревскій рѣшительный противникъ уголовной антропологіи вообще, и его рѣзкое сужденіе о конгрессѣ объясняется тѣмъ, болѣе чѣмъ холоднымъ, пріемомъ, съ какимъ были встрѣчены на конгрессѣ его нападки на уголовную антропологію.

## *ЯЗЫКОЗНАНІЕ.*

„Избранныя эпиграммы греческой антологіи“. Пер. *В. Алексѣевъ.*

Избранныя эпиграммы греческой антологіи. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб., 1896 г. Греческая антологія есть собраніе мелкихъ стихотвореній разнаго рода—любовныхъ, нравоучительныхъ, надгробныхъ и т. д. Такихъ стихотвореній изъ разныхъ періодовъ греческой литературы до насъ дошло болѣе 6,000. Г. Алексѣевъ перевелъ не всѣ, а лишь нѣкоторыя изъ нихъ,—съ небольшимъ 500. При выборѣ онъ, повидимому, руководился только личнымъ своимъ вкусомъ. Переведены они прозой. Прозаическій переводъ какого бы то ни было поэтическаго произведенія не даетъ надлежащаго представленія объ оригиналѣ, какъ это сознаетъ и самъ г. Алексѣевъ; цѣлью его было „пріохотить къ переводамъ изъ антологіи нашихъ поэтовъ“. Такимъ образомъ, о поэтическомъ достоинствѣ этихъ стихотвореній по переводу г. Алексѣева судить нельзя. Что касается мысли, то она, говоря вообще, передана вѣрно и довольно недурнымъ языкомъ. Къ переводу приложено обширное введеніе и краткія объясненія нѣкоторыхъ частностей, могущихъ показаться непонятными большой публикѣ. Отдѣльныя стихотворенія изъ греческой антологіи переводились нерѣдко нашими поэтами; но ихъ въ общемъ немного, и они такъ разсѣяны по разнымъ журналамъ, что русскому читателю не-спеціалисту не откуда было до сихъ поръ хоть сколько-нибудь ознакомиться съ этими милыми произведеніями греческой музы. Книжка г. Алексѣева даетъ возможность узнать по крайней мѣрѣ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

## *ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.*

„Естествознаніе и Географія“. Научно-популярн. и педагогическій журналъ“. №№ 1—10, 1896 г. и №№ 1—6, 1897 г.—„Руководство къ приготовленію органическихъ препаратовъ“. *Эмиля Фишера.*—„Химія въ обыденной жизни“. *Лассаръ-Кона.* — „Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ“. Состав. по К. В. Рейли *Н. Ширяевъ.*—„Учебникъ физіологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ примѣненіи къ практической медицинѣ“. *Ландуа.* Пер. подъ ред. *В. Я. Данилевскаго.* — „Guide des excursions du VII Congrès Géologique International“.— „Полчаса съ микроскопомъ“. Сост. *Эдв. Лаккестеръ.*—„Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ воззрѣніямъ“. *В. Рихтера.*

Естествознаніе и Географія. Научно-популярный и педагогическій журналъ. Москва, 1896 г. №№ 1 — 10. 1897 г. №№ 1 — 6. Подписная цѣна 4 руб. съ пересылкой и доставкой 4 р. 50 к. Прошло уже болѣе чѣмъ полтора года съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ началъ выходить новый журналъ, заглавіе котораго мы привели, по-

ставившій себѣ задачею удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію этихъ предметовъ, и въ настоящее время характеръ изданія можно считать окончательно выяснившимся. Программа журнала весьма широка и прежде всего надо отмѣтить ея своеобразный характеръ въ томъ отношеніи, что на-ряду съ популяризаціей знанія въ журналѣ разрабатываются и спеціально-педагогическіе вопросы. Вызвано это, вѣроятно, тѣмъ, что преподаваніе естествознанія въ нашей средней школѣ находится въ весьма плачевномъ состояніи, а потому лица, интересующія естественными науками, не могутъ не думать о томъ, чтобы по мѣрѣ возможности содѣйствовать улучшенію преподаванія того учебнаго предмета, который по школьной терминологіи называется „естественной исторіей". При небольшомъ объемѣ журнала, о которомъ идетъ рѣчь, трудно, даже прямо невозможно слѣдить съ достаточной полнотой за всѣми отраслями того обширнаго круга знаній, который охватывается „естествознаніемъ" въ широкомъ смыслѣ этого слова и географіей, а также и за вопросами преподаванія относящихся сюда учебныхъ предметовъ. Поэтому неудивительно, что нѣкоторыя области естествознанія почти совсѣмъ не затрогиваются журналомъ, а именно тѣ области, которыя наиболѣе далеки отъ географіи, т.-е. химія и физика, тогда какъ зоологіи и ботаникѣ отведено весьма много мѣста.

По физикѣ за все время не было помѣщено ни одной статьи, а по химіи только одна статья И. А. Каблукова — *О тѣлахъ получаемыхъ при высокой температурѣ въ электрическихъ печахъ.* Нѣсколько странно малое вниманіе, удѣленное въ журналѣ геологіи, столь тѣсно связанной съ географіей. Кромѣ прекрасной статьи проф. А. П. Павлова, посвященной описанію геологическаго характера окрестностей Москвы и представляющей собою объяснительное чтеніе къ геологическимъ экскурсіямъ коммиссіи преподавателей естественной исторіи подъ руководствомъ автора, въ журналѣ мы находимъ только одну геологическую статью и притомъ совершенно неподходящую къ характеру журнала:—это переводъ чисто-спеціальной статьи Эд. Зюсса изъ „Comptes Rendus" парижской академіи наукъ, статьи доступной только геологу-спеціалисту. Зоологіи и ботаникѣ, какъ мы сказали, отведено много мѣста въ журналѣ. Въ этихъ отдѣлахъ мы видимъ разнообразный подборъ интересныхъ темъ и рядъ выдающихся именъ авторовъ, значительная частъ которыхъ—профессора университетовъ.

Среди статей ботаническаго содержанія назовемъ на первомъ мѣстѣ полную обычнаго таланта и блеска статью проф. К. А. Тимирязева: *Фотографія природы и фотографія въ природѣ*, въ которой авторъ сопоставилъ фотографическіе процессы съ тѣми процессами, которые совершаются въ растеніи подъ вліяніемъ солнечной энергіи. А. Таліевъ далъ нѣсколько оригинальныхъ и интересно написанныхъ ботаническихъ очерковъ, а именно: *Очеркъ біологіи сорныхъ травъ*, *Очеркъ біологіи весеннихъ растеній* и *Чувствительность растеній къ удару.* Изъ оригинальныхъ ботаническихъ статей отмѣтимъ еще прекрасную лекцію проф. Н. Кузнецова на тему: „двигаются ли растенія"—и статью М. И. Голенкина объ „антокіанѣ", а затѣмъ укажемъ на рядъ выдающихся переводныхъ статей талантливаго Кона: *Проблемы ботаники*, *Жанъ-Жакъ Руссо какъ ботаникъ* и *Виноградная лоза и вино.* Проф. Конъ замѣчательно удачно совмѣщаетъ въ своихъ статьяхъ обиліе научныхъ фактовъ и глубину научной мысли съ легкостью, доступностью и изя-

ществомъ изложенія, такъ что его очерки (главы большого сочиненія подъ общимъ заглавіемъ *Die Pflanze*) могутъ служить образцомъ того, какъ надо писать популярно-научныя статьи. Весьма богаты по содержанію и хороши по изложенію также отрывки изъ сочиненія извѣстнаго Габерландта *Ботаническое путешествіе подъ тропиками*. Сочиненіе это по своему характеру относится къ категоріи работъ, связующихъ ботанику съ географіей, а потому появленіе нѣсколькихъ главъ этого сочиненія въ журналѣ *Естествознаніе и Географія* особенно умѣстно.

Нѣкоторыя зоологическія статьи тоже относятся къ категоріи статей, связующихъ зоологію съ географіей, а именно: статьи А. М. Никольскаго *Значеніе механическихъ преградъ въ разселеніи континентальныхъ животныхъ* и *Остаточныя озера и ихъ животное населеніе*, а также статья проф. В. М. Шимкевича *Условія жизни и географическое распространеніе животныхъ въ морѣ*. Рядомъ съ этими интересными статьями зоогеографическаго характера назовемъ нѣсколько статей, посвященныхъ другимъ вопросамъ общей зоологіи; такова интересная статья проф. А. Ѳ. Брандта *Симбіозъ*, дѣльно написанная, но крайне сухая и мало подходящая по манерѣ изложенія къ популярному журналу, статья проф. В. М. Шимкевича *Паразитизмъ*, статья А. А. Тихомирова по вопросу о многоклѣточности организмовъ и К. К. Сентъ Илера *О дѣленіи и самодѣленіи у животныхъ*. Статья проф. А. С. Догеля *Элементы нервной системы и новая теорія сна* и *Къ біологіи зернышекъ (granula) или элементарныхъ организмовъ Альтмана* составлены весьма обстоятельно, но затрогиваемые ими гистологическіе вопросы по существу не особенно поддаются популяризаціи. Въ особенности надо признать неподходящей для популярнаго журнала тему о „зернышкахъ“ Альтмана. Наоборотъ, вполнѣ умѣстны и притомъ весьма хорошо написаны очерки по исторіи зоологіи В. М. Шимкевича подъ заглавіемъ *Отъ Аристотеля до Линнея*, представляющіе собою извлеченіе изъ курса, читаннаго въ Петербургскомъ университетѣ. Нельзя не привѣтствовать стремленія редакціи ознакомить читателей съ главнѣйшими работами, появившимися за послѣднее время въ области біологическихъ наукъ, въ особыхъ очеркахъ проф. Шимкевича *Успѣхи зоологіи въ 1896 году* и г. Надсона *Успѣхи ботаники въ 1896 году*. Въ такихъ краткихъ, доступныхъ для неспеціалиста, обзорахъ чувствуется настоятельная потребность. Съ нынѣшняго года въ журналѣ открылся особый отдѣлъ, посвященный акваріумамъ и терраріумамъ, который, конечно, заинтересуетъ многочисленныхъ любителей этого дѣла.

Географическій элементъ въ журналѣ представленъ главнымъ образомъ описаніями путешествій, которыя всѣ написаны болѣе или менѣе интересно и притомъ носятъ различный характеръ: К. Д. Носиловъ въ своихъ многочисленныхъ очеркахъ поѣздокъ по Сибири обращаетъ больше вниманія на этнографію, проф. В. В. Сапожниковъ въ своемъ путешествіи по Алтаю говоритъ больше о ботаникѣ, С. П. Мечъ описываетъ Южный Уралъ скорѣе съ точки зрѣнія простого туриста, точно также какъ и Н. В. Насоновъ, давшій интересное описаніе путешествія на Синай. Съ обычнымъ талантомъ написалъ весьма богатый содержаніемъ очеркъ проф. А. Н. Красновъ *Дальній Востокъ Азіи, характерныя черты его природы и значеніе его культуры для Закавказья*.

Если прибавить къ этому перечню переводное *Путешествіе въ Австралію* извѣстнаго зоолога Семона, описаніе жизни канадскихъ ин-

дѣйцевъ Витнея и другія болѣе мелкія статьи и замѣтки географическаго характера, то мы получимъ весьма богатый подборъ такого рода статей, которыя не только даютъ интересное чтеніе, но и могутъ служить въ то же время весьма полезнымъ матеріаломъ для преподавателя географіи въ цѣляхъ освѣженія и дополненія матеріала, сообщаемаго учебниками. Изъ статей педагогическаго характера отмѣтимъ, между прочимъ, статью Кольбаха объ ученическихъ экскурсіяхъ, Кронберга—о школьныхъ садахъ въ большихъ городахъ, В. Пауля—*Біологическій элементъ въ курсѣ естественной исторіи народныхъ училищъ*, А. Рождественскаго—о преподаваніи естествознанія въ реальныхъ училищахъ и проч.

Въ отдѣлѣ *Критика и библіографія* мы находимъ рецензіи, часто весьма подробныя и обстоятельныя, о выдающихся (въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ) новостяхъ научно-популярной и учебной литературы. „Смѣсь“ и „Хроника“ даютъ рядъ многочисленныхъ, самаго разнообразнаго характера, фактовъ изъ текущей научной и учебной жизни и литературы. Желательно только было бы въ этомъ отдѣлѣ обращать больше вниманія на многочисленныя, выходящія въ Россіи, спеціальныя научныя изданія, выбирая изъ нихъ все интересное и общедоступное, и менѣе пользоваться иностранными популярными изданіями.

Въ общемъ новый журналъ даетъ богатый, разнообразный и интересный матеріалъ для самообразовательнаго чтенія, а для преподавателей можетъ служить полезнымъ пособіемъ при урокахъ естественной исторіи и географіи. Цѣна журнала (4 р. 50 к. съ пересылкой и доставкой) весьма дешева, особенно принимая во вниманіе, что въ текстѣ не мало рисунковъ.

**Руководство къ приготовленію органическихъ препаратовъ. Эмиля Фишера, проф. Берлинскаго универс. Подъ редакц. проф. Рижскаго Политехническаго института д-ра П. И. Вальдена переведена съ разрѣшенія автора съ 5-го нѣмецкаго изданія „Anleitung zur Darstellung organischer Präparate“ студентами А. Эдельманомъ и А. Гринбергомъ. Рига, 1897 г. Ц. 65 коп.** *Руководство* является образчикомъ того, что въ нѣмецкихъ лабораторіяхъ называется „chemisches Kochbuch“—химическая поваренная книга. Это есть собраніе рецептовъ или, какъ выражаются переводчики, прописей для приготовленія 70 различныхъ органическихъ веществъ; при выборѣ веществъ авторъ руководился дешевизной матеріаловъ и безопасностью реакцій. Никакихъ теоретическихъ разъясненій хода реакцій въ книгѣ нѣтъ. Авторъ считаетъ болѣе полезнымъ, чтобы занимающійся знакомился съ теоретической стороной реакцій изъ первоисточниковъ или изъ подробныхъ учебниковъ. Авторъ, повидимому, имѣетъ въ виду, что занимающійся будетъ находиться подъ наблюденіемъ опытнаго руководителя, поэтому онъ мало останавливается на описаніи пріемовъ работы; тамъ, гдѣ описаніе пріемовъ есть, оно недостаточно детально: такъ, напримѣръ, при описаніи перегонки подъ уменьшеннымъ давленіемъ авторъ не упоминаетъ, что обыкновенныя колбы для этого не пригодны, такъ какъ раздавливаются давленіемъ воздуха.

Благодаря такому характеру, книга не можетъ быть рекомендована для самостоятельныхъ работъ, но, употребляясь какъ пособіе въ лабораторіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, она можетъ значительно облегчить трудъ лаборанта по руководству занятіями студентовъ.

Жаль, что гг. переводчики не приложили списка, содержащаго полныя названія научныхъ журналовъ, на статьи которыхъ дѣлаются въ книгѣ ссылки; употребляемыя въ книгѣ сокращенія, вродѣ Ber., Annalen., не даютъ начинающему студенту возможности сдѣлать въ библіотекѣ справку.

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно; не русскія выраженія вродѣ „вещество, горячо растворенное“ (стр. 75), вмѣсто „растворенное при нагрѣваніи“, встрѣчаются не часто.

**Химія въ обыденной жизни. Лассаръ-Кона. Двѣнадцать популярныхъ лекцій. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей проф. В. Ѳ. Тимоѳеева. Спб., 1897 г. 270 стр. Ц. 1 р.** Книга Лассаръ-Кона составилась изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ „Обществѣ образовательныхъ чтеній“ въ Кенигсбергѣ. Книга имѣла за границей громадный успѣхъ: въ теченіе одного года она выдержала два нѣмецкихъ и два англійскихъ изданія. Этотъ успѣхъ объясняется выдающимися достоинствами книги. Дать возможность человѣку, совершенно незнакомому съ химіей, получить представленіе о тѣхъ процессахъ, которые совершаются вокругъ него, о тѣхъ процессахъ, при помощи которыхъ получаются предметы, употребляющіеся въ обыденной жизни, задача не легкая, а между тѣмъ авторъ справился съ ней блестяще. Познакомивъ читателя на явленіи горѣнія съ основными понятіями химіи, авторъ затѣмъ разсматриваетъ самые разнообразные вопросы, начиная съ питанія и кончая биметаллизмомъ. Благодаря обилію разсматриваемыхъ вопросовъ и разнообразію ихъ читатель получаетъ свѣдѣнія не только по прикладной, но и по общей химіи. Изложеніе чрезвычайно просто. Авторъ эпиграфомъ къ предисловію поставилъ слова Араго: „Ясность есть вѣжливость тѣхъ, кто говоритъ публично“. Авторъ приводитъ много интересныхъ историческихъ справокъ и статистическихъ свѣдѣній. *Химію въ обыденной жизни* можно рекомендовать какъ серьезное и въ то же время интересное чтеніе самому обширному кругу читателей. Переводъ сдѣланъ прекрасно; въ русское изданіе вошли не только тѣ дополненія, которыя авторъ предполагаетъ ввести въ третье нѣмецкое изданіе (переводъ печатается съ разрѣшенія автора), но и многочисленныя примѣчанія редактора, проф. Тимоѳеева, касающіяся преимущественно положенія различныхъ производствъ въ Россіи. Цѣна книги очень не высока.

**Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Составилъ по К. В. Рейли (C. V. Riley) Н. Ширяевъ. Съ 93 рис. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.** Составленная Н. Ширяевымъ книжка можетъ оказать большую услугу начинающимъ энтомологамъ, а отчасти даже и болѣе опытнымъ спеціалистамъ. Въ ней собраны многочисленныя практическія указанія относительно собиранія, сохраненія и установки насѣкомыхъ. Американскій авторъ, отъ котораго заимствовано содержаніе книжки, пользуется авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, и даваемыя имъ указанія обнаруживаютъ въ немъ большого знатока дѣла. У насъ въ Россіи пока чрезвычайно мало любителей-энтомологовъ, серьезно относящихся къ этому дѣлу, и нельзя не пожелать, чтобы новая общедоступная книжка принесла въ этомъ отношеніи пользу русской энтомологіи. Хорошо составленныя коллекціи могутъ имѣть серьезное научное значеніе въ качествѣ матеріала для работъ по систематикѣ и зоогеографіи. Жаль только, что русскій составитель книжки не далъ указаній на наиболѣе удобные опредѣлители насѣкомыхъ, такъ какъ, конечно, желательно, чтобы каждый собиратель самъ занялся систематикой.

**Учебникъ физіологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ примѣненіи къ практической медицинѣ. Ландуа. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями проф. В. Я. Данилевскаго. Съ 375 рис. Харьковъ, 1896—7 г. Ц. 8 р. 50 к.** Пользующійся самой широкой извѣстностью учебникъ физіологіи Ландуа былъ уже ранѣе переведенъ на русскій языкъ, равно какъ и на англійскій, итальянскій, французскій и испанскій. Настоящее изданіе переведено съ девятаго нѣмецкаго, вышедшаго въ прошломъ году, причемъ въ этомъ послѣднемъ изданіи всѣ главы книги были просмотрѣны, провѣрены, дополнены результатами новыхъ работъ, а нѣкоторые отдѣлы даже переработаны заново. Русскій переводчикъ, извѣстный профессоръ физіологіи, снабдилъ книгу многочисленными, весьма цѣнными примѣчаніями и дополненіями. Написанъ учебникъ чрезвычайно интересно, благодаря обилію подробностей, вводящихъ читателя въ курсъ дѣла, дающихъ ему понятіе о современномъ положеніи вопроса въ наукѣ, о сомнѣніяхъ, колебаніяхъ и разногласіяхъ въ рѣшеніи учеными того или иного вопроса, такъ что обычная во многихъ учебникахъ сухость изложенія въ этой книгѣ совершенно отсутствуетъ. Напечатана книга тремя шрифтами, чѣмъ удачно оттѣнено главное отъ второстепеннаго.

**Guide des excursions du VII Congrès Géologique International (Avec 39 planches, nombreuses figures, cartes locales et une carte de la Russie d'Europe). St.-Pét. 1897.** Книга эта представляетъ собою собраніе тридцати шести отдѣльныхъ брошюръ съ самостоятельной пагинаціей, написанныхъ разными авторами. Эти брошюры вложены въ оригинальный переплетъ, корешокъ котораго устроенъ въ видѣ тугого зажима изъ стальной пластинки; особымъ движеніемъ можно разогнуть этотъ своеобразный корешокъ и высвободить зажатыя брошюры. Такое оригинальное приспособленіе вызвано желаніемъ сдѣлать изданіе удобнымъ для экскурсій, какъ какъ можно взять съ собою только одну брошюру, относящуюся именно къ данной экскурсіи. Изданный спеціально для экскурсій гг. членовъ седьмого международнаго геологическаго конгресса, „путеводитель“ этотъ является въ то же время весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую естественно-историческую литературу. Мы имѣемъ въ этомъ изданіи сжатое, конспективное изложеніе главнѣйшихъ результатовъ геологическаго изученія Россіи, составленное авторитетными учеными, причемъ для описанія каждой мѣстности выбирался спеціалистъ, особенно хорошо съ нею знакомый и занимавшійся ея изслѣдованіемъ. Такимъ способомъ составленный конспектъ русской геологіи представляетъ, конечно, выдающійся интересъ. Большое количество видовъ мѣстностей, картъ и чертежей служитъ иллюстраціей къ тексту. Жаль только, что степень подробности изложенія далеко не одинакова у разныхъ авторовъ. Краткость нѣкоторыхъ статей доведена до чрезмѣрности. Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобъ это изданіе стало возможно болѣе извѣстно нашему образованному обществу и послужило бы побужденіемъ къ поѣздкамъ по Россіи, которую мы до сихъ поръ такъ мало знаемъ. Для составителей общедоступныхъ путеводителей по Крыму, Кавказу и т. п. эта книга дастъ драгоцѣнный матеріалъ.

**Полчаса съ мискроскопомъ. Популярное руководство къ употребленію микроскопа, какъ средства для удовольствія и поученія. Составилъ Эдвинъ Ланкестеръ. Переводъ съ англійскаго (съ 19-го изданія). М., 1897 г. Ц. 75 к.** Книжка эта переведена съ

19-го англійскаго изданія,—фактъ, показывающій, насколько силенъ въ англійскомъ обществѣ интересъ къ естествознанію среди лицъ, не имѣющихъ спеціальной научной подготовки въ этой области, ибо только для такихъ лицъ и написана эта книга. Она содержитъ въ себѣ элементарное описаніе устройства микроскопа, главнѣйшихъ пранадлежностей для приготовленія микроскопическихъ препаратовъ и самыхъ способовъ ихъ приготовленія, а кромѣ того, описаніе многочисленныхъ наблюденій, которыя можно произвести надъ тѣми растительными и животными объектами, которые не трудно имѣть подъ рукой. Отдѣльныя главы посвящены наблюденіямъ въ саду, на берегу пруда и на берегу моря. Въ книгѣ много рисунковъ, и хотя они часто грубоваты и черезчуръ схематизированы, но за то ихъ около трехсотъ при дешевой цѣнѣ книжки и все-таки они помогаютъ пониманію текста. Жаль, что переводчикъ часто оставляетъ непереведенными латинскіе термины, которые легко переводимы, какъ, напримѣръ, *Compositae* (сложноцвѣтныя), *Crustacea* (ракообразныя), *Dytiscus* (плавунецъ) и т. п. Что касается компетентности автора въ вопросахъ, о которыхъ онъ пишетъ, то, конечно, онъ знакомъ съ этими вопросами, но нѣкоторыя страницы отзываются какой-то отсталостью. Можетъ быть первое изданіе книги вышло очень давно и съ тѣхъ поръ не передѣлывалось? Въ такомъ случаѣ жаль, что переводчикъ не былъ достаточно компетентенъ для того, чтобы освѣжить устарѣвшія мѣста текста. Въ общемъ же книжка можетъ быть признана весьма полезною для любителя-натуралиста.

**Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ воззрѣніямъ. В. Рихтера. Девятое изданіе, подъ редакціей Л. Явейна. Спб., 1897 г.** Настоящее девятое изданіе извѣстнаго *Учебника неорганической химіи* В. Рихтера отличается отъ восьмого дополненіемъ только нѣкоторыхъ свѣдѣній объ аргонѣ, геліи и т. п. Говорить о достоинствахъ этого учебника, восьмое (русское) изданіе котораго вышло только въ 1895 г., и переведеннаго на нѣмецкій (7 изданій), англійскій (3 изданія), голландскій и итальянскій языки, мы считаемъ излишнимъ.

---

## *СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.*

„Практическій хозяинъ-птицеводъ или какъ сдѣлать птицеводство доходнымъ". *В. Кука.*—„Каспійско-Волжское рыболовство". Д-ра *А. О. Гримма.*

**Практическій хозяинъ - птицеводъ или какъ сдѣлать птицеводство доходнымъ. В. Кука. Переводъ съ англійскаго Л. Коллонтая, подъ редакціей И. И. Абазина. М., 1897 г. Ц. 45 коп.** Сочиненіе извѣстнаго англійскаго птицевода В. Кука пользуется на родинѣ его большимъ и—надо сознаться—вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Въ этой книжкѣ авторъ просто и понятно, безъ излишнихъ длиннотъ и подробностей изложилъ результаты своей многолѣтней опытности въ дѣлѣ практическаго птицеводства. Для русскихъ птицеводовъ эта книжка представляетъ большой интересъ въ особенности потому, что у насъ техника птицеводства весьма мало еще распространена и спеціальныя промысловыя птицеводныя хозяйства почти совершенно отсутствуютъ. Весьма важнымъ достоинствомъ книжки В. Кука является то обстоятельство, что онъ не упускаетъ случая сообщить читателямъ наиболѣе простые, легко и дешево осуществимые совѣты и указанія,

такъ что книжкой этой можетъ съ удобствомъ воспользоваться и небогатый хозяинъ, которому недоступны многія затѣи крупныхъ фермъ. Цѣна книжки очень дешева, особенно принимая во вниманіе, что она снабжена рисунками.

**Каспійско-Волжское рыболовство. Д-ра О. А. Гримма. Спб., 1896 г. Цѣна 2 руб.** „Рыболовство,—говоритъ авторъ,—составляетъ такой же первобытный промыселъ, какъ и звѣроловство, и вмѣстѣ съ послѣднимъ исчезаетъ по мѣрѣ измѣненія первобытныхъ естественныхъ условій жизни... Въ западной Европѣ дикое рѣчное рыболовство давно уже упало, и рыболовство сосредоточилось въ морѣ“ (стр. 149). Несмотря на высказанный въ этихъ словахъ фатализмъ, авторъ рекомендуетъ подумать о хозяйственномъ управленіи рыболовными водами и о сохраненіи ихъ отъ порчи; такое управленіе должно быть выдѣлено изъ сферы дѣйствій Департамента Земледѣлія (стр. 152). Изъ книги О. А. Гримма читатели могутъ познакомиться съ количественною стороной Волжскаго рыболовства, съ его доходностью и естественными условіями и съ составомъ рыбной фауны. Заключительная глава касается мѣръ упорядоченія и улучшенія каспійско-волжскаго рыболовства. Тотъ, кто заинтересуется этими вопросами, найдетъ затѣмъ подробное изложеніе всѣхъ общественныхъ мѣропріятій по рыболовству въ обстоятельнѣйшемъ трудѣ В. И. Вешнякова *Рыболовство и Законодательство* (Спб., 1894 г.). Жаль, что живо написанная и могущая оказать пользу общему образованію книга О. А. Гримма имѣетъ цѣну несоразмѣрную съ своимъ объемомъ (менѣе 10 печатныхъ листовъ).

---

## *МЕДИЦИНА.*

„Учебникъ психіатріи“. *Крафта-Эбинга.* — „Популяризація медицины въ деревнѣ“. *К. М. Языкова.*—„Учебникъ фармакологіи“. *Б. Шапиро.*—„Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней“. *Penzoldt'a* и *Stintzing'a.*—„Новое manuale pharmaceuticum. *E. Dieterich'a.*

**Учебникъ психіатріи. Крафта-Эбинга. Пер. Черемшанскаго. Изд. 3-е Риккера. Спб., 1897 г. Ц. 5 р.** Названный учебникъ психіатріи какъ въ западно-европейской литературѣ, такъ и у насъ пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью; достаточно сказать, что настоящее изданіе уже третье въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ пятаго нѣмецкаго. Въ виду этого говорить о достоинствахъ его представляется излишнимъ. То же самое можно сказать и о переводѣ, принадлежащемъ извѣстному психіатру А. Черемшанскому. По сравненію съ предыдущими изданіями въ настоящемъ значительно дополнена глава о прогрессивномъ параличѣ.

**Популяризація медицины въ деревнѣ. К. М. Языкова. М., 1896 г.** Указывая на неоспоримую важность популяризаціи свѣдѣній изъ анатоміи, физіологіи и гигіены въ народѣ, авторъ весьма обстоятельно развиваетъ вопросъ о средствахъ для достиженія этой цѣли. Средства эти, по мнѣнію автора, заключаются въ слѣдующемъ: на первомъ планѣ школа и учитель; послѣдній долженъ обладать хотя бы и элементарными свѣдѣніями въ этой области знанія; подготовку для этого могутъ дать учительскія семинаріи, въ программу которыхъ необходимо включить гигіену съ анатоміей и физіологіей; вмѣстѣ съ тѣмъ для дальнѣйшаго саморазвитія въ этомъ направленіи учительскаго персонала необходимо пересмотрѣть каталогъ учительскихъ библіотекъ, который уже

и старъ, и крайне неудовлетворителенъ, и „безсистеменъ". Болѣе обстоятельному ознакомленію учителей съ гигіеной и проч. могутъ помочь также и періодическіе курсы на съѣздахъ; авторъ даетъ при этомъ и краткую общую программу такихъ курсовъ. Каталогъ школьныхъ книгъ также долженъ быть пересмотрѣнъ и пополненъ, такъ какъ въ настоящемъ видѣ онъ совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію. Признавая всѣ вышеприведенныя мѣры лишь палліативными, авторъ увѣренъ, что онѣ все-таки могутъ ослабить зло, корни котораго обильно питаются безграмотностью и бѣдностью русской деревни. Но, во-первыхъ, безграмотность мало-по-малу становится менѣе замѣтной, а во-вторыхъ, даже и съ этимъ противникомъ бороться можно, устраивая народныя чтенія. „Урокъ", данный намъ „холерной суматохой, не прошелъ даромъ, возбудилъ вниманіе общества къ вопросамъ народнаго просвѣщенія, выяснилъ громадную помощь, которую правительство можетъ получить въ такія минуты отъ гласности, отъ довѣрчиваго отношенія къ общественнымъ силамъ и отъ самой энергичной популяризаціи разумнаго слова науки". Вообще работа автора представляетъ весьма много интересныхъ данныхъ, а также и практическихъ указаній для осуществленія намѣченной цѣли.

**Учебникъ фармакологіи. Б. Шапиро. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. 268 стр. Ц. 2 руб.** Настоящее изданіе расположено, какъ и предыдущія, въ системѣ „химико-физіологическихъ обобщеній", т.-е. средства, сходныя по своему химическому составу или принадлежащія къ одной и той же химической группѣ, обладаютъ и сходными фармакологическими свойствами. Такія обобщенія автора представляютъ однако весьма большія натяжки въ ту и другую сторону. Напримѣръ, въ группу галлоидовъ включены авторомъ и соли галлоидныхъ кислотъ, каковы бромистыя и іодистыя, хлористыя однако исключены; всѣмъ извѣстно, что всѣ эти три соли обладаютъ совершенно различными фармакологическими свойствами, да и самъ авторъ признается, что іодистый калій, „вопреки нашимъ ожиданіямъ" и вопреки натяжкамъ автора, дѣйствуетъ не такъ, какъ бромистый. Понадобилось затѣмъ автору составить въ отдѣлѣ металлоидовъ группу мышьяка,—онъ включаетъ въ нее и висмутъ, уже вопреки элементарной химіи, считающей висмутъ не металлоидомъ, а тяжелымъ металломъ. Принципъ, положенный авторомъ въ основу систематики лѣкарствъ, настолько не удовлетворяетъ и самого автора, что въ концѣ ему пришлось оставить его, такъ какъ множество средствъ не могло помѣститься ни въ одну изъ искусственно созданныхъ группъ; пришлось прибавить еще отдѣлъ, названный имъ „клиническій", куда включены средства, относящіяся главнымъ образомъ къ терапіи желудочно-кишечнаго канала. Отдѣлъ „новыхъ средствъ" разработанъ настолько поверхностно, что, наприм., каталогъ медикаментовъ Феррейна даетъ несравненно болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Учебникъ можно было бы рекомендовать, какъ конспективный курсъ фармакологіи, еслибъ авторъ выбросилъ изъ него свои обобщенія, какъ не выдерживающія критики. При всемъ этомъ внѣшность изданія далеко не безупречна и цѣна 2 р. за 16 листовъ макулатурной бумаги по меньшей мѣрѣ можетъ назваться очень высокой.

**Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Penzoldt и Stintzing. Издан. Риккера. Вып. 17—22. Спб., 1897 г.** На достоинства этого руководства намъ уже приходилось указывать читателямъ *Русской Мысли*. Въ настоящихъ выпускахъ излагается лѣченіе болѣзней желудка и кишекъ, лѣченіе венерическихъ болѣзней и болѣз-

ней мочеполовыхъ органовъ, бугорчатки легкихъ и другихъ легочныхъ болѣзней, болѣзней плевры и средостѣнія, лѣченіе отравленій, болѣзней нервной системы, обмѣна веществъ, крови и лимфатической системы. Особенною подробностью изложенія отличается глава о лѣченіи морфинизма и кокаинизма. Авторъ (Эрленмейеръ) — поклонникъ такъ называемаго быстраго лѣченія, преимущества котораго заключаются въ полной увѣренности въ удачѣ, въ полномъ устраненіи тайнаго доставленія морфія, въ безопасности и въ незначительной продолжительности. Въ выпускѣ, посвященномъ лѣченію нервныхъ болѣзней, находится обширный, обстоятельный трактатъ о водолѣченіи и электротерапіи.

**Новое manuale pharmaceuticum. E. Dieterich. Перев. подъ ред. д-ра Н. П. Иванова. Изд. Риккера. Спб., 1896—97 г.** Цѣль книги—помочь аптекарю при изготовленіи различныхъ предписаній, годъ отъ году дѣлающихся сложнѣе; главное ея достоинство заключается въ томъ, что предлагаемыя предписанія провѣрены авторомъ на практикѣ. Въ русскомъ изданіи сдѣланы редакторомъ дополненія, согласно требованіямъ россійской фармакопеи. Практическія техническія указанія, несмотря на краткость изложенія, весьма обстоятельны. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

---

## *ДѢТСКІЯ КНИГИ.*

„Давидъ Гривъ". *Гемфри Уордъ.* Пер. (въ сокращеніи) съ англ. *А. Каррикъ.*

**Давидъ Гривъ. Гемфри Уордъ. Разсказъ о томъ, какъ человѣкъ нашелъ дорогу въ жизни. Переводъ (въ сокращеніи) съ англ. А. Каррикъ. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 50 к. Спб., 1897 г.** Сокращать цѣльныя художественныя произведенія—дѣло очень рискованное. И повѣсть, изданная г-жой Поповой, много потеряла отъ сокращенія. Собственно говоря, нельзя не счесть нѣсколько ошибочной и ту цѣль, ради которой издана эта вещь въ измѣненномъ видѣ. Ее хотѣли сдѣлать доступной для дѣтей. А, между тѣмъ, она не совсѣмъ удовлетворительна въ педагогическомъ отношеніи.

Тамъ выставленъ типъ женщины, до такой степени проникнутой одними заботами и корыстными чувствами, что получается впечатлѣніе до крайности тягостное. Надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи самъ авторъ грѣшитъ: такихъ романтическихъ злодѣекъ, лишенныхъ всякаго человѣчнаго чувства, какъ эта Анна, напоминающая собою сказочныхъ вѣдьмъ,—въ жизни почти не бываетъ, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, въ числѣ экземпляровъ, называемыхъ нравственными уродами.

Главное содержаніе повѣсти заключается въ изображеніи приключеній, случившихся съ Давидомъ Гривомъ, крестьянскимъ мальчикомъ, который отличался любовью къ чтенію и практическимъ смысломъ и потому сдѣлался изъ приказчиковъ самостоятельнымъ хозяиномъ книжнаго магазина. Торговля его процвѣтала, доходы получались большіе. Тогда онъ открылъ типографію. Доходы расширились еще болѣе.

Если бы въ этомъ одномъ, т.-е. расширеніи доходовъ, заключался весь смыслъ той жизненной дороги, которую обрѣлъ Давидъ Гривъ и о которой такъ громко насъ предувѣдомили въ заглавіи книги, то пришлось бы только развести руками: что-жъ удивительнаго, что-жъ почтеннаго въ *такой* дорогѣ? Но авторъ даетъ намъ *нѣсколько строкъ* въ предпослѣдней главѣ, заявляя—довольно, правда, глухо и общо,—

что Давидъ Гривъ рѣшилъ „содѣйствовать водворенію справедливости на землѣ“. Но какъ, какимъ способомъ хотѣлъ онъ выполнить эту трудную задачу,—объ этомъ не сказано ни слова.

Въ послѣдней главѣ авторъ дѣлаетъ выводъ, который во всѣхъ, кто прочелъ повѣсть въ сокращенномъ видѣ, вызоветъ только одно недоразумѣніе. Онъ говоритъ, что его герой боролся за „идеалы“, но читатель не видѣлъ этого, и даже не знаетъ, въ чемъ заключались эти идеалы. Авторъ увѣряетъ насъ, что Давидъ Гривъ не позволилъ себѣ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Но въ книгѣ мы не видѣли случаевъ, которые могли бы послужить для него поводомъ къ этимъ сдѣлкамъ. „Около него образовался цѣлый кружокъ людей, которые его любили и уважали, и ихъ дружныя усилія *преобразили* (?) маленькое мѣстечко, гдѣ они жили. Тамъ устраивались чтенія, бесѣды, театръ, школы“.

Какъ образовался кружокъ, какъ онъ дѣйствовалъ, какъ устраивались чтенія, бесѣды и проч.—вѣдь въ этомъ-то вопросѣ и заключается вся суть дѣла, а, между тѣмъ, отвѣта на этотъ вопросъ книга не даетъ.

И прочтутъ дѣти съ чувствомъ полной неудовлетворенности, съ недоумѣніемъ заключительныя слова автора: „вотъ чего можетъ достигнуть одинъ человѣкъ, если онъ имѣетъ въ виду не только свою пользу, но пользу общую и благо своихъ ближнихъ“.

Увы! читатели не подготовлены къ этому заключенію, и слова автора не произведутъ впечатлѣнія ни на ихъ умъ, ни на сердце, и забудутся моментально по прочтеніи книги.

---

## *ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.*

„Новое Слово“, *августъ*.— „Вѣстникъ Европы“, *сентябрь*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *сентябрь*.

Г. Гриневичъ въ своей статьѣ *Обзоръ нашей современной поэзіи (Русск. Бог.)* разбираетъ произведеніе нѣкоего М. М., котораго онъ называетъ „пѣвцомъ экономическаго матеріализма“. Это, дѣйствительно, прелюбопытное явленіе, что философская теорія, претендующая на научность, начинаетъ имѣть своихъ представителей въ такомъ, казалось бы, совершенно постороннемъ вѣдомствѣ, какъ поэзія. И однако, повидимому, г. Гриневичъ не ошибается. Г. М. М. дѣйствительно заявляетъ, ничтоже сумняшеся, что теперь „дни во всякомъ разѣ свѣтлѣе и отраднѣе“, ибо „быстро выросъ, окрѣпъ и властно заявилъ о своемъ существованіи капитализмъ“, и потому поэтамъ не приходится такъ жалостно ныть, какъ нылъ Надсонъ въ свое время, когда „новыя формы экономическихъ отношеній едва зарождались, ихъ мощная власть не давала еще себя знать и идеализмъ могъ пышно процвѣтать“. Теперь все сіе, благодаря знаніямъ, находящимся въ исключительномъ обладаніи экономическихъ матеріалистовъ, прошло, и современнымъ поэтамъ можно, по картинному выраженію г. Гриневича, глядѣть именинниками. „Русская интеллигенція,—продолжаетъ г. М. М.,—не была классовой, она была разночинна, оттого она не сливала своихъ интересовъ съ интересами какого-нибудь даннаго господствующаго или имѣющаго получить господство класса“. Ну, а теперь при великой радости нашихъ дней, т.-е. при властномъ заявленіи о своемъ существованіи капитализма, русская интеллигенція, очевидно, начала

сливать свои интересы съ интересами господствующаго класса (т.-е., по логикѣ разсужденій г. М. М., съ интересами капиталистовъ, что ли?), и стало быть дни г. М. М. и его единомышленниковъ стали отраднѣе, свѣтлѣе, потому что у нихъ уже есть выходъ изъ блужданія во тьмѣ... „Однимъ словомъ, бѣдный Надсонъ!—замѣчаетъ г. Гриневичъ.—Онъ, къ своему несчастію, умеръ въ тѣ безпросвѣтные дни, когда тупоумная русская интеллигенція сливала свои интересы съ интересами всего трудящагося и страдающаго народа, когда поэты не ликовали по поводу мощно, властно и быстро окрѣпшаго капитализма". Гипотеза экономическаго матеріализма, по указанію г. Гриневича, въ собственныхъ стихотвореніяхъ ея пѣвца отразилась только нѣсколькими смѣлыми утвержденіями, вродѣ такихъ: „Не вѣрь словамъ; когда бы слову надъ міромъ власть дано имѣть" и т. д. „Ихъ (людей) дѣлами слагается жизнь, но всегда идетъ она тѣми шагами, что сдѣлать фатально должна"... „На жизненной сценѣ словамъ не дано ни власти могучей, ни силы, безплодно погибнуть имъ всѣмъ суждено"... „Да будемъ же больше стремиться узнать, да будемъ *рабами* мы знанья".

Не великъ, какъ видите, поэтическій багажъ пѣвца экономическаго матеріализма и не весьма возвышенны его требованія отъ поэзіи. „Не вѣрь словамъ", потому что они безсильны, а вѣрь въ фатальное шествіе жизни; не давай воли чувству и будь *рабомъ* знанія—вотъ и все.

Трудновато понять, при чемъ тутъ поэзія, такъ какъ поэтъ только тогда и бываетъ поэтомъ, когда онъ умѣетъ чувствовать и когда онъ вполнѣ свободенъ отъ всякаго рабства, хотя бы это рабство и было рабствомъ знанія.

Комичную, въ сущности говоря, фигуру представляютъ всѣ такіе именинники,—до того комичную, что г. Гриневичъ напрасно, по нашему мнѣнію, такъ на нихъ сердится. Что-жъ дѣлать? Такія „именины сердца" всегда у молодыхъ людей бываютъ. Молодые люди всегда болѣе или менѣе открываютъ Америки, именно потому, что они ужъ очень молоды. Поживутъ, поработаютъ—и перестанутъ чувствовать себя именинниками. А пока живутъ и дѣйствуютъ молодые люди бойко, живо, весело, энергично и даже, пожалуй, красиво. Для всякаго искренно любящаго нашу родную литературу несомнѣнно представится, что литературная дѣятельность вышеупомянутыхъ молодыхъ людей полезна въ томъ отношеніи, что она вноситъ нѣкое бродило въ нашу немного застоявшуюся журналистику. И намъ съ г. Гриневичемъ, да и другимъ, иже съ нами, незачѣмъ принимать на себя видъ непривѣтливыхъ *отцовъ* и гнѣвно потрясать своими посѣдѣвшими головами. Разбираться въ литературныхъ явленіяхъ, право, куда интереснѣе, чѣмъ гнѣваться на нихъ.

Но именины сердца пѣвцовъ экономическаго матеріализма въ самомъ дѣлѣ настолько интересны, что о нихъ стоитъ побесѣдовать съ читателемъ.

Вотъ, наприм., г. Чириковъ. Давно ужъ онъ пишетъ, и пишетъ недурно, довольно талантливо, живо и никогда не упуская изъ виду истинныя задачи всякаго беллетриста, заслуживающаго этого названія, — правды въ изображеніи дѣйствительности. И, разумѣется, эта правда никогда до сихъ поръ не позволяла ему сдѣлаться ликующимъ, не давала ему возможности глядѣть именинникомъ. И вдругъ, съ помощью *Новаго Слова* при новой его редакціи (раньше г. Чириковъ писалъ больше въ *Русскомъ Богатствѣ)*, онъ возликовалъ чего-то и принялъ видъ именинника. Очевидно, г. Чириковъ тоже пришелъ къ

сознанію о пресловутомъ ростѣ капитализма и для него наступили „свѣтлые и радостные дни"... Спѣшимъ, однако, оговориться: его послѣдній разсказъ *Инвалиды* читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Г. Чириковъ очень игриво и съ значительною дозой сердечной легкости посмѣивается надъ неисправимыми „елейными народниками", ищущими „труда независимаго и по существу своему не противорѣчащаго убѣжденіямъ". Оно и въ самомъ дѣлѣ смѣшновато: тутъ люди дожили до радостнаго сознанія господства капитализма и... вдругъ такіе чудаки еще на свѣтѣ есть, которые ищутъ независимаго и не противорѣчащаго убѣжденіямъ труда, какъ будто торжествующій капитализмъ можетъ допустить существованіе такого труда!... Да, вѣдь, и какъ ищутъ-то? „Крюковъ, — разсказываетъ авторъ, — скорѣе соглашался по недѣлямъ питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ, чаемъ и воблой, чѣмъ идти на компромиссы съ врагами. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи Крюковъ былъ закаленъ; для него, казалось, не существовало вовсе заботъ о пропитаніи. Потребности Крюкова были доведены до возможнаго только для *немногихъ избранныхъ натуръ* минимума. Онъ безъ малѣйшаго колебанія бросалъ работу, если ему почему-либо казалось, что эта работа покушается на цѣломудріе его убѣжденій"... Разумѣется, ужасно смѣшной чудакъ этотъ Крюковъ, и при сознаніи-то торжества капитализма онъ инымъ и представляться художнику не можетъ, какъ жалкимъ „инвалидомъ". Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за убѣжденій отказываться даже отъ приличнаго питанія—можетъ ли быть что-нибудь несуразнѣе этого? Естественно, что Крюковъ все время попадаетъ въ самыя жалко - комическія положенія. Безсознательнымъ комикомъ онъ и всегда былъ, по показанію автора. Въ юности онъ прочиталъ нѣсколько книгъ и... сдѣлался вреднымъ человѣкомъ. Видите, какъ это легко дѣлается, по показанію пѣвцовъ; чуткая юная душа горѣла жаждой подвига и сердце болѣло за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ... онъ *наскоро* разрѣшилъ всѣ вопросы и присоединился къ программѣ дѣятельности по формулѣ: „все для народа и все посредствомъ народа" (для пѣвцовъ эта формула, какъ извѣстно, устарѣлая). Трудно только понять, какою другою они ее замѣнили? Вѣдь, не формулой же: „все для капитализма", хотя несомнѣнно, что „все посредствомъ капитализма".

И выходитъ такое странное обстоятельство, что первая часть *ихъ* формулы остается въ нѣкоторомъ туманѣ, но за то вторая ихъ часть достаточно рельефно выпячивается впередъ. И какъ сердито господа пѣвцы ни протестуютъ противъ такого утвержденія, а фактъ все же остается фактомъ. Идея, даже и вѣрная, но воспринятая извнѣ и не доведенная до своихъ конечныхъ слѣдствій собственной умственной работой, почти всегда приводитъ къ подобнымъ нежелательнымъ результатамъ. Ну, и понятно, что тогда для Крюкова начались скитанія. Вернулся онъ съ фантастическими надеждами, планами и замыслами, съ горячею вѣрой въ свое прежнее дѣло и съ желаніемъ начать все съизнова... Но „дѣйствительность безжалостно посмѣялась надъ Крюковымъ", такъ какъ въ то время, пока онъ скитался, народились „пѣвцы" съ сознаніемъ роста капитализма и начали они смотрѣть на русскую дѣйствительность съ видомъ именинниковъ... А бѣднаго „елейнаго народника" Крюкова эта безжалостная дѣйствительность не только безъ приличнаго обѣда оставила, но и видъ ему дала самый комично - жалкій. Лицо Крюкова напоминало не то устарѣвшаго и сошедшаго со сцены тенора, не то холостяка - ху-

дожника. „У насъ встрѣчаются такія лица у нѣкоторыхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій“, глубокомысленно замѣчаетъ г. Чириковъ. Согласитесь, что съ такимъ видомъ ничего, кромѣ глупостей, дѣлать нельзя. Крюковъ и дѣлаетъ таковыя. Пошелъ Крюковъ служить на желѣзную дорогу,—единственный разъ въ жизни пошелъ на компромиссъ,—и тамъ завелъ какую-то смѣшную рабочую артель. Это при торжествѣ-то капитализма? Конечно, артель развалилась. Потому, съ одной стороны, „инструменту, баринъ, нѣтъ... Опять залогъ подай! А гдѣ его взять, залогъ-то?“ А съ другой,—и это главное,—потому, что „артель по праздничнымъ днямъ желала отдыхать, а за прогулы присуждала четверть водки, распивала ее и тѣмъ считала нарушенную справедливость возстановленной“... Нѣтъ, ужъ какая тутъ артель у такихъ лѣнтяевъ, которые по праздникамъ работать не хотятъ, если даже количество работы превышаетъ силы артели. Имъ капиталистъ нуженъ, чтобъ ихъ поталкивалъ. А елейный народникъ этого не понимаетъ. Онъ вообще многаго не понимаетъ, что понимаютъ пѣвцы. Такъ, наприм., онъ разъясняетъ мужику, у котораго убило на работѣ сына, что ему лучше къ суду обратиться, чѣмъ на сдѣлку съ инженерами идти. Вотъ, вѣдь, какой смѣшной чудакъ этотъ Крюковъ.

Какъ бы именно поступили пѣвцы, еслибъ они были на мѣстѣ Крюкова, остается неизвѣстнымъ. Но за то авторъ показываетъ намъ рабочихъ, объединенныхъ, надо полагать, капиталомъ. Здорово пьютъ эти рабочіе и столь же здорово клянутъ свою каторжную жизнь. Но и только, хотя, повторяемъ, они капиталомъ объединены. Сознанія торжества капитализма у нихъ что-то не замѣчается. Да и вообще никакого сознанія не замѣчается.

Кромѣ рабочихъ г. Чириковъ показываетъ намъ еще товарища Крюкова, бывшаго „вольца“, а теперь, по собственному его опредѣленію, „либерала и больше ничего, отчасти даже буржуя, и какого, къ чорту, марксиста“. Ну, этотъ совсѣмъ къ дѣйствительности приспособился. Обѣдаетъ онъ каждый день, и прекрасно обѣдаетъ; жена у него бывшая курсистка, въ которую Крюковъ былъ когда-то влюбленъ,—насколько, конечно, такому дураку-идеалисту влюбляться полагается,—красавица, дѣтки, молодая Россія—чудесные. Однимъ словомъ, этотъ поумнѣвшій „волецъ“ вполнѣ благополучный россіянинъ и послѣ сытнаго обѣда съ хорошей сигарой во рту преблагодушно разсуждаетъ, что „*они* были безпочвенны и потому также быстро исчезли, какъ и появились, ибо не считались съ условіями мѣста и времени“... Теперь же, исчезнувъ въ качествѣ „вольца“ и возродившись въ качествѣ буржуя, благополучный россіянинъ „интересуется этимъ направленіемъ, хотя какой я къ чорту марксистъ, и находитъ, что это единственная живая струя на мутномъ и сѣромъ фонѣ нашей общественной жизни“.

Мы уже говорили, что даже не будучи буржуемъ и даже, пожалуй, не каждый день обѣдая, можно все-таки интересоваться этимъ направленіемъ, потому что это струя живая и даже яркая, потому что молодая. И дѣло совсѣмъ не въ этомъ.

А дѣло въ томъ, что намъ почему-то представляется, не сыгралъ ли г. Чириковъ злой шутки съ „пѣвцами“; не облыжно ли онъ самъ прикинулся такимъ же пѣвцомъ, какъ они? Потому, посудите вы сами, его Крюковъ—жалкій и смѣшной чудакъ, идеалистъ, надъ которымъ авторъ, очевидно, смѣется. И однако, надъ чѣмъ же онъ смѣется? Надъ подвигомъ, безъ сомнѣній и колебаній совершаемымъ—и притомъ совершаемымъ неуклонно въ теченіе всей жизни. Вѣдь, такой Крю-

ковъ, какого рисуетъ г. Чириковъ, не только со стороны чувства, но и со стороны знанія—на много головъ выше всѣхъ пѣвцовъ матеріализма, ибо стараго положенія о томъ, что „вѣра горами двигаетъ", никакой теоріи не упразднить; да и сами-то „пѣвцы"—настоящіе, разумѣется,—такіе имѣются и у насъ—на практикѣ того же положенія придерживаются. Они полагаютъ, будто вѣра у нихъ иная. Ну, и пусть ихъ полагаютъ. Намъ со стороны виднѣе. Пожалуй, виднѣе это и Крюковымъ, несмотря на ихъ смѣхотворный видъ. И, пожалуй, эти Крюковы, съ наружностью отставного тенора, могутъ иронически покачивать своими сѣдыми головами и думать про себя: „надъ чѣмъ вы только, пѣвцы, смѣетесь? Надъ собой, вѣдь, смѣетесь?" Да, пожалуй, что г. Чириковъ сыгралъ съ пѣвцами злую шутку. А, впрочемъ, увидимъ, что дальше будетъ.

Г. Чириковъ съ легкимъ сердцемъ относится къ смѣшнымъ подвигамъ людей, ищущихъ труда, не противорѣчащаго ихъ убѣжденіямъ, и не желающихъ идти на служеніе капитализму, а г. Брусянинъ (*Обыкновенное деревенское*) съ глубокой грустью разстается съ міромъ иллюзій, разгоняемыхъ новыми трезвенными рѣчами. И онъ родился въ Аркадіи, и онъ служилъ крестьянину въ качествѣ просвѣтителя, и онъ поклонялся народническимъ идоламъ и придерживался народническихъ шаблоновъ... и на него тоже нашло просвѣтлѣніе... И объ этомъ своемъ просвѣтлѣніи онъ спѣшитъ сообщить читателю. „Я оставилъ деревню... и почва подо мною заколебалась, а душой овладѣла мучительная, разъѣдающая тоска... А въ жизни строго и послѣдовательно (ухъ, сколь сіе величественно! Это въ нашей-то общественной кашѣ *строго и послѣдовательно*!) совершались неумолимые процессы... Сама жизнь разоблачила передо мною свою новь и подъ брань адептовъ стараго отживающаго теченія, своихъ сверстниковъ и умудренныхъ опытомъ старичковъ, я началъ прислушиваться къ новому голосу новыхъ людей".

Настоящая трагедія. Умудренный опытомъ г. Брусянинъ утратилъ вѣру въ фантастическіе устои... а, вѣдь, утратить вѣру въ то, чѣмъ человѣкъ жилъ духовно, это одинъ сплошной ужасъ... Но что же, однако, столь огорчило автора? А вотъ что: возвратившись посмотрѣть на свое старое, грустное пепелище своихъ идеаловъ, онъ увидалъ тамъ „обыкновенное деревенское"... Такъ что даже не вѣрится, чтобы г. Брусянинъ, дѣйствительно, былъ умудренъ опытомъ. Ужъ очень несвойственно зрѣлымъ людямъ такое исканіе необыкновеннаго въ жизни. Такое исканіе есть исключительное достояніе зеленой юности, а люди, не только умудренные опытомъ, а даже и просто зрѣлые умственно и нравственно, знаютъ, что жизнь складывается изъ обычныхъ психологическихъ процессовъ и для проведенія въ нее своихъ идеаловъ приходится разсчитывать именно на эти обычные процессы, пользуясь для своихъ цѣлей рѣдкими моментами необычнаго. Тоска по необычномъ въ жизни нѣсколько напоминаетъ сѣдого казака Гоголя, плачущаго о томъ, что у него ни тятеньки, ни мамоньки нѣтъ. Пріятель автора, мужикъ Василій, разсказываетъ ему, что мужики „пообѣщиваютъ свернуть голову аспиду правляющему", и тогда „въ немъ было нѣчто незаурядное, его голосъ дрожалъ, въ глазахъ выражалось неудовольствіе и даже искрилась злоба" и т. д. Картина, которой удрученный новыми словами новыхъ людей г. Брусянинъ не прочь залюбоваться. Но,—увы!—пріѣхалъ Василій въ свою избу, разоболокся и... показался автору „обыкновеннымъ". И автору стало „жаль тѣхъ, которые, печа-

луясь о судьбѣ мужика, не хотятъ видѣть въ немъ того обыкновеннаго, что онъ собственно и представляетъ изъ себя".

Вотъ вѣдь какія Америки открываютъ иногда люди, удрученные новыми словами. Они полагали до сихъ поръ, что разъ признаешь „устои", то непремѣнно нужно представлять себѣ мужика чѣмъ-то необыкновеннымъ, какимъ-то сосудомъ священнымъ, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ сими устоями переполненнымъ. А такъ какъ такого чуда вообще въ жизни не бываетъ, то изъ сего яко бы и слѣдуетъ, что новые люди своими новыми словами всѣ эти устои ниспровергли. Мы, разумѣется, тутъ не намѣрены „устои" отстаивать, а только указываемъ на странности логическихъ процессовъ, совершающихся въ головахъ удрученныхъ новыми словами людей.

Открытія Америки не ограничиваются этимъ. Г. Брусянинъ тоскуетъ, что въ жизни мужика началась „калинка съ малинкой", что въ силу малоземелья его деревенскіе устои не выдержали и начали ползти по всѣмъ швамъ, что „разстрѣлялись, братъ, всѣ", т.-е. многіе изъ крестьянъ разошлись изъ деревни. „Прежде-то всякій изъ нашихъ,— разсказываетъ г. Брусянину крестьянинъ,— десятинку-другую прихватитъ, а нынѣ машины завели... и пошла писать. Выйдетъ на деревню староста, крикнетъ это: эй, кто слободенъ—иди работать. Нынче они всѣ, господа-то, да купцы разные, этому порядку держатся. Вонъ Чижовъ—тоже, братъ, колоколъ завелъ; зазвонитъ поутру... и потянутся наши землячки..." Прискорбно оно, конечно, это обыкновенное деревенское. Но къ чему же въ открытыя-то двери стучаться? При чемъ тутъ новыя слова новыхъ людей. Вѣдь это же старое-престарое. Еще авторъ *Писемъ безъ адреса* предъ освобожденіемъ указывалъ, что крестьяне получаютъ количество земли меньшее того, которымъ они владѣли, что результатомъ этого *при существованіи выкупныхъ платежей* будетъ малоземелье и сопряженныя съ онымъ слѣдствія. Такъ вотъ сколько лѣтъ этимъ словамъ. А потомъ, начиная съ семидесятыхъ годовъ, „разночинная, неклассовая интеллигенція" и литература только то и дѣлали, что указывали на разлагающее устои вліяніе малоземелья. А теперь приходятъ удрученные новыми словами и открываютъ намъ такую Америку. Вѣдь, это ужъ, выходитъ, не новыя слова, а рѣчи Ивановъ Непомнящихъ. Г. Брусянинъ не рѣшается утверждать, что эти „разстрѣлявшіеся" мужики объединены капиталомъ и что въ этомъ и видится новый, желательный прогрессъ. И благо ему, что онъ не рѣшается утверждать этого, потому что, въ дѣйствительности-то, можетъ быть, эти „разстрѣлявшіеся" никакъ и ничѣмъ не объединены и потому никакого тутъ прогресса и не произошло; можетъ быть даже, что они и объединены быть не могутъ, а просто разстрѣлялись и перешли въ разрядъ безработныхъ. А вѣдь въ этомъ и весь вопросъ, когда значеніе новыхъ словъ обсуждаешь. Такъ что г. Брусянину, пожалуй, и незачѣмъ оплакивать утрату своихъ иллюзій, къ которымъ новыя слова, по меньшей мѣрѣ, никакого касательства не имѣютъ. Капиталъ пришелъ—это-то вѣрно. Но капиталъ это, или просто „чумазый",—это остается пока вопросомъ открытымъ.

До сихъ поръ мы говорили о пѣвцахъ теоріи. Теперь слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію писаній философовъ, критиковъ, соціологовъ этой теоріи. Трудъ, къ сожалѣнію, для насъ теперь неисполнимый, потому что и мѣстомъ мы не располагаемъ, да и разбираемъ пока только одну изъ книгъ *Новаго Слова*. Потому, предоставляя себѣ право заняться этими соціологами, философами въ будущемъ, мы обратимъ пока

вниманіе читателя только на нѣкоторыя изъ ихъ заявленій. Несомнѣнно, что такой методъ изученія явленія страдаетъ нѣкоторой отрывочностью, а кромѣ того онъ можетъ показаться читателю просто вылавливаніемъ разныхъ „полемическихъ красотъ", чего, собственно, мы отнюдь не имѣемъ въ виду, потому что, повторяемъ, къ самому-то явленію мы относимся съ симпатіями, какъ къ живому, свѣжему и несомнѣнно искреннему. Мы признаемъ даже его общественную полезность, такъ какъ оно въ концѣ концовъ должно помочь намъ разобраться въ накопленномъ нашей литературой за тридцать лѣтъ довольно разнообразномъ и раздробленномъ багажѣ. Если, несмотря на все это, наши замѣчанія, помимо ихъ отрывочности, покажутся читателю вылавливаніемъ „полемическихъ красотъ", то не наша въ этомъ вина; пусть онъ припомнитъ то, что мы говорили выше о молодыхъ и задорныхъ, такъ сказать, свойствахъ направленія... и тогда онъ пойметъ, что безъ полемическихъ красотъ тутъ дѣло обойтись не можетъ; иначе направленіе не было бы молодымъ. Да и что же ужъ такъ полемическихъ красотъ пугаться? Вѣдь и раньше безъ нихъ и другія направленія не обходились.

Г. Каменскій *(Судьбы нашей критики)* желаетъ представить Бѣлинскаго предтечей теоріи экономическаго матеріализма. Задача смѣлая. Но почему не попробовать? При видѣ такой попытки можно бы было только пожать плечами и пройти мимо, еслибы г. Каменскій не пользовался нѣкоторыми полемическими и аргументативными пріемами, довольно характерными для всего направленія, какъ оно представляется *Новымъ Словомъ*. Авторъ приводитъ слѣдующія слова Бѣлинскаго: „безусловный или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но за то и самый ненадежный... причина ошибокъ славянофиловъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другой уходъ". Приводитъ г. Каменскій такія, дѣйствительно, мудрыя слова великаго критика-публициста и дѣлаетъ изъ нихъ такой по-истинѣ поразительный выводъ: „Мы горячо рекомендуемъ ихъ вниманію нынѣшнихъ славянофиловъ, т.-е. народниковъ, субъективистовъ, г. Н—она и прочихъ „враговъ" капитала". (Эдакая, вѣдь, каша! Славянофилы, народники, субъективисты и г. Н—онъ—все это въ одну кучу свалено. Читатель, разбирайся!... И значатъ ли послѣднія презрительныя слова: „прочіе враги капитализма"—то, что г. Каменскій и соціологи теоріи суть *друзья* капитализма, или не значатъ? Вотъ вѣдь какъ неумѣло новые люди новыя слова произносятъ...) „Кто усвоитъ этотъ взглядъ, тотъ не станетъ, подобно г. Н—ону, *лѣзть* къ обществу съ пресловутой задачей, которой оно не только рѣшитъ, но даже и понять не въ состояніи; онъ не будетъ также, подобно г. Михайловскому, думать, что идти по слѣдамъ Петра значитъ культивировать утопіи,—словомъ, онъ ни за что не помирится съ абстрактнымъ идеаломъ".

Вотъ ужъ подлинно нашимъ добромъ, да намъ же челомъ. Дѣло въ томъ, что въ продолжительномъ спорѣ съ экономическими нашими матеріалистами или марксистами, такъ называемые, субъективисты и народники упрекали ихъ именно въ томъ, что они слѣдуютъ абстракціямъ, что они претендуютъ на изобрѣтеніе ключа, пригоднаго для всѣхъ замковъ, что они пересаживаютъ въ Россію и культивируютъ лѣсъ капитализма, выросшій въ Европѣ. Упрекъ былъ не безоснователенъ. Не даромъ учитель отказался отъ учениковъ и заявилъ, что самъ онъ не

марксистъ, что ему дѣлаютъ великое безчестье, приписывая ему намѣреніе найти такой всеотпирающій ключъ, что онъ стоитъ за изученіе и анализъ *каждой отдѣльной* дѣйствительности, что, наконецъ, такъ называемые, законы экономическаго развитія видоизмѣняются цѣлой массой условій (причемъ онъ упоминаетъ даже и о расѣ) и т. д., и т. д. И вдругъ такой при помощи „новыхъ словъ" оборотъ. Дальше мы увидимъ, какъ новымъ людямъ приходится открещиваться отъ многихъ заявленій своихъ европейскихъ учителей, не желающихъ быть черезчуръ правовѣрными и черезчуръ „новыми"... Не дурно тоже и обращеніе къ г. Н—ону. Излагать мнѣніе о вредѣ капитализма и ставить задачу о болѣе быстромъ переходѣ къ коллективному хозяйству значитъ, по мнѣнію новыхъ людей, *лѣзть* къ обществу. А проповѣдывать благодѣтельность разложенія капитализмомъ общинныхъ формъ и обездоленія рабочихъ классовъ не значитъ *лѣзть*. Любопытная логика. А далѣе смѣлость и задоръ новыхъ людей просто-таки удивительны. Все-то имъ извѣстно,—даже то, что, въ сущности, никому неизвѣстно. Такъ, наприм., они знаютъ прекрасно, что общество даже и понять эту задачу не можетъ...

Въ *Письмѣ изъ Франціи* г. Смирнова мы встрѣчаемъ такую любопытную полемическую красоту: „Какъ извѣстно, въ 1892—94 гг. французская рабочая партія выработала аграрную программу и наши народники привѣтствовали ее, какъ первую побѣду народничества даже въ Европѣ. Когда Гедъ, Жоресъ и Лафаргъ выступили во Франціи съ рядомъ требованій въ пользу поддержки мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (требованіе не только народниковъ у насъ, а и либераловъ), когда они ратовали за созданіе крестьянскихъ ассоціацій (ратовалъ у насъ за сіе и г. Н—онъ), за помощь государства тѣмъ крестьянскимъ ассоціаціямъ, которыя сообща будутъ заводиться машинами (идея херсонскихъ артелей, по терминологіи новыхъ людей шульце-деличскихъ затѣй), когда наши народники увидали, что Бебель и Либкнехтъ въ Германіи, Вандервельдъ съ товарищами въ Бельгіи поддерживаютъ французскую аграрную программу... тогда..." Вы, читатель, думаете, что тогда новые люди должны бы были признать, что всѣ эти ненавистные имъ субъективисты и пр. были ужъ совсѣмъ не такъ преступны съ своими утопіями и что новые люди должны поубавить хоть немножко свой юношескій задоръ и свои американскія открытія... Вы такъ думаете и... глубоко ошибаетесь. Наши правовѣрные предпочитаютъ отречься отъ старшихъ европейскихъ собратій, какъ они отреклись отъ своего учителя, или, по крайней мѣрѣ, прибѣгнуть къ увертками, лишь бы за ними осталась геростратовская слава. „Геды и Жоресы, — говоритъ г. Смирновъ,—хлопоча по крестьянскихъ ассоціаціяхъ, объ организаціи мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, хлопотали также объ организаціи не собственниковъ, стремились придать организаціямъ классовую окраску, между тѣмъ какъ наши народники (слушайте, слушайте!), отстаивая цѣлость разнородной общины, *сознательно* (даже сознательно? Ну, не преступники ли, въ самомъ дѣлѣ?) игнорировали классовую борьбу, сознательно стремились мѣшать проявленію послѣдней. (Это чуть ли не величайшее изъ открытій, сдѣланныхъ новыми людьми. Народники наши, очевидно, имѣли въ рукахъ фактическую силу, чтобы помѣшать проявленіямъ классовой борьбы...) Геды и Жоресы имѣютъ возможность дѣйствительно отстаивать, защищать,— словомъ, бороться, между тѣмъ" и т. д. Ну, вотъ это послѣднее-то, пожалуй, что и дѣло, хотя что значитъ отстаивать, защищать,—однимъ словомъ, бороться?

Вѣдь средствъ и орудій борьбы довольно-таки много, разнаго качества и разной дѣйствительности. Разумѣется, если признать вмѣстѣ съ пѣвцомъ экономическаго матеріализма положеніе, что „на жизненной сценѣ словамъ не дано ни власти могучей, ни силы", то отстаивать, защищать и пр. у насъ ничего нельзя, даже благодѣтельности капитализма. Дѣломъ, вѣдь, его защищаютъ и отстаиваютъ совсѣмъ иные, не „новые" люди.

Что новымъ людямъ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ дольше жить и работать (чего мы имъ отъ души желаемъ), придется отъ многаго отрекаться даже въ отмежеванныхъ ими себѣ предѣлахъ, это доказывается хотя бы статьей г. Кистяковскаго *Аграріи въ Германіи*. Вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ авторъ о „Союзѣ сельскихъ хозяевъ": „75% всѣхъ членовъ союза принадлежатъ къ среднимъ крестьянамъ, имѣющимъ отъ 20 до 25 гектаровъ земли. О жизненности аграрнаго движенія свидѣтельствуетъ его быстрый ростъ. Союзъ выросъ какъ-то внезапно въ одинъ годъ и сразу сдѣлался крупной политической партіей. Въ слѣдующіе годы движеніе больше упрочивалось и шло вглубь, чѣмъ расширялось съ той же быстротой, съ какой оно выросло... Съ неменьшей быстротой растетъ и пресса Союза. Главный его органъ, ежедневная газета *Deutsche Tageszeitung*, въ Берлинѣ, уже на второй годъ имѣла больше сорока тысячъ подписчиковъ. Существующій уже тринадцать лѣтъ *Vorwärts* имѣетъ немногимъ больше... распространенность же аграрной газеты непрерывно растетъ". „Всѣ эти цифры,—продолжаетъ г. Кистяковскій,—свидѣтельствуютъ о силѣ и прочности аграріевъ въ Германіи. *Исторія не знаетъ другого примѣра такого быстраго и колоссальнаго роста народнаго движенія*... Союзъ обладаетъ самой усовершенствованной организаціей среди другихъ партій. Аграріи организованы даже лучше соціалъ-демократовъ". Еще болѣе любопытно, въ виду обсуждаемыхъ нами теперь вопросовъ, указаніе г. Кистяковскаго объ основаніи въ Помераніи чисто-крестьянскаго союза, который, по заявленію его органа, долженъ существовать независимо отъ „Союза сельскихъ хозяевъ", такъ какъ „крестьяне рѣшили взять свое дѣло въ собственныя руки".

Такъ что не слишкомъ ли скоро новые люди хоронятъ крестьянство, даже и въ Германіи или во Франціи? Можетъ быть оно обойдется и тамъ безъ „фатальной фазы" развитія и безъ помощи капитализма благополучно перейдетъ къ новымъ формамъ производства. Мужика-то, пожалуй, не придется непремѣнно въ фабричномъ котлѣ переваривать, тѣмъ болѣе, что, какъ видится, ему не особенно улыбается такая перспектива, пріуготовляемая для него нашими марксистами или новыми людьми.

Въ заключеніе укажемъ на статью г. Nemo: *Манифестъ народной партіи*. Среди другихъ правовѣрныхъ г. Nemo занимаетъ особое положеніе по своей крайней прямолинейности и по своей не просто искренности, которой отличаются и другіе правовѣрные, а по откровенности. Онъ иногда бываетъ enfant terrible теоріи. А кромѣ того, онъ, также какъ и извѣстный г. Струве, отличается совершенно оригинальными пріемами полемики. Это и дѣлаетъ его статьи особенно цѣнными, заставляя насъ видѣть въ нихъ настоящіе „манифесты" компаніи правовѣрныхъ со всѣми ихъ сильными и слабыми сторонами. Было бы несправедливо и неосновательно не указать на сильныя стороны теоріи нашихъ марксистовъ, и мы, насколько это возможно, попытаемся сдѣлать это теперь же, при первой бесѣдѣ о нихъ съ нашимъ читателемъ.

Прежде всего невольно является вопросъ: что это за „народная партія" такая, и когда мы узнаемъ, что ея манифестомъ г. Nemo признаетъ книгу г. Одарченка *Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства*, то наше удивленіе вырастаетъ до серьезныхъ размѣровъ. И только припомнивъ обычные пріемы полемики автора, мы начинаемъ понимать, въ чемъ дѣло. О самой книгѣ г. Одарченка мы говорить не намѣрены и намъ теперь до нея нѣтъ никакого дѣла. Но какимъ образомъ эта книга можетъ быть принята кѣмъ-нибудь за какой-то манифестъ какой-то партіи, когда самъ г. Nemo говоритъ, что „представители народнической партіи откачнутся отъ столь дикаго союзника" и что г. Одарченко будто бы страдаетъ „острой спутанностью мысли". Вѣдь, это все равно, какъ еслибы мы брошюрку и стихотворенія вышеупомянутаго г. М. М. признали манифестомъ „партіи" марксистовъ. Но таковы ужъ полемическіе пріемы автора — и съ ними намъ приходится считаться.

Но пусть! Манифестъ—такъ манифестъ. Но что же именно такъ возмутило въ этомъ манифестѣ г. Nemo? Въ его возмущеніи мы должны отмѣтить двѣ совершенно различныя струи: одну чисто-марксистскую (замѣтимъ разъ навсегда, что мы этотъ терминъ здѣсь употребляемъ какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его самъ Марксъ, когда онъ говорилъ: я не марксистъ), а другую—просто прогрессивную.

Г. Nemo приводитъ очень длинную цитату изъ книги г. Одарченка, на которую и обрушивается съ поразительною страстностью. Если устранить изъ этой цитаты „острую спутанность мысли" и не менѣе острую спутанность терминологіи, если вычеркнуть изъ нея довольно нелѣпыя, по правдѣ сказать, утвержденія о какой-то гармоніи интересовъ и о какихъ-то предпринимателяхъ, которые въ сущности-то являются просто служащими земства, коимъ послѣднее какъ агентамъ поручило завѣдываніе учреждаемыми земствомъ артельными промышленными заведеніями, проектъ г. Одарченка сводится просто къ плану учрежденія земствомъ артельныхъ заводовъ и фабрикъ, т.-е. такихъ учрежденій, о которыхъ Марксъ, какъ мы указывали въ предыдущемъ обозрѣніи, говорилъ, что они въ предѣлахъ старыхъ капиталистическихъ формъ производства дѣлаютъ въ нихъ первую брешь, и къ которымъ поэтому онъ относился съ живыми симпатіями. Почему же такіе громы со стороны правовѣрнаго его ученика? Если г. Одарченко ухитрился запутать эту простую, хотя и смѣлую, мысль разными осложненіями, то вѣдь это его вина, и говорить надо бы было не о тѣхъ сплетенныхъ съ мыслью нелѣпостяхъ, въ коихъ повиненъ лично г. Одарченко, а о самой идеѣ въ ея существѣ. Г. Nemo и пытается сдѣлать это. Онъ говоритъ, что „великимъ нѣмецкимъ экономистомъ и соціологомъ установлено, что мѣновое или товарное хозяйство, *на извѣстной ступени развитія,* въ силу внутренней и неизбѣжной діалектики обращается въ товарно-капиталистическое". Ну, да,—на извѣстной ступени развитія. Вотъ эту-то оговорку, которую „великій нѣмецкій экономистъ и соціологъ" въ третьемъ томѣ своего труда дополнилъ многими другими, и слѣдуетъ имѣть въ виду, когда мы говоримъ о судьбахъ экономической эволюціи Россіи. А ни г. Nemo, да и никто изъ правовѣрныхъ, не доказалъ еще, что эта ступень развитія уже достигнута нами. А вышеприведенные факты не позволяютъ намъ съ увѣренностью сказать, что она достигнута и нѣкоторыми другими, дальше насъ пошедшими въ процессѣ развитія, странами... „При посредствѣ кредита,—говоритъ дальше г. Nemo,—хотятъ снять

голову капитализму не большой горой, а соломинкой. Кредитъ есть специфически капиталистическое средство, надстройка, которая появляется уже при значительномъ развитіи товарно-капиталистическаго хозяйства". Такъ ли это? Г. Nemo самъ оговаривается, что въ экономически отсталыхъ странахъ кредитъ является и самостоятельною силой. А не можетъ ли онъ являться самостоятельною силой и въ странахъ не отсталыхъ, если онъ направленъ на поддержаніе или натуральнаго хозяйства, или на переходъ отъ такого хозяйства къ высшимъ формамъ производства, тоже товарнымъ, мѣновымъ, но не капиталистическимъ? Теорія, по крайней мѣрѣ, нисколько не опровергаетъ возможности подобнаго кредита... И отнюдь это средство борьбы съ капитализмомъ не предполагаетъ, какъ думаетъ г. Nemo капитализмъ, ибо кредитъ можетъ оказываться артелямъ, напримѣръ, изъ общаго бюджета хотя бы большой и составной рабочей общины... „Бѣдный кустарь, иронизируетъ г. Nemo,—ссужающій самъ себя безъ наличности капитала есть сказочный герой, вытаскивающій себя за волосы изъ болота". Это разумѣется, вѣрно; но не попадаетъ ли стрѣла ироніи дальше цѣли? Вѣдь не о ссудѣ бѣднаго кустаря самому себѣ идетъ рѣчь, а о ссудѣ ему изъ достаточно-таки богатаго общаго фонда налоговъ, вносимыхъ не бѣдными кустарями.

Все это, разумѣется, утопія и защищать ее мы до извѣстной степени не будемъ. Мы только указываемъ на то, что въ принципѣ, по существу, въ подобной утопіи не имѣется ничего нелѣпаго.

Но тутъ мы подходимъ къ тѣмъ возраженіямъ г. Nemo, которыя мы назвали сильною стороной защищаемаго имъ дѣла,—потому сильной, что эти возраженія всецѣло втекаютъ, такъ сказать, въ общепрогрессивное русло". „Земство,—говоритъ г. Nemo,—въ теперешнемъ его составѣ, т.-е. состоя почти исключительно изъ владѣльческихъ классовъ, никоимъ образомъ и никогда не пошло бы на такія мѣры, которыя имѣютъ цѣлью въ корнѣ уничтожить привилегированное положеніе этихъ же самыхъ классовъ... Классовый составъ земствъ въ ихъ цѣломъ никогда не пойдетъ на такія мѣры... Такихъ самоубійственныхъ мѣръ со стороны цѣлаго класса исторія никогда не видала, да и не увидитъ..." „Маленькіе недостатки механизма,—продолжаетъ авторъ,—дѣлаются здѣсь (т.-е. при настоящихъ юридическихъ полномочіяхъ земства) какъ нельзя болѣе чувствительными... Delenda est Carthago! Безъ этого условія нельзя даже вообще говорить о серьезной и значительной роли единицъ самоуправленія въ строѣ нашей страны". „Основное зло нашей жизни,—говоритъ далѣе г. Nemo,—бюрократизмъ, парализующій свободное развитіе общественной самодѣятельности. На этомъ основаніи мы рѣзко осудимъ всякія мѣры, которыя ведутъ за собой дальнѣйшее усиленіе бюрократіи и сокращеніе независимости земства. Такія мѣры могутъ быть разнообразны, но къ числу ихъ, безспорно, относится задолженность бюрократическому государственному банку".

Вотъ эти-то замѣчанія мы и назвали сильною стороной не теоріи, конечно, а настроенія новыхъ людей. До тѣхъ поръ,—и только до тѣхъ поръ, пока такое настроеніе поддерживается и культивируется въ ихъ средѣ, они, дѣйствительно, составятъ прогрессивный элементъ въ исторіи нашего самосознанія. Но нельзя, однако, не замѣтить, что такое настроеніе не имѣетъ никакой логической и неразрывной связи съ ихъ ученіями, что оно даже переноситъ вопросъ на иную почву, такъ сказать—выскакиаетъ выше этого вопроса, выше самого ученія. И это,

разумѣется, благо: только узкіе доктринеры неспособны выскочить, какъ мы выразились, за предѣлы узкихъ рамокъ ихъ догмы.

И знаете ли, что намъ кажется въ концѣ концовъ?—Что „новые люди“, также какъ и многіе изъ старыхъ, просто-напросто въ своихъ узкихъ теоріяхъ загипнотизированы дѣйствительностью. Этимъ грѣхомъ всегда страдали и, вѣроятно, всегда будутъ страдать всяческіе доктринеры—старые или новые—и притомъ какъ бы они ни именовали себя: либералами, народниками или марксистами. Всѣ они не могутъ выйти за предѣлы дѣйствительности; всѣ они обладаютъ столь скудною фантазіей, что не могутъ послѣ неизбѣжнаго и необходимаго для созданія идеала анализа дѣйствительности ясно представить себѣ иную дѣйствительность—дѣйствительность идеала, и при свѣтѣ этой идеальной, такъ сказать, дѣйствительности воздѣйствовать на дѣйствительность существующую. Разсуждая, напримѣръ, о земствѣ и его роли въ экономической эволюціи страны, они всегда отправляются отъ представленія о фактически существующемъ земствѣ, будучи не въ состояніи создать представленія объ иномъ строѣ земства, не классовомъ или, вѣрнѣе выразиться, общеклассовомъ. Если подобный методъ разсужденія пригоденъ для практическаго дѣятеля и даже для практическаго публициста, то онъ черезчуръ узокъ для мыслителя, желающаго обнять вопросъ во всей его широтѣ и объемѣ. Вотъ какое мѣсто мы встрѣтили у Джона Морлея, котораго никто, конечно, не считаетъ утопистомъ: „По выраженію одного итальянскаго критика, Макіавелли занимаетъ въ вещи не то, что она разумна, прекрасна и нравственна, а прежде всего то, что она существуетъ. И, тѣмъ не менѣе, въ основаніи всесвѣтнаго крика противъ Макіавелли лежалъ совершенно вѣрный инстинктъ; люди ясно чувствовали, въ чемъ тутъ дѣло. Родъ человѣческій слишкомъ сильно заинтересованъ въ правдѣ или лжи, въ милосердіи или жестокости, въ справедливости или притѣсненіи, чтобъ идти за учителемъ, который, хотя бы и для спеціальной, чисто- научной цѣли, забываетъ эту громадную разницу. Въ концѣ концовъ, что такое общія мѣста? Это именно то, что содержитъ истины, безъ которыхъ нельзя обойтись“ (*Макіавелли*, *Сѣверный Вѣстникъ*).

А вѣдь справедливость, милосердіе и тому подобное—все это утопія, потому что все это находится внѣ предѣловъ подлинной дѣйствительности, хотя и появилась эта утопія не изъ воздуха, конечно, а изъ анализа все той же дѣйствительности. И однако безъ этой утопіи люди, дѣйствительно, не пойдутъ за учителемъ, какъ бы великъ онъ ни былъ. Учителя почти всегда и сознавали то, что не всегда сознаютъ ихъ ученики. Утопія вѣдь такое дерево, корни котораго сидятъ глубоко въ подлинной дѣйствительности и только пышные цвѣты окрашены въ яркіе цвѣта, неизвѣстные подлинной дѣйствительности, жгучимъ солнцемъ идеала... Побольше такой утопіи и поменьше слѣпого слѣдованія за дѣйствительностью: таковъ нашъ искренній и дружескій совѣтъ „новымъ людямъ“. А кромѣ того поменьше игры въ слова *реакціонно* и *прогрессивно* по отношенію къ экономическимъ явленіямъ: въ сферѣ экономики реакціонно только то, что ведетъ къ уменьшенію суммы счастья большинства или всѣхъ и прогрессивно то, что увеличиваетъ эту сумму.

Заговоривъ, хотя бы и случайно, о земскихъ учрежденіяхъ и ихъ роли въ общемъ развитіи страны, нельзя не отмѣтить того похода, который въ послѣднее время начатъ противъ нихъ охранительною печатью. Къ походамъ этой печати земскимъ учрежденіямъ не привы-

кать стать; они начались чуть ли не съ перваго дня ихъ существованія. Но теперешній походъ отличается тою особенностью, что ведется онъ систематически, по плану довольно обдуманному и въ цѣломъ, пожалуй, довольно цѣлесообразному. „Рекомендуя совсѣмъ освободить земскія собранія отъ заботъ о продовольствіи, охранительная печать остается вѣрной широко задуманному плану, съ особенною настойчивостью проводимому ею въ послѣднее время"—замѣчаетъ хроникеръ *Вѣстника Европы*. Основная его мысль, нигдѣ не высказываемая прямо и открыто, но вытекающая изъ массы статей, бьющихъ въ одну точку, совершенное упраздненіе земскихъ учрежденій. Способъ же осуществленія состоитъ въ доказательствѣ некомпетентности земства во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, которыя, хотя и въ сокращенномъ видѣ, остаются пока въ его вѣдѣніи. Несомнѣнно, что это очень ловкій методъ для осуществленія плана. „Земство,—говоритъ хроникеръ,—такимъ образомъ аттаковано и осаждено со всѣхъ сторонъ; ему уготовляется тихій, незамѣтный конецъ, путемъ постепеннаго сокращенія его аттрибуцій, постепеннаго подрѣзыванія его жизненныхъ корней. Отстраненное отъ школъ, больницъ, отъ страхового, продовольственнаго, санитарнаго дѣла, сведенное въ области дорожнаго хозяйства къ исполненію чужихъ предписаній, стѣсненное въ правѣ ходатайства, земство потеряло бы всякій поводъ къ существованію и замѣна земскихъ собраній и управъ отдѣленіемъ губернскаго правленія сдѣлалось бы простымъ вопросомъ времени"... Хроникеръ полагаетъ, однако, что такой „мечтѣ" охранительной печати не суждено осуществиться, такъ какъ проектируется, напротивъ, расширеніе земской территоріи... Мы очень бы хотѣли раздѣлять увѣренность почтеннаго журнала, но, къ сожалѣнію, имѣются многія соображенія, уменьшающія для насъ эту увѣренность. Всякое учрежденіе только тогда прочно и можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ произвола или каприза мѣняющихся настроеній, такъ называемой, внутренней политики, когда оно имѣетъ глубокіе жизненные корни въ средѣ всего населенія. Наше земство даже до его реформы 1894 года, благодаря цензовому началу и отсутствію мелкой земской единицы, если и не вполнѣ было лишено такихъ корней, то корни эти были слабы и во всякое время отъ засухъ могли исчахнуть, и могли быть вырваны бурями. Въ самомъ правительственномъ сообщеніи въ іюнѣ 1892 года отмѣчается этотъ послѣдній фактъ отсутствія мелкой земской единицы, какъ основы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимаго орудія земской дѣятельности. „Къ числу серьезныхъ недостатковъ дѣйствующихъ постановленій по народному продовольствію,—гласитъ это сообщеніе,—слѣдуетъ отнести недостатокъ въ средѣ мѣстнаго управленія соотвѣтствующихъ органовъ для живого веденія исполнительной части продовольственныхъ мѣропріятій". Живое же веденіе на мѣстахъ продовольственнаго, какъ и всякаго другого, дѣла возможно только для мелкой земской единицы,—справедливо замѣчаетъ хроникеръ *Вѣстника Европы*. Въ виду надвигающагося народнаго бѣдствія и самимъ земствамъ, въ которыхъ, несмотря на измѣненіе ихъ состава изъ прежняго классоваго въ теперешній сословный, остается еще достаточное количество настоящихъ земскихъ силъ, и въ особенности печати слѣдуетъ ясно сознать возможность полнаго устраненія земства и понять, что главнымъ средствомъ для того, чтобъ избѣжать такого бѣдствія, можетъ служить практическая разработка вопроса о мелкой земской единицѣ... То обстоятельство, что земство,

даже при своей неудовлетворительной организаціи, сначала цензовой, а потомъ сословной, сдѣлало такъ много для страны во всѣхъ почти сферахъ ея жизни, не только составляетъ вѣчную и неувядаемую славу для земства и принципа самоуправленія, но и даетъ ручательство за еще болѣе успѣшную дѣятельность при достиженіи двухъ вышепоименованныхъ необходимыхъ условій прочности земскихъ принциповъ и земскаго самоуправленія. Съ другой стороны, достигнутая неувядаемая слава не должна ослѣплять насъ передъ грядущей опасностью, очень серьезной... Если при существованіи двухъ вышеуказанныхъ дефектовъ, допущенныхъ при введеніи земскихъ учрежденій, было такъ легко превратить прежній классовый, владѣльческій составъ земства въ сословный, то не менѣе легко превращеніе сословнаго земства въ отдѣльный департаментъ бюрократіи... Опасность, повторяемъ, можетъ быть окончательно и безповоротно устранена только созданіемъ мелкой земской единицы, непосредственно связующей земскія учрежденія со всѣмъ населеніемъ страны. И только при такомъ условіи земство пуститъ глубокіе корни въ населеніе, которыхъ не сокрушатъ никакія бури и не истощатъ никакія засухи. Наши „нови“ еще достаточно глубоки и достаточно плодородны, и требуются только новые плуги для ихъ глубокой вспашки... Возможно, что година бѣдствій—время не благопріятное для проведенія глубокихъ, захватывающихъ всю жизнь населенія реформъ; но оно, навѣрное, благопріятно для теоретической ихъ разработки. Въ такія годины общественная мысль воспріимчивѣе для новыхъ идей, она работаетъ интенсивнѣе и общество болѣе склонно къ активной дѣятельности.

Охранительная печать не только открываетъ походъ противъ земства, но и устраиваетъ нѣкоторые апоѳеозы своимъ вождямъ и пророкамъ. Такъ въ іюлѣ почитатели Каткова устроили его апоѳеозъ. Много смѣшного и дикаго вздора наговорили по этому поводу почитатели покойнаго публициста. Они признали его и Прометеемъ и даже выразителемъ воли Божіей. „Когда безславья знамена вдругъ поднялись, надменно вѣя, рабовъ безумная затѣя была надеждами полна. Пришли плохія времена, погасла искра Прометея и, въ безотрадной тьмѣ коснѣя, ждала погибели страна. Но ты, Катковъ, ты сохранилъ огонь и блескъ душевныхъ силъ, ты эту искру воскресилъ. И свѣточъ вспыхнулъ, пламенѣя, и мракъ могилы озарилъ огонь священный Прометея“... Такъ поетъ восторженный охранитель. „Да, Катковъ былъ истиннымъ пророкомъ. Развѣ онъ не являлся выразителемъ воли Божіей относительно нашего народа и предсказателемъ ему той или другой участи здѣсь на землѣ?“—говоритъ другой, не менѣе восхищенный охранитель. Во всѣхъ этихъ благоглупостяхъ недостаетъ только того развѣ, чтобы „ты“ и „онъ“ печатались съ прописными буквами; а то все, что отъ холопства мысли слѣдуетъ, имѣется. Это холопство мысли мало любопытно,—слишкомъ ужъ оно обычное и знакомое намъ явленіе. Гораздо любопытнѣе юбилейный подарокъ публикѣ. Мы говоримъ объ изданіи собранія передовыхъ статей Каткова. Теперь публикѣ дано, по крайней мѣрѣ, средство для того, чтобъ оцѣнить значеніе катковской легенды. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ по поводу этого собранія хроникеръ *Вѣстника Европы:* „въ составъ изданія не входятъ статьи Каткова въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1856—62 гг., а въ этотъ періодъ времени онъ игралъ уже роль въ прессѣ. Исторія пройденной имъ эволюціи одинаково любопытна, какъ для его друзей, такъ и для его противниковъ. Кто не изучалъ въ Катковѣ англомана и либерала, кто не

прослѣдилъ модуляцій, приводящихъ его отъ средняго регистра политической гаммы къ самымъ низкимъ ея нотамъ, тотъ не знаетъ Каткова". Что это за модуляція, видно изъ нѣкоторыхъ сопоставленій. Въ 1856 году Катковъ пишетъ Безобразову о невозможномъ состояніи у насъ прессы. „Еслибы былъ, по крайней мѣрѣ, судъ, требовалось бы обвиненіе!"—восклицаетъ онъ. А лѣтъ черезъ двадцать тотъ же Катковъ пишетъ: „печать въ Россіи, и быть можетъ только въ Россіи, находится въ условіяхъ, дозволяющихъ ей достигать чистой независимости"... Въ другомъ письмѣ 1857 года мы читаемъ: „смотрѣть на свободу въ организаціи общества, какъ на что-то случайное, какъ на одно изъ многихъ условій, а не какъ на самое главное и существенное—это или Knechtischer Sinn, или крайняя спутанность и незрѣлость понятій. А въ восьмидесятыхъ годахъ онъ уже пишетъ: „русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ права политическія: они имѣютъ политическія обязанности... Наша конституція содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги на вѣрность".

Несмотря на этотъ недостатокъ изданія, оно все же любопытно и само по себѣ—и вотъ почему. Хроникеръ *Сѣвернаго Вѣстника* дѣлаетъ нѣсколько очень мѣткихъ замѣчаній о характерѣ литературныхъ способностей Каткова. „Въ дѣйствительности,—говоритъ онъ,—его литературный талантъ самаго средняго калибра. Его языкъ правиленъ, но блѣденъ, безъ всякихъ оттѣнковъ; для выраженія своей мысли онъ никогда не прибѣгаетъ къ образу, къ яркому слову, къ оригинальной постройкѣ фразы; онъ разсуждаетъ скучно, длинно, безжизненно. Онъ никогда не возвышается надъ обыкновеннымъ уровнемъ мысли средняго человѣка, никогда не бываетъ мыслителемъ. Онъ бездушенъ и потому собственно слога у него нѣтъ. Вы можете читать цѣлыя страницы его передовыхъ статей и все-таки не узнаете, кто ихъ авторъ. У Каткова нѣтъ стиля, который бы указалъ на его индивидуальность, на его умственный и душевный складъ. Всякій разъ, когда онъ касался какихъ-либо общихъ теоретическихъ вопросовъ, онъ не былъ мыслителемъ, а просто жонглерствовалъ, играя словами. Это доказываетъ лишь одно: у Каткова не было никакой ни политической, ни исторической теоріи, которой онъ бы могъ оправдывать свои политическіе взгляды". И однако этотъ человѣкъ, лишенный той божіей искры, которая именуется настоящимъ литературнымъ и публицистическимъ талантомъ, безспорно, былъ вліятельнымъ писателемъ... На это у насъ теперь имѣется прямое доказательство. Въ августовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* напечатано письмо извѣстнаго графа М. Н. Муравьева (1866 года), въ которомъ графъ счелъ необходимымъ обратиться къ содѣйствію Каткова. „Я рѣшаюсь обратиться къ вамъ,—пишетъ графъ Муравьевъ,—съ просьбой не отказать своимъ всегда теплымъ и радушнымъ содѣйствіемъ въ настоящее трудное время для окончательнаго поборенія той нравственной заразы, которая такъ сильно и почти повсемѣстно проникаетъ уже во всѣ слои общества, и въ особенности среди молодого нашего поколѣнія. Теперь необходимо могучимъ вашимъ перомъ поразить гидру крамолы, безвѣрія и разврата, исходящихъ изъ соціализма и нигилизма, столь гласно и безнаказанно распространявшихся преимущественно петербургской прессою. Дѣло это такъ важно въ настоящее время, когда приготовляется статья для ознакомленія публики съ ходомъ слѣдственнаго дѣла, что я рѣшился васъ просить пріѣхать въ Петербургъ для личнаго по сему предмету объясненія дабы общими силами достигнуть желаемой цѣли".

Вотъ когда читаешь подобныя строки, съ особенной силой и яркостью встаетъ вопросъ о причинахъ вліянія такого человѣка, какимъ былъ знаменитый покойный публицистъ. И этотъ вопросъ не праздный и въ настоящее время. Вѣдь та аудиторія, къ которой обращался собственно Катковъ, о мнѣніи которой онъ только и заботился, не измѣнилась и въ настоящее время. Князь Мещерскій удивляется, почему это Каткова его противники называли доносчикомъ. И, конечно, онъ правъ. Катковъ былъ только привилегированнымъ докладчикомъ для извѣстной, очень опредѣленной аудиторіи. Докладчикъ же можетъ быть очень вліятельнымъ, не обладая талантами публициста. Отъ него требуются совсѣмъ иныя качества, къ литературѣ никакого отношенія не имѣющія. Изъ исторіи нашей общественной жизни Каткова не вычеркнешь, но въ исторіи нашей литературы мѣсто его незначительно.

---

# Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 сентября по 1 октября 1897 г.

---

**Абрамовъ, Я. В.** Ибсенъ и Бьернсонъ. Литературная характеристика. Съ двумя портретами. Изд. М. Городецкаго. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

**Апостоловъ, Л. Я.** Географическій очеркъ Кубанской области. Тифлисъ, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Аргутинскаго - Долгорукова, А. М., Бочкарева, В. П., и Даниловича, Р. И.** Районъ Тифлисско-Карсско-Эриванской жел. дор. въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Изд. Закавказской жел. дор. Тифлисъ, 1897 г.

**Архангельскаго, А. С.** Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго луцидаріусовъ. Казань, 1897 г.

**А. Т. Г.** Буря. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ, 1897 г. Ц. 50 к.

**Бекетовъ, Е. А.** Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Ред. Н. А. Рубакина. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 35 к.

**Беренъ, М. В.** Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Ред. Н. А. Рубакина. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 30 к.

**Бёмъ - Баверкъ, проф.** Теорія Карла Маркса и его критика. Разрѣш. авторомъ перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ П. И. Георгіевскаго. Спб., 1897 г. Ц. 80 к.

**Варлихъ, В. К.** Важнѣйшія болѣзни нашихъ культурныхъ растеній, причиняемыя паразитными грибами. Болѣзни хлѣбныхъ злаковъ. Съ 1 хромолитографированной таблицей и 19 рисунк. въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

**Виноградовъ, В. И.** Иллюстрированный спутникъ по всей Волгѣ. Нижній-Новгородъ. Ц. 25 к.

**Вольфа, Э.** Раціональное кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ по новѣйшимъ животно - физіологическимъ изслѣдованіямъ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

**Гаспари, Адольфъ.** Исторія итальянской литературы. Т. II. Итальянская литература эпохи возрожденія. Перев. К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1897 г. Ц. 3 р.

**Гатлихъ, Ал.** Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ вечернихъ и приготовит. классовъ, курсъ средній и старшій. Составл. подъ его ред. М., 1896 г. Ц. 20 к.

**Гартлебенъ, А.** Статистическая таблица всѣхъ государствъ земного шара. Пер. съ нѣмецкаго. Подъ ред. П. Р. Фрейберга. Изд. журнала „Естествознаніе и географія". М., 1897 г. Ц. 30 к.

**Гатцукъ, А.** Крестный календарь на 1898 г. М. Ц. 15 к.

**Городни, В. П.** Питомица въ деревнѣ. Жизнь несчастно - рожденныхъ дѣтей, отданныхъ въ воспитательные дома. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

**Грантъ - Аллена.** Жизнь растеній. Популярныя бесѣды. Пер. съ англійск., просмотренный Д. Н. Прянишниковымъ. Съ 51 рис. въ текстѣ. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1897 г. Ц. 60 к.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата позарни цѣни въ поглавнитѣ градовѣ прѣзъ мѣсяцъ май 1897 година. Изд. статистическаго бюро. София, 1897 г.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ поглавнитѣ градове прѣзъ мѣсецъ

Юний 1897 година. Изд. статистическаго бюро. София, 1897 г.

Доклады тверской губернской земской управы по экономическому отдѣлу очередному собранію сессіи 1896 г. Тверь, 1897 г.

Докладъ тверской земской управы по оцѣночному отдѣлу очередному собранію сессіи 1896 г. Тверь, 1896 г.

**Дюмонъ и Филиппонъ.** Начала ручного труда. Тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги.

— Начала ручного труда. Работа изъ картона и бумаги.

— Начала ручного труда. Складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги.

— Начала ручного труда. Построенія—наклеиваніе.

**Закъ, Н., д-ръ.** Переутомленіе учащихся дѣтей. Его сущность, причины и мѣры борьбы съ нимъ. М., 1897 г. Ц. 30 к.

**Засодимскаго, П. В.** Задушевные разсказы. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Збірник праць ріжних авторів. Наша доля. Львів, 1896 г. Ціна 60 кр.

**Златовратскаго, Н. Н.** Сочиненія. Изд. третье, дополненное. Т. I, II. М., 1897 г.

**Ингеницкій, И.** Вредныя насѣкомыя Семирѣчья. Спб., 1897 г.

**Казанскаго, П.** Международный союзъ книговѣдѣнія. Одесса, 1897 г.

— Corpus juris gentium. Одесса, 1897 г.

**Лассаръ-Кона.** Химія въ обыденной жизни. Двѣнадцать популярныхъ лекцій. Пер. подъ ред. В. Ѳ. Тимоѳеева. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

**Любимовъ, Н. М., проф.** О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Публичная лекція. Изд. 2-е безъ измѣненій книжн. маг. А. А. Дубровина. Казань, 1897 г. Ц. 20 к.

— Способы распространенія заразныхъ болѣзней. Публичная лекція. Изд. 2-е безъ измѣненій книжн. маг. А. А. Дубровина. Казань, 1897 г.

**Милль, Д. С.** Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Книга II. Изд. маг. „Книжное Дѣло". М., 1897 г.

**Michaelis, H., et Passy, P.** Dictionnaire phonétique de la langue française. Imprimerie Hesse et Becker. Prix: broché 4 M.=5 Fr.; relié 4,80 M.=6 Fr. Leipzig, 1897 г.

Насѣкомыя и другія животныя, наносящія вредъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Саранча, прусъ и вреднѣйшіе виды кобылокъ. Изд. департамента земледѣлія. Спб., 1897 г.

Научно-образовательная библіотека. **Гетчинсонъ.** Вымершія животныя. Вып. I. Пер. М. В. Павловой, съ предисл. проф. А. П. Павлова. М., 1897 г.

**Нильскій, А. А.** Закулисная хроника. Съ портретами артистовъ. Изд. товарищ. „Общественная Польза". Спб., 1897 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Общество Рязанско-Уральской жел. дор. Экономическія и техническія условія для выбора мѣста товарной станціи. „Москва Рязанско-Уральская". Спб., 1897 г.

Отчетъ стенографическій XXXII очередного новгородскаго губернск. земск. собранія съ 7 по 20 января 1897 г. Новгородъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности Иваново-Вознесенскаго отдѣла за 1896 г. Составленъ секретар. отдѣленія С. Д. Смирновымъ.

Отчетъ правленія Павловской кустарной артели о ея дѣятельности въ 1896 г.

Отчетъ тверской губернск. земск. управы за 1895 г. и приложенія къ нему. Тверь, 1896 г.

Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ.

**Петровъ, Н. В.** Матеріалы для исторіи харьковской городской думы и городского хозяйства Харькова за 25 лѣтъ, съ 1871 по 1896 годъ. Т. I. Харьковъ, 1896 г.

**Петровъ, К. Ѳ.** Русскій языкъ. Опытъ практическ. учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Спб., 1898 г.

Протоколы засѣданія тверского очередного губернск. земск. собранія 6 — 15 февраля и 5—9 марта 1897 г. и приложенія къ нимъ. Тверь, 1897 г.

Пятидесятилѣтіе Чихачевскаго богадѣленнаго дома московск. попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Император. человѣколюбив. общ. 1846—1896 г. Краткая біографія М. Ѳ. Чихачева. М., 1897 г.

**Раунеръ, С. Ю.** Искусственное орошеніе земельныхъ угодій. Пособіе для практиковъ-оросителей. Съ 85 рис. въ текстѣ и отдѣльною картой годовыхъ осадковъ въ Европейской Россіи. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

**Рихтеръ, В.** Учебникъ неорганической химіи. Подъ ред. Явейна. Изд. 9-е. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Рубакинъ, Н. А.** Чудо на морѣ или приключенія на волнахъ и подъ волнами. Разсказъ стараго американскаго моряка. Изд. Т-ва Д. И. Сытина. М., 1897 г. Ц. 10 к.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1896 г. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ губернской управы. Новгородъ, 1897 г.

**Свирскій, А. И.** Несчастныя дѣти. Очерки съ портретами. Изд. М. Городецкаго. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Свѣдѣнія о ветеринарно-санитарномъ состояніи Московской губ. Мартъ 1897 г.

**Семполовскій, А., д-ръ.** Руководство къ разведенію сѣмянъ и улучшенію воздѣлываемыхъ растеній. Съ 25 рис.

въ текстѣ. Изд. Импер. Вольн. Эконом. Общ. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

**Скабичевскаго, М. А.** Новая всеобщая справочная книга и Адресъ-Календарь на 1897 и 1898 гг. 2 тома. М., 1897 г. Цѣна за 2 т. 4 р. безъ перес.

Состояніе хлѣбовъ и травъ въ Костромской губерніи въ первой половинѣ іюня 1897 г. Изд. Костромск. губ. земства. Кострома, 1897 г.

**Спенсеръ, Герб.** Исторія визита. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Статистика за училищата въ княжество България прѣзъ учебната 1894—95 година. Ч. II. София, 1897 г.

Статистика за училищата въ княжество България прѣзъ учебната 1894—95 година. Ч. I. Основни училища. Училища, учители и ученици. София, 1897 г.

Съѣздъ 2-й русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образован. въ Россіи. VI секція. Вып. II. Женскія профессіональныя школы 1895—96 г. М., 1897 г.

Съѣздъ 2-й русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образован. 1895—96 г. Секція реальныхъ училищъ. Ч. I. Подъ ред. секретаря съѣзда С. Д. Исаенкова. М., 1897 г.

Съѣздъ 2-й русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образован. 1895—96 г. Секція реальныхъ училищъ. Ч. II. Подъ ред. секретаря съѣзда С. Д. Исаенкова. М., 1896 г.

Съѣздъ 2-й русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образован. 1896—97 г. Секція реальныхъ училищъ. Ч. III. Подъ ред. И. А. Мирмикова. М., 1897 г.

Съѣздъ 2-й русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образован. въ Россіи VI секція. Вып. I. Постановка обученія рукодѣлію въ общеобразоват. учебн. заведеніяхъ 1895—96 г. М., 1895 г.

Съѣздъ 2-й русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональн. образован. въ Россіи. 1895—96 г. XIII секція. Ручной трудъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Подъ ред. секретаря Н. В. Касаткина. Спб., 1896 г.

**Терешкевичъ, А.** Начало географіи. Ч. I. Курсъ средняго отд. начальныхъ училищъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1898 г. Ц. 65 к.

**Тимоѳеевъ, А. Г.** Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Практическое руководство. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

— Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Уманецъ, Ѳ. М.** Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Урожай 1896 г. въ Костромской губерніи. Изд. костромск. губ. земства. Кострома, 1897 г.

**Ушакъ, Ив.** Поѣздка Глазова за границу. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

**Шерръ.** Всеобщая исторія литературы. Вып. XXII.

**Широкихъ, И.** Основные пріемы повышенія урожаевъ при помощи раціональной культуры полей. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

**Ширяевъ, Н.** Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Съ 93 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

**Шумаковъ, С.** Тверскіе акты. Вып. II. Акты 1649—1761 гг. Изд. тверской ученой архивной коммиссіи. Тверь, 1897 г. Ц. 2 р.

Энциклопедическій словарь. Т. XXI (Нэшвилль—Опацкій). Изд. Брокгаузъ и Ефрона. Спб., 1897 г.

# ОГЛАВЛЕНІЕ

## „Библіографическаго отдѣла".

### I. Книги.


Стр

**Педагогика:** „Народныя чтенія", *В. П. Вахтерова* . . . . . . . . . . . 443

**Критика и публицистика:** „Значеніе А. С. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи русскаго общества и вліяніе монгольскаго ига на Россію". *М. І. Сагарадзе*. — „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ" . . . . . . 446

**Исторія, мемуары:** „Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина". Т. I.—„Записки А. О. Смирновой". Ч. II. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 447

**Юридическія книги:** „Невмѣненіе". *А. Э. Бардскаго*.—„Судебные Уставы Императора Александра II въ Сибири". Сост. *В. Сальмоновичъ* и *Н. Громовъ*.— „Уголовная антропологія на женевскомъ международномъ конгрессѣ". *И. Закревскаго*. — „Отчетъ о занятіяхъ 4-го международнаго уголовно-антропологическаго конгресса". Состав. *И. П. Закревскій* . . . . . . . . . . . . . . . . . . 450

**Языкознаніе:** „Избранныя эпиграммы греческой антологіи". Пер. *В. Алексѣевъ*. 452

**Естествознаніе:** „Естествознаніе и Географія". Научно-популярный и педагогическій журналъ". №№ 1—10, 1896 г. и №№ 1—6, 1897 г.—„Руководство къ приготовленію органическихъ препаратовъ". *Эмиля Фишера*.—„Химія въ обыденной жизни". *Лассаръ-Кона*.—„Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Состав. по К. В. Рейли *Н. Ширяевъ*.—„Учебникъ физіологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ примѣненіи къ практической медицинѣ". *Ландуа*. Пер. подъ ред. *В. Я. Данилевскаго*.—„Guide des excursions du VII Congrès Géologique International". — „Полчаса съ микроскопомъ". Сост. *Эдв. Ланкестеръ*.—„Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ воззрѣніямъ". *В. Рихтера* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 452

**Сельское хозяйство:** „Практическій хозяинъ-птицеводъ или какъ сдѣлать птицеводство доходнымъ". *В. Кука*. — „Каспійско-Волжское рыболовство". Д-ра *А. О. Гримма* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 458

Стр.

**Медицина:** „Учебникъ психіатріи“. *Крафта-Эбинга.*—„Популяризація медицины въ деревнѣ“. *К. М. Языкова.* — „Учебникъ фармакологіи“. *Б. Шапиро.*— „Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней“. *Penzoldt'a* и *Stintzing'a.*—„Новое manuale pharmaceuticum“. *E. Dieterich'a* . . . . . . . . . . 459

**Дѣтскія книги:** „Давидъ Гривъ“. *Гемфри Уордъ.* Пер. (въ сокращеніи) съ англ. *А. Каррикъ.* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 461

## II. Періодическія изданія.

„Новое Слово“, *августъ.* — „Вѣстникъ Европы“, *сентябрь.*—„Сѣверный Вѣстникъ“, *сентябрь.* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 462

## III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1897 г.

---

режденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями **магазинъ** проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней**, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногородныхъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

---

## Библіотека „Русской Мысли".

**Сенкевичъ, Г.** Черезъ степи. Ц. 40 к.
**Ремезовъ, М.** Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
**Альбовъ, М.** Юбилей. Ц. 1 р.
**Баранцевичъ, К.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
**Ожешкова, Э.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
**Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
**Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
**Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.
**Немировичъ - Данченко, Вл.** Драма за сценой. Ц. 1 р.
**Немировичъ - Данченко, Вас. И.** Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

---

## Научно-популярная библіотека „Русской Мысли".

(*подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева*).

**Нассе, Э. и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
**Пере, Б.** Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
**Дюкло, Э. Пастёръ.** Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.

---

## Изданія находящ. на складѣ и др.

**Айзлеръ, Р.** Психологія. Одесса, 1897 г. Ц. 30 к.
**Алферовъ, А. Д.** Грибоѣдовъ и его пьеса. М., 97 г. Ц. 20 к.
**Андерсенъ.** Избранныя сказки. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
**Аскархановъ, Н.** Учебникъ для молод. солдата полевой артиллеріи. Изд. 4-е, испр. и доп. Спб., 1896 г. Ц. 35 к.
— Учебникъ для молод. солдата пѣхоты. Изд. 3-е, испр. и допол. Спб., 1896 г. Ц. 35 к.
— Книжка для ратника. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.
**Бальдамжъ.** Птицеводство. Перев. съ нѣм. иллюстр. изд. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
**Баранцевичъ, Е. М.** Островъ Критъ и событія на немъ. М., 97 г. Ц. 50 к.
**Беккерледжъ, О.** Спектроскопъ и его изготовленіе. Перев. съ англійск. М., 1897 г. Ц. 50 к.
— Простѣйшій фонографъ и его изготовленіе. М., 1897 г. Ц. 50 к.
**Бертранъ, Луи.** Общества взаимопомощи въ Бельгіи. Ц. 60 к.
**Бланъ, Л.** О разводѣ. Одесса, 97 г. Ц. 15 к.
**Bouffier, H.** Руководство рисованія пастелью для любител. М., 1897 г. Ц. 50 к.
**Бинэ.** Введеніе въ экспериментальную психологію. Ц. 1 р. 25 к.
**Братская помощь** пострадавшимъ армянамъ въ Турціи. Ц. 5 р.
**Бутковъ, А.** Уголовные разсказы и повѣсти. М., 97 г. Ц. 1 р.
**Веберъ, К. К.** Практическое руководство по лѣсопильному производству. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 50 к.
**Веберъ, М.** Биржа и ея значеніе. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
**Веберъ, Р. д-ръ.** Болѣзненная мнительность (ипохондрія). Общедоступн. описан. болѣзни, ея прич., ея лѣч. и ухода за больн. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
**Вегеле, Францъ.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. М., 1891 г. Ц. 3 р.
**Вейсъ, Германъ.** Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1,945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и Н. Васильева. Т. I, ч. 1-я. М., 1873 г. Ч. 2-я. М., 1874 г.; Т. II, ч. 2-я. М., 1876 г. Т. III, ч. 1-я и 2-я. М., 1879 г. По 4 р. за каж. час.
**Вербловскій, Г.** Вопросы русскаго гражданскаго права и процесса. Ц. 2 руб. 50 к.
**Верещагинъ, В. В.** Наполеонъ I-й въ Россіи, М., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
**Вернеръ, Карлъ д-ръ.** Массажъ. Пер. съ 12-го нѣм. изд., съ 11 рисунк. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.
**Виноградовъ, П.** Учебникъ всеобщей исторіи. 3 ч. Ц. 2 р. 40 к.
— Хрестоматія по исторіи среднихъ вѣковъ. Ц. 1 р. 50 к.
**Водовозовы, М. и Н.** Изданія: Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.
— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.
— Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.
— Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.
**Водовозовъ, В. И.** Очерки изъ русской исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Разсказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к.; вып. II. Ц. 60 к.

**Водовозовъ, Н.** Экономическіе этюды. М., 97 г. Ц. 2 р.

**Вольфсонъ, В. Д.** Гигіена волосъ. Краткое наставл. къ сбереж. волосъ и предохран. ихъ отъ преждевр. выпад. и посѣдѣнія. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

**Вольфъ, Э., проф.** Раціональное кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести союза русскихъ писателей. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

**Вюильменъ.** Біологія растеній. 1897 г. Ц. 50 к.

**Габричевскій, Г. Н.** Бубонная чума. М., 97 г. Ц. 25 к.

**Hausser.** Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

**Гаггаръ, Ридеръ.** Открытіе клада короля Соломона. Пер. съ англ. съ 26 рис., на вел. бум., въ роск. перепл. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

**Гаммондъ и Э. Би.** Электрическое освѣщеніе въ домашнемъ быту. М., 1897 г. Ц. 75 к.

**Гаймъ, Р.** Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. Ц. 5 р. Т. II. Ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. М., 1891 г. Ц. 5 р.

**Гаспари, А.** Исторія итальянской литературы. Т. II-й. М., 1897 г. Ц. 3 р.

**Гаспари.** Исторія итальянской литературы. Т. II. Изд. Солдатенкова. М., 1897 г. Ц. 3 р.

**Гаршинъ.** Собр. соч. въ 3 кн. Ц. 3 р.

**Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Съ 4 нѣм. изд. 1892 г. Пер. Н. И. Ржондковскій подъ редак. проф. Моск. универ. Н. О. Нерсесова. Вып. I. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. II. Торговыя сдѣлки. ред. прив.-доц. Моск. унив. Гжакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

**Гексли.** О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Ц. 60 к.

**Гельмгольцъ, Г.** О сохраненіи энергіи. Спб. Ц. 15 к.

**Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 порт.). М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Германъ, Ф. Л. д-ръ.** Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Сѣверіе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

**Герцбергъ. Г. Ф.** Исторія Византіи. М., 1897 г. Ц. 4 р.

**Герценъ.** Общая физіологія души (2-е изд.), 1894 г. Ц. 75 к.

**Гёте.** Германъ и Доротея. Эпическая поэма. Пер. съ нѣм. Изд. Іогансона. К., 1897 г. Ц. 25 к.

**Гёте.** Фаустъ, ч. 1-я. М., 97 г. Ц. 1 руб. 25 к.

**Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I и II. Цѣна I-го т. 1 р. 50 к., II-го т. 2 р.

**Гётчинсонъ.** Вымершія чудовища. М., 1897 г. Ц. 12 к.

**Гёфдингъ.** Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

**Гиббинсъ, Г.** Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека, № 1. Спб., 1885 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Ч. I. Ц. 4 р. М., 83 г. Ч. II. Ц. 4 р. М., 83 г. Ч. III. Ц. 4 р. М., 84 г. Ч. IV. Ц. 3 р. 50 к. М., 84 г. Ч. V. Ц. 3 р. 50 к. М., 85 г. Ч. VI. Ц. 3 р. 50 к. М., 85 г. Ч. VII. Ц. 3 р. 50 к. М., 86 г.

**Гиддингсъ, Ф. Г.** Основанія соціологіи. Анализъ явленій ассоціацій и соціальной организаціи. Перев. съ англійскаго Н. Н. Спиридонова. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. М. Корсакъ. М., 1881 г. Ц. 4 р.

**Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государственныхъ учрежденій въ Англіи. Пер. подъ ред. С. А. Венгерова. М., 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

**Гоголь.** Собр. соч. въ 5 т. Ц. 6 р.

**Гончаровъ.** Собр. соч. 9 т. Ц. 13 р. 50 к.

**Gofferse.** Пріемы шаблонной формовки, устраняющей изготовленіе моделей для многихъ чугунныхъ отливокъ. Съ Атласомъ. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Градовскій.** Государственное право важнѣйшихъ Европ. державъ. Ц. 3 р.

**Грибоѣдовъ.** Собр. соч. Ц. 1 р.

**Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣйшей исторіи (6-е изд.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

**Григоровичъ, Д. В.** Собр. соч. 10 т. Ц. 15 р.

**Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX в. Пер. подъ ред. Лучицкаго. Въ 4-хъ т., по 4 р. за каждый томъ.

**Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.

**Грэхэмъ.** Ж. Ж. Руссо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

**Гурвичъ.** Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Дайси.** Основы государственнаго права Англіи. Ц. 2 р. 50 к.
**Данилевскій, Н. Я.** Душа и природа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
**Дарвинъ, Ч.** Выраженіе душевныхъ волненій. Изд. съ 11 рис. 6 автотип. Спб., 1896 г. Ц 1 р. 40 к.
— Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Въ 2-хъ ч. Изд. д-ра философіи Филиппова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Путешествіе на кораблѣ „Бигль". Изд. д-ра филос. Филиппова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Происхожденіе видовъ въ изложеніи Анны Трачевской. Съ порт. Ч. Дарвина. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
**Дерюжинскій, В. Ф.** Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. М., 1897 г. Ц. 40 к.
**Достоевскій, Ѳ. М.** Собраніе соч. 12 т. Ц. 10 р.
— Мужикъ Марей. Ц. 10 к.
— Честный воръ. Ц. 10 к.
— Бѣдные люди. Ц. 15 к.
— Лѣтняя пора. Ц. 10 к.
— Вѣрующія бабы. Ц. 5 к.
— Записки изъ Мертваго дома. Ц. 2 р.
— Для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. А. В. Круглова. Ц. 2 р.
**Драгилевъ, Ст. Ф.** Общій взглядъ на высшее право. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.
**Дрейфусъ, Ф.** Міровая и соціальная эволюція. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
**Дройзенъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1893 г. Т. III. Пер. Циммермана. М., 1893 г. Ц. 4 р. 50 к.
**Дюкло, Э. Пастёръ.** Броженіе и самозарожденіе. Перев. подъ редак. и предислов. К. Тимирязева. М., 1897 г. Ц. 40 к.
**Дюмурье, Жоржъ.** Трильби. Ром. въ 8 ч. Пер. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 60 коп.
**Дюфренъ, Жанъ.** Руководство къ изученію шахматной игры. Перев. съ 6-го нѣмец. изд. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
**Елагинъ, П. Н.** Куры, индѣйки, гуси, утки и уходъ за ними. Съ 50 рис. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
**Елпатьевскій.** Учебникъ по русской исторіи. Ц. 1 р. 30 к.
**Жеденевъ, Н.** Дѣти-работники. Разсказъ. Иллюстр. изд. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
— Крестьянскія дѣловыя и частныя бумаги (32 формы). Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
**Жираръ, У.** Улучшенная культура картофеля. М., 97 г. Ц. 20 к.
**Жуковскій.** Собраніе сочиненій. Въ 4 т. Ц. 5 р.
**Жукъ, В. Н.** Мать и дитя. Изд. 6-е. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.
**Жюссеранъ.** Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Ц. 1 р. 25 к.
**Забѣлинъ.** Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
**Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. М., 97 г. Ц. 1 р.
**Зелинскій, В.** Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Ч. V. М., 1897 г. Ц. 1 р.
**Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. М., 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.
**Зигертъ, В.** Грѣхи юности. Одесса, 97 г. Ц. 30 к.
**Ибсенъ, Г.** Сочиненія. Т. V.
***Ивановскій, В. Н.** Къ вопросу объ апперцепціи. М., 1897 г. Ц. 30 к.
**Иванюковъ, И. И.** Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 р.
**Ивинъ, А.** Библіотека маленькаго читателя въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Иллюстр. изд. М., 1897 г. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 к.
**Изданія** историческаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ (годъ I). М., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
**Ierингъ.** Борьба за право. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
**Іодль.** Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
**Кантъ, Иммануилъ.** Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
**Карбе.** Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. М., 95 г. Ц. 20 к.
**Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
**Карновичъ, Евг.** На высотѣ и на долѣ. Историч. романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Малтійскіе рыцари въ Россіи. Истор. ром. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
— Любовь и корона. Истор. ром. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Самозванныя дѣти. Истор. ром. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
**Каро, Э.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р.
**Кернъ, Э. Э.** Овраги, ихъ закрѣпленіе. М., 1897 г. Ц. 75 к.
**Кирхманъ, Ф.** Философія. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
**Кирхнеръ.** Исторія философіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
**Ковалевскій, М.** Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. 2 т. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.
— Происхожденіе современной демократіи. Т. 3 и 4. Цѣна по 2 р.
**Конторовичъ.** Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
**Корелинъ, М. С.** Итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. I и II. М., 1892 г. Цѣна за оба вып. 6 р.
— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ Политехническ. музеѣ въ 1891—1892 гг. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
**Коренблитъ.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXXII. М., 1897 г. Ц. 40 к.
**Коркуновъ.** Русское государственное право. Т. I и II. Цѣна по 2 р. 50 к.
— Лекціи по общей теоріи права. Ц. 2 р.
**Кратцъ, Генрихъ.** Воспитаніе души (Опытъ популярн. психологіи). Пер. съ нѣм. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.
**Кругловъ.** Геніальный поморъ (изд. 2-е, съ 10 рисунками). М., 1897 г. Цѣна 25 к., въ папкѣ 35 к.
— Господа-крестьяне. Деревенскіе силуэты. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
**Куно-Фишеръ.** Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣм. подъ редакц. Преображенскаго. Ц. 3 р.
**Курціусъ, Эрнстъ.** Т. II. Перев. А. Веселовскаго. М., 1883 г. Ц. 5 р. Т. II. Перев. М. Корсакъ. М., 1880 г. Ц. 4 р.
**Лависъ, Э.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
**Лависъ и Рамбо.** Всеобщая исторія. Т. I. М., 1896 г. Ц. 3 р.
**Лависсъ и Рамбо.** Всеобщая исторія. Т. III-й. М., 1897 г. Ц. 3 р.
**Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Перев. П. Николаева. 3 т. Цѣна кажд. тома 4 р.
**Лансонъ, Г.** Исторія французской литературы, т. I-й. М., 97 г. Ц. 3 руб. 50 коп.
**Лассаръ-Кона.** Химія въ обыденной жизни. Двѣнадцать популярныхъ лекцій. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
**Леббокъ.** Какъ надо жить. М., 97 г. Ц. 75 к.
**Левитовъ.** Собраніе сочиненій. Въ 2 т. Ц. 2 р. 50 к.
**Легувэ.** Чтеніе какъ искусство. Перев. съ 31-го фр. изд. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
**Лейбницъ, В. Г.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочин. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. М., 1890 г. Ц. 2 р.
**Лермонтовъ.** Собран. соч. Ц. 1 р.
**Лессингъ.** Натанъ Мудрый. Пер. Крылова. Съ 35 иллюстраціями. Ц. 6 р.
**Липпертъ, Ю.** Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
**Магаймъ.** Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
**Мало, Г.** Безъ семьи. Спб., 97 года. Ц. 50 к.
**Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Зарницы. М., 97 г. Ц. 75 к.
**Марксъ, К.** Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.
**Мартъ, Констанъ.** Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Перев. М. Корсака. М., 1879 г. Ц. 2 р.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861 — 1862 гг. Т. I. М., 1890 г. Ц. 2 р.
**Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Перев. В. Корша. М., 1880 г. Ц. 2 р. 75 к.
**Маэль, П.** Робинзонъ и Робинзона. Пер. съ франц., съ 52 рис. къ текстѣ, на велен. бумагѣ, въ роскош. перепл. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
Мемуары Горона, бывшаго начальника Парижской сыскной полиціи. Спб. Ц. 1 р.
**Мензисъ.** Исторія религіи. Ц. 1 р.
**Миллеръ, Дж.** Нашимъ юношамъ дружескіе совѣты. Перев. съ английск. Спб., 1897 г. Ц. 10 к.
— Молодымъ дѣвушкамъ дружескіе совѣты. Перев. съ англійск. Спб., 1897 г. Ц. 10 к.
**Милль, Джонъ-Стюартъ.** Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.
**Милюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
— Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I и II. Ц. 2 р. 50 к.
**Минто.** Индуктивная и дедуктивная логика. Ц. 1 р. 75 к.
**Михневичъ, В.** Русская женщина XVIII ст. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
**Моминъ, Ѳ.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I. М., 1887 г. Ц. 6 р. Т. II и III. М., 1887 г. Ц. 7 р. Т. V. М., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
**Мольеръ.** Скупой. Ком. въ 5-ти дѣйст. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 25 к.
— Мѣщанинъ въ дворянствѣ. Ком. въ 5-ти дѣйст. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 25 к.
**Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Перев. съ 4-го англійск. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англійск. В. Н. Невѣдомскаго. М., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Дидро и энциклопедисты. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

**Мюллеръ, Евгеній.** Юность знаменитыхъ людей. Перев. съ франц. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

— Дѣвочка - Робинзонъ. Иллюстр. изд. 27 рисун. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

**Навиль.** Что такое философія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Найтингель, миссъ.** Какъ нужно ухаживать за больными. Перев. съ 28-го англійск. изд. В. Д. Вольфсономъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

**Настольный энциклопедическій словарь**, подъ редак. прив.-доц. С.-Петербургск. университета П. И. Вейнберга. Вып. I. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

**Начала ручного труда.** Построенія—наклеиванія.

— Работы изъ картона и бумаги.

— Тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги.

— Складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги. М., 1897 г. Цѣна кажд. вып. 40 к.

**Нейсонъ, А.** Практическое руководство къ постройкѣ лодокъ. М., 96 г. Ц. 80 к.

**Некрасовъ.** Собр. соч. 2 т. Ц. 5 р.

**Никитинъ.** Собр. соч. 2 т. Ц. 4 р.

**Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Новгородцевъ, П.** Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Новицкій, А.** Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство. М., 97 года. Ц. 1 р.

**„Общедоступная медицинская библіотека“**, выпускаемая докторомъ М. Мильманомъ. Вып. I. Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ. Одесса, 97 г. Ц. 20 к. Вып. II, О ревматизмѣ. Одесса, 97 г. Ц. 20 к.

**Оглоблинъ, В. Н.** Колористическій сборникъ обозрѣнія литературы за 1895 г. По техникѣ красящихъ веществъ, бѣленія, крашенія и печатанія хлопчатобумажнаго товара. М., 1897 г. Ц. 5 р.

**Одарченко, К. Ф.** Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Оппель, Карлъ, д-ръ.** Чудеса древней страны пирамидъ. Перев. со 2-го нѣм. изд. Съ 182 рис. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

**Оровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 60 к.

**Оттоленгуи, Р.** Пуговица - камея. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

**Павловъ-Силиванскій, Н.** Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб., 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Павловъ, А. П.** Полвѣка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. М., 1897 г. Ц. 40 к.

**Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.

**Пейо.** О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. Спб. Ц. 50 к.

**Пергаментъ, О. Я.** Галилео Галилей, его жизнь и научная дѣятельность. М., 1897 г. Ц. 25 к.

**Перро, Шарль.** Волшебныя сказки. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

**Петерсъ, д-ръ.** Малокровіе. Гигіеническій уходъ, діэта и лѣченіе. Пер. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

**Петрова, проф.,** съ продолженіемъ проф. Наллеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

**Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

**Писаревъ.** Собр. соч. въ 6 т. Ц. 6 р.

**Писемскій.** Собр соч. 24 т. Ц. 30 р.

**Помяловскій.** Собр. соч. Ц. 2 р. 75 к.

**Потапенко.** Собр. соч. 11 т. Ц. по 1 р. за каждый томъ.

**Правила и программы** для поступленія вольноопредѣляющимся и въ юнкерскія училища. Изд. исправленное по 10-е апрѣля 1897 г., подъ ред. Аскарханова. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

**Программы домашняго чтенія.** Годъ 3-й. Ц. 50 к.

**Пушкинъ.** Собр. соч. Ц. 1 р. 50 к.

**Ревонъ, Мишель.** Жозефъ де-Мэстръ. Философія войны. Пер. Н. Распопова. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

**Рейсъ, К., д-ръ.** Гигіена, діэта и лѣченіе желудка и кишекъ. Пер. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

**Реклю, Э.** Современные политическіе дѣятели. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

**Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

**Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективной памяти. Переводъ съ франц. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

**Рибо, д-ръ.** Психологія чувствъ, въ 2-хъ ч. Пер. съ франц. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

— Психологія вниманія. Перев. съ 3-го французск. изд. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1897 г. Ц. 30 к.

**Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Перев. Е. Корша. М., 1888 г. Ц. 2 р.

**Рихтеръ, К.** Гальваническое цинкованіе желѣза. М., 97 г. Ц. 50 к.

**Рохау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

**Rose, J.** Паровыя машины. М., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Золотниковое парораспредѣленіе въ паровыхъ машинахъ, съ атласомъ. М., 1897 г. Ц. 3 р.

**Русская азбука.** Роскошное иллюстрированное изд. подъ редакц. Аскарханова. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

**Рѣшетниковъ.** Собр. соч. въ 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

**Сборникъ рисунковъ дамской и мужской обуви.** М. Ц. 2 р.

**Сборникъ рисунковъ разныхъ издѣлій изъ мѣди, бронзы, серебра, золота и пр.** М. Ц. 3 р.

**Сборникъ рисунковъ драпировокъ для оконъ, дверей и проч. и мягкой мебели,** въ 2-хъ вып. цѣна каждаго 2 руб. Москва.

**Сборникъ рисунковъ токарныхъ и рѣзныхъ работъ,** въ 3-хъ вып. цѣна каждаго 2 р. М.

**Сборникъ рисунковъ мягкой мебели.** М. Ц. 1 р. 75 к.

**Сборникъ рисунковъ экипажей, саней, платформъ, телѣжекъ и легковой и ломовой упряжи.** М. Ц. 2 р.

**Сборникъ рисунковъ ажурныхъ работъ и станковъ.** М. Ц. 1 р.

**Сборникъ рисунковъ кузнечныхъ работъ желѣзныхъ рѣшотокъ, воротъ, оградъ и пр.,** въ 3-хъ вып. М. Ц. каждаго вып. 1 р. 50 к.

**Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по разнымъ ремесламъ.** М., 95 г. Ц. 1 р.

**Сборникъ рисунковъ мебели, столярныхъ и плотничныхъ издѣлій,** въ 3-хъ вып. Цѣна каждаго 2 р. М.

**Сёлли, Джемсъ.** Основы общедоступной психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Изд. второе, исправл. и дополненн. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 35 к.

**Скворцовъ, Ѳ.** Руководство къ успѣшной рыбной ловлѣ. Изд. второе, съ 44 рисунк. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

**Скуйе, Александръ.** Рай земной. Очерки и разск. Ч. II-я. М., 1897 г. Ц. 40 к.

**Соколовъ, А. П.** Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

**Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** Съ Поволжья. М., 97 г. Ц. 60 к.

**Соловьевъ, С.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ въ 6 книгахъ. Спб., 1895 г. Ц. 24 р.

**Спенсеръ, Гербертъ.** Начало соціологіи (Обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основныя начала. Перев. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Воспитаніе: умственное, нравственное и физическое. Ц. 85 к.

— Справедливость. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

**Стороженко, Н. И.** Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. М., 1897 г. Ц. 20 к.

**Сюзевъ, А.** Производство жестяныхъ работъ. М., 96 г. Ц. 1 р.

**Тардъ, Г.** Происхожденіе семьи и собственности. Перев. съ французск. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

**Тимирязевъ, К.** Растеніе и солнечная энергія. М., 1897 г. Ц. 40 к.

**Токвиль.** О демократіи въ Америкѣ. Ц. 2 р. 50 к.

**Толстой, Л. Н.** Собр. сочин. 14 т. Ц. 10 р.

**Торнау.** Историческій атласъ по русской исторіи. Ц. 1 р.

**Топеліусъ, З.** Сказки, пер. со шведскаго. Иллюстр. изд. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 30 к., въ перепл. 2 р. Изд. удешевленн. „Дешевая иллюстрир. библіотека“ 25 коп.

**Трайль, Г. Д.** Общественная жизнь Англіи, т. II-й. М., 97 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 89 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Русская исторія, 2-е испр. изд. съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскраш. картинами, въ 2 част. Спб., 1895 г. Ц. 8 р., въ перепл. 9 руб. 60 к.

**Трубецкой, Евгеній., кн.** Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Троицкій, М.** Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Ц. за оба тома 6 р.

— Учебникъ логики. Ц. 4 р. 35 к.

**Тургеневъ, И. С.** Собр. соч. 10 т. Ц. 15 р.

**Уордъ, Г.** Давидъ Гривъ. Спб., 97 года. Ц. 50 к.

**Успенскій, Г.** Собр. соч. въ 3-хъ т. Ц. 4 р. 50 к.

**Урбаницкій, Альфредъ, д-ръ.** Домашній электротехникъ. Иллюстрир. изд. съ 206 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

**Учебный винокуренный заводъ, красноуфимскаго промышленнаго училища.** Съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ. М., 1897 г. Ц. 60 к.

**Файоръ, Ч. А.** Исторія Европы XIX в. Т. III. Перев. подъ ред. Лучицкаго. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц 1 р.

**Финлей, Георгъ.** Греція подъ рим-

скимъ владычествомъ. Пер. Соф. Никитенко. М., 1877 г. Ц. 4 р.

**Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

**Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

**Фонвизинъ.** Собр. соч. Ц. 1 р.

**Франкфуртъ, С. Л.** Химико-техническіе методы изслѣдованія строительныхъ матеріаловъ. М., 1897 г. Ц. 80 к.

**Фриманъ, Эдуардъ.** Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. М., 1893 г. Ц. 2 р.

— Опыты по исторіи англійской конституціи. Ц. 2 р.

**Фуллье, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

**Фюстель де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Химическое изслѣдованіе наиболѣе употребительныхъ покрасокъ по желѣзу. М., 1897 г. Ц. 35 к.

Хрѣновскій заводъ. Составленъ по распоряженію главнаго управленія государственнаго коннозаводства. Подъ ред. Ю. И. Юрлова. Спб. Ц. 8 р.

**Целлеръ.** Очеркъ исторіи греческой философіи. Пер. съ нѣм. М. Некрасова, подъ ред. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Целлулоидъ и его обработка. М., 1897 г. Ц. 20 к.

**Чаннингъ, Э.** Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

**Чичеринъ, Б. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ государственной науки. Ч. I.

—Общее государственное право. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Ч. II. Соціологія. М., 1896 г. Ц. 3 руб.

— Собственность и государство. Т. I-й. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II-й. М., 1883 г. Ц. 4 р.

— Очерки Англіи и Франціи. М., 1858 г. Ц. 1 р.

— Исторія политическихъ ученій. Части 2-я, 3-я и 4-я. Цѣна каждой части 3 руб.

Что это такое? Наглядное обученіе по картинкамъ, что мы видимъ дома, на дворѣ, въ лѣсу и въ полѣ. Иллюстрир. изд. для дѣтей съ 165 картинками, отпечатанн. краск., подъ ред. Аскарханова. Спб. Ц. 60 к.

**Членовъ, Е. В.** Глухонѣмые и ихъ обученіе въ Западной Европѣ и въ Россіи. М., 1897 г. Ц. 1 р.

**Шаховъ.** Гёте и его время. Лекціи по нѣмецкой литературѣ. Ц. 1 р. 25 к.

**Шекспиръ.** Мысли и афоризмы. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

**Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV. М., 1897 г. Ц. 5 р.

**Широкихъ, И.** Основные пріемы повышенія урожаевъ при помощи раціональной культуры полей. Съ главой изъ книги П. А. Костычева. „Борьба съ засухами“. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

**Ширяевъ, Н.** Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Съ 93 рисунками въ текстѣ. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

**Шмоллеръ.** Наука о народномъ хозяйствѣ. Ц. 50 к.

**Штолль, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб., 1880 г. Ц. 2 р.

— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

**Эшли, Ч.-Дж.** Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономическою теоріей. М., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Элегантность женщинъ. Туалетъ, прическа, духи, красота лица. Пер. съ франц. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.

**Яновскій, А. П.** Удобреніе фосфоритомъ. М., 95 г. Ц. 20 к.

**Янсенъ, И.** Экономическое правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

**Яцкевичъ, И.** Альбомъ столярныхъ рисунковъ. М., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.

---

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

*К. С. Баранцевичъ*, проф. *И. И. Борманъ*, *С. Н. Булгаковъ*, *В. П. Быстренинъ*, *Ю. Н. Вагнеръ*, *В. Вересаевъ*, проф. *П. Г. Виноградовъ*, *В. В. Водовозовъ*, *Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій)*, *М. О. Гершензонъ*, *М. Горькій (А. М. Пѣшковъ)*, *И. А. Гурвичъ*, *К. Ельцова*, *А. М. Калмыкова*, *Л. Ф. Крживицкій*, проф. *П. Ф. Лесгафтъ*, *Г. А. Мачтетъ*, проф. *П. Н. Милюковъ*, *В. Г. Михайловскій*, *Вл. И. Немировичъ-Данченко*, *А. А. Никоновъ*, проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*, *А. В. Погожевъ*, *В. А. Поссе*, *И. Н. Потапенко*, *Д. Д. Протопоповъ*, *В. Я. Свѣтловъ*, *М. Н. Семеновъ*, *П. Б. Струве*, *В. Л. Сѣрошевскій*, *М. И. Туганъ-Барановскій*, *В. А. Фаусекъ*, *Максъ Ферворнъ* (проф. Іенскаго унив.), *Ив. Франко*, проф. *Н. А. Холодковскій*, *Е. Н. Чириковъ*, *Т. Цигенъ* (Th. Ziehen, проф. Іенскаго унив.), *А. С. Шабельская*, *О. А. Шапиръ*, проф. *Ф. Ф. Эрисманъ*, *А. И. Эртель*, *В. Я. Яковлевъ* и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. на годъ (съ 1-го октября 1897 г. по 1-е октября 1898 г.) 10 р., на полгода 5 р., на три мѣс. 2 р. 50 к., безъ пересылки на годъ 9 р.; съ пересылкою за границу на годъ 12 р.; отдѣльная книжка журнала 1 р.

*Контора редакціи*: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1. *Отдѣленія конторы*: Въ С.-Петербургѣ—1) *Библіотека Черкесова*, Невскій пр., д. 54; 2) Книжный складъ *А. М. Калмыковой*, Литейный пр., № 60. Въ Москвѣ: книжный магазин *Трудъ*, Тверская, д. Спиридонова.

Редакторъ *А. Н. Поповъ*. Издатель *М. Н. Семеновъ*.

# Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ:

Печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе зимы 1897/8 года

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

# Н. С. ТИХОНРАВОВА

въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора (геліогравюра Блехингера въ Вѣнѣ) и съ приложеніемъ статьи А. Н. Пыпина.

Т. I. ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Задачи исторіи литературы и методы ея изученія.—Ложныя и отреченныя книги древней Россіи (шесть очерковъ).—Девгеніево дѣяніе.—Хожденіе Варсонофія въ Св. Землю. — Люцидарій. — Шемякинъ судъ.—Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской.—Повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ. Стоглавъ.—Калѣки перехожіе.

Т. II. НОВАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (XVII и XVIII вѣкъ).—Вступительная лекція къ курсу исторіи новой русской литературы. — Статьи по исторіи русскаго театра.—Московскіе вольнодумцы начала XVIII в.—Квиринъ Кульманъ.

Т. III. НОВАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (XVIII и XIX в.). — Ломоносовъ къ исторіи Московскаго университета. — Фонъ-Визинъ. — Новиковъ. — Рубанъ. — Костровъ.—Литературныя мелочи неурожайнаго 1786 года.— Русскія былины по рукописямъ XVIII в.—Записки М. А. Дмитріева.— Карамзинъ.— Евгеній Болховитиновъ.—Графъ Растопчинъ.—Гнѣдичъ.—Жуковскій.—Пушкинъ.—Гоголь.—Тургеневъ.

**Цѣна по подпискѣ 6** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится **2** рубля и при полученіи первыхъ двухъ томовъ по **2** рубля. По выходѣ въ свѣтъ всего изданія цѣна будетъ **7** руб. **50** коп.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ МАГАЗИНАХЪ:**

*Новаго Времени* (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Саратовѣ), *Карбасникова* (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ), *Оглоблина* (въ Кіевѣ), *Дубровина* (въ Казани).

Гг. иногородніе, подписывающіеся непосредственно въ складѣ издателей, за пересылку не платятъ.

*Складъ изданія въ Москвѣ, на Арбатѣ, д. № 28, контора М. и С. Сабашниковыхъ.*

алгебрѣ, геометріи и тригонометріи, предлагавш. на конкурсн. экзам. высшихъ спец. учебн. завед. М., 1897 г. Ц. 2 р.

Смирновъ. В. Д. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена. Біографическ. наброски. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Соколовскій, С. Календарь для учителей и лицъ служащихъ по учебн. вѣдомству 1897—1898 учебн. годъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Исторія визита. Спб., 1898 г. Ц. 15 к.

— Философія въ сокращенномъ изложеніи Говарда Комменса. Перев. П. В. Мокіевскаго. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Уманецъ, Ѳ. М. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чечуевъ, М. И. Муза моряка. Стихотворенія. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Широкихъ, И. Основные пріемы повышенія урожаевъ при помощи раціональной культуры полей. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Южный, А. (А. Н. Лихтерманъ). Покинутый. Эскизы, наброски, штрихи. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Стр.

XV. ВОПРОСЪ О НАЕМНЫХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.—**Е. Варбъ** . . . . . . . . . . . . . . . . . 148

XVI. PRO DOMO SUA. (Письмо въ редакцію). — **Дмитрія Петрушевскаго** . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 175

XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 196

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Земство на окраинахъ. — Наша печать и польскій вопросъ. — Народное образованіе и *Гражданинъ*. — Убыточность протекціонизма. — Важное рѣшеніе сената. — Неурожай и статистика. — О задачахъ университета. — Юбилей Н. Н. Златовратскаго. . . . . . . . . . . . 211

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **В. А. Г.** . . . . . . . . . 225

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. *Малый театръ*: «Вава», комедія г-жи Кетсиръ. — «Отверженный», драма г. Нотовича. — «Пашенька», драма Н. Л. Персіяниновой. — «Защитникъ», драма въ 4-хъ актахъ Н. И. Тимковскаго. — **Ан.** . . . . . . . 232

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Педагогика. — Критика и публицистика. — Исторія, мемуары. — Юридическія книги. — Языкознаніе. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Дѣтскія книги. II. **Періодическія изданія**: «Новое Слово», *августъ*. — «Вѣстникъ Европы», *сентябрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *сентябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1897 г.** . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 397

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 1

---

**Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—4 ч. дня.**

---

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

---

*При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагаются: объявленіе о подпискѣ на 1897—98 г. на журналъ „Новое Слово“ и объявленіе отъ книгоиздательства О. Н. Поповой.*

# „Русская Мысль".

## ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

---

### Условія подписки на 1897 г.:

(восемнадцатый годъ изданія).

| | Годъ. | 9 мѣс. | 6 мѣс. | 3 мѣс. | 1 мѣс. |
|---|---|---|---|---|---|
| Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . . | 12 р. | 9 р. — „ | 6 р. | 3 р. — | 1 р. |
| За границу. . . . . | 14 „ | 10 „ 50 к. | 7 „ | 3 „ 50 к. | — |

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Р. М.» безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

---

### ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

**Въ Москвѣ:** въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Брюссовскій пер. домъ Вельтищевой, кв. № 28.

**Въ Петербургѣ:** въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Ко, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

**Въ Кіевѣ:** въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

**Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.**

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.


RFID

